Новое Слово

журналъ

научно литературный
и
политическій

ГОДЪ II. КН. 5.

ФЕВРАЛЬ 1897.

В. Зейпель, Гл.

1897 г.—Февраль. № 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XVII—XXII. К. Ельцовой . 1— 49
2. ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ. (*Окончаніе*). Н. Карѣева. . . . . 50— 69
3. ОХРИМЕНКО. (Отрывочныя воспоминанія объ увлекающемся человѣкѣ). Б. Сторожевскаго. . . . . 70—106
4. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. І. М. Кроля. 107—126
5. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. II. I—VIII. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго). . . . . 127—148
6. * * * Стихотвореніе. П. Я. . . . . 149—150
7. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 151—168
8. «ВЪ НАЙМЫ». Авторскій переводъ съ украинскаго. Димитрія Марковича . . . . . 169—181
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. (*Окончаніе*). Е. Грей Вильрайтъ. Перев. О. П. . . . . 182—208

10. ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ. (*Окончаніе*). С. Г—ина. . . . . 1— 21
11. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНІЕ. (Взглядъ на современную Германію). Проф. Іенскаго университета В. Рейна . . . . 22— 33
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Л. О. . . . . 34— 58
13. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика. Критика. Исторія литературы.** Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова, въ 12 т. изд. А. Ф. Маркса.—Мережковскій, Д. С. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы.—Собраніе стихотвореній В. Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакц. И. Ф. Тхоржевскаго.—Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева.—Веселовскій, Алексѣй. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. 2-е перераб. изд.—II. **Исторія. Общественныя науки. Публицистика.** Лависсъ Эрн. и Рамбо Альфр. Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Т. I. Перев. Невѣдомскаго.—Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Т. I. Перев. Л. Ч. подъ редакц. П. Николаева.—

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ,

не вошедшія въ каталогъ изданій 1894—1896 г.г.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Вып. II соч. **Э. Реклю.** Земля и Люди. Всемірная географія.

Бельгія и Голландія.

Полный переводъ съ франц.

Пл. Краснова.

Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, составленныхъ **Д. Протопоповымъ**, и библіограф. указателемъ. Съ 67 рис. и 9 чертежами.

ЦѢНА 1 РУБ.

Первый выпускъ того же сочиненія—**Швеція и Норвегія.** Спб. 1896 г. Ц. 1 руб.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. Наумова.

2 т. Спб. 1897 г. Ц. **3** р.

НА КРАЙ СВѢТА

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Ив. Бунина.

Спб. 1897 г. Ц. **1** р.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, перес. и дополн. по послѣдн. 5-му англ. изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэрдъ, Ч. Исторія реформаціи XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. А. Звягинцева, подъ редакц. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Гольмсъ, Ф. М. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Перев. съ англ. Съ приложеніемъ историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и тунелей въ Россіи, составленнаго П. Красновымъ. 77 иллюстрацій въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ (для младшаго возраста). Переводъ съ англ. З. Журавской. 53 рисунка. Спб. 1897 г. Ц. 50 к. въ папкѣ 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

Бунинъ, Ив. На край свѣта. Кастрюкъ. Ц. 10 к.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Вышелъ новый каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Съ портр. автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Спб. 1896. Ц. безъ перес. 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Спб. 1895 г. Ц. 3 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы Съ рисунками. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 18 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. — Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Нянька. — Матроска. — Генералъ-арестантъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Сочиненія 2 т. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р. 50 к.

Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Тэйлоръ, Эдуардъ Б. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. по 3-му англ. изд., подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. 2 т. Спб. 1896—97 г. Ц. 4 р.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Пер. съ англ. Д. Коропчевскаго. Спб. 1895. 80 к. (*Распродано*).

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Съ 359 рис. и 23 картами. Спб. 1895 (*Всѣ полные экземпляры распроданы*).

Вып. I Ч. I. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша, горы и равнины. Ц. 90 к. (*Вып. I распроданъ*).—Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к.—Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Выц. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Ц. 1 р.—Вып. VI. Ч. VII. Жизнь. Ц. 1 р. 30 к.

Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ прилож. очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіограф. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 76 рис. и прилож. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Пер. съ англ. съ прим. и предисл. А. В. Каменскаго. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Съ прилож. нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи», соч. Эдг. Кине. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки средне-учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. (Opposition sous les Cesars). Пер. съ франц. Е. В. Деге-ма. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. I. Англійская литература (1660—1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II-й.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

„ВО МРАКѢ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ“

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ НОРВЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КОРАБЛѢ «ФРАМЪ».

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ редакціей Н. Березина. Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15-ти), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ картъ и около 200 рисунковъ. Подписная цѣна на все изданіе 3 р. безъ пересылки; съ пересылкой 4 р. 50 к. *). При перес. наложеннымъ платежемъ почта взимаетъ 10 к. за каждый нал. платежъ.

Вып. I вышелъ изъ печати.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54 библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб. Спасская, 15, редакція журнала «НОВОЕ СЛОВО») и Москва, книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ,

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

ЭДУАРДА Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ, исправленное и дополненіе по третьему англійскому изданію, подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО, въ 2-хъ томахъ.

ЦѢНА 4 РУБ.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб., Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54, Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ., Варшава, Москва).

---

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

19440
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 5.

ФЕВРАЛЬ

1897.

Пол. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
56267

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1897 г.—Февраль. № 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XVII—XXII. К. Ельцовой . 1— 49
2. ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ. (*Окончаніе*). Н. Карѣева. . . . . 50— 69
3. ОХРИМЕНКО. (Отрывочныя воспоминанія объ увлекающемся человѣкѣ). Б. Сторожевскаго. . . . . 70—106
4. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. І. М. Кроля. 107—126
5. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. II. I—VIII. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго). . . . . 127—148
6. * * * Стихотвореніе. П. Я. . . . . 149—150
7. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 151—168
8. «ВЪ НАЙМЫ». Авторскій переводъ съ украинскаго. Димитрія Марковича . . . . . 169—181
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. (*Окончаніе*). Е. Грей Вильрайтъ. Перев. О. П. . . . . 182—208

10. ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ. (*Окончаніе*). С. Г—ина. . . . . 1— 21
11. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНІЕ. (Взглядъ на современную Германію). Проф. Іенскаго университета В. Рейна . . . . 22— 33
12. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Л. О. . . . . 34— 58
13. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика. Критика. Исторія литературы.** Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова, въ 12 т. изд. А. Ф. Маркса.—Мережковскій, Д. С. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы.—Собраніе стихотвореній В. Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакц. И. Ф. Тхоржевскаго.—Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева.—Веселовскій, Алексѣй. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. 2-е перераб. изд.—II. **Исторія. Общественныя науки. Публицистика.** Лависсъ Эрн. и Рамбо Альфр. Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Т. I. Перев. Невѣдомскаго.—Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Т. I. Перев. Л. Ч. подъ редакц. П. Николаева.—

Лурбе, Жакъ. Женщина передъ судомъ современной науки. Перев. Е. А. Предтеченскаго.—Голубевъ, П. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края.—Производительныя силы Россіи. Сост. подъ общей редакц. В. И. Ковалевскаго.—Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографич. изслѣдованія. Т. I. . . . . 59— 82

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНОМЪ БЛАГОСОСТОЯНІИ И ПОДАТНОЙ СИСТЕМѢ. **М. Слобожанина.** . . . . . 83— 95

II. УСЛОВІЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ 1896 Г. **Мих. Григорова** . . . . . 95—107

III. СЪѢЗДЪ СИФИЛИДОЛОГОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. (Сифилисъ, какъ бытовая болѣзнь сельскаго населенія). **П. О.** . . . . . 107—118

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Ялты. (Земельный пролетаріатъ въ Крыму). **Г. З—ва.** — Изъ Пензы. (Грамотность въ гемеопатической дозѣ). **В. Быстренина.**—Изъ Якутска. (Къ вопросу о ссылкѣ въ Якутскую область). **Ф. К.**—Изъ Оренбургской губ. (Орское попечительство о народной трезвости). **Влад. П—аго.** . . . . . 118—136

15. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАУМОВЪ. **А. Скабичевскаго.** . . 137—156

16. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. **Куба и Критъ.**—II. **Интересы дня.** Полувѣковой прогрессъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.—Бразильскій мессія.—Фіаско неокатолицизма среди французской молодежи.—Допущеніе женщинъ въ англійскій парламентъ. — Слѣпая и глухая студентка въ Америкѣ.—Смерть Дю-Буа-Реймона. **В. Т.** . . . . . 157—176

17. О ПЕРЕПИСИ. (Замѣтка). **Н. О. Осипова.** . . . . . 177—185

18. ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. **С. К.** . . . . . 186—203

19. ОБО ВСЕМЪ. **О. Барановой.**. . . . . 204—212

20. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ январѣ.

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана.** . . . . . 193—224

Новымъ подписчикамъ, приславшимъ подписку до 1 января 1897 г., при этой книжкѣ высылаются первые семь листовъ сочиненія Жюссерана «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ». (Прил. къ «Нов. Слову» 1895—1896 г.).

При этомъ № разсылается всѣмъ подписчикамъ объявленіе о новыхъ изданіяхъ О. Н. Поповой.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

XVII.

Утромъ, на другой день послѣ крокета, Зину разбудили, въ восьмомъ часу, мягкія движенія нянюшки, которая, подымая штору, вслухъ изъявляла свое неудовольствіе.

— Что ни выдумаютъ! Ни свѣтъ, ни заря на лошадяхъ скакать... Вотъ папаша-то похвалитъ, какъ узнаетъ, что вы надъ собой дѣлаете.

Зина, подумавшая было, что скоро экзаменъ, вспомнила сразу все и рѣшила, что теперь не до спанья. Володя уже ждалъ ее въ столовой и, стоя передъ самоваромъ, какъ дикарь сырое мясо, разрывалъ загорѣлыми, сильными руками горячій калачъ.

— Чортъ знаетъ, твоя нянька,—съ трудомъ выговаривая набитымъ ртомъ и пережевывая, сказалъ онъ ей: — я ей говорю, чтобъ она будила тебя, а она доказываетъ, что ѣзда верхомъ для барышень совершенно лишнее занятіе. Теперь девятый часъ, и намъ, и лошадямъ на этакой жарѣ мука...

Утро, тревожно радостное, весеннее утро сказывалось во всемъ: въ косыхъ, яркихъ лучахъ солнца, пронизывавшихъ столовую, въ короткихъ, голубыхъ тѣняхъ на дворѣ, въ душистой зелени сада, на который Зина вышла полюбоваться и который успѣлъ погустѣть за ночь, въ безпокойномъ щебетаньѣ воробьевъ. По двору деньщикъ водилъ высокаго, вороного Донца, старавшагося укусить равнодушно шагавшаго солдатика; въ конюшнѣ слышался топотъ подкованныхъ ногъ по настилкѣ и кавалерійски пѣвучій крикъ берейтора: „ба-алуй, экъ тебя! Еще что-о?“

На Зинѣ была новенькая суконная амазонка, новая шляпа и толстыя перчатки, успѣвшія пропахнуть поводомъ; въ рукахъ она вертѣла хлыстикъ съ надписью „помни“ на серебряной ручкѣ, подарокъ Володи, который училъ ее ѣздить и гордился этимъ.

Когда, по командѣ берейтора „разъ, два, три“, она легко под-

нялась на его рукѣ и, опустившись въ сѣдло, почувствовала немного страшное и чрезвычайно пріятное ощущеніе движенія подъ собой живого существа, ей стало такъ весело, что она оглянулась на Володю и засмѣялась. И онъ тоже засмѣялся, щеголевато, свободно сидя на лошади, ровняя поводья и окинувъ одобрительно любующимся взглядомъ фигуру сестры и ея бурую, съ лысинкой, полукровную лошадку, казавшуюся ей совершенствомъ породы и красоты.

Въ этой прогулкѣ не было ничего особеннаго. Они двигались шагомъ въ оживающихъ улицахъ города, мимо ремесленныхъ заведеній съ открытыми окнами, мимо обитателей нижнихъ этажей, пившихъ утренній чай и читавшихъ „Московскій Листокъ“, мимо скверовъ и бульваровъ, и за-городомъ, гдѣ пахло травой, и туманная, блѣдно-зеленая даль напоминала Михайловское, и, тѣмъ не менѣе, когда они вернулись, усталые и уже загорѣвшіе отъ солнца, на запотѣлыхъ лошадяхъ, встрѣченные на крыльцѣ генераломъ, который вышелъ посмотрѣть на племянницу, Зину испугала мысль, что она броситъ экзамены...

— Я когда-нибудь тряхну стариной, поѣду съ тобой самъ,— говорилъ Александръ Григорьевичъ, опытнымъ взглядомъ кавалериста разсматривая амазонку:—этотъ дуракъ ничему тебя не выучитъ,—ласково сказалъ онъ про сына:—я ему покажу, что значитъ настоящая, наша школа!

Въ столовой Зина слышала, какъ онъ сказалъ женѣ:

— Я радъ, что у нея лошадь: вошла во вкусъ, я не ожидалъ.

И это опять испугало Зину. Переодѣвшись, она сѣла поспѣшно за занятія. Но вступительная лекція о значеніи искусства казалась ей безконечно длиннымъ, туманнымъ и скучнымъ повтореніемъ на нѣсколькихъ страницахъ одной и той же мысли. Зина старалась понять, вникнуть въ смыслъ того, что читала, но рѣшила, что послѣдній экзаменъ, а также ѣзда верхомъ черезчуръ утомили ее, что надо подождать, и бросила. Торжицкій долженъ былъ, по обыкновенію, пріѣхать въ это утро. Но его не было.

Вечеромъ пришло письмо отъ Николая Григорьевича. Зина легла на диванъ, пододвинувши свѣчу, и, какъ всегда, съ первыхъ строкъ письма жизнь въ городѣ N и даже Михайловское и лицо отца живо воскресли въ ея памяти.

Николай Григорьевичъ благодарилъ ее за письмо, которое очень его обрадовало, и признавался, что послѣднее время очень скучалъ о ней. „Впрочемъ, не придавай, пожалуйста, этому значенія“,—писалъ онъ:—„это время было сравнительно мало дѣла, читать тоже

не могъ, глазъ болѣлъ. Теперь прошелъ, и, вѣроятно, скучать будетъ некогда. Поѣзжай, голубчикъ, непремѣнно пока въ Ольховку, въ Михайловскомъ тебѣ дѣлать нечего, тамъ идетъ стройка, я и самъ не знаю, когда переберусь туда и переберусь-ли, хотя для меня комната свободна". Зина уже знала о новомъ, совсѣмъ ненужномъ хозяйственномъ предпріятіи отца,—перестройкѣ половины стараго Михайловскаго дома, и пожала плечами. Дальше отецъ писалъ: „Братъ жалуется на исторію съ ольховскими мужиками. Вполнѣ ему сочувствую: мерзость такъ за добро платить. Ну, да подмосковный народъ давно развращенъ до мозга костей, я думаю, что ни домъ, то кабакъ. Впрочемъ, и наши-то хваленые мужички хороши. Сердце кровью обливается, какъ на ихъ безобразія посмотришь. Есть у меня на сердцѣ одинъ вопросъ, голубчикъ, давно хочется тебя спросить, да все ждалъ, что ты сама заговоришь. Но послѣднее время меня что-то разобрала такая мнительность... Чортъ его знаетъ, хуже бабы дѣлаешься... Вотъ что, другъ мой, доходятъ до меня разные слухи о Пашѣ Зарубинѣ, а ты, какъ на зло, ни слова о немъ ужъ которое письмо. Прости, голубчикъ, если я грубо касаюсь нѣжнаго мѣста твоей души".

Зина приподнялась на диванѣ; глаза ея расширились и заблестѣли, и все лицо выражало глубокое изумленіе.

„Я объ этомъ много думалъ,—читала она:—„если ты хочешь знать мое мнѣніе о немъ, такъ скажу тебѣ, что я ставлю его высоко, душевно люблю его и всегда съ удовольствіемъ говаривалъ и спорилъ съ нимъ. Онъ, кажется, человѣкъ съ огонькомъ, честный и способный. Такихъ людей теперь, правду сказать, надо цѣнить. Есть въ немъ заблужденія, немножко увлекается разными крайностями, ну, да вѣдь еще онъ, какъ ни какъ, мальчишка. Еслибъ ты его полюбила, мнѣ всегда пріятнѣе было бы видѣть тебя женою Паши Зарубина (я горячо любилъ и уважалъ его отца, хоть и пьяница былъ, покойникъ), чѣмъ кого-либо другого; особенно же эти ваши московскіе франты. А, можетъ быть, все это вздоръ? Оттого и рѣшилъ написать прямо. Вѣдь, въ сущности, пока я слышалъ однѣ сплетни. Напиши мнѣ, не сердясь, дружокъ, прости старику. Я увѣренъ, что Паша-то влюбленъ въ тебя, но, ради Бога, подумай посерьезнѣе. Если все сообразить, онъ все-таки не стоитъ тебя. Ты не возгордись, смотри, я отецъ, стало быть, безпристрастнымъ быть не могу. Но бѣда, если мужа ниже себя ставить будешь. Отвѣть скорѣе. Написалъ пропасть, а еще послѣ болѣзни глаза воздерживаюсь. Христосъ съ тобой, безцѣнный другъ мой. Меня очень тронулъ подарокъ брата тебѣ, лошадь

Добрые они люди и тебя любятъ искренно, а это единственно, чѣмъ меня купить можно. Лидія Васильевна тебѣ вмѣсто матери, дай ей Богъ здоровья за это и всѣмъ имъ всего, всего хорошаго. Крѣпко обнимаю тебя.

Твой Н. Черновъ".

Зина нѣсколько разъ перечла то мѣсто, гдѣ отецъ писалъ ей о Зарубинѣ, и сначала ничего не понимала, потомъ, очень скоро, ей стало ясно все. Она поняла, что отцу ея Лидія Васильевна писала объ ухаживаніи Павла, поняла, что объ этомъ говорятъ, что это слышитъ и знаетъ Лили, и, главное, поняла, что Павелъ влюбленъ въ нее. Уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она старалась увѣрить себя, что влюблена въ этого мальчика, и возможность между ними другихъ отношеній, кромѣ товарищескихъ, не приходила ей въ голову. Но, должно быть, это была правда. Оттого онъ такъ часто приходилъ къ нимъ, оттого они цѣлые вечера говорили, оттого онъ, прежде не обращавшій на нее никакого вниманія, интересовался ея занятіями и разспрашивалъ ее обо всемъ. На минуту ей показалось все это обидно и неловко... Эти сплетни, эта любовь и ухаживанье, „спокойное *распоряженіе* ея судьбой и чувствовами", какъ мысленно назвала она; потомъ неизбѣжное чувство удовлетвореннаго самолюбія, то чувство, которое испытываетъ человѣкъ узнавъ что онъ *все* для другого, охватило ее. Въ головѣ ея поднялся такой сбродъ мыслей, что она не могла ничего сообразить. Ее пріятно удивляла эта возможность сейчасъ выйти замужъ, и въ воображеніи ея промелькнула фигура Павла Петровича во фракѣ, котораго онъ никогда не носилъ, и картина ихъ свадьбы; но тотчасъ мысль, что отецъ ея могъ хоть на минуту повѣрить въ возможность ея любви къ этому мальчику, удивила ее и показалась ей снова обидною. Не смотря, однако, на всѣ противоположныя чувства, ей въ общемъ было очень весело, хотя совѣстно чего-то.

Она рѣшила, что пойдетъ къ теткѣ и прямо, съ спокойной совѣстью, спроситъ ее обо всемъ. Лидія Васильевна, часто въ это время дня заходившая къ племянницѣ, предупредила ее. Зина издали узнала ея медленные шаги по лѣстницѣ.

— Ну, слава Богу,—сказала она съ папиросой въ зубахъ, усталой походкой входя въ комнату Зины и заставъ ее расхаживающею взадъ и впередъ:—я ужъ думала, ты опять со своими лекціями. И пожалуйста, лягъ пораньше. А я къ тебѣ по дѣлу,—садясь, прибавила она:—*вы* объ этомъ, конечно, не подумаете, благо есть кому думать...

Дѣло состояло въ томъ, что Зинѣ слѣдовало сшить еще платье. Разговоръ былъ совсѣмъ не во время.

— Я видѣла нынче холстинку, плотно и недорого, а мило... вотъ бы тебѣ для буденъ, заниматься. Я думаю, успѣемъ сшить. Александръ все со своими дѣлами, Богъ знаетъ, когда выберемся. Вотъ еще управляющаго ждемъ...

За словомъ «дѣла» полились неизбѣжныя жалобы на безденежье. Все было одно и то же, и все это много разъ слыхала Зина: управляющій харьковскаго имѣнья раззоряетъ ихъ, говорятъ, онъ совсѣмъ мошенникъ, а у него шесть человѣкъ дѣтей; близь Ольховки большая порубка; дома едва удается „концы съ концами сводить“, да и нельзя ихъ сводить. При теперешнихъ условіяхъ жизни „нагнали“ полонъ домъ народа, и никто ничего не дѣлаетъ: ни одна стирка не обходится безъ поденщицъ; Гаврила овсомъ содержитъ, вѣроятно, нѣсколько семей, а лошади голодныя; Архипычъ грубитъ даже гостямъ...

Все это, какъ и жалобы Володи на долги и на ту-же дворню, повторялось необыкновенно часто, на верху по-русски, внизу по-французски, чтобъ не поняли слуги.

— Вообще, наши дѣла не блестящи, а ужъ особенно эту весну,—говорила Лидія Васильевна:—да, впрочемъ, у кого они хороши-то?—ободряющимъ тономъ прибавила она. Очевидно, это давно было единственнымъ обстоятельствомъ, поддерживавшимъ ее среди матерьяльныхъ неудачъ.—Безденежье общее. Ты знаешь, что Анна Петровна заложила опять свое курское имѣнье? Да, недавно.

— А я получила сейчасъ письмо отъ папы,—сказала, наконецъ, Зина.

— А... ну, что же онъ?

Зинѣ было совѣстно говорить о Павлѣ, и она сказала, что отецъ кланяется и собирается пріѣхать, какъ только будетъ возможно.

— Такой чудакъ,—сказала Лидія Васильевна:—вѣдь трудно повѣрить. Два дня ѣзды, и онъ по году не видитъ тебя. Ѣзда совсѣмъ не дорога́, у насъ все готовое... Я вѣдь знаю тайную причину: онъ не ѣздитъ потому, что послѣ того, какъ увидитъ тебя, ему тяжеле одиночество... Ужъ повѣрь мнѣ.

Зина не спорила. Ей стало тяжело отъ словъ тетки, и смущеніе ея показалось ей ничтожнымъ и глупымъ чувствомъ. Она сейчасъ же сказала о Павлѣ.

Лидія Васильевна была немного сконфужена и съ любопытствомъ и нѣкоторымъ волненіемъ разспрашивала Зину, сдѣлалъ-ли онъ ей предложеніе?

— Я писала твоему папѣ, потому что лучше, чтобъ онъ узналъ это отъ меня, чѣмъ отъ другихъ, и лучше, чтобъ имѣлъ время обдумать.

Увѣренія Зины, что она совсѣмъ ничего не замѣчала и никогда не думала о Павлѣ Зарубинѣ, нисколько не помогали. Лидія Васильевна съ ласковой улыбкой возражала, что безпокоиться ей рѣшительно не объ чемъ, что очень хорошо, когда за барышней ухаживаютъ, что она еще молода, и мало-ли, что будетъ... Потомъ поцѣловала ее и замѣтила, что она хорошенькая, что это всѣ находятъ, даже Торжицкій, „знатокъ женщинъ,“ очевидно восхищается ею, хотя она его терпѣть не можетъ.

— Вотъ смотри, чтобъ онъ тобой не увлекся, par esprit de contradiction... Онъ вѣдь привыкъ, что всѣ отъ него безъ ума, а такихъ не видывалъ,—съ добродушнымъ смѣхомъ сказала она и прибавила:—впрочемъ, онъ ужъ, кажется, утратилъ эту способность.

Выйдя изъ комнаты и медленно, тою же усталою походкой спускаясь съ лѣстницы, Лидія Васильевна продолжала улыбаться.

— Дитя,—думала она:—надъ книжками съ утра до ночи и *ничего* въ жизни. Какъ они будутъ жить, это поколѣніе? Моя Зина, Оленька Зарубина, вотъ еще этотъ чудакъ Михаилъ Ивановичъ... А впрочемъ, не будь они тѣмъ, что есть, этого франта на порогъ пельзя бы пустить. И отчего у этихъ ребятъ какой-то point d'honneur скрывать всѣ свои чувства? А скрывать не могутъ, по глазамъ видно, что она чувствуетъ, послѣ этого письма ея не узнаешь. Все стремленіе быть самостоятельными. А ужъ какая тамъ самостоятельность. Любитъ его, говоритъ съ нимъ цѣлые вечера о своихъ сочиненіяхъ и ни разу не могла замѣтить, что онъ съ ума по ней сходитъ.

А Зина подошла къ окну, открыла его и сѣла на подоконникъ, закинувъ за голову руки. Ночь была свѣжая, сравнительно съ комнатами, и пахло тополемъ. Чистое, блѣдное небо на востокѣ, за крышею конюшни, приняло раздражающе зеленоватый оттѣнокъ, на которомъ мягко и блѣдно свѣтилась крупная звѣзда. Зина думала о томъ, что жить ей хорошо, и что она не знала этого до сихъ поръ; что не только хорошо жить, но и она сама хороша и добра, и всѣ, вѣроятно, знаютъ это, только она не догадывалась, что это знаютъ; что весна никогда не была такъ красива, и никогда не было этого прозрачно зеленоватаго склона неба, на которомъ громоздились густыя шапки деревьевъ. — „Какъ тополемъ пахнетъ“; думала она. То, что Торжицкаго не было со вчерашняго утра, уже не безпокоило ее. Ей казалось, что

скоро, все равно, она его увидитъ, и что вообще жизнь такъ длинна, такъ глубока и такъ хороша...

XVIII.

Въ одномъ изъ переулковъ, близъ Поварской, жила дальняя родственница Лидіи Васильевны, богатая старуха, Екатерина Ивановна Хлопова. Съ ней вмѣстѣ поселилась ея дочь, вдова, княгиня Наталья Алексѣевна Пронская, лишившаяся мужа во время послѣдней турецкой кампаніи.

Княгиня знала Зину съ самаго того времени, какъ ее привезли въ гимназію, восхищалась ею и ласкала ее; въ дѣтствѣ Зина испытывала къ ней что-то въ родѣ того „обожанія“, которое почти неизбѣжно переживаютъ дѣвочки ея возраста къ красивымъ и милымъ женщинамъ, и которое прошло, когда она, по принципу, стала иначе смотрѣть на дамъ этого круга и на все ихъ общество. Но волненіе, сильнѣйшее, чѣмъ въ дѣтствѣ, и гораздо болѣе непріятное, мучило Зину передъ вечеромъ, который надлежало провести съ дядей у Хлоповой, на „чашкѣ чаю“.

Пронская была другомъ жены Торжицкаго и прекрасно знала его самого; говорили, что до перваго замужества она была его невѣстой, но отказала ему за легкомысленный образъ жизни, съ которымъ онъ не хотѣлъ разстаться, а она не могла помириться. Торжицкій не былъ у Черновыхъ уже нѣсколько дней, и Зина знала, что встрѣтитъ его тамъ, въ присутствіи княгини и цѣлаго общества мало знакомыхъ и непріятныхъ людей. Все это очень безпокоило ее.

Было и еще незначительное обстоятельство, увеличивавшее волненіе Зины и дѣлавшее поѣздку къ Пронской еще болѣе мучительною.

Наканунѣ, княгиня заѣхала утромъ къ Черновымъ и, не заставъ Лидіи Васильевны, прошла наверхъ. Зина, прибѣжавшая изъ сада вслѣдъ за докладомъ Архипыча, нашла ее въ своей комнатѣ. Одѣтая въ изящное, легонькое, темно-сѣрое платье, которое свободно и плотно облегало ея стройный, почти дѣвическій станъ, и въ такую же шляпку съ вуалью, она стояла передъ письменнымъ столомъ и, слегка перегнувъ голову, смотрѣла на портретъ Николая Григорьевича. Вся ея стройная, сильная и гибкая фигура дышала свѣжестью, изяществомъ и со вкусомъ употребленною, умѣренною роскошью (Зинѣ казалось, что въ комнатѣ особенно хорошо пахло отъ ея присутствія), и въ то же время ея красивое лицо съ сухими чертами, быстрымъ взглядомъ карихъ

глазъ и нервными губами, при всякомъ движеніи открывавшими зубы и даже часть десенъ, было такъ ласково и такъ, казалось, склонно ко всему хорошему, что Зина уже почувствовала что-то прежнее, всю силу ея обаянія, и съ невольнымъ радостнымъ волненіемъ протянула ей руку.

Княгиня поцѣловала ее крѣпкимъ, медленнымъ поцѣлуемъ и, называя ее по прежнему, уменьшительнымъ именемъ, замѣтила, что она удивительно хорошѣетъ послѣднее время. Говорить пріятныя вещи свободно, легко и просто было ея обыкновеніемъ и составляло одну изъ привлекательныхъ ея чертъ.

Зина всегда легко говорила съ Пронской; такъ случилось и этотъ разъ. Княгиня сѣла на диванъ и закурила папироску, замѣтивъ, что куритъ „запоемъ“, какъ говорилъ ея покойный мужъ, и что находится теперь въ этомъ періодѣ. Зинѣ и то, что она куритъ, очень нравилось въ ней. Онѣ говорили обо многомъ, о Николаѣ Григорьевичѣ, съ которымъ княгиня, къ сожалѣнію, не познакомилась до сихъ поръ, о живописи, которой она занималась, и о французскихъ романистахъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ она лично знала.

Все было бы хорошо, еслибъ Пронская, съ улыбкой слушавшая откровенное признаніе Зины, что занятія ея идутъ плохо, не смутила ее неожиданнымъ вопросомъ.

— Ахъ, послушайте,—вскинувъ на нее быстрые глаза и бросивъ шнуры платья, которыми играла, замѣтила она:—я вѣдь слышу часто о вашихъ вечерахъ и о пѣніи... Что такое вы сдѣлали съ графомъ Торжицкимъ? Съ нимъ говорить нельзя о васъ, онъ въ такомъ восторгѣ!

Словъ этихъ было достаточно, чтобы Зина почувствовала, что краснѣетъ съ каждою секундою непоправимѣе, и съ каждою секундою, вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ, отчаяніе сильнѣе овладѣвало ею. Она не могла смотрѣть на Пронскую, но замѣтила, что нѣчто похожее на удивленіе и непріятное безпокойство отразилось на ея миломъ, свѣжемъ лицѣ.

— Я не знаю, что онъ нашелъ въ моемъ пѣніи,—совсѣмъ растерявшись, сказала Зина.

— Да, вѣроятно, то же, что и всѣ,—спокойно возразила княгиня:—что за скромность? Развѣ можетъ женщина искренно удивляться тому, что она нравится? О вашемъ голосѣ говорятъ.

Она перемѣнила тонъ и, дѣлая видъ, что вовсе не замѣчаетъ смущенія Зины, говорила съ ней уже о другомъ. Но Зинѣ было неловко и непріятно и, проводивъ ее и глядя въ окно, какъ она

легко вошла въ низенькую коляску на резиновыхъ шинахъ, не пользуясь услугою Архипыча, поддерживавшаго ее, и какъ сѣрыя, выхоленныя лошади беззвучно тронули отъ крыльца по мягкой дорогѣ,—она чувствовала что *все* выдано, и *все* пропало...

Что было это все, она, вѣроятно, до сихъ поръ не знала.

Зина подняла было вопросъ, за обѣдомъ, нельзя-ли не ѣхать вечеромъ къ Хлоповой? Но Володя боялся „умныхъ вечеровъ", какъ онъ называлъ подобныя сборища, Лидія Васильевна никогда на нихъ не ѣздила, генералъ объявилъ, что одинъ не поѣдетъ, всѣ были недовольны и пожимали плечами, и пришлось покориться.

Былъ одиннадцатый часъ, когда они вошли въ освѣщенную переднюю Хлоповой, гдѣ два ливрейные лакея, о чемъ-то бесѣдовавшіе у стола, поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Вонъ его пальто,—съ безпокойнымъ чувствомъ, почти съ испугомъ подумала Зина, сейчасъ же узнавъ на вѣшалкѣ между военною и студенческою шинелями свѣтлое пальто графа Торжицкаго.

На верхней площадкѣ широкой, устланной толстыми коврами лѣстницы, по которой они беззвучно подымались, большое зеркало изъ-за тропическихъ растеній отразило ихъ фигуры. На Зинѣ было простое черное платье изъ легкой матеріи, съ высокимъ воротникомъ и тройною ниткой жемчуга, служившей единственнымъ украшеніемъ. И платье, и жемчугъ очень одобрила Лидія Васильевна, отпуская племянницу и, по обыкновенію, перекрестивъ ее. Лицо Зины было немножко блѣдно отъ волненія, но именно этимъ нравилось ей самой. Она подумала, что въ этой гостиной такое лицо должно привлечь вниманіе, и съ тревожнымъ біеніемъ сердца шла въ слѣдующія комнаты за толстымъ, чрезвычайно величественнаго вида, лакеемъ, который, не торопясь, велъ ихъ.

— Славный домъ!—громко, какъ всегда, говорилъ Александръ Григорьевичъ, расправляя свои пышныя баки.

Идти приходилось что-то долго, нѣсколькими пустыми комнатами съ затѣйливою мебелью, громадными китайскими вазами и картинами, пока, наконецъ, за портьерой послышались голоса. Собственно звенѣлъ даже только одинъ голосъ, который сейчасъ же узнала Зина. Говорила тоже какая-то родственница Лидіи Васильевны, обѣднявшая, но имѣвшая хорошія связи, вдова Аглая Павловна Карпова, вывозившая въ свѣтъ свою единственную дочь, дѣвицу на возрастѣ, которую съ незапамятныхъ лѣтъ видали на всѣхъ балахъ. Въ извѣстномъ кругѣ Москвы не было гостиной, гдѣ бы не встрѣчали Аглаи Павловны, ея маленькой, худенькой фигурки и

птичьяго личика, съ острыми чертами и не совсѣмъ добрымъ выраженіемъ. Вездѣ она говорила своимъ однообразно звенящимъ, нервнымъ, рѣзкимъ голосомъ, спорила и доказывала; вездѣ ее втихомолку называли несносной чудачкой, но вездѣ слушали, и самыя гостиныя даже какъ будто утрачивали безъ нея тотъ нѣсколько либеральный, интеллигентный тонъ, который поддерживала въ своемъ домѣ Хлопова, причислявшая себя, по покойному мужу, къ образованнѣйшему кругу московскаго общества. Но Зина, благодаря жизни въ домѣ Черновыхъ, знала прекрасно закулисныя стороны „чудачествъ“ Карповой, ея взбалмошный, невыносимый характеръ и то, каково жилось дочери подъ ея деспотизмомъ.

— Вонъ и она,—подумала Зина про Аглаю Павловну и тотчасъ спросила себя:—зачѣмъ я сюда таскаюсь?

Большая, высокая гостиная была вся загромождена мебелью, бросавшеюся въ глаза своею оригинальностью и новизною. Картины, большею частью пейзажи, свѣшивались со стѣнъ и выдѣлялись на темномъ фонѣ дорогихъ обой. Всевозможные цвѣты, начиная съ гіацинтовъ и оранжерейныхъ ландышей, пестрѣвшихъ въ корзинкахъ и наполнявшихъ воздухъ немного одуряющимъ запахомъ, и кончая тропическими растеніями, занимали углы, окна и обступали двери. Около десятка дорогихъ лампъ и свѣчей, подъ огромными абажурами и за темными экранами стоявшихъ на столахъ и этажеркахъ и висѣвшихъ по стѣнамъ, не смотря на свою многочисленность, слабо освѣщали комнату; мягкій, пріятный для глаза свѣтъ ихъ игралъ на позолотахъ массивныхъ рамъ, на бронзовыхъ канделябрахъ, на стройныхъ, задумчивыхъ статуэткахъ.

Въ гостиной было много народу, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Зинѣ, и среди толпы незнакомыхъ лицъ она сейчасъ же узнала худощавую, слишкомъ тонкую по возрасту фигуру во фракѣ и блѣдное лицо съ выраженіемъ легкомыслія и наглости. И тотчасъ обычное, странное чувство, всегда являвшееся при встрѣчахъ съ этимъ человѣкомъ, взволновало ее. Она безпокойно вглядывалась, боясь не найти Екатерины Ивановны Хлоповой, но тотчасъ увидѣла ее, и когда тщедушная, слабаго вида старуха въ темной накидкѣ и чепцѣ съ пестрыми стоячими лентами протянула ей маленькую, прозрачно желтую руку, не вставая съ утопавшихъ въ медвѣжьемъ коврѣ креселъ и улыбаясь привѣтливою улыбкой, Зина подошла и поклонилась ей такъ, какъ Лидія Васильевна заставляла ее кланяться въ дѣтствѣ.

— Пускай смотрятъ... мнѣ рѣшительно все равно: того, что я имѣю, у нихъ нѣтъ,—утѣшала себя Зина съ такимъ чувствомъ,

какъ будто всѣ эти люди, замолчавшіе и задвигавшіеся слегка при ихъ появленіи, призвали ее съ исключительнымъ намѣреніемъ издѣваться надъ нею.

Екатерина Ивановна была очень рада тому, что Зина исполнила слово, данное Наташѣ (хотя она никакого слова не давала княгинѣ), и доставила удовольствіе видѣть себя, не смотря на всѣ свои занятія... Она говорила медленно и негромко, и Зина, слегка нагнувъ голову, смущенными глазами, молча, смотрѣла на нее. Но въ это время чье-то дружеское прикосновеніе заставило ее обернуться, и она лицомъ къ лицу очутилась съ княгиней.

— Ну, вотъ, какъ я рада, что вы у насъ,—сказала Пронская ласково и искренно и поцѣловала ее. Голосъ ея былъ пріятный, но слишкомъ высокій. Зина и голосъ этотъ очень любила въ дѣтствѣ.

— Вы вѣдь, кажется, всѣхъ знаете?

— Да, кажется...

Зина, дѣйствительно, знала почти всѣхъ. Двѣ барышни,—Карпова, съ блѣднымъ, круглымъ лицомъ и круглыми же глазами, въ нарядномъ, легонькомъ платьѣ; кузина княгини Пронской, Сафо Минская, только въ этомъ году начавшая выѣзжать, молодая дѣвушка съ длиннымъ лицомъ и дугообразными бровями, придававшими ей видъ приличнаго высокомѣрія, чрезвычайно элегантно одѣтая; бывшій лицеистъ Бобриковъ, во фракѣ и лакированныхъ ботинкахъ, съ порѣдѣвшими, гладко зачесанными волосами; Ваня Милецкій, затянутый въ свой студенческій, короткій мундиръ и имѣвшій въ этой гостиной особенно услужливый, „на все готовый“ видъ. Поодаль, за круглымъ столомъ, былъ другой кружокъ, центръ котораго составляла Хлопова. Тамъ была г-жа Чарская, полная, красивая дама въ кружевномъ платьѣ съ черпымъ вѣеромъ, пріятельница княгини и художница; адъютантъ Кротковъ, высокій, плотный офицеръ лѣтъ за тридцать, съ здоровымъ лицомъ и несоразмѣрно маленькими усиками, въ сюртукѣ съ эполетами и ярко бѣлѣвшими аксельбантами, почтительно сторонившійся передъ генераломъ, который здоровался съ дамами и наполнялъ комнату своимъ увѣреннымъ, громкимъ голосомъ; баронъ Зибель, молодой человѣкъ съ бородкой и любезно предупредительнымъ выраженіемъ лица, вдовецъ, всеобщій женихъ и давнишній, пламенный поклонникъ княгини; пожилой господинъ съ длинными, русыми бакенбардами и спокойнымъ видомъ, и Аглая Павловна, почему-то удивленно встрѣтившая Зину, но тотчасъ придавшая привѣтливое выраженіе своему лицу, какъ бы говорившему: „а, и она

тутъ; ну, что жъ, милости просимъ". Зина не знала только господина съ баками, оказавшагося мужемъ Чарской, служившимъ по дипломатической части, и тотчасъ ей представленнаго, и Сафо Минской. Зибель пожалъ ей руку и раскланялся съ генераломъ съ такимъ видомъ, какъ будто они сдѣлали ему большую честь, что узнали его. Кротковъ, сгибая свой плотный станъ и щелкая шпорами, спросилъ о Володѣ. Зинѣ было пріятно упоминаніе брата среди чужихъ ей людей.

— Не знаю, кажется, онъ хотѣлъ быть, —сказала она, навѣрное зная, что онъ не пріѣдетъ.

Княгиня Пронская, не отпуская, отвела ее къ небольшому, двухъэтажному столику, за которымъ она разливала чай. Графъ Торжицкій, держа передъ собой chapeau-clack въ рукахъ, поднялся съ своего мѣста, низко поклонился и подвинулъ Зинѣ свое кресло.

Княгиня подала ей низенькую, широкую и необыкновенно тонкую чашку, налитую не до верху крѣпкимъ, остывшимъ чаемъ, пододвинула корзинку съ сухарями и, перекинувшись съ ней нѣсколькими фразами, отошла къ Чарской, съ которой говорилъ Торжицкій.

— Здѣсь и чай больше для вида,—подумала Зина, не узнавая самовара въ какомъ-то затѣйливомъ серебряномъ сосудѣ.

Она осталась одна, никто не говорилъ съ ней, и это видѣлъ Торжицкій. И всѣ должны были видѣть это. Самое же худшее было то, что Зина рѣшительно не знала, какъ слѣдовало поступать въ такихъ случаяхъ. Сквозь говоръ голосовъ она слышала больше всего металлическій голосъ Карповой, доказывавшей Чарскому преимущества французскихъ романистовъ передъ русскими и восхищавшейся Флоберомъ. Она говорила много и скоро, и сдержанно улыбавшійся собесѣдникъ ея не могъ вставить ни одного возраженія даже тогда, когда Аглая Павловна съ увлеченіемъ настаивала, что, еслибъ нѣмцы завоевали Россію, то принесли бы ей много пользы.

— Ну, ужъ вы, моя милая, Богъ знаетъ, что заговорили,— перебила ее, однако, Хлопова.

Баронъ Зибель подсѣлъ къ дочери Аглаи Павловны и минуты три поговорилъ съ ней—о знаменитомъ актерѣ, на представленіи котораго они видѣлись въ послѣдній разъ, о какой-то книгѣ и о томъ, что Бобриковъ отлично поетъ, все очень скоро и безъ малѣйшей послѣдовательности; потомъ, улучивъ минуту, отошелъ къ Чарской.

Туда же, не менѣе ловко, ушелъ и Бобриковъ, занимавшій Минскую, которая осталась одна, какъ и Зина.

Разнообразный, неинтересный говоръ, чужія лица, ничего общаго съ ней не имѣющія и не показывающія никакого намѣренія помочь ей, тяжелый ароматъ цвѣтовъ, а главное, присутствіе Торжицкаго, голосъ котораго она все время слышала,—все это раздражающе дѣйствовало на нервы Зины. Она вспоминала свою комнату наверху, и ей хотѣлось плакать. Двѣ барышни, ея сосѣдки, говорили между собой съ увлеченіемъ по-французски о какомъ-то спектаклѣ, про который Зина ничего не знала. Сафо Минскую, очевидно, очень задѣло бѣгство Бобрикова, и принужденно улыбавшееся лицо ея выражало смущеніе и досаду. Лиза Карпова изрѣдка косилась на Зину, очевидно, довольная тѣмъ, что ей удалось показать выгоды своего положенія барышнѣ, ѣздившей на какіе-то курсы и иногда дома очень неискусно занимавшей ее въ гостиной тетки.

— Уѣхать отсюда... Встать и уйти,—думала Зина.

Около Хлоповой, за столомъ, тема разговора успѣла перемѣниться. Говорили что-то о школахъ и о народномъ образованіи въ Россіи. Аглая Павловна быстро, звонко и безпокойно разсказывала:

— Да вотъ у меня... Моя дѣвушка... Я къ ней очень привыкла. Выучилась читать и писать чуть не самоучкой; она вообще способная. Ну, и пишетъ письма разнымъ тамъ своимъ поклонникамъ, больше ничего. А дѣла ужъ не дѣлаетъ. Прежде въ лавочку совѣстно было идти, а тутъ ужъ свобода полная.

Адъютантъ Кротковъ сидѣлъ наклонясь, упершись локтями о колѣни и осторожно вертя свою фуражку съ кантомъ,—въ той позѣ, въ которой, Зина замѣтила, такъ любили сидѣть свѣтскіе молодые люди изъ скромныхъ.

— Школы, соотвѣтствующія народнымъ требованіямъ,—другое дѣло,—говорилъ онъ серьезно и убѣжденно, но слегка запинаясь отъ непривычки говорить о болѣе или менѣе отвлеченныхъ предметахъ:—а такъ, какъ дѣло поставлено у насъ...—И онъ покачалъ головой.

— Мужику нужно далеко не то, что ему навязываютъ, и онъ это прекрасно понимаетъ,—продолжалъ онъ солидно, обращаясь къ Чарскому.—Когда въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, разучиваются пахать землю, пропадаетъ почти возможность заниматься землей, то понятно, какого рода школы намъ нужны...

Карпова перебивала его, а Хлопова съ убѣжденной улыбкой покачивала головой.

— Нѣтъ, какже это? Надо, чтобъ были школы, простыя, какъ у всѣхъ... Надо же, чтобъ народъ былъ образованъ! Иначе нельзя,—говорила она мягко и тихо, очевидно довольная тѣмъ, что разговоръ въ этотъ вечеръ принялъ серьезное направленіе, но ея никто не слушалъ.

— Религіозный духъ народа...—что-то довольно неопредѣленно продолжалъ Кротковъ: — основа всей государственной жизни... Напримѣръ, и значеніе арміи... Тутъ всякое вліяніе постороннее очень вредно... и прямо опасно...

Зина слушала издали, смотрѣла на толстую, стянутую форменнымъ сюртукомъ спину адъютанта, на бѣлый аксельбантъ, болтавшійся подъ круглымъ плечомъ, и слегка поблѣднѣла. Съ ней это бывало всегда, когда противныя мнѣнія высказывались въ ея присутствіи спокойно и увѣренно. Въ этой же гостиной и въ этотъ вечеръ ей казалось, что всѣхъ ихъ она ненавидитъ и что всѣ они ея враги. Но что-то вдругъ начало безпокоить ее. Она сдѣлала едва замѣтное движеніе головой и встрѣтилась съ пристальнымъ взглядомъ графа Торжицкаго. Онъ сидѣлъ уже давно, молча, за отдѣльнымъ круглымъ столикомъ и, должно быть, тоже давно упорно смотрѣлъ на нее.

Зину это неожиданно смутило и испугало.

Въ томъ состояніи одиночества, которое она такъ сильно и обидно испытывала здѣсь, ей вспомнился необыкновенно ярко ихъ послѣдній, странный разговоръ въ залѣ; она подумала, что все, что заставило ее уйти тогда, можетъ возобновиться, и ее охватило чувство беззащитности и почти отчаянія.

Она отвернулась и принялась снова за свою чашку крѣпкаго и уже совсѣмъ остывшаго чая. Графъ Торжицкій всталъ и увѣренно, не спѣша, шелъ по ковру гостиной.

Зина не смотрѣла въ его сторону, но видѣла его высокую фигуру, словно тѣнь движущуюся сзади. „Неужели ко мнѣ?“ думала она съ самымъ страннымъ смѣшеніемъ испуга и желанія испытать вновь знакомое и непонятное ей чувство, которое онъ давно возбуждалъ въ ней.

Онъ подошелъ къ Кроткову и, положивъ ему руку на плечо, нагнулся къ нему.

— Не философствуй такъ много, Боря, это вредно,—разслышала Зина:—у меня голова заболѣла отъ такого количества умныхъ словъ, которыя ты говоришь...

Кротковъ съ неудовольствіемъ оглянулся. Барыни не разслышали и продолжали разговоръ.

Торжицкій, не дожидаясь отвѣта, и съ улыбкой, отъ которой у него ярко блестѣли изъ-подъ тонкихъ усовъ зубы, направился къ Зинѣ. Лицо его было блѣдно, возбужденно и взволнованно.

— А я не зналъ, что вы хотѣли здѣсь быть сегодня,—сказалъ онъ, взявъ сильнымъ жестомъ руки стулъ и подсаживаясь къ ней:—Володя ничего не сказалъ мнѣ... А это... не правда-ли, очень интересно?—глазами показывая на споривших, сказалъ онъ и засмѣялся.

Зина, молча, смотрѣла на него. Его подвижное, красивое лицо не только очень нравилось ей, но странно ее притягивало. Она думала о томъ, что въ лицѣ его что-то особенное, что она стала понимать только недавно, и чего, должно быть, другіе не замѣчаютъ, и что вотъ опять она его видитъ, а этого ей такъ давно хотѣлось...

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень интересно,—съ оживленіемъ и волненіемъ, которое послѣднее время всегда замѣтно было въ немъ, продолжалъ графъ Торжицкій:—т.-е., говоря откровенно, конечно, не то, что говорятъ они, а то, какъ вы слушаете. Я, съ тѣхъ поръ, какъ вы вошли, все смотрю на выраженіе вашего лица...

— Вы не согласны съ тѣмъ, что говорятъ они?—спросила Зина чуть-чуть дрожавшимъ голосомъ и краснѣя отъ его улыбки, которая ее смущала.

Торжицкій съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Я?—повторилъ онъ и засмѣялся.

Зина смутилась совсѣмъ. Онъ пересталъ смѣяться, и лицо его приняло ласковое и, какъ ей казалось, осторожное выраженіе.

— Я ужасно горда, что васъ стали даже интересовать мои мнѣнія!—сказалъ онъ негромко:—эта честь выпала мнѣ, кажется, въ первый разъ за все наше знакомство. Можетъ быть, я этимъ обязанъ тому, что вамъ здѣсь, кажется, труднѣе избѣгнуть моего общества,—скороговоркой прибавилъ онъ, оглянувшись на гостиную, загроможденную мебелью, и продолжалъ, смотря въ ея лицо съ ласковой улыбкой, отъ которой у нея сжималось сердце:—во всякомъ случаѣ, пользуюсь этимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Да, такъ, не утруждая васъ изложеніемъ моихъ взглядовъ, я скажу только, что мнѣ всегда смѣшно, когда люди говорятъ о томъ, чего совершенно не понимаютъ, и о чемъ, главное, совсѣмъ не думаютъ. Ну, а особенно это смѣшно, когда все это происходитъ...—онъ запнулся и все улыбаясь и опустивъ глаза:—передъ человѣкомъ, который думалъ объ этомъ даже черезчуръ

много... Что же касается до самаго мнѣнія этого... Вы объ этомъ меня спрашиваете? Мнѣніе весьма распространенное. Это, кажется, другими словами: будь хоть скотъ, да мнѣ полезенъ. Да? Объ этомъ можно спорить, потому это вѣдь точно удобно и выгодно, но я смотрю иначе. Онъ землевладѣлецъ самъ, и есть вещи, которыхъ не слѣдуетъ говорить. *Не по-рыцарски.* Правда?

— Да, именно не по-рыцарски!—сказала Зина торопливо и взволнованно,—а они этого не понимаютъ...

Торжицкій съ любующейся улыбкой смотрѣлъ въ ея лицо, загорѣвшееся нѣжнымъ румянцемъ, и въ блестящіе глаза.

— Это вѣдь, впрочемъ, пустяки,—сказалъ онъ, видя, какъ она старательно все время избѣгаетъ его взгляда:—онъ очень благородный человѣкъ, мой другъ Боренька, и очень благоразумный... Не знаю, съ чего онъ вдругъ началъ ораторствовать. Его сбила, очевидно, эта дама,—тихо сказалъ онъ, красиво хмуря свои рѣзкія брови:—она вотъ говоритъ, что ея дѣвушка пишетъ какія-то письма... Но вѣдь и она писала бы, еслибъ у нея вдругъ нашелся поклонникъ... я убѣжденъ... И намъ это было бы выгоднѣе, право. Не знаю, какъ Россію, а вотъ, еслибъ ее завоевалъ какой-нибудь нѣмецъ и увезъ, мы бы всѣ, кажется, вздохнули свободнѣе.

Зина засмѣялась и подумала о томъ, какъ хорошо, что она пріѣхала. Съ тѣхъ поръ, какъ фигура его во фракѣ и открытомъ жилетѣ съ складною шляпою, которою онъ все время игралъ, очутилась около нея, ей вообще показалось, что всѣ кругомъ, и длинное лицо Сафо Минской, и ея собственное настроеніе, и весь вечеръ совершенно измѣнились, и что въ гостиной стало какъ будто свѣтлѣе.

— Но, впрочемъ, объ этомъ, я думаю, довольно,—говорилъ ей Торжицкій:—я вообще въ этихъ дѣлахъ плохой судья. А вотъ о чемъ я все время, какъ вы вошли, хотѣлъ васъ спросить: вы играли въ крокетъ послѣ того, какъ я былъ у васъ, тогда... вечеромъ?

Она вдругъ снова отвернулась и взялась за чашку чая. Торжицкій слѣдилъ за жаждымъ движеніемъ ея тонкой фигуры въ легкомъ, нарядномъ платьѣ, которое красиво сидѣло на ней, и взглядъ его глазъ сдѣлался какой-то тупой и тяжелый.

— Да,—сказала Зина, не глядя на него, ставя чашку съ выпитымъ чаемъ на столъ и не съумѣвъ скрыть дрожанія руки, — и мы... всѣ ждали васъ.

— Я не могъ быть,—коротко и почти грубо сказалъ Торжицкій.

Она оглянулась на него и вновь тотчасъ опустила глаза подъ

его взглядомъ. Но взглядъ этотъ продолжалъ ее безпокоить. Она сидѣла въ креслѣ, не двигаясь, въ позѣ смущеннаго ребенка, котораго останавливаютъ за всякое неловкое движеніе, и, нагнувъ голову, разсматривала свои перчатки.

— Еслибъ я зналъ, что вы будете здѣсь, я бы не пришелъ и сегодня,—серьезно и твердо сказалъ Торжицкій.

Споръ около хозяйки дома затихъ, и Кротковъ, отойдя къ этажеркѣ и перебирая листы альбома, оглянулся на Торжицкаго.

— Но судьба, очевидно, за меня... или противъ, не знаю,— продолжалъ Торжицкій и засмѣялся, махая надъ ковромъ своею шляпой.

Зина никогда не слыхала такой нервности въ его голосѣ.

— Я очень много думалъ послѣ нашей послѣдней встрѣчи. Вы помните?

Лицо ея поблѣднѣло.

— Не говорите со мной объ этомъ, я васъ прошу,—сказала она очень тихо, не поднимая глазъ.

Торжицкій долго смотрѣлъ на нее, на ея лицо и подымавшуюся отъ тяжелаго дыханія грудь и снова окинулъ взглядомъ людей, сидѣвшихъ кругомъ.

— Хорошо, я не буду говорить объ этомъ,—сказалъ онъ серьезно:—и вы забудьте это, ради Бога, и не вздумайте сейчасъ уходить. Видите, вотъ намъ сейчасъ будутъ стихи читать,— успокоительнымъ тономъ, оглядываясь на столъ, гдѣ произошло какое-то движеніе, и вновь все смотря на нее, говорилъ онъ:— это васъ отвлечетъ. А *то* все вздоръ и не должно васъ безпокоить, увѣряю васъ. Все это пройдетъ.

— Вы скоро ѣдете?—спросила Зина, удивляясь сама, отчего голосъ ея сталъ вдругъ такъ слабъ.

— Я? А вотъ, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ. Когда я, наконецъ, уѣду, вы не знаете?—нахально спросилъ онъ.

Она съ усиліемъ подняла на него глаза.

— Я не знаю,—проговорила она тихо.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ, представьте себѣ, я боюсь, что тоже не знаю, хотя часто спрашиваю себя объ этомъ, глядя на васъ. Здѣсь, вы видите, хорошо. Трудно очень уѣхать-то!—просто и весело, съ своимъ обычнымъ умѣньемъ придавать особый контрастъ словамъ и тону, которымъ слова эти говорятся, замѣтилъ онъ.

Въ гостиной говорили негромко и оживленно, было душно и пахло гіацинтами. У Зины слегка кружилась голова, и она

снова думала о томъ, какъ бы хорошо было уйти. Но даже, еслибъ она была съ нимъ одна въ этой комнатѣ, она не рѣшилась бы встать. Совсѣмъ особенное чувство внезапнаго утомленія и слабости сковало всѣ ея движенія; ей казалось, будто ее тянетъ къ себѣ какая-то пропасть, и что бороться трудно и поздно.

XIX.

Она овладѣла собою вполнѣ уже тогда, когда въ гостиной водворилась полная тишина, и Милецкій, блѣдный отъ волненія, читалъ произведеніе моднаго петербургскаго поэта, только что входившаго въ извѣстность. Графъ Торжицкій вздохнулъ и, откинувшись на спинку стула, сказалъ съ покорною грустью:

— Ah, mon Dieu... voilà que ça commence...

Зина не сразу замѣтила и сообразила, что читалъ лицеистъ дурно, съ утрированными, но не всегда вѣрными удареніями и что всѣмъ было чуть-чуть неловко, а лицо Сафо Минской какъ будто говорило: „мало-ли что неловко... Разъ это дѣлается *здѣсь*, значитъ такъ должно быть“. Когда онъ кончилъ, графъ Торжицкій, котораго не видѣла, а скорѣе чувствовала позади своего кресла Зина, снова вздохнулъ, а остальные заговорили что-то невнятное. Послѣ того баронъ Зибель, задыхаясь, негромко прочелъ свое собственное коротенькое, въ нѣсколько декадентскомъ духѣ стихотвореніе, вызвавшее оживленныя одобренія.

Всѣ заговорили и задвигались. Торжицкій нагнулся къ Зинѣ, и она разобрала знакомый ей запахъ—смѣсь тонкихъ духовъ, брилліантина и табаку, который уже часто послѣднее время преслѣдовалъ ее.

— Новая поэзія,—сказалъ онъ:—должно быть, то, чѣмъ мы живемъ теперь, такъ грубо и опредѣленно, что необходимъ какой-то контрастъ... Побольше тумана и поменьше здраваго смысла, а остальное все добавитъ фантазія. Серьезно. Что вы удивляетесь?—спросилъ онъ, хотя Зина ничего не говорила и блестящими глазами мимо него смотрѣла на княгиню, поймавъ на себѣ ея взглядъ:—я не могъ бы передать въ прозѣ, что такое онъ сейчасъ прочелъ? Но мнѣ нравится... можетъ быть, потому... Это какъ музыка,—перебивая себя, продолжалъ онъ:—я часто слышу, какъ говорятъ, что *понимаютъ* какое-нибудь музыкальное произведеніе; а я люблю въ музыкѣ именно то, чего не понимаю... не умѣю выразить. Чѣмъ-то мучаетъ и что-то даетъ... Это бываетъ и въ жизни...

Зина оглянулась на него. Послѣ она вспоминала, что онъ

что-то говорилъ еще и что-то она отвѣчала... но что, она не помнила и не сознавала этого ясно въ то время, какъ онъ былъ съ ней.

— Я готовъ служить, чѣмъ могу!—вскричалъ вдругъ Бобриковъ, котораго просили пѣть.

— Вотъ это музыка другого рода!—сказалъ Торжицкій. Онъ всталъ и, проговоривъ громко на всю гостиную: „Кротковъ, пойдемъ курить!“ юношески быстрою походкой вышелъ вмѣстѣ съ адъютантомъ.

Бобриковъ представлялъ изъ себя идеалъ свѣтскости и благовоспитанности и согласился немедленно исполнить просьбу дамъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ воды изъ тонкаго, широкаго бокала, поданнаго величественнымъ рыжимъ лакеемъ съ громадными бакенбардами, онъ сѣлъ за рояль, сыгралъ шумную интродукцію и запѣлъ. Спѣлъ онъ около десятка романсовъ, балладъ и „сказокъ“ новѣйшихъ композиторовъ, правильно и даже съ чувствомъ, превосходно аккомпанируя себѣ и мастерски изображая на клавишахъ то шумъ морскихъ волнъ, то нѣжный шопотъ, то лепетъ ребенка; очень вѣрно бралъ трудные полутоны и до невозможности неожиданные переходы; и, тѣмъ не менѣе, его прекрасно обработанный, хотя небольшой голосъ доставлялъ слушателямъ, кажется, все, кромѣ музыкальнаго наслажденія. Одинъ баронъ, всегда всѣмъ восхищавшійся, взмахомъ головы, улыбками и замѣчаніями выражалъ свой восторгъ. Бобрикова вовсе не смущало молчаніе, водворявшееся въ промежуткахъ пѣнія, и, сдѣлавъ два глотка и кратко объяснивъ смыслъ и значеніе слѣдующей вещи, онъ принимался за нее.

На Зину музыка эта дѣйствовала очень странно и черезчуръ раздражала ея нервы. На сердцѣ у нея было смутно и тревожно, мысли путались, и ей хотѣлось выйти на воздухъ. Она даже съ завистью посмотрѣла на завѣшанную портьерой дверь, которая, она знала, вела на маленькій балконъ. Отъ свѣжаго воздуха, она чувствовала, должно было пройти то почти физическое ощущеніе томленія, какого-то опьяненія, которое она испытывала все время.

Ощущеніе это было такъ сильно, что она встала, вовсе не думая о томъ, удобно это или нѣтъ, и отошла къ столу, гдѣ никого не было.

— Что-то со мною дѣлается странное,—думала она, открывая полированный ящикъ со стекломъ и принимаясь перебирать фотографіи.

Между фотографіями много было знакомыхъ. Кротковъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, молодой и худенькій; какая-то группа, съ бѣлѣющею толпой сестеръ милосердія, среди которыхъ бросались въ глаза стройная фигура и молодое, еще болѣе красивое лицо Пронской; солдатъ въ безкозырькѣ на бекрень, съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ и нахальнымъ, почти безусымъ лицомъ, въ которомъ она не безъ труда узнала Торжицкаго. Знакомыя изображенія еще увеличивали путаницу ея мыслей и охватившую ее тревогу. Ей вспоминались эпизоды изъ жизни человѣка, возбуждавшаго въ ней такъ много незнакомаго и страннаго, точно она была ихъ свидѣтельницей. Вспомнила она разсказъ Пронской, какъ Торжицкій, больной лихорадкой, попалъ къ нимъ въ лазаретъ, во время послѣдней войны, и завелъ такіе романы съ сестрами, что не знали, какъ его выжить. И обликъ этого человѣка вставалъ передъ ней все ярче.

— Надо разобраться въ томъ, что же, наконецъ, я чувствую?

Надо уѣхать,—думала она.

Потомъ ей попалась узкая, новѣйшаго формата фотографія молодой женщины съ мягкимъ взглядомъ красивыхъ, усталыхъ глазъ. На колѣнахъ у нея сидѣлъ ребенокъ въ матросской курткѣ, и, откинувшись на ея грудь и солидно сложивъ характерный, упрямый ротъ, смотрѣлъ хмуро и вызывающе.

— Это она... это его жена,—рѣшила Зина тотчасъ и опять спросила себя:—что я такое чувствую?...

Княгиня говорила ей, что убѣдила эту женщину переѣхать на дачу, недалеко отъ Москвы, такъ какъ петербургскій климатъ ей вреденъ. Зина объ этомъ думала, и сердце у нея ныло, а руки чуть-чуть дрожали.—„Но я ее не ненавижу... только что же это за чувство?“—думала она.

— Я не мѣшаю вамъ?—услышала она вдругъ, и знакомая ей фигура точно выросла около стола.

Она вздрогнула и закрыла ящикъ.

— Все время мнѣ хочется задать вамъ одинъ вопросъ, и я не рѣшаюсь,—съ нетвердой улыбкой говорилъ Торжицкій, садясь къ столу. Онъ молчалъ и смотрѣлъ ей прямо въ глаза своимъ дерзкимъ, такъ странно отразившимся въ фотографіи ребенка взглядомъ.—Правда то... что о васъ говорятъ?.. Вы знаете, конечно...—сказалъ онъ торопливо, замѣтивъ, что Пронская встала и направилась къ нимъ.

Зина смотрѣла на него широко открытыми глазами, по кото-

рымъ видно было, какъ много догадокъ и мыслей замелькало въ ея головѣ. Она вспомнила о письмѣ отца, и лицо ея приняло еще болѣе удивленное выраженіе.

— Но я этому не вѣрю!—сказалъ Торжицкій, когда княгиня уже подошла къ нимъ, и засмѣялся.

— Имѣйте же, наконецъ, ко мнѣ какое-нибудь состраданіе, княгиня,—говорилъ онъ, минуту спустя, взявъ изъ стоявшей маленькой вазы конфекту и вытирая ротъ и руки тонкимъ платкомъ съ каймой:—je m'ennuye à mourir... не могу даже скрывать больше. Съ одной стороны, Бобриковъ поетъ, кажется, пятое произведеніе Чайковскаго, или Кюи или еще хуже, я не знаю. Съ другой—эта ваша... Аглая споритъ о позитивизмѣ, о гипнотизмѣ, еще о чемъ-то съ барономъ, et vous savez que j'ai un petit brin d'amour pour ce garçon là,—да и помимо этого, съ ея голосомъ... вы понимаете... ça agace... все равно, что ножомъ по тарелкѣ. Однако, я ужъ, кажется, что-то не то сказалъ.

Пронская качала головой.

— Они не виноваты, что не имѣютъ счастья вамъ нравиться... Я особенно довольна Бобриковымъ, онъ нынче такъ любезенъ.

— Вотъ вѣдь какая вы, княгиня!—возразилъ Торжицкій:—знаете мой ревнивый характеръ и обо мнѣ, нарочно, ни слова. Я съ обѣда, съ огромнаго, русскаго обѣда, а развѣ не любезенъ? Спросите вотъ хоть m-lle Чернову? А впрочемъ, когда дѣло идетъ о соревнованіи... я докажу вамъ, что умѣю цѣнить хорошее общество... Послушайте, вы удивительно это спѣли!—громко заявилъ онъ, вставъ и идя къ роялю.

— Да, онъ съ обѣда сегодня... это видно,—глядя ему въ слѣдъ, замѣтила княгиня.

Ободренный похвалою, Бобриковъ рѣшительно ударилъ по клавишамъ, и Зина почувствовала вдругъ, точно что-то схватило ее за сердце. Знакомые, слишкомъ знакомые ей звуки охватили ее и унесли куда-то. Она забыла совсѣмъ, гдѣ она, и что съ ней было... Облокотившись о столъ рукою и почти загородивъ лицо, она прислушивалась къ той странной, сладкой боли, отъ которой ей хотѣлось заплакать, заметаться, закричать. Въ воображеніи ея встала, какъ живая, квартира въ городѣ N и зала, гдѣ подолгу играла Марья Аркадьевна этотъ самый, знакомый этюдъ Шопена; та зала, гдѣ, вѣроятно, и теперь, въ эту минуту, тускло горѣла лампа и сипло и медленно стучалъ маятникъ старыхъ часовъ. Но боль эта была не упрекъ, не раскаяніе и не тоска. Что-то не то, и что-то, отчего дѣлалось очень жутко. „Даетъ что-то и мучаетъ,

Торжицкій сказалъ", думала она,—„и это не то. Тутъ важнѣе. Это то, что я люблю одно на свѣтѣ, что одно важно. То, чего я хочу... И онъ это понимаетъ. Я хочу, чтобы онъ былъ здѣсь, сейчасъ"—все съ возраставшею тревогою думала она. И вдругъ ей стало ясно, что это такое... „Я люблю его. Неужели я этого не понимаю? Съ *этимъ* не борятся..."

Она подняла голову, ища его глазами. Онъ стоялъ у рояля, прислонясь, и смотрѣлъ на нее. Лицо его было блѣдно, и глаза тускло блестѣли.

Александръ Григорьевичъ ждалъ только послѣдняго аккорда и сталъ прощаться.

Графъ Торжицкій проявилъ свою любезность до конца: онъ пошелъ проводить ихъ, взялъ изъ рукъ швейцара кофточку и подалъ Зинѣ.

— Я надѣюсь, что вы не придадите никакого серьезнаго значенія тому, что я говорю вамъ всю эту весну,—быстро сказалъ онъ, сверху внизъ глядя на нее.

Губы его дергались слабою и неопредѣленною улыбкою, глаза смотрѣли весело и вызывающе.

Она не успѣла ему ничего сказать, когда онъ уже низко кланялся генералу.

— До свиданія, графъ. Увидимся скоро, да?

— Да, да, непремѣнно. Мой отъѣздъ откладывается опять...

— Что это значитъ? Что онъ такое сказалъ?—думала Зина, выходя за стеклянную дверь. Она оглянулась и увидѣла, какъ высокая фигура его легко и скоро поднималась по лѣстницѣ.

Сырая майская ночь пахнула влагою ей въ лицо. Дождь, который лилъ весь день, стихъ, но тротуары были мокры, и звонкія капли спадали съ крышъ.

— Ты не скучала?—спрашивалъ генералъ сквозь глухой стукъ пролетки.

— Нѣтъ,—дрожащимъ голосомъ, не сразу, отвѣчала Зина.

— Я говорю: прекрасные люди!

XX.

— Поѣдемъ ужинать!—сказалъ Торжицкій Кроткову, съ которымъ они вышли вмѣстѣ отъ Хлоповой.

Кротковъ поморщился.

— Я завтра дежурный... Затянется, вѣдь...—замѣтилъ онъ.

— Ну, вотъ еще. Какое мнѣ дѣло, что ты дежурный?

— У меня дома ужинъ...

— Ну, знаю я твои ужины. Поѣдемъ. Мнѣ же поболтать съ тобой хочется. Ты что думаешь, не встанешь завтра? Я тебя подыму. Я завтра рано отправлюсь на Ходынское поле, Вандика проѣду.

Они жили вмѣстѣ, въ небольшой, одинокой квартирѣ, которую занималъ Кротковъ.

Когда они входили въ одинъ ихъ маленькихъ кабинетовъ Тѣстовскаго ресторана, гдѣ половой поспѣшно отвертывалъ газовые рожки, графъ Торжицкій, кладя шляпу, по-французски спросилъ Кроткова, отчего тотъ не пріѣхалъ къ обѣду, на которомъ онъ былъ.

Кротковъ отвѣтилъ, что не попалъ, и спросилъ, что они будутъ ужинать.

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ Торжицкій, заглядывая въ зеркало на свое блѣдное лицо, казавшееся красивѣе отъ открытой жилетки фрака, поправляя усы и чему-то улыбаясь.—Спроси мнѣ только венгерскаго. Какъ я радъ, что ужинаю сегодня въ такой благородной компаніи,—прибавилъ онъ, садясь къ столу въ кресло и улыбаясь:—мнѣ вѣдь это удается совсѣмъ не часто.

Кротковъ долго возился съ выборомъ блюдъ, толковалъ съ половымъ и совѣтовался съ Торжицкимъ.

Торжицкій крутилъ усы и о чемъ-то думалъ.

— Ну, такъ все-таки, гдѣ ты сегодня былъ?—спросилъ онъ Кроткова, глядя на него смѣющимися глазами, когда половой вышелъ.

— Какое тебѣ дѣло?.. Да что съ тобой?.. — спросилъ Кротковъ, вдругъ краснѣя:—знаешь, я иногда на тебя удивляюсь. Чортъ тебя знаетъ, вѣдь тебѣ тридцать шесть лѣтъ, а ты иногда глупѣе Володьки Чернова...

Торжицкій засмѣялся.

— Степень значительная. Когда же ты замѣтилъ, что я бываю такъ глупъ?

— Да хоть нынче. Такой вздоръ врешь, и видъ глупый.

Торжицкій засмѣялся опять.

— А это меня очень радуетъ. Право! Я вѣдь еще недавно думалъ, что совсѣмъ состарѣлся, вотъ только въ Москвѣ вдругъ помолодѣлъ, точно что сдѣлалось. Нѣтъ, серьезно, скажи!..

Онъ посмотрѣлъ въ глаза Кроткова своимъ упорнымъ, наглымъ взглядомъ, все крутя усы, и назвалъ вдругъ, коротко, одну изъ довольно извѣстныхъ, хотя довольно глухихъ подмосковныхъ дачныхъ мѣстностей. Кротковъ мотнулъ головой.

Половой вошелъ съ икрой и разогрѣтымъ калачомъ.

Торжицкій глядѣлъ по сторонамъ на стѣны, бархатную мебель и зеркало кабинета, ярко освѣщеннаго газомъ, и молчалъ.

— Что жъ, все благополучно?—спросилъ онъ, когда они опять остались вдвоемъ, и прибавилъ, глядя на калачъ:—а, ужинъ будетъ настоящій русскій, это хорошо. Графиня здорова?—спросилъ онъ опять.

Кротковъ пожалъ плечами.

— Ничего. А ты давно ея не видалъ?

— Видѣлъ въ Петербургѣ.

— По-моему, она очень измѣнилась,—серьезно и спокойно, не глядя на пріятеля, сказалъ Кротковъ.

— Да, она болѣетъ все. Ну, ужъ, знаешь, и характеръ у этой женщины. Я такого упрямства не видалъ... Вотъ что: пока еще голова вполнѣ свѣжа, скажи мнѣ, пожалуйста, ты вѣдь пробылъ цѣлый день у нея?

— Да, обѣдалъ.

— Что это за дача, гдѣ она живетъ?

— Дача ничего себѣ.

— Ну, да говори толкомъ. Знаешь, Борисъ, это невозможно: тебя надо раскачивать, какъ колоколъ Ивана Великаго... Ты понимаешь, что я объ этомъ могу говорить *такъ* только съ тобой. А ты бываешь похожъ на живого человѣка только, когда поешь цыганскія пѣсни.

— Да что жъ я тебѣ скажу, странно право! Ну, дача, какъ дача. То-есть, лучше обыкновенныхъ, потому что въ обыкновенныхъ порядочному человѣку жить нельзя... Но, говоря откровенно...

— Ну, что откровенно?—хмуря брови, спросилъ Торжицкій.

Кротковъ вдругъ покраснѣлъ.

— А то, что это все-таки свинство!—сказалъ онъ:—я такихъ вещей скрывать не умѣю, ты меня знаешь. А разъ ты самъ напрашиваешься, я передъ пріятелемъ притворяться не намѣренъ. Когда я ее вижу, я по крайней мѣрѣ недѣлю послѣ ругаю тебя.

— За что?—твердо глядя ему въ глаза, серьезно спросилъ Торжицкій.

Кроткова это вдругъ озадачило. Онъ и самъ, зная всю исторію Торжицкаго съ женой, твердо держась правила не судить никогда супружескихъ дѣлъ и раздоровъ и много разъ передъ другими оправдывая своего пріятеля, не могъ хорошо сказать, за что.

— Да вѣдь ты самъ знаешь, душа моя, какъ она привыкла жить и какъ живетъ. Ты видалъ, небось. Положимъ, тебѣ это, можетъ быть, не такъ замѣтно, но ты вѣдь знаешь, на что она живетъ. Ты самъ ее пріучилъ къ Вандикамъ и всякимъ прихотямъ,—

запинаясь и опять сильно краснѣя, видимо высказывая какую-то давнишнюю мысль, говорилъ онъ.

Торжицкій усмѣхнулся.

— Да это не отвѣтъ. Я не понимаю, въ чемъ ты *меня* обвиняешь?

— А теперь она живетъ одна, чортъ знаетъ гдѣ...

— Ты развѣ не знаешь, что я умолялъ ее ѣхать за границу и лѣчиться?—спросилъ Торжицкій.

— Ты?

— Я.

— Нѣтъ.

Торжицкій пожалъ плечами.

— Что же мнѣ съ ней дѣлать? Она тебя, кажется, очень любитъ. Я пробовалъ черезъ Наталью Алексѣевну,—не помогаетъ. Да женщины въ этихъ дѣлахъ не всегда хороши. Я хотѣлъ тебя объ этомъ просить, да не зналъ, что ты нынче поѣдешь.

— Я это лѣто буду у нея часто. Ей одной и скучно, и жутко, кажется, а мнѣ очень удобно оттуда въ лагерь ѣздить на дежурство. Время не ушло,—сказалъ Кротковъ, принимая изъ рукъ полового круглую серебряную миску.

Торжицкій между тѣмъ налилъ давно принесенное въ такой же мискѣ съ теплой водой вино въ стаканъ и глотками пилъ его, облокотясь на столъ.

— Ты что же хочешь?—спросилъ Кротковъ.

— Да все то же: уговори ее ѣхать за границу.

— Я ничего не слыхалъ. Она не соглашается?

— Конечно, нѣтъ. Она дѣлается въ этомъ отношеніи все упрямѣе, безъ всякаго смысла, безъ причины... Я не понимаю, что такое. Я просилъ Наталью Алексѣевну предложить ей отъ себя денегъ взаймы. Чортъ знаетъ что такое! Ты знаешь, я вѣдь собственно не совсѣмъ понимаю, на что она живетъ. Право. Тебѣ извѣстно, что она у меня беретъ только для сына, и съ ней нельзя объ этомъ говорить?

— Знаю,—сказалъ Кротковъ, морщась.

— Что жъ, и въ этомъ я виноватъ?

Кротковъ поглядѣлъ на него.

— Ну, Володя, что жъ, не виноватъ, что-ли?—спросилъ онъ.

— Въ этомъ, конечно, нѣтъ. Я понимаю, о чемъ ты говоришь. Только средства тутъ непричемъ. Я могу ѣздить къ ней и теперь столько же, сколько тогда. Да я этою весною убѣждалъ ее жить со мною, потому что чувствовалъ, что эта подлая жизнь меня до добра не доведетъ... Причемъ тутъ двѣ тысячи, или семь тысячъ,

или пятнадцать, которыя я бы посылалъ ей?—сказалъ Торжицкій, пожимая плечами и опять глотками отпивая вино.—Она сама не знаетъ, что дѣлаетъ,—прибавилъ онъ.

— Нервы у нея такъ разстроены, что мое почтеніе,—сказалъ Кротковъ, увлекаясь поданной селянкой и желая прекратить непріятный разговоръ.

— Въ этой исторіи всѣ винятъ меня одного,—продолжалъ Торжицкій:—я и не оправдываюсь и не говорю о томъ, что *она* уѣхала отъ меня... Я не спорю, что я довелъ ее до этого, но вѣдь она могла знать меня и знала, выходя за меня...

— Ну, ты, положимъ, „до бѣлаго калѣнія“ въ этомъ случаѣ дошелъ,—смѣясь и жуя, замѣтилъ Кротковъ.

— Но опять-таки она знала, что я такое.

— Но любила тебя и до сихъ поръ, очевидно, любитъ. Хорошихъ-то, братъ, не любятъ. Но, серьезно, я убѣжденъ, что вы сойдетесь. Хотя она не то, что всѣ женщины, и пока ты останешься тѣмъ, что ты есть, она съ тобой жить не станетъ...

— Да, не то, это правда. Да я тебѣ больше скажу: ей важно и не то только, что я *теперь*,—то, что я *былъ*, достаточная причина...

— А сынъ у тебя—молодчина!—перебилъ Кротковъ.

Торжицкій засмѣялся и тоже принялся за ѣду. Тонъ ихъ разговора мгновенно измѣнился. Они смѣялись и говорили всякій вздоръ.

— Ты удивительно хорошій малый,—сказалъ Торжицкій, выливая изъ бутылки остатки вина: — вотъ вѣдь никому въ голову не приходитъ, что мнѣ иной разъ такъ плохо безъ тебя приходится. Въ самомъ дѣлѣ, не съ кѣмъ душу отвести!

— Я вѣдь твою жену очень люблю,—сказалъ Кротковъ, закуривая:—можетъ быть, и лишнее тебѣ говорю...

— Ну, что за вздоръ...

— Ну, да... Нѣтъ, вѣдь ты понимаешь... Я былъ влюбленъ въ нее... А вѣдь это даромъ никогда не проходитъ...

Онъ выпилъ мало, но пьянѣлъ всегда скоро, и глаза его немного осовѣли.

— Это хорошо, но только я тебѣ тамъ очень жить-то не совѣтую, если это „даромъ не проходитъ“. Какъ бы и тебѣ это даромъ не прошло,—смѣясь, сказалъ Торжицкій и позвонилъ.

Кротковъ пристально смотрѣлъ на него.

— А порядочное ты... животное, Володька,—выговорилъ онъ, улыбаясь.

— Въ этихъ дѣлахъ, я думаю, всѣ такіе,—сказалъ Торжицкій.—Еще бутылку подай и счетъ,—приказалъ онъ половому своимъ

рѣзкимъ голосомъ и прибавилъ, вынимая папиросу:—я нынче непозволительно много пью. Да и вообще съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву. Не знаю, чѣмъ это кончится.

— Теперь не очень много,—возразилъ Кротковъ.

— А сколько я пилъ за обѣдомъ?

Онъ задумался, крутя усы. Лицо его было блѣдно и въ поту.

Кротковъ сталъ насвистывать „восточную польку“ извѣстнаго цыгана Соколова. Онъ, видимо, впалъ въ нѣсколько сентиментальное настроеніе.

— Нѣтъ, это что, это вздоръ,—сказалъ вдругъ графъ Торжицкій, наливая еще стаканъ изъ принесенной бутылки, и всталъ. Подойдя къ свѣчѣ, онъ закурилъ потухшую папиросу и остановился, смотря на Кроткова возбужденными глазами, съ неопредѣленной усмѣшкой на блѣдномъ лицѣ.

— Послушай, знаешь что... Я давно хотѣлъ тебѣ сказать,—произнесъ онъ:—увези ты меня отсюда... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ засмѣялся, продолжая глядѣть на Кроткова. Кротковъ пересталъ насвистывать польку и поднялъ на него глаза.

— Что? Опять за прежнее?—произнесъ онъ и снова сталъ свистѣть.

— Мнѣ-то все равно,—сказалъ Торжицкій, все стоя у стола:—но я чувствую, что тутъ будетъ что-то очень скверное.

— Послушай, Торжицкій, вѣдь это ужъ изъ рукъ вонъ... Я, право, какъ долго тебя ни вижу, привыкнуть не могу къ твоимъ безобразіямъ. Я не понимаю, что въ твоей головѣ дѣлается?

— А я и никогда этого не понималъ,—сказалъ Торжицкій, ухмыляясь и глядя на огонь папиросы

Кротковъ долго смотрѣлъ на лицо своего пріятеля, имѣвшее выраженіе человѣка, нисколько не отвѣчающаго за себя, и отвернулся.

— Чортъ знаетъ, что такое!—проговорилъ онъ и снова сталъ свистѣть.—Домой пора,—прибавилъ онъ, взглянувъ на толстые золотые часы.

— Я одного не понимаю, — смѣясь, сказалъ Торжицкій:—какъ ты все замѣтилъ?

— Я, братъ, тебя не первый годъ знаю,—сказалъ Кротковъ:—а ты въ этихъ случаяхъ такъ ошалѣваешь, что бросаешь всякую осторожность. Нынче, между прочимъ, было бы тебѣ извѣстно, я слышалъ даже часть вашего разговора. Но теперь поздно, завтра

мнѣ вставать, а объ этомъ и разговаривать нѣтъ смысла. Просто гадость, больше ничего. Ты мой взглядъ на такія вещи знаешь.

— Послушай, Кротковъ,—сказалъ Торжицкій, усаживаясь въ кресло, куря и облокачиваясь обѣими руками на столъ:—вѣдь это странно... Пойми же, наконецъ, меня. Чѣмъ я виноватъ, что не могу любить такъ, какъ вы любите? Что же мнѣ дѣлать? Ты вотъ Аришу любишь и все, и знаешь, что дѣлаешь, и чего хочешь. А я,—я такъ не могу любить. И ты дѣлалъ бы тоже на моемъ мѣстѣ. Я добиваюсь всегда того, чего хочу, и мнѣ это удается. Еслибъ мнѣ объяснили, что въ этомъ случаѣ можетъ и должно удержать? Меня, тебя... Какіе такіе залоги въ нашемъ воспитаніи?.. Тутъ, можетъ быть, и не удастся, — вдругъ сказалъ онъ серьезно и задумался.

— Да, тутъ не удастся, — утвердительно кивнувъ головой, сказалъ Кротковъ:—я даже убѣжденъ, но меня...

— Ты меня не очень ругай,—перебилъ, не слушая, Торжицкій:—ты знаешь, во мнѣ проснулось, за эту весну, все, что только было когда-нибудь лучшаго...

— Ну, братъ, другимъ разсказывай,—замѣтилъ Кротковъ:—я-то вѣдь отлично знаю, что въ тебѣ въ такихъ случаяхъ просыпается...

Торжицкій засмѣялся.

— А вѣдь такъ мила, правда? Въ ней то, чего ужъ я давно-давно...—Онъ не докончилъ, и, слегка запинаясь и перебивая себя, сказалъ:—она курсистка, это очень скверно, но этотъ лоскъ съ нея живо спустить можно, да и мало его очень. А одѣвается очень мило, не правда-ли?

— Ничего. Я съ ней никогда не говорю, хотя и пѣлъ много разъ. Я ихъ боюсь, ученыхъ, не мой вкусъ. Да и вообще я остороженъ. Это тебѣ хорошо, въ привиллегированномъ-то положеніи...

— Въ привиллегированномъ?

— Ну, да, конечно. Когда насъ ловятъ, какъ не знаю что.

Торжицкій засмѣялся опять.

— А... боишься, — сказалъ онъ, вертя усы:—а я бы очень хотѣлъ, чтобы меня ловили. Меня только бы подпустили, а уйти всегда успѣю. Отъ турокъ благополучно убѣгали, не то, что отъ россійскихъ маменекъ...

Кротковъ засмѣялся.

— Голосокъ славный,—продолжалъ онъ:—но все-таки я ровно ничего не понимаю. Ну, надо звонить.

— Какая тамъ ученая,—сказалъ Торжицкій:—это такой ре-

бенокъ, какихъ я не видывалъ. Я бы не повѣрилъ, еслибъ не видѣлъ собственными глазами и не говорилъ съ ней...—И онъ вдругъ прибавилъ, глядя въ одну точку и полулежа въ креслѣ: — не удастся, думаешь? А хочешь пари? Сейчасъ на бутылку шампанскаго, на сто бутылокъ? Хочешь?

— Нѣтъ, меня вотъ что сердитъ,—вскричалъ Кротковъ, выложивъ деньги и вставая за фуражкой: — ты пойми, что мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла ни до этой барышни, ни до Володьки Чернова, хотя онъ милый малый, ни до кого... Но, говоря только о тебѣ: я не понимаю, какая охота лѣзть чортъ знаетъ во что? И въ особенности, когда всѣмъ этимъ можно пользоваться совсѣмъ спокойно. Если не можешь такъ любить, какъ мы любимъ, такъ мало тебѣ, что-ли, всѣхъ...

Но Торжицкій перебилъ его.

— Это совсѣмъ другое дѣло, и ничего общаго одно съ другимъ не имѣетъ,—сказалъ онъ.

— Да ты самъ не знаешь, что говоришь. Какое тутъ общее или не общее. Понимать-то нечего. Что ты въ ней нашелъ? Все вздоръ. Не знаешь, что съ собой дѣлать, вотъ и все.

— Я уже сколько разъ себя объ этомъ спрашивалъ: что я въ ней нашелъ?—возразилъ Торжицкій.—На меня такъ Москва подѣйствовала, должно быть. Одно скверно,—продолжалъ онъ, удерживая улыбку:—вѣдь это, кажется, признакъ старости, когда начинаютъ увлекаться дѣвочками. Paul Bourget, если не ошибаюсь, говоритъ, что въ Парижѣ это приходитъ вмѣстѣ съ подагрой!..

— Ты, голубчикъ, болтался въ Парижѣ-то, да въ Варшавѣ. Такъ вѣдь это не Парижъ. Ты вляжешься въ такую исторію... А у нея отецъ, не забудь, подковы, говорятъ, гнетъ.

— Ну, мой другъ, ты, кажется, знаешь, что я объ этомъ никогда не думаю,—закидывая руку за спинку кресла, возразилъ Торжицкій:—меня это только можетъ раззадоривать: le charme du danger,—сказалъ онъ и захохоталъ.

— Ну, какой тамъ „charme“, когда за свою физіономію опасаться приходится,—возразилъ Кротковъ.

— Я своей физіономіи дешево не отдамъ, ты меня знаешь...—сказалъ Торжицкій:—а мнѣ бояться нечего.

— Но послушай, c'est malhonnête, enfin! Вѣдь надо же помнить, что она дѣвушка, а не madame Chambort...

— Чортъ знаетъ, что я ей говорю!—сказалъ Торжицкій, слабо улыбаясь и о чемъ-то думая.

Дорогой домой онъ говорилъ съ Кротковымъ уже о дѣлахъ по-

слѣдняго. Кротковъ хотѣлъ жениться на цыганкѣ, въ которую былъ давно влюбленъ, но не могъ рѣшиться на ссору съ семьей и гибель карьеры. Торжицкій утѣшалъ его и давалъ совѣты, какъ бы въ благодарность за то, что говорилъ съ нимъ долго о себѣ. Самъ онъ вдругъ сдѣлался мраченъ, что съ нимъ бывало часто подъ конецъ дня, въ который приходилось много пить.

Кротковъ жилъ въ небольшой, уютной квартирѣ, убранной въ самомъ модномъ вкусѣ тахтами, коврами и оружіемъ. Коричневая лягавая собака Кракъ, принадлежавшая Торжицкому и всегда почти всюду сопровождавшая его, встрѣтила ихъ сначала ожесточеннымъ лаемъ, когда они подъѣхали къ крыльцу, потомъ восторженнымъ визгомъ и кривляньемъ.

Имъ отперъ заспанный лакей Кроткова, которому адъютантъ сталъ тотчасъ же приказывать во-время разбудить себя.

— Гдѣ Василій,—спросилъ Торжицкій, сбрасывая пальто.

— Онъ спитъ, ваше сіятельство.

— Пьянъ?

— Не могу знать,—улыбаясь, отвѣтилъ лакей:—съ крестинъ пришелъ не такъ давно.

— Скотина. Не знаешь, треннеръ былъ?

— Никакъ нѣтъ, не былъ, я знаю...

Въ отвѣтъ на это Торжицкій произнесъ уже французское ругательство и ушелъ къ себѣ.

XXI.

Утро было удивительно хорошо, пасмурное, тихое и свѣжее послѣ дождя, когда графъ Торжицкій, нѣсколько разъ объѣхавъ Ходынскій ипподромъ, направился въ мѣстечко, гдѣ на дачѣ жила его жена. Онъ ѣхалъ все время шагомъ. Кровная, буро-караковая лошадь на высокихъ, тонкихъ ногахъ и съ прелестной головой, засѣдланная въ плоское, выписанное изъ Лондона, англійское сѣдло, твердо и легко ступала по сырому грунту, съ мягкимъ хрупканьемъ отжевывала мундштукъ и капризно осторожнымъ движеніемъ головы просила повода. Торжицкій въ черной суконной, наглухо застегнутой курткѣ съ карманами, въ мягкихъ сапогахъ съ привязанными шпорами и жокейскомъ картузѣ, надвинутомъ на глаза, распущенно сидѣлъ на сѣдлѣ, курилъ и лѣниво думалъ. Кракъ, сопровождавшій его, то спускался въ канаву, затянутую сплошной, яркой травой и пестрѣвшую одуванчиками, и останавливался, вертя прямымъ хвостомъ, то, высунувъ

языкъ, обгонялъ лошадь и исчезалъ впереди, въ погонѣ за ныряющими въ воздухѣ, низко надъ землею, жаворонками.

Торжицкому иногда приходилъ въ голову вопросъ зачѣмъ онъ, собственно, ѣдетъ? И онъ не отвѣчалъ себѣ. Онъ чувствовалъ, что неловко и неудобно пріѣхать къ женѣ утромъ, верхомъ, безъ всякаго дѣла, какъ будто просто отъ скуки, и опять ничего не рѣшалъ. Онъ думалъ о вечерѣ у княгини, видѣлъ передъ собой хорошенькую фигуру въ черномъ, легкомъ платьѣ съ жемчугомъ, и выраженіе испуга и счастья, такъ часто мѣнявшее все это послѣднее время ея молодое лицо, и проговорилъ вслухъ, трепля лошадь по шеѣ:

— Да. Давно ничего подобнаго я не испытывалъ... Я *это* забылъ даже. Хорошо имъ говорить...

Потомъ онъ подумалъ о томъ, что жизнь, отъ которой онъ бралъ все, что могъ, все-таки очень блѣдна и скучна, и что, конечно, эта хорошенькая, экзальтированная дѣвочка будетъ сама благодарна ему за то счастье, которое онъ ей дастъ. А она такъ не проживетъ... По лицу ея и вспыхивающему на немъ выраженію видно, что она такое... Кажется, можно быть увѣреннымъ, что она никого еще не любила, и что всѣ разсказы объ этомъ студентикѣ, котораго онъ тамъ постоянно встрѣчалъ, вздоръ. А онъ все и началъ-то изъ-за безсмысленной, внезапно проснувшейся въ немъ зависти къ этому, полному силъ и особенной, интеллигентной самоувѣренности малому... Она, очевидно, боится его все время, боится того, что онъ возбуждаетъ въ ней.

— Да, это матерьялъ мнѣ незнакомый,—думалъ Торжицкій, вглядываясь въ туманную даль и прислушиваясь къ звонкому переливу жаворонковъ.

Въ воображеніи его промелькнула вся весна, и чувство чего-то свѣжаго и хорошаго, совсѣмъ забытаго, которое являлось въ немъ, когда онъ пріѣзжалъ къ Черновымъ въ ихъ гостепріимный и праздный, типичный московскій домъ и смотрѣлъ на эту милую дѣвушку, появлявшуюся откуда-то изъ-за своихъ книгъ, съ суровымъ выраженіемъ молодого лица, свойственнымъ человѣку, слишкомъ занятому, чтобъ обращать вниманіе на то, что дѣлается кругомъ. И онъ вдругъ сказалъ, опять громко, глядя на носокъ сапога, упиравшійся въ стремя, и привычнымъ движеніемъ ноги оттягивая внизъ каблукъ:

— Или, въ самомъ дѣлѣ, уѣхать поскорѣе? Сдѣлать разъ въ жизни честное дѣло...

Но онъ былъ убѣжденъ, что въ этихъ дѣлахъ нѣтъ ни честнаго, ни безчестнаго, и подумалъ, что если тутъ быть честнымъ, такъ надо

мѣнять всю жизнь, мѣнять себя самого, а ему уже давно отъ этой мысли дѣлается холодно и страшно.

„Сдѣлать честное дѣло“,—разсуждалъ онъ, ровняя повода и сбоку посматривая на точеную, вздрагивавшую всѣми жилками голову Вандика:—„кому отъ этого будетъ хорошо? Она немножко еще помучается, и если не за Зарубина, такъ выйдетъ замужъ за какого-нибудь другого молодца, который получитъ мѣсто съ окладомъ въ четыре тысячи и будетъ очень доволенъ, и оригинальная, полная жизни и жажды счастья, прелестная дѣвочка, позабывъ всѣ свои бредни, сдѣлается примѣрною хозяйкой и превратится... чортъ знаетъ во что. Будетъ заниматься сплетнями, ловить богатыхъ дураковъ и дурачить мужа, если онъ попадется порядочный малый“.

Графиня Торжицкая нанимала одну изъ дачъ небольшого, живописнаго, барскаго имѣнія. Торжицкій довольно долго проплуталъ по проспекту и дорогамъ, разговаривая съ мужиками, работавшими въ полѣ и на огородахъ, отзывая Крака и привлекая вниманіе дачниковъ безукоризненными формами своего Вандика. Когда, наконецъ, ему указали небольшую, но хорошенькую дачку, гдѣ жила его жена, ему сдѣлалось очень совѣстно, и онъ вдругъ смутился. Онъ не могъ придумать, что скажетъ и чѣмъ объяснитъ свиданіе, которое, онъ зналъ навѣрное, очень взволнуетъ его жену. „Въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, что дѣлается въ моей головѣ“, думалъ онъ.

Не доѣзжая свѣже-выкрашенной рѣшетки маленькаго палисадника, примыкавшаго къ дачѣ, онъ ловко соскочилъ съ лошади и повелъ ее за трензель туда, гдѣ, по его разсчету, долженъ былъ находиться дворъ.

Въ одномъ изъ открытыхъ оконъ дачи виднѣлась горничная, что-то гладившая на доскѣ.

На вопросъ, здѣсь-ли живетъ графиня Торжицкая, она подняла голову.

— Здѣсь. Вамъ что угодно?

— Дома?

— Нѣтъ, нѣту.

— Пошлите, пожалуста, кучера, лошадь принять.

Горничная посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и, молча, скрылась.

Кучеръ долго не шелъ и явился, пряча трубку.

— Ты кучеръ?

— Точно такъ.

— Лошадь, братъ, возьми. Только осторожнѣе. Води все время и не вздумай поить. Слышишь?

— Зачѣмъ же горячую лошадь поить, нешто не знаемъ? Будьте покойны.

Въ палисадникѣ было зелено и хорошо. Усыпанныя пескомъ дорожки придавали ему видъ особой уютности. Недавно засаженныя, рыхлыя клумбы цвѣтовъ, стоявшихъ прямыми зелеными стеблями, еще носили слѣды дождя.

На балконѣ, обтянутомъ парусиной съ краснымъ фестонами, никого не было; небрежно разставленная дачная мебель, газеты и книги, свернутая работа, — все свидѣтельствовало объ отсутствіи хозяина и производило непріятное впечатлѣніе пустоты; впечатлѣніе это увеличивало полотняное кресло, стоявшее у террасы передъ цвѣтникомъ, и какія-то игрушки, валявшіяся тутъ же. На Торжицкаго, по крайней мѣрѣ, все это подѣйствовало непріятно. Медленно поднимаясь на ступеньки балкона, онъ поглядѣлъ на часы. Было десять минутъ двѣнадцатаго.

Въ это время за стекломъ двери показалась толстая фигура няньки, въ чистомъ, свѣтломъ платьѣ и фартукѣ.

— Ахъ, батюшки, ваше сіятельство!—вскричала она, быстро выходя и вдругъ чего-то смущаясь: — вѣдь я васъ не признала. Что же это... Пожалуйте.

Торжицкій вошелъ на террасу, но не зналъ, что ему дѣлать. Все расплывавшееся въ улыбку, добродушное лицо няньки, жившей у графини съ рожденія ея сына и, стало быть, присутствовавшей при ихъ семейномъ раздорѣ, смущало его.

— Вамъ чего же прикажете, ваше сіятельство?—спросила было нянька.

— Мнѣ ничего, дай спичекъ, — сказалъ Торжицкій и еще разъ спросилъ о женѣ.

— А графини-то нѣту. Онѣ съ Андрюшенькой гулять пошли. Французинка отъ насъ третій день, какъ уѣхали.

Торжицкій взялъ спичку и сталъ закуривать. Нянька ушла.

Торжицкій въ первую минуту обрадовался, что не засталъ жены, и жалѣлъ, что не уѣхалъ сейчасъ же. Его удержало странное чувство, въ которомъ онъ едва отдалъ себѣ отчетъ,—страхъ сдѣлать женѣ больно, не дождавшись ея, возбудить въ ней сожалѣніе въ томъ, что она не была дома, когда онъ, какъ всегда, передъ продолжительной разлукой, заѣхалъ къ ней. Теперь, когда его видѣла прислуга, уѣхать было невозможно.

Время тянулось очень долго. Неподвижная, морящая тишина

пасмурнаго и душистаго полдня дѣйствовала на него особенно томительно. Онъ ушелъ въ гостиную дачи, полу-темную комнату, знакомую ему не обстановкою, а тономъ обстановки и нѣкоторыми вещами, сѣлъ на кресло и задумался. Въ открытое окно слышно было, какъ кудахтали куры и гдѣ-то далеко куковала кукушка.

— Вѣдь вотъ на минуточку пошли передъ завтракомъ,— заговорила снова появившаяся нянька, тревожно глядя въ открытую дверь террасы:—а то, говорятъ, Андрюшенькѣ только тутъ хуже на сырости...

Торжицкій вспомнилъ пунктъ своей жены, что всюду сыро, и на лицѣ его выразилась скука.

— Да вотъ, точно будто они...

И няня быстро пошла на балконъ.

Торжицкій почувствовалъ, что сердце его бьется, и изъ открытаго окна, выходившаго на балконъ, смотрѣлъ передъ собой.

Калитка стукнула и подлѣ террасы показалась фигура молодой женщины съ лицомъ, почти скрытымъ полями мягкой, соломенной шляпы, въ лѣтнемъ платьѣ и разстегнутой кофточкѣ.

Торжицкій смотрѣлъ на нее, чувствуя, какъ кровь отливаетъ отъ его лица, и ему невольно пришло въ голову, что она одѣта очень просто и небогато, хуже несравненно, чѣмъ одѣвалась прежде, и что есть въ ней что-то особенно мягкое и изящное, во всѣхъ ея движеніяхъ, въ самой широкоплечей фигурѣ, не стянутой корсетомъ и какъ бы нѣсколько распущенной, чего онъ почти не встрѣчалъ въ другихъ женщинахъ. Она поднялась на первую ступеньку и остановилась, переводя дыханіе.

— Андрюша, de nouveau tu as laissé ton arrosoir dans le sable?—Emporte vite tout ça!..—говорила она своимъ, знакомымъ Торжицкому, внутреннимъ, но, какъ ему показалось, надтреснутымъ голосомъ и задыхаясь.—Comme tu es, vraiment,... качая головой, тихо прибавила она.

Онъ видѣлъ хорошо ея подурнѣвшее лицо, блѣдное и усталое, съ морщинками около губъ, придававшими ему выраженіе чего-то горестнаго. Поднявшись, онъ увидѣлъ и фигуру мальчика въ бѣлой матросской куркѣ, покорно нагнувшагося и забиравшаго всѣ свои игрушки.

— Regarde maman, quel beau cheval,—сказалъ онъ, не смѣло поднимая черные глаза на мать.

Этотъ робкій взглядъ вдругъ заставилъ у Торжицкаго сжаться сердце.

Графиня ничего не отвѣчала.

— Il y a quelqu'un chez nous,—опять тихо сказалъ мальчикъ, все забравъ и медленно двигаясь въ своихъ, широкихъ сзади, панталонахъ къ балкону.

— Чья эта лошадь, Иванъ?—спросила Торжицкая.

Но тутъ выступила нянька, до сихъ поръ стоявшая въ нерѣшительности на балконѣ около стола.

— У насъ графъ, ваше сіятельство,—проговорила она.

Торжицкій видѣлъ, какъ при этомъ жена его вздрогнула и какъ лицо ея, и безъ того усталое и блѣдное, вспыхнуло и потомъ поблѣднѣло до бѣлизны губъ.

Онъ зналъ, что она всегда превосходно владѣла собою, подумалъ, что здоровье ея совсѣмъ расшаталось, и поблѣднѣлъ самъ отъ знакомаго ему волненія, котораго онъ въ эту минуту не ожидалъ и не хотѣлъ и которое въ немъ такъ часто возбуждало сознаніе любви къ нему этой женщины.

Графиня Торжицкая взялась рукой за перила и довольно спокойнымъ, хотя съ измѣнившимися нотами, голосомъ сказала:

— Viens, Андрюша, tu dois mettre ton... chose..—Она остановилась, о чемъ-то думая, и оборотилась къ нянѣ: — ему надо надѣть пальто, няня.—Гдѣ графъ?—спросила она, войдя на террасу и пропуская няньку мимо себя.

Но графъ Торжицкій уже самъ вышелъ къ ней и, переступивъ порогъ двери и остановившись, низко поклонился.

Она приблизилась къ нему и вопросительно, почти строго, слегка задыхаясь, смотрѣла въ его тоже взволнованное лицо. Потомъ взглядъ ея глубокихъ, темныхъ глазъ окинулъ всю его фигуру въ курткѣ, узкихъ панталонахъ и сапогахъ со шпорами, съ хлыстомъ и жокейскимъ картузомъ въ рукахъ, и она, повидимому неожиданно для самой себя, вдругъ засмѣялась коротким, не насмѣшливымъ, а добродушно горькимъ смѣхомъ.

И онъ засмѣялся и покраснѣлъ.

— Здравствуйте, графиня, — сказалъ онъ, улыбаясь и снова кланяясь:—это все, чѣмъ вы меня встрѣчаете?

Она протянула ему руку, которую онъ медленно и почтительно поцѣловалъ, и опять засмѣялась.

— Нѣтъ... но мнѣ только смѣшно: вы точно думали, что я отъ васъ скрываюсь въ какихъ-то дикихъ мѣстахъ, куда иначе, какъ въ такомъ воинственномъ видѣ, и проникнуть нельзя!—сказала она, все улыбаясь заблестѣвшими глазами и не глядя на мужа.

*

— Садитесь,—прибавила она и сама сѣла въ кресло.

— Нѣтъ, графиня, я не думалъ этого,—весело глядя на нее, сказалъ Торжицкій.

Его приводилъ въ восторгъ ея тонъ, котораго онъ почему-то не ожидалъ. „Милая и умная женщина", думалъ онъ, глядя въ ея осунувшееся, взволнованное лицо и глубокіе глаза.

— Да и врядъ-ли есть на свѣтѣ такія мѣста, гдѣ бы я васъ не нашелъ, когда мнѣ этого надо,—сказалъ онъ, также улыбаясь и немного смущаясь:—но... дѣло въ томъ, что я просто проѣзжалъ лошадь и, простите меня, очень захотѣлъ увидѣть васъ.

Брови ея сдѣлали чуть замѣтное движеніе.

— Что же вамъ, завтракъ дать или чаю скорѣе?

— Все равно. Если это не затруднитъ, чаю.

— Андрюшу сейчасъ вызовемъ,—сказала графиня, отыскивая стоявшій на виду, тяжелый колокольчикъ и не видя его. Рука ея слегка дрожала. Оправившееся отъ волненія лицо казалось совсѣмъ болѣзненнымъ.

— Я пріѣхалъ узнать о вашемъ здоровьѣ,—сказалъ онъ по-французски.

— Благодарю васъ, я теперь здорова. Скажите нянѣ, чтобъ она дала поскорѣе чаю и привела Андрея Владиміровича,—обратилась она къ лакею, показавшемуся въ дверяхъ.

— Да, здѣсь очень холодно... Пойдемте, я васъ попрошу сюда,—сказала графиня, уходя въ пріемную.

Торжицкій послѣдовалъ за ней.

— Закройте, пожалуйста, окна, — сказала она, но никто не отозвался.

Торжицкій всталъ и самъ закрылъ два окна и дверь.

— Я сама рада погрѣться чаемъ,—сказала она, усаживаясь въ уголъ кушетки.

Торжицкій сѣлъ недалеко подлѣ нея на кресло и спросилъ позволенія курить.

— Сколько хотите,—сказала она.

Андрюша нерѣшительно вошелъ въ комнату, пріостановившись, посмотрѣлъ на Торжицкаго и направился смѣло прямо къ матери.

— Ну, здоровайся,—сказала графиня, слегка толкнувъ его въ сторону мужа и странно засмѣявшись.

Андрюша подошелъ ближе къ Торжицкому, который обнялъ его и поцѣловалъ.

Графиня глядѣла пристально на мужа все тѣми же, смѣющимися глазами. Губы ея чуть-чуть вздрагивали.

Торжицкій чувствовалъ этотъ взглядъ.

Онъ глядѣлъ на краснощекаго, здороваго мальчугана съ торчащими ушами и приподнятой на макушкѣ головой, въ широкихъ матросскихъ штанахъ, и лицо его приняло серьезное и растроганное выраженіе. Онъ смутно подумалъ: „вотъ для этого жить, пожалуй, стоитъ, и тогда можно успокоиться“.

— Ему сколько, вѣдь пять?—спросилъ онъ жену.

— Пять было въ мартѣ,—сказала графиня, поправляя у Андрюши воротникъ куртки и опуская его руки, которыми онъ вертѣлъ, смущаясь.

— Что жъ, далеко гулялъ? — спросилъ Торжицкій, самъ не понимая, отчего голосъ его дрожитъ.

Мальчикъ смотрѣлъ на отца пристально какимъ-то, какъ ему казалось, вызывающимъ взглядомъ.

— Что же ты не отвѣчаешь?—спросилъ Торжицкій, котораго начиналъ утомлять этотъ взглядъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ спокойно:—мама далеко не ходитъ. Съ mademoiselle мы въ лѣсъ ходили,—прибавилъ Андрюша, все разсматривая отца.

— Тебѣ моя лошадь понравилась?

— Да,—сказалъ мальчикъ, оглядываясь на графиню,—maman, la bonne dit, qu'il faut mettre les bas longs, qu'il fait froid,—обратился онъ къ матери.

Графиня послала его переодѣться, и онъ быстро ушелъ, мелькая обнаженными икрами ногъ.

Торжицкій молчалъ.

— Онъ меня весной все спрашивалъ, какъ тебя называть,—смѣясь, сказала графиня, совершенно нечаянно сказавъ ему „ты“ и краснѣя.

— Ну, что же ты сказала?—спросилъ, уже намѣренно, Торжицкій.

— Да то, что нужно, но онъ не хотѣлъ понять. У него теперь есть пріятельница, дочка madame Васильковской, въ Петербургѣ. Это знакомство и возбудило въ немъ разныя мысли. Эти дѣти вѣдь странны...

Они помолчали.

— Кто эта mademoiselle?

— Mademoiselle Marie. Гувернантка, которую я, по вашему желанію, взяла для него. Но она уѣхала, слава Богу, къ матери, которая ее вызвала,—сказала она безпокойно и рѣзко.

— Ты знаешь, что я для тебя только хотѣлъ этого...

— Конечно, знаю. Не можете же вы не довѣрять мнѣ.

— Ну, полноте, что за вздоръ, — сказалъ Торжицкій, хмуря брови.—У васъ былъ Боря?—спросилъ онъ.

— Да, былъ вчера. Это онъ васъ прислалъ?

— Нѣтъ. Онъ только признался въ этомъ и сказалъ, что вы имѣете нездоровый видъ.

— То-есть какъ: *признался?* Развѣ въ этомъ надо признаваться?—съ усмѣшкой спросила графиня.

— Да, потому что мы никогда съ нимъ объ этомъ не говоримъ.

Они опять помолчали.

— Ну, что Наташа?—спросила графиня:—я все жду ее. Она меня отправила сюда и была всего разъ. Здѣсь это кажется очень долго.

— Вы довольны этою жизнью?—спросилъ Торжицкій, оглядывая комнату.

— Жизнью?—спросила графиня съ удивленіемъ.

— Ну да, дачею и мѣстомъ?

— Да, прелестный воздухъ, и я чувствую себя лучше.

Въ комнату принесли чай.

Торжицкій чувствовалъ не только жажду, но и голодъ, и съ удовольствіемъ взялъ стаканъ.

Ему хотѣлось взять побольше хлѣба, но стало почему-то совѣстно.

— Сейчасъ будемъ завтракать,—сказала графиня.

Она сидѣла въ покойной позѣ въ углу кушетки, прислонясь и изрѣдка нервно махая ногой въ мягкой, съ заостреннымъ носкомъ, ботинкѣ. Лицо ея казалось раздраженнымъ и усталымъ.

— Вы меня утѣшаете относительно вашего здоровья, — спокойно сказалъ Торжицкій:—а видъ вашъ мнѣ не нравится.

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, я васъ увѣряю, что чувствую себя хорошо, — сказала она, облокотясь на столъ и мѣшая ложечкой чай.

— Я видѣлъ васъ весною и нахожу...

— Что? Я измѣнилась? — вдругъ безпокойно спросила она, быстро взглянувъ на него.

— То-есть, ничего особеннаго, но, во всякомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы заняться здоровьемъ, — сказалъ Торжицкій, съ удивленіемъ замѣчая эту новую въ ней мнительность.

Она опять мѣшала ложечкой.

— Нѣтъ, право, я здорова,—повторила она.

— Ольга, слушай меня,—сказалъ онъ, твердо и серьезно глядя въ ея опущенные глаза:—ты меня когда-то любила. Да?

— Что за вопросъ? — краснѣя и не поднимая дрогнувшихъ вѣкъ, сказала она.

— Очень простой вопросъ. Ради этого, исполни мою просьбу.

— Какую просьбу?— поднимая на него глаза, почти шопотомъ спросила она.

— Ты знаешь, какую. Согласись уѣхать отсюда.

— Ахъ, Боже мой,—какимъ-то тоже новымъ въ ней тономъ раздраженія сказала она: — я не понимаю, зачѣмъ вы меня мучите? Я вѣдь уже просила васъ не говорить объ этомъ...

Голосъ ея зазвенѣлъ рѣзко и невѣрно.

— Но, послушай, Ольга, нельзя не говорить, наконецъ, когда ты забила себѣ что-то въ голову...

— Предоставьте же, наконецъ, графъ, жить мнѣ, какъ я хочу. Кажется, здѣсь я васъ не безпокою?

— Ну, поѣзжайте не за границу... Я, кажется, и это предлагалъ вамъ. Ступайте въ минскую деревню, все-таки это лучше.

— Ну, ради Бога, Владиміръ Николаевичъ,— сказала она, и въ глазахъ ея показались слезы: — я васъ прошу... Будьте же, наконецъ, великодушны. Я васъ вѣдь рада видѣть. Вы видите?... Зачѣмъ же опять поднимать разговоръ, который мнѣ тяжелъ...

Сдавленный голосъ не повиновался ей. Она засмѣялась, почти плача.

Торжицкій смотрѣлъ на нее и думалъ: „а если сейчасъ я скажу тебѣ: поѣдемъ со мною, я умоляю тебя, забудь все, и уѣдемъ... Прежде тоже слышать не хотѣла, а теперь кончилось бы тѣмъ, я убѣжденъ, что поѣхала бы“.

Но эта мысль испугала его, и онъ опустилъ глаза.

— Ну, какъ хочешь. Больше я никогда не буду говорить объ этомъ.

— Благодарю васъ,—сказала графиня.

Торжицкій долго молчалъ. Онъ чувствовалъ то, что было съ нимъ почти всегда въ минуты свиданія съ женой, т.-е. что онъ долженъ сдѣлать шагъ, который, наконецъ, рѣшительно примиритъ ихъ, и что, рано или поздно, это будетъ. Когда онъ видѣлъ ее, почти всегда послѣднее время, желаніе примиренія, подъ условіемъ своей нравственой перемѣны, охватывало его, но онъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ и чувствовалъ, что она не повѣритъ ему. Теперь это было бы самое лучшее время. По ея лицу, по той нервности, которая была во всякомъ ея движеніи, онъ видѣлъ, что она очень измучена, и что теперь ей легче, чѣмъ когда-нибудь, повѣрить чему бы то ни было. Надо было только умѣючи взяться

за это, и онъ зналъ отлично какъ. И, сидя подлѣ нея, онъ подумалъ о томъ, что, не будь этого зеленаго сада и этой дѣвочки, и всего, что воскресло въ немъ вдругъ въ Москвѣ, онъ бы, пожалуй, рѣшился развязаться окончательно съ „поганою жизнью“, которая въ самомъ дѣлѣ надоѣла ему и которую было уже несносно продолжать... Но теперь все было другое, не было для этого силъ, невозможно было думать объ этомъ.

— Да, Ольга Андреевна, вы вѣрны себѣ, — сказалъ онъ вслухъ, думая о томъ, что, будь она не такая женщина, онъ бы отлично прожилъ съ нею.

— Что же, вы этого осуждать не должны, — сказала она, играя лежавшимъ на столѣ карандашомъ и не глядя на мужа: — вамъ тоже этого не занимать...

Торжицкій заговорилъ объ Андрюшѣ и сказалъ, что онъ имѣетъ молодецкій видъ.

— Да, — сказала Ольга Андреевна: — но что меня пугаетъ, такъ это его черезчуръ сильная развитость не по возрасту. Вы знаете, онъ такъ всѣмъ интересуется, такъ умно иногда говоритъ. Я ужъ боюсь его учить, онъ только азбуку знаетъ немного.

— Вы все еще не излѣчились отъ вашей привычки безпокоиться обо всемъ! — сказалъ Торжицкій, смѣясь.

Графиня улыбнулась и задумалась. Торжицкій молчалъ тоже и думалъ о томъ, что скоро можно будетъ уѣхать.

Завтракъ былъ поданъ въ гостиную, и за столомъ сидѣлъ Андрюша. Онъ немножко попривыкъ къ постороннему лицу, кормилъ Крака, со смѣхомъ разглядывая его морду, задавалъ матери разные вопросы и, наливая себѣ молоко, весь облился.

Онъ сильно покраснѣлъ и испуганно глядѣлъ на мать, но, встрѣтивъ ея улыбку, успокоился.

— Ce n'est rien, maman, il faut seulement changer le pantalon, — замѣтилъ онъ и побѣжалъ изъ комнаты.

— Опшарился, опшарился! — кричалъ онъ, убѣгая, звонко смѣясь и повторяя слово, которое слышалъ у няни.

Торжицкій тоже разсмѣялся, но горло ему вдругъ сдавило, и онъ почувствовалъ въ глазахъ присутствіе слезъ; ему показалось, что никогда никто ему не былъ такъ безпричинно жалокъ и вмѣстѣ такъ близокъ, какъ этотъ мальчикъ съ испуганно виноватымъ лицомъ и торчащими ушами.

— А я даже не вспомнилъ его и ничего не привезъ ему, — подумалъ онъ, радуясь этому сильному, давно его не посѣщавшему чувству.

Онъ пошелъ въ дѣтскую.

Тамъ его маленькая кровать съ висѣвшимъ надъ подушками образкомъ, груда всякихъ игрушекъ, между которыми бросалась въ глаза картонная лошадь съ оторванными передними ногами, унесли его куда-то такъ далеко, что ему стало жутко.

Онъ еще разъ осторожно и неумѣло поцѣловалъ сына и тотчасъ обѣщалъ ему прислать изъ Москвы игрушекъ.

— Ты что, лошадь хочешь?—спрашивалъ онъ, присаживаясь на скамеечку.

— Да,—сконфуженно и тихо улыбаясь, отвѣчалъ Андрюша.

— Отчего у твоей лошади ногъ нѣтъ?—спросилъ Торжицкій, тоже улыбаясь, хотя ему вовсе не было весело.

— Нѣту,—пояснилъ мальчикъ.

— Это у насъ Полканъ отъѣлъ,—отвѣчала за него няня, сзади застегивая ему бѣлые штаны:—а ты разскажи папашѣ, что тебѣ дядя лошадь подарилъ, а Полканъ отъѣлъ. Мамаша въ саду не велитъ бросать игрушки, а мы вотъ бросаемъ... Вотъ тоже мамаша ужъ сколько разъ приказывала ничего со стола не брать, а особливо молоко, а мы вотъ беремъ, да все на себя выливаемъ.

— Дядя Коля,—задумчиво проговорилъ мальчикъ, оглядывая обшлага своей матросской курточки.

Торжицкій охватилъ рукою его теплую спинку и еще разъ поцѣловалъ его; потомъ далъ нянькѣ пять рублей и быстро вышелъ, приказавъ подать лошадь.

Онъ чувствовалъ, что въ душѣ его поднимается что-то слишкомъ серьезное и мало знакомое, даже мало понятное ему, испугался этого чувства и рѣшилъ, что надо уѣзжать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Когда онъ сталъ собираться, ему показалось, что лицо жены его дрогнуло не то испугомъ, не то смущеніемъ, и что оно очень жалко. Онъ заторопился еще больше: его уже смутно пугала мысль, что уѣхать будетъ невозможно.

Онъ подошелъ къ ней, прощаясь. Она встала и посмотрѣла на него долгимъ и почти нѣжнымъ взглядомъ.

— Что же, куда теперь?.. Изъ Москвы?..—спрашивала она, улыбаясь, но губы ея чуть-чуть дрожали.

Торжицкій пожалъ плечами.

— Сначала ненадолго къ себѣ, а потомъ, вѣроятно, опять за границу.

Графиня помолчала.

— Ну, дай Богъ вамъ всего лучшаго, — серьезно сказала она въ то время, какъ онъ наклонялся надъ ея рукой: — спасибо, что заѣхали. Я тогда ужъ думала, что такъ надолго...

Прижимаясь губами къ ея холодной, чуть-чуть дрожавшей рукѣ, онъ ощутилъ на искѣ своемъ ея горячій поцѣлуй.

— Прости, если я тебя обезпокоилъ,—не глядя на нее, сказалъ онъ.

Но она опять проговорила: „спасибо.“

Онъ вышелъ, не оглядываясь. Но жена его, къ удивленію, сошла со ступенекъ и остановилась у балкона.

— Не поилъ?—пробуя подпругу, своимъ рѣзкимъ голосомъ спрашивалъ Торжицкій кучера.

— Никакъ нѣтъ. Зачѣмъ же горячую лошадь поить?.. Тоже вѣдь знаемъ...

Торжицкій сунулъ ему въ руку бумажку.

— И не отпускалъ подпругу? Ничего не дѣлалъ?

— Ничего, ваше сіятельство, водилъ задъ-передъ, какъ приказали...

Проѣзжая мимо калитки, Торжицкій снялъ картузъ, но не обернулся.

Вандикъ такъ и рвался. Промелькнули открытыя окна, горничная на крыльцѣ; большая желтая собака, должно быть, тотъ самый Полкапъ, который обидѣлъ Андрюшину лошадку, хрипло и лѣнивo лаялъ на Крака, остановившагося въ недоумѣніи: идти-ли знакомиться или не стоитъ?

Небо совсѣмъ нахмурилось, и Торжицкій едва миновалъ дачу, какъ съ дружнымъ шумомъ пошелъ душистый, крупный, весенній дождь.

— Какъ все это нелѣпо и глупо... Зачѣмъ я ѣздилъ?—спрашивалъ онъ себя.

XXII.

Когда Торжицкій выбрался на полевую дорогу, крупныя, косыя капли дождя, въ видѣ сѣтки, стали падать все рѣже, и выглянувшее солнце ослѣпительнымъ свѣтомъ брызнуло на мокрые листья деревьевъ, на яркія, ровныя зеленя, тянувшіяся по обѣ стороны правильными четырехугольниками, и на глянцовитую, потемнѣвшую шею Вандика. Графъ Торжицкій ѣхалъ рысью, съ небольшими передышками. Промокшія плечи его скоро высохли и согрѣлись, а звонкое щебетанье встрепенувшихся жаворонковъ, запахъ сырой земли и свѣжихъ всходовъ и ходъ лошади, которымъ онъ былъ доволенъ,

понемногу сгладили тяжелое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ уединенной и скучной дачи жены и оставившее ему смутное сознаніе чего-то гадкаго, что онъ дѣлалъ.

— Какъ я могъ сдѣлать эту подлость?—спрашивалъ онъ себя, гладя мокрую шею фыркавшаго Вандика и стараясь не безпокоить его шенкелями:—какъ я такъ связалъ себя, зная, что я такое? А винить себя все-таки не могу. Я тогда былъ убѣжденъ, что чувство мое къ ней не измѣнится. Да оно почти и не измѣнилось. Я все-таки остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Стало быть, она виновата, а не я...

Стараясь ни о чемъ не думать, онъ отдалъ поводъ. Вандикъ какъ будто только и ждалъ этой минуты и, какъ-то прохрипѣвъ коротко два раза и высоко взбрасывая тонкія ноги, тронулся легкой, крупной рысью. Торжицкій, улыбаясь его рвенію, по-англійски подымаясь на стременахъ и прислушиваясь къ мѣрному скрипу новаго сѣдла и чмоканью копытъ по грязной дорогѣ, полною грудью вдыхалъ сырой, душистый воздухъ. Эластическое движеніе на стременахъ доставляло ему всегда огромное наслажденіе. Теперь же это было особенно пріятно и измѣняло совершенно его настроеніе. Онъ чувствовалъ свѣжесть, гибкость и силу во всѣхъ членахъ, укрѣпленныхъ обычнымъ, холоднымъ утреннимъ обливаніемъ. Тяжесть головы, которую онъ ощущалъ, проснувшись, давно прошла. Ему стало такъ весело, что, приближаясь къ парку, онъ два раза заставилъ Вандика перепрыгнуть черезъ шоссейную канаву и самъ засмѣялся ловкости, съ которой „взялъ“ ее. Онъ былъ уже недалеко отъ заставы и, улыбаясь тревожною улыбкою, думалъ, какъ, не заѣзжая на ипподромъ, проѣдетъ прямо къ Черновымъ.

Желаніе быть тамъ и увидѣть дѣвушку, образъ которой немного изгладили изъ его головы пережитыя впечатлѣнія, вернулось во всей своей силѣ. Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе, быть съ ней и еще разъ испытать во всей силѣ новизны чувство своей власти, которое возбуждало его нервы. Въ томъ, что онъ явится къ ней, не переодѣваясь, прямо оттуда, онъ видѣлъ что-то особенно для себя привлекательное.

Уже выѣхавъ изъ-за тѣни, которую бросали на переулокъ старыя, распустившіяся гораздо больше, чѣмъ за городомъ, освѣженныя дождемъ деревья, и приближаясь къ открытымъ воротамъ двора, по которому съ крикомъ бѣгали мальчишки, Торжицкій съ безпокойствомъ вспомнилъ о вчерашнемъ вечерѣ, о томъ, что онъ ей говорилъ, и подумалъ, что, пожалуй, она не захочетъ его видѣть. До сихъ поръ это ему не приходило въ голову.

Что именно было вчера, онъ помнилъ не вполнѣ ясно, но онъ

зналъ, что говорилъ смѣло и рѣшительно, какъ все это время, и волновалъ ее, и что, прощаясь, онъ рѣшилъ сбить ее со всякаго толка. Онъ помнилъ также, больше всего другого, чувство, которое испытывалъ, что вся она въ его рукахъ... Это-то чувство и хотѣлось ему возобновить. Но въ то же время онъ боялся, что она начнетъ избѣгать его и что онъ все испортилъ.

Страхъ этотъ усиливался съ каждой секундой, по мѣрѣ того, какъ онъ въѣзжалъ въ знакомый дворъ, имѣлъ въ себѣ что-то болѣзненное и мучилъ его.

— Ну, что же?—съ покорностью искренняго страданія думалъ онъ:—если она не ребенокъ, и у нея есть чутье и воля... ну, и Богъ съ ней. И ей, и мнѣ будетъ лучше,—говорилъ онъ себѣ, блѣднѣя, глядя наверхъ, на открытое окно и припоминая, что, кажется, это ея комната. Въ окнѣ никого не было. Колыхалась только маленькая кисейная занавѣска, цѣпляясь за букетъ чего-то бѣлаго и зеленаго.

— Милая...—подумалъ онъ.

Къ нему, снимая картузъ, подбѣжалъ берейторъ въ подбитыхъ кожей панталонахъ, съ глуповатымъ лицомъ.

— Кто-нибудь дома?—спросилъ Торжицкій.

— Не могу знать, ваше сіятельство, вѣрнаго-то не скажу. Молодой баринъ точно не пріѣзжали, а, между прочимъ, не знаю.

Но, рѣшившись войти и легкимъ движеніемъ перекидывая ногу, графъ Торжицкій увидѣлъ въ саду, черезъ плохенькій заборъ, такъ хорошо знакомую ему фигуру, шедшую по дорожкѣ въ глубь сада, и съ легкою дрожью рукъ передалъ берейтору поводья.

Онъ уже чувствовалъ, что какія бы препятствія ни мѣшали ему, онъ съумѣетъ поставить на своемъ. И быстрыми шагами, чуть-чуть звеня шпорами, пошелъ въ садъ.

— Ничего... ничего, я все поправлю,—говорилъ онъ себѣ, торопясь, затворяя скользкую и разбухшую отъ дождя калитку сада и сильно блѣднѣя отъ волненія.

Онъ догналъ ее по дорожкѣ, какъ наперстокъ истыканной крупнымъ дождемъ. Она остановилась и обернулась къ нему.

Лицо ея было взволновано, какъ всегда при встрѣчахъ съ нимъ въ послѣднее время; какъ всегда, глаза, которые она подняла на него, странно похорошѣли, но никогда это не было такъ замѣтно ему и такъ несомнѣнно. Суконное синее платье, обшитое тесьмой, совсѣмъ простое и тяжелое, плотно охватывавшее ея станъ, съ высокимъ воротомъ и узкими рукавами, придавало что-то особенно молодое ея тонкой фигурѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, и на языкѣ его вертѣлось то же

слово, которое пришло ему на умъ, когда онъ увидѣлъ ея окно. Онъ чувствовалъ, что и глаза его говорятъ то же и не хотѣлъ мѣнять ихъ выраженія. Сердце у него ныло все время болѣзненно и сладко вмѣстѣ. „Чего бы я ни сдѣлалъ для тебя, хорошая дѣвочка?“—думалъ онъ, и губы его чуть-чуть вздрагивали слабой и неопредѣленной улыбкой. Въ саду было гораздо гуще, чѣмъ тогда, когда онъ былъ тутъ въ послѣдній разъ. Какъ будто отъ этого дождя и солнца, поминутно выглядывавшаго и горѣвшаго на освѣженной и совершенно мокрой листвѣ, распускалось все, что до сихъ поръ еще медлило своимъ ростомъ. Все ползло, зеленѣло, развертывалось; все было такъ свѣжо, сыро и душисто, что казалось, будто кусты и деревья, ронявшіе чистыя капли дождя, и вся природа задыхались отъ наслажденія... Около забора, тамъ, гдѣ дорожки почти заросли, тяжелыми, бѣлыми пятнами цвѣла черемуха, и Торжицкій понялъ наконецъ, откуда былъ этотъ горьковатый, грубый запахъ, все время смутно волновавшій его.

Онъ самъ послѣ не помнилъ, о чемъ говорилъ съ ней, когда они пошли по дорожкѣ: о дождѣ, который только-что прошелъ, объ этой веснѣ, которую онъ послѣ такого длиннаго перерыва проводилъ въ Россіи, о чемъ-то еще.

— Что это у васъ на окнѣ? Вѣдь это ваша комната?—спросилъ онъ.

— Гдѣ?

— Тамъ наверху, окнами на дворъ. Я видѣлъ на окнѣ букетъ, кажется?

Она засмѣялась.

— Да. Это, должно быть, черемуха. Моя няня мнѣ всегда приноситъ...

И въ голосѣ ея была тоже неуловимая перемѣна, какъ въ лицѣ: онъ былъ мягче и тише.

Володи не было дома, хотя она сказала—Торжицкому казалось для того, чтобъ удержать его,—что онъ въ это время всегда пріѣзжаетъ изъ казармъ.

— Ну, Богъ съ нимъ,—сказалъ онъ и засмѣялся.—А я былъ далеко отъ Москвы,—сказалъ онъ, хлыстикомъ махая по мокрой, молодой травѣ: — верстъ десять... на дачѣ у жены...

Зина сказала: „А-а...“ и чуть-чуть ускорила шаги. Торжицкій, нарочно отставая, слѣдилъ за ней. Она повернула на дорожку, которая, онъ догадался, дѣлала кругъ и вела опять къ дому.

Торжицкій чувствовалъ, что дрожь начинаетъ охватывать его;

онъ боялся, что она уйдетъ, и думалъ о томъ, что, какъ бы то ни было, но онъ удержитъ ее.

— Я хотѣлъ васъ спросить,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ, замедляя шаги и тѣмъ задерживая ее:—вы довольны вчерашнимъ вечеромъ у княгини?

— Да, мнѣ было очень весело.

Торжицкій чуть замѣтно улыбнулся и посмотрѣлъ на нее. Губы ея какъ-то по-дѣтски дрогнули. „Чего она мучается?“—думалъ Торжицкій, чувствуя, что уже давно не было ему такъ хорошо и что онъ не уйдетъ отсюда, не сказавъ ей всего того, что переполняетъ его и что онъ къ ней чувствуетъ.

Они подошли къ низенькой деревянной скамейкѣ, широкой и слегка подгнившей, защищенной густыми вѣтвями стараго тополя, не пропускавшими дождя. Торжицкій остановился.

— Посмотрите, какъ тутъ хорошо,—сказалъ онъ:—сядемте здѣсь. Да?

Она стояла въ нерѣшительности.

— Я не могу отсюда уйти,—съ слабой улыбкой сказалъ онъ:—и вы устали. У васъ... очень усталый видъ.

— У меня голова болитъ,—сказала она и провела рукой по лицу.

— Вотъ и надо отдохнуть,—уже садясь, сказалъ Торжицкій:—такъ вы довольны вчерашнимъ вечеромъ,—продолжалъ онъ спокойно и вовсе не думая о томъ, что говоритъ, когда она сѣла тоже:—а я нѣтъ. Со мной всегда такъ. Какъ только мнѣ хорошо, я упрекаю себя... Да оно и должно быть такъ. Только бороться трудно.

Онъ помолчалъ и продолжалъ прежнимъ тономъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, я вотъ часто смотрю на васъ и думаю. У васъ здѣсь, дома, иногда такой одинокій видъ. Я не понимаю, почему это? Васъ всѣ тутъ любятъ, и нельзя... не за что не любить... Все это вздоръ. Вообще, вамъ хорошо жить...

Она посмотрѣла на него молча.

— Вѣрить такъ, какъ вы вѣрите, и такъ жить... развѣ плохо?

— Отчего же... вы не живете, если такъ надо жить?—сказала она, чуть-чуть краснѣя, улыбаясь и ломая маленькій, сухой сучекъ, который былъ у нея въ рукахъ.

Торжицкій смотрѣлъ на нее и не безъ труда припоминалъ, о чемъ они говорили. Мысли его немного затемнялись.

— А вы,—сказалъ онъ, боясь испугать ее и стараясь успокоиться:—какъ вы думаете... долго такъ проживете?

Она не отвѣчала.

Торжицкій не возобновлялъ разговора и, молча, смотрѣлъ на нее. Его упорный, тяжелый взглядъ сталъ слишкомъ ее безпокоить. Она избѣгала его и, замѣтно блѣднѣя и сбиваясь, заговорила что-то о томъ, что устала и отложила до осени экзамены. Впрочемъ, Торжицкій не слушалъ ея, и слова долетали до него, какъ сквозь сильную дремоту... Онъ видѣлъ только, что все существо ея охватываетъ неудержимое, страшное безпокойство, которое опять заставитъ ее уйти, какъ бывало уже прежде; но онъ зналъ, что не пуститъ ее.

Онъ смотрѣлъ въ ея блѣдное лицо съ опущенными глазами и думалъ о томъ, что она хороша, лучше чѣмъ хороша, что она безконечно дорога и близка ему, и что она должна знать это; что онъ готовъ отдать ей всю свою жизнь, потому что только ради того, что онъ чувствуетъ сейчасъ, на этой скамейкѣ, и стоитъ жить. И ему захотѣлась сказать ей это.

— Жизнь хороша, —сказалъ онъ, перебивая ее и почти не узнавая своего голоса:—да? Вѣдь правда? — говорилъ онъ тихо, жадными глазами охватывая ея лицо, губы, глаза, виски и готовясь насильно удержать ее, какъ только она встанетъ.—Вы это знаете сами, и лгать не надо. Вы слишкомъ правдивы, чтобы лгать. Надо главное поймать, уловить то, что важно... Все остальное—вздоръ. А это не всегда умѣешь. Поймать прелесть...: все, ради чего только и можно жить. Что, вы не понимаете меня?

Она дышала коротко и скоро, и, все не поднимая глазъ, стала кусать сучекъ, бывшій у нея въ рукахъ. Торжицкій слѣдилъ за движеніемъ ея губъ и испугался вдругъ охватившаго его непобѣдимаго желанія поцѣловать сейчасъ же ея блѣдное, какъ платокъ, нѣжное лицо, которое было такъ близко отъ него. Но онъ овладѣлъ собою.

— А вѣдь это очень просто, — сказалъ онъ, чувствуя, какъ глаза его тяжелѣютъ, и мысли совсѣмъ путаются.

Онъ помолчалъ, не спуская съ нея глазъ.

— Зачѣмъ вы меня... такъ боитесь?—вдругъ выговорилъ онъ:—вы знаете, стало быть, что... я люблю?

Она хотѣла встать, но онъ схватилъ ее за руку и почувствовалъ, какъ вся она задрожала.

— Ну, что за вздоръ?—сказалъ онъ:—зачѣмъ вы уходите? Это ничего.

Онъ совсѣмъ не понималъ, что говорилъ его языкъ. Она старалась освободить свою руку, но онъ съ осторожною и мягкою настойчивостью удерживалъ ее.

Потомъ снова имъ овладѣла точно какая-то посторонняя сила; онъ самъ не зналъ, какъ нагнулся къ ней и осторожно и легко коснулся губами ея нѣжнаго лица, куда-то около уха и виска, и выпустилъ тотчасъ ея руку.

Она встала и пошла по дорожкѣ. Онъ пошелъ за ней и не могъ сказать ни слова.

Уже подходя къ террасѣ, онъ сказалъ:

— Зинаида Николаевна, простите меня, ради Бога. Но... вы видите... я не виноватъ... Это все сильнѣе меня. Ради Бога, скажите что-нибудь.

Прощенія просить у нея ему страшно хотѣлось. Онъ хотѣлъ бы даже упасть сейчасъ передъ ней на колѣни.

Когда она поднялась на каменныя ступеньки, онъ вдругъ, словно опомнившись, бросился впередъ, обогналъ ее и загородилъ дверь.

Она остановилась передъ нимъ и широко открытыми, испуганными глазами смотрѣла на него.

— Что вамъ нужно?—выговорила она, какъ во снѣ.

— Не знаю, — сказалъ онъ, серьезно и нагло глядя въ ея глаза:—чтобъ вы меня поняли, вѣроятно. Чего вы меня боитесь? Останьтесь минутку... Это страшное несчастье, что мы встрѣтились, но я въ немъ не виноватъ. Что же мнѣ дѣлать? Уѣхать? Если вы хотите этого, я сдѣлаю и это для васъ. Ну... скажите мнѣ что-нибудь...—вдругъ совсѣмъ другимъ, нѣжнымъ и слабымъ, просящимъ голосомъ сказалъ онъ и подошелъ къ ней.

Она сѣла на гнутое кресло, облокотилась о перила и закрыла лицо руками.

— Владиміръ Николаевичъ... я не могу... зачѣмъ вы меня такъ мучаете?—разслышалъ онъ.

Онъ оглянулся. Кругомъ не было ни души, ни одного звука, никакого движенія.

На черты его поблѣднѣвшаго лица снова налегло выраженіе особаго, грубаго упрямства. Онъ бросилъ хлыстъ, взялъ ея руки, отстранилъ ихъ и, обнявъ ее, нагнулся къ ея губамъ, но она оттолкнула его и встала.

Онъ начиналъ бояться того, что чувствовалъ, и не остановилъ ея.

Когда она вышла въ дверь, онъ, шатаясь отъ усталости, съ дрожью въ колѣняхъ, поднялъ хлыстъ, отошелъ, сѣлъ на ступеньки террасы и не сразу нашелъ карманъ, чтобы вынуть папиросницу.

— Баста! — сказалъ онъ себѣ, стараясь одуматься и успокоиться:—вотъ и началось все, чего я такъ боялся. Теперь не остановишься.

Ему было жутко и непонятно грустно чего-то и жаль ея. Но онъ уже зналъ, что совершенно безсиленъ надъ самимъ собой.

Онъ сидѣлъ долго.

Въ головѣ его бродили смутныя мысли.

Онъ думалъ о томъ, что любитъ ее, хотя самъ, какъ слѣдуетъ, не понималъ до сихъ поръ того, что надо быть осторожнѣе, а то вдругъ кто-нибудь видѣлъ? Что она теперь счастлива и будетъ ему принадлежать, онъ это знаетъ, хотя продолжаетъ бояться, какъ никогда еще не боялся. Мысленно онъ слѣдилъ за ней, думалъ о лѣстницѣ наверхъ и о ея комнатѣ. Какая это комната? Въ какомъ видѣ отразились на ней свойства, характеръ ея обитательницы? Думалъ онъ также о томъ, что дѣлаетъ новую и на этотъ разъ страшную гадость.

Когда дверь застучала и въ нее вошелъ, звеня шпорами, Володя, Торжицкій вздрогнулъ и быстро оглянулся, но не поднялся.

Володя вернулся изъ казармъ и былъ въ шашкѣ и лядункѣ черезъ плечо и въ сапогахъ поверхъ потертыхъ рейтузъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Это только у насъ можетъ быть!— говорилъ онъ, смѣясь и подходя къ Торжицкому:—ищу тебя по всему дому... Ты давно тутъ сидишь?—не кланяясь, а только по модному небрежно и сильно стискивая протянутую руку, спросилъ онъ.

Торжицкій отвѣчалъ молча на это пожатіе.

— Гдѣ же Зина?

Торжицкій пожалъ плечами.

— Вѣроятно, за лекціями,—подумавъ, коротко сказалъ онъ.

Володя захохоталъ, сѣлъ на кресло, съ котораго только-что встала Зина, и тотчасъ принялся уговаривать своего пріятеля ѣхать съ нимъ на Ходынку. Вечеромъ были скачки, въ которыхъ участвовали двѣ лошади Торжицкаго, приведенныя съ завода весной, и скакалъ Барминскій.

Торжицкій вдругъ всталъ и пошелъ къ калиткѣ.

— Куда же ты? — заглядывая ему въ лицо, догоняя его и смѣясь, спрашивалъ Володя.

— До свиданія... Мнѣ лѣнь было подняться. Пора,—лѣниво и тихо возразилъ Торжицкій.

К. Ельцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ.

(Окончаніе).

IV.

Противополагая науку сначала метафизикѣ, потомъ философіи, мы вовсе не имѣли въ виду отожествлять метафизику и философію: оба противоположенія имѣли совершенно разный смыслъ, тѣмъ болѣе, что и самую науку мы брали въ значеніи болѣе широкомъ, въ одномъ случаѣ, и въ значеніи болѣе тѣсномъ, въ другомъ случаѣ. Наука и метафизика имѣютъ разные предметы: одна—міръ явленій, другая—міръ сущностей, и въ этомъ случаѣ подъ наукою мы разумѣемъ всякое знаніе, ограничивающееся міромъ явленій. (Съ болѣе широкой точки зрѣнія, но уже выходящей за предѣлы научности, и метафизику называютъ наукой). Съ другой стороны, къ самому міру явленій у насъ можетъ быть отношеніе двоякаго рода, смотря по преобладанію въ немъ изслѣдованія или творчества, т.-е. отношеніе или научное, или философское, при чемъ разница между наукой и философіей опредѣляется не ихъ предметомъ, который у нихъ, наоборотъ, одинъ и тотъ же, а ихъ неодинаковымъ отношеніемъ къ одному и тому же предмету. Вообще, слову «наука» придаютъ весьма различный смыслъ и нерѣдко, напр., отъ науки, взятой въ смыслѣ чистаго знанія, удовлетворяющаго извѣстнымъ потребностямъ нашего ума, отличаютъ знаніе прикладное, къ которому мы стремимся въ виду разныхъ практическихъ потребностей жизни. Нерѣдко именно подъ наукою разумѣютъ одно только чистое знаніе, давая знанію прикладному названіе «искусства» въ особомъ, не художественномъ и не ремесленномъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ тутъ скорѣе должна была бы идти рѣчь не о наукахъ и искусствахъ, а о наукахъ чистыхъ и прикладныхъ, такъ какъ то или другое искусство (искусство воспитателя, врача, строителя и т. п.) заключается въ приложеніи на практикѣ указаній особыхъ научныхъ дисциплинъ, имѣющихъ своею цѣлью не удовлетвореніе чистой любознательности, а служеніе тѣмъ или другимъ потребностямъ личной и общественной жизни человѣка.

Чистое знаніе міра явленій, не преслѣдующее никакихъ практическихъ цѣлей, должно быть научно-философскимъ. Если философія должна быть научною, то, наоборотъ, и наука должна быть философична. Со-

гласно со всѣмъ, что было уже сказано выше о взаимныхъ отношеніяхъ научнаго и философскаго элементовъ знанія, наука тѣмъ болѣе приближается къ философіи, чѣмъ значительнѣе въ ней элементъ творчества. «Въ этомъ отношеніи,—писали мы въ другомъ мѣстѣ [1]),—можно раздѣлить всѣ науки прежде всего на конкретныя и абстрактныя, по преобладанію въ нихъ или описательно-повѣствовательнаго элемента, или отвлеченія: первыя имѣютъ дѣло съ единичными фактами, вторыя—съ явленіями обобщенными, съ общими представленіями и понятіями. Простое описаніе единичныхъ фактовъ, собственно говоря, не наука даже, а лишь научный матерьялъ, обладаніе которымъ мы называемъ ученостью, а не научностью. Съ иной точки зрѣнія это раздѣленіе получаетъ новый характеръ, изучаемъ-ли мы самыя явленія или законы, ими управляющіе: науки о явленіяхъ можно назвать феноменологическими, науки о законахъ—номологическими. Каждая феноменологія можетъ быть конкретной и абстрактной, смотря по тому, изучаемъ-ли мы явленія, стремясь къ точному, полному, всестороннему изображенію ихъ въ ихъ конкретности, или довольствуемся болѣе отвлеченными схемами, общими характеристиками, краткими формулами, существенными признаками, и т. д.; напр., исторія есть наука феноменологическая, что не мѣшаетъ намъ различать конкретныя историческія изображенія, способныя при художественномъ талантѣ историка, возвысить исторію на степень искусства, и абстрактныя историческія изображенія, въ которыхъ многіе и полагаютъ сущность философіи исторіи. Что касается до наукъ номологическихъ, то онѣ, занимаясь общими отношеніями между явленіями, которыя мы называемъ законами, абстрактны уже по самой своей сущности. Наконецъ, возможно еще дѣленіе наукъ на болѣе спеціальныя и болѣе общія. Въ каждой категоріи между обоими типами наукъ существуютъ постепенные переходы: конкретность и абстрактность могутъ имѣть разныя степени, и чѣмъ абстрактнѣе наука, тѣмъ она дальше отъ простого собиранія научнаго матерьяла; между чистой феноменологіей, изучающей причинную связь опредѣленныхъ по мѣсту и времени явленій, и номологіей, изслѣдующей необходимыя отношенія однородныхъ явленій, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, стоятъ науки классификаціонныя, распредѣляющія предметы по группамъ; наконецъ, существуетъ масса переходовъ между мелкими спеціальностями, ставящими себѣ задачей изслѣдовать часть предмета, и общими науками, стремящимися охватить цѣлыя большія области предметовъ. Различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ, эмпирическимъ и умозрительнымъ, частнымъ и общимъ, къ которому нерѣдко сводили противоположность между наукой и философіей, имѣетъ несомнѣнное существованіе въ наукѣ. Если бывало нерѣдко, что философія пренебрежительно относилась къ

[1]) Въ статьѣ, изъ которой выше уже была приведена одна выдержка.

наукѣ, то именно только къ такой наукѣ, которая отожествляла себя съ простой эрудиціей, или обладаніемъ конкретными представленіями научнаго матерьяла, сводила свою задачу къ констатированію чисто эмпирической связи между предметами и къ исчерпывающему ихъ «перечисленію до конца» и, зарывшись въ своей маленькой области, игнорировала все остальное. Философія, имѣвшая сколько-нибудь высокое мнѣніе о наукѣ, всегда требовала, чтобы послѣдняя давала общія понятія, открывала законы, обобщала болѣе или менѣе обширныя области знанія. Требованіямъ философіи наука удовлетворяетъ, когда заботится о полнотѣ своего знанія, которая заключается, конечно, не въ «перечисленіи до конца»,—о стройности, которую наиболѣе способны представить изъ себя науки номологическія, какъ системы законовъ,—о цѣлостности знанія, когда обобщаетъ его элементы въ одну теорію той или другой частной области міра».

На основѣ только-что приведеннаго раздѣленія всѣхъ чистыхъ наукъ на двѣ большія категоріи мы можемъ установить прочное различеніе между исторіей (и философіей исторіи), съ одной стороны, и соціологіей (съ общей теоріей исторіи), съ другой стороны. Обѣ онѣ имѣютъ своимъ предметомъ въ концѣ концовъ одно и то же. Обѣ занимаются культурнымъ и соціальнымъ бытіемъ человѣческаго рода, т.-е. совокупностью цѣлой массы событій и перемѣнъ, отношеній и формъ въ постоянно движущейся впередъ жизни народовъ. Мы можемъ, съ одной стороны, изобразить существенное въ этой совокупности, представивъ ее въ одномъ цѣломъ, съ другой стороны, добраться до постоянныхъ отношеній сосуществованія и послѣдовательности между отдѣльными категоріями явленій: въ первомъ случаѣ мы получимъ науку феноменологическую—всемірную исторію, отъ которой ея философія отличается лишь большею абстрактностью и болѣе тѣснымъ отношеніемъ къ этическимъ вопросамъ знанія, во второмъ у насъ будетъ наука номологическая—соціологія. Вотъ простое и понятное различіе между философіей исторіи и соціологіей. Философское, проникнутое объединяющей и руководящей идеей разсмотрѣніе сложнаго феномена всемірной исторіи—задача первой науки, задача второй—изслѣдованіе общихъ законовъ соціальной жизни, измѣненія которой и составляютъ содержаніе историческаго процесса. Взятая съ феноменологической точки зрѣнія, исторія есть въ высшей степени сложная смѣна самыхъ пестрыхъ явленій въ жизни человѣчества; взятая съ точки зрѣнія номологической, она представляетъ изъ себя сложное соединеніе простыхъ процессовъ, изъ коихъ каждый подчиненъ спеціальному закону. Процессы механическіе, физическіе, химическіе участвовали въ образованіи послѣдовательныхъ состояній неорганической природы, какъ въ образованіи послѣдовательныхъ состояній человѣческихъ обществъ—процессы психологическіе и соціологическіе. Научное объясненіе геологіи (которая по нашей терминологіи есть наука феноменологическая)

выпадаетъ на долю механики, физики, химіи; научное объясненіе исторіи есть дѣло психологіи и соціологіи. Въ геологіи и исторіи мы изслѣдуемъ результаты извѣстной комбинаціи разнородныхъ процессовъ; въ механикѣ, физикѣ, химіи, психологіи, соціологіи мы изолируемъ каждый элементарный процессъ и изучаемъ его въ простѣйшей формѣ.

Собственно говоря, указанное нами различіе между науками феноменологическими и номологическими составляетъ краеугольный камень контовской классификаціи наукъ; только термины у основателя позитивизма другіе. Нашимъ номологическимъ наукамъ въ этой классификаціи соотвѣтствуютъ абстрактныя, феноменологическимъ—конкретныя. Контъ лишь не принялъ въ разсчетъ, что не всякая абстракція ведетъ къ открытію законовъ и что не всякое описаніе явленій бываетъ конкретнымъ. «Однѣ науки,—говоритъ именно Контъ,—*абстрактныя*, общія, имѣющія предметомъ *открытіе законовъ*, которые управляютъ разными родами явленій; другія, *конкретныя*, особенныя, описательныя, состоятъ въ примѣненіи этихъ законовъ *къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ*» [1]). Принявъ всякую абстракцію за выведеніе законовъ, Контъ всю свою философію исторіи, т.-е. науку феноменологическую, цѣликомъ включилъ, подъ названіемъ *Соціальной динамики*, въ свою соціологію, не понявъ, что абстрактной и конкретной можетъ быть и «дѣйствительная исторія различныхъ существующихъ предметовъ»: все дѣло только въ степени. Художественный образъ и схематическое изображеніе, подробная біографія и краткая характеристика, протоколъ и *résumé*, одинаково имѣютъ предметомъ феноменъ, будетъ-ли то какая-либо вещь, или личность, или дѣйствіе. И въ исторіи возможна цѣлая градація отъ художественныхъ картинъ, мелочныхъ подробностей, длинныхъ перечисленій частностей до отвлеченныхъ схемъ, до общихъ характеристикъ, до краткихъ формулъ,—рядъ ступеней между конкретностью непосредственнаго историческаго матерьяла и абстрактностью, такъ сказать, его квинтъ-эссенціи. Въ этомъ смыслѣ философія исторіи будетъ въ концѣ концовъ то же изображеніе всемірной исторіи, только доведенное до извѣстной степени абстрактности.

Дѣлая свою поправку въ терминологіи Конта, мы достигаемъ важныхъ результатовъ. Во-первыхъ, философія исторіи и соціологіи, получая каждая свою область, не могутъ болѣе смѣшиваться, и одна не станетъ устранять другой: историки освобождаются этимъ отъ упрека, что не занимаются открытіемъ законовъ, потому что освобождаются отъ самой этой задачи, а соціологія перестаетъ быть предметомъ попытокъ превратить ее въ описательную науку. Это разъ. Во-вторыхъ, возлагая задачу открытія законовъ историческаго процесса на психологію и соціологію, мы не будемъ нуждаться въ какихъ-то еще особыхъ историческихъ законахъ, помимо общихъ психологическихъ и со-

[1]) *Comte.* «Cours de philosophie positive». I, 56 (по 2 изд.).

ціологическихъ законовъ, что устранитъ изъ философіи исторіи массу недоразумѣній.

Такимъ образомъ, по принимаемому нами опредѣленію, соціологія есть общая теорія общества. Это — употребленіе термина въ самомъ широкомъ смыслѣ, когда мы включаемъ въ область общей теоріи общества всѣ происходящія въ немъ явленія, не выдѣляя изъ нихъ спеціально явленій общественной организаціи, которыя и составляютъ предметъ соціологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Но объ этомъ рѣчь будетъ идти еще впереди. Теперь же мы остановимся на одной сторонѣ дѣла, которая обыкновенно совершенно игнорируется въ соціологической литературѣ. Отъ общаго понятія жизни общества мы можемъ отвлечь ту сторону этой жизни (и дѣятельности его членовъ), которая называется исторіей или историческимъ процессомъ. Каждый процессъ, совершающійся въ мірѣ явленій, будучи не чѣмъ инымъ, какъ совокупностью разныхъ событій и перемѣнъ, можетъ и долженъ имѣть свою теорію, которая изслѣдовала бы причины и слѣдствія, внутреннія свойства и внѣшнія условія каждаго такого процесса. Та сторона общественной жизни, которую мы называемъ историческимъ процессомъ, также должна имѣть свою теорію—теорію историческаго процесса вообще, т.-е. историческаго процесса, отвлеченно взятаго. Къ сожалѣнію, это—наименѣе разработанная область научнаго знанія, имѣющаго своимъ предметомъ общественную и историческую жизнь человѣка. Въ громадной литературѣ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, странъ, эпохъ, событій, учрежденій и т. п., по философіи исторіи и по соціологіи съ ея экономическими, юридическими и политическими развѣтвленіями общая теорія исторіи, или исторіологія, какъ мы будемъ ее называть, занимаетъ самое скромное и весьма подчиненное мѣсто. Она ждетъ еще своего обособленія въ самостоятельную дисциплину, имѣющую свои опредѣленныя задачи. Ей предстоитъ еще рѣзко ограничить свою область отъ другой, не менѣе отвлеченной дисциплины, имѣющей своимъ предметомъ исторію же, но взятую не въ смыслѣ извѣстнаго процесса въ жизни народовъ, а въ смыслѣ изученія и воспроизведенія совершающихся въ этой жизни событій и перемѣнъ.

Кромѣ того, можно говорить объ особой научной дисциплинѣ, предметомъ которой можетъ быть сама историческая наука (нѣмцы называютъ ее историкою). Тутъ мы касаемся еще цѣлой области научнаго знанія, которое разрабатывается отдѣльными спеціальностями, подводимыми подъ общую рубрику методологіи. Кромѣ общей логики наукъ, рѣшающей вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ добывать научныя истины, могутъ существовать логики или методологіи отдѣльныхъ наукъ. Особенно такія методологіи необходимы по отношенію къ наукамъ гуманитарнымъ и соціальнымъ, такъ какъ изучаемыя ими явленія болѣе сложны, чѣмъ явленія, изучаемыя естествознаніемъ, и во многихъ отношеніяхъ не допускаютъ примѣненія къ себѣ

тѣхъ пріемовъ непосредственнаго наблюденія и искуственнаго опыта, коими такъ часто и съ такимъ успѣхомъ пользуются естествоиспытатели. Тѣмъ большую важность пріобрѣтаютъ методологическіе вопросы въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ, что на этотъ счетъ высказываются въ литературѣ самые разнообразные, нерѣдко противорѣчивые, исключительные, односторонніе, сбивчивые и даже прямо невѣрные взгляды. Если историки, далеко еще не согласные между собою относительно сущности историческаго процесса, о которой они, впрочемъ, мало думали, тѣмъ не менѣе, пришли къ соглашенію по вопросу о правильныхъ пріемахъ историческаго изслѣдованія, то соціологи до сихъ поръ не установили никакихъ прочныхъ принциповъ касательно даже наиболѣе важныхъ методологическихъ вопросовъ ихъ науки, что, конечно, отражается и на ея содержаніи. Самое отношеніе соціологіи къ другимъ наукамъ и raison d'être ея отдѣльнаго существованія между ними понимаются весьма различно, что опять-таки не можетъ не отражаться на содержаніи этой науки въ трудахъ отдѣльныхъ ея представителей.

Выше мы опредѣлили, въ чемъ заключается отличіе соціологіи отъ исторіи, и этимъ мы опредѣлили то отношеніе, въ какомъ находятся обѣ названныя науки. Но соціологія, кромѣ того, имѣя дѣло съ общественною жизнью человѣка, который живетъ еще жизнью духовною и тѣлесною, должна стоять въ опредѣленныхъ отношеніяхъ и къ психологіи и біологіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ отношеніи должна находиться соціологія къ біологіи и психологіи?

V.

Исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи нами этого вопроса будетъ знаменитая классификація наукъ, предложенная Контомъ. Этотъ мыслитель замѣтилъ, что не всѣ отрасли знанія съ одинаковою быстротою достигаютъ полной научности: въ исторіи ихъ развитія наблюдается извѣстный порядокъ, опредѣляемый степенью общности, простоты и взаимной независимости явленій. Болѣе всего отстало въ этомъ отношеніи изученіе явленій соціальныхъ, какъ наиболѣе частныхъ, сложныхъ и взаимно обусловливающихся. Этотъ порядокъ, въ которомъ отдѣльныя науки достигаютъ положительной ступени своего развитія, Контъ и кладетъ въ основу своей классификаціи абстрактныхъ, т.-е. номологическихъ наукъ: она именно согласуется съ общимъ ходомъ исторіи наукъ, т.-е. тѣ науки, которыя въ классификаціи поставлены впереди, всегда древнѣе и развитѣе тѣхъ, которыя поставлены послѣ. Принципъ этой классификаціи—логическое и естественное сцѣпленіе разныхъ наукъ, вытекающее изъ сравненія различныхъ разрядовъ явленій, открытіемъ законовъ которыхъ онѣ занимаются. Эти явленія мы можемъ распредѣлить по немногимъ естественнымъ категоріямъ, которыя находятся

въ такомъ отношеніи одна къ другой, что раціональное изученіе каждой категоріи основано на знаніи главныхъ законовъ предъидущей и дѣлается основаніемъ для изученія слѣдующей. Порядокъ этотъ опредѣленъ степенью простоты или, что то же, степенью общности явленій, откуда и происходитъ ихъ послѣдовательная зависимость, а потому и бо́льшая или меньшая легкость ихъ изученія. Чѣмъ явленія проще и общѣе, тѣмъ легче ихъ изучать и тѣмъ ранѣе достигаютъ положительнаго состоянія науки, изучающія болѣе простыя и болѣе общія явленія. Раздѣливъ далѣе всѣ явленія на феномены тѣлъ мертвыхъ и феномены тѣлъ организованныхъ, Контъ указываетъ на бо́льшую сложность послѣднихъ и на ихъ зависимость отъ первыхъ. Намъ не важно то, какъ Контъ распредѣляетъ явленія первой категоріи между отдѣльными науками, но вотъ что говоритъ онъ о наукахъ, занимающихся явленіями второй категоріи: «всѣ живыя существа представляютъ два разряда явленій, существенно различныхъ, изъ коихъ одни имѣютъ отношеніе къ индивидууму, другія—къ виду, особенно если онъ общителенъ. Это различеніе имѣетъ основное значеніе, главнымъ образомъ, по отношенію къ человѣку. Послѣдній разрядъ явленій, очевидно, сложнѣе и частнѣе, чѣмъ первый; онъ отъ него зависитъ, но на него не вліяетъ. Отсюда два большіе отдѣла въ органической физикѣ: физіологія въ собственномъ смыслѣ и основанная на ней соціальная физика». Такимъ образомъ у Конта біологія (физіологія) и соціологія (соціальная физика) представляютъ изъ себя только подраздѣленія органической физики, и все различіе между ними въ томъ, что одно изъ этихъ подраздѣленій занимается особью, другое —видомъ. Въ сущности, однако, вѣдь и біологія занимается изученіемъ не только индивидуальной, но и видовой жизни, вслѣдствіе чего и раздѣляется въ настоящее время на онтогенетическую и филогенетическую, т.-е. индивидуальную или видовую, и, конечно, послѣдняя не есть соціологія. Самъ Контъ, опредѣляя соціологію, какъ науку о видовой жизни, счелъ нужнымъ указать на общительность, какъ на особенный признакъ, который изучается соціологіей. Но этимъ онъ отмѣтилъ только, что самъ чувствовалъ разницу между жизнью видовою, которая можетъ быть лишена всякой общественности, и жизнью общественною, и это дѣйствительно двѣ вещи разныя: видовая біологія сама по себѣ, соціологія сама по себѣ. Не смотря на весьма часто встрѣчающееся у Конта заявленіе, что общественныя учрежденія покоятся на мнѣніяхъ, и не смотря на попадающіяся у него указанія относительно существованія психической связи между индивидуумами, Контъ не додумался до той простой мысли, что на основаніи его же собственнаго принципа классификаціи наукъ соціологія должна имѣть свое непосредственное основаніе въ психологіи, которая такимъ образомъ и становится связующимъ звеномъ между соціологіей и біологіей. Какъ біологическія явленія управляются законами физики и химіи *плюсъ* лишь имъ, самимъ біологическимъ явленіямъ,

свойственными законами, такъ точно явленія психическія зависятъ отъ біологическихъ, представляя, однако, многое такое, что не можетъ быть сведено къ дѣйствію чисто біологическихъ факторовъ, и совершенно такъ же явленія соціальныя основываются на духовныхъ, которыя въ нихъ осложняются новыми специфическими чертами. Одна видовая жизнь организмовъ еще не можетъ служить основаніемъ для возникновенія общественной организаціи между индивидуумами одного и того же вида. Нужно еще, чтобы въ особяхъ существовала развитая психическая жизнь и чтобы между ними существовало психическое взаимодѣйствіе. Непосредственно на біологіи, минуя психологію, нѣтъ никакой возможности построить соціологію. Въ дальнѣйшемъ мы еще увидимъ, къ чему приводятъ попытки чисто біологической и, слѣдовательно, натуралистической обосновки общей теоріи общества.

Ставя между соціологіей и біологіей психологію, мы должны имѣть въ виду, что предметомъ научнаго изслѣдованія могутъ быть не только тѣ психическія явленія, которыя совершаются въ предѣлахъ индивидуальнаго существованія отдѣльныхъ личностей, но и тѣ, которыя происходятъ въ обществѣ между его членами и внѣ индивидуальнаго существованія каждаго изъ этихъ членовъ въ отдѣльности. Рядомъ съ психологіей индивидуальной должна существовать психологія коллективная. Въ данномъ случаѣ въ психологіи должно быть то же самое, что мы наблюдаемъ въ біологіи, которая изслѣдуетъ законы органической жизни отдѣльныхъ особей и цѣлыхъ видовъ: въ первомъ случаѣ она имѣетъ дѣло съ явленіями происхожденія, роста, развитія и смерти организмовъ, съ явленіями ихъ строенія и жизненныхъ отправленій и т. д., во второмъ — съ явленіями размноженія, наслѣдственности, измѣнчивости, борьбы за существованіе и вымиранія цѣлыхъ видовъ животнаго и растительнаго царства, причемъ весьма видную роль въ явленіяхъ видовой жизни играетъ взаимодѣйствіе отдѣльныхъ особей. Такое взаимодѣйствіе, но не матеріальное только, а, кромѣ того, и духовное совершается и въ обществѣ. Если индивидуальная психологія занимается процессами, происходящими внутри каждой человѣческой личности, то рядомъ съ этими процессами существуютъ вѣдь еще процессы психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными членами общества. Мы имѣемъ здѣсь въ виду такія общія явленія, какъ обмѣнъ мыслей, передачу ощущеній, вліяніе одной воли на другую волю, — всѣ явленія, подходящія подъ одну изъ этихъ трехъ категорій, со всѣми средствами и слѣдствіями, со всѣми орудіями и продуктами такого обмѣна, такой передачи, такого вліянія. Главнымъ орудіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ продуктомъ психическаго взаимодѣйствія является языкъ. Онъ связываетъ отдѣльныя человѣческія особи въ особыя культурныя группы, т.-е. въ племена и націи, внутри которыхъ только и возможно наиболѣе широкое психическое взаимодѣйствіе. Онъ связываетъ, далѣе, потомковъ съ пред-

ками, особенно при помощи письменнаго закрѣпленія слова. Наконецъ, при помощи того же самаго письма и новѣйшихъ изобрѣтеній, телеграфа и телефона, языкъ дозволяетъ оказывать психическое дѣйствіе на самыхъ далекихъ разстояніяхъ. Только благодаря психическому взаимодѣйствію, дѣлается возможнымъ образованіе общихъ многимъ людямъ взглядовъ, стремленій, интересовъ и сознанія принадлежности отдѣльныхъ личностей къ тѣмъ или другимъ народамъ или государствамъ. Всѣ альтруистическія чувства человѣка выростаютъ также на почвѣ психическаго взаимодѣйствія, безъ котораго немыслимы были бы никакія формы сотрудничества между людьми. Наконецъ, никакая общественная организація, требующая извѣстнаго взаимоотношенія между индивидуальными волями, не была бы возможна, еслибы психическое взаимодѣйствіе, кромѣ интеллектуальной и эмоціональной сферъ, не распространялось и на область волевыхъ явленій. Однимъ словомъ, все то, что мы называемъ духовною культурою народовъ и ихъ соціальной организаціей, вся ихъ умственная, нравственная, экономическая и политическая жизнь,—все это выростаетъ на почвѣ психическаго взаимодѣйствія индивидуумовъ, которое, конечно, подчиняется опредѣленнымъ законамъ причинности и развитія. Вотъ эти-то явленія психическаго взаимодѣйствія въ цѣляхъ открытія законовъ, ими управляющихъ, и должны быть предметомъ особаго отдѣла общей психологіи. Къ сожалѣнію, однако, коллективная психологія пока существуетъ только въ идеѣ, не всѣми при томъ раздѣляемой, и потому въ этой области приходится чуть не все дѣлать заново.

Коллективная психологія находится на рубежѣ психологіи и соціологіи, т.-е. занимаетъ, приблизительно, такое же мѣсто, какое принадлежитъ психо-физіологіи по отношенію къ психологіи и біологіи. Что касается до самой соціологіи, то на долю ея остается изслѣдованіе тѣхъ общественныхъ явленій, которыя не могутъ быть объяснены исключительно психологическимъ или біологическимъ образомъ. Подобно тому, какъ въ біологіи, не прибѣгая даже къ гипотезѣ жизненной силы, мы отдѣляемъ жизненныя явленія отъ механическихъ, физическихъ и химическихъ явленій, наблюдаемыхъ нами въ организмахъ, такъ точно и соціологія должна отличать отъ біологическихъ и психологическихъ явленій, совершающихся въ обществѣ, явленія общественныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Если, однако, мы выдѣлимъ явленія біологическія, заключающіяся въ нарожденіи новыхъ членовъ общества и постепенномъ вымираніи старыхъ, въ смѣнѣ поколѣній, въ увеличеніи или уменьшеніи народонаселенія и т. п., и если, съ другой стороны, выдѣлимъ всѣ явленія психическаго взаимодѣйствія между членами общества и включимъ тѣ и другія явленія въ области біологіи и психологіи, то на долю соціологіи останутся всѣ явленія общественной организаціи, отличныя отъ общественныхъ явленій чисто біологическаго или чисто психологическаго характера. Общественная организація есть нѣчто по существу

своему совершенно отличное отъ психическаго взаимодѣйствія, которое можетъ совершаться и внѣ какой бы то ни было организаціи, но безъ котораго никакая общественная организація не была бы мыслима. Общество въ болѣе широкомъ смыслѣ—соединенія живыхъ особей, находящихся между собою въ психическомъ взаимодѣйствіи и связанныхъ въ одно организованное цѣлое, можетъ быть предметомъ изученія біологическаго, психологическаго и соціологическаго. Но только одна общественная организація съ ея воздѣйствіями на психологическую и біологическую сторону существованія людей есть настоящій предметъ соціологіи.

Къ сожалѣнію, слову «общество» даются весьма различныя значенія. Иногда это слово имѣетъ весьма широкій, но и довольно неопредѣленный смыслъ. Иногда, наоборотъ, смыслъ весьма опредѣленный и ограниченный. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ зависитъ отъ того, въ противоположеніи чему мыслится понятіе общества. Напримѣръ, иногда общество включаетъ въ себя и государство, иногда оно мыслится рядомъ съ государствомъ, какъ нѣчто отъ него отличное, какъ совокупность, напр., составляющихъ государство сословій или классовъ, въ отличіе отъ правительства и его агентовъ. Съ другой стороны, въ разныхъ наукахъ и у разныхъ авторовъ понятіе общества принимаетъ болѣе то политическій, то юридическій, то экономическій оттѣнокъ. Наконецъ, обществу противополагаютъ отдѣльныя личности, опять-таки то въ смыслѣ совокупности всѣхъ другихъ личностей, съ коими отдѣльная личность составляетъ одно цѣлое, то въ смыслѣ культурной или соціальной среды, окружающей личность. Сообразно съ тѣмъ, что было сказано выше, общество, какъ предметъ особой науки, отличной отъ коллективной психологіи и тѣмъ болѣе отъ видовой біологіи, есть прежде всего извѣстная организація, въ какую складываются находящіяся между собою въ психическомъ взаимодѣйствіи отдѣльныя живыя особи. Тамъ, гдѣ хотя бы только замѣчаются малѣйшіе признаки или самые элементарные зачатки постоянной организаціи, мы имѣемъ уже дѣло съ явленіями какъ бы соціологическаго характера, хотя бы, напр., у пчелъ или муравьевъ, у грачей или у бобровъ. Такъ какъ, однако, только у людей явленія общественной организаціи достигаютъ наибольшаго развитія, то соціологія есть прежде всего и даже исключительно наука о человѣческомъ обществѣ. Отдѣльныя стороны общественной организаціи изучаются науками экономическими, политическими и юридическими съ общими теоріями народнаго хозяйства, государства и права. Хотя мысль о соціологіи принадлежитъ, собственно говоря, только XIX в., однако, главныя явленія организованной общественности, т.-е. государство, право и народное хозяйство давно уже сдѣлались предметомъ теоретическаго изученія въ такихъ наукахъ, какъ политика, юриспруденція и экономика, хотя бы въ самомъ началѣ онѣ преслѣдовали исключительно чисто практическія цѣли. Можно даже сказать, что чисто тео-

ретическое и отвлеченное изученіе народнаго хозяйства, государственнаго строя и правовыхъ отношеній,—все это лишь отдѣльныя части соціологіи, въ которыхъ разсматривается та или другая сторона организованной общественности. Конечно, мы не станемъ утверждать, чтобы все государствовѣдѣніе, все правовѣдѣніе, всѣ экономическія науки во всей своей совокупности и цѣликомъ входили въ составъ соціологіи. Дѣло въ томъ, что и въ политикѣ, и въ юриспруденціи, и въ экономикѣ мы всегда имѣемъ дѣло не съ однѣми общими теоріями, въ коихъ формулировались бы естественные законы, управляющіе явленіями государственной, правовой и хозяйственной жизни общества: во всѣхъ названныхъ наукахъ мы встрѣчаемся всегда съ массою описательнаго и повѣствовательнаго матерьяла, съ множествомъ чисто прикладныхъ частей. Но именно самыя общія истины, вырабатываемыя отдѣльными соціальными науками, и должны входить въ составъ соціологіи, которая, въ свою очередь, должна сводить къ единству разрозненныя положенія всѣхъ общественныхъ наукъ. Въ этомъ смыслѣ соціологія стоитъ гораздо ближе къ политикѣ, юриспруденціи и экономикѣ, нежели къ біологіи, на которой думали ее непосредственно основать нѣкоторые писатели.

И такъ, соціологію можно понимать въ болѣе широкомъ и болѣе тѣсномъ смыслѣ. Въ первомъ смыслѣ это—изученіе законовъ, управляющихъ *всѣми* явленіями, какія только совершаются въ обществѣ, т.-е. изученіе законовъ соціально-біологическихъ, соціально-психологическихъ и соціальныхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Послѣдними и должна заниматься соціологія въ болѣе узкомъ значеніи слова.

VI.

Законы, управляющіе какими бы то ни было явленіями, давно уже были раздѣлены на законы сосуществованія и законы послѣдовательности: во-первыхъ, мы имѣемъ дѣло съ постоянными отношеніями, въ какихъ находятся явленія одновременныя; во-вторыхъ, съ постоянными отношеніями, существующими между явленіями послѣдовательными. Законы второй категоріи могутъ быть сами двоякаго рода, смотря по тому, будетъ-ли одно явленіе причиной, а другое слѣдствіемъ, или же оба будутъ только разными моментами въ развитіи одной и той же вещи. Первая связь одного явленія съ другимъ называется каузальною, т.-е. причинною; вторая — эволюціонною, т.-е. имѣющей отношеніе къ развитію (эволюціи). Если послѣ долгой засухи погибаютъ всходы, мы имѣемъ примѣръ причинной послѣдовательности, а когда изъ яйца вылупляется птенецъ, превращающійся потомъ въ настоящую птицу, то предъ глазами у насъ примѣръ послѣдовательности эволюціонной. Въ общественной жизни все подчинено закономѣрности. Между прочимъ, одинаковыя причины всегда вызываютъ одина-

ковыя слѣдствія, и въ своемъ развитіи отдѣльныя стороны общественности проходятъ извѣстныя стадіи. Есть нѣкоторые общіе законы, которые лежатъ въ основѣ всякаго общественнаго бытія, какъ есть неизмѣнные законы органической жизни. Съ другой стороны, общество, въ смыслѣ совокупности его членовъ, есть нѣчто, постоянно дѣйствующее и въ своей дѣятельности подчиняющееся законамъ причинности, и то же общество, въ смыслѣ извѣстныхъ формъ быта, есть нѣчто, постоянно измѣняющееся и въ своихъ измѣненіяхъ подчиняющееся законамъ развитія. То, что мы называемъ исторіей, и состоитъ въ послѣднемъ анализѣ изъ дѣятельностей отдѣльныхъ личностей и общественныхъ измѣненій. Историческій процессъ, отвлеченно взятый, совершенно такъ же, какъ и общество, взятое отвлеченно, долженъ имѣть свою теорію. Такая теорія историческаго процесса можетъ разсматриваться, какъ часть соціологіи въ широкомъ пониманіи послѣдняго слова, или быть признанной за отдѣльную научную дисциплину, причемъ въ обоихъ случаяхъ она можетъ быть названа исторіологіей. Цѣлый рядъ вопросовъ самаго общаго содержанія можетъ быть поставленъ для исторіологическаго разсмотрѣнія. Жизнь человѣчества совершается въ извѣстной природной обстановкѣ. Географическія условія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. климатъ и устройство поверхности страны, распредѣленіе на ней суши и воды, то или другое ея сосѣдство, ея почва, ископаемыя богатства, флора и фауна,—все это оказываетъ несомнѣнное вліяніе на разныя стороны жизни ея населенія, на духовную культуру и соціальную организацію народа, на его исторію. Въ природѣ страны всегда заключено множество причинъ и условій, отражающихся такъ или иначе на совершающемся въ ней историческомъ процессѣ. Теорія исторіи не можетъ не подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о вліяніи тѣхъ или другихъ факторовъ подобнаго характера на тѣ или другія стороны исторической жизни и вопросъ о значеніи вообще этихъ факторовъ наряду съ другими. Кромѣ природныхъ факторовъ, заключающихся въ условіяхъ географическихъ, на исторію народа дѣйствуютъ и другіе природные факторы, заключающіеся въ антропологическихъ свойствахъ даннаго населенія. Въ зоологическомъ смыслѣ человѣчество не есть нѣчто однородное. Оно раздѣляется на расы, стоящія на разныхъ ступеняхъ біологическаго развитія, на племена и народности, весьма различно одаренныя, съ очень неодинаковыми физическими и духовными силами, способностями, наклонностями и т. п. Эти антропологическія и даже просто этнографическія условія играютъ тоже немаловажную роль, участвуя вмѣстѣ съ условіями географическими и чисто культурными и соціальными причинами въ произведеніи того сложнаго результата, который мы называемъ общимъ ходомъ или господствующимъ характеромъ исторіи даннаго народа со всѣми ея событіями и перемѣнами. Рѣшеніе общаго вопроса о значеніи естественно-историческихъ условій въ культурномъ

и соціальномъ развитіи народовъ и въ ходѣ ихъ судебъ приводитъ исторіологію въ тѣсное соприкосновеніе съ цѣлымъ рядомъ естественныхъ наукъ, и притомъ не только біологическихъ, каковы антропологія, географія растеній, географія животныхъ, но и наукъ о неорганической природѣ, въ родѣ, напр., климатологіи или вообще физической географіи.

Долгое время исторіологическіе вопросы, приводившіе къ необходимости обращаться за ихъ рѣшеніемъ къ естествознанію, обращали на себя особое вниманіе историковъ. Предполагалось даже, что вся научность исторіи должна заключаться въ тѣхъ основаніяхъ, какія она можетъ получить отъ естествознанія. Вопросы, касающіеся территоріи и населенія и отношеній второго къ первой, несомнѣнно имѣютъ важное значеніе для историка. Вся экономическая жизнь народа находится подъ постояннымъ дѣйствіемъ условій чисто-природнаго характера,— условій, которыя, конечно, сами измѣняются въ исторіи, когда, напримѣръ, совершается заселеніе дотолѣ пустыхъ пространствъ, вырубаются лѣса, истребляются дикія животныя и размножаются животныя домашнія, происходитъ вытѣсненіе одной расы другою или совершается смѣшеніе расъ, умножается населеніе и т. п. Но исторія заключается, конечно, не въ однихъ только такихъ чисто матерьяльныхъ процессахъ, которые могутъ быть объяснены однимъ естествознаніемъ. Если въ разсмотрѣнной области исторіологія имѣетъ право ставить общіе теоретическіе вопросы, то было бы въ высшей степени странно, еслибы для нея не существовало никакихъ теоретическихъ вопросовъ чисто психологическаго и прямо соціологическаго характера.

Историческій процессъ по самому существу дѣла есть процессъ духовный и общественный, и, слѣдовательно, прежде всего и болѣе всего онъ подлежитъ вѣдѣнію психологіи и соціологіи. Въ историческомъ процессѣ участвуютъ человѣческія личности, соединенныя въ общества и содержаніе его составляютъ волевые акты личностей и общественныя перемѣны. Разъ это такъ, въ основу изслѣдованія сущности историческаго процесса должно быть положено изученіе природы человѣка, главнымъ образомъ, духовной стороны человѣческой личности, т.-е. попросту говоря, индивидуальная психологія.

Въ духовномъ бытіи человѣческой личности психологія различаетъ умъ, чувство и волю. Съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса особую важность должна имѣть психологія воли со всѣми отношеніями послѣдней къ областямъ мышленія и эмоціи. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ отдѣловъ психологіи наименѣе разработанъ тотъ, который долженъ заключать въ себѣ изученіе волевыхъ явленій и законовъ, управляющихъ этими явленіями. Дѣйствіе воли подчиняется, какъ и вся психическая жизнь человѣка, извѣстнымъ законамъ. Во-первыхъ, она подчинена общему закону причинности. Такъ называемой «свободы воли», въ смыслѣ возможности безпричинныхъ актовъ воли, не существуетъ,

но общая теорія причинности волевыхъ явленій до сихъ поръ не подвергалась достаточной разработкѣ, особенно съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса, въ которомъ причинами поступковъ, совершаемыхъ одними людьми, нерѣдко бываютъ дѣйствія другихъ людей [1]). Во-вторыхъ, воля подчинена и общему закону развитія. Ея проявленія и ея отношенія къ сферѣ интеллектуальной и эмоціональной не одни и тѣ же на разныхъ ступеняхъ индивидуальнаго развитія и при разныхъ культурныхъ и соціальныхъ условіяхъ, создаваемыхъ развитіемъ историческимъ. Такъ какъ исторіологія имѣетъ своимъ предметомъ факты, складывающіеся изъ отдѣльныхъ актовъ воли, то для этой научной дисциплины весьма важно знать, какими мотивами и при какихъ обстоятельствахъ направляется человѣческая воля къ совершенію разнаго рода дѣйствій, участвующихъ въ образованіи историческаго процесса. Въ данномъ случаѣ нельзя полагаться исключительно на данныя какихъ-либо отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ; наприм., весьма естественно, что политическая экономія, изучающая только одну промышленную дѣятельность человѣка, исходитъ изъ того положенія, что въ этой дѣятельности человѣкъ руководится исключительно разсчетомъ выгоды, имѣя въ виду только одно удовлетвореніе своихъ матерьяльныхъ потребностей. Но такое одностороннее представленіе о человѣкѣ, совершенно законное и даже необходимое въ политической экономіи, изучающей только одинъ видъ человѣческой дѣятельности и одну только сторону общественной жизни, не можетъ быть полагаемо въ основу объясненія всего историческаго процесса, какъ того бы хотѣли представители такъ называемаго экономическаго матерьялизма: человѣкъ способенъ дѣйствовать и дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ цѣлой массы побужденій, коренящихся не только въ матерьяльной, но и въ духовной сторонѣ человѣческаго бытія. Его отношенія къ природѣ и къ другимъ людямъ могутъ быть весьма различны, потому что это не суть отношенія исключительно утилитарно-экономическія. Природа для человѣка есть не только совокупность вещей, нужныхъ ему для пропитанія, для приготовленія своей одежды, для постройки своего жилища: она, кромѣ того, возбуждаетъ въ немъ извѣстныя эмоціи эстетическаго наслажденія, привязанности къ роднымъ мѣстамъ, страха предъ ея грозными явленіями, и ставитъ вѣчныя задачи умственной пытливости человѣка. Не одни утилитарно-экономическія отношенія существуютъ у человѣка и къ другимъ людямъ, ибо независимо отъ той пользы, какую человѣкъ можетъ извлекать изъ эксплуатаціи другихъ людей или изъ сотрудничества съ ними, онъ можетъ безкорыстно привязываться къ другому человѣку, можетъ симпатизировать людямъ одного съ нимъ языка, одного образа мыслей, одного состоянія, мо-

[1]) См. нашу книгу «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи».

жетъ чисто отвлеченно интересоваться ими самими, ихъ дѣлами и ихъ судьбами, можетъ, наконецъ, возвышаться до этическаго къ нимъ отношенія. Какимъ же образомъ въ основу историческаго процесса полагать лишь одну сторону человѣческой жизни, одни матерьяльные интересы, забывая, что воля человѣка способна дѣйствовать по самымъ различнымъ мотивамъ? Не одни только чисто физіологическія потребности и влеченія заставляютъ вообще дѣйствовать человѣка. Большое значеніе въ его дѣятельности имѣютъ привычки, страсти, предразсудки, вообще, разнаго рода чувствованія и идеи. Никто не станетъ отрицать возможности дѣйствовать по идейнымъ побужденіямъ, а разъ такая возможность существуетъ, идеѣ принадлежитъ извѣстная роль въ исторіи. Вопросъ объ этой роли есть вопросъ психологическій [1]).

Индивидуальная психологія изслѣдуетъ явленія душевной жизни такъ сказать, абстрактнаго человѣка. Конкретные люди непохожи другъ на друга ни по особенностямъ своего ума, ни по свойствамъ своего чувства, ни по качествамъ своей воли, ни по способамъ соединенія умственной, эмоціональной и волевой стороны индивидуальнаго существованія. Люди могутъ быть болѣе умными или болѣе глупыми, болѣе добрыми или болѣе злыми, болѣе энергичными или слабовольными, и за всѣмъ тѣмъ остается еще великое поле для всевозможныхъ проявленій и комбинацій памяти, воображенія, силы сужденія, находчивости, впечатлительности и пр. и пр. Индивидуальныя особенности, дѣлающія людей непохожими другъ на друга, служатъ основаніемъ тому, чтобы и дѣйствіе людей по своимъ мотивамъ, цѣлямъ, средствамъ, способамъ, слѣдствіямъ и т. п. было различно. Въ теоріи историческаго процесса, которая не можетъ игнорировать всего этого, вопросъ о личности долженъ вообще играть важную роль, а это вопросъ психологическій. Съ одной стороны, конечно, психическія свойства личности тѣсно связаны съ физическими особенностями организма, ему прирожденными, унаслѣдованными имъ отъ предковъ. Это соображеніе имѣетъ силу не только для отдѣльной личности, но и для цѣлыхъ народовъ, которые тоже отличаются одинъ отъ другого тѣми или другими органическими или психологическими признаками. Но, съ другой стороны, человѣкъ подчиняется и вліянію окружающей среды и притомъ не только среды матерьяльной, но и среды культурно-соціальной. Какъ въ біографіи отдѣльнаго лица весьма интересно знать, чѣмъ оно обязано своей природѣ и чѣмъ воспитанію, такъ и въ случаѣ цѣлаго народа важно знать, въ чемъ на его исторіи отразились его расовыя особенности и въ чемъ историческая судьба. Общей теоріи историческаго процесса при этомъ позволительно ставить разные вопросы о значеніи воспитанія или традиціи въ исторіи народовъ. Неужели, далѣе, человѣческая личность

[1]) Ср. наши «Старые и новые этюды объ экономическомъ матерьялизмѣ».

по отношенію къ культурно-соціальной средѣ способна играть только пассивную роль? Въ обществѣ происходитъ не одно только одностороннее дѣйствіе однихъ людей на другихъ, но и взаимодѣйствіе. Играя въ однихъ отношеніяхъ пассивную роль, въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ играетъ роль активную. Вся исторія слагается изъ людскихъ взаимодѣйствій, законы коихъ подлежатъ вѣдѣнію коллективной психологіи. Безъ научной разработки вопросовъ этого рода теорія историческаго процесса, конечно, не въ состояніи рѣшить многихъ важныхъ своихъ задачъ.

Въ изученіи психическаго взаимодѣйствія необходимо различать два главные предмета, т.-е. самый процессъ взаимодѣйствія, какъ онъ происходитъ, и тѣ продукты, которые производятся этимъ процессомъ. Процессъ воздѣйствія однихъ людей на другихъ, конечно, какъ и все въ мірѣ, совершается по извѣстнымъ законамъ—причинности и развитія. Подобно тому, какъ въ механикѣ сложеніе и разложеніе, содѣйствіе и противодѣйствіе силъ могутъ быть предметомъ опредѣленной формулировки, такъ точно и въ исторіологіи или коллективной психологіи желательно было бы открыть общіе принципы, по коимъ совершается процессъ психическаго взаимодѣйствія. Съ другой стороны, такая теорія должна рѣшить вопросъ, въ чемъ заключается сходство и въ чемъ различіе причинной и эволюціонной сторонъ этого процесса взаимодѣйствія, въ сравненіи съ причинностью и развитіемъ другихъ процессовъ.

Продуктами и вмѣстѣ съ тѣмъ факторами историческаго процесса являются всѣ тѣ стороны и отношенія въ жизни народовъ, которыя мы называемъ духовной культурой и соціальной организаціей. Психологическое и соціологическое изслѣдованіе происхожденія и развитія этихъ продуктовъ, какъ-то: языка, нравовъ, религіи, права, государства и т. п., изслѣдованіе ихъ взаимныхъ отношеній, способовъ ихъ измѣненій, роли безсознательной или сознательной, непреднамѣренной или преднамѣренной человѣческой дѣятельности въ этихъ измѣненіяхъ и т. д. имѣетъ также весьма важное значеніе для правильнаго теоретическаго пониманія сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго. На культуру и организацію общества мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на извѣстнаго рода среду, въ которой приходится жить и дѣйствовать каждой отдѣльной личности. Для теоріи историческаго процесса небезразлично, какъ позволитъ психологическое и соціологическое изслѣдованіе понимать взаимныя отношенія отдѣльныхъ личностей, изъ коихъ складывается общество, и культурно-соціальной среды, представляемой тѣмъ же обществомъ, взятымъ съ другой точки зрѣнія. Эти отношенія должны подчиняться извѣстнымъ законамъ сосуществованія, а въ измѣненіяхъ, какія могутъ происходить въ этихъ отношеніяхъ, должна тоже быть извѣстная закономѣрная послѣдовательность — причинная и эволюціонная.

Наконецъ, помимо вопроса о роли личности въ историческомъ процессѣ, можно поставить вопросъ о значеніи самаго историческаго процесса въ жизни личностей, изъ коихъ складываются отдѣльныя поколѣнія человѣческаго рода. Несомнѣнно, что подъ вліяніемъ исторіи жизнь человѣка измѣняется, и, конечно, теорія историческаго процесса была бы неполна, еслибы въ ней не ставился и не рѣшался вопросъ объ его результатахъ для смѣняющихся въ жизни человѣчества поколѣній, для разныхъ народовъ и для разныхъ общественныхъ классовъ одного и того же народа, т.-е. для отдѣльныхъ личностей извѣстной эпохи, извѣстной страны и извѣстнаго общественнаго положенія.

Этотъ вопросъ о вліяніи исторіи на человѣка самъ представляетъ величайшій интересъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы историческій процессъ оказывалъ совершенно одинаковое вліяніе на всѣхъ людей, но именно представляется возможность установить въ данномъ отношеніи нѣсколько общихъ категорій, подъ которыя болѣе или менѣе подойдутъ всѣ отдѣльные представители человѣческаго рода. Во-первыхъ, не у всѣхъ народовъ историческій процессъ совершался одинаково быстро и одинаково полно: не даромъ мы дѣлимъ народы на историческіе и не историческіе, на передовые и отсталые. Далѣе, важно знать, къ какой всемірно-исторической эпохѣ относится существованіе того или другого народа. Напр., результаты исторіи будутъ иными для всѣхъ новыхъ народовъ сравнительно съ народами древняго міра. Притомъ въ жизни каждой отдѣльной націи всегда происходили колебанія въ ту или другую сторону, и вліяніе общаго хода исторіи данной націи на отдѣльныя поколѣнія было неодинаково. Наконецъ, въ каждомъ народѣ мы наблюдаемъ разныя общественныя положенія, разные культурные слои и соціальные классы, и, конечно, для отдѣльныхъ группъ въ одномъ и томъ же народѣ историческій процессъ приносилъ съ собою весьма неодинаковые результаты. Самый историческій процессъ, какъ нѣчто въ высшей степени сложное, можетъ быть разложенъ на отдѣльныя стороны, не всегда, такъ сказать, поспѣвающія въ своемъ развитіи одна за другою, а потому и вліяніе исторіи можно брать въ разныхъ смыслахъ, причемъ весьма нерѣдко возможны, какъ и вообще во всѣхъ явленіяхъ жизни, самыя непримиримыя противорѣчія. Задача изобразить съ такой точки зрѣнія все теченіе всемірной исторіи есть задача философіи исторіи. Философія исторіи есть абстрактная феноменологія культурной и соціальной жизни человѣчества, долженствующая отвѣтить на вопросъ о томъ, что получило, получитъ и можетъ еще получить человѣчество отъ своей исторической жизни.

По этому послѣднему вопросу высказывались различныя мнѣнія. Иные думаютъ, что процессъ исторіи есть нѣчто для человѣка совершенно безразличное: всегда и вездѣ мы видимъ одно и то же, только различнымъ образомъ. По другому воззрѣнію совершается въ историческомъ процессѣ ухудшеніе условій индивидуальнаго существованія:

такое воззрѣніе существовало въ древности. Третье, наиболѣе распространенное въ наше время воззрѣніе заключается въ томъ, что общимъ результатомъ историческаго процесса является улучшеніе человѣческаго существованія, т.-е. прогрессъ. Наиболѣе догматическіе и оптимистическіе сторонники прогресса готовы даже утверждать, что прогрессъ есть общій законъ природы, что онъ совершается въ силу чисто естественнаго развитія общественной жизни самъ собой, безъ усилій со стороны человѣка достигнуть какихъ-либо заранѣе намѣченныхъ цѣлей. Мы не держимся ни того взгляда, по которому историческій процессъ есть совершенно безразличная эволюція, ни того, по которому культурное и соціальное совершенствованіе можетъ происходить само собою. Никто не станетъ отрицать, что отъ тѣхъ или другихъ историческихъ перемѣнъ тѣ или другіе люди выигрываютъ или проигрываютъ, а потому о полнотѣ безразличнаго процесса и рѣчи быть не можетъ. Съ другой стороны, нельзя отрицать важнаго значенія прогрессивной дѣятельности самого человѣка,—дѣятельности, направленной на улучшеніе жизни. Самый вопросъ о такой дѣятельности въ связи съ вопросомъ о роли личности въ исторіи нуждается въ изслѣдованіи, которое можетъ имѣть не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Съ этими исторіологическими проблемами тѣсно связаны, конечно, и чисто философскіе вопросы. Если мы обнаруживаемъ прогрессивную тенденцію всемірной исторіи, то это невольно заставляетъ насъ спросить себя: что является главною основою прогрессивности исторіи, т.-е. составляетъ-ли эта прогрессивность нѣчто, присущее чисто стихійному ходу событій, или же въ данномъ случаѣ роль играютъ человѣческія усилія, направленныя къ достиженію прогрессивныхъ цѣлей? Если стать на точку зрѣнія, съ которой можно разсматривать прогрессъ, какъ результатъ чисто безличной эволюціи, совершающейся помимо какихъ бы то ни было усилій со стороны человѣка и идущей совершенно фаталистическимъ путемъ, несомнѣнно придется спросить: какой же смыслъ имѣетъ тогда творчество идеаловъ и возможно-ли серьезно говорить объ осуществленіи человѣкомъ своихъ идеальныхъ цѣлей? Вѣдь если историческій процессъ столь же мало зависитъ отъ намѣреній, желаній и поступковъ человѣка, какъ космическій процессъ, напр., образованія и развитія солнечной системы, то всякое дѣйствіе человѣка, направленное на общественныя цѣли, не можетъ имѣть никакого значенія. Какъ бы, далѣе, мы ни рѣшали этотъ вопросъ, мы невольно должны поставить себѣ и другой. Если только мы признаемъ общую прогрессивность исторіи, съ допущеніемъ-ли человѣческаго участія въ этомъ дѣлѣ, или съ отрицаніемъ какого бы то ни было содѣйствія со стороны людей полученію тѣхъ или другихъ результатовъ, мы можемъ усматривать въ такомъ или иномъ ходѣ исторіи либо выполненіе нѣкотораго предустановленнаго плана, либо логическое

развитіе нѣкоторой идеи, положенной въ основу исторіи, либо результатъ дѣйствія естественныхъ силъ, участвующихъ въ процессѣ. Извѣстно, что на первую точку зрѣнія становятся провиденціалисты, думающіе, что имъ доподлинно извѣстны намѣренія Божества, направляющаго исторію къ опредѣленной, имъ опять-таки хорошо извѣстной цѣли и дѣйствующаго средствами, наиболѣе къ этимъ цѣлямъ приспособленными. Это есть чисто теологическое пониманіе исторіи, встрѣчаемъ-ли мы его у католика Боссюета или у деиста Лорана. Другую концепцію мы находимъ у метафизиковъ, въ родѣ Гегеля, который вообразилъ, что историческій процессъ есть не что иное, какъ чисто діалектическое развитіе одной отвлеченной идеи. Къ сожалѣнію, на ту же точку зрѣнія единства основной тенденціи историческаго процесса сталъ и основатель позитивной философіи Огюсть Контъ, который, думая изгнать всякую теологію и метафизику изъ философіи исторіи, сохранилъ, однако, понятіе о томъ, что вся исторія совершается, какъ выполненіе единаго плана, обусловленное, будто бы, существованіемъ какого-то единаго естественнаго закона, управляющаго всѣмъ ходомъ всемірной исторіи. Здѣсь возникаетъ новый вопросъ: въ какомъ именно смыслѣ можно примѣнять къ исторіи понятіе закономѣрности? Возможны два рѣшенія, изъ коихъ только одно будетъ, конечно, правильнымъ. Нужно-ли думать, что вся историческая жизнь человѣчества въ ея цѣломъ, т.-е. весь ходъ всемірной исторіи управляется какимъ-либо однимъ закономъ, какъ представляютъ себѣ дѣло Лоранъ, Гегель и Контъ, или же исторія человѣчества подчинена многимъ законамъ, дѣйствіе коихъ наблюдается въ отдѣльныхъ случаяхъ причинной и эволюціонной связи историческихъ фактовъ.

Кромѣ того, можетъ быть поставленъ вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою законы причинности и законы развитія? Съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть поставленъ вопросъ о разумной цѣли историческаго процесса. Тотъ, кто думаетъ, что исторія совершается по опредѣленному плану, не можетъ мыслить этого плана совершенно безцѣльнымъ: иначе какой же это былъ бы планъ? Но и не допуская исторической планомѣрности, довольствуясь однимъ признаніемъ того, что исторія совершается путемъ дѣятельности личностей, нельзя не поставить еще такого вопроса: въ чемъ должна заключаться разумная цѣль сознательной дѣятельности человѣка, могущей имѣть историческое значеніе? И въ какомъ смыслѣ дозволительно понимать самое выраженіе «цѣль исторіи»? Слѣдуетъ-ли полагать, что всякая исторія совершается или должна совершаться ради извѣстнаго состоянія человѣчества въ нѣкоторый опредѣленный моментъ времени? Но въ такомъ случаѣ все, что случается съ отдѣльными поколѣніями человѣчества, было бы не чѣмъ инымъ, какъ рядомъ средствъ для достиженія нѣкоторой цѣли, имѣющей въ виду только одно самое отдаленное потомство. Концепція

исторической планомѣрности именно и пріучаетъ къ подобнаго рода взглядамъ, причемъ иногда, какъ мы это видимъ, напр., у Гегеля, самую цѣль исторіи полагаетъ внѣ жизни человѣчества. Или, быть можетъ, не думая, чтобы у исторіи была какая-либо объективная цѣль, нужно ограничиться только постановкой цѣлей для человѣческой дѣятельности, признавъ напередъ, что такія цѣли должны лежать вообще въ жизни человѣчества [1]), а не внѣ ея, и быть присущими всѣмъ историческимъ періодамъ, а не какому-либо отдѣльному моменту. Отъ того или другого теоретическаго представленія о прогрессѣ всегда будетъ въ большей или меньшей степени зависѣть и наша практическая прогрессивная дѣятельность. Послѣдняя нуждается, конечно, въ выборѣ средствъ, и въ данномъ случаѣ для человѣка весьма важны указанія прикладныхъ наукъ гуманитарнаго и соціальнаго содержанія. Но вопросъ о выборѣ средствъ въ прогрессивной дѣятельности касается не одной цѣлесообразности этихъ средствъ, но и согласія ихъ съ тѣми принципами этики, на которыхъ строится самая идея прогресса. Наконецъ, эта идея прогресса, имѣетъ весьма близкое отношеніе къ общей оцѣнки жизни, принимающей и въ философіи, и въ поэзіи, и въ обыденныхъ воззрѣніяхъ то пессимистическую, то оптимистическую окраску. Въ послѣднее время было даже высказано мнѣніе, по которому историческая идея прогресса, разрушая догматическій пессимизмъ, въ то же время замѣняетъ догматическій оптимизмъ прежнихъ временъ идеей меліоризма.

Каждый видитъ, что эти исторіологическіе вопросы имѣютъ не только отвлеченный, теоретическій, но и практическій, жизненный интересъ.

П. Карѣевъ.

---

[1]) Эту идею мы развили въ «Мысляхъ объ основахъ нравственности».

ОХРИМЕНКО.

(Отрывочныя воспоминанія объ увлекающемся человѣкѣ).

I.

Первое мое знакомство съ Охрименкомъ состоялось на экзаменахъ, при окончаніи П—ской гимназіи. Это было еще наканунѣ введенія аттестатовъ зрѣлости.

Среди насъ, сорока гимназистовъ седьмого класса, сидѣвшихъ на партахъ въ большой актовой залѣ гимназіи и трепетно ждавшихъ начала экзамена, рѣзко выдѣлялся высокій, худощавый юноша въ свѣтлосѣрой пиджачной „парѣ“. Его посадилъ къ намъ классный надзиратель Качалко, отъ котораго мы узнали, что это „экстернъ“, „вольный“, желающій держать окончательный гимназическій экзаменъ для поступленія въ университетъ.

Юноша производилъ очень выгодное впечатлѣніе. Маленькая бѣлокурая бородка и тонкіе усики, сѣрые, смѣлые и ясные глаза, красивый лобъ, съ откинутыми длинными, свѣтлыми, отчасти вьющимися волосами, крайне подвижныя прямыя брови — все это, вмѣстѣ съ быстрыми, нервными движеніями юноши, придавало ему характеръ энергіи и какой-то самобытности. Въ особенности обращали на себя вниманіе его глаза—то смѣющіеся, то вспыхивающіе, то сосредоточенные или задумчивые. Общее впечатлѣніе портилъ только носъ, толстый и мясистый, слишкомъ ужъ „славянскій“.

Нѣсколько гимназистовъ успѣли съ нимъ познакомиться еще до прихода экзаменаторовъ и узнали, что „экстерна“ зовутъ—Охрименко и что онъ изъ Х—ской губерніи.

— Вы изъ какого класса гимназіи?—спросилъ его кто-то.

— Да ни изъ какого,—добродушно улыбнулся Охрименко:—или, пожалуй, можно сказать, что съ четвертаго, такъ какъ собственно изъ гимназіи меня выгнали именно изъ этого класса.

— И больше вы нигдѣ не были?

— Какое! въ шести педагогическихъ головоломкахъ просвѣ-

щался и въ разныхъ городахъ, даже въ кадетскомъ корпусѣ... Отовсюду выгнали, по разнымъ причинамъ... Въ послѣдній разъ предложили уйти изъ послѣдняго класса реальнаго училища за то, что я, отъ лица класса, попросилъ учителя исторіи готовиться къ урокамъ и не ограничиваться словами: „на слѣдующій разъ четыре страницы до слова *когда*“.

Охрименко засмѣялся.

Намъ онъ ужасно понравился. Увлеченіе Писаревымъ стояло въ ту пору въ гимназіяхъ на высшей кульминаціонной точкѣ, и неудивительно, если мы сразу увидѣли въ Охрименкѣ „мыслящаго реалиста“.

Усиленныя приготовленія къ экзаменамъ долго не позволяли намъ сойтись съ Охрименкомъ ближе. Но кому-то сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ живетъ на окраинѣ города, у ремесленника, и „жаритъ“, какъ говорили въ гимназіи, наши учебники.

Странно, однако: еслибы Охрименко „жарилъ“ наши учебники, то, по всей вѣроятности, и отвѣты его не выходили бы изъ рамокъ казенныхъ требованій нашей гимназіи. На дѣлѣ оказывалось не то. Охрименко, не имѣя права брать на экзаменѣ билетовъ, долженъ былъ отвѣчать по всему курсу и безъ программы на всѣ предложенные учителемъ-экзаменаторомъ и ассистентами вопросы. Отвѣты его были всегда увѣренные, спокойные, очень подробные и, какъ намъ казалось, необычайно разнились отъ нашихъ учебниковъ.

Сами учителя видимо интересовались Охрименкомъ и предлагали вопросы, которые не значились въ нашемъ курсѣ и на которые едва-ли отвѣтили бы мы, гимназисты.

Нечего и говорить, что по всѣмъ предметамъ Охрименко получилъ высшую отмѣтку.

На послѣднихъ экзаменахъ я и мой товарищъ Царенко, всегда угрюмый и мрачный, сошлись съ Охрименкомъ ближе. Онъ зашелъ какъ-то ко мнѣ за справкой по алгебрѣ, когда у меня былъ Царенко. Мы разговорились.

— Вы въ какой же университетъ хотите поступить?—спросилъ я.

— Конечно, въ Z—скій.

— Вотъ и отлично. Я тоже туда. Такъ знаете что? Не ѣхать-ли намъ вмѣстѣ, такъ и дешевле будетъ, и веселѣе. Кстати, за Царенкомъ заѣдемъ.

Охрименко съ радостью согласился.

Дня черезъ два Охрименко пригласилъ насъ къ себѣ; мы выпили „брудершафтъ“, бывшій тогда очень въ модѣ среди гимназистовъ, и, послѣ многихъ ожесточенныхъ споровъ, сдѣлались совсѣмъ друзьями.

Хотя университетскій городъ X* отстоялъ отъ г. П* всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, но значительное большинство изъ насъ поступало, какъ и Охрименко, въ отдаленный Z—скій университетъ. Здѣсь были въ то время среди профессоровъ свѣтила науки, о которыхъ зналъ каждый гимназистъ старшаго класса. Здѣсь, по словамъ студентовъ, гостившихъ въ П* на каникулахъ, было сплоченное студенческое товарищество; здѣсь, были самообразовательные кружки... Наука и „жизнь“, по словамъ студентовъ,—вотъ общій типъ тогдашняго Z—скаго университета; мертвая, заскорузлая спячка царила въ X—скомъ. Выборъ, конечно, былъ легокъ: мы жаждали науки и хотѣли „жить“ подъ ея руководствомъ...

Надежды насъ не обманули, хотя только и отчасти... Университетъ тогда имѣлъ дѣло исключительно съ наукой. Мы же, учащіеся, подчинялись въ зданіи университета правиламъ, имъ установленнымъ, а внѣ университета предоставлены были собственному благоразумію и вѣдались, какъ и прочіе граждане, общими законами о благочиніи.

Въ концѣ іюля я списался съ Охрименкомъ о времени нашего отъѣзда въ Z. Въ назначенный день, оставивъ свои вещи на вокзалѣ, онъ явился къ намъ, бодрый и веселый, и попалъ какъ разъ къ обѣду.

Я ему очень обрадовался.

Къ семи часамъ вечера отходилъ поѣздъ.

Сборы были не долги. На вокзалъ выѣхали провожать меня родные и знакомые; не обошлось, конечно, безъ слезъ и безъ выпивки, и вскорѣ П* съ его высокимъ бѣлымъ соборомъ уже мелькалъ далеко за нами, окутанный дымомъ локомотива.

На душѣ было радостно. Денегъ у насъ съ Охрименкомъ было достаточно. Я не безъ гордости чувствовалъ себя владѣльцемъ заработанныхъ на каникулахъ 50 рублей (почему отказался отъ сбереженій, сдѣланныхъ для меня моей добрѣйшей и бѣднѣйшей матушкой). Охрименко олицетворялъ собою веселье и жизнерадостность. Эту природную его жизнерадостность еще усиливало то обстоятельство, что въ правомъ карманѣ его свѣтлосѣрыхъ отрепанныхъ брюкъ были засунуты скомканные въ кучу

35 р.,—результатъ каникулярныхъ уроковъ. Деньги наши, по студенческому обиходу, казались цѣлымъ капиталомъ. Пусть дорога обойдется намъ двумъ въ 20 р., даже въ 25 рублей, останется еще почти 60 р.! Этого, чортъ знаетъ, на сколько времени хватитъ, а тамъ уроки найдутся, можно будетъ и домой матери кое-что послать. Вотъ обрадуется! Что бы ей, однако, купить такое подходящее?.. Розовыя, несбыточныя мечты!..

Намъ предстояло заѣхать по дорогѣ за Царенкомъ. Онъ жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи къ Днѣпру, на хуторѣ, съ своей старушкой матерью.

На вокзалѣ послѣдней станціи мы наняли подводу съ мохнатой, какъ пудель, лошадью.

Солнце уже садилось, когда нашъ пудель остановился у старенькаго, едва выглядывавшаго изъ густой зелени домика, съ выступнымъ крылечкомъ, сплошь увитымъ дикимъ виноградомъ.

Насъ встрѣтила чистенькая, симпатичная старушка, съ недоконченнымъ чулкомъ въ рукахъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ на лбу. Она крайне обрадовалась пріѣзду товарищей ея ненагляднаго Кости. На тѣнистомъ крылечкѣ стоялъ столъ, стулья. Здѣсь мы и усѣлись.

— Костя сейчасъ придетъ. Тутъ у насъ горе случилось. Вчера за хуторомъ въ деревнѣ пожаръ былъ, школа сгорѣла и одиннадцать хатъ. Плачъ большой, и-и Боже какой большой! Вотъ теперь Костя и хлопочетъ какъ-нибудь помочь; просилъ уже помѣщика, батюшку, на заводъ теперь пошелъ, вѣрно...

—А далеко деревня? Далеко былъ пожаръ? Куда идти, чтобъ попасть на пожарище?—быстро заговорилъ Охрименко и схватилъ шляпу и пледъ.

— Да вонъ видите... вонъ вдали... гдѣ церковь, такъ правѣе, за пригоркомъ.

— А, вижу, вижу...

Эти слова Охрименко договорилъ уже за дверью, быстро шагая по направленію къ пепелищу. Я тоже потянулся было за шляпой, но старушка меня не пустила.

— Сейчасъ Костя придетъ, онъ вамъ все разскажетъ. А вы пока откушайте чайку...

Вскорѣ, дѣйствительно, явился Царенко, со всклокоченными, какъ всегда, длинными волосами и тоже, какъ всегда, мрачный, въ обще-студенческой черной шляпѣ съ необъятными полями и съ толстой палкой въ рукахъ.

Послѣ привѣтствій, видимо довольный нашимъ пріѣздомъ, Царенко сообщилъ, что уже сегодня къ мѣстному священнику поступило въ пользу погорѣльцевъ до 100 руб.; да винокуренный заводъ обѣщалъ собрать кое-что.

— И чортъ ихъ знаетъ, этихъ крестьянъ,—сразу перешелъ Царенко въ обыкновенный свой суровый тонъ: — каждый годъ при встрѣчѣ толкую имъ, чтобы завели пожарный обозъ, хоть какой-нибудь. Ну, машину, двѣ — три бочки. Общество богатое, лошади всегда налицо, люди тоже. Или, чтобы строили глинобитныя хаты. Не слушаютъ, черти, да и шабашъ!

— Можетъ быть, ты у нихъ не считаешься авторитетомъ,— замѣтилъ я.

— Положимъ, это правда. Такъ вѣдь я же нашего молодого батюшку убѣдилъ проповѣдь по этому поводу сказать, потомъ отдѣльно на сходѣ вмѣстѣ съ попомъ толковали съ ними на тему „береженаго и Богъ бережетъ,“—и ровно ничего! Дикій фатализмъ: Богъ не захочетъ спалить, такъ и пожара не будетъ. Ослы!

— Опять кого-то ругаютъ,—раздался низкій, грудной голосъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ. На крылечко вошла плотная дѣвушка, съ высокой грудью и нѣсколько мужской физіономіей, въ коротко подстриженныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, съ мягкимъ, но серьезнымъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ глазъ. Простенькое платье красиво облегало ея стройную фигуру.

— Гридина,—просто сказала она, слушая мою фамилію и протягивая руку. Съ старушкой-матерью она, вѣроятно, уже видѣлась.—Я очень обрадовалась, когда увидѣла, что вы, Старовскій, подъѣхали къ хутору. Значитъ, думаю, товарищи за Царенкомъ заѣхали. Вмѣстѣ въ Z* поѣдемъ... вѣроятно...

— А развѣ съ папенькой своимъ покончили?—спросилъ Царенко.

— И да, и нѣтъ. Ступай, говоритъ, на всѣ четыре стороны, только денегъ отъ меня не требуй. Я не для того, говоритъ, отдавалъ тебя въ епархіальное училище, чтобы въ нигилистки произвести. Бумаги, говоритъ, хоть сейчасъ получи и скатертью дорога.

— Вотъ и отлично. Значитъ, собирайтесь, да завтра и...

— Господа!—еще издали послышался голосъ Охрименка.— Понимаете? Вѣдь вотъ вопіющее дѣло! Знаете-ли... А, здравствуй, Царенко, мы за тобой. Здоровъ? Молодецъ! А! Я—Охрименко,— отрекомендовался онъ Гридиной.

— Гридина,—отвѣчала она, неловко, по-мужски, пожимая руку.

— Понимаете,—продолжалъ жестикулировать Охрименко:— отчего пожаръ произошелъ? Мать въ поле ушла, дѣтей, дѣвочекъ 4-хъ и 3-хъ лѣтъ, въ хатѣ заперла... Некуда было дѣть дѣтей! Слышите? А что, я не правъ, Царенко? Ты спорилъ? Теперь самъ видишь: надо добиться, чтобы сельскія общества имѣли такое общественное помѣщеніе, въ которое каждая баба, если ей не на кого бросить дѣтей, могла бы принести ихъ и оставить подъ присмотромъ въ общественной хатѣ...

— Да возьми же въ толкъ, что общество ничего не хочетъ дѣлать, надо его сначала просвѣтить, преобразовать...

— Пока будешь просвѣщать, сто тысячъ людей нищими останутся. Ты этого хочешь? Нѣтъ, братъ, надо ихъ *заставить* понять ихнюю же пользу, *убѣдить* ихъ, дикарей...

— Кто же въ деревнѣ убѣждать будетъ этихъ темныхъ людей? Батюшка, да волостной писарь?—вмѣшалась Гридина.

Нервно дернувъ бородку, Охрименко вскочилъ, какъ ужаленный.

— А мы зачѣмъ? А? Что мы же съ вами дармоѣды, что-ли? Отвѣчайте, дармоѣды? А? Насъ, вы думаете, это не касается?

Мы сразу заговорили всѣ вмѣстѣ. Скоро горячій, шумный споръ перешелъ на Адама Смита, затѣмъ пошли доказательства изъ Бернэ, Лассаля, Мальтуса; даже Бюхнера потревожили и Миртова...

Благодушная старушка, мать Царенка, долго крѣпилась, наконецъ, часовъ въ 9 вечера, видя, что споры затянутся, поставила намъ на столъ ужинъ. Тутъ было и малороссійское сало, и яйца, и творогъ, и пирожки съ разной начинкой, и даже графинъ старой наливки. И она простилась съ нами.

Послѣ ужина мы проводили Гридину въ деревню, къ дому ея отца, заштатнаго священника, потомъ уютно улеглись на душистомъ сѣнѣ, густо разложенномъ на полу крылечка. Но уснуть удалось намъ лишь передъ разсвѣтомъ. Много вопросовъ накопилось у каждаго изъ насъ за каникулы, много отвѣтовъ рвалось наружу...

Утромъ, за чаемъ, Царенко, усиленно почесывая шею, что у него всегда служило признакомъ замѣшательства, мрачно насупился и сказалъ:

— А вотъ, господа... того... Я хотѣлъ на счетъ Гридиной... Жалко человѣка: вѣдь заѣдятъ ее здѣсь. А душа честная, порывы хорошіе... хочетъ на акушерскіе курсы.

— Такъ чего же? Пусть съ нами ѣдетъ, вотъ и все!

— Тутъ вся штука въ томъ, что денегъ ей отецъ не даетъ, а у меня совсѣмъ жидко; придется еще у васъ взять, пока матушка хлѣбъ продастъ...

— Э, плевать,— перебилъ Охрименко.—У насъ есть, подѣлимся. Гридину нельзя здѣсь оставить. А тамъ какъ-нибудь ее устроимъ или у Кащенковой, или на общей квартирѣ. Что толковать? Пусть собирается, да и конецъ. Правда, Старовскій?

Я, конечно, согласился.

— Вотъ и распрекрасно. Зови ее, Царенко.

— Сама скоро придетъ. Да, вотъ еще что. Намъ билеты брать слѣдуетъ не до Z., а только до Канева. Тамъ, говорятъ, теперь пароходы сидятъ по трое сутокъ на мели, а „верхніе“ пароходы за полцѣны везутъ отъ Канева. Все же выгоднѣе...

Къ вечеру мы пріѣхали на пристань и удобно размѣстились въ довольно просторной общей каютѣ парохода „Адмиралъ“. Гридина устроилась въ дамской, гдѣ еще раньше расположилась цѣлая семья какой-то помѣщицы.

Рѣшили хорошенько поужинать и улечься спать пораньше.

— Вотъ что, Старовскій, —сказалъ нахмурясь Царенко:—у меня денегъ жидко совсѣмъ... Вотъ возьми... семь рублей... расходуй.. Матушка вышлетъ, сосчитаемся... Хватитъ-ли у тебя только?

— Хватитъ, чего тамъ!—успокоилъ я его, зная, что у меня оставалось за покрытіемъ желѣзнодорожныхъ расходовъ еще почти 30 рублей, да у Охрименки тридцать пять.

— Ну, конечно,—поддержалъ Охрименко: —ты, Старовскій, вообще того... Мы тебя избираемъ нашимъ казначеемъ. Вы чего, барышня, улыбаетесь?

— Да такъ; смѣшно на васъ смотрѣть. Все толкуете, хватитъ-ли *доѣхать*, а ничего не говорите, какъ бы денегъ хватило еще на первое время въ Z*.

— Вѣрно, — воскликнулъ Охрименко: — вотъ она, женская практичность, сразу сказалась!

— Да вы бы, Старовскій, привели въ извѣстность, сколько всего-то у насъ денегъ, у всѣхъ... Тогда и ужины заказывайте.

— Ну, хорошо,—согласился я съ желаніемъ Гридиной:—вотъ у меня еще 28 р. осталось, да Царенка 7 р., всего 35 р. Да у тебя, Охрименко, сколько?..

— То-то и штука, чортъ бы его побралъ,—отвѣчалъ Охрименко:—у меня было много... больше 25 р... да вотъ тамъ... какъ

бы тебѣ сказать, на пожарищѣ... четыре семьи съ мелкой дѣтворой... остались совсѣмъ, понимаешь, совсѣмъ нищіе: ѣсть нечего, хаты нѣтъ... Ну, и тово... идіотскіе сантименты на меня напали, что-ли... осталось вотъ...

Охрименко вытащилъ изъ брюкъ серебро и рубля три бумажками.

— А вѣдь дѣло-то, господа, дрянь! едва-едва доѣдемъ до Канева, а объ Z* и думать нечего.

— Ну, что тамъ,—отозвался послѣ нѣкотораго молчанія Царенко.—Остановимся въ Каневѣ, оттуда я матушкѣ телеграмму пошлю, займетъ у попа... вотъ и все.

— Понимаете, господа? Малъ-мала меньше и старики... и всѣ плачутъ... чортъ-бы ихъ побралъ.

— Да будетъ тебѣ.

Я навелъ справку у кассира: билеты до Канева съ багажемъ, вслѣдствіе мелей и отсутствія конкурренціи, стоили по 8 р.

Мы нѣсколько пріуныли. О пароходномъ ужинѣ нечего было и думать, и мы улеглись спать, уничтоживъ домашніе запасы Царенка.

Уснуть намъ скоро не удалось; изъ города стали прибывать пассажиры: два еврея-коммерсанта, какой-то судебный приставъ съ портфелемъ, священникъ съ сыномъ.

Рано утромъ, не будя товарищей, я взялъ билеты.

Къ вечеру, на горизонтѣ показался Каневъ. Кому-то изъ насъ пришла въ голову блестящая мысль упросить нѣмца-капитана доставить насъ безплатно въ Z*, съ тѣмъ, что мы обязуемся доставить деньги черезъ сутки по прибытіи (была надежда на студентовъ-товарищей по гимназіи), въ обезпеченіе чего оставляемъ даже свой багажъ.

Охрименко немедленно отправился во главѣ насъ, просителей, къ капитану на вышку парохода.

Нѣмецъ капитанъ, весь заросшій рыжими волосами, съ толстѣйшей шеей и съ короткой трубкой въ гнилыхъ зубахъ, молча и не глядя на насъ, выслушалъ просьбу Охрименка и, вынувъ трубку, очень вѣско сказалъ:

— Нэтъ. Я тожъ биль навигаціонъ-коллегіумъ, я сама стари буршъ, оберъ: билетъ есть—карашо, билетъ нэтъ—не карашо, пожальте фридрихъ-гераусъ. Я буду васъ садить въ Каневъ. Копшено!

Онъ опять всунулъ въ ротъ трубку и повернулся къ намъ спиной.

Мы стали спускаться съ вышки.

— Ну, и чортъ съ тобой, въ Каневѣ, такъ въ Каневѣ,—мрачно рѣшилъ Царенко.

— Идти, такъ идти, сказалъ раньше тебя попугай, когда его кошка тащила изъ клѣтки...

Но острота Охрименка не произвела никакого дѣйствія.

Положеніе наше сдѣлалось критическимъ: сидѣть въ незнакомомъ городкѣ, безъ денегъ, въ ожиданіи, пока мать Царенка или мои родные соберутся выслать деньги!

— Ну, господа, такъ теперь вотъ что, — серьезно сказалъ Охрименко:—дай сюда, Старовскій, оставшіяся деньги. Почти цѣлыхъ три рубля? О, этого довольно. Мы остаемся въ Каневѣ. Не вмѣшивайтесь ни во что и не мѣшайте мнѣ. Черезъ два, три дня я васъ доставлю въ Z*.

— Ври больше!

— Я говорю серьезно, ей-ей серьезно. Только, главное, господа, ни во что не вмѣшивайтесь. Поняли? Согласны?

Такъ какъ другого выбора не предстояло, то, конечно, мы согласились.

Только въ Каневѣ, въ „кризисѣ“, мы узнали, какую массу энергіи имѣлъ Охрименко и какими онъ обладалъ изумительными организаторскими способностями!..

Каневъ издали, можетъ быть вслѣдствіе наступившихъ сумерекъ, показался намъ печальнымъ, сѣренькимъ еврейскимъ поселкомъ. Послѣднему заключенію отчасти способствовало появленіе на пристани массы евреевъ и евреекъ.

Мы сошли на берегъ, гдѣ нѣсколько евреевъ выразили такое настойчивое желаніе отнести наши скромныя вещи въ „самово лучшево гостинницу“, что намъ оставалось только покориться.

Мы всецѣло отдались въ распоряженіе Охрименка и быстро шли за нимъ и его проводниками. Не безъ радостнаго чувства слышался намъ его веселый голосъ: „а щука есть? фаршированная, знаешь, съ лукомъ, а? Да ты не надуй... Ну, тащи, живо!..“

Вскорѣ, въ темнотѣ, у какого-то приземистаго и мрачнаго зданія показался фонарь. Это и была „лучшева гостинницу“...

Намъ дали „первый нумеръ“ — громадную комнату, вродѣ сарая, съ тусклой лампочкой на кругломъ столѣ, нѣсколькими клеенчатыми диванами и полудюжиной такихъ же старинныхъ стульевъ. Было очень мрачно, пусто, голо, неуютно.

Но, странное дѣло, не прошло и получаса, какъ все измѣ-

нилось, точно по волшебству: благодаря Гридиной и отчасти ея указаніямъ, вещи наши были разобраны, появилось нѣсколько книжекъ, платье размѣстилось на вѣшалкѣ и комната приняла жилой видъ. Даже ширму гдѣ-то достали и загородили ею, для Гридиной, диванъ въ дальнемъ углу. Въ то же время непостижимая энергія Охрименка создала то, что на столѣ очутилась еще одна лампа, быстро зашипѣлъ самоваръ, появилось нѣсколько большихъ кусковъ знаменитой каневской щуки „со всякой чертовщиной“, затѣмъ хлѣбъ, десятокъ яицъ и бутылка водки.

При видѣ такой картины, даже Царенко прояснился и радостно пробормоталъ: „ну, и дьяволъ!“

II.

Проснулись мы на другой день поздно, часовъ въ 10. Самоваръ за ширмой Гридиной давно пыхтѣлъ, и Гридина не одинъ разъ кричала намъ оттуда, что чай готовъ. Охрименка уже не было: онъ раньше напился чаю и исчезъ.

Прислуживавшій намъ „мишурисъ“ (такъ называются въ юго-западномъ краѣ лакеи-евреи на постоялыхъ дворахъ) объяснилъ намъ, что „хозяинъ“, т.-е. Охрименко, „пошли до справника“.

Въ 11 часовъ онъ примчался потный, суетливый, радостный.

— Господа! Поздравьте: завтра мы даемъ спектакль!!

Мы оторопѣли. Мысль о спектаклѣ показалась намъ совершенно дикою. Охрименко потиралъ руки.

— Гридина, вы играли когда-нибудь на сценѣ?..

— Да что-жъ это вы, право... на дѣтскомъ театрѣ когда-то, что-то такое...

— Ну, и великолѣпно. А ты, Царенко?

— Не дури!

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, можешь-ли ты сыграть что-нибудь?

— Фу, чудакъ-человѣкъ! Могу я тебѣ сыграть... на бильярдѣ...

— Ну, да это не важно. Ты что-нибудь продекламируешь, монологъ какой-нибудь или другое что!.. А вотъ тебя, Старовскій, я даже и не спрашиваю: ты и по физіономіи природный актеръ.

Я—человѣкъ, отъ роду не игравшій и робкій по природѣ,—я природный актеръ!?

Охрименко не далъ намъ опомниться.

— Все это пустяки, а вотъ въ чемъ, господа, дѣло: я былъ у исправника, разсказалъ, какъ мы попали въ его владѣнія и просилъ содѣйствія. Умный человѣкъ. Денегъ, конечно, не занялъ,

а на спектакль (только бы не сдѣлалось извѣстнымъ, что мы будущіе студенты) благословилъ. Кстати, тутъ и сцена есть на одномъ постояломъ дворѣ. Надо афишу сейчасъ исправнику занести „на предметъ разрѣшенія," какъ сказалъ его письмоводитель. Вотъ только, чортъ бы его побралъ, не знаю, что поставить? И пьесъ нѣтъ подъ рукой...

— Да ты все это въ серьезъ?!

— А что же, шутить буду? Или лучше будетъ матушкѣ твоей телеграммы посылать о высылкѣ денегъ? Пойми, вѣдь за телеграмму заплатить нечѣмъ. А потомъ недѣлю здѣсь сидѣть въ ожиданіи? А? Нѣтъ, братцы, толковать объ этомъ нечего. Ну, господа, такъ на какой же пьесѣ остановимся? Эй, мишурисъ! Ицко!

Явился крайне лукаваго вида молодой еврей Ицка.

— Десять листовъ бумаги, только хорошей, перьевъ, чернилъ... живо!..

— Чичасъ...

Охрименко торопливо и съ большимъ одушевленіемъ началъ доказывать намъ, что лучшаго исхода и придумать нельзя, что спектакль не только дастъ намъ возможность прекрасно доѣхать до Z, но и объединить уѣздное общество и доставить ему высокое эстетическое наслажденіе; что послѣ спектакля будутъ танцы и что мы, какъ „мыслящіе реалисты", не должны гнушаться развлеченіями, если эти развлеченія имѣютъ въ своемъ корнѣ такую идею, какъ единеніе людей, обмѣнъ между ними мыслей и т. д. и т. д.

Охрименко былъ неотразимо убѣдителенъ.

Обаяніе его жгучей энергіи дѣйствовало, какъ гипнозъ; несмотря на чудовищную несообразность ставить спектакль въ Каневѣ, мы невольно подчинились этому гипнозу, стали сначала сдаваться, а потомъ и серьезно относиться къ затѣянному дѣлу. Даже, казалось, мрачный Царенко былъ озабоченъ мыслью о своемъ дебютѣ.

Но что мы можемъ поставить? Ни одной пьесы у насъ подъ руками не было, достать что-нибудь подобное въ такомъ городишкѣ нечего было и думать, да и разучить нельзя,—некогда.

А между тѣмъ Охрименко диктовалъ уже афишу, которую тщательно и каллиграфически писала Гридина.

— Начинайте вотъ здѣсь, вверху, и большими буквами: „Съ дозволенія начальства." Дальше меньшими: „187* года, августа 4, проѣздомъ черезъ Каневъ, въ зданіи временнаго театра въ постояломъ дворѣ Цики Файвелюкиса, труппою артистовъ представ-

лено будетъ: въ первый разъ на здѣшней сценѣ"... Слушайте, господа, чтобы такое въ самомъ дѣлѣ поставить? А?

— Да чортъ его знаетъ,—отозвался Царенко.

— Вотъ загвоздка... ну, пока придумаемъ, вы, господа, дѣлайте билеты. Ты, Старовскій, пиши нумера, а Царенко будетъ подписывать: „кассиръ такой-то." Только скорѣе, господа, у насъ еще много дѣла...

— А чи можно пану директору два слова сказать?—спросилъ, подобострастно просовываясь въ дверь, Ицко:—у насъ тутъ очень хорошево музыканты есть. Вы може домаете Берко? Завсѣмъ нѣтъ! Эти сами настоящи, они пришли, хочуть съ паномъ директоромъ трошки разговаривать...

Какимъ чудомъ евреи успѣли узнать о предположенномъ спектаклѣ — неизвѣстно. Вѣроятно, костюмъ нашъ, а можетъ быть, и жалкій багажъ заранѣе расположили ихъ къ тому, что въ такомъ видѣ никто, кромѣ актеровъ, не ѣздитъ, а визитъ Охрименка къ исправнику окончательно убѣдилъ ихъ въ догадкахъ и превратилъ Охрименка уже въ „пана директора".

„Музыканты" явились въ лицѣ лишь высокаго худого еврея, въ длинномъ сюртукѣ, въ очкахъ, съ мелкой, растрепанной бородкой и вдохновеннымъ видомъ.

Черезъ четверть часа „панъ директоръ" за 10 рублей, которые, однако, долженъ былъ уплатить „до поднятія занавѣса", имѣлъ уже музыку для спектакля.

Музыкантъ—капельмейстеръ Мотя—оказался очень знающимъ свое дѣло. Это былъ природный талантъ, такъ часто встрѣчающійся среди евреевъ. Онъ уже неоднократно участвовалъ со своимъ оркестромъ (2 скрипки, басъ, труба и барабанъ) на спектакляхъ не только въ Каневѣ, но и въ сосѣднемъ уѣздѣ. Антракты рѣшено было посвящать пьесамъ „зъ Фигары", „зъ Трубадуровъ", а танцы предоставлены были усмотрѣнію Моти.

— А пѣнію можете аккомпанировать?—спросилъ Охрименко.

— Пхэ!.. Что вы себѣ думаете? Я увсѣ пѣсни, которыя знаю и которыя не знаю—зразу акампаную.

Мотя даже плюнулъ отъ обиднаго сомнѣнія въ его талантѣ.

— Гридина, а что, еслибы вамъ соло пропѣть? А? Вотъ мысль! Въ дивертисментѣ... ей-ей. Вотъ бы хорошо! Подъ музыку... и я тоже... Вѣдь, вы, вѣрно, поете? А?

— Што-жъ, если што знакомое... малороссійское...

Рѣшено было, чтобы завтра съ утра Мотя съ оркестромъ явился для репетиціи—аккомпанировать пѣнію.

Черезъ десять минутъ мы узнали отъ Ицка другую радостную вещь: хозяинъ постоялаго двора, гдѣ Охрименко предполагалъ устроить спектакль, соглашается дать намъ декораціи, залу, стулья и освѣщеніе даромъ, но съ условіемъ испросить у исправника разрѣшеніе позволить ему держать въ этотъ день театральный буфетъ, конечно, съ горячими напитками.

Панъ директоръ обѣщалъ немедленно зайти посмотрѣть залу и условиться.

— Гридина, а знаете что... Вѣдь пьесы не придумаемъ, а? Господа, какъ вы полагаете?

И я, и Царенко высказались въ томъ смыслѣ, что безъ печатнаго или писаннаго экземпляра ставить пьесу на память нельзя, что это было бы съ нашей стороны профанаціей драматическаго искусства и что, наконецъ, никто изъ насъ никогда не игралъ на сценѣ.

Охрименко присоединился къ общему мнѣнію.

— Такъ, значитъ, что-жъ? Спектакль все-таки надо поставить, слѣдовательно... обойдемся безъ пьесы. Вотъ что, господа, если такъ: мы завтра даемъ „Литературно-вокально-драматическій вечеръ“ съ танцами послѣ спектакля. Великолѣпно! Не правда-ли, а?

Съ нашей стороны послѣдовало согласіе, хотя и явилось сомнѣніе относительно того, чѣмъ мы наполнимъ литературно-вокальный вечеръ, и какіе именно таланты можетъ проявить каждый изъ насъ.

— А що-жъ такое,—замѣтила Гридина:—можно пропѣть... Я могу да еще кто-нибудь...

— А давайте, Гридина, попробуемъ. У васъ альтъ или дискантъ? Старовскій, иди сюда поближе, бери только гуще. Ну, давайте: „Та не жури меня, моя мати“. Знаете?

Проба превзошла всѣ ожиданія. У Гридиной оказался одинъ изъ тѣхъ необработанныхъ, но густыхъ и сочныхъ, сильныхъ альтовъ, которые только и могутъ создаться въ привольныхъ, широкихъ степяхъ нашей Малороссіи.

Послѣ перваго же куплета, Охрименко пришелъ въ полный восторгъ и засадилъ Гридину за писаніе афиши.

Программа вызвала оживленныя пренія.

Но вопросъ вскорѣ былъ благополучно разрѣшенъ: Охрименко гдѣ-то въ своихъ старыхъ тетрадяхъ нашелъ рукописные отрывки изъ „Горе отъ ума“ и „Гамлета“. Онъ немного застѣнчиво признался, что когда-то, въ V классѣ гимназіи, мечталъ сдѣлаться актеромъ.

Все горе заключалось лишь въ томъ, что цѣлымъ сохранился

только монологъ Гамлета. Остальные два отрывка—начало 2-го дѣйствія „Горе отъ ума“ и монологъ Чацкаго прерывались на самыхъ патетическихъ мѣстахъ.

Такъ какъ другого выбора не было, то намъ оставалось смириться. Черезъ полчаса одна тщательно переписанная Гридиной афиша для исправника и нѣсколько другихъ афишъ, написанныхъ общими усиліями для разсылки по городу, были готовы.

Одна изъ нихъ сохранилась у меня до сихъ поръ, даже съ надписью исправника: „разрѣшаю“.

187* года августа 4 дня
съ дозволенія начальства проѣздомъ черезъ г. Каневъ
товариществомъ любителей-артистовъ данъ будетъ
во временномъ театрѣ (постоялый дворъ Файвелюкиса)
Литературно-вокально-драматическій вечеръ.

ПРОГРАММА:

Отдѣленіе первое.

1. Сцены изъ народнаго быта—разскажетъ г-нъ Охрѣевъ.
2. «Ой, мамо, мамо», народная пѣсня—исполнитъ г-жа Гридѣева.
3. Монологъ изъ «Гамлета»—прочт. г-нъ Царевскій.
4. «Та не жури мене, моя мати»—исполн. хоръ.

Отдѣленіе второе.

1. Изъ 2-го дѣйствія комедіи «Горе отъ ума» Грибоѣдова.

Дѣйствующія лица:

Фамусовъ . . . . . г-нъ Охрѣевъ.
Чацкій . . . . . г-нъ Старовъ.
Слуга. . . . . г-нъ **.

2. «Доля жъ моя, доля»—исп. г-жа Гридѣева.
3. «Баламуте»—исполн. хоръ.

Отдѣленіе третье.

1. Монологъ Чацкаго—исп. Царевскій.
2. «Чи я въ лузи не калина була»—дуэтъ исп. г-жа Гридѣева и г-нъ Охрѣевъ.
3. Стих. Некрасова—прочт. Охрѣевъ.

Послѣ спектакля—танцы.

Примѣчаніе. Кавалеры приглашаются быть въ черныхъ сюртукахъ и перчаткахъ.

Бальный и театральный оркестръ подъ управленіемъ г. Моти Гольцберга.

Буфетъ и кухня отъ г. Файвелюкиса.

Цѣны мѣстамъ: 1-й рядъ—по 2 р., 2-й, 3-й, 4-й—по 1 р., остальные ряды (безъ права участвовать въ танцахъ) по 50 коп.

Начало ровно въ 7½ час. веч.

По мнѣнію Охрименка, афиша не оставляла желать ничего лучшаго, и онъ помчался съ ней къ исправнику, обѣщая устроить дѣло съ буфетомъ, декораціями и пр.

Мы стали готовиться. Особенно трудно было учить монологъ мрачному Царенку. По счастью, кусокъ сохранившагося отрывка послѣдняго монолога Чацкаго былъ не великъ: онъ начинался словами: „Спѣшилъ, летѣлъ!..“ и оканчивался: „Всѣ гонять! всѣ клянутъ!“ Но такъ какъ послѣднія слова Чацкаго: «Карету мнѣ,

карету!“ слишкомъ ужъ всѣмъ извѣстны, то рѣшено было ихъ въ концѣ монолога непремѣнно произнести, хотя бы и въ ущербъ смыслу и риѳмѣ.

Охрименка мы почти до самаго вечера не видѣли. Отъ него являлись только евреи—посланцы съ разнаго рода приказаніями.

— Панъ директоръ афишъ требуетъ.

— Панъ директоръ приказалъ билеты дать.

Наконецъ, Ицко доложилъ, что „панъ директоръ“ требуетъ насъ всѣхъ въ театръ.

Въ театрѣ, если такъ можно назвать громадный, довольно опрятный сарай, съ возвышающейся сценой и кулисами, мы застали Охрименка въ большихъ хлопотахъ. Онъ лично прибивалъ красную коленкоровую занавѣсъ, обучалъ какого-то молодого еврея, какъ ее надо поднимать и спускать, указывалъ, гдѣ разставлять стулья и скамьи. Нѣсколько рабочихъ евреевъ суетились надъ установкой декорацій. Театральный оркестръ самъ-пятъ съ Мотей во главѣ настраивалъ инструменты.

— Господа, посмотрите! хорошо? Здѣсь лампы будутъ, а тутъ вотъ оркестръ. Теперь давайте сдѣлаемъ репетицію пѣнія. Остальное мы завтра прорепетируемъ. Царенко, какъ ты думаешь?

— Еще бы: чортъ его выучитъ такіе монологи...

— Ну, Мотя, вотъ что намъ нужно. Первая пѣсня...

— Ви тольки заспивайте зъ голосъ, а я заразъ.

Гридина и Охрименко пропѣли мотивъ. При повтореніи, Мотя, дѣйствительно обладавшій тонкимъ музыкальнымъ ухомъ, схватилъ мотивъ, сказалъ что-то другой скрипкѣ и контрабасу, и аккомпанимантъ, къ великой радости Охрименка, былъ готовъ. Часть пѣсенъ (Гридина да и всѣ мы готовили сверхъ программы еще „на бисъ“) Мотя зналъ раньше, часть подобралъ и быстро записалъ ноты.

— Ну, господа, теперь я уже самъ здѣсь кое-что сдѣлаю,— заявилъ Охрименко:—вы идите разучивать.

Утро слѣдующаго дня было посвящено репетиціямъ и костюмамъ. Много бился съ нами Охрименко, долго доказывалъ онъ Царенку, что Гамлетъ по голосу вовсе не походилъ на удавленника или человѣка, говорящаго изъ-подъ земли, и что Чацкій, въ сценѣ съ Фамусовымъ (это уже я), отнюдь не изображаетъ тмутараканскаго истукана, не знающаго, куда дѣть столь необходимые для каждаго смертнаго органы, какъ ноги, руки, глаза.

Еще труднѣе было управиться съ костюмами, которые приходилось импровизировать изъ всякихъ на первый разъ какъ будто

и неподходящихъ вещей. Здѣсь насъ спасла расторопность незамѣнимаго мишуриса Ицки; онъ, по нашимъ указаніямъ, досталъ великолѣпный и необъятный бѣлый (зачѣмъ именно бѣлый?) жилетъ для Фамусова—Охрименка, страусовое перо и башмаки съ чулками для Гамлета, мордовскій костюмъ для Гридиной и фракъ для меня—Чацкаго.

Правда, все это было или широко или узко, или длинно или коротко, но, благодаря изобрѣтательности Гридиной, кое что подшившей, кое-что распоровшей, сидѣло на насъ „ничего себѣ“. Особенно много хлопотъ было съ Гамлетомъ, которому ни чулки, ни башмаки не лѣзли на ноги, несмотря на мрачную настойчивость Царенка и его воркотню. За то Охрименко въ халатѣ, взятомъ съ плечей Ицка, и въ бѣломъ, длинномъ жилетѣ, подъ который, для фигуры, были подложены пиджакъ Царенка и два теплыхъ платка Гридиной, былъ просто блестящъ. Страусовое перо для Гамлета было прикрѣплено къ студенческой широкополой шляпѣ Царенка и производило эффектъ своей бѣлоснѣжностью и постояннымъ киваніемъ сверху внизъ.

Не знаю, какъ другіе, но я сильно трусилъ. Мнѣ страшно было, чтобы спектакля со скандаломъ не провалили. Вѣдь зналъ же исправникъ, а слѣдовательно и мѣстная интеллигенція, что спектакль даютъ бывшіе гимназисты и будущіе студенты. Не посрамимъ-ли мы дорогое наше званіе? Съ другой стороны, боялся я за себя лично. А вдругъ провалюсь на первой фразѣ! Впрочемъ, Царенко, кажется, трусилъ еще больше, если судить по тому, какъ мрачно надвигалъ онъ и безъ того нависшія на глаза брови и какъ глухо ворчалъ, не желая даже и разговаривать съ нами.

Охрименко исчезъ, наказавъ намъ не запоздать къ спектаклю и быть въ театрѣ къ 6½ часамъ, а также успокоивъ, что если бы кто-нибудь изъ насъ забылъ свою роль, то, за отсутствіемъ суфлера, онъ, Охрименко, самъ будетъ подсказывать изъ-за кулисъ.

Наконецъ, наступило и время спектакля. Гридина, какъ болѣе изъ насъ свободная, была усажена за кассирскій столъ; мы должны были замѣнять ее по очереди. Здѣсь же, съ правой стороны, стоялъ внушительнаго вида солдатъ съ бляхой на груди, присланный исправникомъ „для порядку“.

Билеты бойко разбирались, и залъ наполнялся публикой. Буфетъ, кажется, тоже торговалъ недурно. Когда пріѣхалъ исправникъ съ толстой женой въ высокой шляпкѣ и тощей дочерью, весьма внушительно декольтированной, къ намъ за кулисы при-

бѣжалъ десятскій съ устнымъ приказомъ: „ихъ высокоблагородіе приказали сказать, что, значитъ, можно начинать“.

Мои опасенія оказались напрасными,—по крайней мѣрѣ со стороны, такъ сказать, благоустройства и благочинія спектакля.

Порядокъ, благодаря энергіи Охрименка, былъ всюду образцовый. Какъ могъ поспѣвать „панъ директоръ“ въ одно и то же время: и музыкантамъ дать тонъ, и Ицкѣ мигнуть о поднятіи занавѣса, и суфлировать Царенку изъ-за кулисъ, и самому играть или пѣть, и замѣнять Гридину за кассой—я до сихъ поръ не понимаю. Но это именно было такъ.

Ицко поднялъ занавѣсъ.

III.

Охрименко, во фракѣ, предназначенномъ для меня, въ яркихъ перчаткахъ и съ видомъ стараго опытнаго артиста-разсказчика передалъ остроумную, довольно длинную сцену, какъ-будто изъ Горбунова (отсебятина, кажется); затѣмъ „на бисъ“, съ большимъ достоинствомъ и неподражаемымъ комизмомъ, разсказалъ по малорусски сцену Раевскаго „Мертве тіло“.

Апплодисменты щедро посыпались, разсказчикъ величественно поклонился и исчезъ за кулисы, спѣша дать мѣсто Гридиной.

Гридина сначала смутилась и оробѣла. Но за первой же фразой овладѣла собой, дала силу своему серебристому голосу и такъ прелестно спѣла „Ой мамо“, столько вложила чувства въ родную всѣмъ пѣсню, что зала огласилась прямо ревомъ. Пришлось пропѣть два раза „на бисъ“ запасныя пѣсни.

Значительный фуроръ произвелъ, къ моему удивленію, и Царенко, въ своей шляпѣ съ колыхающимся длиннымъ перомъ и въ неожиданно лопнувшихъ высокихъ черныхъ чулкахъ.

Такого отчаяннаго мрака и свирѣпости навѣрно никто не видѣлъ на лицахъ артистовъ, игравшихъ Гамлета. Это было что-то звѣрское, стихійное.

Онъ сердито вышелъ на сцену, сложивъ руки на груди, спросилъ публику замогильнымъ голосомъ:—„Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ!“ и остановился. Прошла цѣлая минута. Царенко внимательно и сурово оглядѣлъ залъ, также сурово посмотрѣлъ на Ицку, державшаго въ рукахъ веревки отъ занавѣса, и медленнымъ шагомъ прошелъ два раза вокругъ сцены, кивая страусовымъ перомъ и показывая свѣтящіеся по швамъ чулки.

Описавъ еще кругъ, онъ опять остановился передъ рампой,

сдвинулъ брови, блеснулъ на публику звѣрскимъ взглядомъ и вновь сталъ величественно колесить по сценѣ.

Очевидно, онъ забылъ продолженіе монолога, но начало было такъ эффектно и необычайно, что въ залѣ неожиданно раздалось два-три хлопка, къ которымъ сразу и горячо присоединилась вся публика.

По счастью, на выручку явился Охрименко и изъ-за кулисъ сталъ быстро суфлировать смущенному аплодисментами Гамлету.

Когда Царенко, заканчивая монологъ, громко (труды Охрименка на репетиціяхъ) и поднявъ кулакъ (собственное добавленіе) произнесъ:

«И мысль не переходитъ въ дѣло... Тише!!»,

вся зала потряслась отъ восторга, и Гамлета два раза вызвали.

Не буду подробно описывать дальнѣйшее теченіе спектакля. Въ общемъ все сошло болѣе чѣмъ удачно, и публика была очень довольна. Было, правда, два момента, которые, казалось, разрушатъ всѣ наши надежды и погубятъ нашу славу.

Въ отрывкѣ второго дѣйствія „Горе отъ ума“ должны были участвовать Охрименко—Фамусовъ, я—Чацкій и Ицка—Петрушка слуга. Фамусовъ былъ неподражаемый барынъ-москвичъ, хотя, правду сказать, иллюзію значительно портилъ халатъ еврейскаго покроя (другого не достали) и слишкомъ ужъ подмощенный разнымъ хламомъ бѣлый жилетъ. Не знаю, насколько удачно, я, въ конецъ оробѣвшій и все время потиравшій руки, создалъ типъ Чацкаго (всего четыре фразы), но слуга Петрушка былъ положительно невозможенъ. По какой-то роковой необходимости, Петрушку (безъ рѣчей) пришлось играть нашему почтенному Ицкѣ, съ которымъ Охрименко обмѣнялся платьемъ, и, по недосмотру-ли или по собственному упорству, этотъ внезапный „слуга безъ рѣчей“ не только не придалъ себѣ чисто русскаго характера слуги-крѣпостного, но даже завилъ въ длинныя кольца и намаслилъ волосы на вискахъ, по-еврейски („пейсы“). Великолѣпный баринъ Фамусовъ и еврей-слуга—это было нѣчто совсѣмъ дикое, ни съ чѣмъ несообразное.

Публика, однако, сочувственно отнеслась къ этому нововведенію. Ицку зналъ весь городъ. Передніе ряды тихо хохотали, а изъ самыхъ заднихъ, занятыхъ большей частью евреями, раздались даже одобряющіе и радостные голоса: „А, Ицекъ! Гиршъ ду! Гита ливрантесъ!“ Какъ и подобало артисту, нашъ Ицка, съ календаремъ и карандашемъ въ рукахъ, не утерпѣлъ во время монолога Фамусова и кивнулъ своимъ пріятелямъ головою, потрясая длинными завитушками.

Другой опасный моментъ неожиданно устроилъ намъ Царенко въ монологѣ Чацкаго.

Прежде всего Царенко, въ разсѣянности, вышелъ на сцену въ своей Гамлетовской шляпѣ, вовсе не идущей къ роли Чацкаго. Запоздавшій Охрименко увидѣлъ этотъ анахронизмъ уже во время монолога и поспѣшилъ громкимъ шопотомъ просуфлировать „шляпу брось“.

Царенко остановился, снялъ шляпу и добросовѣстно швырнулъ ее къ кулисамъ, а Ицка, еще добросовѣстнѣе, высунулся весь изъ-за кулисъ, поднялъ злополучную шляпу, посмотрѣлъ, качая головой, на публику, потомъ подулъ на перо и вытеръ шляпу рукавомъ.

По залѣ вновь пронесся сдержанный смѣхъ.

Когда же Царенко дошелъ до конца (оторваннаго) монолога, то получился еще эффектъ. Вотъ какъ были произнесены послѣднія строфы:

...«Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ!
(Собствен. импровиз.) «Ну, что-жъ? Пускай!
«Карету мнѣ, карету! (*Ицкъ мрачно и тѣмъ же голосомъ*).
«Спускай!»

Настоящіе лавры, однако, пожалъ все-таки Охрименко. Въ послѣднемъ нумерѣ спектакля онъ прочелъ „У параднаго подъѣзда“ и на бисъ „Убогая и нарядная“. Прочелъ онъ съ такимъ чувствомъ, съ такой страстной горечью, что у многихъ навернулись слезы, а два учителя мѣстнаго городского училища, въ качествѣ депутаціи, пришли за кулисы „пожать руку честному таланту“; такъ и сказали: „честному таланту“.

Вызывали „всѣхъ“, причемъ, къ вящшему нашему удивленію, позади насъ раскланивался, добродушно улыбаясь, и Ицка, уже въ національномъ длинномъ „лапсердакѣ“.

Пока мы переодѣвались, Охрименко успѣлъ организовать танцы и, изъ занавѣса, намъ открылась очень оживленная картина: паръ двадцать, съ Охрименкомъ и декольтированный дочерью исправника во главѣ, по провинціальному пристукивая и притопывая, вертѣлись и носились въ безумно-игривомъ вальсѣ. Мотя, съ своимъ оркестромъ, обернувшись лицомъ къ танцующимъ, производилъ удивительныя и очень забористыя вставки на своей скрипкѣ: ему еще какъ будто мало было веселья въ оффенбаховскомъ вальсѣ.

Такъ какъ ни Гридина, ни Царенко, ни я не танцовали, считая это занятіе не только не соотвѣтствующимъ достоинству „мысля-

щихъ реалистовъ", но и прямо безсмысленнымъ, то и не пошли въ залъ, а вызвали Охрименко на сцену.

Запыхавшійся Охрименко сообщилъ намъ, что пароходъ идетъ ночью, что поэтому надо сейчасъ же собираться и ѣхать, и что, вслѣдствіе обмеленія, пароходъ остановился гораздо ниже Канева.

— Ну, господа, надо сказать правду: спектакль удался, мы объединили общество, дали заработать десятку бѣдняковъ п... пожалуй, доставили эстетическое наслажденіе публикѣ. Теперь вотъ что. Я здѣсь расплачусь кое съ кѣмъ изъ рабочихъ, а вы поспѣшайте укладываться. Я сейчасъ прибѣгу, попрощаюсь только... Деньги у васъ, Гридина! Дайте мнѣ рублей десять... Сколько у насъ всего? Хватитъ-ли доѣхать?

— Вотъ всѣ. Я не считала. Мотѣ только дала 10 рублей. Вѣрно хватитъ. Вотъ вамъ 10 рублей.

Мы отправились на постоялый дворъ, расплатились, наняли лошадей до парохода. Вскорѣ подоспѣлъ и нашъ „панъ директоръ".

Сосчитали выручку. Кромѣ щедрой расплаты съ рабочими, Мотей, Ицкомъ и другихъ расходовъ, у насъ осталось еще около 40 руб.

— Это, господа, много,—заявилъ Царенко.—Это ужъ на эксплуатацію похоже... Свинство!

— Болтай, Царенко. Какая-жъ это эксплуатація? Этимъ толстокожимъ мы доставили хорошія минуты, и, кто знаетъ, быть можетъ, помимо этого натолкнули ихъ на какое-нибудь хорошее дѣло, заставили ихъ честно мыслить; исправникъ, навѣрно, завтра драться не станетъ и хоть на одинъ день откажется отъ взятки. Впечатлѣніе все-таки останется. И то хорошо. Теперь, ты говоришь, много денегъ осталось. Будь мы одни, правда. А забылъ ты Гридину? Гридина, не обижайтесь. Мы-то всегда устроимся, а новый человѣкъ въ Z*, да еще безъ гроша... Остатокъ денегъ ей отдадимъ... вѣдь надо же ей, господа, и теплое платье, и обѣдъ, и на обиходъ, а? Гридина?

Гридина помолчала и покраснѣла.

— Я подачекъ не желаю... А такъ какъ мы всѣ честно заработали деньги, и я трудилась совершенно такъ же, какъ и другіе, то и вправѣ требовать свою часть... по товариществу; а если одному изъ товарищей надо больше денегъ, а другому меньше, такъ это ясно же, что такъ и слѣдуетъ сдѣлать...

— Вѣрно! Садись, Царенко, въ лужу и не рыкайся.

Черезъ часъ мы уже размѣстились на пароходѣ. Было близко къ полуночи.

— А вѣдь всѣ мы, господа, свиньи, — неожиданно заявилъ намъ Охрименко, когда мы хотѣли уже улечься.—Пароходъ, говорятъ, только передъ свѣтомъ отходитъ, а мы теперь хотѣли спать ложиться? Въ такую-то чудную ночь? И гдѣ же? У самой Шевченковой могилы? Варвары! Идемъ на поминки къ „батьку Тарасу“...

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, вѣдь пароходъ около самой Шевченковой горы стоитъ.

— Дѣло,—согласился и Царенко.—Тебѣ, Охрименко, иногда очень умныя вещи приходятъ въ голову.

Мы сошли съ парохода, поворотили нѣсколько влѣво и стали взбираться въ гору по ярко освѣщаемой луной тропинкѣ.

Вотъ и могила. На верхушкѣ отвѣсной горы, у подножья которой гдѣ-то далеко внизу бьются волны Днѣпра, на большой квадратной насыпи высится и царитъ надъ необъятной окрестностью сѣрый деревянный крестъ. При свѣтѣ луны видно, что краска давно съ него слѣзла, что и ограда сгнила, но не заросла тропинка къ дорогой могилѣ „батька Тараса“: весь крестъ испещренъ фамиліями частыхъ посѣтителей могилы.

Мы молча остановились надъ обрывомъ.

— А чтобъ тебя чортъ взялъ!—прервалъ молчаніе мрачный Царенко.

— Ты чего это?

— Очень ужъ тутъ хорошо!—объяснилъ онъ, погодя.

Дѣйствительно, предъ нами раскинулась чудная панорама. Ярко и полно сверкали лунные лучи на поверхности Днѣпра. Горизонтъ скрывался во мглѣ, но обрамлявшія его густыя, темныя лѣсныя поросли виднѣлись; онѣ вились по всему пространству, то пересѣкаясь, то опять соединяясь въ отдѣльныя темныя пятна. Полной грудью вдыхался застывшій воздухъ, до послѣдней степени насыщенный какимъ-то сладкимъ, сочнымъ и невыразимо пріятнымъ запахомъ и травъ, и цвѣтовъ, и влаги.

Мы присѣли. Говорить не хотѣлось. Не знаю, долго-ли длилось молчаніе, но Гридина не выдержала:

„Та не мае ги-иршъ ни ко-о-ому-у“... — тихо раздался ея свѣжій грудной голосъ.

„Якъ тій сы-ы-ыроты-ыни“... — завторилъ высокимъ и сильнымъ теноромъ Охрименко, весь встрепенувшись и вскакивая.

Я и Царенко дружно подхватили, и полилась чудная пѣсня

по заснувшимъ полямъ, по дремлющей днѣпровской шири, по темнымъ перелѣскамъ.

— Гуще, Старовскій, гуще! Гридина, громче! —изрѣдка командовалъ Охрименко.

У Гридиной на воздухѣ, на привольѣ, оказался голосъ и шире, и гуще, и, какъ бы сказать, сердечнѣе, чѣмъ въ залѣ. Да и у меня баритонъ сталъ лучше и сильнѣе; одинъ Царенко, не имѣя ни слуха, ни голоса, но упорно участвуя во всѣхъ хорахъ, по прежнему, тихо производилъ гулъ, который онъ называлъ „октавой“.

— Гридина, знаете „Стоить гора?“—спросилъ Охрименко, по окончаніи первой пѣсни.

— А то какже-жъ?

Опять полилась пѣсня...

Чудный теноръ Охрименка, мягкій, „душевный“, чутко вторилъ Гридиной. Но мы не успѣли пропѣть и перваго куплета, какъ вдругъ рядомъ со мной раздался густой, молодой, такъ называемый, „бархатный“ басъ прибѣжавшаго съ парохода семинариста, ярко подхватившаго съ нами послѣднюю строфу:

«Не-паче оправди рай».

Съ семинаристомъ, оказалось, прибѣжали еще два его товарища и гимназистъ, все народъ пѣвучій.

Пѣсня сразу взвилась, окрѣпла. Охрименко, уже безъ шляпы, заливался на высокихъ нотахъ и дирижировалъ руками. Серебряный голосъ Гридиной покрывалъ хоръ и давалъ ему окраску и осмысленность. Пѣсня закончилась такимъ блестящимъ, невырязимо тоскливымъ аккордомъ, что, пожалуй, при той обстановкѣ, въ какой мы находились, могла кое у кого и слеза навернуться:

...«Ще вёрнеться весна.
А молодость не вёрнеться,
Не вёрнеться-жъ вона»...

Къ могилѣ, заслышавъ пѣніе, стали подтягиваться и другіе пассажиры двухъ заночевавшихъ здѣсь пароходовъ. Всѣ усаживались гдѣ попало и тихо слушали.

— Теперь, господа, давайте „Ахъ ты, Днѣпръ“. Гридина, знаете, изъ „Аскольдовой могилы“.

— Шо-жъ я—маленькая, шобъ не знать?..

Басы стянулись въ кучку.

Очень поздно вернулись мы на пароходъ. Усталость взяла свое, мы быстро улеглись и немедленно заснули богатырскимъ сномъ юности.

IV.

Прошло двадцать лѣтъ съ чѣмъ-то. Сильно разметала и разбросала жизнь нашу товарищескую кучку за это время. Многихъ прямо выбросила изъ колеи, другихъ уложила въ тѣсныя рамки, третьихъ поманила призраками...

Мнѣ суждено было сдѣлаться чиновникомъ, съ достиженіемъ даже „степеней извѣстныхъ“.

Въ прошломъ году, въ самомъ концѣ іюля, я получилъ служебную командировку въ Астрахань.

Астрахань, съ которой я знакомъ былъ лишь по книгамъ, всегда казалась мнѣ, какъ страстному охотнику, настоящимъ охотничьимъ Эльдорадо: безчисленныя устья великой Волги, безконечныя болота, непроходимые камыши, масса мелкихъ островковъ, на которые и нога человѣческая не ступала, обильные перелеты и необыкновенное разнообразіе болотной дичи,—все это дѣйствительно дѣлало Астрахань лучшимъ русскимъ центромъ охоты „по перу“.

На всякій случай я взялъ съ собой въ командировку не только мое старое испытанное ружье, но и собаку, вѣрную красавицу Марго, изъ рыже-золотистыхъ сетеровъ.

Случай къ охотѣ представился вскорѣ послѣ моего прибытія въ Астрахань.

Собирая разныя свѣдѣнія, между прочимъ, и о развитіи мелкаго рыболовнаго промысла, я какъ-то познакомился съ мѣстнымъ жителемъ Агаровымъ, имѣвшимъ свой небольшой промыселъ вертахъ въ 40 ниже Астрахани, на безыменномъ островкѣ, образуемомъ мелкими волжскими рукавами, которымъ, за ихъ множествомъ, даже опредѣленныхъ названій не было.

Разговорившись, я узналъ отъ Агарова, что островокъ принадлежитъ ему съ давнихъ поръ, что тамъ, кромѣ промысла, есть и небольшой поселокъ, а главное, что тамъ богатѣйшая охота, но никто не охотится, кромѣ одного какого-то мѣщанина отшельника, которому Агаровъ продалъ три-четыре десятины на островѣ. Сообщеніе съ островкомъ поддерживается пароходикомъ „Внучекъ“, который дѣлаетъ рейсы въ болѣе отдаленные пункты, но за небольшую приплату любезный капитанъ пароходика пристаетъ и къ островку.

Я просилъ разрѣшенія посѣтить промыселъ и, конечно, немедленно получилъ записку къ промысловому приказчику о предоставленіи мнѣ всѣхъ удобствъ въ хозяйскомъ домѣ на промыслѣ.

Дня черезъ два, подъ праздникъ, я, съ красавицей Марго и въ охотничьихъ доспѣхахъ, ѣхалъ на „Внучкѣ“, крохотномъ пароходикѣ. Здѣсь все было грязно: и любезный капитанъ мужичекъ, и пьяноватые матросики, въ однихъ жилетахъ, и необычайно-шипящая и прищелкивающая машина, и заспанный машинистъ, и публика, которой собралось душъ десять, все богатые крестьяне нижнихъ волжскихъ селъ. Пароходикъ противъ вѣтра тянулъ на буксирѣ громадную кусовую лодку съ какимъ-то желѣзнымъ матерьяломъ.

Только въ Астрахани можно еще найти такіе „пассажирскіе“ пароходики.

Къ вечеру я высадился на Агаровскомъ промыслѣ и передалъ записку приказчику, молодому крестьянину въ городскомъ пиджакѣ и яркихъ брюкахъ на выпускъ.

Мнѣ отвели весь мезонинъ хозяйскаго дома, т.-е. „вышку“, со всѣхъ четырехъ сторонъ которой шла широкая съ навѣсомъ галлерея, открывающая безконечный видъ на Волгу, островки и протоки.

Хотя страдная пора рыболовства давно уже прошла, но ловъ осетровъ и судака продолжался, и на промыслѣ, въ отдѣльныхъ хижинахъ, оставались еще: приказчикъ, пріемщикъ свѣжей рыбы отъ ловцовъ-калмыковъ, старуха-ключница и душъ 30 рыбачекъ-дѣвушекъ, солившихъ рыбу впрокъ.

На галлереѣ посидѣть не удалось: тучи свирѣпыхъ комаровъ быстро загнали меня въ комнату, да и здѣсь не давали покоя.

Пока я пилъ чай, а Марго рекогносцировала новое жилище, единственная обитательница хозяйскаго дома, старуха-ключница, она же и кухарка, Петровна, посвящала меня въ тайны острова и его обитателей. Это была толстая женщина лѣтъ 60-ти, въ засаленномъ платьѣ, съ морщинистыми руками, очевидно никогда не знавшими мыла, съ тусклымъ взглядомъ, закорюченнымъ къ подбородку носомъ и больными ногами. Прежде всего я былъ предупрежденъ ею, чтобы послѣ сумерекъ черезъ болота не ходить: на островѣ несомнѣнно водится „Лобаста“, таинственное болотное чудовище, о которомъ на ночь не слѣдуетъ говорить и которое на памяти самой Петровны (а она служитъ здѣсь на островѣ всего 17 лѣтъ) унесло одного калмыка и одного русскаго рабочаго.

— Такъ-таки и пропали. Съ вечера пошли напрямикъ къ бугру за лошадьми—да и до сихъ поръ не вернулись, восьмой годъ пошелъ. Это тебѣ всякъ рыбакъ скажетъ.

Старуха набожно перекрестилась и сразу перешла на другую тему, на тему о мошенничествахъ приказчика, о сварливости жены пріемщика, съ которой даже ей, старухѣ, дважды пришлось подраться, о пьянствѣ ночного сторожа и о количествѣ воспитываемыхъ ею, Петровною, гусей и куръ.

Заинтересовавшись народнымъ повѣрьемъ о „Лобастѣ“, я просилъ Петровну разсказать мнѣ о немъ подробности, но старуха только перекрестилась, поклонилась и, ни слова не говоря, тяжело ступая, убралась къ себѣ внизъ на кухню.

Очевидно, „Лобаста“ пользуется здѣсь нехорошей славой.

Комары гудѣли и звенѣли въ котнатѣ, не стѣсняясь ни свѣтомъ лампы, ни табачнымъ дымомъ. По счастью, у кровати оказался пологъ изъ марли, единственное убѣжище мѣстныхъ жителей отъ этого страшнаго бича устьевъ Волги. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, я изгналъ враговъ изъ полога, подвернулъ концы его подъ себя и думалъ уже заснуть. Увы! Я забылъ о Марго, которую также жалили комары и которая, визжа, царапалась ко мнѣ подъ пологъ. Пришлось уступить.

На разсвѣтѣ, напившись чаю и подкрѣпившись привезенной съ собой провизіей, я собрался въ походъ, какъ вдругъ во дворѣ промысла раздались мѣрные и медленные звуки колокола.

Я вышелъ на галлерею и только теперь охватилъ взглядомъ весь промыселъ.

Саженяхъ въ тридцати отъ берега, но соединяясь съ берегомъ двумя широкими помостами, на высокихъ сваяхъ далеко выступалъ въ Волгу громадный сарай, къ которому приставали суда для нагрузки рыбой.

Широкій рукавъ Волги красивой лентой тянулся вправо и влѣво и гдѣ-то очень далеко терялся въ утреннемъ туманѣ. Самый промыселъ построенъ былъ по общему типу волжскихъ промысловъ: онъ представлялъ собой квадратъ, одна сторона котораго, свободная, выходила на рѣку, къ свайному сараю, а три другія составляли: хозяйскій домъ съ вышкой, обширные и высокіе ледники для храненія рыбы и большой сарай для соленія рыбы. За этими постройками, въ глубь острова, шли навѣсы и многочисленныя жерди для сушки рыбы.

Среди квадрата возвышался крестъ, обнесенный изящной оградой и украшенный иконой.

Съ первымъ ударомъ колокола, помѣщеннаго на вершинѣ ледниковъ, изъ за амбара показалась въ высшей степени яркая, пестрая и оригинальная процессія. Душъ тридцать дѣвушекъ, въ

мужскихъ костюмахъ—въ желтыхъ, красныхъ и синихъ кофточкахъ и въ безукоризненныхъ бѣлыхъ штанахъ, стянутыхъ у таліи поясами и внизу засунутыхъ въ высокіе бѣлые чулки—пара за парой, медленно, въ тактъ ударамъ колокола, проходили мимо приказчика, отмѣчавшаго фамиліи работницъ, приближались къ кресту, становились на колѣни, набожно крестились и медленно же исчезали въ широко раскрытыхъ дверяхъ амбара.

Яркая и живая картина, напоминающая балетъ или оперу!

Прозвучалъ послѣдній ударъ колокола, и промыселъ началъ работать. Рыбачки въ амбарѣ визгливо запѣли свою промысловую пѣсню „Матаню".

Не успѣлъ я пройти отъ промысла и четверти версты, какъ изъ подъ моихъ ногъ вырвался первый бекасъ. Марго тотчасъ же подняла второго, третьяго. Мѣсто оказалось добычливое.

Часамъ къ 12 я очутился на противоположной сторонѣ острова и почувствовалъ сильную усталость. Это объяснялось какъ тѣмъ, что мнѣ пришлось перерѣзать на-прямикъ широкое болото съ „крѣпью", т.-е. съ густыми зарослями камыша, такъ и тяжестью охотничьей сумки, въ которой, кромѣ бекасовъ, лежало двѣ каравайки и селезень крахаль. Къ тому же, жара стояла истинно астраханская, пекло и парило немилосердно, воздухъ какъ будто застылъ, потъ струился, въ горлѣ пересохло и дышать было трудно. И нигдѣ ничего похожаго на тѣнь.

На мое счастье, я случайно замѣтилъ неподалеку, у самаго берега рѣки, небольшое, очевидно, русское жилье, окруженное нѣсколькими ветлами.

Вблизи это жилье оказалось цѣлой усадьбой съ небольшимъ чистенькимъ домикомъ, скрывавшимся среди густыхъ ветелъ, дававшихъ тѣнь широкому навѣсу, гдѣ стоялъ столъ и стулья.

Длинный, окруженный заборомъ и очень старательно разбитый огородъ, видимо, пользовался особымъ уходомъ. Съ обѣихъ сторонъ дома расположены были постройки для скота; тутъ же за ними высилась скирда сѣна, стояли и лежали на землѣ сельскія орудія.

Какая-то молодая еще женщина, въ бѣломъ платкѣ и слегка подобранномъ платьѣ, очевидно, оторванная отъ работы, бросилась усмирять свирѣпо напавшихъ на меня собакъ.

— Послушайте, матушка, — закричалъ я еще издали,—позвольте мнѣ отдохнуть у васъ немного и водицы испить. Очень ужъ жарко...

— Сдѣлайте милость... Зайдите. Садитесь, вотъ сюда. Я вамъ холоднаго квасу лучше дамъ... Пошли прочь! Беконъ, на мѣсто!

Съ большимъ наслажденіемъ снялъ я сумку, шляпу и со вздохомъ величайшаго облегченія сѣлъ въ тѣни навѣса. За это время моя Марго уже успѣла познакомиться съ собаками, теперь ласково махавшими хвостами, и явно заигрывала съ Бекономъ.

Вскорѣ показалась и женщина съ большимъ графиномъ темнаго кваса. Она подошла ближе и вдругъ остановилась, уставившись на меня пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ. Что-то ужасно знакомое было въ лицѣ молодой женщины, что-то близкое было въ этихъ коротко подстриженныхъ волосахъ, въ этихъ свѣтлыхъ вдумчивыхъ глазахъ.

— Гдѣ я ихъ видѣлъ?—пронеслось у меня. Я вспомнилъ и вскрикнулъ:

— Гридина!?

— Старовскій!

Мы какъ будто оторопѣли, потомъ рванулись и странное дѣло: далекое прошлое, хорошее, чистое, свѣтлое сразу какъ то такъ поднялось внутри насъ, что мы братски расцѣловались.

Посыпались взаимные вопросы, торопливые, не ждущіе отвѣтовъ...

Наконецъ, способность выслушивать другъ друга вступила въ свои права.

— Мы здѣсь уже четыре года. Это все наше; помѣщиками-рентьерами сдѣлались,—указала съ улыбкой Гридина на огородъ и поле, засѣянное какимъ-то злакомъ.

— Кто же „мы“? Вы и...

— Да Охрименко же, мужъ... Развѣ забыли? Онъ скоро изъ города пріѣдетъ, вотъ обрадуется! Мы, вѣдь, еще „тамъ“ повѣнчаны, да по старой привычкѣ все другъ друга по фамиліямъ зовемъ...

— Господи! Развѣ можно Охрименка забыть? Хотя, Боже мой,—вѣдь больше 20-ти лѣтъ прошло! Я его потерялъ изъ вида еще съ третьяго курса, тогда говорили, что онъ и вы ушли изъ Z* пѣшкомъ...

— Вѣрно... Съ тѣхъ поръ многое пришлось испытать... много мы ходили, много, можетъ быть, добра сдѣлали, много и глупыхъ дѣлъ натворили... Все вмѣстѣ... вотъ уже пять лѣтъ, какъ мы приписаны въ мѣщане и имѣемъ право жить, гдѣ хотимъ... Вотъ теперь за то, видите, какой рай? Все свое, ни въ чемъ не нуждаемся, даже большіе излишки есть, ни въ чемъ себѣ не отказываемъ... Ни за что отсюда не уйдемъ! И ничего намъ больше не надо...

— Что вы, Гридина, говорите? А библіотеки, театры, умственные центры, ученыя общества, единеніе съ людьми?

— Ахъ ты, батюшки мои! Вы ужъ лучше съ Охрименкомъ поговорите. Онъ такъ рѣдко смѣется. Я вамъ только одно скажу: мы ближе къ міру, а къ ученому и тѣмъ больше, чѣмъ вы думаете. Мы выписываемъ газеты, три журнала, да Охрименко даромъ получаетъ, т.-е. въ счетъ гонорара, спеціальные журналы, разныя «Извѣстія», «Труды Обществъ», да и газету мѣстную ради телеграммъ получаемъ. Слѣдовательно, не отреклись совсѣмъ отъ міра, а, пожалуй, и слѣдимъ за всѣмъ лучше, чѣмъ еслибы жили въ центрѣ. Только балетовъ нѣтъ у насъ, это правда... вотъ будетъ хохотать Охрименко!

— Да что же онъ здѣсь, на этомъ робинзоновскомъ островѣ, дѣлаетъ?!

— Гм... Помните его страсть къ естественнымъ наукамъ? Она усилилась. У него теперь роскошные микроскопы, препараты, коллекціи. Все у него отсюда собрано, все здѣсь въ этой мѣстности... Пишетъ въ журналы, въ географическое общество, въ энтомологическое, еще въ какія-то. Вездѣ членомъ принятъ или корреспондентомъ. Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, о насъ такъ странно думаете? Да знаете-ли вы, милостивый государь, что и я состою членомъ-корреспондентомъ двухъ обществъ и отсюда пишу въ дѣтскихъ и педагогическихъ журналахъ о калмыкахъ, киргизахъ и другихъ смертныхъ, которыхъ, кстати сказать, обучаю грамотѣ. А? Удивились? Такъ вамъ и слѣдуетъ, маловѣрный...

— Не маловѣрный, а темный я человѣкъ теперь... Вы меня совсѣмъ огорошили... ошеломили... Чѣмъ же вы живете? Неужели однѣми литературными работами?

— О нѣтъ,—разсмѣялась Гридина:—когда мы пріѣхали въ устье Волги и облюбовали это мѣсто, у насъ было сбережено отъ долгой работы тамъ рублей до пяти сотъ у двухъ. Купили пять десятинъ, построили свой дворецъ, завели огородъ, трехъ коровъ, птицу, лошадь; стали засѣвать землю (конечно, на такомъ клочкѣ сами управились съ одной рабочей-калмычкой), унавозили, часть отвели подъ табакъ, часть подъ такія рѣдкія штуки, которыхъ Астрахань не имѣетъ. Въ огородѣ у насъ тоже деликатесы есть—и земляная груша, и спаржа, будетъ и брюссельская капуста, а теперь изъ Эрфурта что-то такое получили, да такое выросло, что и сами не знаемъ. Потомъ — рыба. Вѣдь мы имѣемъ право ловить рыбу на всемъ протяженіи нашего владѣнія, т.-е. на протяженіи, по крайней мѣрѣ, пятидесяти саженъ...

Ну, знаете, какъ иногда уловъ хорошій пойдетъ, такъ не то что съ Охрименкомъ, а еще и съ калмычкой управиться не можемъ. Охрименко цѣлую недѣлю возитъ тогда свѣжую живую рыбу на астраханскіе базары... Денегъ кучу навезетъ...

— Неужели онъ самъ на базарѣ и продаетъ?

Гридина удивилась.

— Да, вѣдь, кто же повезетъ? Я съ калмычкой не погонимъ лодки противъ теченія... Да къ Охрименку уже давно всѣ и привыкли... Тоже доходъ и сыръ.

— Какъ, сыръ?

— Да вотъ у насъ хорошія коровы, молока много, приволье; а если своего мало—у калмыковъ прикупаемъ. Я на молочной фермѣ у В. въ Россіи цѣлый годъ въ работницахъ прослужила, кое-что знаю. Стала дѣлать сначала паниръ, армянскій любимый сыръ, для скораго сбыта, потомъ голландскій—тоже пошелъ выгодно... Научила нѣсколько калмыковъ паниръ дѣлать... только грязно ужъ очень они готовятъ, мало и сбыта у нихъ. А все-таки заработокъ. А сначала смѣялись, хотѣли даже съ острова прогнать...

Гридина засмѣялась прежнимъ молодымъ смѣхомъ. Я молчалъ нѣсколько пораженный.

— Удивлены, что и на этотъ островокъ занесенъ толковый трудъ? Такъ казнитесь же еще больше: знайте, что я лично зарабатываю деньги еще и на корзинахъ.

— На корзинахъ?

— Здѣсь, въ болотахъ, растетъ особый видъ водяного растенія, по-здѣшнему „куга“, малороссійскій рогизъ, знаете—такой мясистый круглый, какъ проволока, стебель, безъ листьевъ... изъ нея здѣсь рогожки дѣлаютъ.

— Знаю, знаю...

— Такъ вотъ попробовала я изъ этого рогиза плетеныя коробочки и корзиночки дѣлать. Что-жъ бы вы думали? Черезъ мѣсяцъ—такой въ Астрахани спросъ пошелъ на мои плетенки (понравились сразу—легкія, красивыя, удобныя для города и въ дорогу), что Охрименко принялъ на зиму уже цѣлый заказъ. Я пригласила (сначала, положимъ, за деньги) двухъ дѣвушекъ изъ деревни, что по ту сторону Волги, да еще двухъ калмычекъ; составили мы себѣ потомъ настоящую артель и, выражаясь экономическимъ языкомъ, въ теченіе одного почти мѣсяца „бросили на рынокъ“ товара рублей на сто слишкомъ. И, замѣтьте, товаръ, собственно матерьялъ, намъ ничего не стоилъ, мы его сами лѣтомъ рѣзали на болотахъ и сушили. Значитъ, одна только работа,

одинъ трудъ, а получили за него, ой, какъ много: больше 20 р. каждой въ мѣсяцъ пришлось, пока новинка была. Ну, съ тѣхъ поръ и пошло это дѣло въ ходъ. Теперь и товаръ мы удешевили, и другихъ выучили плести корзины. Цѣлую „моду“ ввели въ Астрахани, право...

— А какъ же зимой вы съ городомъ сообщаетесь?..

— Волга станетъ—по льду. Распуститъ—черезъ ерики, на арбѣ въ бродъ съ острова на островъ. Лошадь хорошая. Ахъ, заговорилась я съ вами, Старовскій, а у меня и обѣдъ не готовъ. Охрименко долженъ къ двумъ часамъ быть, онъ съ парусомъ ночью поѣхалъ... Посидите, поскучайте, а еще лучше—зайдите въ комнаты, посмотрите на коллекціи... я скоро вернусь.

Въ домикѣ оказалось всего двѣ комнатки: одна налѣво была спальня, другая большая, въ три окна на Волгу, представляла рабочую комнату. По срединѣ послѣдней стоялъ громадный некрашенный столъ, заваленный бумагами, газетами, книгами, стклянками, мелкими инструментами. Тутъ же стояла высокая лампа съ огромнымъ абажуромъ, два большихъ микроскопа, какія-то коробочки, листы бумаги съ наклеенными листьями и т. п. Стѣны сплошь уставлены были или полками съ книгами, или ящиками съ насѣкомыми, растеніями, яйцами птицъ, или просто увѣшены разными совочками, крючьями, сѣтками для ловли насѣкомыхъ и пр.

На одной стѣнѣ красовались ружья, охотничьи принадлежности и разнообразныя сѣточки. Подъ стѣнами, во всю длину, шли некрашеные же узенькіе столы, тоже съ книгами, пучками травъ и всякой всячиной. У большого стола два, три плетеныхъ стула и такія же кресла.

Общій видъ комнаты носилъ характеръ рабочаго уютнаго кабинета. Здѣсь чувствовалась сила спокойнаго труда, чувствовалась любовь и къ нему, и къ знанію.

Я сѣлъ въ удобное кресло и задумался...

Собаки вдругъ залились и бросились къ берегу. Въ то же время съ Волги раздался громкій зовъ и потомъ радостный визгъ Бекона.

— Бекопъ! Бекуша! Соскучился, а?—раздался мужской голосъ.

Гридина вбѣжала ко мнѣ.

— Охрименко пріѣхалъ. Я ему нарочно не скажу, пусть самъ васъ узнаетъ...

Съ боковой террасы я увидѣлъ приставшую лодку и какого-то плотнаго человѣка въ простой одеждѣ. Онъ привязывалъ лодку и забиралъ весла и паруса.

*

— Гопъ-гопъ!—закричалъ онъ:—берите покупки!

— Идемъ!—отвѣчала Гридина, спускаясь съ калмычкой къ берегу.—Ахъ, Охрименко, какой сюрпризъ васъ ожидаетъ, не угадаете! А я помучу нарочно...

— Не обманете, Гридина. Я тоже вамъ сюрпризъ сейчасъ сдѣлаю, помогите только... Пошелъ, Беконъ!

На террасу вошелъ Охрименко. Двадцать лѣтъ его какъ будто мало измѣнили. Нѣсколько поблеклое лицо было, правда, все въ морщинахъ; въ усахъ и густой короткой бородѣ сильно свѣтилось серебро, но глаза остались прежніе, бодрые, свѣжіе.

Онъ ужасно удивился и не сразу узналъ меня. Мы крѣпко-крѣпко обнялись.

— Ахъ, какъ же я радъ! Гридина, дѣйствительно, сюрпризъ, дорогой сюрпризъ сдѣлалъ Старовскій.

— Какъ же ты поживаешь?—спросилъ я.

— Вотъ, какъ видишь. Но сперва, дружище, пообѣдаемъ. И ты вѣрно проголодался, а я такъ чуть живую рыбу не съѣлъ. Гридина, накормите страдальца!

— Сейчасъ, садитесь за столъ.

За обѣдомъ Охрименко все время разспрашивалъ меня о моей службѣ, надеждахъ, товарищахъ. Я подробно отвѣчалъ на его вопросы, сказавъ о себѣ, что служу въ N-скомъ департаментѣ, получаю хорошее жалованье, теперь въ командировкѣ въ Астрахань, состою въ „чинахъ“ и еще жду повышенія. Разсказалъ о товарищахъ.

Обѣдъ былъ сытный и вкусный, съ сильнымъ преобладаніемъ овощей и зелени. Послѣ обѣда Гридина налила намъ чай. Мы усѣлись поудобнѣе и закурили.

V.

— Теперь, Охрименко, разскажи же мнѣ о себѣ. Я такъ пораженъ и неожиданной встрѣчей съ вами, и тѣмъ, что вижу и что разсказывала Гридина...

— Все разсказывать, право, не хочется. Ну, испытали мы съ Гридиной не мало, это правда, да теперь и забывать стали. Время тогда было такое, да и силъ избытокъ... А вотъ, когда мы уже сдѣлались полноправными людьми,—хотя бы и съ припиской въ мѣщане,—съ этой поры тебѣ цѣлую гисторію росписать.

— Я ужъ ему росписала,—замѣтила Гридина,—и какъ землю купили, и какъ построились, и какъ обжились здѣсь...

— Все это такъ, Охрименко, но отчего тебѣ въ голову пришла мысль сюда, на край свѣта, забраться, уединиться, бросить человѣческое общество, умственные центры?

Охрименко задумался.

— Видишь-ли,—началъ онъ, глядя куда-то вдаль:—здѣсь были двѣ причины. Во-первыхъ — причина, положимъ, не главная— куда было идти и что дѣлать? Въ ту среду, гдѣ насъ знали? гдѣ десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ помнили и знали Охрименка? Что бы мы тамъ дѣлали? Ни на казенную, ни на частную службу насъ бы не приняли, по крайней мѣрѣ, на ту дѣятельность, въ которой бы мы могли принести обществу пользу, въ качествѣ сельскаго учителя, напр., или фельдшера, или сестры милосердія. Да, правду сказать, и зачѣмъ было бы намъ это дѣлать среди тѣхъ самыхъ неизмѣнившихся и теперь условій, при которыхъ мы уже пробовали работать на зарѣ туманной, увлекающейся юности?

— Да и какъ приняла бы еще насъ прежняя среда?—вставила Гридина:—не отвернулись-ли бы отъ насъ прежніе товарищи, подѣлавшіеся къ тому времени административными тузами и шишками?

— А другая причина—болѣе серьезная,—продолжалъ Охрименко:—ты сегодня, вѣрно, съ самаго ранняго утра на охотѣ; набѣгался, намокъ въ болотѣ порядкомъ, настрѣлялся, измучился— и...: какъ тебѣ пріятно было въ тѣнь попасть, отдохнуть, снять съ себя охотничьи доспѣхи! А? Ну, такъ вотъ, представь же себѣ, что и мы съ Гридиной набѣгались, устали, истерзались, надломили силы, не однѣ только физическія. Мы себѣ „души измочалили“, какъ говорятъ на Уралѣ. Вѣдь не годъ и не два прошло... И еслибы ты зналъ, какъ намъ захотѣлось опять „людьми“ стать! Какъ захотѣлось жить и работать разумно, свободно, спокойно и, главное, безъ „людей“, отдѣльно отъ нихъ. Да только такъ, чтобы каждая жилка твоя трепетала въ сознаніи, что и ты не лишній, что и ты своимъ трудомъ—и мускульнымъ, и нервнымъ—вносишь долю пользы въ общее міровое дѣло! Ахъ, Старовскій, надо многое самому на себѣ испытать, чтобы понять эту простую вещь...

Охрименко замолчалъ и закурилъ новую папиросу.

— Но увѣренъ-ли ты въ томъ, что вы приносите дѣйствительную пользу?—спросилъ я.

Онъ привсталъ, глаза заблестѣли молодымъ, бывалымъ огнемъ.

— Иначе я не сталъ бы жить! Въ этой увѣренности не только наше стремленіе, наше удовлетвореніе,—въ этомъ наша жизнь,

больше: наше счастье. А на чемъ у меня основана эта увѣренность, я тебѣ дамъ только одинъ примѣръ, хотя могу дать много. Только не знаю, не разойдемся-ли мы въ понятіи слова „польза обществу“. Видишь-ли, какъ ты уже знаешь, мы съ Гридиной поставлены въ извѣстныя рамки, заключены въ границы. Слѣдовательно, и дѣятельность наша должна быть ограничена. Это прими въ соображеніе. Мы все-таки дѣлаемъ, что можемъ. Вѣроятно, ты не станешь спорить со мной, если не измѣнилъ всему тому, чему поклонялся на школьной скамьѣ, что стремленіе влить побольше свѣта въ темную среду, дать ей грамотность, дать этой средѣ „вкусъ къ знанію“, вселить въ нее чувства любви и состраданія къ ближнему и вообще къ живущему, дать ея мыслямъ и поступкамъ осмысленное направленіе,—ты не будешь спорить, что это стремленіе безспорно „полезно обществу“?!

— Не спорю.

— Ну, въ этой сферѣ мы, повѣрь, добросовѣстно работаемъ. Могу тебѣ указать и на факты: на островѣ, у промысла, съ очень ранней весны и до осени, ежегодно поселяются десятки рабочихъ съ дѣтишками и подростками. Родители ѣздятъ на тони, ѣздятъ иногда за много верстъ, а дѣти остаются дома безъ призора. Гридина убѣдила двухъ-трехъ рабочихъ присылать ей дѣтей сюда: за меньшими, молъ, присмотритъ, а старшіе съ 5—6 лѣтъ будутъ грамотѣ учиться. Къ серединѣ лѣта *всѣ*, понимаешь-ли, *всѣ* семейные рабочіе присылали сюда дѣтей, а къ осени многіе ребятишки уже и читали. Мы имъ книжекъ роздали на зиму. Надо было бы тебѣ видѣть тріумфъ Гридиной!

— Ну, ужъ вы меня бросьте, Охрименко...

— На слѣдующій годъ рабочіе привезли не только своихъ дѣтей, но забрали и „сосѣдскихъ“. Тутъ ужъ бѣдной Гридиной...

— Да ну васъ, Охрименко, чего тамъ разсказывать...

— И я не остался безъ дѣла. Въ нашемъ хозяйствѣ на первый же годъ явился нѣкоторый избытокъ. Да и за большую статью гонораръ мнѣ жирный выслала одна редакція. Я выписалъ дешевыхъ народныхъ изданій, преимущественно о землѣ, звѣздахъ, воздухѣ, растеніяхъ, животныхъ, насѣкомыхъ. Выписалъ и „Сельскій Вѣстникъ“. Роздалъ книжки грамотнымъ рабочимъ, а по воскресеньямъ ходилъ на промыселъ побесѣдовать о прочитанномъ. Просили меня иногда прочитать что-нибудь имъ громко, а потомъ такъ привыкли, что если не придешь, то ко мнѣ сюда соберется нѣсколько душъ въ гости. А дальше—гости эти самые и „вкусъ“ получили. Одни захотѣли выучиться грамотѣ, а другіе все кни-

жекъ просили: „самъ не прочту—мальченка прочтетъ, сосѣдъ—другой прочтетъ“. Много изданій расходилось у меня на зиму. Вотъ такимъ порядкомъ дѣло это уже четвертый годъ ведется и, право, трудно сказать, чтобы здѣсь не было „пользы обществу“.

— Да я и не спорю съ этимъ, Охрименко. Я только думаю, что ты еще лучше могъ бы душу свою вложить въ доброе дѣло въ болѣе широкой средѣ...

— Знаешь что? Самый сильный врагъ „хорошаго“—это „лучшее“. Я доволенъ тѣмъ, что дѣлаю. Но, подожди, я тебѣ еще представлю факты. Гридина занялась здѣсь улучш...

— Я уже хвасталась Старовскому,—перебила Гридина.

— Да, мнѣ Гридина много удивительнаго разсказала о вашей общей работѣ и, такъ сказать, объ „опрощеніи“. Но я, признаюсь, не думалъ встрѣтить въ тебѣ толстовца.

— О, какъ же ты насъ невѣрно понялъ, Старовскій! Гдѣ же тутъ хоть капля толстовщины? Прежде всего я по складу своего ума ненавижу всякій „туманъ“, всякія отвлеченности, построенныя на схоластическихъ „правдахъ“, „кривдахъ“, „непротивленіяхъ злу“ и пр. Все это, можетъ быть, высоко и глубоконравственно, да все это не то. Мистика, сознаніе своего безсилія, аскетизмъ и въ концѣ концовъ форменная, губящая все живое нирвана! Нѣтъ. Я не поклонникъ такихъ ученій. Не вѣрю я и въ „опрощеніе“. Вѣдь ты пойми разницу: человѣкъ, производящій осмысленный, пріятный ему и необходимый трудъ,—это одно дѣло; тутъ органическій запросъ, тутъ нѣчто неотъемлемое, искреннее, въ крови у человѣка сидящее; а человѣкъ, искусственно „опрощающійся“—баричъ, набаловавшійся въ свое время въ волю и вовсе непригодный къ труду,—это дѣло совсѣмъ другое. Тамъ „опрощеніе“ естественное, здѣсь—какъ ни смотри—блажь и лишь въ крайнемъ случаѣ попытка осуществить разсудочные выводы своего учителя. Тамъ природа, здѣсь подражаніе. Обиднѣе всего, что и подражаніе всегда у насъ выходитъ безтолковое...

Я не согласился съ Охрименкомъ. Загорѣлся споръ.

Вдругъ съ Волги раздался рѣзкій пароходный свистокъ. Я взглянулъ на часы: шесть часовъ. Какая досада! Черезъ часъ „Внучекъ“ долженъ былъ зайти на промыселъ за мною. Опоздать нельзя было ни подъ какимъ видомъ, такъ какъ иначе я не попаду сегодня въ Астрахань, гдѣ на утро должно было собраться многолюдное засѣданіе подъ моимъ предсѣдательствомъ. Надо было сильно торопиться, чтобы поспѣть къ промыслу раньше „Внучка“.

Охрименко и Гридина взяли съ меня слово пріѣхать къ нимъ,

какъ можно скорѣе, не ожидая праздника. Я бы сдѣлалъ это съ наслажденіемъ и безъ приглашенія.

— Ну, такъ, до свиданія,—попрощалась Гридина и какъ когда-то прежде, по мужски, пожала мнѣ руку.—Будемъ ждать; тутъ съ Охрименкомъ и поохотитесь.

Охрименко пошелъ проводить меня, чтобы указать кратчайшую дорогу къ промыслу. Марго помчалась впередъ, разгоняя лягушекъ.

Солнце садилось. Съ болотъ и рѣки потянуло влагой. Надъ нами медленно и безшумно пролетѣла партія караваекъ, очевидно, высматривая мѣсто для ночлега. Вдали каркнула чапура.

Мы долго шли молча.

— Все-таки отсутствіе интеллигентнаго общества, отсутствіе единенія съ людьми,—согласись, должно же на тебя дѣйствовать. Вѣдь человѣкъ—общественное животное...

— О, Старовскій! О, дорогой мой чиновникъ высшихъ классовъ! Да въ этой изоляціи отъ вашего интеллигентнаго общества и заключается истинное наслажденіе. Если у тебя нѣтъ своего внутренняго міра, если ты смотришь на жизнь и вселенную въ чужіе очки, да еще сквозь разные „циркуляры“, — конечно, такому человѣку одному, безъ своей стаи, оставаться страшно: или сопьешься, или удавишься. Но если ты имѣешь свое міросозерцаніе, свой взглядъ на вещи, если внутри тебя есть нѣчто свое собственное,—тогда, скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ это интеллигентное „общество“, которое смотритъ на вещи чужими глазами и съ которымъ у тебя ничего нѣтъ общаго? Зачѣмъ тебѣ эта стая живыхъ существъ, повторяющая безъ толку и смыслу заученные или полученные извнѣ „циркуляры“.

— Но, Охрименко, вѣдь есть же и люди науки?

— Я объ этихъ не говорю, съ одной стороны, потому, что ихъ два-три и обчелся, а съ другой—потому, что и здѣсь можно имѣть съ ними близкое сношеніе и единеніе: путемъ спеціальныхъ журналовъ, печатнаго обмѣна мнѣній, сообщеній, наконецъ, путемъ частной переписки. Здѣсь у людей одномыслящихъ есть много общихъ пунктовъ соприкосновенія; да этихъ-то людей—и нельзя зачислить въ *ваше* интеллигентное „общество“ уже потому, что и они свободно могутъ обходиться безъ васъ, безъ „людей“. Одного, скажу про себя, недостаетъ мнѣ,—но не людей, а библіотекъ. Вотъ въ чемъ иногда чувствуется потребность. Но и тутъ выручаютъ тѣ же научныя общества, отдѣльныя лица, дѣлающія и присылающія справки, наконецъ, книжные магазины высылаютъ все новое по спеціальному предмету.

— Но искусство? Вѣдь не отрицаешь же ты его? Неужели тебя не тянетъ хоть изрѣдка...

— Видишь-ли, Старовскій, вопросъ объ искусствѣ вообще— очень широкій вопросъ, а о томъ, составляетъ-ли оно, и въ какой мѣрѣ, насущную потребность человѣка — еще шире. Теперь мы не успѣемъ потолковать объ этомъ, вонъ скоро и промыселъ будетъ виденъ. А сказать тебѣ одно могу: выясни сперва себѣ, о какомъ искусствѣ мы говорить будемъ. Вѣдь у васъ, въ интеллигентномъ обществѣ, есть разныя понятія объ одномъ и томъ же предметѣ. Есть и такіе люди, которые подъ рубрику искусство навалили всякой всячины. Все у нихъ искусство: и живопись, и скульптура, и медицина, и поварскіе курсы, и литература, и декадентство, и парикмахерство, и чортъ знаетъ что. А между тѣмъ это же не мѣшаетъ инымъ поклонникамъ искусства бряцать на лирѣ вдохновенной о „святомъ“ искусствѣ, объ искусствѣ для искусства, выдѣлять благородныя искусства и неблагородныя! Да и до чего вы дошли? Вѣдь, право же, здоровому человѣку, не декаденту, трудно читать безъ смѣха, какъ какой-то виртуозъ на флейтѣ тремя-четырьмя нотами „ярко выразилъ гнетущую нищету своей отсутствующей сестры“, или какъ такая-то балерина концомъ носка и икрой правой ноги „передала невыразимо глубокое отчаяніе покинутой дѣвушки и послала проклятіе негодяю“.

— Ну, Охрименко, тебя можно легко разбить, и я это сдѣлаю...

— Только не сейчасъ, иначе опоздаешь къ пароходу. Пріѣзжай, подѣлимся мыслями, какъ раньше... Очень хотѣлось бы...

— А-га? такъ и ты, значитъ, испытываешь желаніе дѣлиться мыслями, видишь?

— Конечно; да у меня и есть отзывчивый человѣкъ, съ которымъ всегда можно говорить: Гридина. А съ тобой тоже хотѣлось бы ближе побесѣдовать по другой причинѣ: хотѣлось бы ближе знать, какъ людей заѣдаютъ „циркуляры“.

Раздался опять пароходный свистокъ.

Мы молча прибавили шагу. Прошло минутъ пять.

— Скажи мнѣ, Охрименко, ты... счастливъ?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня своими ясными бодрыми глазами.

— Да, я счастливъ, если подъ счастьемъ понимать такое состояніе человѣка, когда онъ имѣетъ свой внутренній мірокъ, доволенъ своею дѣятельностью, трудится съ любовью къ этому труду и глубоко сознаетъ, что его трудъ осмысленъ, полезенъ и не пропадаетъ безслѣдно.

Мы опять замолчали. Вблизи, изъ за камыша, окружавшаго насъ, показались промысловыя постройки.

— Теперь, Старовскій, скажи же и ты мнѣ: счастливъ-ли ты, доволенъ-ли своимъ трудомъ, вѣришь-ли въ его полезность, а главное—любишь-ли его?.

Я не отвѣтилъ. Охрименко понялъ.

Минуты черезъ двѣ онъ остановился.

— Вотъ недалеко и промыселъ. Иди теперь дорожкой направо. Ну, до свиданія, дорогой мой товарищъ. Пріѣзжай скорѣе. Потолкуемъ по душѣ,—вѣдь много и у тебя накопилось.

Мы крѣпко, сердечно обнялись.

Я какъ разъ поспѣлъ къ отходу „Внучка“.

Утромъ, во время засѣданія, которое было, согласно данной мнѣ инструкціи, послѣднимъ, мнѣ подали телеграмму: „по распоряженію господина директора департамента, имѣете немедленно съ первымъ пароходомъ выѣхать въ Саратовъ для доклада и встрѣчи его высокопревосходительства господина (слѣдовало названіе должности)“.

Больше я Охрименка и Гридину не видѣлъ...

Б. Сторожевскій.

ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ.

I.

Къ исторіи хоринскихъ бурятъ.—Ирхерикъ.—Ученый бурятъ.—«Обо».—Борцы.—Какъ бурятскій лама понимаетъ Нирвану.—Французскій необуддизмъ сквозь бурятскую призму.—Наринъ-Ацагатскій «аршанъ».—Знаменитый Эмчи.—Представитель новыхъ вѣяній въ бурятской жизни.—Судъ бурята надъ инородческимъ степнымъ управленіемъ.

Буряты, населяющіе нынѣшній Верхнеудинскій округъ, Забайкальской области, и носящіе названіе хоринскихъ, имѣютъ свою самостоятельную и весьма интересную исторію. По происхожденію своему монголы, хоринскіе буряты перебѣжали въ предѣлы нынѣшняго Забайкалья въ тревожное, полное раздоровъ и междоусобій время. Съ запада на Сибирь надвигался новый, невѣдомый врагъ, въ лицѣ Ермака Тимоѳеевича съ казаками, а въ Монголіи обезсиленные потомки нѣкогда грозной чингисхановой династіи сводили свои нескончаемые счеты, истребляя и разоряя другъ друга и естественно такимъ образомъ подготовляя почву для блестящихъ побѣдъ внезапно усилившихся манджуровъ.

Въ это-то время, по преданію, 11 хоринскихъ поколѣній оставили Монголію и пошли искать убѣжища въ дебряхъ Яблоноваго хребта и забайкальской тайги. Какъ разсказываетъ лѣтопись хоринцевъ, они до переселенія своего на сѣверъ состояли нѣкоторое время въ подданствѣ монгольскаго Баобай-Батуръ-Бэйлэ-хана. Поступили они къ нему во владѣніе въ качествѣ приданаго за невѣсткой его Бальчжинъ, взятой имъ для сына своего Дай-Хунъ-Тайчжія. Сначала хоринцамъ жилось у новаго владыки сносно, но, когда овдовѣвшій Баобай-Бэйлэ-ханъ вздумалъ жениться на молодой женѣ и когда молодая мачиха вступила со своимъ пасынкомъ въ любовную связь, положеніе ихъ стало очень тяжелымъ. Ненависть мачихи къ Бальчжинъ, женѣ ея возлюбленнаго, отразилась и на ея подданныхъ. Вліяніе мачихи на стараго хана было громадно, и жизнь Бальчжинъ становилась съ каждымъ днемъ все горестнѣе. Тогда послѣдняя рѣшилась бѣжать со своимъ мужемъ и съ преданными ей 11 хоринскими поколѣніями. И они бѣжали около 1595 г. Погоня, посланная Баобай-Бэйлэ за сыномъ по настоянію молодой своей жены, заставила Дай-Хунъ-Тайчжія подняться съ Ононской степи, гдѣ онъ было осѣлъ со своими улусными людьми, и двинуться дальше. Ихъ все-таки нагнали, и такъ какъ преслѣдо-

ватели были сильнѣе бѣглецовъ и въ концѣ схватки Бальчжинъ была убита, то хоринцы разбѣжались: одни скрылись въ горахъ, другіе въ лѣсахъ; часть ихъ была захвачена въ плѣнъ и уведена къ Баобай-Бэйлэ. Тамъ для возвращенныхъ бѣглецовъ началась жизнь, полная страданій [1]). Третируемые, какъ преступники, вѣчно подозрѣваемые въ измѣнѣ, они подвергались непрестаннымъ притѣсненіямъ. Наконецъ, мѣра терпѣнія ихъ переполнилась, и они снова бѣжали въ предѣлы нынѣшняго Забайкалья. Это было около 1604 г. Но и здѣсь ихъ ждала грустная, полная испытаній жизнь. Загнанные, измученные долгими преслѣдованіями деспотическаго Бэйлэ, они должны были на новой родинѣ выдерживать битвы съ тунгусами. Помѣрявшись нѣсколько времени силами съ хозяевами занятыхъ ими земель, хоринцы предпочли искать новыхъ, свободныхъ земель, гдѣ они могли бы окончательно осѣсть. И они двинулись къ Байкалу и заняли мѣста по Итанцѣ, Хударѣ, берега Байкала и даже островъ Ольхонъ. Какое-то обстоятельство—по преданію, фактъ похищенія орломъ ребенка, и боязнь, чтобы орлы не перетаскали у нихъ всѣхъ дѣтей—вынудило большинство хоринцевъ отодвинуться отъ Байкала и разселиться по рр. Удѣ, Тугную, Хилку, Курбѣ, Худуну, Анѣ и пр. Оставшіеся на Кударинской степи немногочисленныя семьи хоринцевъ впослѣдствіи приняли христіанство и слились съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ. На Ольхонѣ же еще во времена Георги жили буряты хоринскаго племени.

Когда хоринскіе буряты перешли въ русское подданство,—точно неизвѣстно. Ни въ историческихъ сочиненіяхъ, ни въ преданіяхъ не сохранилось объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Вѣроятнѣе всего, что хоринскіе буряты не всѣ сразу приняли русское подданство, но несомнѣнно, что между 1648 и 1689 гг. всѣ, безъ исключенія, хоринцы признали надъ собою власть русскаго Государя.

Въ 1640 г. витимскіе тунгусы сообщили атаману Перфильеву, что на Эравнѣ стоятъ своими стойбищами монголы. Эти монголы, надо полагать, и были незадолго передъ тѣмъ поселившіеся тамъ хоринцы. Въ 1648 г. начальникъ казачьей команды, Галкинъ, наложилъ ясакъ на инородцевъ, кочевавшихъ около Эравны. Въ числѣ обложенныхъ ясакомъ, безъ сомнѣнія, были и хоринскіе буряты, но не всѣ, потому что въ 1652 г. Пашковъ строитъ остроги Нерчинскій и Иргенскій, для обхвата тунгусовъ и хоринскихъ бурятъ [2]).

Въ 1673 г. боярскій сынъ Павелъ Шульгинъ получилъ въ управленіе остроги Нерчинскій, Иргенскій и Албазинскій и вскорѣ учредилъ ясашный сборъ, какого до него раньше не было [3]). По преданіямъ хоринскихъ бурятъ, около этого времени ихъ перешло въ русское под-

---

[1]) Позднѣевъ. «Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ», стр. 189.

[2]) Словцовъ. «Истор. обозрѣніе Сибири», стр. 52—53.

[3]) Бантышъ-Каменскій. «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и Китаемъ», стр. 22.

данство 160 семействъ, причемъ на каждое семейство былъ наложенъ ясакъ въ 20 коп.

Послѣднее сообщеніе показываетъ, что хоринскіе роды, которымъ пришлось такъ много перетерпѣть въ первой четверти XVII ст. отъ монголовъ, были, въ сущности, ничтожнымъ монгольскимъ племенемъ, имѣвшимъ всѣ шансы, какъ и многія подобныя племена, сойти съ исторической сцены, не оставивъ по себѣ даже памяти. Но бѣгство ихъ изъ-подъ власти Баобай-Бэйлэ спасло ихъ отъ подобной участи. Они осѣли на новыхъ мѣстахъ и стали успокоиваться. Боязнь преслѣдованій со стороны монголовъ и тунгусовъ съ каждымъ годомъ уменьшалась, разорительныя войны стали рѣже, и хоринцы начали дышать свободнѣе. Но ихъ испытанія еще не кончились. Роль монголовъ и тунгусовъ берутъ на себя русскіе служилые люди и «приказчики» (сборщики ясака). Начинаются тѣ ужасающія насилія надъ инородцами, тотъ дневной грабежъ со стороны русскихъ казаковъ, воеводъ и пр., которые составляютъ одну изъ самыхъ темныхъ страницъ исторіи завоеванія русскими Сибири,—начинается то время, когда, по словамъ Словцова, воеводы имѣли право жизни и смерти надъ инородцами. Ясакъ собирается съ насиліемъ и въ размѣрахъ, раззорявшихъ инородцевъ даже въ тѣ изобиловавшія пушнымъ звѣремъ времена. По произволу, якобы за недоимки, берутся у инородцевъ въ закладъ ихъ жены и дѣти...

Доведенные до отчаянія, хоринскіе буряты отправляютъ въ 1702 г. депутацію къ Петру I съ челобитной. Петръ I со свойственной ему проницательностью сразу узнаетъ, что правда на сторонѣ инородцевъ, и грамотой отъ 22-го марта 1703 г. признаетъ за ними *всѣ* занятыя ими земли по Удѣ, Итанцѣ, Хилку, Кударѣ, Анѣ, Курбѣ, Худуну, Эравнѣ, и, подъ страхомъ «жестокаго наказанія», повелѣваетъ приказчикамъ оберегать иноземцевъ отъ обидъ и раззоренія и чинить между ними и русскими судъ и расправу.

Насилія служилыхъ людей надъ хоринцами, конечно, не сразу прекращаются, но послѣдніе все же начинаютъ постепенно оправляться отъ прежнихъ ударовъ, скотоводство у нихъ расширяется, населеніе растетъ, и въ теченіе полустолѣтія они достигаютъ извѣстной степени благосостоянія.

Съ половины XVIII ст. у хоринскихъ бурятъ замѣчаются уже результаты русскаго вліянія. Указомъ иркутской провинціальной канцеляріи отъ 8-го февраля 1751 года 13-ти-лѣтнему сыну тайши Иринцея, Данжабану, дается званіе зайсана за то, что онъ учится по-русски. Тайша Иринцей получаетъ похвальный листъ отъ вновь образованнаго при Екатеринѣ II-й Вольно-Экономическаго общества за усердное распространеніе среди бурятъ хлѣбопашества.

Въ XVIII же вѣкѣ среди хоринскихъ бурятъ начинаетъ распространяться ламаизмъ. Еще Гмелинъ (въ 1735 г.) находитъ ихъ гру-

быми шаманистами. Ламаизмъ при немъ насчитывалъ среди хоринцевъ весьма немногихъ прозелитовъ, а во времена Палласа буддизма уже придерживаются тайши и очень многіе зайсаны, т.-е. почти вся родовая бурятская аристократія; впрочемъ, большинство хоринскихъ бурятъ исповѣдываютъ еще шаманство [1]). Но чѣмъ дальше, тѣмъ блестящѣе становятся успѣхи жрецовъ Сакья-Муни среди хоринскихъ бурятъ, такъ что въ началѣ XIX ст. шаманисты уже составляютъ среди нихъ рѣдкое исключеніе.

Умиротворенные буддизмомъ, довольные своей зажиточностью, гарантированные отъ внѣшнихъ нападеній покровительствомъ русскихъ властей, хоринскіе буряты размножаются съ удивительной быстротой. Изъ горсти въ 1.000—1.500 чел. въ концѣ XVII в. они обращаются въ многочисленное племя въ 17.345 ревизскихъ душъ (въ 1795 году). Въ 1838 г. часть хоринскихъ бурятъ, жившихъ по Онону и Агѣ, отдѣляется отъ анинской степной думы и образуетъ самостоятельную агинскую степную думу, а по ревизіи 1858 г. хоринскихъ бурятъ анинской думы насчитывается 19.830 р. душъ, а агинской думы — 12.385 р. душъ, т.-е. оба вѣдомства, вмѣстѣ взятыя, даютъ населеніе въ 70.000—80.000 чел. обоего пола.

Такой быстрый ростъ населенія, равно какъ и усвоеніе многими изъ бурятъ новыхъ культурно-хозяйственныхъ пріемовъ произвели радикальныя перемѣны въ первоначальномъ, чисто-патріархальномъ пастушескомъ быту хоринскихъ бурятъ, и тѣ изъ нихъ, которые, въ силу историческихъ условій, оказались подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ русскихъ культурныхъ центровъ, представляютъ въ настоящее время нѣчто совершенно различное отъ бурятъ, живущихъ въ глуши, вдали отъ всякихъ посторонннихъ вліяній.

Размѣры этого различія станутъ очевидны изъ послѣдующаго изложенія, а равно и то, съ какимъ трудомъ и цѣной какихъ жертвъ и невольныхъ компромиссовъ съ новой жизнью окультивировавшіеся буряты дошли до настоящаго своего положенія. Факты лучше всякихъ словъ и разсужденій докажутъ, что нельзя смѣшивать благодѣтельныхъ элементовъ высшей культуры съ такими извращеніями ея, которыя являются результатомъ человѣческаго эгоизма и корыстолюбія, и что если послѣдніе за протекшіе два вѣка причинили сибирскимъ инородцамъ многочисленныя страданія и бѣдствія, то первые, при правильномъ своемъ развитіи, могутъ ихъ поднять на несравненно болѣе высокій уровень, матерьяльный и нравственный, нежели тотъ, на которомъ они находились и находятся теперь.

Къ хоринцамъ я предпринялъ поѣздку лѣтомъ 1893 г. Мои сборы были недолги.

[1]) Pallas. «Reise», S. 177—8.

Такъ какъ хоринцы говорятъ особымъ нарѣчіемъ, то мнѣ пришлось взять въ переводчики хоринскаго бурята. И я нашелъ очень солиднаго «толмача», который взялся везти меня на своихъ лошадяхъ и исполнять одновременно обязанности ямщика и переводчика.

11-го іюня я выѣхалъ изъ Верхнеудинска. Тотчасъ по выѣздѣ изъ города, по читинскому почтовому тракту начинается лѣсъ. Порой онъ немного отходитъ отъ тракта, уступая мѣсто пашнямъ, порой онъ смѣняется лугомъ, особенно по берегу Удѣ, но общій видъ мѣстности—лѣсистые увалы, замыкающіе небольшія равнины. Начиная отъ улуса, расположеннаго на р. Березовкѣ, Уда все время течетъ вдоль тракта, красиво извиваясь, дѣлая массу излучинъ, отдѣляя отъ себя протоки и образуя островки. Дорога не ровная, а слегка волнистая, много бугровъ, подъемовъ и спусковъ, хотя небольшихъ. Хлѣбъ на пашняхъ очень плохъ. Стоитъ страшная засуха. До сихъ поръ еще не было ни одного дождя, который какъ слѣдуетъ промочилъ бы совершенно окаменѣвшую землю. Только на поливныхъ поляхъ хлѣбъ еще имѣетъ болѣе или менѣе сносный видъ. На ночлегъ заѣхалъ я въ улусъ Ирхерикъ, расположенный на 17-й верстѣ отъ Верхнеудинска. Этотъ улусъ носитъ общій характеръ пригородныхъ улусовъ. Всѣ почти мужчины говорятъ, худо-ли—хорошо, по-русски, всѣ сѣютъ хлѣбъ; средній бурятъ держитъ всего 20—25 барановъ, 3—4 коровы и 1—2 лошади; даже самый богатый бурятъ имѣетъ здѣсь не свыше 100 барановъ, 50 головъ рогатаго скота и 10—15 лошадей. За то этотъ богатый бурятъ владѣетъ 50 десятинами покоса, многими десятинами пахатной земли и продаетъ въ годъ на много сотенъ рублей одного сѣна.

Остановился я въ Ирхерикѣ у Р. Н. Это извѣстный и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный бурятъ. Старикъ 73-хъ лѣтъ, онъ еще очень бодръ, свободно читаетъ безъ очковъ, очень легокъ на ногахъ, даже проворенъ. Видно сразу, что въ его организмѣ крылось и кроется много, очень много жизни и энергіи. Н. считается самымъ ученымъ бурятомъ во всемъ Забайкальѣ. Живетъ онъ довольно зажиточно со своей женой, на которой женился всего 3—4 года тому назадъ, и съ ея 2-мя дочерьми. Женился онъ на послѣдней женѣ потому, что прежняя супруга не имѣла счастія принести ему дѣтей. Единственный сынъ ихъ (пріемышъ) умеръ преждевременно, и старикъ Н. по смерти своей первой жены остался одинокъ и безпомощенъ. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на положеніи одинокаго старца, онъ взялъ въ свой домъ вторую жену лишь затѣмъ, чтобы хоть съ кѣмъ-нибудь жить, чтобы за нимъ было кому ходить. Младшую дочь этой жены, дѣвочку лѣтъ 10, очень способную и умную, Н. воспитываетъ по своимъ понятіямъ: научилъ ее читать по монгольски, тибетски и по русски, ходить за бурханами, помогать ему разбираться въ его многочисленныхъ книгахъ, подавать ихъ ему, обратно уносить и ставить на опредѣленное мѣсто.

Н. ведетъ жизнь настоящаго ученаго. Онъ почти не сидитъ безъ книги. Онъ знаетъ превосходно монгольскій и тибетскій языки, хорошо понимаетъ по-русски, хотя объясняется неправильно; интересуется всякой русской книгой, имѣющей какое-либо отношеніе къ монголо-бурятамъ или буддизму, который онъ изучилъ по монгольскимъ и тибетскимъ источникамъ, какъ рѣдкій спеціалистъ. У него можно найти много цѣнныхъ сочиненій на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ и въ то же время много русскихъ книгъ, по которымъ легко заключить, какъ много онъ работалъ надъ усвоеніемъ русскаго языка въ глуши улуса. Масса грамматикъ, ариѳметикъ, учебники исторіи, естественныхъ наукъ, геометріи, атласы, справочныя книги, въ родѣ Даля, Толля и пр., кучами валяются въ его шкапахъ. Его любознательность еще до сихъ поръ поразительна. Съ юношескимъ нетерпѣніемъ онъ набрасывается на всякую новую книгу и пожираетъ ее. Чуть-ли не первымъ его вопросомъ, обращеннымъ ко мнѣ, былъ вопросъ: «А какія у васъ книги? Покажите-ка ихъ!» Но что всего замѣчательнѣе, Н. самоучка. Про его любознательность въ дѣтствѣ даже составилась легенда. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ мальчикомъ пасъ овецъ, какъ всѣ бурятскія дѣти, а когда сталъ немного постарше, то былъ приставленъ къ сохѣ. Азбукѣ монгольской онъ успѣлъ какъ-то научиться у одного своего родственника и, какъ только постигъ искусство читать по складамъ, онъ съ жадностью сталъ набрасываться на каждую бумажку, испещренную монгольскими письменами. И вотъ, когда онъ найдетъ, бывало, такую бумажку, то беретъ ее къ собою въ поле. Направитъ соху, погонитъ коня, а самъ читаетъ, читаетъ и не замѣчаетъ, что онъ много уже разъ проходитъ сохой по одной и той же бороздѣ. Какъ большинство способныхъ бурятскихъ мальчиковъ, Н. былъ отправленъ въ дацанъ и, благодаря своей выдающейся энергіи и уму, прошелъ тамъ скоро всѣ степени ламства и сдѣлался ширетуемъ ацагатскаго дацана. Какъ ширетуй, Н. прославился строгостью и требовательностью, и подчиненные его нерѣдко дорого расплачивались за свои прегрѣшенія противъ обѣтовъ. Каково же было удивленіе и горе ламъ и мірянъ, когда въ одинъ прекрасный день Н. оставилъ духовный санъ (уже въ преклонныхъ лѣтахъ), женился и зажилъ мірянином, предаваясь своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ.

Характерно то, что, не смотря на свой предосудительный поступокъ, Н. продолжалъ пользоваться среди бурятъ-мірянъ и даже ламъ громаднымъ вліяніемъ, и сородичи его не задумались при первомъ же удобномъ случаѣ избрать его своимъ головой. Должность головы ходайскаго рода Н. занималъ 9 лѣтъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что обязанности по службѣ становятся для него обременительными.

Въ настоящее время Н. занятъ составленіемъ или, вѣрнѣе, приведеніемъ въ порядокъ составленнаго имъ уже монголо-тибетскаго

словаря, о которомъ нашъ монголистъ, профессоръ Позднѣевъ, отзывается, какъ о выдающемся трудѣ.

Своимъ умомъ и ученостью Н. сталъ на столько извѣстенъ, что ни одинъ изслѣдователь инородцевъ или востока не проѣдетъ мимо Ирхерика, чтобы не остановиться у оригинальнаго старика и не погостить у него хоть нѣкоторое время.

Пробовалъ я заговорить съ Н. о бурятской старинѣ, но этотъ вопросъ, повидимому, его весьма мало интересуетъ. Онъ только принимаетъ близко къ сердцу историческую тяжбу бурятъ съ русской культурой на счетъ того, должны-ли они поступиться своими «природными землями» въ пользу русскихъ, или они могутъ отстоять ихъ. Нѣсколько сдѣланныхъ мною попытокъ завлечь Н. въ бесѣду о правѣ бурятъ оказались также безуспѣшными. Онъ все уклонялся отъ такихъ темъ и заводилъ разговоръ о другихъ, животрепещущихъ вопросахъ. Мнѣ, такимъ образомъ, пришлось отложить серьезную бесѣду объ юридическомъ бытѣ бурятъ до слѣдующаго дня.

Узнавъ, что недалеко отъ Н. «обо», я рѣшилъ посмотрѣть, какъ проходитъ этотъ праздникъ у хоринскихъ бурятъ.

«Обо»—это большая куча деревьевъ, наваленная такъ, что внутри ея образуется пустота съ выходнымъ отверстіемъ на югъ. Въ этой маленькой пещеркѣ стоитъ бурханъ. «Обо» устраиваются обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ: холмахъ, сопкахъ, даже вершинахъ горъ. Собственно говоря, празднованіе «обо»—обычай шаманскій, точно также, какъ и почитаніе «борисана», но ламы съумѣли передѣлать «обо» на свой ладъ. Унитожить его, отмѣнить они нашли, очевидно, невозможнымъ, ибо номады очень привержены къ «обо», во-первыхъ, какъ къ празднику лѣта, на которомъ освящаются первые новые молочные продукты и испрашивается благословленіе стадамъ; во-вторыхъ, съ праздникомъ «обо» неразрывно связаны любимыя увеселенія кочевниковъ—бѣга и борьба. И вотъ, древній шаманскій праздникъ «обо» былъ сохраненъ, съ тою только разницей, что, вмѣсто брызганія араки и масла въ честь тэнгріевъ и онгоновъ, читаются буддійскія молитвы.

Всѣ ждали начала праздника, наступленія счастливаго часа, опредѣленіемъ котораго занимался Н. [1]). Наступилъ желанный часъ, и публика, ожидавшая въ разныхъ мѣстахъ сигнала къ отъѣзду, отправилась къ мѣсту, гдѣ воздвигнутъ «обо». Со всѣхъ сторонъ стали съѣзжаться прилично одѣтые буряты и разряженныя въ праздничные костюмы и маржаны (головной уборъ изъ коралловыхъ, малахитовыхъ и другихъ шариковъ) бурятки; у послѣднихъ особенно бросались въ глаза посеребренныя сѣдла и уздечки. При яркомъ лѣтнемъ солнцѣ это на-

[1]) У бурятъ-ламаитовъ никакое серьезное дѣло, а иногда и не серьезное, не начинается иначе, какъ въ опредѣленный ламой-астрологомъ (цзурухайчи) счастливый часъ. Лама этотъ часъ узнаетъ по книгамъ.

веденное серебро горѣло огнемъ и ослѣпляло. Бурятки всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ и, когда ламы усѣлись на западѣ отъ «обо» и начали свои молитвы, онѣ подошли одной шеренгой къ «обо», сдѣлали нѣсколько земныхъ поклоновъ и сѣли на востокѣ. Мужчины заняли мѣста на югѣ и позади ламъ.

Молитва ламъ продолжалась часа два. Въ теченіе этого времени женщины поочередно подходили къ самому важному изъ присутствовавшихъ ламъ и наклоняли передъ нимъ свои головы, къ которымъ лама прикасался священной книгой, завернутой въ платокъ. Послѣ этого благословенія женщины возвращались обратно на свои мѣста. То же дѣлали мужчины и всѣ вновь приходившіе. Многіе приносили съ собою туясы, заключавшіе какое-нибудь молочное кушанье, ставили ихъ среди круга, образуемаго публикой и ламами, и ждали момента освященія принесенныхъ продуктовъ.

Праздникъ произвелъ на меня совершенно неопредѣленное впечатлѣніе. Не смотря на живописность мѣстности и на хорошую погоду, ничего возбуждающаго, торжественнаго и радостнаго картина «обо» не представляла.

Байронъ гдѣ-то говоритъ, что нигдѣ человѣкъ не чувствуетъ себя въ столь приподнятомъ настроеніи духа, какъ на возвышенномъ мѣстѣ. Простирающійся далеко горизонтъ, чистый, свѣжій воздухъ, сознаніе величія природы настраиваютъ его особеннымъ образомъ. Онъ готовъ воспрянуть душой, стать выше самого себя; онъ тогда какъ-будто сильнѣе чувствуетъ свое родство съ Богомъ. Недаромъ многіе народы молятся на возвышенныхъ мѣстахъ, недаромъ Христосъ произнесъ самую великую свою проповѣдь на горѣ...

Но здѣсь, на «обо», я не ощущалъ ничего особеннаго: рутинно молились ламы, вяло объѣзжали «обо» всадники на своихъ «бѣгунцахъ» и вяло все закончилось вторичнымъ принятіемъ благословенія присутствующими отъ ламъ.

Наступила очередь пустить «бѣгунцовъ». Выдержанныя лошади съ красиво заплетенными хвостами и челками какъ бы чуяли, что скоро онѣ станутъ предметомъ общаго вниманія; мальчики, скинувъ свои шапки и тэрлыки, усаживались на своихъ любимцевъ, каждый, конечно, въ полной увѣренности, что его конь прибѣжитъ первымъ или, по крайней мѣрѣ, вторымъ. А пока всадники тихо удалялись по направленію къ установленной межѣ, публика, усѣвшись кругомъ, угощалась чаемъ и наслаждалась зрѣлищемъ «борьбы». «Арака» отсутствовала, и это въ значительной степени понижало общій тонъ праздника. Съ нѣкоторыхъ поръ, вслѣдствіе запрещенія ламъ, всѣ здѣшніе буряты перестали «сидѣть» араку. У селенгинскихъ же бурятъ безъ божественной, веселящей «араки» ни одно празднество не начинается и не кончается, и этимъ степнымъ виномъ услаждаютъ себя одинаково, какъ міряне, такъ и монахи-ламы.

Я съ большимъ любопытствомъ ждалъ начала борьбы. Кто же будетъ бороться? мысленно спрашивалъ я себя и не могъ остановить своего выбора ни на одномъ изъ сидѣвшихъ вокругъ меня юношей. Но вотъ одинъ изъ распорядителей праздника чуть-ли не за шиворотъ выводитъ на середину круга хуварака, лѣтъ 18—19, довольно невзрачнаго, съ очень нездоровымъ цвѣтомъ лица. Тотъ выступаетъ конфузливо, смущенно, молча садится на землю и начинаетъ раздѣваться. Снявъ съ себя тэрлыкъ, рубашку и обувь, онъ засучилъ штаны почти до паховъ и, опоясавъ себя особеннымъ образомъ кушакомъ, сталъ ждать супротивника. Скоро нашелся другой юноша, гораздо болѣе представительнаго вида; онъ также раздѣвается; затѣмъ, оба борца подходятъ подъ благословеніе, и поединокъ начинается. Оба хлопаютъ въ ладоши, загребаютъ руками немного земли, очевидно, чтобы руки не скользили по голому тѣлу, и ищутъ случая, какъ бы ловчѣе схватиться. Я наблюдаю борцовъ съ грустью. У нихъ такія жалкія фигуры, въ ихъ движеніяхъ такъ мало силы..... Съ какимъ уничтожающимъ сарказмомъ посмотрѣлъ бы на нихъ спартанецъ или борецъ съ олимпійскихъ игръ! Скульпторъ, который вздумалъ бы на этомъ «обо» поискать натурщика для «борца», пришелъ бы, безъ сомнѣнія, въ отчаяніе отъ вида хуварака и даже его товарища. Онъ навѣрное перемѣнилъ бы свой первоначальный планъ и сталъ бы писать съ хуварака молодого отшельника или безнадежно влюбленнаго, или страдающаго смертельною болѣзнью юношу. Но эти юноши имѣютъ громадный навыкъ въ борьбѣ. Еще съ ранняго дѣтства бурятскіе мальчики посвящаютъ много времени состязанію, усвоиваютъ всѣ тонкости этого искусства и научаются понимать и предусматривать всевозможныя неожиданности со стороны противника.

Сначала борцы обхватили другъ другу головы и нѣсколько минутъ пробовали свои силы: у кого больше упора въ шеѣ и ногахъ, не можетъ-ли одинъ свалить другого прямо напоромъ головы. Убѣдившись въ безуспѣшности этой формы борьбы, бойцы переплетаются руками и, наконецъ, схватываются за кушаки. Одинъ другому не уступаетъ, и въ то же время каждый старается какимъ-нибудь подвохомъ повалить другого, но послѣдній предвидитъ подвохъ и остается на ногахъ; они опять схватываются за кушаки, ломаютъ другъ друга, стараются одинъ другого поднять на воздухъ, наконецъ, тотъ, кто казался слабѣе, дѣлаетъ быстрый натискъ на противника и на мгновенье ставитъ его на колѣни, но противникъ сейчасъ же вскакиваетъ и дѣлаетъ усиліе повалить побѣдителя на спину; послѣдній теряетъ равновѣсіе и начинаетъ падать, но во время паденія успѣваетъ сгрести товарища подъ себя и оказывается наверху. Онъ побѣдилъ. Общій одобрительный крикъ и смѣхъ привѣтствуютъ хуварака, и онъ получаетъ 10 коп. въ награду.

Вторая пара борцовъ вела бой горячо и страстно. Казалось, что,

еслибы это только позволяло бурятское приличіе, они бы выли, какъ звѣри. Они еще больше разгорячились, когда въ теченіе долгаго времени одинъ другого не могъ побороть. Наконецъ, одинъ, совершенно задыхаясь, выбившись изъ силъ, рѣшился на крайнее средство; онъ оторвался отъ рукъ противника и со всего размаха толкнулъ его, тотъ потерялъ равновесіе и упалъ на руки. Такъ какъ упавшій коснулся земли руками, то онъ былъ признанъ, по правиламъ, побѣжденнымъ.

Прибѣжали «бѣгунцы»; лучшимъ конямъ былъ прочитанъ диѳирамбъ въ восточномъ стилѣ: ихъ качества возносились до небесъ. Жокеи получили по нѣскольку копѣекъ, и праздникъ окончился.

Я сдѣлалъ интересное открытіе. Я узналъ, наконецъ, почему буряты-ламы такъ мало знакомы съ обычаями своихъ соплеменниковъ. Что это такъ, я давно рѣшилъ; я это еще раньше замѣтилъ, когда бесѣдовалъ съ ламами Селенгинскаго округа, но не былъ увѣренъ, въ чемъ именно заключается причина такого явленія. Н. разъяснилъ мнѣ все. Вопервыхъ, не смотря на всю свою ученость, онъ даже не имѣлъ понятія, почему у бурятъ существуютъ, напр., такіе обычаи, какъ обязанность невѣсты прятаться отъ свекра, почему во время увоза невѣсты изъ дома родителей къ жениху, ее выносятъ насильно изъ юрты и т. д. Во-вторыхъ, какъ ученый и именно ученый лама, онъ считаетъ *всѣ подобные обычаи маловажными, такъ какъ о нихъ въ «писаніи», т.-е. въ монгольскихъ и тибетскихъ религіозныхъ книгахъ ничего не сказано.* Когда я спросилъ Н., правда-ли, что встарину свекры женились на вдовахъ своихъ сыновей, онъ отвѣтилъ: «Говорятъ, да, но кто ихъ знаетъ? Все это, быть можетъ, пустяки, которые нарочно выдумали старики, когда имъ велѣно было составить степное положеніе».

Послѣ такого отвѣта ученѣйшаго изъ бурятъ я понялъ, что у ламъ искать свѣдѣній о переживаніяхъ въ быту бурятъ, о древнихъ обыкновеніяхъ ихъ и обрядахъ нечего. Настоящими хранителями права бурятъ, а равно истаринныхъ ихъ преданій надо считать свѣтскихъ почетныхъ стариковъ.

За то о буддизмѣ Н. говоритъ съ увлеченіемъ. Онъ страшно обиженъ на русскихъ писателей, употребляющихъ для обозначенія буддійскаго монастыря слово «кумирня», а не дацанъ.

— Мы кумирамъ не поклоняемся, а истинному Богу — убѣждалъ онъ меня. — Бурханы это только воплощенія боговъ, надъ которыми стоитъ высочайшій единый Богъ. Но онъ не всемогущъ, онъ не можетъ уничтожить міра раньше времени. Онъ даже не создалъ міра. Міръ существовалъ всегда, зародившись самъ изъ себя. Еслибы Богъ создалъ міръ, онъ бы не допустилъ въ немъ такъ много гадкаго и злого; въ этомъ не было никакой надобности.

Словомъ, Н. отвергалъ религіи, признающія міръ сотвореннымъ Богомъ, тѣми же доводами, которые пускали въ ходъ атеисты всѣхъ вѣковъ и народовъ.

— Но,—продолжалъ Н.,—нирвана ждетъ все земное, и настанетъ день, когда исчезнетъ весь міръ, ибо, когда исчезнутъ и погрузятся въ нирвану всѣ живыя созданія, міръ также перестанетъ существовать, какъ перестаетъ существовать отраженіе предмета, стоящаго у зеркала, если убрать зеркало. Прекратятся наши ощущенія, не станетъ также и міра. Русскіе ученые невѣрно понимаютъ слово Нирвана,—заключилъ Н.: это не «небытіе», какъ они его опредѣляютъ, а нѣчто совершенно другое, чего я не въ состояніи вамъ объяснить, такъ какъ плохо владѣю русскимъ языкомъ. Вотъ у меня имѣется объясненіе слова нирвана по-русски. Прочтите.

Такъ какъ этотъ предметъ самъ по себѣ интересенъ, то привожу опредѣленіе Н. цѣликомъ: «Нирвана—слово санскритское. По переводу монголовъ оно обозначаетъ освобожденіе отъ страданій. Но Бюрнуфъ доказываетъ, что слово это обозначаетъ уничтоженіе. Нирваною называютъ то состояніе, когда существо, освободясь отъ закона перерожденій, погружается въ пустоту: *это буддійское блаженство.* Понятіе нирваны весьма близко къ понятію «боди»: кто не достигъ «боди», тотъ не можетъ быть нирваною. Различіе между ними только въ томъ, что боди разсматривается какъ духовное совершенство, а нирвана, какъ результатъ этого совершенства. «Боди» человѣкъ можетъ достигнуть при жизни, но нирваною дѣлается достигшій боди уже по смерти. Отсюда нирвана означаетъ также смерть, когда говорится о буддахъ, а потомъ изъ вѣжливости о разныхъ уважаемыхъ лицахъ: царяхъ, знаменитыхъ ламахъ и пр.».

Наивность бурятскихъ ламъ иногда феноменальна. Тотъ же Н. спросилъ меня, правда-ли, что французы обращаются массами въ буддизмъ. Въ его тонѣ звучала увѣренность, что обращеніе французовъ въ буддизмъ идетъ гигантскими шагами. Я, однако, вынужденъ былъ сказать ему правду, что во Франціи буддизмъ составляетъ скорѣе предметъ любопытства и моды, нежели новооткрытую религію, привлекающую фанатическихъ прозелитовъ. И мнѣ не повѣрили. Я это ясно видѣлъ. Н. запальчиво заспорилъ со мной и сталъ мнѣ доказывать, что я недостаточно знакомъ съ этимъ фактомъ,—даже въ русскихъ газетахъ пишутъ о побѣдахъ буддизма во Франціи. Нашъ мирный разговоръ совершенно неожиданно сталъ принимать форму горячаго диспута. Чтобы не зайти слишкомъ далеко, я въ шутку объявилъ Н., что, такъ какъ до погруженія міра въ нирвану еще очень далеко, то особенно волноваться нечего. Н. согласился со мной, и мы прекратили споръ, который велся съ большимъ увлеченіемъ съ обѣихъ сторонъ и оставилъ очень много неразъясненнаго, благодаря тому, что Н. не всегда меня понималъ, какъ слѣдуетъ, и не всегда былъ въ состояніи передать мнѣ по-русски то, что ему хотѣлось сказать.

Буддійская философія не мѣшаетъ Н. быть очень суевѣрнымъ. Такъ, онъ мнѣ серьезно разсказывалъ, что на ближайшей отъ его

юрты горѣ, лѣтъ сто тому назадъ, была похоронена шаманка и что въ 80-хъ годахъ можно было слышать, какъ она бьетъ по ночамъ въ свой бубенъ, висѣвшій тутъ же на горѣ. Подойти близко туда никто не рѣшался. Затѣмъ періодически черезъ падь, гдѣ стоитъ его юрта, проносится какой-то вихрь съ громомъ. Громъ точно перескакиваетъ съ одной горы на другую. А между тѣмъ небо ясно, въ воздухѣ въ промежуткахъ между ударами грома тихо и никакихъ видимыхъ причинъ ни къ вихрю, ни къ грому не замѣтно. Повторяется это явленіе черезъ годъ, два и длится нѣсколько минутъ. Думаетъ онъ, какъ и прочіе буряты, что это шалитъ «Альбинъ».

— Да это вѣрнѣе всего удары землетрясенія,—сказалъ я.

— По вашему это землетрясеніе, а по нашему нечистый духъ шалитъ.

Пробывъ у Н. двое сутокъ, просмотрѣвъ у него нѣсколько старыхъ документовъ, касающихся правъ хоринскихъ бурятъ на земли, я сталъ собираться въ дальнѣйшій путь.

Я долженъ выразить Н. свою глубокую признательность. Онъ не только обнадежилъ меня, «что я не потрачу даромъ времени, разъѣзжая по кочевьямъ хоринскихъ бурятъ», но даже далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ самымъ вліятельнымъ лицамъ хоринскаго вѣдомства. Эти письма впослѣдствіи хоть отчасти открыли передо мною дверь въ лабиринтъ внутренней бурятской жизни,—дверь, которую они обыкновенно плотно захлопываютъ всякій разъ, когда къ ней подходитъ не «свой человѣкъ». Образно выражаясь, я беру на себя смѣлость утверждать, что для русскаго изслѣдователя передъ дверью бурятской жизни протянуто никогда почти не снимающееся «цертэ» [1]). Нужно стеченіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, нужна, наконецъ, счастливая случайность, чтобы передъ нимъ открылась эта жизнь въ настоящемъ, неподкрашенномъ, прозаическомъ своемъ видѣ.

Когда я простился съ Н., мнѣ казалось, что я двинулся въ неизвѣстность. Я не зналъ, что меня ждетъ впереди: успѣхъ или полная неудача, какія-нибудь любопытныя открытія или полное разочарованіе въ надеждахъ такъ или иначе заглянуть въ исторію и современную жизнь хоринскихъ бурятъ. Интересуясь обычнымъ правомъ забайкальскихъ бурятъ и исторіей его разложенія, я искалъ слѣдовъ безъ вѣсти пропавшихъ старинныхъ степныхъ положеній, составленныхъ хоринскими бурятами въ 1780 и 1808 гг. И такъ, записавъ со словъ Н. имена нѣсколькихъ бурятъ, у которыхъ я могъ надѣяться найти эти исчезнувшія положенія, я поѣхалъ къ ближайшему изъ нихъ Д., живущему недалеко отъ тракта, въ 6 верстахъ отъ Ацагатскаго или Чулутаевскаго дацана.

---

[1]) Когда у бурятъ родится ребенокъ, передъ юртой, гдѣ находится новорожденный, протягиваютъ двѣ веревочки—«цертэ»; это значитъ, что постороннимъ въ юрту входъ запрещенъ.

За Ирхерикомъ общій видъ мѣстности такой же, какъ около Верхнеудинска. Трактъ бѣжитъ по волнистой степи; по правую сторону отъ дороги виднѣется Уда съ ея лѣсистой долиной и замыкающими ее лѣсистыми цѣпями горъ. По лѣвую сторону тоже степи, пади съ разбросанными по нимъ небольшими улусами и опять-таки цѣпь лѣсистыхъ увaловъ, идущая параллельно тракту.

Травы очень плохи, плохи и пашни. Стоитъ страшная засуха. Горныя рѣчки, питающія обыкновенно своей влагой много покосовъ и пашенъ, такъ маловодны, что воды не хватаетъ на поливку и $^2/_3$ всей площади орошаемой земли. Только и слышишь жалобы на засуху, сѣтованія на то, что будетъ тяжелый годъ.

У Д. не оказалось ничего интереснаго. Всѣ имѣвшіеся у него старинные документы онъ роздалъ и, по обыкновенію, не получилъ обратно ни одного.

Недалеко отъ Наринъ-Ацагатскаго улуса имѣется «аршанъ», иными словами «ключикъ», которому буряты приписываютъ цѣлебныя свойства. На этомъ «аршанѣ» каждое лѣто проживаетъ извѣстный лама-врачъ И. Онъ выстроилъ тамъ нѣсколько домиковъ, поставилъ 3—4 войлочныхъ юрты и охотно сдаетъ ихъ на время любителямъ аршановъ. А такихъ любителей въ Забайкальѣ очень много. Извѣстно, что Забайкалье славится множествомъ минеральныхъ ключей, изъ коихъ нѣкоторые не уступятъ по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ кавказскимъ и заграничнымъ. Достаточно указать на желѣзистыя ямаровскія воды, на сѣрнистыя туркинскія горячія воды, на сѣрнистыя и желѣзистыя дарасунскія воды, а такихъ источниковъ еще множество. Дачъ забайкальскіе города еще почти не знаютъ; но когда кто-нибудь желаетъ провести лѣтомъ мѣсяцъ-другой на лонѣ природы, онъ выбираетъ себѣ какой-нибудь аршанъ, поселяется тамъ и живетъ себѣ въ свое удовольствіе, пока ему не наскучитъ жизнь въ лѣсной глуши.

Наринъ-Ацагатскій аршанъ нѣсколько упорядоченъ, такъ какъ имъ завѣдуетъ упомянутый очень умный лама-эмчи (врачъ) И. Имѣется тамъ и ванная; «больные» пьютъ аршанскую воду и принимаютъ «ванны» изъ нея; въ случаѣ надобности, обращаются за совѣтами къ И.

Наслышавшись много про этотъ аршанъ, я рѣшилъ побывать тамъ; я имѣлъ тѣмъ больше основаній посѣтить наринъ-ацагатскій курортъ, что желалъ познакомиться съ интереснымъ во всѣхъ отношеніяхъ И.

Когда я подъѣхалъ къ юртѣ И., произошло маленькое волненіе. Засуетился штатъ И., состоявшій изъ полудесятка хувараковъ; засуетились и больные, въ надеждѣ, что вновь пріѣзжій поможетъ имъ хоть сколько-нибудь скоротать время, разогнать смертельную скуку. Вѣдь тамъ нѣтъ ни библіотекъ, ни концертныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, помогающихъ больнымъ на европейскихъ устроенныхъ курортахъ убивать время. И., котораго, конечно, моментально успѣли извѣстить

моемъ пріѣздѣ, остался неподвиженъ на своей кровати; когда же я вошелъ въ юрту, онъ только спустилъ одну ногу на полъ. Серьезный, съ выраженіемъ истомы на лицѣ, онъ взялъ отъ меня письмо Н. Письмо, какъ видно, измѣнило его настроеніе, такъ какъ, прочитавъ его, онъ сталъ совсѣмъ иной. Черезъ часъ И. былъ уже очень любезенъ, проворно выходилъ и возвращался въ юрту, отдавая всякаго рода распоряженія.

Я слышалъ, что буряты буквально благоговѣютъ передъ И., чуть не боготворятъ его, и мнѣ было очень странно слышать, какъ какой-то золотопромышленникъ фамильярно ему покрикивалъ: «Докторъ, да когда же намъ мяса привезутъ! Чортъ возьми, какъ долго нарочный не ѣдетъ» [1]). Такова сила денегъ! Эти золотопромышленники, которые въ И. души не чаютъ, обращаются съ нимъ, какъ съ лазаретнымъ фельдшеромъ, на томъ основаніи, что вѣдь они ему деньги платятъ. А онъ, неприступный, полусвятой, ученѣйшій эмчи и рѣдкій знатокъ буддизма, вынужденъ расточать любезныя улыбки своимъ невѣжественнымъ, безтактнымъ жильцамъ.

И. производитъ впечатлѣніе очень умнаго, энергичнаго, хотя нѣсколько болѣзненнаго человѣка. Меня онъ сразу привлекъ своей особенной манерой держать себя, тѣмъ сознаніемъ своего достоинства, которое можно встрѣтить только у людей, много думавшихъ, много работавшихъ надъ своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ.

— Такъ вы ищете документовъ по исторіи бурятъ? — спросилъ онъ меня послѣ продолжительнаго нашего молчанія.

— Да. Мнѣ бы хотѣлось хоть немного освѣтить прошлое бурятъ, которое сами они успѣли перезабыть.

— Сомнѣваюсь, чтобы вы нашли что-нибудь цѣнное по интересующему васъ предмету. Буряты невѣжественны и не хранятъ такихъ вещей. Исторія ихъ мало интересуетъ. Есть нѣкоторыя лѣтописи, излагающія прошлое бурятъ, какъ, напр., Тобоева, Хобитуева и Юмцунова, но вы сами знаете, что это за лѣтописи — самыя краткія, да и ошибокъ въ нихъ не мало. Вотъ, напр., утвержденіе Тобоева, что хоринцы всѣ выходцы изъ Монголіи, невѣрно. Нѣкоторыя хоринскія племена или коренные здѣшніе жители, или выходцы изъ Баргузина.

При всемъ томъ, И. назвалъ мнѣ нѣсколькихъ почетныхъ стариковъ, которые, по его мнѣнію, могутъ мнѣ сообщить небезъинтересныя изустныя свѣдѣнія.

Злоба дня у хоринскихъ бурятъ—поземельный вопросъ. Проѣзжавшій прошлымъ лѣтомъ по Забайкалью профессоръ Г. поставилъ инородческій поземельный вопросъ на весьма своеобразную почву. Онъ сдѣлалъ любопытное открытіе, что русскіе съ бо́льшимъ историческимъ

---

[1]) И. нѣкоторымъ больнымъ доставляетъ провизію, отряжая отъ себя въ городъ Верхнеудинскъ нарочныхъ.

правомъ могутъ считаться аборигенами Забайкалья, нежели буряты. На чемъ г. профессоръ основываетъ свое заключеніе, мнѣ подробно неизвѣстно, но историческая литература о завоеваніи Забайкалья пока противъ его открытія. Неудивительно, что мое намѣреніе покопаться въ архивахъ съ тѣмъ, чтобы выяснить вопросъ,—поскольку мнѣ это позволятъ данныя,—на чьей сторонѣ право первенства на земли Забайкалья, возбудило во многихъ бурятахъ сильнѣйшій интересъ къ моимъ работамъ.

Незамѣтно разговоръ мой съ И. принялъ общій характеръ. Ясно было, что И. мнѣ не можетъ больше сообщить ничего по интересующему меня вопросу. Коснулись, конечно, и буддизма, и тибетской медицины, и многихъ другихъ темъ. Когда мы бесѣдовали о тибетской медицинѣ, И. пріятно удивилъ меня своимъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ врачу К., занимающемуся уже нѣсколько лѣтъ изученіемъ этой медицины и отзывающемуся о ней въ печати весьма нелестно. Вообще ламы очень вооружены противъ него, жалуются, что К. ихъ «обижаетъ», несправедливо нападаетъ на нихъ и пр.; они, конечно, сдержаны въ выраженіяхъ, но по тону ихъ жалобъ видно, что они противъ него озлоблены. Совершенно иначе отнесся къ К. мой собесѣдникъ.

— К. много ошибается, но онъ не виноватъ; виноватъ его переводчикъ, невѣжественный бурятъ. К. самъ хорошій человѣкъ и не станетъ нарочно искажать истину.

— Отчего же вы не напишете опроверженія взглядовъ К.? Я увѣренъ, что любая газета охотно помѣститъ ваше возраженіе. Своимъ молчаніемъ вы даете поводъ думать, что К. вполнѣ правъ.

— Мы бы и написали опроверженіе, но у насъ нѣтъ достаточно ученаго русскаго переводчика, а пользоваться услугами неученаго переводчика, значитъ, рисковать самимъ наговорить много нелѣпостей.

C'est le ton, qui fait la melodie. И. сказалъ все это удивительно благороднымъ тономъ, и мнѣ стало отъ души жаль ламъ, что они не могутъ вступить въ равный бой съ К. Побѣдили-ли бы они, это другой вопросъ; но какъ-то больно видѣть человѣка, не могущаго защищаться, когда на него нападаютъ, а еще тяжелѣе видѣть людей, лишенныхъ возможности отстаивать ту идею, то міросозерцаніе, въ правоту которыхъ они вѣрятъ глубоко.

Слѣдующій день я позволилъ себѣ провести на аршанѣ, отчасти съ цѣлью внимательнѣе присмотрѣться къ оригинальной аршанской жизни, а отчасти потому, что у меня была срочная работа.

Осмотрѣлъ я «аршанъ». Вода его хрустальной чистоты. Первоначально она выходитъ изъ земли едва замѣтной струйкой, образуя лужу, большая часть которой покрыта плѣсенью, но въ трехъ аршинахъ отъ источника она уже бѣжитъ шумной струей по желобамъ. Вкусъ воды, по мнѣнію пьющихъ, немного сладковатый; пьется она

въ большомъ количествѣ, нисколько не обременяя желудка, и имѣетъ цѣлебное свойство. Какое именно, даже И. затрудняется опредѣлить.

Полагая, очевидно, что русскій «номчи хунъ»—мастеръ на всѣ руки, И. предложилъ мнѣ опредѣлить на вкусъ составъ воды. Мнѣ пришлось ему объяснить, что никакой ученый въ мірѣ безъ помощи химическаго анализа не опредѣлитъ точно содержанія воды, хотя нѣкоторыя составныя части и поддаются опредѣленію на вкусъ.

Ночевать я предпочелъ въ дацанѣ, отстоящемъ отъ аршана въ 6 верстахъ.

Дорога въ дацанъ сначала идетъ косогоромъ на довольно большой высотѣ; но скоро начинается спускъ, не крутой, но длинный.

Намъ пришлось перерѣзать узкую Чулутаевскую падь. Это по истинѣ грандіозная падь. Дацанъ, каменный, выштукатуренный и окрашенный въ бѣлую краску, со всѣми своими пристройками раскинулся на возвышенномъ просторномъ косогорѣ. Но немного сѣвернѣе отъ дацана падь внезапно съуживается, по обѣ стороны ея вдругъ поднимаются громадныя, остроконечныя сопки, закрывающія собою значительную часть горизонта. Горы лѣсистыя, и въ то время, какъ тамъ, около дацана, лѣтнее солнце ослѣпляетъ своими яркими лучами, въ самой пади стоитъ какой-то таинственный полумракъ. Этотъ сильный контрастъ придаетъ ущелью необыкновенно грозный видъ. Изъ пади выбѣгаетъ съ гуломъ и рокотомъ на Чулутаевскую степь быстрый горный Чулутай, и сожженная лѣтнимъ зноемъ земля съ жадностью глотаетъ холодныя струи бурной таежной рѣчки.

Оставивъ дацанъ, мы поѣхали дальше. Рѣку Курбу намъ пришлось переѣхать на карбасѣ. Ѣхать черезъ нее въ бродъ мой ямщикъ не дерзнулъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Курбы начинается густой сосновый лѣсъ. Издали онъ кажется совершенно чернымъ. Передъ самымъ лѣсомъ виднѣется озерко; оно очень похоже на лужу, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свое собственное названіе—«Цаганъ-Нуръ». Буряты, кажется, не оставляютъ ни малѣйшаго холма, бугра, рва, рощи безъ собственнаго имени. Ихъ географія удивительно подробна и точна, и они съ большимъ пренебреженіемъ относятся къ русской привычкѣ окрещивать цѣлыя мѣстности однимъ именемъ, не называя подробностей. Русскій, по мнѣнію бурятъ, поэтому никогда не покажетъ вамъ дороги какъ слѣдуетъ; послѣ объясненій русскаго вы сильно рискуете заблудиться; между тѣмъ какъ бурятъ вамъ такъ точно опишетъ всѣ признаки предстоящаго вамъ пути, что вы даже ночью попадете куда нужно. Надо признаться, что въ такомъ высокомъ мнѣніи бурятъ о своей способности указывать дорогу есть немалая доза преувеличенія, но вѣрно и то, что они дѣйствительно мастера оріентироваться въ незнакомой мѣстности, особенно послѣ указанія бурятъ же. Меня всегда выводили изъ себя объясненія бурятъ о дорогѣ.

— Какъ попасть туда-то?—спрашиваю я или мой переводчикъ. И начнется:—поѣдете на востокъ, тамъ бугоръ, отъ бугра повернете на западъ, не доѣзжая камня, поѣдете на сѣверъ, затѣмъ около такой-то рощи повернете опять на западъ, тамъ встрѣтятся двѣ дороги и т. д. Я въ концѣ концовъ терялся, и въ головѣ у меня все путалось, а мой спутникъ скажетъ бывало: «дзэ» (хорошо), и поѣдетъ веселый дальше, точно тотъ ему глаза открылъ. И дѣйствительно открывалъ.

Лѣсъ, въ который мы въѣхали, оказался прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, откуда возятъ бревна и лѣсной матеріалъ даже въ Верхнеудинскъ, не смотря на разстояніе въ 75 в. Тянется лѣсъ по обѣ стороны тракта верстъ 6—7. Въ ширину онъ также имѣетъ верстъ 8. Такимъ образомъ жители Курбы, окрестныхъ селеній и улусовъ обладаютъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, которое они, впрочемъ, расточаютъ съ легкомысліемъ дикарей.

Миновавъ Тэнгриболдотскую станцію, мы свернули въ сторону, влѣво. Намъ надо было проѣхать Шарахундуйскую и Харашибирскую пади, чтобы попасть въ Хасуртай, гдѣ стоялъ со своимъ лѣтнимъ стойбищемъ рекомендованный мнѣ И—мъ ноёнъ.

Ноёнъ сначала принялъ насъ не совсѣмъ радостно. Отвѣчая только на предлагаемые мною вопросы, онъ сохранялъ такой угрюмый и непривѣтливый видъ, что я пожалѣлъ, что посѣтилъ его. Но это было не первое и не послѣднее мое испытаніе.

Явившійся черезъ нѣкоторое время юноша въ изящномъ гарнитуровомъ тэрлыкѣ вывелъ насъ всѣхъ изъ неловкаго положенія.

— Энэ мини Хубунъ, думійнъ бичечи (это мой сынъ, письмоводитель думы),—рекомендуетъ мнѣ молодого человѣка ноёнъ.

Оказалось, что этотъ совершенно юный на видъ бурятъ есть тотъ самый письмоводитель хоринской степной думы Ч., про котораго я слышалъ такъ много лестнаго, какъ отъ верхнеудинскаго окружного начальника, такъ и отъ знакомыхъ бурятъ.

Я вздохнулъ свободно и заговорилъ самъ съ Ч. Переводчикъ былъ больше не нуженъ, такъ какъ Ч. говоритъ самъ прекрасно по русски. Ч. кончилъ уѣздное училище и продолжалъ, по окончаніи курса, пополнять свое образованіе чтеніемъ серьезныхъ книгъ, которыя онъ выписывалъ въ большомъ количествѣ. Говоритъ онъ по русски вполнѣ свободно, хотя нѣсколько книжно, какъ и большинство иностранцевъ, владѣющихъ чужимъ языкомъ хотя и основательно, но не усвоившихъ его съ дѣтства.

Ноёнъ воспользовался тѣмъ, что я занялся бесѣдой съ его сыномъ и поѣхалъ въ степь ловить коня. Такъ какъ конь въ степи не давался, то ноёнъ пригналъ домой весь табунъ (головъ въ 100), загналъ его въ особую горожу, и домашніе его, въ томъ числѣ и прекрасная невѣстка ноёна, жена Ч., отдѣлили нужнаго коня. Все дѣлалось патріархально просто.

Вечеръ былъ великолѣпный, тихій; спать не хотѣлось, и, обвѣваемые нѣжнымъ, освѣжающимъ вѣткомъ, посылаемымъ падями на степь, мы сидѣли съ Ч. и вели довольно интересную бесѣду; вѣрнѣе, онъ разсказывалъ, а я слушалъ его. Съ грустью сообщалъ онъ мнѣ, какой у него былъ сильный порывъ продолжить образованіе, какъ домашнія обстоятельства ему не позволили привести въ исполненіе задуманнаго имъ плана—поступить въ университетъ. Отецъ потребовалъ, чтобы онъ женился, такъ какъ онъ единственный сынъ и помощникъ въ семьѣ, а женитьба, понятно, его связала, приковавъ къ родному улусу. Продолжаетъ онъ свое самообразованіе и теперь, но слишкомъ хорошо понимаетъ, что ему, лишенному руководителя, лишенному возможности обмѣниваться мыслями съ образованными людьми, никогда самому не стать вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ....

Одинъ бурятъ, обыкновенный бурятъ съ бритой головой и съ громадной косой, въ высшей степени поразилъ меня сегодня. Заговоривъ съ нимъ о старинѣ, я какъ-то случайно спросилъ его, когда, по его мнѣнію, лучше жилось: прежде или теперь, и вдругъ услышалъ положительный дифирамбъ настоящему.

— Слѣпые сторонники старины совершенно неправы,—приблизительно началъ мой собесѣдникъ.— Старина имѣла свои хорошія стороны, это правда, но настоящее не только не хуже прошлаго, а напротивъ, гораздо лучше. Хлѣбопашество, разумно поставленное, серьезно обезпечиваетъ человѣка отъ голода, а при чисто скотоводческомъ хозяйствѣ буряты никогда не могли быть увѣрены, что первый падежъ скота или безкормица не ввергнутъ ихъ въ страшную нужду. По части же удобствъ и комфорта настоящее неизмѣримо лучше прошедшаго. Хорошіе дома защищаютъ насъ отъ холода, хлѣбъ поддерживаетъ въ насъ силу, и буряты теперь, по крайней мѣрѣ, похожи на людей. И что хорошаго находятъ въ старой родовой организаціи?—съ жаромъ продолжалъ мой собесѣдникъ, удивляя меня все болѣе и болѣе.— Какой въ ней смыслъ? Кромѣ страшнаго вреда отъ сохраненія стариннаго дѣленія на роды, ничего не происходитъ. Хоринскія 11 племенъ [1]) (теперь 14) разбросаны по всѣмъ концамъ хоринскаго вѣдомства. Ходайцы живутъ около Верхнеудинска и на Бадѣ, галзуты—около Верхнеудинска и на Чесанѣ. Старостамъ и головамъ пришлось бы разъѣзжать взадъ и впередъ по вѣдомству все время, еслибы они хотѣли быть дѣйствительно добросовѣстными начальниками. Поступаетъ къ старостѣ жалоба отъ инородца его поколѣнія, живущаго отъ него въ 300 верстахъ. По настоящему, онъ долженъ поѣхать на мѣсто для разслѣдованія дѣла, а тутъ его торопятъ съ ясакомъ, тамъ недоимки

[1]) Названія родовъ слѣдующія: барунъ харганатскій, зунъ харганатскій, барунъ хоацайскій, зунъ хоацайскій, барунъ кубдутскій, зунъ кубдутскій, батанайскій, шараитскій, бодонгутскій, ходайскій, гучитскій, цаганскій, хальбинскій и галзутскій.

надо взыскать. Вотъ и скачи взадъ и впередъ. Старосты, понятно, запускаютъ дѣла. Тогда цѣлая куча жалобъ летитъ въ хоринскую степную думу и, главное, по предметамъ, которые совсѣмъ не подлежатъ ея вѣдѣнію. Послѣдняя не успѣваетъ отвѣчать на всѣ жалобы и просьбы, и многіе просители дожидаются мѣсяцами отвѣта, а то и вовсе отвѣта не получаютъ. Неурядица вездѣ царитъ ужасная, и съ каждымъ годомъ положеніе дѣлъ становится все хуже и хуже.

По мнѣнію моего собесѣдника, самое лучшее было бы, еслибы всѣхъ хоринскихъ бурятъ разбили по районамъ и еслибы учредили въ каждомъ районѣ особую управу.

Правда, тогда смѣшались бы всѣ роды, но какъ много буряты выиграли бы отъ этого! Тогда стало бы возможно добросовѣстное отношеніе инородческихъ начальниковъ къ своимъ обязанностямъ, а теперь у самаго безкорыстнаго человѣка опускаются руки.

— Мои соплеменники не любятъ моихъ мнѣній,—закончилъ свою рѣчь этотъ оригинальнѣйшій и проницательнѣйшій изъ бурятъ: — они и слушать ихъ не хотятъ, а между тѣмъ преобразованіе управъ, по моему, единственный выходъ изъ настоящаго безъисходнаго нашего положенія.

Отецъ Ч., какъ видно, чувствуетъ себя виноватымъ передъ сыномъ. Это я могъ заключить изъ вопроса его, не можетъ-ли Ч. еще подучиться?

— Конечно, можетъ, если у него есть средства,—отвѣтилъ я.

— А университетъ онъ можетъ кончить?

— Наврядъ-ли.

— Почему?

— Нужно много учиться и долго, цѣлые годы. Еслибы онъ еще не былъ женатъ—другое дѣло, а то онъ вѣдь уже обремененъ семьей.

— Значитъ, жены мѣшаютъ въ такихъ дѣлахъ молодымъ людямъ?

— Да, даже очень сильно.

Онъ немного помолчалъ и съ интонаціей, въ которой слышалось сознаніе вины, рѣзко произнесъ:

— Это была моя работа!

Я его понялъ такъ, что это онъ создалъ такое непреодолимое препятствіе на жизненномъ пути своего сына.

Я также отъ души пожалѣлъ, что отецъ Ч. такъ поздно созналъ свою ошибку. Ч. молодой человѣкъ съ такими выдающимися способностями, что несомнѣнно съ успѣхомъ кончилъ бы университетъ и сталъ бы для своихъ соплеменниковъ не тѣмъ, чѣмъ онъ теперь и чѣмъ можетъ стать для нихъ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Распростившись очень тепло съ «ноёномъ», съ которымъ я себя чувствовалъ подъ конецъ очень хорошо и отъ котораго услышалъ такъ много оригинальныхъ вещей, я направился прямо въ хоринскую степную думу.

Опять потянулась степь съ неизмѣннымъ лѣснымъ бордюромъ по

обѣимъ сторонамъ. Только отъ Кульской станціи до думы мѣстность принимаетъ иной характеръ. Дорога вьется низкой долиной «Аралъ», поросшей густо тальникомъ. Мѣсто сырое. Переваливъ перешеекъ «Нарану-Эбыръ», мы стали спускаться на чрезвычайно живописную Анинскую степь. Она гладка, какъ скатерть, а кругомъ ее замыкаютъ со всѣхъ сторонъ лѣсистые увалы. Ихъ неправильные, но, тѣмъ не менѣе, красивые контуры живописно выдѣляются на фонѣ голубого лѣтняго неба. Серебристыми лентами извиваются рѣчки по степи. Это Зергелей и Ана спѣшатъ слить свои воды съ Удой. Страстнѣе всѣхъ мчится быстрый, горный Зергелей. Онъ бѣжитъ, прячась межъ кустовъ, за нимъ поспѣваетъ Ана и

Подъ отвѣсной скалой,
Среди чащи густой
Происходитъ ихъ нѣжная встрѣча...
И о горѣ быломъ
Братъ и сестры втроемъ
Все ведутъ неумолчныя рѣчи...

Переѣхавъ въ бродъ Ану и Зереглей и миновавъ Анинское селеніе, гдѣ каждый годъ въ декабрѣ происходитъ извѣстная въ Забайкальѣ анинская ярмарка, я въѣхалъ въ степную думу.

М. Кроль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

КНИГА II.

I.

Послѣ нѣсколькихъ дней теплой, весенней погоды въ воскресенье, вечеромъ, разгулялся сѣверный вѣтеръ. Ганзенэ оставалась дома одна съ дѣтьми, которыхъ уложила спать рано. Эммануилъ и слуги, такъ же какъ и обычные, вечерніе посѣтители пастората, всѣ отправились на митингъ въ Скиберупъ. Народъ стекался сегодня въ клубъ со всѣхъ сторонъ. Съ самаго утра люди стекались на лошадяхъ и пѣшкомъ, нѣкоторые заѣзжали въ пасторатъ повидать Эммануила или помолиться въ церкви. Пріѣхали и оба оратора — члены парламента изъ крестьянъ. Послѣ обѣда прибыла еще большая группа учениковъ высшей школы въ Сандинжѣ, съ привѣтомъ отъ стараго больного директора. Всѣхъ этихъ людей надо было угостить или кофе, или обѣдомъ; поэтому работы было много весь день, какъ въ гостинницѣ въ базарный день.

Ганзенэ надѣялась на спокойный вечеръ послѣ хлопотливаго, труднаго дня. Не часто доставался ей этотъ покой; она не раздѣляла стремленій Эммануила—имѣть всегда полный домъ гостей. Она часто желала, чтобы онъ не такъ широко раскрывалъ свои гостепріимныя двери тѣмъ людямъ, которые мало-по-малу привыкли смотрѣть на пасторатъ, какъ на свой собственный домъ. Но теперь, когда она осталась одна, дѣти заснули, а она зажгла лампу и сѣла къ столу штопать чулки, она почувствовала себя въ угнетенномъ настроеніи духа и одинокой въ этомъ большомъ, пустомъ пасторатѣ, въ которомъ никогда не могла чувствовать себя дома. Хотя она и провела въ немъ семь лѣтъ, она не могла избавиться отъ той мысли, что была чѣмъ-то вродѣ непрошенной гостьи въ этихъ высокихъ покояхъ, предназначенныхъ для большихъ людей, для музыки и важныхъ разговоровъ. Ей казалось, что всѣ прежніе обитатели пастората и въ особенности провостъ Тоннесенъ и его гордая дочь все еще были тутъ и смущали ее угрожающими взглядами изъ всѣхъ темныхъ угловъ. Она часто удивлялась, какъ это Эммануилъ могъ быть такъ доволенъ здѣсь, гдѣ все было такъ различно отъ той тѣсной, крестьянской жизни, о которой они вначалѣ мечтали. Часто вздыхала она о маленькомъ, заросшемъ

дикими розами домикѣ у ручья, который они хотѣли купить, когда только что обручились; раздумывая о томъ, какъ мирно и счастливо они могли бы жить въ уютныхъ, маленькихъ комнаткахъ, вдали отъ вѣчной толпы и суеты; она болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовала себя плѣнницей въ пустомъ пасторатѣ.

Къ тому же, сегодня буря завывала вокругъ дома и приносила съ собой всевозможные звуки со стороны надворныхъ строеній. Ставня хлопала въ сараѣ и по дрожанію передней двери она догадалась, что Нильсъ опять забылъ запереть ворота; корова мычала въ хлѣву — и всѣ эти мелочи безпокоили заботливую хозяйку, которой не по силамъ было большое хозяйство. Она спрашивала себя, не забыла-ли Абелона подоить корову съ запаломъ и позаботилась-ли о золѣ, которую выгребли сегодня изъ печей. Абелона сдѣлалась такъ разсѣянна послѣднее время: только и слѣдила за тѣмъ, что дѣлалъ Нильсъ. Какъ бы Нильсъ не испортился отъ похвалъ, которыя сыпались на него съ тѣхъ поръ, какъ онъ вздумалъ писать въ газетахъ. Ей казалось, что онъ сталъ гораздо небрежнѣе въ своей работѣ. Мысли ея были прерваны стономъ, который вдругъ послышался изъ дѣтской. Это Ледди стоналъ во снѣ. Сегодня онъ былъ съ отцомъ въ Скиберупѣ и игралъ съ ребятами на морскомъ берегу, пока отецъ служилъ въ церкви. Послѣ обѣда онъ исчезъ, и Ганзенэ лишь въ сумерки, когда Эммануилъ ушелъ, нашла мальчика на чердакѣ: онъ сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы; руки были прижаты къ больному уху, а лицо распухло отъ слезъ. Она сейчасъ же положила его въ постель, впустила въ ухо нѣсколько капель масла изъ льнянаго сѣмени и Ледди скоро заснулъ. Но и во снѣ онъ постоянно стоналъ, и это очень безпокоило мать.

Она никогда не могла примириться съ привычкой Эммануила брать съ собой дѣтей, куда бы онъ ни ѣхалъ, во всякую погоду, еще меньше съ тѣмъ, что онъ позволялъ дѣтямъ играть съ маленькими оборванцами, подвергая ихъ тѣмъ разнымъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Она помнила изъ своего собственнаго дѣтства, какъ много дурного бываетъ среди дѣтей бѣдняковъ; когда она видѣла Ледди и Зигриду вмѣстѣ съ оборвышами, подобно тому, какъ и она когда-то бѣгала съ ними въ заплатанной одеждѣ и дырявыхъ чулкахъ, чувство неудовлетворенія овладѣвало ею, и она сравнивала свою настоящую жизнь съ тою, о которой она мечтала, сидя на школьной скамьѣ, съ той высшей, интеллектуальною жизнью, которой она надѣялась достичь своимъ замужествомъ.

Сколько разъ собираясь она поговорить съ Эммануиломъ о воспитаніи дѣтей, но у нея не хватало смѣлости. Какъ только онъ входилъ въ комнату, веселый и счастливый, вполнѣ погруженный въ свое великое дѣло, она теряла всякое самообладаніе. Она не находила возможности говорить о своихъ обыденныхъ заботахъ, въ виду его не-

поколебимой вѣры и самопожертвованія, съ которыми онъ отдавался своему высокому призванію.

Она вдругъ подняла голову. Изъ сосѣдней комнаты раздались стоны, одинъ за другимъ. Она положила работу и быстро направилась къ спальнѣ; но когда подошла къ кроваткѣ Ледди, нашла его спящимъ. Это казалось непонятно; Ганзенэ рѣшила, что это ей послышалось, и хотѣла уже вернуться къ работѣ, какъ вдругъ мальчикъ заскрежеталъ зубами и снова громко застоналъ.

— Дитя мое, что съ тобой? — вскричала она испуганно и, разбудивъ, посадила его въ постели.

— Ничего, я здоровъ.

— Отчего же ты кричалъ?.. Тебѣ что-нибудь страшное приснилось? Болитъ у тебя что-нибудь?

Онъ, повидимому, не слыхалъ. Его глаза вдругъ неестественно расширились; онъ смотрѣлъ прямо передъ собой со страхомъ и въ то же время съ необычайнымъ любопытствомъ.

— Мама,—прошепталъ онъ.

— Что тебѣ, дитятко?

— Муха забралась ко мнѣ въ голову.

— Глупости! Это тебѣ приснилось! Ложись, засни и забудешь объ этомъ.

— Нѣтъ, это правда... Я чувствую ее все время. Она, вѣрно, не можетъ выйти, мама.

Лицо его исказилось, и, послѣ короткой борьбы съ своей гордостью, онъ бросился къ матери и залился слезами. Мать ласково гладила его волосы и старалась всячески утѣшить, и скоро, съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, онъ легъ подъ одѣяло. Съ маленькимъ вздохомъ, онъ сложилъ обѣ руки подъ щекой и заснулъ.

Ганзенэ стояла у кроватки; слова мальчика и его странное поведеніе внушали ей страхъ и опасенія. Она не знала, что и подумать... Смотря на сына, полуосвѣщеннаго лампой изъ сосѣдней комнаты, она приняла твердое рѣшеніе не откладывать болѣе и позвать доктора. Сегодня же ночью, по возвращеніи Эммануила, она потребуетъ этого и не отступится, пока докторъ не осмотритъ ея ребенка.

II.

Было уже десять часовъ, когда Эммануилъ вернулся домой, заставъ Ганзенэ снова у лампы, штопающую дѣтскіе чулки.

— Миръ дому сему!—проговорилъ онъ по крестьянскому старому обычаю и пріостановился въ дверяхъ съ потухшимъ фонаремъ въ одной рукѣ и дубовой тростью въ другой; его бѣлокурая борода развѣвалась по темному плащу въ родѣ монашескаго; капюшонъ натянутъ былъ на голову.

— Вернулся Нильсъ?

— Нѣтъ, я не слыхала ни чьихъ шаговъ.

— А Абелона?

— И ея нѣтъ.

— Бѣдная дѣвочка! Трудно ей будетъ идти противъ вѣтра. Настоящая буря и такъ темно,—зги не видно. Мой фонарь затушилъ вѣтеръ, какъ разъ на холмѣ, я едва нашелъ дорогу. Ну, слава Богу, добрался. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

Онъ поставилъ фонарь на скамью у двери, повѣсилъ плащъ и поставилъ трость въ уголокъ.

— У меня цѣлая куча новостей для тебя,—продолжалъ онъ возбужденно и стараясь согрѣть замерзшіе пальцы дыханіемъ. Только когда онъ подошелъ совсѣмъ близко къ женѣ и хотѣлъ поцѣловать ее по обыкновенію, онъ замѣтилъ ея взволнованное и разсѣянное лицо.

— Что съ тобой, голубушка? Не случилось-ли чего, пока меня не было дома?

— Ледди...

— Что съ Ледди? Не пропалъ же онъ? Я не видалъ его все послѣ обѣда.

— Нѣтъ, я нашла его. Послѣ того, какъ ты ушелъ, я пошла на чердакъ и нашла его на лѣстницѣ. Ухо у него снова болѣло и я положила его въ постель. Не знаю, что съ нимъ такое. Никогда не видала его такимъ страннымъ, какъ сегодня.

— Что ты говоришь? Дай я взгляну на него!

Онъ бралъ уже лампу со стола, но она остановила его.

— Не бери лампы. Это можетъ его разбудить. Я зажгла тамъ ночникъ.

Они вмѣстѣ вошли въ спальню. Мальчикъ лежалъ по прежнему, подложивъ обѣ руки подъ щеку и подтянувъ колѣни подъ самый подбородокъ; слабый свѣтъ ночника за кроваткой освѣщалъ ребенка. Ни одна черта лица его не изобличала ничего, кромѣ здороваго, крѣпкаго сна.

— Помилуй, да онъ спитъ, какъ сурокъ,—прошепталъ Эммануилъ, наклоняясь надъ сыномъ и прислушиваясь къ его дыханію:—онъ не можетъ быть боленъ. Ты понапрасну тревожишься, Ганзенэ.

— Я сама не могу понять! Онъ нѣсколько разъ стоналъ и говорилъ, какъ въ бреду. Это находило на него, какъ припадокъ.

— Ну, такъ это весенній воздухъ, будь увѣрена. Отъ него всегда дѣти спятъ безпокойно. Вотъ увидишь, съ Божьею помощью онъ завтра встанетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Какъ бы тамъ ни было, я серьезно желаю позвать къ нему доктора.

— Какъ онъ хорошъ!—продолжалъ Эммануилъ, который по обыкновенію великихъ говоруновъ, рѣдко слышалъ, что говорили другіе.

Онъ обнялъ одной рукой Ганзене и любовался тремя бѣлокурыми головками, утопающими въ бѣлыхъ подушкахъ. — Точно херувимъ! Не прелесть-ли это? Удивляюсь, какъ могутъ быть люди, отвергающіе Бога! По моему, на лицѣ ребенка всегда отражается небесный свѣтъ—откровеніе небеснаго міра... Это мнѣ напоминаетъ отвѣтъ нашего милаго директора высшей школы, когда его спросили, на что походитъ вѣчное блаженство, онъ показалъ на ребенка, заснувшаго у груди матери.—Вотъ оно—вѣчное блаженство,—сказалъ онъ.—А какъ наши другія дѣтки поживаютъ? Должно быть хорошо. Пышка похрапываетъ. Я соскучился по нимъ; почти не видалъ ихъ сегодня.

Говоря это, онъ ходилъ на цыпочкахъ вокругъ кроватей, наклоняясь то надъ одной, то надъ другой головкой своихъ, какъ онъ иногда называлъ ихъ, золотыхъ сокровищъ, и подъ каждую подушку положилъ по пирожку съ тминомъ.

— Я заходилъ на минуту къ булочнику, не хотѣлось придти домой съ пустыми руками. Теперь мы ихъ лучше оставимъ. Мнѣ надо столько тебѣ разсказать, Ганзенэ! Идемъ!

Они вернулись въ столовую, и онъ началъ подробно разсказывать о митингѣ, ходя взадъ и впередъ по большой комнатѣ. Ганзенэ слушала однимъ ухомъ. Она не отказалась отъ своего намѣренія и твердо рѣшилась навести разговоръ на болѣзнь Ледди.

— Знаешь-ли, кто былъ героемъ митинга?—воскликнулъ Эммануилъ, останавливаясь посреди комнаты.—Угадай, Ганзенэ!

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ угадывать... лучше скажи.

— Твой отецъ!

Она подняла глаза удивленно.

— Отецъ?

— Да, никто иной, какъ твой старый, слѣпой отецъ!

— Отецъ говорилъ?

— Еще бы! Я хотѣлъ бы дать тебѣ хоть маленькое понятіе о томъ энтузіазмѣ, настоящемъ ликованіи, которое вызвало его присутствіе. Это было просто трогательно.

— Развѣ отецъ умѣетъ говорить публично?—спросила Ганзенэ съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Не въ словахъ тутъ было дѣло! Подѣйствовала его наружность и его крайнее волненіе. Вотъ видишь, предсѣдатель говорилъ длинную рѣчь и хотѣлъ только-что прочитать резолюцію, какъ отецъ, сидѣвшій у самой эстрады, поднялся, такъ какъ не могъ слышать. Его движеніе объяснили иначе, люди думали, что онъ хочетъ сказать рѣчь и начали кричать со всѣхъ сторонъ:—На эстраду! на эстраду! Словомъ, не успѣлъ отецъ объяснить ошибку, какъ его уже ввели на трибуну. Онъ не противился,—ты знаешь его застѣнчивость,—и можешь себѣ представить его положеніе. Я никогда не забуду этой минуты.

— Но что же онъ сказалъ?

*

— Какъ я говорилъ тебѣ и раньше, не слова подѣйствовали, а видъ старика-слѣпца съ его длинными бѣлоснѣжными волосами, появившагося на эстрадѣ живымъ свидѣтелемъ временъ рабства, которое онъ самъ пережилъ. Словно изъ могилы, потрясая рукой, воскликнулъ онъ своимъ старческимъ голосомъ:—Опять застѣнокъ! Этого, что-ли, хотятъ? Неужели снова запрягутъ насъ, какъ вьючный скотъ? Онъ больше ничего не сказалъ, но послушала бы ты аплодисменты!

— Нѣтъ, нѣтъ, не бывать тому!—гремѣло по всей залѣ.—Хотѣлъ бы я, чтобы враги эмансипаціи тутъ присутствовали и поняли бы ту желѣзную волю, которая слышалась въ этихъ крикахъ. Они бы увидѣли, какъ безполезна ихъ оппозиція...

— Какой я счастливецъ!—воскикнулъ онъ восторженно, положивъ руку на голову жены.—Какъ благодарить мнѣ Бога, выведшаго меня изъ этого Содома, въ которомъ жизнь есть ежедневная борьба со смертью и уничтоженіемъ. Какая разница здѣсь, гдѣ все зарождается, гдѣ все весна, разсвѣтъ и пѣсни жаворонка! И какъ прекрасно чувствуетъ себя человѣкъ, которому позволено участвовать, по мѣрѣ силъ и способностей, въ созданіи царства правды и справедливости!.. Когда я думаю о прежнихъ временахъ, мнѣ кажется, что я переродился, отбросилъ съ себя старую, гадкую тину. А послѣ Творца, я благодаренъ тебѣ, моя дорогая, за все счастье, которое ты даешь мнѣ... Ты опускаешь глаза и краснѣешь, но это правда: ты—та принцесса, безъ которой я никогда не получилъ бы мои полъ-царства!

III.

Только на слѣдующее утро Ганзенэ осмѣлилась, наконецъ, настоять на своемъ желаніи послать за докторомъ. Эммануилъ сначала сердился. Онъ упрекалъ жену въ томъ, что она вѣритъ больше въ помощь людскую, чѣмъ въ милость Божію. Онъ говорилъ такъ убѣдительно и такъ грустно, что Ганзенэ почувствовала себя совсѣмъ виноватой и заплакала.

При видѣ ея слезъ, онъ сразу смягчился и поцѣловалъ ее. Это еще усилило ея волненіе, и она разрыдалась. Эммануилъ былъ пораженъ. Онъ не видалъ ея слезъ съ того памятнаго дня, какъ сдѣлалъ ей предложеніе, и она выдала свою любовь страстными, неудержимыми рыданіями. Это воспоминаніе размягчило его сердце, онъ нагнулся къ ней и нѣжно гладилъ ея щеки и волосы.

— Голубушка моя, еслибъ я зналъ, что мои слова тебя такъ огорчатъ, я никогда бы ихъ не сказалъ! Я не хотѣлъ тебя обидѣть. Вѣдь ты хорошо знаешь, что если ты дѣйствительно хочешь посовѣтоваться съ докторомъ Гассингъ, я не стану противиться. Я велю сейчасъ же запрягать лошадей. Докторъ будетъ здѣсь еще до обѣда.

Черезъ четверть часа, когда Ганзенэ услышала стукъ экипажа,

выѣзжавшаго изъ воротъ пастората, она принялась прибирать комнаты къ пріѣзду доктора. Въ первый разъ приходилось ей принимать чужого человѣка у себя въ домѣ. Полъ въ большой комнатѣ попрыскали водой и вымели, съ лавокъ стерли пыль,—больше ничего нельзя было сдѣлать. А въ спальнѣ она и Абелона перемѣнили все бѣлье и пріодѣли Зигриду и Дагни. Ей бы хотѣлось надѣть на нихъ воскресное платье, но ей казалось, что Эммануилу это не понравится, и потому она только причесала, вымыла ихъ и надѣла чистые передники. Ледди нельзя было тронуть. Онъ спалъ такъ крѣпко, что жаль было будить его.

Она подумала и о мужѣ: онъ только что прошелъ по двору въ своей обычной рабочей блузѣ и большихъ сапогахъ. Она знала, что безполезно настаивать на перемѣнѣ костюма, въ виду визита доктора, поэтому ей оставалось только утѣшаться той мыслью, что по случаю понедѣльника его платье было чисто.

У Эммануила было нѣсколько причинъ, по которымъ ему не хотѣлось видѣть мѣстнаго доктора въ своемъ домѣ. Во-первыхъ, у него было отвращеніе къ медицинской профессіи, потому что ему казалось, что современное общество придаетъ ей слишкомъ много значенія, и считалъ докторовъ причиной изнѣженности и распущенности образованныхъ классовъ современнаго общества. Онъ былъ убѣжденъ, что слѣпая вѣра, съ которой люди отдавались въ руки докторовъ и аптекарей, служила серьезной преградой ихъ здравому, нравственному развитію. Такъ, многіе воображали, что могутъ вознаградить свою тѣлесную невоздержность пилюлями, микстурами и электричествомъ и позволяли себѣ пренебрегать единственно вѣрнымъ и постояннымъ средствомъ исцѣленія — воздержностью, умѣренностью и физическими упражненіями. Кромѣ того, у него было еще спеціальное основаніе избѣгать доктора Гассинга. Докторъ былъ единственнымъ лицомъ, съ которымъ онъ встрѣчался у больныхъ и умирающихъ, не принадлежавшихъ къ кругу «Друзей». Манера держаться и одѣваться, размѣренная походка и церемонныя фразы доктора напоминали Эммануилу тѣ формы соціальной жизни, отъ которыхъ онъ бѣжалъ. Это напоминало ему прежнихъ его знакомыхъ, а онъ не желалъ нарушать покоя той могильной плиты, подъ которой давно уже сложилъ всѣ горькія воспоминанія прошлаго.

Общее мнѣніе всего околотка было таково, что докторъ Гассингъ былъ не особенно хорошій врачъ и что его настоящее призваніе выражалось въ собираніи произведеній искусства, перестройкѣ виллы, устраиваніи званыхъ обѣдовъ и поѣздкахъ заграницу,—короче, въ жизни, настолько пріятной, насколько позволяло ему его довольно значительное состояніе.

Немалую жертву принесъ Эммануилъ, посылая за докторомъ для Ледди; онъ такъ вѣрилъ въ крѣпкое тѣлосложеніе мальчика, что ему казалось даже неблагодарнымъ сомнѣваться. Онъ пошелъ кормить

скотъ и спускать солому въ стойла съ далеко не такимъ веселымъ и бодрымъ настроеніемъ духа, какъ обыкновенно. Къ тому же, онъ нашелъ слѣды поврежденій послѣ вчерашней бури.

Нельзя было не видѣть, что прежній величественный пасторатъ началъ приходить въ упадокъ. Эммануилъ поселился здѣсь въ очень неблагопріятное время для сельскаго хозяйства: цѣны падали, а потребность въ усовершенствованіяхъ увеличивалась. Кромѣ того, его преслѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ со скотомъ и новыми опытами удобренія, которые онъ производилъ для общей пользы. Его домашнее хозяйство также стоило больше, чѣмъ онъ думалъ, и, не смотря на то, что онъ шелъ на работу съ пяти часовъ утра, трудясь неутомимо, ему не удавалось справляться со всей работой, при той помощи, которую онъ могъ себѣ позволить.

Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, онъ отказывался отъ платы за пасторскую службу, кромѣ пользованія землей и пасторатомъ. Онъ жилъ одинаковой жизнью съ «друзьями», жилъ исключительно землей и тотчасъ же по поступленіи потребовалъ, чтобы крестьяне вносили всѣ свои приношенія въ фондъ для бѣдныхъ. Прежде всего ему хотѣлось, чтобы на него смотрѣли не какъ на пастора, а какъ на крестьянина, который, подобно старостѣ и пожарнымъ инспекторамъ, получилъ эту почетную должность отъ прихода. Онъ называлъ себя служителемъ храма и очень доволенъ былъ этимъ выраженіемъ, такъ какъ оно устраняло ненавистное ему «ваше преподобіе».

IV.

Около десяти часовъ Нильсъ вернулся. Докторъ сидѣлъ на своемъ собственномъ складномъ креслѣ, поставленномъ въ повозкѣ, закутанный въ шубу и въ коричневыхъ перчаткахъ. По выходѣ изъ повозки доктора, оба джентльмена молча и чопорно пожали другъ другу руки и вошли на крыльцо. Въ передней докторъ снялъ шубу и оказался въ черномъ сюртукѣ, плотно обхватывавшемъ его стройную фигуру. Въ атласномъ галстухѣ была брилліантовая булавка. Ему было около сорока лѣтъ; лицо, какъ выточенное, съ маленькой бородкой. Въ первую минуту онъ, очевидно, старался не замѣчать страннаго костюма Эммануила и, войдя въ «голлъ», повидимому, не нашелъ въ немъ ничего особеннаго. Онъ даже сбросилъ pince-nez, и, стараясь быть какъ можно естественнѣе, сказалъ:

— Не посмотрѣть-ли мнѣ сейчасъ же вашего паренька?

— Это жена непремѣнно хочетъ знать ваше мнѣніе о болѣзни сына,— отвѣтилъ Эммануилъ, затронутый непріятно тономъ доктора: — я не думаю, чтобы онъ былъ серьезно боленъ... По всей вѣроятности, простая простуда.

— Посмотримъ.

Ганзенэ встала, когда докторъ вошелъ. На этотъ разъ доктору не удалось скрыть нѣкотораго удивленія. Очевидно, слухи или его собственное воображеніе нарисовали совершенно иной образъ жены пастора, о которой такъ много говорили въ Вельби.

— Вашъ сынъ боленъ,—сказалъ онъ съ внезапнымъ сочувствіемъ и пожавъ ея руку:—надѣюсь, что это не серьезно... вашъ мужъ думаетъ, что простая простуда.

Онъ сѣлъ на стулъ около кровати; мальчикъ все еще спалъ; онъ не проснулся даже тогда, когда докторъ, снявъ громадные рукавчики, сталъ ощупывать его голову и пульсъ. Когда онъ дотронулся до ваты привязанной къ уху, ребенокъ открылъ глаза и лежалъ долгое время неподвижно, смотря на чужого человѣка. Онъ, повидимому, очнулся лишь тогда, когда увидѣлъ мать на другой сторонѣ кровати. Снова оглянулъ онъ таинственнаго незнакомца, его черный сюртукъ, бриллiантовую булавку и большіе, бѣлые зубы, и страхъ овладѣлъ имъ.

Ганзенэ осторожно посадила его и проговорила успокоительно:

— Не бойся, мальчикъ. Докторъ хочетъ посмотрѣть на твое ухо. Онъ добрый и поможетъ тебѣ.

Тогда мальчикъ понялъ. Ротъ раскрылся, и слезы показались на глазахъ. Однако, замѣтивъ Эммануила, мальчикъ храбро проглотилъ ихъ. Онъ какъ будто понималъ, что отцу пріятно будетъ, если онъ покажетъ себя смѣлымъ, безстрашнымъ мальчикомъ передъ незнакомцемъ. Докторъ между тѣмъ осматривалъ больное ухо. Его лицо сдѣлалось очень серьезно.

— Какъ долго это продолжалось?—спросилъ онъ.

— За послѣдніе два года онъ часто болѣлъ такимъ образомъ.

Докторъ смотрѣлъ и какъ будто не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Два года?

— Да.

Онъ взглянулъ на Эммануила, который, не понявъ значенія этого взгляда, подтвердилъ слова жены.

Ганзенэ разсказывала доктору всѣ подробности болѣзни, ея періодическое появленіе и тревожное состояніе послѣдней ночи. Докторъ слушалъ внимательно, но, казалось, думалъ свою думу. Наконецъ, онъ спросилъ зажженную свѣчу и сталъ водить ею взадъ и впередъ передъ глазами ребенка, потомъ заложилъ обѣ его руки за голову и, наконецъ, изслѣдовалъ самымъ тщательнымъ образомъ заднюю часть уха. Кожа за ухомъ была растянута, вслѣдствіе начинающейся опухоли.

Все это время Эммануилъ стоялъ спокойно, заложа руки назадъ и наблюдая за докторомъ. Онъ рѣшилъ не противиться на этотъ разъ женѣ и, хотя ему было ужасно жаль мальчика, который, съ крупными слезами на глазахъ, старался не потерять терпѣнія, онъ ни разу не остановилъ доктора.

Но когда тотъ вынулъ ящикъ съ инструментами и досталъ разныя остроконечныя орудія, онъ не могъ больше выдержать.

— Развѣ это дѣйствительно необходимо?—спросилъ онъ довольно враждебно.

Докторъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да, необходимо,—отвѣтилъ онъ коротко и потребовалъ теплой воды, полотенце и нѣсколько другихъ вещей, которыя указывали на операцію. Эммануилъ былъ въ нерѣшимости. Неужели онъ допуститъ это насиліе надъ сыномъ. Онъ едва смѣлъ взглянуть на ребенка, который, увидя инструменты, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и умоляюще смотрѣлъ на отца. Но его еще больше мучила готовность, съ которой Ганзенэ помогала доктору, и хладнокровіе, съ которымъ она отдавала ребенка въ руки этого шарлатана.

Когда докторъ подошелъ съ первымъ инструментомъ—острой серебряной иглой—послѣдняя капля мужества Ледди исчезла: онъ бросился на руки матери. Тогда Эммануилъ вышелъ изъ комнаты. Онъ сѣлъ было въ столовой, но когда послышался раздирающій душу вопль мальчика, Эммануилъ пошелъ въ свой маленькій кабинетъ и старался заглушить звуки своими собственными шагами. Онъ былъ страшно взволнованъ и не могъ понять Ганзенэ. Ему казалось, что его отстранили въ собственномъ домѣ и безстыдно обманули тѣ, въ которыхъ онъ вѣрилъ безусловно.

Черезъ четверть часа послышались голоса въ столовой; войдя туда, онъ встрѣтилъ доктора съ шляпой въ рукахъ, отдающаго послѣднія приказанія. Докторъ простился и вышелъ въ переднюю. Эммануилъ послѣдовалъ за нимъ.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ легко смотрите на болѣзнь вашего сына,—говорилъ, докторъ надѣвая шубу.—Я не хотѣлъ говорить при вашей женѣ... но считаю своей обязанностью предупредить васъ, что положеніе мальчика очень серьезно. У него застарѣлое, и я боюсь, злокачественное воспаленіе, которое, къ сожалѣнію, безъ надлежащаго ухода, распространилось по всѣмъ внутреннимъ проходамъ. Каковъ будетъ исходъ этого воспаленія, я не могу сказать теперь, но мы должны быть готовы къ рѣшительному кризису. Сегодня я сдѣлалъ все, что могъ для облегченія, проколовъ барабанную перепонку, чтобы дать исходъ отдѣленіямъ, велѣлъ положить дрожжей къ ногамъ и холодные компрессы на голову... Теперь остается только держать ребенка въ безусловной тишинѣ, пока не опредѣлится исходъ воспаленія. Еслибъ во снѣ у него показались бы малѣйшіе признаки окоченѣлости—не говоря уже о конвульсіяхъ—посылайте за мной тотчасъ же. Въ этомъ именно главная опасность.

V.

Рѣшительный тонъ доктора и его полное пониманіе болѣзни мальчика подѣйствовали на Эммануила. Какъ только докторъ уѣхалъ, онъ

вернулся въ спальню. Онъ нашелъ Ледди съ повязанной головой и въ глубокомъ изумленіи.

При видѣ отца, ребенокъ улыбнулся, и, когда Эммануилъ сѣлъ около кроватки, онъ сѣлъ безъ всякой помощи и началъ очень серьезно разсказывать все, что дѣлалъ съ нимъ докторъ.

— Что это значитъ, объясни ты мнѣ, пожалуйста,—обратился Эммануилъ къ женѣ, которая въ эту минуту вошла съ Зигридой и Дагни. Во время посѣщенія доктора, дѣтей отправили къ Абелонѣ. — Ребенокъ веселехонекъ! Какой вздоръ тутъ болтали о лихорадкѣ, конвульсіяхъ и, Богъ знаетъ, о чемъ еще!

— Докторъ говорилъ объ этомъ? —вскричала Ганзенэ, внезапно останавливаясь посреди комнаты.

— Ахъ, у всѣхъ докторовъ такая манера! Находятся же люди, которые вѣрятъ въ нихъ! Кто это?

Послышались тяжелые шаги и стукъ трости въ сосѣдней комнатѣ. Черезъ минуту полная и пожилая женщина показалась у дверей:

— Бабушка! бабушка!—закричали и дѣти, и Эммануилъ, протягивая къ ней руки.

— Это я!—сказала она своимъ дѣтскимъ голосомъ, кивая и улыбаясь имъ:—прослышали мы, что вы посылали въ Киндлозе за докторомъ, а меня взялись подвезти до мельницы, я и собралась; хотѣлось провѣдать, что у васъ тутъ дѣлается!

— Надѣюсь, что все это вышло изъ пустяковъ. У Ледди заболѣло ухо, какъ съ нимъ часто бываетъ, а Ганзенэ напугалась и непремѣнно хотѣла показать его доктору.

— Благодареніе Создателю! Значитъ, ничего худого нѣтъ! Мы съ отцомъ понапугались-таки! Мы вѣдь къ докторамъ не привыкли.

Она разстегнула большую серебряную застежку своего тяжелаго зеленаго плаща изъ домотканнаго сукна, сняла платокъ съ головы и пригладила сѣдые волосы. Изъ-подъ золотомъ вышитой шапочки съ красной лентой, завязанной на одну сторону, они выбивались такими же густыми, красивыми прядями, какъ и прежде. Но она полнѣла съ каждымъ годомъ отъ водянки, руки и ноги до того распухли, что она уже не могла выходить изъ дома безъ палки.

— А, такъ вотъ кто у насъ такъ захворалъ, что понадобился докторъ,—сказала она, тяжело опускаясь на стулъ около кроватки и внимательно смотря на мальчика.

Радость видѣть бабушку, не говоря уже о маленькомъ узелкѣ на ея колѣняхъ, зарумянила его щечки и оживила лицо.

— Онъ не выглядитъ больнымъ! Ты просто глупенькая дурочка, Ганзенэ, и пугаешься понапрасну. Точно копенгагенскіе господа, которые лишь только заболитъ что-нибудь, мечутся отъ доктора къ аптекарю. Еслибъ у мальчика не было всей этой сбруи на головѣ, онъ былъ бы совсѣмъ молодцомъ.

Ганзенэ сидѣла на большой кровати, кормя ребенка грудью.

— А докторъ сказалъ, что мальчикъ боленъ и мы должны были бы послать за нимъ давнымъ-давно.—Она старалась защищаться, но оживленное лицо мальчика и безпечность окружающихъ подѣйствовали и на нее успокоительно.

— Ахъ, эти доктора!—смѣялась бабушка, лаская Зигриду, которая прижалась къ колѣнямъ и поглядывала на узелокъ голодными глазами:—еслибъ все дѣлалось, какъ говорятъ доктора, мы бы давно лежали въ могилѣ. Представь себѣ, намедни сказали, что маленькая дѣвочка Пера Персена проглотила иголку. Докторъ ее напичкалъ картофелемъ и непропеченнымъ хлѣбомъ до того, что она чуть не задохлась... а иголку-то нашли! Какъ живая, торчала въ бабушкиной подушкѣ...

— Докторъ не виноватъ въ этомъ,—проговорила Ганзенэ.

— Можетъ быть, и нѣтъ! Ну, а Сёренъ Зейлеръ! Это было еще во времена доктора Веловъ, котораго считали ученѣе этого Гассинга. Велёвъ сказалъ, что Сёренъ не проживетъ больше трехъ дней. Вся семья ударилась въ хлопоты; дѣлили имущество, писали инвентарь, натирали полъ въ большой комнатѣ для похоронъ, да, кажется, и гробъ заказали, а черезъ три дня Сёренъ ходилъ себѣ, какъ обыкновенно, съ трубкой въ зубахъ, и живъ до сихъ поръ, хотя ему около девяти десятковъ. Какъ тебѣ это нравится? Нѣтъ, нѣтъ, желала бы я, чтобы эти господа доктора не мѣтили такъ высоко и предоставили бы Богу управлять жизнью и смертью, тогда бы меньше было несчастій.

— Совершенная правда! Это мои собственныя слова, — сказалъ Эммануилъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки назадъ.

— По моему, лучше бы пользоваться домашними средствами, какъ бывало въ старину, а не бросаться на эти докторскія ядовитыя снадобья,—продолжала бабушка:—я, хоть и второпяхъ, но захватила съ собой успокоительный сиропъ и ангельскій бальзамъ. Не знала я въ чемъ дѣло! Потомъ я зашла къ Моренъ Нисенъ и взяла у ней сала, которое она приготовляетъ для нарывовъ...

Говоря это, она доставала изъ узелка нѣсколько пакетовъ, отъ которыхъ сильно пахло травами. Наконецъ она вынула три розовыя, сахарныя свинки и раздала дѣтямъ. Ледди взялъ свою конфекту съ той застѣнчивой улыбкой, которой онъ обыкновенно выражалъ благодарность, а Зигрида выхватила ее и полетѣла съ нею въ другую комнату.

— Каково вы сами-то живете-можете, Эльза?—спросилъ Эммануилъ, чтобы перемѣнить разговоръ. Онъ видѣлъ по лицу Ганзенэ, что ее мучитъ раскаяніе и ему стало жаль ее:—дѣдушка, вѣроятно, гордится своей рѣчью на послѣднемъ собраніи? Это была торжественная минута.

— Да, какже! Онъ радовался, какъ ребенокъ. Онъ никогда не думалъ быть ораторомъ, но благодаритъ Господа Бога, что удостоился сдѣлаться Его орудіемъ. Кто же, какъ не Богъ, вложилъ въ его уста

настоящія слова въ настоящую минуту? Такому старику это великая милость.

Въ эту минуту Абелона явилась съ извѣстіемъ, что обѣдъ поданъ. Эммануилъ старался удержать бабушку, но она обѣщала Кристену Ганзенъ встрѣтить его опять на мельницѣ, и ей пора было отправляться.

— Надо поспѣвать домой и успокоить отца. Онъ боится, не случилось-ли чего очень дурного.

Она снова застегнула плащъ и надѣла платокъ на голову.

— Ну, смотри же, Ледди, пріѣзжай къ намъ въ воскресенье, и если красная корова отелится, я тебѣ испеку булку на новотельномъ молокѣ.— Повернувшись къ Эммануилу, она добавила:—отецъ продалъ пеструху, но цѣны нынче изъ рукъ вонъ плохи!

VI.

Конецъ длиннаго стола накрытъ былъ коричневой клеенкой. На немъ были двѣ дымящіяся глиняныя миски со щами, половина ржаного хлѣба, блюдце съ крупной солью и кувшинъ съ водой, накрытый деревянной крышкой. Эммануилъ занялъ свое мѣсто на концѣ стола. У окна налѣво сидѣли Нильсъ и старый Сёренъ-пастухъ; онъ былъ весь—кости и кожа; голова какъ бы вся состояла изъ двухъ громадныхъ челюстей; нижняя часть лица и вся шея покрыты были волосами, точно щетиной. У него былъ красный носъ, и волосы спускались на лобъ, какъ будто ему посыпали голову пепломъ. Но самою любопытною частью его тѣла несомнѣнно были уши—большія, плоскія, изуродованныя, вродѣ крыльевъ летучей мыши.

Ганзенэ съ дѣтьми и Абелоной сидѣла на другой сторонѣ стола. Кромѣ нихъ за столъ сѣла еще какая-то дряхлая старушка съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами и двое ребятишекъ съ улицы, которые, по обычаю бѣдняковъ, пришли въ обѣденный часъ и, повидимому, чувствовали себя какъ дома. Ледди остался въ постели. Послѣ ухода бабушки онъ легъ и, обнявъ свою сахарную свинку, снова заснулъ.

Передъ обѣдомъ всѣ наклонили головы, пока Эммануилъ прочелъ молитву, и всѣ хоромъ отвѣтили аминь, когда онъ кончилъ.

Сначала они ѣли молча. Слышно было только, какъ скребли роговыя ложки о глиняныя тарелки и прихлебываніе нѣсколькихъ ртовъ. Сёренъ въ особенности былъ слышенъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ кусокъ горячей свинины, между каждой ложкой щей мокалъ мясо въ соль и откусывалъ кусокъ. Даже Эммануилъ ѣлъ съ тѣмъ жаднымъ аппетитомъ, который развивается при постоянной трудной, физической работѣ и непитательной пищѣ. Нильсъ же былъ такъ занятъ сегодня своими литературными дѣлами, что ему некогда было думать о тѣлѣ. Онъ сидѣлъ согнувшись, машинально и медленно гло-

талъ щи ложку за ложкой и посматривалъ своими маленькими, черными глазами то на Эммануила, то на Абелону, какъ бы ожидая, что хозяинъ заговоритъ о его новой статьѣ.

Но у Эммануила были другія мысли въ головѣ. Онъ рѣшилъ отправиться въ Скиберупъ и узнать, нѣтъ-ли чего новаго изъ парламентскихъ кружковъ. Послѣднее время ему не сидѣлось дома; ежедневно появлялись новые и новые тревожные слухи. 31-е марта, конецъ финансоваго года, надвигалось. Этотъ день, кто знаетъ, могъ стать гранью между двумя вѣками.

— Не слыхали-ли чего изъ Копенгагена?—спросилъ онъ, когда кончилъ ѣсть: — ты, Сёренъ, всегда знаешь, что дѣлается въ политикѣ.

— Да, случается, что и знаю, — отвѣчалъ Сёренъ съ полнымъ ртомъ, приподнимая брови съ видомъ дипломата. У него былъ племянникъ въ парламентѣ, и поэтому друзья смотрѣли на него, какъ на оракула въ политическихъ дѣлахъ.—Мнѣ сдается, какъ будто у нихъ что-то нарождается; пожалуй, насъ скоро позовутъ и на крестины.

— Ты намекаешь на распущеніе парламента... новые выборы, а? Думаешь, правительство снова обратится къ этому средству? Но что хорошаго можетъ это дать?

— Конечно, ничего, но пора бы и намъ сказать свое слово.

— Да, въ этомъ ты правъ, Сёренъ. Давно бы пора. Не было бы горечи, которая теперь накопилась!

Видя, что всѣ кончили ѣсть и даже Сёренъ положилъ ложку, предварительно облизавъ и вытеревъ ее большимъ пальцемъ, Эммануилъ снова прочелъ молитву и всѣ разошлись.

Эммануилъ, по обыкновенію, отправился къ своему клеенчатому дивану, чтобы подкрѣпиться сномъ предъ походомъ въ Скиберупъ. Сёренъ направился черезъ дворъ въ сарай, гдѣ онъ зимой и лѣтомъ спалъ послѣ обѣда на соломѣ и храпѣлъ такъ, что вспугивалъ всѣхъ воробьевъ. Нильсъ пошелъ къ себѣ въ комнату около конюшни, которую онъ выбѣлилъ и устроилъ такъ, чтобы она походила на кабинетъ. Умывальный столъ былъ передѣланъ въ письменный. Надъ нимъ устроены были полки съ книгами въ очень порядочныхъ переплетахъ, и длинный рядъ трубокъ прилаженъ тщательно по росту вдоль стѣны. Надъ кроватью висѣла фотографія высшей школы въ Сандинжѣ—учителя и воспитанники у воротъ, обвитыхъ плющемъ; старый директоръ стоялъ среди группы съ круглымъ лицомъ, длинными локонами и въ громадной шляпѣ.

Нильсъ набилъ длинную трубку, поставилъ табачную жестянку на мѣсто въ уголкѣ окна, сѣлъ къ столу и вытянулъ ноги. Посидѣвъ нѣсколько времени и наполнивъ всю комнату непроницаемыми клубами дыма, онъ вынулъ газету «Народный Вѣстникъ», осторожно разложилъ на столѣ и началъ читать.

Воскресные досуги въ деревнѣ.
Письмо къ молодежи.

«Сегодня я хочу поговорить о воскресныхъ досугахъ въ деревнѣ. Какъ грустно видѣть, когда молодые люди, даже молодыя дѣвушки тратятъ часы досуга по воскресеньямъ и послѣ работы въ будни на всевозможные свѣтскіе и безполезные пустяки, каковы, напр., игра въ кегли на деньги или водка, при чемъ нерѣдко мужчины напиваются, кричатъ, какъ дикіе звѣри, и предаются всякимъ безчинствамъ. Такія сцены должны возбуждать негодованіе въ каждомъ интеллигентномъ человѣкѣ; казалось бы, есть кое-что высшее, о чемъ слѣдуетъ думать и къ чему стремиться... Здѣсь, въ этой мѣстности, благодаря нашимъ прекраснымъ учителямъ и руководителямъ, не видать такого поведенія. Но въ другихъ приходахъ—это общее явленіе, и потому я взываю къ молодежи, дабы мы всѣ могли соединиться и бороться за побѣду духа надъ мракомъ рабства и воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

«Грядите все благословенные
«Къ столицѣ красоты и свѣта».

Н. Нильсенъ Дамгардъ».

Пасторатъ Вельби. 1-го марта 1885 г.

VII.

Когда Эммануилъ вернулся вечеромъ домой изъ Скиберупа, Ледди спалъ; онъ не просыпался ни разу съ обѣда,

— Вотъ видишь!—сказалъ онъ Ганзенэ.—Онъ такъ уменъ, что проспитъ всю болѣзнь. Завтра будетъ на ногахъ!

Ганзенэ молчала, но ни въ какомъ случаѣ не раздѣляла мнѣнія мужа; этотъ долгій сонъ казался ей неестественнымъ и напоминалъ ей болѣзнь одного мальчика—брата ея подруги, Анэ, который умеръ отъ мозговой болѣзни и за которымъ она ходила. Она пробовала будить Ледди и предлагала поѣсть, но онъ полуоткрывалъ глаза, смотрѣлъ на нее страннымъ, тупымъ взглядомъ и отказывался ѣсть, но раза два пилъ съ жадностью, засыпая послѣ того сейчасъ же.

Около полуночи она и Эммануилъ были разбужены страннымъ шумомъ, который они не могли понять. Какъ будто кто-то кололъ дрова въ кухнѣ. Черезъ секунду Ганзенэ внезапно поняла, что это двигалась кроватка Ледди.

— Зажги ночникъ,—сказала она:—это Ледди!

Эммануилъ зажегъ спичку и при ея свѣтѣ увидалъ, что руки ребенка судорожно бились. Ганзенэ подбѣжала въ нему, вынула подушку изъ-подъ головы и стала держать ему руки; тѣло мальчика дрожало съ головы до ногъ.

Эммануилу удалось тѣмъ временемъ зажечь ночникъ. Онъ не могъ понять, что дѣлалось вокругъ него. Сначала онъ подумалъ, что ребенокъ играетъ, но когда увидалъ, что Ганзенэ вынула шпильку изъ

своихъ волосъ и старалась пропустить ея круглый конецъ въ ротъ ребенка, онъ вскричалъ въ испугѣ:

— О Боже! что ты дѣлаешь Ганзенэ? Что съ нимъ?

Въ эту минуту ночникъ вспыхнулъ ярко; онъ увидалъ, что лицо Ледди потемнѣло, зубы стиснуты и губы покрыты пѣной. Тогда слова доктора пришли ему на умъ.

— Вѣдь это.... это не конвульсіи, Ганзенэ?

Она кивнула утвердительно.

— Пошли за докторомъ,—прибавила она. Эммануилъ стоялъ какъ пораженный громомъ:—надо поскорѣе. Ледди очень боленъ.

— Да, да,—сказалъ онъ, какъ бы пробуждаясь отъ транса, быстро накинулъ платье и побѣжалъ будить людей. Увидя огонь въ окнѣ Нильса, онъ закричалъ съ крыльца:

— Нильсъ! Нильсъ!...

Въ тишинѣ ночи его крикъ раздался, какъ крикъ о помощи, и Нильсъ показался въ дверяхъ. Онъ былъ въ жилетѣ съ открытой книгой и длинной трубкой въ рукахъ.

— Запрягай сейчасъ, Нильсъ, и поѣзжай за докторомъ. Ледди очень боленъ.

— За докторомъ?—повторилъ Нильсъ, глядя на разстроенное лицо Эммануила: — дороги не видать! Темно, какъ...

— Надо ѣхать. Позови Сёрена, пусть ѣдетъ съ тобой съ фонаремъ... Лошади знаютъ часть дороги.

Нильсъ продолжалъ возражать, но Эммануилъ прервалъ его сразу.

— Дѣлай, какъ я тебѣ велю. Не теряй времени на возраженія,— вскричалъ онъ въ такомъ гнѣвѣ, что Нильсъ остолбенѣлъ: — ты слышишь, Ледди очень боленъ, и докторъ долженъ быть здѣсь какъ можно скорѣе. Разбуди Сёрена сейчасъ же и соберитесь немедленно.

Когда онъ вернулся въ спальню, Ганзенэ все еще была у кроватки и держала Ледди въ рукахъ.

— Не послать-ли за твоей матерью? Можетъ быть, тебѣ съ ней будетъ легче.

— Нѣтъ, не надо. Но разбуди Абелону, вели ей затопить печку и вскипятить воды въ новомъ котелкѣ.

— Хорошо, хорошо.

Онъ встрѣтилъ Абелону въ кухнѣ; шумъ разбудилъ и ее. На ней была нижняя юбка, въ одной рукѣ она держала свѣчу, а другой запахивала ночную кофту на груди.

— Что, Ледди хуже?—спросила она, блѣдная отъ испуга.

— Да, затопи сейчасъ же печь и поставь воды въ большомъ котелкѣ; поторопись.

— Онъ очень боленъ?

— Да, какъ будто не слышишь! Поторопись!—сказалъ Эммануилъ необычнымъ для него рѣшительнымъ тономъ.

Онъ вернулся въ спальню, Лецди былъ спокоенъ и, казалось, мирно спалъ. Ганзенэ, успѣвшая накинуть на себя платье, сидѣла нагнувшись надъ его изголовьемъ. Выраженіе ея лица было натянуто, почти жесткое, какъ бывало съ ней всегда въ минуты сильнаго волненія.

Эммануилъ осторожно подошелъ и сѣлъ по другую сторону кровати.

— Что съ нимъ, Ганзенэ? Какъ это сдѣлалось, понимаешь-ли ты? Вчера послѣ обѣда онъ былъ совсѣмъ веселенькій... а теперь! Какъ ты думаешь, что это за болѣзнь?

— Не знаю,—отвѣчала она и какъ бы не въ силахъ высказать мысль, которую онъ затронулъ своими вопросами, она перешла къ другому: — ты разбудилъ Нильса?

— Да, онъ уже запрягаетъ.

Въ эту минуту руки и плечи ребенка снова задергались, маленькіе кулачки стиснулись крѣпко, вѣки приподнялись надъ неестественно расширенными зрачками... все предвѣщало новый припадокъ.

Эммануилъ не могъ выносить этого вида. Онъ ощупью вышелъ на крыльцо и, увидя Нильса и Сёрена, возившихся у экипажа съ фонаремъ, закричалъ съ отчаяннымъ нетерпѣніемъ:

— Боже милостивый! что вы тамъ копаетесь! Скоро-ли вы поѣдете?.. Скажи доктору, Нильсъ, чтобы онъ ѣхалъ тотчасъ же, ребенокъ въ конвульсіяхъ!

Мальчику дѣлалось хуже и хуже. Лицо потемнѣло, и, не смотря на всѣ предосторожности, въ одинъ изъ припадковъ онъ прикусилъ языкъ, и кровь сочилась изъ уголковъ рта.

Эммануилъ долженъ былъ напрягать всю свою силу воли, чтобы не поддаться дикому отчаянію, въ виду непостижимой тайны, какой казалась ему судьба его ребенка. Онъ еще не терялъ надежды, что болѣзнь оставитъ его такъ же быстро, какъ и налетѣла нежданно, негаданно. Онъ утѣшалъ и себя, и Ганзенэ, что у дѣтей, при малѣйшемъ безпорядкѣ въ организмѣ, бываютъ конвульсіи и помогалъ ей ухаживать за больнымъ. Но когда часы проходили, не принося ни малѣйшаго улучшенія, мужество его оставило; вся надежда была теперь на доктора. Еще задолго до того времени, когда возможно было ожидать его пріѣзда, Эммануилъ вскакивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Наконецъ, въ концѣ четвертаго часа, онъ взялъ шляпу и вышелъ. Ему казалось, что съ Нильсомъ что-нибудь случилось дорогой или что онъ не нашелъ доктора дома. Онъ не могъ себѣ представить иначе, почему ихъ такъ долго не видать? Онъ остановился на крыльцѣ, вслушиваясь... Ни звука! Онъ ощупью пробрался заросшимъ, старымъ садомъ къ земляному валу, откуда днемъ можно видѣть дорогу въ Киндлёзе. Съ бьющимся сердцемъ смотрѣлъ онъ въ темную ночь, въ надеждѣ увидѣть свѣтъ фонарей. Но небо и земля сливались въ одинъ общій мракъ.

Внезапно ему показалось, что этотъ непроницаемый мракъ и неумолимая тишина что-то разрушили въ его собственномъ сердцѣ. Какъ

человѣкъ, который внезапно увидалъ зіяющую пропасть у своихъ ногъ, онъ сжалъ свою голову и простоналъ почти безсознательно: о! это слишкомъ ужасно!

Докторъ пріѣхалъ на разсвѣтѣ. Задержка произошла по пути въ Киндлозе; Нильсъ въѣхалъ въ такую глубокую канаву, что пришлось будить людей по сосѣдству, чтобы вытащить экипажъ.

Какъ только докторъ увидалъ ребенка, онъ далъ ему пріемъ мускуса, который сейчасъ же облегчилъ больного. Окоченѣлые члены отошли, глаза закрылись и мальчикъ заснулъ.

Нѣсколько минутъ сидѣли всѣ трое молча вокругъ кроватки, наблюдая, какъ исхудавшее лицо ребенка принимало свое обычное выраженіе. Казалось, ни у одного изъ нихъ не хватало мужества прервать молчаніе; какъ будто они всѣ находились подъ вліяніемъ слабаго свѣта почника, который дѣлалъ комнату похожей на склепъ. Лампадка догорала и бросала блѣдный свѣтъ на ихъ лица; начинало разсвѣтать, и оконныя рамы выступали на закрытыхъ ставняхъ, какъ два неясные креста въ зарождающемся, утреннемъ свѣтѣ.

Эммануилъ, доведенный до отчаянія за послѣдніе часы страданій ребенка, держалъ обѣ руки Ганзенэ въ своихъ и пожималъ ихъ судорожно, какъ бы ища въ ней силы высказать мучившій его вопросъ. Онъ осмѣлился наконецъ и спросилъ мнѣніе доктора о ходѣ болѣзни.

Докторъ Гассингъ взглянулъ на обоихъ, какъ бы желая узнать, насколько онъ можетъ высказаться.

— Нельзя не сознаться,—началъ онъ, очевидно, съ большимъ усиліемъ:—что вашъ сынъ серьезно боленъ... и я не могу скрыть отъ васъ...

— Но у мальчика прекрасное тѣлосложеніе,—прервалъ его Эммануилъ, какъ бы защищаясь отъ безнадежнаго приговора:—за исключеніемъ этой ушной боли, у него никогда ничего не бывало. Къ тому же, и я, и жена совершенно здоровы и сильны, и наслѣдственное зараженіе невозможно.

Въ глазахъ доктора появилось выраженіе жалости, отъ которой онъ никакъ не могъ отдѣлаться по отношенію къ Эммануилу.

— Конечно,—сказалъ онъ опуская глаза:—тѣлосложеніе имѣетъ большое значеніе.

Какъ предвидѣлъ докторъ заранѣе, въ положеніи мальчика не произошло никакой перемѣны въ слѣдующіе нѣсколько дней. Онъ большею частью лежалъ съ полуоткрытыми глазами въ тяжеломъ забытьи подъ вліяніемъ мускуса, не принимая пищи и не узнавая окружающихъ. Когда ему дѣлали перевязку, слабая улыбка напоминала его прежнее обычное заявленіе, «что у него теперь ничего не болитъ»; въ остальное время лицо его было совершенно безучастно, и казалось свѣтъ жизни потухъ уже въ его полузакрытыхъ глазахъ.

Ганзенэ ухаживала за нимъ днемъ и ночью, съ своимъ обычнымъ терпѣніемъ и самообладаніемъ. Смотря на нее, никто бы не подумалъ,

что она знаетъ судьбу сына; а между тѣмъ съ первой конвульсіи она уже поняла, что ему осталось жить лишь нѣсколько дней.

Эммануилъ же надѣялся до самаго конца. Даже когда докторъ, въ слѣдующее свое посѣщеніе, сообщилъ ему въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, что ему надо быть готовымъ къ смерти сына, онъ продолжалъ вѣрить въ могущество крѣпкаго тѣлосложенія мальчика и своихъ собственныхъ молитвъ. При малѣйшемъ проблескѣ жизни въ лицѣ мальчика, Эммануилъ видѣлъ симптомы того, что молитвы его услышаны. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобы Всемогущій отнялъ у него ребенка, котораго онъ съ перваго дня рожденія считалъ особеннымъ залогомъ благословенія и милости Божьей. Только когда наступили очевидные признаки смерти, онъ предался отчаянію. По часамъ сидѣлъ онъ у кроватки, громко рыдая, такъ что наконецъ Ганзенэ стала бояться за его разсудокъ... Всякая работа въ полѣ и на дворѣ была заброшена, такъ какъ малѣйшій звукъ извнѣ усиливалъ его боль. Онъ велѣлъ запереть всѣ двери и ворота, и самые близкіе друзья не допускались въ домъ, когда они приходили освѣдомиться о мальчикѣ; всякое постороннее лицо было ему въ тягость. Наконецъ, вечеромъ слѣдующаго дня, когда солнце закатилось за холмами, окрашивая убѣгающія облака краснымъ цвѣтомъ, мальчикъ навѣки успокоился. Когда Эммануилъ увидалъ приближающуюся смерть и почувствовалъ могильный холодъ, охватывающій тѣло ребенка, въ немъ поднялась отчаянная борьба и желаніе спасти его, во что бы то ни стало. Онъ взялъ ребенка, закутаннаго въ одѣяло, на руки, какъ бы защищая его отъ объятій смерти. Ганзенэ умоляла его успокоиться и положить ребенка въ постель, но онъ не слыхалъ ея. Со слезами, лившимися непрестанно изъ глазъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прижимая ребенка къ своей груди, то укачивая его, то молясь поперемѣнно, какъ будто его муки и отчаяніе могли заставить Бога сжалиться... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствовалъ, что маленькое тѣло вытянулось въ его рукахъ, и голова съ глубокимъ вздохомъ упала ему на грудь. Послѣдняя надежда улетѣла—ребенокъ умеръ.

Тогда духъ его смирился передъ волей Всемогущаго. Слезы остановились; онъ спокойно положилъ маленькое тѣло на кровать, закрылъ ему глаза и, приложивъ руку ко лбу, сказалъ въ глубокой думѣ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ; да благословенно будетъ имя Его во вѣки.

VIII.

Похороны должны были совершиться черезъ недѣлю при, обычномъ похоронномъ звонѣ и съ большимъ поминальнымъ обѣдомъ для провожатыхъ. Въ своемъ глубокомъ унынiи Эммануилу хотѣлось бы устроить ихъ какъ можно тише; но онъ всегда такъ ревностно защищалъ сохраненіе старинныхъ крестьянскихъ обычаевъ, что отступать

отъ нихъ самому теперь было невозможно; и такъ уже онъ возбудилъ недовольство своимъ отказомъ принять друзей, приходившихъ узнавать о состояніи здоровья Ледди въ послѣдніе дни.

Большая суматоха царствовала въ пасторатѣ. Шла всеобщая чистка, и въ кухнѣ готовилось угощеніе, точно на свадьбу или крестины. Эммануилъ былъ благодаренъ Ганзенэ за то, что она сама распоряжалась такъ спокойно и съ полнымъ самопожертвованіемъ взяла все на свои плечи, но въ то же самое время удивлялся, какъ могла она въ такомъ горѣ думать о всѣхъ мелочахъ, и почти оскорбился, что она не уронила ни одной слезы, когда Ледди завернули въ саванъ.

Въ его чрезмѣрномъ напряженіи ему казалось, что онъ одинокъ въ своемъ горѣ, и, хотя онъ сознавалъ свою несправедливость и боролся противъ нея, но проводилъ большую часть времени въ своемъ кабинетѣ на диванѣ или въ саду, предаваясь своему горю въ одиночествѣ.

Ему больше нравилось быть въ саду и въ большомъ, заросшемъ уединенномъ паркѣ, который окружалъ пасторатъ, какъ маленькій первобытный лѣсъ. Онъ бродилъ въ немъ цѣлыми часами, выбирая самыя отдаленныя аллеи, куда не доходилъ ни запахъ кухни, ни голоса людей, прибиравшихъ домъ.

Весна коснулась уже земли, травка начинала зеленѣть, тернъ выпустилъ желтоватую бахрому листвы, въ воздухѣ пахло фіалками и полудикими буковицами. Жаворонки пѣли въ голубой вышинѣ, скворцы и синицы чирикали въ листвѣ деревьевъ, теплый вѣтерокъ разносилъ ароматъ земли. Но Эммануилъ ничего этого не видалъ и не сознавалъ; для него дорожки полны были лишь звуками Ледди, онъ видѣлъ его лицо между деревьями и каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо взрытой земли, гдѣ Ледди недавно похоронилъ ворону, онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ ясно различалъ слѣды его маленькихъ деревянныхъ башмаковъ и отпечатокъ пальцевъ тамъ, гдѣ мальчикъ тщательно прижалъ землю и воткнулъ крестъ, сдѣланный изъ вербы. Крестъ все еще стоялъ нетронутый, а въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ забытый хлыстъ его собственной работы и пять ржавыхъ гвоздей въ кучкѣ.

Въ день похоронъ флаги были подняты до половины и съ полудня всѣ дороги и тропинки покрыты повозками и пѣшеходами; улицы Вельби были усыпаны елкой, и даже самыя маленькія дѣти были въ праздничныхъ одеждахъ и возбужденно перебѣгали съ мѣста на мѣсто съ разными сластями въ рукахъ. Въ пасторатѣ всѣ комнаты были открыты, но и въ нихъ не хватало мѣста для всѣхъ. На дворѣ и лугу размѣстилось множество повозокъ и ржали лошади.

Гробъ Ледди, поставленный на двѣ табуретки, былъ сплошь покрытъ гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ и крестами, вышитыми бисеромъ по серебряному и золотому картону; на нѣкоторыхъ были напечатаны надписи, на другихъ стихи. Около него все время были толпы народа, въ особенности женщинъ, которыя, сложивъ молитвенно руки, любо-

вались убранствомъ и читали надписи шепотомъ: «спи сладко», или «ты былъ какъ ангелъ» и т. п. Обѣденный столъ былъ накрытъ въ большой комнатѣ. Эммануилъ и Ганзенэ стояли у входа, привѣтствуя гостей. Бабушка Эльза, Абелона и нѣсколько рабочихъ помогали служить за столомъ, и голосъ Эльзы слышался постоянно среди сдержаннаго говора.

— Садитесь, друзья, милости просимъ, будьте, какъ дома.

Чувствовалось необычное смущеніе. Рѣдко на похоронахъ попадалось столько взволнованныхъ лицъ, столько озабоченныхъ разговоровъ шопотомъ. Причиной этого унынія была не только смерть мальчика, но и постоянныя, безпокойныя вѣсти изъ Копенгагена. Всѣ знали, что вчерашній день долженъ былъ рѣшить вопросъ, но извѣстій еще не было. Боялись худшаго. Угрозы слышались въ парламентѣ, и настойчивый отказъ министерства на всякую попытку примиренія указывалъ на дѣйствительное намѣреніе установить произволъ вмѣсто закона.

Предсѣдатель приходскаго совѣта стоялъ, съ заложенными назадъ руками, на верандѣ, двери которой были открыты, по случаю настоящаго событія; его окружали люди, желавшіе знать его мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Его носъ былъ замѣчательно блѣденъ сегодня, и въ словахъ чувствовалась сдержанность. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы, видимо желая успокоить окружающихъ.

— Подождемъ событій, друзья! И что бы ни случилось, будемъ спокойны! Главное—не надо волноваться и вдаваться въ крайности! Если только мы будемъ держаться твердо, мы одержимъ побѣду, будьте въ этомъ увѣрены.

Всѣ спрашивали о ткачѣ. Знали, что онъ отправился въ городъ рано утромъ и разсчитывали, что онъ можетъ вернуться къ обѣду. Но его все не было. Раздался похоронный звонъ; люди стали садиться въ повозки.

Былъ ясный, солнечный день съ голубымъ небомъ, поля начинали зеленѣть и жаворонки пѣли звонко. Среди всего этого веселья и ясности, длинная, похоронная процессія, по извивающейся среди полей дорогѣ, казалась вдвойнѣ печальной. Желаніе Эммануила было похоронить мальчика въ Скиберупѣ, на мѣстѣ, принадлежащемъ семьѣ дѣдушки Андреа Іергенъ. Ему давно нравилось это мѣсто своимъ видомъ на фіордъ и торжественной тишиной, прерываемой лишь криками морскихъ чаекъ.

Послѣ часа ѣзды, процессія достигла кладбища. Толпа молодыхъ дѣвушекъ усѣвала дорогу вѣтками елки и мохомъ, процессія слѣдовала за ними и пѣла гимнъ. Въ эту минуту разнесся слухъ, что Ганзехъ ткачъ пріѣхалъ. Вопросы и отвѣты шопотомъ переходили изъ устъ въ уста, и прежде, чѣмъ гробъ опустили въ могилу, всѣ уже узнали, что «невозможное» свершилось: конституція нарушена, парламентъ распущенъ, подати собирались властью.

Мало вниманія обратили на маленькую рѣчь, въ которой Эммануилъ,

*

стараясь подавить слезы, прощался съ своимъ сыномъ, благодарилъ его за тѣ шесть лѣтъ, которыя они провели въ счастливомъ сообществѣ; едва брошены были три первыя лопаты земли и прочтена молитва, какъ всѣ разошлись съ громкими выраженіями негодованія.

Одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые не замѣтили общей тревоги, былъ Эммануилъ; онъ стоялъ у могилы съ Ганзенэ, Эльзой и слѣпымъ дѣдомъ, пока самые близкіе друзья, согласно обычаю, зарывали могилу. Онъ не двинулся, пока люди не кончили своей работы, и, наконецъ, сложивъ лопаты крестообразно на маленькомъ холмикѣ, не начали молча молиться.

Тѣмъ временемъ толпа собралась за воротами кладбища. Въ общемъ смятеніи искали предсѣдателя приходскаго совѣта, но его нигдѣ не могли найти. Наконецъ, узнали, что онъ уѣхалъ сейчасъ же послѣ похоронъ. Ткачъ также исчезъ; нѣкоторые говорили, что онъ ушелъ вмѣстѣ съ Маренъ Смедсъ. Изъ всего приходскаго совѣта, на лицо оказался лишь маленькій, краснощекій крестьянинъ изъ Вельби. Этотъ человѣкъ выбранъ былъ въ совѣтъ, въ благодарность за свои заслуги по молочному дѣлу, и теперь, когда его окружила молодежь, требуя свѣдѣній, онъ былъ такъ перепуганъ, что готовъ былъ заплакать.

Ткачъ дѣйствительно ушелъ съ Маренъ Смедсъ—маленькой, некрасивой, бѣдноодѣтой женщиной, которая когда-то говорила рѣчи въ собраніяхъ и которую всегда встрѣчали враждебно за ея нападенія, полныя ненависти, на ораторовъ. Жизнь этой женщины постоянно переходила отъ одной крайности къ другой; теперь она, наконецъ, достигла мирной пристани въ «святости». Она и три-четыре другихъ женщины ежедневно собирались на молитву въ ея лачугѣ среди запущенныхъ полей. Громкими, пронзительными голосами, слышными на далекое разстояніе, онѣ читали Библію, пѣли гимны и проклинали остальныхъ безбожныхъ прихожанъ. Казалось страннымъ, что ткачъ взялъ ее за послѣднее время подъ свое покровительство. Нѣкоторые даже утверждали, что онъ иногда ходилъ къ ней на молитву; во всякомъ случаѣ, ихъ часто встрѣчали вмѣстѣ на тропинкѣ, ведущей къ ея лачугѣ.

Они шли теперь какъ разъ по этой тропѣ,—Маренъ впереди, разговаривая и жестикулируя своей сухой, костеобразной рукой; ткачъ шелъ за ней молча. На самомъ дѣлѣ онъ пошелъ съ ней, чтобы избѣжать другихъ компаньоновъ, и когда они отошли на нѣкоторое разстояніе отъ церкви, онъ простился съ ней во имя Іисуса и пошелъ по полю къ Скиберупу. Онъ остановился на минуту на верху горы, съ которой видна была вся долина, и смотрѣлъ съ торжествующей улыбкой на толпу удрученныхъ горемъ людей въ траурныхъ одеждахъ, медленно подвигавшихся по дорогѣ домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы.
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой казни
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца,
Открывши сердце для боязни!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна—ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайный срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной...
. . . . . .
И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ
И роковое зло свершится,—
О, знайте: нѣтъ людей, на вѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться!
Ничто, ничто печаль души не усыпитъ,
Она растетъ, растетъ съ годами...
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами.
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья... О, скорбь! О, стыдъ!—друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать...
Міръ облечется въ трауръ вѣчный!

Но пусть простятъ друзья... иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука—
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы—подозрѣнье;
Все кто-то будетъ вамъ шептать: «Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!»

Чрезъ много, много лѣтъ, когда, попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,
Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,
Не разъ, какъ Божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ... И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая!
. . . . . .

П. Я.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(ихъ переписка).

Послѣдній разъ я писала тебѣ 29-го апрѣля, теперь ужъ 2-ое мая и все это время мнѣ не было минуты сказать съ тобою слова!.. Какъ это тяжело, я была болѣе нежели больна; такъ много видѣла, такъ много слышала, то-есть, глазами и ушами, и такъ устала и ни минуты отдыха! Невыносимо—я выношу все, и все прощаю *имъ!* Правда, въ эти дни были два часа дивные, святые, я ихъ такъ ждала, такъ ждала, и они наградили меня вполнѣ—это *всенощная.* Ты знаешь, для молитвы не нужно ни времени, ни мѣста, вся душа, вся жизнь должна быть молитва, и какже ихъ ограждать, стѣснять каменными стѣнами, какъ устремлять на иконостасъ, сдѣланный руками людей, и какихъ людей, и какъ сдѣланный? Но, проведя долгое время съ *ними*, не имѣя свободы и ночью даже (потому что у насъ жило одно изъ тѣхъ существъ, которыхъ ты называешь сволочью), я боялась, чтобъ у меня не отняли и этихъ двухъ часовъ, но на этотъ разъ *имъ* искренняя благодарность! У насъ служатъ въ теплой церкви, въ холодную отворена дверь, и я стала тамъ одна—далеко отъ меня молилась старушка, передъ иконами горѣли двѣ лампады, слышно пѣніе... Блѣднѣютъ на душѣ полосы, проведенныя толпою, стихаетъ голосъ сильнаго страданія, закрываются и самыя раны, миръ низлетаетъ на душу и обнимается съ любовью... Островъ покоя! Подумала я, какъ пусто тамъ за этими стѣнами, гдѣ все волнуется, какъ море, гдѣ люди, какъ волны, то высоко, то низко, гдѣ все безмолвно, лишь одинъ шумъ, одинъ ропотъ... а здѣсь?—гимны, бесѣда Создателя съ созданьемъ, здѣсь свѣтъ и миръ Христовъ! а я не хотѣла пространства, не хотѣла высоты, они были со мною, во мнѣ. Вдругъ поднялся страшный вѣтеръ, засвисталъ, завылъ, сталъ рваться въ двери, въ окна церкви, стучать желѣзнымъ замкомъ, но не стало силъ у него отпереть замокъ и пробраться хоть въ скважину; и онъ крутилъ песокъ, одинъ песокъ, и вздымалъ его столбомъ выше церкви. Море житейское! Люди!.. самый вѣтеръ подтвердилъ мысль мою. Но я была невредима и недосягаема на островѣ покоя. Ангелъ мой! ужъ второе мая, *мая!..* Природа одѣвается надеждой, одѣта-ли ею наша душа?.. О! какъ все взбунтовалось... прощай! ужъ ночь.

3-е мая.

Какъ мрачно твое письмо!.. какъ это тяжело мнѣ!.. Я боялась начать о Мед., не будучи увѣрена въ успѣхѣ твоемъ, и не ошиблась. Тяжело получать такія письма, даже вспоминать о ней, но каково же молчать тебѣ, нести все на сердцѣ?.. Говори, говори, пиши, сколько можешь, сколько нужно къ твоему облегченію, переливай *все* въ мое сердце, оно не померкнетъ, не изноетъ. Ежели-бы Мед. забыла тебя, была бы счастлива, тогда бы мы не должны мучиться и томиться *пятномъ*, ибо это было бы уже недостатокъ надежды на Его благость. Онъ Самъ велѣлъ каяться для *очищенія* и прощаетъ кающихся. Но *она* несчастна, любитъ тебя и, можетъ, надѣется, что ты женишься на ней..

Я была бы *все таже*, *та же любовь*, *то же блаженство* внутри, а наружно—*кузина*, *любящая тебя безъ памяти*. Я бы жила съ вами, я бы любила *ее*, была бы сестрою ея, другомъ, всю бъ жизнь положила за *ея семейство*; внутри была бы *твоя Наташа*, наружно—*все*, *чтобы* она желала. Но какъ же тебѣ соединить жизнь свою съ жизнью *женщины*? Какъ *тебѣ* нести ярмо мужа?.. Тебя мучаетъ это и меня не меньше, тебѣ тяжело молчать и мнѣ. Давай же говорить о ней, придумывать облегчить участь ея, но тутъ есть сторонніе гоненія, ты не объясняешь ихъ, и я не могу вообразить, какія; можетъ, это главное ея несчастіе; но все равно нашъ долгъ облегчить, хотя бъ стоило жизни, хотя бъ вѣчная разлука на землѣ. О! я все вынесу, все, все! Александръ, ты знаешь, что *я все вынесу*. Когда бъ пятно твое не могло смыться моими слезами, кровью моей, отдало ли бы Провидѣніе меня тебѣ? Нѣтъ. Но не нужно ни слезъ, ни крови, оно уже стерто, можетъ быть, *должно* быть любовью моей, оно такъ необъятно. Оно выше всякаго раскаянія, всѣхъ жертвъ, оно самое искупленіе!

Поздно, *надо* ложиться. О, мой Александръ! о, мой Александръ, *мой*!..

4-е.

Знаешь-ли, что мнѣ казалось сегодня весь день? Мнѣ казалось, что *ихъ* такъ легко будетъ умилостивить, такъ легко, и сама не знаю, почему, казалось, всѣ препятствія и непріятности мы можемъ переломить, какъ сухіе прутья, не вдругъ, не вмѣстѣ, а по одному?.. казалось такъ! А можетъ быть, въ самомъ-то дѣлѣ, тутъ есть прутья желѣзные, не переломить ихъ! Не переломить? Такъ растопить любовью! О, предъ нею все растаетъ, какъ воскъ отъ огня!

Александръ, Александръ! нѣтъ, никто тебя такъ не любилъ! Представляй мнѣ свои недостатки, пороки—вѣрю тебѣ, люблю тебя. И чѣмъ сильнѣе, глубже паденіе, тѣмъ выше любовь, тѣмъ безпредѣльнѣе—она искупленіе, она все перевѣситъ. И со всѣмъ этимъ, что я передъ тобою? Минута въ вѣчности!.. Ахъ, кажется, и солнце-то передъ тобой блѣдная искра!.. Александръ! я росту съ каждымъ днемъ, это я чув-

ствую сама, многое мнѣ становится ближе и яснѣе... проходи земная ночь! отдернись занавѣсь съ востока! Разлетайтесь, исчезайте сновидѣнья — пора жить! О, мой милый другъ! какъ могутъ тебѣ быть такъ чувствительны удары людей, какъ можетъ литься по твоей душѣ черная рѣка грусти, когда я люблю тебя такъ? Ты не знаешь любви моей, тебѣ надо видѣть ее, слышать... нѣтъ, нѣтъ, прости мнѣ! нѣтъ, я понимаю и это вѣрованіе въ меня и эти страданія...

5-е.

Другъ мой, ангелъ мой, Сашхинъ, сію минуту была у меня маменька; это посѣщеніе мнѣ величайшая радость и утѣшеніе. Rendez-vous въ саду, майское солнце печетъ, 3 часа пополудни, я весела, Александръ! Она говорила мнѣ все, все до слова; разговоръ съ папенькой не утѣшителенъ, да невозможно жъ съ перваго раза, тебя нѣтъ, и потомъ это такъ еще, мимоходомъ. Погоди, милый другъ, вотъ пріѣдешь ты, старичекъ будетъ добрѣе отъ радости, а теперь не пиши ему, ничего не пиши, это только можетъ повредить. На своихъ я не смотрю, это все чужое, чужое... а папенька, ему не надо дѣлать напротивъ; нѣтъ, да я теперь никакъ не могу придумывать ничего мрачнаго, такъ мнѣ весело, легко! Душа моя, не грусти и ты—хоть на эту минуту... Вѣдь пройдетъ-же чернота, пройдетъ! а тамъ?.. Только папенькино нужно согласіе, а *мои*, они послѣ того увидятъ меня не дольше часа, или, пожалуй, хоть день имъ подарю! А ужъ какъ они, бѣдные, хлопочутъ, отыскиваютъ *порядочнаго, достойнаго*—желаю успѣха!..

Не проси же, Александръ, маменьку *начинать*: въ самомъ дѣлѣ для нея затруднительно это, не пиши и самъ. А тамъ, какъ пріѣдешь, въ первомъ восторгѣ свиданія проси папенькинаго благословенія, не горячась, не противорѣча, сперва загадкой, не сказывая *кто*, но только-де достойная, *вашего сына* —добрая, скромная, почтительная, не глупая, *не богатая* и недурна собой—что жъ ему потребовать еще. Ахъ, ну да можетъ-ли устоять тогда что-нибудь противъ нашей любви—ничто, ежели на это воля Бога. Маменька сказала: «а тамъ мы поѣдемъ съ тобой въ чужіе края»... какъ мнѣ стало весело послѣ этого, кажется, только стоитъ велѣть закладывать. А все это пустое. *Мы даны другъ другу*! Пусть небо смѣшается съ землею, пусть все превратится въ хаосъ, *мы даны другъ другу*! А маменька необыкновенно была мила сегодня—какъ отрадно, Александръ, вырваться изъ этого холоднаго, замороженнаго круга хоть на минутку, хоть на минутку отдохнуть съ родными.

6-е.

Какъ безпокоитъ меня то, что ты не занимаешься. Во-первыхъ, время *твое* не должно пропадать, сокровище это не твое, и ты не имѣешь права расточать его, во-вторыхъ, и для тебя бездѣйственность несносна, она умножаетъ грусть и истощаетъ силы. Я думала, что ты

мнѣ привезешь оконченное *Мысль и Откровеніе*, а ты не хочешь даже и продолжать, развѣ мѣшаетъ что тебѣ написать изъ жизни своей то, что еще свѣжо? Будетъ время, когда не будетъ свѣжо, не будетъ и охоты писать не свѣжее. Что архитектура, продолжаешь-ли заниматься ею? Какъ часто переселяюсь я въ это *тогда*—не извѣстное, тайное, какъ жизнь за гробомъ; какъ безпрерывно мы будемъ заниматься, ты будешь объяснять мнѣ, чего я сама не достигну, передашь мнѣ совершенно чуждыя мнѣ теперь тайны; безпрерывный трудъ, безпрерывное возвышеніе и ровно, одинаково, чтобъ вмѣстѣ стать на послѣднюю ступень, чтобъ вмѣстѣ намъ отворились двери гроба и двери неба!.. Какъ люблю я быть на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ; въ домѣ тѣсно что-то, душно, и потомъ мысль, что мы подъ разной крышей, что насъ сверхъ пространства раздѣляетъ желѣзо, камни, дерево... а на воздухѣ, чудно что со мною было вчера: вечеръ дивный, прелестный; сперва послѣ обѣда провели мы у Насок.; тамъ былъ и папенька. Иногда онъ кажется мнѣ совершенно недоступенъ и, увидѣвши его, становится тяжелѣе и грустнѣе. Возвратившись домой, я не могла минуты оставаться съ *ними* и ушла въ садъ. Воздухъ очаровательный, съ одной стороны—заходило солнце и небо золотилось отъ послѣднихъ лучей его, съ другой—восходилъ мѣсяцъ, тоже ясный, и вкругъ него чистое, голубое небо, ни облака. а на землѣ зеленая трава, распускающіеся цвѣты— прекрасно все! Но мнѣ не до того, право, мнѣ не хочется смотрѣть на тебя, красавица природа, еслибъ даже соловей запѣлъ, не стала бъ слушать; мнѣ грустно, мнѣ горько, что я такъ далеко; его, отдай мнѣ его или брось меня къ нему!.. И съ каждымъ мигомъ становилось все грустнѣе и грустнѣе, я удерживала слезы... вдругъ, дивись моему ребячеству, вошло въ голову: можетъ быть теперь, сію минуту ты также на воздухѣ, также подъ открытымъ небомъ, и мы дышимъ однимъ воздухомъ, ходимъ не по разнымъ доскамъ, а по одной землѣ, не разное желѣзо надъ нами, а одна голубая кровля, ни одинъ замокъ не дѣлитъ насъ! И мысли, и думы вмѣстѣ, и взоры встрѣчаются, и ужъ, казалось, звуки твоего голоса доходятъ до меня... и я произнесла— Александръ, съ полною увѣренностью, что ты меня слышишь, я бъ увидѣла тебя, но въ садъ кто-то пришелъ работать, заговорили голоса,—о, какіе голоса дикіе, странные, точно ржавая задвижка, и что за слова, я ничего не поняла, тогда я забыла, какъ *говорятъ люди*, и сама не умѣла ничего сказать по ихнему. Приходъ этотъ разсердилъ меня, нѣтъ, сердиться я не могла, слишкомъ полна была душа, а что-то сжало сердце, мнѣ сдѣлалось больнѣе отъ этихъ голосовъ. Но мечта такъ была сильна, что она снова умчала меня въ свои заповѣдныя страны; исчезли люди, шумъ ихъ затихъ; прислушиваюсь: твой голосъ! Александръ, ангелъ мой! Я протягивала руки, я спѣшила идти, что есть силы, и думаю, вотъ скоро, скоро... и въ самомъ дѣлѣ скоро пришла не къ тебѣ только, а къ старому дереву рябины—полу-

живому... и это меня не разочаровало! Пришла ко мнѣ Саша, и я съ жаромъ, съ восторгомъ увѣряла ее, что мы съ тобой не разно, что намъ можно и слышать, и видѣть другъ друга, и скоро опять замолчала, чтобъ не проронить ни одного слова твоего... «Матушка, поди домой, вотъ забранятъ!»—сказалъ Костя у калитки. Мнѣ Гамлета купили, *купили*! Нѣтъ, лучше просто, Ег. Ив. принесъ—благодарю тебя! А страшно его читать, меня послѣ все спрашивали, отчего на мнѣ видъ мрачный. Когда онъ увѣщевалъ мать, я залилась слезами, тутъ лучше всего. Александръ, на письмѣ ты храбришься, но знаю, тяжело тебѣ. Другъ, и что тебѣ сказать болѣе, *твоя Наташа*.

Пожми и за меня Полинѣ руку.

За Сашу и Emilie благодарю.

6-е. Вечеръ.

Мало того, что словесно рекомендуютъ жениховъ со всѣхъ сторонъ, даже по запискамъ! Теперь отыскиваютъ какого-то адъютанта, да что намъ до этого за дѣло. Что мнѣ сказать тебѣ интересное, отрадное, чѣмъ занять, утѣшить? О! ежели бъ я была съ тобою — тогда бъ не спросила объ этомъ, тогда бъ... тогда бъ... глаза мои совсѣмъ не голубые, какъ ты воображаешь, но я бъ посмотрѣла на тебя. Бываетъ съ тобою, начнешь писать съ мыслью, что эти строки поѣдутъ за 1.000 верстъ, недѣлю будутъ въ дорогѣ, что еще *когда-то* ты получишь ихъ?.. и тотчасъ же вообразишь такъ живо, такъ живо, ну вотъ, кажется, тутъ подлѣ и бросишь перо, и заглядишься, и заслушаешься?.. Въ самомъ дѣлѣ: я большая мечтательница, а зачѣмъ же *они* не осуществляютъ мечтаній моихъ? тогда бъ я не была мечтательница? Будемъ дѣтьми... назначимъ часъ, въ который намъ обоимъ непремѣнно быть на воздухѣ, это будетъ часъ свиданья, часъ, въ который мы будемъ увѣрены, что насъ не дѣлитъ ничто, одна даль. Въ 8 часовъ вечера, тутъ тебѣ вѣрно свободнѣе, можетъ быть, даже это часъ твоего гулянья. Давича вышла я на крыльцо, но мнѣ будто кто сказалъ, что ты дома, и я воротилась.

Можетъ, скоро, скоро, скоро!... ты знаешь, какъ забьется, закипитъ сердце, когда въ немъ раздается это *скоро*! знаешь, какъ рука сожметъ тогда перо, такъ что оно въ дребезги, вотъ какъ теперь... но имъ еще можно написать, ангелъ мой Александръ, другъ мой! Душа, жизнь, да нѣтъ не такъ хочу назвать, перо изломано, не пишетъ, да и цѣлое-то бы не написало, но ты прочтешь и то, что не написано.

7-е.

Иногда я собираю тебѣ лавры со всего свѣта, ставлю всѣхъ на колѣни предъ тобою, повергаю на землю, сажаю тебя на тронъ, вѣнчаю царемъ всей земли, и всю эту славу, все это величіе освящаю любовью... Да, тогда бъ и я стала на колѣни, хоть съ послѣднимъ, хоть позади всѣхъ, еслибъ умаленіе мое увеличило тебя еще! Иногда... о! это лучше, бѣгу съ тобою въ даль, степь иль глушь, въ пустыню... тамъ престолъ,

корона, слава и весь міръ кажутся ничтожествомъ, тамъ я обвиваю тебя любовью, и она идетъ къ тебѣ лучше порфиры, коронуя любовью, и на твоей головѣ она величественнѣе тіары; всю необъемлемую пустыню населяю любовью, и она замѣняетъ милліоны людей, преклоненіе колѣна ея выражаетъ болѣе преклоненія колѣнъ неисчисленной толпы, и подножіе твое любовь, и все любовь!.. А что же между этимъ? Между обладаніемъ всей землею и отреченіемъ отъ всей земли? что? Право, я не могу ничего вообразить *средняго* для тебя, то или другое! А что среднее, то пусть остается среднимъ, то не наше. Намъ—иль небо на землѣ, иль земля въ небѣ, а вы средніе—ищите средней славы, средняго самоотверженія, размѣряйте небо и отыщите и въ немъ среднее!.. А мы, а мы!!!...

Ты писалъ: «*ежели что будетъ*, то непремѣнно до половины мая». Скоро, скоро половина! Ахъ, страшно, пробралася бы къ тебѣ, пока пройдетъ эта половина, не убьетъ-ли она своимъ появленіемъ. Какъ могла я тебѣ пенять за то, что ты не занимаешься, ну возможно-ли дѣлать что-нибудь теперь, теперь въ такомъ ожиданіи, и что же я сама? День иль ночь—не знаю, въ гостиной съ дураками иль въ углу темной спальни одна—не замѣчаю. Душа вовсе освободилась отъ владычества надъ собою тѣла и вольной птицей носится далеко отъ него, далеко отъ земли, тамъ, куда ты направилъ полетъ ея, откуда видно тебя... вѣдь, кажется, читаю такъ громко, съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ чувствомъ, что даже устану, а ни одной мысли не втѣснится въ голову, такъ полна она твоими сборами, твоимъ отъѣздомъ, твоимъ путемъ, свиданьемъ!.. ни одного чувства, и то тѣсно въ груди, и то ужъ нѣтъ возможности скрывать!..

Охъ, какъ грустно!.. Другъ мой, милый, Александръ, Саша, подумай обо мнѣ теперь, назови меня, мнѣ будетъ легче! Ночь, темнота, а я цѣлый часъ смотрѣла вонъ туда, гдѣ не видно ничего... О, когда же, когда же, ангелъ мой!.. Прощай. Первый часъ. Прощай до зари, ежели проснусь.

Поздно, вечеръ. 8-е.

Чтобъ объ этомъ писать, да какъ же не писать! Въ другой разъ мы разлучены не будемъ. И развѣ тебѣ не все интересно, что я пишу?..

Бьетъ 6, холодно, пасмурно, иду въ садъ, а ужъ ты знаешь, что значитъ для меня быть не въ домѣ! Карета на дворѣ—Саша Б... Кто-то говоритъ: «сколько это бьетъ»?—10-й часъ! Боже, да гдѣ же эти 3 часа, какъ они пролетѣли, куда дѣвались!.. Ужъ тамъ надѣваютъ перчатки... а у насъ и твой портретъ, и твое письмо (отъ 9-го апр.) и *Встрѣча*, и тутъ возлѣ итальянскія картинки, Шекспиръ, Гюго... вся надзвѣздная страна!.. Дайте намъ вѣкъ, и мы превратимъ его въ одно мгновенье, вашего и праха не будетъ, а мы будемъ все также юны, пламенны и все еще не вышедши изъ колыбели! Съ какимъ полнымъ, совершеннымъ восторгомъ читала я Сашѣ Б. твою *Встрѣчу* (только про-

пустя описаніе обѣда), съ какою увѣренностью, не поднимая глазъ, останавливалась на тѣхъ мѣстахъ, которыя прочесть скоро больно бы было душѣ. Идти обыкновеннымъ шагомъ тамъ, гдѣ она погружается, какъ въ водахъ Іордана, гдѣ ей отворяется небо, гдѣ она молится тебѣ... Прощаясь, я сказала ея кузинѣ: «мы поѣдемъ въ чужіе края», «и будемъ *пить печеныя яйца*»—сказала Саша Б. Неужели они были вкусны послѣ смертельной опасности? Я терпѣть ихъ не могу.

Не долго намъ побыть съ Сашей Б., въ этомъ мѣсяцѣ они ѣдутъ въ Курскъ, а мы въ Загорье не знаю когда поѣдемъ. Черезъ полгода увидимся, *какъ-то* увидимся! *гдѣ-то*! Ужели все также, здѣсь же?.. Ежели Саша Б. будетъ любить, то на землѣ будетъ любить не долѣе вѣрно дня, она умретъ. Дружба ея такъ пламенна, такъ безпредѣльна, земная темница не вынесетъ долго сильнѣйшаго чувства, она распадется, превратится въ пепелъ. Что еще я жива, такъ это небесное чудо Провидѣнія, оно знаетъ цѣль моей жизни.

Гамлетъ опять у меня, я еще его не читала порядочно, а только такъ съ жадностью, торопясь, просмотрѣла и то, сидя у окошка, мимо котораго тянулись ряды экипажей и подлѣ котораго сидѣли чучелы со звукомъ и съ движеніемъ. Прощай, мой ангелъ, мой Александръ, цѣлую тебя, другъ мой, цѣлую... какъ чисто и пламенно цѣлуетъ меня Саша Б., остерегаясь однакожъ, знавши, что я не люблю,—дивлюсь, какъ можетъ она меня такъ цѣловать, а я ее—нѣтъ! Тебя жъ... ахъ, Александръ!...

10-е.

Такъ опять нѣтъ надежды?.. Такъ ты не пріѣдешь лѣтомъ?.. и долго не пріѣдешь?.. долго, Александръ, долго, долго??.. Нѣтъ, погоди, хотѣла писать, не могу. Я получила твое письмо отъ 28 апрѣля.

Ночь. Въ деревню! Въ деревню! Везите, ведите меня въ деревню! Москва, точно пустая скорлупа въ полѣ! На траву, хоть съ китами! только дальше отсюда, дальше. Тамъ хоть тихо, и это нѣсколько гармонируетъ съ состояніемъ моей души, здѣсь—безумная суета, безцѣльное стремленіе и стукъ, этотъ несносный стукъ и шумъ!.. Что прерываетъ благодѣтельный сонъ, который соединяетъ съ тобою, что разгоняетъ и пугаетъ мечты, что сбрасываетъ вдругъ, неожиданно съ неба на мостовую, отчего становится такъ больно, больно... что наконецъ свидѣтельствуетъ и увѣряетъ, что сотни тысячъ уходятъ съ земли въ землю, *пропахавши только по мостовой во всю жизнь*? Все стукъ этотъ, несносный стукъ, какъ я не могу терпѣть его. Итакъ, еще долго я не увижу тебя, еще долго буду здѣсь... дай посмотрѣть въ окно, ну посмотри, мой ангелъ, посмотри, душа моя, Александръ, ангелъ мой, жизнь моя, Саша, Саша, посмотри, ну что дѣлитъ насъ? Вонъ нашъ домъ, свѣтлый, ясный и какой большой! О! посмотри же ты, вонъ души наши—одна душа! Она дома *тамъ*, что до тѣла, пусть его тлѣетъ въ землѣ, хоть на землѣ! только ему разлука, а душамъ... О! милый другъ, божество мое, не правда-ли давнишнія слова меня унижаютъ и тебя, разу-

мѣется, намъ вотъ такъ надо чувствовать, какъ теперь, а будто за этой далью ты меня не видишь, не слышишь...

Теперь утро, половина 4 часа. Мая 12, 1837. Москва. Что-то ты, гдѣ-то ты?.. это письмо, я думаю, долго не дойдетъ до тебя, а до тѣхъ поръ я надѣюсь окрѣпнуть, теперь же не могу молча выносить состоянія души моей. Можетъ быть, и вовсе не пошлю этого письма.

Первый день по полученіи твоего письма о затменіи надежды, грусть и твердость попеременно наполняли мою душу; вдругъ сожмется сердце, и слезы его выступятъ на глаза, не успѣютъ кануть—выступаютъ другія отъ умиленія и благодарности за блаженство и крестъ. Вчера же, съ ранняго утра и вотъ до сей минуты (сонъ, продолжавшійся около 4 часовъ, былъ тяжелъ и безпокоенъ) ни одной капли, ни одного луча на душу... я скрываю, но всѣ спрашиваютъ: «отчего я печальна, какое несчастіе со мною?» *Иные* думаютъ, что я завидую княжеству... [1]) За что ни примусь, и такъ неловко, такъ не умѣю, какъ будто въ первый разъ жизни; нужно сказать что-нибудь, и я не умѣю объясниться, не нахожу словъ, все безотвѣтно, все нѣмо на землѣ; небо затворено! Я говорю, да будетъ воля Твоя! но не отъ души, за этимъ слѣдуетъ—да неужели *Его* воля на то, чтобъ половина жизни моей (можетъ и болѣе) протекла вдали отъ тебя, среди людей, которыхъ и видъ мнѣ несносенъ, *въ полномъ ихъ расположеніи*? Неужели Онъ хочетъ. чтобъ 20 лѣтъ изъ моей жизни брошены были уничиженію и страданіямъ, чтобъ прожить въ мечтѣ до тѣхъ поръ, пока и мечты умрутъ?.. Я надѣюсь, что рано или поздно увижусь съ тобой, но развѣ Матерь Іисуса Христа не знала, что онъ воскреснетъ, когда плакала надъ тѣломъ Его? Ни что, ни что не занимаетъ меня; на глаза налюются слезы; возвращаются еще горьче, жгучѣе и каждая капля проѣдаетъ сердце. Къ самому истинному расположенію, къ самому живому чувству иныхъ я теперь какъ мраморъ, лучше бы на меня не обращали вниманія, лучше вовсе бъ не замѣчали меня, сильной горести нуженъ просторъ, а участіе стѣсняетъ ее. Довольно, черезъ письмо и съ тобой тяжело говорить. Что же я буду дѣлать до тѣхъ поръ, пока начнется день у насъ, то-есть, какъ я буду смотрѣть, говорить, дѣйствовать все противъ себя, все притворно, что? Я облокочусь на окно и буду смотрѣть вонъ туда, гдѣ ничего не видно, а мнѣ все кажешься ты, да какъ же два, три часа просидѣть, какъ истукану, и ничѣмъ не заняться, когда можно? Ты объ этомъ меня не спросишь, только ты!

14-е.

Что жъ мнѣ сказать тебѣ, другъ? Много, но все это мрачно, а ужъ и безъ того ты грустенъ. Перечитываю твое послѣднее письмо, оно раздираетъ мою душу, послѣ него все померкло, не могу выносить здѣшней жизни, а воображу Загорье... да, впрочемъ, все почти равно, тамъ

---

[1]) Не разобрано: что-то въ родѣ *Богкар*.

болѣе природы, здѣсь болѣе людей; люди сами заставляютъ себя чуждаться, грусть дѣлаетъ чуждою природу, даже какъ будто досадно, зачѣмъ цвѣтетъ она тогда, какъ блекнетъ сердце. Каждая тройка, каждая четверня, заложенная въ рядъ, будто ступаетъ у меня по груди и продавливаетъ ее своими подковами; всѣ дорожные—родные мнѣ, я смотрю на нихъ сквозь слезы, съ живѣйшимъ чувствомъ, и провожаю взоромъ и слухомъ, пока не видно и не слышно экипажа; *не* оттуда-ли они! не *туда-ли* ѣдутъ?.. Вотъ просторъ—Макаш. уѣхала на день въ деревню! вѣрно ко мнѣ придетъ маменька! въ надеждѣ будущихъ благъ мнѣ повеселѣе. А знаешь-ли, отчего я вчера вечеромъ немножко отогрѣлась? Самый маловажный, ничтожный случай. Но вѣдь ужъ увѣрятся-ли еще, что насъ ни земля, ни небо не разлучатъ; что мы съ начала міра и послѣ конца его вѣчно *одно*, только бурное, вольное стремленіе твое и мой плѣнъ мѣшали намъ видѣть это до 1835—9 апрѣля. Я не дорожу людскимъ мнѣніемъ, но не знаю изъ чего, только думаю не изъ самолюбія—желала бы всѣхъ покорить, очистить душу, влить въ нее свѣтъ, вѣру, заставить мыслить и чувствовать согласно. Ты помнишь-ли ту высокую дѣвушку у насъ, ее зовутъ тоже Натальей, она безъ мѣры любитъ меня и безпрестанно твердитъ, кабы увидѣть меня *помѣщицей*, княгиней, царицей! и про тебя все знаетъ, не знаю почему, наконецъ со слезами говоритъ: зачѣмъ я хочу *губить* себя, тогда какъ бы могла *играть первую роль* и всѣхъ ослѣплять собою; мнѣ это наскучило да и ее стало жаль, а какъ помочь? Ты знаешь *народъ*, какъ трудно перемѣнить малѣйшее его сужденіе, но вообрази—я успѣла, она (со) слезами перекрестилась на образъ: «Батюшка, Царь небесный, коли къ благополучью ея, соверши, коли нѣтъ, отврати», потомъ перекрестила меня: «ну, мое сокровище, видно самъ Господь тебя наставилъ, дай Создатель дожить, да хоть глазкомъ взглянуть, какъ ты будешь жить *въ довольствѣ*». Я цѣловала старушку, я любила тутъ ее горячо, мнѣ стало легче. Малодушіе-ли это, не знаю, только это сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе.

16-е.

Маменька не была вчера, не знаю почему, хотя я и привыкла ко всякаго рода лишеніямъ, но мнѣ отъ того стало еще грустнѣе.

Вечеръ.

Мнѣ всѣ несносны, но я, вѣрно, еще несноснѣе для всѣхъ, не могу принудить себя быть любезной, быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ люди. Съ утра и до ночи безпрестанно сегодня у насъ были гости, смерть! Маски, куклы—и для нихъ надѣвать маску, и для нихъ быть куклою!.. Какъ тягостно это, какъ тягостно. Ангелъ мой! Дальше ихъ, дальше ихъ, эти игрушки обратятъ всѣ кровавые труды твои въ игрушки, слава, слава, о! ихъ рукоплесканія и восклицанія также вичтожны, какъ полетъ и жужжанье мухи, дальше ихъ, Александръ, или сдѣлай изъ людей человѣка одного. И достижима цѣль, и отдыхай на груди

моей, и перейдемъ скорѣе туда, туда, гдѣ ничего нѣтъ подобнаго, или возьмемъ природу въ *третіи*...

Все ропотъ, подкрѣпи меня!..

17-е.

Александръ, другъ мой, Ангелъ мой, Александръ, что же мнѣ все грустно и какъ грустно... Твоей-ли Наташѣ такъ унывать, ей-ли не имѣть силъ стать выше всего, но что жъ мнѣ дѣлать... Не будетъ-ли скоро письма? безъ того мнѣ Божій свѣтъ не милъ и къ тому жъ ни минуты уединенія...

Ты любишь меня, чего же еще?.. Александръ, Александръ!

На разсвѣтѣ.

Еще минулъ день устали и томленья — Май жегъ и палилъ своимъ дыханіемъ. Люди — люди морозные и мертвили своимъ дыханіемъ. Много ихъ видѣла я сегодня—маскарадъ! послѣ того каюта моя—рай. Все въ домѣ улеглось, вѣрный сторожъ мой захрапѣлъ, я открыла тихонько окно, долго еще сидѣла подлѣ него съ затуманенной душою, и мнѣ было такъ жарко и такъ холодно... Безпрестанный стукъ колесъ, говоръ людей, мельканіе черныхъ фигуръ, пирушка у сосѣдей, освѣщеніе ихъ дома, бренчанье фортепіанъ и наконецъ молнія, все это какъ-то стѣсняло меня, держало на землѣ, но вотъ—ужъ все утихло подо мною, прошла и туча съ неба—хорошо! вонъ заря занялась и тебя, ангелъ, ясно я вижу и слышу. Хороша земля и ночью, прекрасно небо, звѣзды... земля сгоритъ, свѣтила погаснутъ, а любовь?!. Вѣчность! Александръ!..

Мак. пробуждается, не выдумала бы посѣтить меня. Прощай, дивный другъ мой!..

Вечеръ.

И ты простишь мнѣ, ангелъ мой, цѣлую недѣлю грусти, цѣлую недѣлю странствованія по землѣ, цѣлую недѣлю безъ вознесенія *туда*?.. ежели и ты простишь, я не прощаю! возможно-ли?.. О, божественный другъ, теперь я не вижу даже и мѣстъ тѣхъ, гдѣ положено твое письмо!!! Дай мнѣ поцѣловать твою руку. Я вижу—ты твердъ, покоенъ, сколько можно желать, ты благословляешь Его и за разлуку,—вотъ, вотъ что воскресило меня! Да, лѣто, десять лѣтъ мы будемъ разно и будемъ благословлять Его непрестанно и будемъ такъ же юны, такъ же святы, какъ 9 апрѣля. Какъ вдругъ, мгновенно я вознеслась, такъ исчезло все до послѣдней пылинки, какъ обняли меня ширь и свѣтъ, по полученіи твоего письма. Забудь все, что писано до нынѣшняго вечера въ этомъ письмѣ, я сама боюсь вспомнить, теперь я иная, мой Александръ, совершенно, другъ мой, братъ родной, вѣрь, вѣрь Наташѣ — не грустно ей, не тяжко. О! какъ высоко, какъ близко тебя... Богъ! Любовь! Александръ! Александръ! и нельзя писать мнѣ теперь много, а завтра надо послать письмо, только ты не тревожься. О, теперь долго, долго будетъ литься изъ души моей одна молитва, одна гармонія.

За письмо брата Огарева безмѣрно благодарю! Да, «придетъ пора, и съ той порою». . . . . .

Я вся восторгъ! Прости, ангелъ мой, прости это тяжелое, темное чувство, которое туманило такъ мою душу, которое выжимало изъ души одинъ стонъ, даже ропотъ... зато теперь,—о, какъ я обнимала всѣхъ, кого только можно, какъ жала руки—будто онѣ понимаютъ меня! А давича, давича не могла сказать слова, не могла подарить свѣтлымъ взглядомъ—и кого же! Мою родную, мою Сашу Б., у которой ничего на землѣ, кромѣ меня.

Скоро мы ѣдемъ въ деревню, я рада. Тамъ далеко всѣхъ и всего—одна природа. Я буду чище тамъ, буду *совершенно готова* предстать предъ тобою. И ты—дальше всего бурнаго—говори больше съ природой, слушай ее, а людей—нѣтъ, дальше ихъ, дальше ихъ!.. Ты хочешь знать всѣ непріятности, Александръ; не стоитъ, мой другъ, да пока еще и нѣтъ ихъ; изволь, буду писать. Отъ маменьки настоятельно не требуй, чтобъ она сказала папѣ; понемногу самъ приготовь его къ этому. Ты говоришь мнѣ—слезы. Александръ, неужели ты думаешь я буду плакать?..

Прощай же, *нельзя* писать, обнимаю тебя, ангелъ мой, такъ, какъ восторгъ обнимаетъ мою душу.

Твоя Наташа.

Ночь бы всю не сомкнула глазъ, проговорила бы все съ тобою, теперь я не боюсь говорить, не останавливаюсь. Слушай же, слушай... подними глаза, зажми уши, слушай-слушай!

Саша Б. ѣдетъ черезъ недѣлю въ Воронежъ, Курскъ и потомъ въ деревню. Ты ужъ не успѣешь написать ей—а какой бы восторгъ ея!—въ октябрѣ они возвратятся, въ октябрѣ и мы пріѣдемъ въ Москву, въ октябрѣ и ты пріѣдешь ко мнѣ...

15 мая 1837.

Милый ангелъ мой, представь себѣ, какъ я занятъ. Вотъ ужъ три дня, какъ получилъ твое письмо и одинъ разъ успѣлъ только прочесть его. Проклятая выставка вся на моей шеѣ; но скоро отдыхъ. Я былъ печаленъ все это время. Мнѣ очень живо представлялись всѣ непріятности, которыя насъ ждутъ и, какъ привидѣніе, онѣ заставляли потрясаться. Характеръ папеньки ужасенъ! Непреклонность. Но—все это лишь на время отдалитъ насъ, придетъ время блаженства безоблачнаго. Наташа, отъ столькихъ бурь, отъ столькихъ ударовъ, отъ сильныхъ ранъ я буду отдыхать на груди твоей, моя дивная, моя святая! И среди этого направленія твое письмо. Ты такъ наивно, такъ мило, высоко отдаешься Провидѣнію. Мнѣ всегда приходится смотрѣть на тебя вверхъ, ты всегда небесная, я—человѣкъ. Развѣ одна любовь недостаточна для нашего блаженства, чего же еще? Мы вѣримъ другъ въ друга, и эта вѣра спасетъ насъ.

18 мая.

Сейчасъ съ бала, гдѣ былъ Наслѣдникъ; ночь поздняя, и я усталъ ужасно. Поздравь меня, князь былъ очень доволенъ выставкой, и вся свита его наговорила мнѣ тьму комплиментовъ, особенно знаменитый Жуковскій, съ которымъ я часъ цѣлый говорилъ. Завтра, въ 7 часовъ утра, я ѣду къ нему. Много ощущеній, но все смутно, ни въ чемъ еще не могу дать отчета, и ты, ангелъ, не брани, что на этотъ разъ, вмѣсто письма, получишь бѣлую бумагу. Прощай, моя Наташа; очень усталъ.

Твой Александръ.

19 мая.

Надобно ѣхать. Еще прощай, цѣлую тебя.—Я видѣлъ тебя во снѣ сегодня. О, моя Наташа!

Москва, 1837 г. мая 19-ое

Я знаю, *вѣрю*, что не увижу тебя долго, долго... и не унываю; та же молитва, та же благодарность. Я тверда, вѣра моя непоколебима, все снесу я за себя, но когда въ письмахъ твоихъ прокрадывается грусть—какъ земное пятно на солнцѣ—мнѣ становится и тяжко, и несносно, и до того слабѣю, что не имѣю силъ прибѣгнуть къ молитвѣ. Слава Богу—Онъ дастъ тебѣ крѣпость, слава Ему! Пройдетъ лѣто, пройдетъ много лѣтъ—мы не усомнимся ни единажды, что придетъ это таинственное, это святое, непостижимое *наше тогда*! и оно придетъ, и тогда не нужно будетъ лѣстницы, ведущей на Небо—само Небо сойдетъ на землю. Сколько разъ я читала, перечитывала и опять читала и перечитывала письмо Огарева, и съ каждымъ словомъ желаніе обнять брата становилось непреодолимѣе; единственный человѣкъ, который можетъ понять эту любовь и оцѣнить ее, ибо онъ единственный понялъ и оцѣнилъ тебя. Съ какою довѣренностью открою я ему душу, въ ней также безпредѣльная симпатія съ его душою—любовь къ тебѣ. Александръ! Какой другъ у тебя, какая подруга! И послѣ этого искать славы, послѣ Евангелія—обѣщанія цыганки?.. Нѣтъ, пусть дѣянія твои будутъ такъ велики, чтобъ не только толпа, но и люди бъ не могли оцѣнить ихъ; ни одного бездушнаго рукоплесканія, ни одного замороженнаго восторга; а лавры истинные, лавры, которыхъ нѣтъ лучше у Творца—Дружба и Любовь! Ты дважды увѣнчанъ—на 14 и 24 годахъ жизни—Онъ не коронуетъ даромъ.

21-е.

Ты будешь проводить это лѣто болѣе съ природой, нежели съ людьми. Я тоже: въ Загорьѣ такое уединеніе, кромѣ своихъ — но я привыкла не замѣчать ихъ. Тамъ ничего нѣтъ московскаго, а въ Москвѣ много дурного. Съ одной стороны, дома, рѣка, валъ и ужъ ничего людскаго, не видать никакого жилья, даже никто почти тамъ не ходитъ; это моя любимая сторона. Все время, которое остается до свиданья, дано намъ для очищенія послѣднихъ малѣйшихъ недостатковъ, для приготовленія, и такъ надо пользоваться имъ, не длить его. Про-

ведя 4 мѣсяца съ природой, говоря съ нею, слушая только ее, невольно будешь выше и чище, потому что она разсказываетъ объ одной любви, о Богѣ; невольно забудешь черную сторону человѣка и воротишься къ нему съ большею довѣренностью, пламеннѣе, отраднѣе обнимешь его. Съ началомъ зимы начнутся снова надежды, и—Богъ знаетъ, что будетъ этой зимою! А то лѣто—будущее—*можетъ быть*, вдыхая воздухъ Италіи, подъ ея вѣчно яснымъ небомъ, мы будемъ вспоминать о родномъ сѣверѣ...

Вечеръ—поздно.

Я была на свадьбѣ, мой другъ! Одна я одѣвала къ вѣнцу Бочкареву, одна стояла подлѣ нея въ церкви, да сзади только Макаш. и, можетъ, одна молилась о нихъ... жаль мнѣ ее. Впрочемъ, все такъ весело, живо, молодые *такъ* счастливы—дай Богъ!

Опять къ тебѣ, мой ангелъ, мой другъ неоцѣненный! Скучно говорить о другихъ. Ахъ, взглянула бы на тебя, минуточку, мигъ одинъ, ангелъ мой, душа моя!..

Хоть самъ ты назови меня мечтательницей, а я не могу глазъ отвесть съ неба, когда оно такъ ясно и чисто, какъ теперь, *кто-то* рисуетъ на немъ твой образъ, а похоже Витбергова!.. Я далека ропота, но какъ избѣгнуть того чувства, которое сожметъ душу, когда въ восторгѣ протянешь туда руки, и онѣ прижмутся къ груди однѣ?..

Александръ, что это—непостоянство, малодушіе иль недостатокъ подъ другимъ какимъ-нибудь названіемъ (у людей)—то предаваться совершенно волѣ Его, благословлять самыя бѣдствія, то грустить и скрывать эту грусть даже отъ себя? Вся жизнь моя должна быть одинъ *гимнъ*, одинъ *полетъ*, а я *иногда молчу*, иногда *хожу*.

22-е.

Вчера невѣста за нѣсколько минутъ предъ вѣнцомъ пожелала мнѣ скораго соединенія съ тобою; я благодарила ее, и у меня навернулись слезы. «Вотъ чего я не постигаю,—сказала она,—вы всегда перемѣнитесь въ лицѣ при одномъ имени его, даже слезы на глазахъ, а я люблю Сержа моего, только ни разу *объ немъ* не плакала».—Мнѣ *нечего* было сказать ей на это—сохрани Богъ, ежели Саша Б. пойдетъ такъ замужъ! а можетъ, она сдѣлаетъ это изъ любви къ отцу? Лучше бѣдность ей, болѣзни, смерть, нежели замужество! Какъ бы желала она *выкупить* себя, отдать имъ все и ѣхать съ нами. Ахъ, лучше ей гробовой вѣнецъ, нежели вѣнчальный! Теперь утро; какое пѣніе воздушныхъ жителей, какая зелень, какъ все цвѣтетъ... Александръ, жизнь моя!

24-е.

Ты называешь меня святой голубицей, летѣвшей изъ рая—это слишкомъ много, но—я не смѣю отрицать: я твоя, твое созданье, любуйся имъ, величай его, мое дѣло—*быть* такою, какою ты видишь меня. При мысли о твоей любви я сама чувствую въ себѣ святость, чувствую, на сколько выше другихъ, вижу въ небѣ вѣнецъ надъ головою моей,

въ своей душѣ вижу небо... Да тогда-то, тогда-то летѣла бы далѣе отъ земли! не эгоизмъ-ли это? тогда я не хочу ничего слышать, ничего видѣть, тогда я ненавижу свое тѣло, съ восторгомъ бы подарила его землѣ и вознеслась бы въ свою отчизну—туда, туда! Ангелъ, другъ, Александръ, ты не сдѣлаешь мнѣ за то укора. вѣдь тогда бъ не розно съ тобою, а ближе, тѣснѣе бъ я была! Я бъ смотрѣла на тебя тогда всѣмъ небомъ, всѣмъ небомъ говорила бъ съ тобою и все небо лила бы на тебя... а теперь? Не хорошо теперь, пусти меня туда!..

Вечеръ.

Получила письмо отъ Emilie. Или бъ забыла она N. S., или-бъ переселилась туда!.. это письмо огорчило меня. Она была тяжело больна и теперь не оправилась еще, но главное—страданія души. Наконецъ, я не могу понять ея; видно, она сама себя утѣшала, говоря «любовь проходитъ», это только на словахъ, а въ душѣ она любитъ N., но къ чему было—все, что было съ Александромъ Д.—не постигаю! Моихъ силъ недостаетъ, дружбы недостаетъ облегчить ее... что дѣлать? Оставить на власть Божію, Онъ не посылаетъ сверхъ силъ. Она омрачаетъ мою душу, жаль мнѣ и этого юношу—бѣдный! На зарѣ—жизнь его покроется тучами. Теперь я вижу, что и я для нея ночь, что же послѣ этого осталось ей на землѣ? Пусть покинетъ ее, здѣсь не умѣли понять, оцѣнить эту душу, а небо отзовется ей.

Тебѣ она посылаетъ поклонъ. Прощай, несчастья близкихъ подавляютъ меня, и послѣ этого жить на землѣ, съ этими людьми?.. выносимѣе стукъ молотка, которымъ заколачиваютъ гробъ, выносимѣе послѣдняя горсть земли праху, нежели гвозди ихъ въ душу, нежели одна пылинка на душу... но—ангелъ мой! Ты правъ, ты правъ! «когда взгрустнется—подумай о моей любви и грусть отлетитъ». Да! Руку мнѣ твою. Тебѣ меня во снѣ!

28-е.

И вотъ я одна остаюсь въ Москвѣ, сегодня уѣзжаетъ Саша Б.; наговорилась я съ нею, наглядѣлась на нее третьягодня въ послѣдній разъ. Они были у насъ 4 часа, но мы не думали, чтобъ это было послѣднее свиданье. Она очень просила А. отпустить меня къ ней вчера проститься; обѣщаніе дано, но вообрази—ахъ люди! люди! Мнѣ страшно думать, что они люди!—меня не пустили проститься съ нею, съ другомъ, съ сестрою моей, и оттого, что шелъ дождь и замочилъ бы *трехтысячную карету!*.. и такъ мы разстаемся съ нею на полгода, можетъ долѣе, долѣе, можетъ на вѣки, не простясь, оттого, чтобъ не замочить карету; фу, душно!.. но быть такъ, когда такъ есть, что же *они* намъ сдѣлаютъ? Саша жметъ твою руку, я сказала ей, что ты пишешь, но она хотѣла непремѣнно прочесть сама, и я дала ей твое письмо отъ 30 апрѣля; когда дошла до своего имени—она вся перемѣнилась въ лицѣ, крѣпко сжала мою руку, и слезы навернулись на глазахъ. Увидишь-ли ты ее когда-нибудь??.. Вчера я провожала, теперь

уже княгиню, Алекс. Анд. счастливы и они, мой другъ, своимъ счастьемъ, какія только есть слова для выраженія блаженства, онъ всѣ ихъ мнѣ разсказалъ, она тоже, но... но... Ты самъ догадаешься, что я хотѣла сказать. Александръ, Александръ!..

30-е мая.

Третьягодня я получила твое письмо отъ 15 мая. Ты хочешь, чтобъ я поздравила тебя съ тѣмъ, что *довольны* выставкой—поздравляю отъ всей души, но не знаю, что же изъ этого? *тьма комплиментовъ* принесетъ-ли пользу? Впрочемъ, все это не лишнее—пригодится впередъ. Я воображаю, какъ утомила тебя эта выставка, какъ ты усталъ, но теперь ужъ и отдохнулъ, я думаю. Пиши же болѣе, другъ мой, не браню тебя, что послѣднее письмо почти пустое, но получать отъ тебя такія письма—право, больно, особенно теперь. Ну, что Жуковскій? Это посѣщеніе интересуетъ меня болѣе всего изъ твоей выставки. Я тоже устала, тоже утомлена, только совсѣмъ въ другомъ родѣ—вотъ ужъ нѣсколько дней какъ домъ нашъ безпрерывно набитъ—право, не знаю, какъ, не обижая человѣка, назвать ихъ—напр. Madame Mattey, попадья, имъ подобныя, и съ утра до ночи и ночь даже я съ ними.—ужасъ! Но ты, твоя любовь дастъ мнѣ терпѣнье на *все*. Не двадцать, не десять и не двухъ лѣтъ жду я жизни съ тобою—одного взгляда! онъ будетъ, хоть передъ смертью.

31-е.

Александръ, ангелъ мой, душа! Вотъ я съ повинной головой передъ тобою—ты имѣешь все право укорять меня въ недовѣрчивости, но я куплю у тебя прощенье, слушай. Ты взялъ у меня слово писать о всѣхъ непріятностяхъ, я дала его и себѣ въ душѣ, но не могла выполнить—еще-ли мало тебѣ? Я хотѣла все твердо перенесть и потомъ явиться передъ тобою невредимою, пройдя сквозь огонь и воду, но у меня не стало силъ, все рѣшительно, что съ тобою нераздѣльно, для меня невыносимо. Являлось много женіховъ, но все еще такъ, мимоходомъ, я ни одного не видала; наконецъ, за одного принялись очень серьезно, я и не знала, что онъ ужъ нѣсколько разъ видѣлъ меня въ нашемъ приходѣ, хотя мнѣ и подозрительно было, для чего мнѣ велятъ *къ лицу одѣться*? Поѣхала въ прежній приходъ, и тамъ онъ, и нельзя было не замѣтить, что все сдѣлано съ намѣреньемъ; но и этотъ разъ я оставила безъ вниманья, вчера же, не постигаю отчего—иль это предчувствіе недобраго—его пріѣздъ и въ той церкви, и съ родными поразилъ меня; я стояла чуть жива, потемнѣло въ глазахъ, дрожала вся отъ холода, а голова горѣла. Господи! люди... Какъ? храмъ Божій?!. и потомъ *меня* на показъ! Я не умѣю объяснить тебѣ чувство, которое овладѣло тогда мною, и сама его не понимаю. Ты знаешь мою твердость, знай и слабость; къ вечеру у меня сдѣлалась лихорадка. Неизвѣстно, что будетъ впередъ, теперь пока мнѣ только велѣли *замьтить* его, только шепчутъ, но ужъ и это все невыносимо! И мало того, что я рав-

нодушна къ искреннимъ желаніямъ и къ преусерднымъ крестамъ—они меня сердятъ, наводятъ уныніе на меня. Теперь со мною поступаютъ гораздо снисходительнѣе. Макаш. сама отъ большого ума сказала мнѣ, что хочетъ *задобрить* меня, ласкается, ищетъ исполнить мои желанія, но уже у меня нѣтъ желаній, которыя бы *они* хотѣли и могли исполнить. Ласки ихъ, ихъ снисходительность въ тысячу разъ хуже брани и гоненья—тогда *они* жалки, теперь—презрительны. Скоро, однакожъ, въ деревню, и все прекратится.

1-е іюня.

Ну, вотъ, другъ мой, я исполнила твою волю—все сказала, исполни и ты мою просьбу, не безпокойся объ этомъ вздорѣ, ничего не можетъ выйти изъ этого, и мнѣ-то казалось это страннымъ только потому, что я не говорила объ этомъ тебѣ. Развѣ имѣетъ кто-нибудь право выдать меня замужъ? Объ этомъ нечего и думать, непріятно только быть дѣйствующимъ лицомъ въ *ихъ* комедіяхъ. Отвернемся отъ нихъ, пусть ихъ хлопочутъ, выдаютъ и выходятъ замужъ, что намъ до того! Передъ любовью нашей все это, и они сами—исчезаютъ какъ дымъ. Нехорошо мнѣ здѣсь—но хочу мученій, хочу страданій вдвое, лишь бы купить ими одинъ день, одинъ часъ, минуту одну!..

Никто, никто не можетъ постигнуть—ты увидишь *тогда*, ангелъ мой, какъ душа моя пренебрегаетъ землею, какъ она на пути къ небу. Повѣришь-ли ты, иногда дни цѣлые я не замѣчаю, гдѣ я, что дѣлаю, съ кѣмъ?..

Душа ни въ чемъ не беретъ участія, летитъ далеко, далеко, высоко, высоко, и неужели ты не чувствуешь у себя небесной гостьи! Не смотря на то, что ты пересоздалъ меня совершенно, я все еще мѣняюсь. Все болѣе силы, болѣе свободы, болѣе любви! Другъ, мой несравненный другъ!

Ахъ, да зачѣмъ говорить, какъ глупъ языкъ человѣческій!

Вотъ ужъ и іюнь—лѣто; скоро три года...

Прощай, можетъ, маменька будетъ къ тебѣ завтра писать, отошлю письмо. Будь совершенно покоенъ, Александръ; нѣтъ, для тебя этого мало,—радуйся, радуйся всѣмъ истязаніямъ, награда есть!

Цѣлую тебя, милый, обнимаю руку твою, твоя Наташа. Ежели бъ я видѣлась съ маменькой, то, можетъ бы, и теперь не написала тебѣ *о Р. Богдановѣ.*

28 мая 1837.

То, что ты пишешь о М., взволновало меня: разлукою на землѣ поплатиться, разлукою съ тобой—это нелѣпость, это не вмѣщается въ мою голову. На колѣняхъ идти въ Іерусалимъ, истомить себя постомъ—это ничего, но разлукою съ тобою купить ея спокойствіе и спокойствіе своей совѣсти не могу, *не могу*. Да и откуда явилась эта женщина между нами, что ее поставило упрекомъ, Немезидой—между нами, кто просилъ ся вздоха средь пѣсни восторга. Мой злобный геній указалъ мнѣ ее; но

и сама она часть этого злобнаго генія. Развѣ она права, бросившись на шею юношѣ, котораго едва знаетъ и тогда, какъ мужъ ея былъ живъ; а послѣ—развѣ я не подавалъ ей всѣ средства подняться—но было поздно; я похожъ въ этомъ случаѣ на робкаго отравителя, который сперва даетъ ядъ, а послѣ, испугавшись, даетъ противоядіе! Надеждъ она не имѣетъ на будущее—не знаю, будетъ-ли имѣть и будущее.

Трудна земная жизнь человѣка, усталъ, очень усталъ! Восьмой и девятый часъ—гдѣ бы ни былъ, что бы ни дѣлалъ, будетъ твой; это часъ Ave Maria въ Италіи, и все повергается на колѣни предъ Дѣвою, буду и я горячимъ лицомъ повергаться предъ тобою. О, Наташа!

Къ Эрну я переѣхалъ, потому что для меня отдѣлывается новая квартира, а не бѣжалъ отъ грусти; когда мнѣ грустно, я люблю быть одинъ; но когда весело и радостно на душѣ—тогда мнѣ нужны близкіе люди. А съ тобою, сестра, дѣлилъ бы я и грусть, и радость, и думы, надежды и отчаяніе, все, все—да развѣ и не дѣлили, Наташа, а въ Кіевъ ходить не надобно, не забѣгай Провидѣнію, посмотримъ, что будетъ далѣе.

Слышалъ я пан. разговоръ и первый, и второй—онъ жестокъ, неумолимъ, исполненъ угрозы, а не любви. Онъ намекалъ въ моемъ письмѣ (не говоря ни слова о тебѣ), и на что же полагаетъ главную надежду, на деньги. Это дурно; бѣдность—только и осталось мнѣ испытать, остальныя бѣдствія, страданія—знакомы; ну, что же, развѣ можно меня испугать бѣдностью, развѣ я уже такой безталанный, что не найду себѣ существованія? Ха, ха, ха, а служба, а перо—это большая ошибка съ его стороны; благодарностью, любовью можно бы хоть *сконфузить* меня; а то деньгами—misère! И такъ, настоящія несчастія какъ только окончатся, начнется несчастіе будущее. Давай же руку, подруга вѣчная, давай, и пойдемъ на встрѣчу бѣдствіямъ—вонъ рѣдѣетъ лазурь, и тамъ вдали вѣнокъ, онъ будетъ на нашемъ челѣ; для насъ сплели его ангелы.

Я обдумываю новую статейку *I. Maestrj*, воспоминаніе изъ моей жизни, Дмитріевъ и Жуковскій. «Мысль и откровеніе» кончены давно, а повѣсть бросилъ; писать повѣсти, кажется, не моё дѣло. Впрочемъ «Мысль и откровеніе» не имѣютъ конца, эта статья, въ которую надобно вписывать каждую религіозную мысль, рама сдѣлана, а формы никакой нѣтъ; это повѣсть, разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ, какъ вылилось, слѣдст. вздоръ, что она кончена.

И такъ, опять надежда, а знаешь-ли, что намъ рѣшительно грѣшно роптать за то, что всѣ прежнія неудачны. Слабость моя заставила дать имъ мѣсто въ груди моей, онѣ никогда не должны быть въ ней, всѣ прежнія надежды. Провидѣніе бережетъ чистоту моей біографіи; слушай, на какомъ правѣ могъ я надѣяться, чтобъ меня простили прежде другихъ? Развѣ это было бы справедливо, развѣ вкусенъ былъ бы мнѣ

плодъ, данный по *протекціи*? Теперь совсѣмъ не то. Теперь съ поднятымъ челомъ я могу принять освобожденіе. Меня видѣли—одинокъ, безъ опоры, съ названіемъ сосланнаго; увидѣли меня—и оцѣнили; тутъ не было просьбъ; сперва узнали меня, потомъ кто я, теперь я возьму премію за талантъ—есть-ли тутъ хоть пятнышко? Наташа! Дивны пути Его; къ этому присоединяется еще одно *важное обстоятельство*, оно совпадаетъ съ *тѣми гоненіями М.*—тутъ требуется съ моей стороны твердость и прямизна, можетъ, это искупленіе пятна. И я борюсь, противъ меня сила и низость, а я, съ твердымъ убѣжденіемъ, съ волею, борюсь, чѣмъ бы ни кончилось. И путешествіе Наслѣдника именно случилось въ то время, когда надо было дѣйствовать рѣшительно; до путешествія можетъ еще сломали бы меня, теперь невозможно. Много загадокъ, да погоди послѣ скажу le mot de l'énigme. Ты говоришь, что я иногда пишу *неясно*, не слѣдуетъ изъ этого, что ты иногда дѣлаешь замѣчанія *не думавши*.

1-е іюня.

Какъ ты мила, мой ангелъ, я смѣялся, и слезы навернулись на глазахъ, когда прочелъ, «что ты вышла на крыльцо, но тотчасъ воротилась, ибо я былъ въ комнатѣ». Дитя! прелестное дитя—такъ тѣхъ бо есть царствіе небесное. Въ этихъ бездѣлкахъ выражается вся душа; да, ты права, тебѣ не нужно много писать, чтобъ я понялъ. Поставь точку, черту, и я скажу твою мысль. Въ Москвѣ-ли ты? Я боюсь, что деревня затруднитъ нашу переписку. Прощай. Твой Александръ.

2-е іюня.

Сейчасъ получилъ отъ мам. письмо. Папенька, кажется, началъ и хочетъ препятствовать *всѣми* силами; у насъ противъ него *одна* сила, но *сила любви*. Наташа, ангелъ мой, присягаю тебѣ жизнью и царствомъ небеснымъ, ты будешь моя, ежели мы будемъ живы.

Александръ.

«ВЪ НАЙМЫ».

(Картина изъ жизни Днѣпровскаго уѣзда 1887—88 года) [1]).

Нѣтъ конца краю широкой, привольной степи! Раскинулась она ровная, преровная отъ песчаныхъ холмовъ (кучугуръ) Днѣпровскихъ до самаго Сиваша, уперлась въ него, какъ будто стала на часокъ, и далѣе перенеслась чрезъ Сивашъ, задавила его своимъ необъятнымъ просторомъ и протянулась свободно все далѣе и далѣе, коснулась рѣки молочной, Дона, и исчезла вдали...

Около моря лежитъ она, какъ будто кокетничаетъ, любится съ нимъ, такимъ же широкимъ и вольнымъ, какъ братъ съ сестрою; она—тихая, нѣжная, домовитая, а море—врагъ хаты... Отъ Днѣпра степь богата, красива,—около Сиваша она мрачна, бѣлесовата, съ лысинами. И не диво ей, бѣдной, загрустить близъ такого сосѣда!

„Нікчемне море“ и около него и надъ нимъ [2]):

«И небо невмите, и заспані хвилі,
«И по надъ берегомъ геть-геть,
«Неначе пьяний, очеретъ
«Безъ вітру гнетьця»...

А немного поодаль отъ этого скучнаго берега, гдѣ только верблюжка [3]),—красная, будто кровь разлитая, или мясистая—будто слезою умыта, далѣе...

«...Не говорить,
«Мовчить и гнетьця, мовъ жива,
«Въ степу піжавклая трава».

Вотъ какова часть степи, о которой рѣчь идетъ.

Великій Богъ въ этомъ году не хотѣлъ взглянуть на степь широкую своимъ милостивымъ окомъ; прогнѣвили Его, милосердная, отвернулъ лицо свое, и въ тотъ же мигъ мертвымъ вѣтромъ понесло...

Все, что весною потянулось изъ земли богатой, все сразу

---

[1]) Авторскій переводъ съ украинскаго.

[2]) Т. Г. Шевченко.

[3]) Дикій портулакъ.

стало умирать. Вѣтеръ съ востока несся неустанно, дулъ немилосердно, ожесточенно свирѣпѣлъ и всякій стебелекъ, всякую былиночку свалилъ и засушилъ. Зеленый хлѣбъ вышелъ изъ земли роскошною травою, будто бирюзовыми коврами окуталъ степь,—но повѣялъ сухой, сердитый вѣтеръ—и травка свернулась въ трубочку, завяла, головку долу опустила, пожелтѣла и навѣки умерла... Курай колючій, да живучій, перекати-поле игривое, летящее—и они померли отъ того сухого, недобраго вѣтра, и на Илью Святого степь почернѣла, какъ осенью поля на паръ, покрылась сѣрою землею, будто отъ печали пепломъ посыпалась...

А человѣкъ, хлѣбопашецъ горькую слезу утиралъ...

Дрохвы сбѣжали со степи, стрепеты снялись и не вернулись,—вся степь захолодѣла, замерла...

Только Сивашъ своею тяжелою и мутною, какъ мертвое око, волною лижетъ желто-сѣрый берегъ.

На желтой глинистой землѣ раскинулось село и, какъ въ пѣснѣ поютъ, стоитъ оно не весело. Хатки маленькія, изъ глины сбитыя; крыши плоскія, какъ у татаръ, низкія, глиною накрыты; навѣсы и сараи — все изъ глины. Хата отъ хаты на полверсты, а улица—какъ стародавніе тракты. И все это желтое: и хатки, и земля-глинка, и небо,—все желто. Во всемъ селѣ нѣтъ ни одного деревца; чертополохъ—въ прошлые годы украшеніе улицъ, густо и высоко, какъ лѣсъ, бывало, растетъ,—нынѣ пожелтѣлъ, засохъ. Только среди самого села большая, бѣлая церковь сіяетъ золотымъ крестомъ и радуетъ утомленный взоръ зеленымъ куполомъ.

По селу разбрелся скотъ: голову понурилъ, едва на ногахъ держится, шкура и кости на немъ, кони пооблѣзли, худые.

Охоло хатъ и на гарманахъ (токахъ) нѣтъ ничего: ни хлѣба, ни соломы, ни сѣна, ни половы... А за селомъ, на выѣздѣ стоитъ будка, покрытая соломой, около нея врыта высокая жердь, а на ней пучокъ соломы да розогъ. Караульные крестьяне стоятъ и днемъ и ночью—то значитъ въ селѣ чума на рогатомъ скотѣ; а пучокъ розогъ громко говоритъ: „не ѣдь сюда, человѣче, а то будутъ бить“!

Странное творится на свѣтѣ!

Если за хатою стожки весело красуются на солнышкѣ Божьемъ, если на току лошади въ тѣлѣ и сытый скотъ, около хаты стоятъ стожки топлива (кирпича, кизяка), по двору птица гуляетъ да перекликается, свиньи весело похрюкиваютъ,—и въ хатѣ весело; и откуда тѣхъ цвѣтовъ наберутъ? Дивчата пѣсни поютъ,

справляютъ люди свадьбы на селѣ; паробки (парни) танцуютъ и хорами поютъ; а около шинка, точно пчелъ въ ульѣ въ теплый, ясный день,—такъ много людей... А если за хатою пусто, нѣтъ стожковъ хлѣба—и ничего нѣтъ; грусть и тишина въ хатѣ и на улицѣ, а еврей-шинкарь цѣлый день спитъ въ шинкѣ, или запретъ его, окна забьетъ и самъ сбѣжитъ. Проѣдешь такимъ селомъ—тоска, сердце болѣзно сожмется,—право, еслибы не грѣхъ, такъ бы и повѣсился на высокой жерди, за селомъ!

Голодъ въ селѣ. Страшное слово! Земскіе члены трижды наѣзжали, привозили деньги; три обоза съ хлѣбомъ присылали; но тотъ хлѣбъ дали на посѣвъ, а на ѣду... на ѣду—Богъ дастъ.

И Богъ далъ.

Люди запрягли лошадей, сами сѣли и потянулись въ Херсонщину, гдѣ все-таки хлѣбъ родился; одни отправились за Николаевъ, нѣкоторые въ Кіевщину. Всѣ разбрелись. На селѣ только женщины съ дѣтьми остались, да больные.

Въ деревнѣ осталась и вдова Ганна и около нея пятеро дѣтей: Степанъ четырнадцати лѣтъ, Марыся двѣнадцати и трое совсѣмъ малыхъ, такихъ, что меньшему всего два годка минуло.

Степанъ уже подмога семьѣ, онъ уже второй годъ въ наймахъ, онъ „кухаремъ“ около „котыги“ [1]), былъ вначалѣ „пидпасычемъ“, а теперь за дѣловитость повышенъ въ званіи, и «кухаремъ“ сталъ. Второй годъ онъ нанялся у богача-нѣмца по 30 р. въ годъ и всѣ деньги приносилъ матери. Придетъ, бывало, въ гости—всѣ ему рады: мать не знаетъ, куда посадить, Марыся суетится около него, услуживаетъ ему, разспрашиваетъ, какъ паны живутъ, большое-ли село Чапли, много-ли у пана овецъ, какъ цвѣты растутъ въ садахъ у пана, да хороши-ли они, есть-ли „королевъ цвітъ“, „красоля“ (настурція) — всего закидаетъ вопросами. Малыши лѣзутъ на руки, а мать посмотритъ на него, да втихомолку и всплакнетъ—жалко! Каждый разъ придетъ—весь оборванный, грязный, голова полна нечистоты, отъ рубахи остаются только тряпки грязныя. Обмоютъ его дома, вычистятъ, одѣнутъ въ чистое бѣлье, поотдохнетъ день—два и снова идетъ въ степь, гдѣ и днюетъ, и ночуетъ, гдѣ дождикъ измочитъ, и солнышко да вѣтеръ обсушатъ.

---

[1]) Въ степяхъ подвижная будка—весь скарбъ «атагаса» (старшого) чебановъ (пастуховъ), «пидпасычей» и «кухаря»—мальчика; котыга двигатся за «шматкомъ». Это 2—3 тысячи овецъ.

Помощью Степана не худо Ганнѣ жилося; хлѣба было довольно въ прошломъ году, хватило до новаго, только вотъ новаго—Богъ пошлетъ. Но ничего,—думаетъ вдова,—ожидаетъ Покрова, придетъ Степанъ и денегъ принесетъ.

Праздникъ Покровъ насталъ, цѣлый день прождали Степана—не пришелъ.

На другой день Марыся далеко за село ходила встрѣчать—нѣтъ Степана. Только на пятый день пришелъ Степанъ и принесъ съ собою узелокъ, въ немъ были двѣ сорочки, „постолы“ [1]) и длинная плеть—все его богатство.

Очень ужъ были ему рады.

— Что же это ты, сынокъ, такъ запоздалъ! Мы ждали тебя на Покровъ, какъ и прошлый годъ...

— Такъ, опоздалъ, потому...

— Пришелъ, а чего же узелокъ свой взялъ?

— Я, мамо, совсѣмъ пришелъ...

— Какъ совсѣмъ? — испуганно спросила Ганна, и сердце ея замерло.

— А такъ.

— Что же тебя прогнали?

— Прогнали.

— Ой, горенько! За что же, сыну, прогнали? Можетъ, самъ не хотѣлъ.

— Нѣтъ, я хотѣлъ служить, а шафмейстеръ пріѣхалъ и сказалъ уходить, я и пошелъ.

— Какъ же это такъ?!. Работалъ, работалъ все лѣто, а къ осени, передъ зимою—взяли и прогнали! Сынъ мой коханый! Ты не кройся отъ матери, скажи всю правду: можетъ, ты что укралъ или что тамъ другое?

— Нѣтъ, мамо, я не кралъ.

— Можетъ, какого тамъ барашка зарѣзали и съѣли? А?..

— Нѣтъ, не рѣзали, не ѣли... У Фейна этого нельзя: у него вся овца въ счету, и если какая отобьется отъ стада или волкъ съѣстъ—сейчасъ штрафъ, а если издохнетъ—махонъ (тушку) собакѣ отдай, а шкурку шафмейстеру, онъ узнаетъ издохла-ли овца или зарѣзали. Нѣтъ, тамъ не украдешь, не съѣшь.

— Такъ за что, за что же они такъ гоняютъ? Ну, а другіе остались на службѣ или и другихъ разогнали?

— Нѣтъ, другіе остались... Это вотъ остались атагасы и ста-

[1]) Кожаные лапти.

рые чебаны, а всѣхъ пидпасычей изъ нашихъ селъ повыгнали. Говорили, что въ Каховкѣ на ярмаркѣ много полтавцевъ, они дешево стали на зиму, а тѣ полтавцы, что и до Покрова были у насъ, остались въ якономіяхъ за харчи.

— Боже мой, Боже мой! И денегъ не дали?

— Не дали. Говорили, будто уже всѣ забралъ; впередъ не даютъ. Сказали, что хлѣба и сѣна нѣтъ, потому всѣмъ за прошлое сбавили.

— О, горе мое! Чѣмъ же я буду кормить васъ, дѣточки мои коханыя!—заплакала, зарыдала Ганна, а за нею и малыя ребята.

Долго плакала она, видѣла, что зима придетъ, заработать негдѣ, даже въ Перекопѣ, и тамъ полно людей, за хлѣбъ работаютъ, видѣла и знала просто, что ложись да умирай...

— Мамо, а мамо! Да вы, мамо... того... чего вы плачете?... Може и не помремъ... може, мамо, перезимуемъ,—утѣшалъ Степанъ.

— Сынокъ, ты мой сынокъ, глупое ты дитя: какже мы перезимуемъ? Безъ тебя было тяжко, а тутъ и тебѣ надо кусокъ хлѣба, а гдѣ же я его возьму?

— Да можетъ... какъ-нибудь... Можетъ и перезимуемъ...

— Ахъ!—промолвила Ганна:—глупый ты, глупый...

Хлѣба еще было немного, на мѣсяцъ хватитъ, а скупо ѣсть, то и на два.

Стали обѣдъ готовить. Марыся принесла кирпичу, запылало въ печи. Закипѣла вода, бросили въ горшокъ три—четыре куска свеклы красной, да кислаго камня, что въ Перекопѣ покупаютъ, соли горсточку—вотъ и борщъ въ голодный годъ. Хлѣбъ черствый, да и того по кусочку, бережно, Ганна дѣлитъ. Картофли нѣтъ, около Сиваша не родитъ она: не разводятъ никакой огородины, только и растетъ еще свекла.

Дня три отдохнувши, Степанъ пошелъ поразспросить людей, гдѣ бы ему на службу, на работу стать, хоть за харчи. Одни его осмѣяли, а другіе сказали: ты, Степанъ, хоть и малъ, а дурень большой,—развѣ не видишь, что здѣсь дѣлается? Самимъ ѣсть нечего, а еще батраковъ нанимать станемъ!

На Михайловъ день пошелъ Степанъ къ молоканамъ, верстъ за 70,—не примутъ-ли къ овцамъ. Не приняли, овецъ согнали на другую степь, въ другіе уѣзды, гдѣ хоть трава не вся засохла, а здѣсь, въ Днѣпровскомъ,—не чѣмъ „шпанку“ [1]) кормить.

---

[1]) «Шпанка»—высшій сортъ овецъ на шерсть.

А тутъ и морозы настали. Зима, какъ на бѣду, рано пришла. Степанъ встанетъ рано утромъ, возьметъ двѣ веревки и вдвоемъ съ Марысей идутъ въ степь сбирать топливо — курай, бурьянъ. Цѣлый день проходятъ, солнце уже сядетъ, когда они, собирая по стеблю, насобираютъ вязку или двѣ, — но такъ мало, что и на одну ночь не хватитъ.

Хлѣба все меньше и меньше въ закромѣ.

— Горенко мое! Хотя бы ты, Степанъ, сталъ гдѣ-нибудь на работу, а то такъ много ты ѣшь, а хлѣба все меньше, ужъ мало осталось—печалуясь, говорила Ганна.

Пробылъ Степанъ еще день—два, походилъ по степи, собралъ курай, а вечеромъ и говоритъ матери:

— Мамо!

— Чего, мой голубь?!

— Я пойду изъ дому... у васъ, мамо, дѣтки малыя... оставайтесь одни...

— Куда же ты уйдешь? Кто же тебя приметъ? Ты еще мальчикъ...

— Уйду...

Рано утромъ Степанъ взялъ кусокъ хлѣба въ пазуху, въ узелокъ рубаху и плеть, непремѣнную принадлежность работника при скотѣ, и пошелъ изъ села...

Куда онъ ушелъ—ни мать, никто не зналъ...

Однимъ ртомъ меньше стало.

Недѣли черезъ двѣ послѣ Николы зимняго настала зима, да такая, какой лѣтъ десять уже не бывало. За кураемъ ходить нельзя—весь въ округѣ собранъ, а ко всему и снѣгъ выпалъ и покрылъ степь.

Въ хатѣ—точно на дворѣ; стѣны покрылись ледяною корою, въ углахъ снѣгъ лежалъ. Отодвинули лавки (скамьи) отъ стѣны, всѣ на печи сидятъ, но и печь холодная,—нечѣмъ тонить. Съ утра до вечера ходитъ то Ганна, то Марыся по селу и за селомъ, ищутъ кизякъ отъ рогатаго скота. Но гдѣ уже набраться! Что и было, то въ старину съ урядникомъ пожгли, ибо чума на скотѣ, нельзя держать кизякъ, надо жечь—такой вышелъ приказъ.

Рождество минуло. Въ этотъ великій праздникъ все оживало, веселье полное, а теперь тишина: не слышно ни колядокъ, ни щедривокъ—пѣсенъ, ни говору, ни шума не слыхать. Изрѣдка, кое-гдѣ запоютъ хлопцы, но сразу тихнетъ ихъ пѣсня молодая—пурга не даетъ и этимъ двумъ веселымъ душу отвести.

Настала и „голодна кутья“ [1]). Для Ганны и въ самомъ дѣлѣ голодная: ни пироговъ не пекли, не варили кутьи. Передъ вечеромъ грустно было въ хатѣ; дѣти что-то щебетали и замолкли; меньшіе заснули, а старшій хлопчикъ на печи сѣлъ около Марыси, обнялъ ее и тихонько спрашиваетъ:

— Марыся, а Марыся! А у всѣхъ бываетъ кутья?

— У всѣхъ, любенькій.

— А у жидовъ? У жидовъ должно не бываетъ? Не бываетъ, Марыся?

— Нѣтъ, не бываетъ у жидовъ; только у тѣхъ, кто въ церковь ходитъ.

— А у пановъ сладкая кутья!? а! Сладкая? У пановъ должно быть и взваръ бываетъ вездѣ. Бываетъ, Марыся? Мнѣ Степанъ говорилъ, что у управляющаго взваръ сладкій, страшно сладкій...

Ганна зажгла грошовую восковую свѣчку предъ иконою, стала на колѣни—и тутъ всю душу вылила... Наболѣло у бѣдняги. Молится она, а въ памяти, какъ молнія, блеснуло прошлое, вспомнилось дѣвичество, милый, садокъ вишневый, пѣсни, а далѣе свадьба и трудовая жизнь съ любимымъ человѣкомъ, счастье, а дальше... дальше... только слезы заканали изъ очей. Она машинально проговорила всѣ молитвы, что знала, припала къ землѣ и замерла...

Дѣти замолкли, Ивашко и Марыся, перепуганные, прижались въ уголокъ, испугались плача и стоновъ матери...

Но вотъ дверь скрипнула, и на порогѣ стала бабуся старая, сосѣдка Ганны.

— Будьте здоровы, поздравляю съ святымъ вечеромъ,—проговорила она суровымъ, низкимъ голосомъ.

Ганна вздрогнула и поднялась съ земли; дѣти испуганно выглядывали изъ-за трубы на печи—они ее страшно боялись.

— Да, такъ вотъ какъ у васъ... Старыхъ обычаевъ не держитесь. Я крестная, а Марыся, крестница моя, не приносила мнѣ кутьи ни на Рождество, ни сегодня; ни кутьи, ни пирога... Ладно! Хорошо! Я ждала, ждала и осерчала, такъ осерчала...

— Бабуся, голубочка! Простите—нѣтъ у насъ кутьи, оттого и Марыся не ходила къ вамъ...

— Гм! Такъ что же, что нѣтъ? А можетъ у меня есть кутья?.. Надо было придти и безъ кутьи, придти, поздравить!

---

[1]) Канунъ Крещенья, 5 января: постъ голодомъ до вечерней зари.

— Простите, бабуся, на этотъ разъ. Стыдъ, такой стыдъ ходить по чужимъ хатамъ... Мы еще къ этому не привыкли...

— Эге! не привыкли... Только сердите меня. Слазь съ печи! Слышь, Марыся! Слазь и тащи ребятъ, —сердито сказала старуха.

Марыся и дѣти слѣзли. Старушка вышла въ сѣни и оттуда принесла горшокъ кутьи, „паляницю“ [1]) и штукъ пять пироговъ и все поставила на столъ.

— Ты мнѣ не принесла, такъ я тебѣ принесла. Садитесь; ѣшьте, да сначала надо перекреститься.

Дѣти тихонько сѣли за столъ и принялись ѣсть. Глазенки заблистали.

— Спасибо вамъ, бабуся,—заговорила Ганна.

— Что говоришь?

— Спасибо, говорю, за то, что принесла...

— Я не тебѣ, не твое дѣло меня учить... Это не твое и не мое—это Божье, вотъ оно чье... Садись около меня... Вотъ что: знаешь село Миколаевку!..

— Знаю, бабуся.

— И дорогу знаешь?

— Хорошо знаю и дорогу; это верстъ 25 большою дорогою.

— Ладно, коли знаешь. Ну, вотъ, сегодня вернулся мой Денисъ, онъ привезъ изъ Херсонщины домой Будька, что около Миколаевки; Будько продалъ лошадей и много денегъ заработалъ. Такъ ему Богъ далъ. А дома у него жена больная, и тяжко больная. Вотъ онъ и переказалъ Денису прислать къ нему на хуторъ дѣвчонку за няньку, къ дѣтямъ, значитъ, вотъ что. Марысѣ уже 12 минуло... Подумай, можетъ отдашь ее въ наймы?..

Ганна вздрогнула; сердце сильно сжалось, жаль ей стало ребенка; она посмотрѣла на Марысю, и слеза скатилась съ глазъ.

— Марыся,—заговорила старуха,—хочешь въ наймы? Хочешь стать за няньку?

— Хочу, бабуся, если мамѣ дадутъ денегъ на хлѣбъ,—отвѣтила быстро Марыся.

— Глупая! Конечно, дадутъ... У, дура! Поди сюда!..

Марыся приблизилась къ старухѣ. Бабуся перекрестила ее и поцѣловала.

— Такъ, если того, если хочешь, то надо скоренько, надо завтра идти... Прощайте...

---

[1]) Пшеничный, плоскій, обязательно круглый хлѣбъ, принадлежность всѣхъ торжествъ и поминокъ.

И пошла старуха изъ хаты.

Цѣлую ночь Ганна не спала, собирала да украдкою плакала. Можетъ, и странно это, но какъ бабѣ не плакать, отдаючи свое дитя въ наймы и въ первый разъ изъ дому отправляючи?

Еще до свѣта она разбудила Марысю, положила ей за пазуху краюху хлѣба, одѣла на нее двѣ юбки, теплые чулки и свои старые башмаки, кофту на ватѣ и поверхъ изорванную шубейку, на голову два платка повязала, а сама одѣлась въ „свиту“, кожухъ взялъ Степанъ, уходя изъ дома.

— Что это вы, мама, плакали?

— А плакала, Марыся...

— Не надо, мамочка, плакать, не надо; я, мама, буду хорошо служить, угождать хозяйкѣ, а вы деньги возьмете, муки купите.

Собрались. Ганна повела Ивашка и двухъ малыхъ ребятъ къ сосѣдкѣ-бабѣ. Ивашко сталъ на порогѣ.

— Малыся! А Малыся! не иди... замелзнешь... не надо идти...— И заплакалъ Ивашка.

— Да иди же! Вотъ, дурень, каркаетъ, какъ чорный воронъ,— проговорила Ганна, а сердце что-то говорило: не иди!

А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ остаться? А что же ѣсть? Чѣмъ дѣтей кормить? Съ голоду попухнутъ.

На дворѣ шелъ маленькій снѣжокъ—снѣжинка за снѣжинкой повертится въ воздухѣ и упадетъ. Солнце еще не взошло, и только еще стало свѣтать. Вѣтерокъ сѣверный чуть-чуть подувалъ.

Вышли. Около церкви помолились Богу и пошли за село.

Куда ни глянешь—ровно, ровно. Небо заволокло бѣлою тучею, и не разберешь, гдѣ небо начинается, и гдѣ безбрежное, снѣговое море кончается. Уже прошли и могилу (курганъ) на третьей верстѣ—степь далѣе еще ровнѣе, и краю ей нѣтъ...

Лѣтомъ степь чудно хороша; и хороша и таинственна, а снѣгомъ покрытая—она сурова, страшна.

Уже путники почувствовали усталость, а еще, какъ думалось Ганнѣ, и половины дороги не прошли. За могилою вѣтерокъ, дувшій неровно, полегоньку, сталъ крѣпчать. Сорвется онъ звѣремъ лютымъ откуда-то сверху, ударится о землю, выхватитъ массу снѣга, подыметъ его надъ землею и несетъ и несетъ его... А сверху, съ того добраго неба, снѣгъ идетъ и идетъ. Несется вѣтеръ мятелью, забираетъ съ собою съ земли легонькій снѣжокъ, по дорогѣ захватитъ и тотъ, что съ неба падаетъ, и несетъ на встрѣчу путникамъ.

Ганна устала, тяжело дышетъ, Марыся едва плететься... Но вотъ порывъ вѣтра налетѣлъ на нихъ, смелъ весь снѣгъ съ дороги, ударилъ въ лицо такъ, что духъ сперло и пронесся дальше; онѣ стали.

Дальше немного легче идти, снѣга мало, снесло его, онѣ идутъ скорѣе; но новый столбъ снѣга дико, со свистомъ несется, запираетъ дыханіе, лѣпитъ глаза, ножомъ острымъ рѣжетъ лицо. Путники было разошлись по ровному и сразу падаютъ въ сугробъ снѣга: Марыся завязла до плечъ, Ганна упала. Перевели духъ и Ганна стала тянуть дѣвочку, обтаптывать снѣгъ; едва-едва ее вытащила. Вышли на ровное мѣсто, здѣсь снѣга по колѣно. Давно за чулки набилось его, давно Марыся плачетъ... стала, не идетъ и плачетъ...

— Мама! Мама! руки болятъ.

— А ноги какъ? Чувствуешь ноги?

— Нѣтъ, мама, не слышу ногъ;—болѣли, а теперь не слышу.

— Ну, отдохнемъ. Снимай башмаки.

Не могла Марыся снять ихъ; Ганна стащила и стала оттирать ноги: бѣлыя, бѣлыя, а пальцы, какъ деревяшки. Третъ снѣгомъ—краснѣютъ.

— Три, Марыся, руки снѣгомъ, сядь за вѣтромъ.

Плачетъ дѣвочка и не движетъ руками.

Ганна и руки оттерла.

— Поѣшь, доня, хлѣбца.

— Не могу, мама, хлѣбъ какъ кость, не угрызу, замерзъ.

Поотдохнули... А время не стоитъ, время идетъ, а могилы, что на полудорогѣ, и не видать еще.

Мятель несется, воетъ какъ лютый звѣрь, даже темно стало.

Ганна тянетъ за руку дѣвочку; и самой тяжело идти по глубокому снѣгу, противъ вѣтра, а еще тащитъ ее за собою!.. Снѣгъ идетъ и идетъ... Вотъ и могила: больше половины отошли, верстъ 8 осталось до Николаевки... Еще немножко бы силы!.. Вѣтеръ, какъ будто бы сталъ затихать, не такъ снѣгомъ слѣпитъ глаза.

— Мама, далеко-ли еще?—спрашиваетъ Марыся, едва-едва переступая.

— Вотъ, вотъ сейчасъ. Видишь могилу? Какъ только минуть, то лѣтомъ и Николаевка видна... Сейчасъ, скоро дойдемъ.

Минули могилу... Но что же это? Вѣтеръ повернулъ: то былъ прямо въ лицо, а теперь сбоку. — Что же это? Вѣтеръ-ли перемѣнился или мы заблудились? — думалось Ганнѣ, и страхъ ее всю охватилъ:—нѣтъ, это вѣтеръ измѣнился,—утѣшала она себя.

Идутъ прямо; Ганна тянетъ Марысю, но идутъ часъ, а Николаевки нѣтъ, стали прислушиваться, не принесетъ-ли вѣтеръ собачьяго лаю изъ села. Слушаютъ, а онъ несетъ у-у-у и такъ—то жалобно, то грозно.

— Мамуня, мамуня! Я боюсь! Кто-то плачетъ...

— Нѣтъ, дѣтко, никто; это тебѣ кажется; то, Марыся, вѣтеръ гудитъ.

Марыся дрожитъ со страха и отъ холода.

— Не вернуться-ли домой? — не разъ западала мысль у Ганны: — А ѣсть? А дѣти? А мука? Гдѣ ихъ взять? Да развѣ Бога нѣтъ на небѣ? Надо идти.

И теперь она стала, и вновь тоже думала: вернуться? Но далеко ушли, меньше осталось. А если сблудили? Господи милосердный! Дай силы! И она бодро пошла.

Вѣтеръ на минутку совсѣмъ утихъ было—точно дразнилъ, а тамъ снова завылъ, понесъ снѣгъ, бьетъ въ глаза, рѣжетъ лицо и руки, сбиваетъ съ ногъ Марысю и Ганну и, какъ пьяныхъ, ихъ шатаетъ изъ стороны въ сторону.

— Я-то дойду, а Марыся? Куда я ее веду! Дочку на смерть веду. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ на смерть? Мы въ наймы идемъ... И что это мнѣ на умъ смерть пришла?!.

— Мама! я не могу идти... не могу.

Марыся упала.

— Чего ты? Иди, или ты глупая, замерзнуть хочешь, что-ли? Вотъ ужъ недалеко. Вставай, идемъ.

— Не могу... я... я спать хочу.

— Иди я тебя потащу за обѣ руки.

Поставила ее Ганна позади себя, схватила за обѣ руки и потащила за собою. Снѣгъ уже вездѣ по колѣни, Марыся постоянно падаетъ, уже и не плачетъ, не говоритъ.

Посмотрѣла Ганна кругомъ, какъ только на минуту вѣтеръ затихъ, и замѣтила, что край неба надъ самою землею свѣтлѣе, бѣлѣе. „Господи! Да это же солнце садится; уже вечеръ, и ночь скоро наступитъ!? И куда же это мы зашли?.. Солнце должно быть слѣва, а оно заходитъ сзади, за спиною... Куда же это я зашла? Куда-то вправо забрела!.. Заблудилась“.

Страшное слово въ степи, нѣтъ страшнѣе его!

Марыся упала и не встаетъ.

— Вставай, ледащая! Вставай, а то бить примусь такъ, какъ никогда не била!

Марыся не отзывается.

— Слышишь!? Вставай сейчасъ! Вставай. У! Убью!—закричала Ганна не своимъ голосомъ и, озвѣрѣвъ, кинулась къ Марысѣ.

— Ма-а-амочка!.. не могу,—едва отозвалась Марыся.

— Голубонька, дѣточка моя коханая! Доня, любая моя! Встань, моя рыбка, вотъ, вотъ и село... послушай! Слышишь? собаки лаютъ!

— Слышу, слышу... Дайте руку... подымите меня... я пойду...

Слышно, вѣтеръ донесъ лай собаки. Марыся поднялась, прошла шага два, зашаталась и упала.

— Не далеко... понесу ее,—думала Ганна, взяла дочку на руки и понесла.—Держись за шею покрѣпче, прижмись ко мнѣ, да смотри, не спи.

— Нѣтъ, не буду... держусь.

Темнѣетъ. Морозъ крѣпче нажалъ. А вѣтеръ дѣлаетъ свое и мороза не боится.

Несетъ Ганна доню, идетъ, шатается. Разъ упала, поднялась, упала и второй разъ... Нѣтъ силъ, не можетъ идти...

А вѣтеръ съ сухимъ снѣгомъ людской говоръ, шумъ села несетъ. Село уже въ верстѣ, не болѣе. Ганна вздрогнула, схватила Марысю на руки и побѣжала... Вотъ, вотъ еще немного... Господи! Господи! Дай силъ! Нѣтъ ихъ... нѣтъ... упала Ганна... не можетъ нести, выбилась изъ силъ... Еще и еще пробовала, но падала и, наконецъ, совсѣмъ пристала.

— Марыся? спишь?

— Не, не сплю... а хочется спать... Мама!.. положите меня... я спать хочу... сильно хочется.

— Что же я буду дѣлать?! Положу ее и скоро добѣгу до села, тамъ люди помогутъ. Господи! Да неужто не донесу ее,—такъ близко?.. Нѣтъ, не донесу, нѣтъ моей силушки...

Ганна сняла съ себя юбку, сняла платокъ; разгребла снѣгъ, разостлала юбку, положила Марысю и платкомъ ее прикрыла... „Мигомъ добѣгу до села“, думалось ей.

Марыся! не спи, отдохни, а я сейчасъ прибѣгу,—и бѣгомъ пустилась по снѣгу.

Марыся что-то шепчетъ: тепло... солнышко грѣетъ... цвѣточки... и замолкла.

Ганна по колѣни и выше въ снѣгу идетъ, падаетъ, встаетъ и вновь идетъ. „Это отъ того, что я Богу не молюсь... Помолюсь Ему... Господи!.. Господи! Милосердный...“

А снѣгъ мететъ, а вѣтеръ лютуетъ.

— Господи... Что же это я все повторяю: Господи?.. Какъ же это молитва начинается?.. Забыла молитву... уже недалечко...

о! собаки лаютъ, двѣ, три... Господи!.. А молитву забыла. Какъ ее зовутъ, эту молитву?.. Опять упала... Нѣтъ силы, не могу идти... Отче наше!.. а!.. вспомнила!.. Не заснула-ли Марыся? Какъ заснетъ—умретъ... Что же?.. На то воля Его... какъ Онъ Милосердный, захочетъ!.. А вотъ и загата [1]). Слава Богу, слава Богу!.. Нѣтъ это еще не загата, это навозъ. Далѣе, далѣе... Въ наймы, въ наймы веду... Что же это опять одно слово въ головѣ... въ наймы... Ахъ!.. вѣдь я Богу хотѣла молиться: Господи, Боже! Помоги!—закричала Ганна со всей силы и бросилась бѣжать. Она была уже около мельницы, вотъ она у окна крайней хаты:—Люди добрые! Спасите, помогите!

Черезъ часъ или около того человѣкъ пять шли по за селомъ и между ними Ганна, едва передвигая ноги.

— Сюда, сюда,—говоритъ она.

— Да куда ведешь? Это въ обрывъ, нѣтъ, не сюда надо...

Вѣтеръ затихъ, мѣсяцъ бѣлолицый засвѣтилъ, и люди нашли Ганнинъ слѣдъ.

— Вонъ, вонъ тамъ,—кричитъ она и бѣжитъ впередъ.

— Тамъ она, тамъ! Видите?

Идутъ скорѣе, прибѣжали.

— Она, она!—закричала Ганна, бросилась къ Марысѣ и замерла...

Марыся лежала такъ, какъ и легла: ручки спрятаны въ рукава, ножки подогнула подъ себя, очи закрыты, а все лицо тихое, покойное, и улыбка сіяетъ на немъ.

— Замерзла... Царство небесное, вѣчный покой!—кто-то сказалъ.

— Въ наймы... въ наймы отдала!!—зарыдала Ганна.

Димитрій Марковичъ.

---

[1]) Соломенный заборъ.

ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ.

(Окончаніе).

XX.

Эффи ждала. Она ждала день за днемъ письма отъ Теда Мервинъ. Дѣло въ томъ, что они не то что поссорились, но между ними произошло нѣкоторое охлажденіе. Тедъ завертѣлся въ обществѣ, всегда готовомъ посѣять раздоръ тамъ, гдѣ обнаруживается искреннее чувство; невыясненное недоразумѣніе порождаетъ другое, и возникающая холодность раздражаетъ обѣ стороны, пока счастливая случайность не разсѣетъ тумана, и любовь не побѣдитъ сердечную смуту. Тедъ скоро раскаялся, что огорчилъ своего молодого друга, и написалъ ей письмо, къ сожалѣнію онъ не доставилъ этого письма самъ, а легкомысленно поручилъ передачу его своему пріятелю. Пріятель забылъ письмо въ карманѣ сюртука и, много времени спустя, просто разорвалъ его, не придавая ему особеннаго значенія.

Эффи знала, что Тедъ собирается ей написать и надѣялась, что письмо объяснитъ ей его чувства и положитъ конецъ непріятной холодности отношеній. Но письма не являлось, и веселость Эффи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ей измѣняла, глаза утратили блескъ, движенія стали вялы и разсѣянны.

Но все-таки надежда не умерла еще въ ея сердцѣ до того дня, когда она снова встрѣтила Теда и замѣтила съ его стороны еще большую сдержанность. Тогда она сказала себѣ, что опасенія ея сбылись: письмо не было написано, и онъ разлюбилъ ее.

Весь міръ въ ея глазахъ былъ закованъ льдомъ; надежда и любовь исчезли и съ ними тотъ свѣтъ и то тепло, которые одни были въ состояніи разсѣять горе, сжимавшее ея сердце ледяными тисками.

Открытое, веселое лицо Теда тоже затуманилось; онъ не могъ повѣрить, что маленькій товарищъ дѣтскихъ игръ, его Эффи, образъ которой помогалъ ему переносить суровую жизнь вдали отъ родины, оказалась такой злопамятной эгоисткой, что не хотѣла протянуть руку примиренія. Ему не пришло въ голову справиться, получила-ли она его письмо, или довѣриться лучшему другу—матери; сознаніе незаслуженной обиды сильнѣе и сильнѣе овладѣвало его сердцемъ, и съ теченіемъ времени недоразумѣніе, разрѣшить которое могли два-три слова,

сказанныя отъ души, разрослось въ холодную непріязнь, которою они обманывали другъ друга и страдали, напрасно стараясь побѣдить любовь, которая еще сильнѣе разгоралась отъ неожиданнаго и необъяснимаго недоразумѣнія.

Рахель между тѣмъ всецѣло отдалась занятіямъ музыкой и пѣніемъ; Рейтеръ ликовалъ и давно уже пересталъ быть только учителемъ; онъ настолько увлекался ученицей, что оставался долѣе положеннаго времени, объясняя ей послѣ урока свои взгляды на музыку, исторію ея развитія, и разсказывалъ съ чисто юношескимъ энтузіазмомъ о своемъ знакомствѣ съ нѣкоторыми наиболѣе выдающимися свѣтилами музыкальнаго міра. Особенно восторженно онъ отзывался о Листѣ. Воспоминанія о своей дружбѣ съ этимъ великимъ музыкантомъ были самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ стараго учителя, жизнь котораго была полна суровой борьбы съ нуждою и лишеніями.

Рахель очень дорожила его дружбой, и бесѣды его переносили ее совсѣмъ въ другой міръ, заставляли забывать, хотя на время, безотрадную дѣйствительность.

— Прошу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, — попросила она его однажды, въ холодное январьское утро, когда на сердцѣ у ней было особенно тоскливо.

— Хорошо, я буду играть для васъ,—отвѣтилъ старикъ, торжественно склонивъ передъ нею свою побѣлѣвшую, всклокоченную голову.

Онъ сѣлъ за фортепіано. Ноктюрнъ Шопена смѣнялся пѣсней Мендельсона, грустная мелодія Шумана—торжественнымъ адажіо Бетховена. Рахель сидѣла и слушала, какъ очарованная, перенесенная въ неизвѣстный ей доселѣ рай звуковъ, хотя она не знала ни мелодій, ни именъ тѣхъ, кто создалъ эти чудныя, безсмертныя творенія. Рапсодія Листа заставила ее очнуться; она заинтересовалась чисто технической передачей трудностей этой пьесы, между тѣмъ какъ старикъ въ своемъ увлеченіи достигъ такой силы передачи, что вся комната наполнилась шумной волной звуковъ. Но тутъ случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное. Дверь отворилась, и Рахель вскочила въ испугѣ—на порогѣ стоялъ профессоръ. Его блѣдные, голубые глаза растерянно смотрѣли на игравшаго, но онъ не произнесъ ни слова, пока не затихли полѣдніе звуки заключительныхъ аккордовъ.

— Могу я попросить васъ прекратить этотъ шумъ?—сказалъ онъ тихимъ голосомъ: — гвалтъ, который вы подняли, мѣшаетъ мнѣ работать.

— Простите, пожалуйста,—отвѣтилъ Рейтеръ, вскакивая со стула:— я думалъ, вашъ кабинетъ такъ далекъ, что вы не слышите того, что мы зовемъ музыкой...

— Да, ваша музыка мѣшаетъ мнѣ сосредоточиться на работѣ, которая очень серьезна и требуетъ тишины,—также тихо возразилъ Антоній и ушелъ, тщательно затворивъ за собою дверь.

— Ахъ, какой человѣкъ! Камень и тотъ былъ бы тронутъ, а онъ говоритъ шумъ, гвалтъ!—проговорилъ учитель, всплеснувъ руками.

Краска стыда залила все лицо Рахели.

— Простите!—пробормотала она:—видите, онъ сейчасъ очень занятъ и не ходитъ на лекціи, а то его обыкновенно нѣтъ дома въ эти часы. Я вамъ такъ благодарна за вашу игру.

Старикъ махнулъ рукой.

— Дорогая моя леди, я прекрасно понимаю въ чемъ дѣло. Я всегда готовъ играть для васъ, когда вы только пожелаете.

Но, уходя, онъ бормоталъ себѣ подъ носъ «dieser Mann ist schrecklich, —это ужасный человѣкъ»

Профессоръ не показался въ этотъ день къ завтраку, и Рахель, не дождавшись его, съ бьющимся сердцемъ постучалась въ дверь его рабочаго кабинета. Отвѣта не послѣдовало. Рахель побоялась нарушить его одиночество, побоялась выслушать неодобрительный, холодный отзывъ о ея музыкальномъ увлеченіи и тихонько отошла отъ двери. Она теперь уже избѣгала разсужденій съ Антоніемъ, потому что потеряла надежду заставить его понять ея интересы, какъ не могла постичь и того раздражительнаго отчаянія, съ которымъ онъ теперь относился къ своему труду. Что-то было неладно, но что—она не могла уразумѣть.

Поручивъ Гризельдѣ снести ему завтракъ въ кабинетъ, Рахель поднялась въ свою комнату съ тоскливымъ чувствомъ, вызваннымъ неудовольствіемъ профессора. Она стала очень чутка въ послѣднее время ко всякимъ столкновеніямъ, которыя происходили между ними; ей слишкомъ хотѣлось единенія, и она готова была принести какую угодно жертву, но ея попытки не встрѣчали сочувствія; она часто думала о томъ, что съ удовольствіемъ отдалась бы какому нибудь дѣлу или распорядилась бы своею жизнью, которая, казалось ей, протекала безполезная и никому не нужная. Ей не были чужды альтруистическія стремленія, особенно ее поражалъ всегда примѣръ Мервина, жившаго для другихъ. Такимъ образомъ, въ душѣ Рахели дрожала постоянно струна внутренняго недовольства собою. И сегодня, поднявшись въ свою комнату, она сѣла у окна и задумалась надъ тѣмъ, что хотѣть приносить пользу еще мало, надо умѣть и найти для этого случай.

Каково было ея удивленіе, когда, нѣсколько времени спустя, она услышала шаги профессора по лѣстницѣ. Прижавъ руку къ сильно бьющемуся сердцу, Рахель стояла и ждала, что будетъ. Профессоръ медленно открылъ дверь и проговорилъ со всею любезностью, на какую только былъ способенъ.

— Я иду прогуляться, и мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы пошли со мною.

Радостная готовность, съ какою она согласилась исполнить его желаніе, произвела на Антонія самое пріятное впечатлѣніе. Спускаясь по

лѣстницѣ, онъ улыбался съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія; не было сомнѣнія—жена его становилась положительно очень пріятной особой. Онъ замѣтилъ въ послѣднее время съ ея стороны интересъ къ умственнымъ вопросамъ, и общество ея становилось для него съ каждымъ днемъ интереснѣе. Нѣтъ, не было никакого сомнѣнія, что шагъ, на который онъ рѣшился, соединивъ свою судьбу съ ея судьбой, былъ во всѣхъ отношеніяхъ удачнымъ.

XXI.

— Куда мы пойдемъ?—предупредительно спросилъ профессоръ, когда вышелъ съ Рахелью черезъ садовую калитку на улицу,

— Мнѣ все равно,—отвѣтила она, улыбаясь:—впрочемъ, я особенно люблю гулять по берегу рѣки.

Они направили свои шаги по направленію набережной; морозы прекратились, и на рѣкѣ образовались полыньи; воздухъ былъ сыроватъ, и легкій туманъ окутывалъ даль. Рахель увлеклась по обыкновенію красивымъ видомъ старыхъ зданій, которыя были расположены по берегу рѣки; ихъ темныя, коричневатыя стѣны гармонировали съ сѣровато-свинцовымъ небомъ; вообще ей ужасно нравилась своеобразная архитектура этого стариннаго, поросшаго мохомъ, города. Профессоръ шелъ, погруженный въ свои думы, и только изрѣдка взглядывалъ сбоку на свою спутницу; ему нравилось темно-синее платье, а молодое лицо, оживленное румянцемъ, казалось ему сегодня особенно привлекательно.

— Какъ бы я желала поѣхать путешествовать,—проговорила молодая женщина, продолжая вслухъ свои размышленія, вызванныя видомъ стариннаго города:—я видѣла такъ мало на своемъ вѣку, поэтому мнѣ, вѣроятно, такъ нравятся эти зданія съ башенками и украшеніями и эта аллея на берегу рѣки.

— Вы слишкомъ поддаетесь впечатлѣніямъ окружающаго,—проговорилъ профессоръ.

— Вы видѣли такъ много, неужели вы никогда не встрѣчали чего-нибудь, что заставило бы васъ воскликнуть: какъ это прекрасно!—спросила Рахель, вперивъ въ него пристальный взглядъ.

— Мнѣ трудно стать на вашу точку зрѣнія,—отвѣтилъ профессоръ уклончиво:—впечатлѣнія, которыя вы опредѣляете, какъ восприятіе прекраснаго, менѣе всего имѣютъ для меня значенія.

— Вы были въ Римѣ, развѣ онъ не поразилъ васъ?—настаивала Рахель.

— Какъ городъ контрастовъ, съ философской точки зрѣнія—да,—отвѣтилъ Антоній:—слѣды древней культуры среди полнаго разцвѣта культуры современной, признаюсь, это даетъ много пищи для размышленій.

— Такое явленіе должно быть трогательно,—задумчиво проговорила Рахель.

— Большинство наблюденій приводятъ насъ къ грустному раздумью,—спокойно возразилъ Антоній:—sunt lacrimae rerum, сказалъ старый римскій поэтъ, и міръ повторяетъ эти слова во всѣ вѣка.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросила молодая женщина.

— То, что слезы скрыты во всемъ, чего коснулся человѣкъ,—объяснилъ профессоръ:—и поэтъ былъ правъ. Чѣмъ глубже люди проникаютъ въ глубь человѣческой культуры, тѣмъ больше они находятъ такого, что вызываетъ печаль и грусть.

— Да, это, пожалуй, справедливо, — отвѣтила Рахель: — но вамъ вѣдь это все равно, такъ какъ вы не желаете имѣть ничего общаго съ человѣчествомъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, смыслъ котораго она не могла понять. Думалъ-ли онъ въ эту минуту о своей молодости, когда онъ такъ легкомысленно черпалъ изъ источника человѣческихъ страданій и рано позналъ всю горечь разочарованія въ людяхъ?

— Я отказался отъ радостей и горестей, связанныхъ съ тѣмъ, что называется жизнью сердца,—произнесъ онъ съ разстановкой: — и поэтому я болѣе застрахованъ отъ страданій, которыми мучается большинство людей.

Рахель ничего не отвѣтила на эту сентенцію; они коснулись снова того болевого вопроса, который всегда приводилъ къ разногласію; передъ ними открывалась пропасть, черезъ которую они не могли протянуть другъ другу руку. Профессоръ упрямо стоялъ на своемъ, не замѣчая, что онъ страдаетъ, если не болѣе, то ничуть не менѣе тѣхъ, кто исповѣдуетъ какъ разъ обратное положеніе. Рахель отвернулась и смотрѣла на рѣку, гдѣ два мальчика играли въ снѣжки, кружась вокругъ большой полыньи, которая выступала темнымъ пятномъ среди голубоватаго льда, покрывавшаго рѣку. Вдругъ раздался плескъ, зловѣще нарушившій тишину, и одинъ изъ игравшихъ съ громкимъ плачемъ бросился бѣжать по направленію къ берегу. Рахель громко вскрикнула и схватила профессора за руку.

— О, Антоній, мальчикъ провалился! Скорѣе, скорѣе, надо бѣжать его спасать,— проговорила она, задыхаясь отъ волненія.

Профессоръ не двигался.

— Пока еще неизвѣстно, въ чемъ дѣло, — проговорилъ онъ безучастно:—во всякомъ случаѣ, въ такую погоду бросаться въ воду безумно, она слишкомъ холодна. Къ тому же, одной жизнью больше или меньше...

Но Рахель не слышала, что онъ говорилъ, она давно уже неслась по направленію къ полыньѣ и была уже на мѣстѣ, когда онъ еще не сообразилъ хорошенько объ ея намѣреніи. Раздался другой плескъ, который совершенно иначе повліялъ на него, такъ что онъ невольно ускорилъ шаги и тоже очутился на рѣкѣ. Онъ видѣлъ, какъ голова съ темными волосами вынырнула изъ воды и сейчасъ же опять скрылась.

Тогда Антоній пустился бѣжать. «Съ ума она сошла, что-ли?» подумалъ онъ; но затѣмъ всѣ послѣдующія впечатлѣнія слились въ какой-то страшный хаосъ. Онъ помнилъ потомъ, что протягивалъ руку и схватывалъ другую руку, но напрасно—она каждый разъ ускользала и снова погружалась въ воду. Потомъ его оттолкнули въ сторону здоровые молодые руки, и онъ слышалъ только возгласы, происходила какая-то суматоха. Прошло нѣсколько мгновеній, которыя показались ему вѣчностью, и онъ очутился въ центрѣ небольшой группы людей, смотря на безжизненное тѣло женщины, рядомъ съ которой лежалъ ребенокъ съ посинѣвшимъ лицомъ.

— Ну, слава Богу, присмотри за ребенкомъ, — сказалъ Тедъ Мервинъ своему товарищу: —гдѣ вы живете?—спросилъ онъ другого мальчика, который подбѣжалъ посмотрѣть, живъ-ли его братишка. Съ трудомъ удалось добиться отъ него, гдѣ жили ихъ родители: мальчикъ до того растерялся отъ страха, что долго не могъ взять въ толкъ, чего отъ него требовали и только безпомощно всхлипывалъ. Наконецъ, товарищъ Мервина взялъ на руки спасеннаго ребенка и понесъ его домой, сопровождаемый другимъ мальчикомъ, который дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и только повторялъ: «я не виноватъ, онъ самъ упалъ въ воду».

Профессоръ наблюдалъ, молча, какъ Тедъ, также совершенно мокрый, выжималъ воду изъ одежды Рахели.

— Ушиблась она, какъ вы думаете?—спросилъ онъ наконецъ, слегка испуганнымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ нетерпѣливо оглянулся.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—отвѣтилъ онъ весьма недружелюбно.—Она, вѣроятно, скоро придетъ въ себя, мнѣ случалось спасать утопающихъ, и я знаю, что они приходили въ чувство, даже пробывъ въ водѣ болѣе длинный промежутокъ времени.

— Да?—сказалъ профессоръ, вздохнувъ съ облегченіемъ:—но поступокъ былъ все же очень безразсудный.

— Ну, объ этомъ нечего разсуждать!—возразилъ Тедъ; видъ профессора ужасно дѣйствовалъ ему на нервы:—я снесу ее домой, а вы идите впередъ и распорядитесь, чтобы ей приготовили горячаго чаю или грогу.

— Да,—согласился профессоръ, бросивъ безпокойный взглядъ на блѣдное лицо, окаймленное спутанными мокрыми волосами и на неподвижную фигуру, съ прилипшими къ ней мокрыми одеждами:—я пойду немедленно домой и исполню вашъ совѣтъ.

— Хорошо, что онъ убрался,—подумалъ Тедъ, подымая молодую женщину и собираясь нести ее на рукахъ до дому:—вотъ непріятная личность этотъ профессоръ, и что ее дернуло выходить замужъ за такого истукана? Не подоспѣй я во-время, онъ преспокойно далъ бы имъ утонуть обоимъ.

Тедъ обнялъ стройное тѣло молодой женщины и заглянулъ ей въ лицо. «Ахъ, еслибы это была Эффи, какъ бы я отогрѣлъ ее своими поцѣлуями!—подумалъ онъ со вздохомъ:—я готовъ пожелать, чтобы несчастіе случилось съ нею, по крайней мѣрѣ, я бы всегда помнилъ, что спасъ ее отъ смерти, и такая мысль была бы для меня утѣшеніемъ. Но, не все-ли равно, дѣло бы отъ этого не поправилось, судя по тому, какъ она ко мнѣ относится». Лицо его затуманилось; онъ почувствовалъ такой приступъ тоски, о какой не имѣлъ и понятія еще мѣсяцъ тому назадъ.

XXII.

— Гризельда, — сказалъ профессоръ, вернувшись домой:—приготовьте что-нибудь горячее, чаю или грогу; вы должны знать, что лучше помогаетъ отъ простуды.

— Что случилось, сударь, вы схватили насморкъ?—спросила Гризельда озабоченнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я, благодаря Бога, здоровъ. Рахель увидѣла, какъ мальчикъ упалъ въ воду и имѣла неосторожность броситься его спасать. Ее сейчасъ принесутъ сюда, она безъ памяти.

— Съ нами крестная сила,—проговорила служанка съ неподдѣльнымъ ужасомъ: —вы бы, конечно, никогда не рѣшились на такой поступокъ!—пробормотала она себѣ подъ носъ, уходя въ кухню.

Профессоръ прошелъ въ рабочій кабинетъ и усѣлся на кресло, стараясь привести въ порядокъ свои мысли и выработать правильное сужденіе относительно поступка Рахели. Чѣмъ больше онъ о немъ думалъ, тѣмъ сильнѣе осуждалъ дѣйствіе, которое могло бы имѣть самыя печальныя послѣдствія. Не подвернись Тедъ Мервинъ, она несомнѣнно бы утонула, не смотря на его попытку спасти ее. Какъ необдуманно рисковать жизнью, чтобы спасти другую, по всей вѣроятности жизнь существа, которое само по себѣ не имѣло особеннаго значенія для человѣчества, а сколько бы оно надѣлало тѣмъ хлопотъ *ему*! Она прежде всего должна была подумать о *его* спокойствіи, особенно теперь, когда ея значеніе въ его жизни стало очень замѣтнымъ, и лишиться ея было бы огорчительною случайностью. Профессоръ вздохнулъ. Онъ предался размышленію о томъ, какъ часто слѣпой импульсъ ведетъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ и какъ жаль, что извѣстные предразсудки имѣютъ больше значенія въ смыслѣ общественнаго мнѣнія, чѣмъ разсудительное отношеніе къ фактамъ.

Углубленный въ свои мысли, Антоній не обратилъ вниманія на шумъ въ прихожей и очнулся только тогда, когда Рахель въ мокромъ платьѣ и со сбившимися мокрыми волосами вошла въ кабинетъ. Лицо ея было блѣдно, глаза горѣли и вся фигура ея дышала негодованіемъ. Она закрыла за собою дверь и стояла неподвижная; тѣло ея вздрагивало отъ холода и, вѣроятно, отъ сдерживаемаго волненія. Профессоръ почувствовалъ себя очень неловко.

— Надѣюсь, вамъ лучше,—произнесъ онъ неувѣреннымъ тономъ, дѣлая нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу:—я бы посовѣтовалъ вамъ перемѣнить мокрую одежду. Избѣгнувъ благополучно опасности, нѣтъ основанія пренебрегать обыкновенными предосторожностями; вы этимъ только увеличиваете необдуманность поступка...

Рахель подошла къ нему и остановилась у стола неподалеку отъ камина.

— Антоній, отчего вы не хотѣли спасти его?—проговорила она почти шепотомъ, съ выраженіемъ необыкновеннаго страданія на почти мертвенномъ лицѣ.

— Дорогое дитя,—возразилъ онъ усталымъ голосомъ:—мои причины должны быть ясны для всякаго сколько-нибудь развитого ума. Нѣтъ основаній рисковать одною жизнью, чтобы спасти другую, если эта другая не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ наша собственная. Кто былъ этотъ ребенокъ?—дитя работника; что представляла его потеря для человѣчества? Я самъ по себѣ, конечно, не имѣю значенія, но мой трудъ—конченный—безспорно имѣетъ больше цѣны, чѣмъ жизнь этого ребенка. Разсудите сами.

— Нѣтъ, вы не правы. Вы дѣйствовали эгоистично и безсердечно. Этого ребенка дома ждетъ мать, которая его горячо любитъ, отецъ, братья, они бы оплакивали его смерть, а кто будетъ оплакивать насъ съ вами?

Она говорила подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва, и каждое слово было произнесено съ такимъ убѣжденіемъ, что профессоръ невольно содрогнулся отъ ея рѣчи.

— Это менѣе всего имѣетъ для меня значенія,—отвѣтилъ онъ съ ледянымъ спокойствіемъ:—я считаю безуміемъ всякіе героическіе поступки и предпочитаю имъ разумныя, хорошо обдуманныя дѣйствія. Мнѣніе большинства будетъ на вашей сторонѣ, но я не признаю, чтобы это мнѣніе было всегда справедливо.

— Ахъ, не стоитъ объ этомъ разсуждать,—перебила его Рахель.—Вы все говорите, говорите и никогда ничего не дѣлаете. Я не вѣрю ни въ вашъ разумъ, ни въ ваше сердце; его нѣтъ у васъ, и умри я, вы бы ни минуты обо мнѣ не пожалѣли. Я не рада тому, что осталась въ живыхъ: лучше умереть, чѣмъ жить безъ любви.

Она подошла къ столу и облокотилась на него, точно ища поддержки; ноги подкашивались отъ усталости, но въ большихъ темныхъ глазахъ горѣлъ огонь негодованія, и она точно прожигала своимъ взглядомъ профессора, который тщетно пытался сохранить свое уравновѣшенное спокойствіе.

— Осторожно, вы сомнете мою рукопись,—замѣтилъ Антоній, слѣдя съ безпокойствомъ за ея рукой, которая слегка придавила листки, разбросанные на столѣ:—я полагаю,—продолжалъ профессоръ,—что вамъ бы слѣдовало принимать въ соображеніе мое спокойствіе; потрясеніе,

которое я испыталъ, лишаетъ меня сейчасъ возможности работать. Я уже указывалъ вамъ не разъ, что ваши порывы не доведутъ до добра; напротивъ, вы пренебрегаете своими обязанностями по отношенію ко мнѣ.

— А вы, развѣ вы сами ихъ исполняете?—вырвалось у нея болѣзненнымъ тономъ:—я вамъ отдала свою жизнь, свою молодость! Что вы дали мнѣ за все время нашей совмѣстной жизни? Подумали-ли вы о томъ, сколько я страдала, видя ваше безучастное отношеніе? Было-ли вамъ какое дѣло до моей души, до тѣхъ вопросовъ, которыя волновали меня? Для васъ я была не живымъ человѣкомъ, а вещью, которую вы принесли въ домъ для своего лишь комфорта, и вы никогда не задумывались о томъ, что я вынесла за это время.

— Еще разъ обращаю ваше вниманіе на рукопись,—настаивалъ профессоръ, протягивая руку по направленію къ столу.

— Ахъ, кому нужна ваша рукопись! Я ненавижу ее, потому что она отнимаетъ у меня васъ, вы ее любите больше живыхъ людей...— Рахель схватила листки и зажала ихъ въ рукѣ. Увидѣвъ испуганное выраженіе на лицѣ профессора, она потеряла послѣднее самообладаніе и... одна минута... и листы полетѣли въ огонь. Сдержанный крикъ пронесся по комнатѣ, и Рахель въ ужасѣ отступила назадъ. Къ ней вернулось сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ поднималось неясное представленіе о страшномъ бѣдствіи, которое она накликала на свою жизнь.

Огонь горѣлъ и пожиралъ листки, которые темными обрывками улетали въ трубу. Въ комнатѣ царило зловѣщее молчаніе. Часы на каминѣ пробили восемь. Два человѣческихъ сердца переживали острую агонію страданія, и угрожающій призракъ роковой бѣды леденилъ ихъ души. Рахель взглянула на профессора, который сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Безконечная жалость и раскаяніе охватили ее, побѣлѣвшія губы шептали одно слово: «прости». Она подошла къ мужу и дотронулась до его плеча. Онъ поднялъ голову только на одну минуту, чтобы сказать хриплымъ голосомъ, полнымъ презрѣнія: «уйди». Инстинктивно понявъ, что теперь все потеряно, Рахель вышла изъ комнаты.

Въ домѣ все было тихо. Гризельда не слышала, какъ она вернулась, и думала, что Мервинъ взялъ ее къ себѣ, такъ какъ ихъ домъ былъ ближе къ рѣкѣ. Молодая женщина неслышными шагами поднялась въ свою комнату. Голова кружилась, въ вискахъ невыносимо стучало, а въ больномъ мозгу неотвязно мелькала мысль—бѣжать. Въ жизни ея наступилъ кризисъ, всякая надежда потеряна, надо искать убѣжища, надо скрыться, но куда? У ней не было ни малѣйшаго колебанія, рѣшеніе сразу стало безповоротнымъ. Проститься со всѣмъ, что было прежде, и уйти. «Какъ это случилось? Какъ могла я бросить рукопись въ огонь? Я такъ страдала, что потеряла разсудокъ. Онъ теперь возненавидѣлъ меня, но не все-ли равно, вѣдь я ухожу». Такъ думала Рахель, машинально укладывая кое-какія вещи въ дорож-

ный мѣшокъ. Она даже не думала перемѣнить платье, а только пригладила волосы, завернула голову платкомъ и надѣла сверхъ мокраго платья большой бурнусъ, чтобы не обратить на себя вниманія. Она скоро кончила свои приготовленія и вышла изъ комнаты. Все кругомъ было по-прежнему тихо. Она осторожно спустилась по лѣстницѣ, боясь встрѣтить Гризельду, прокралась къ дверямъ и вышла на улицу.

Какъ холодно! Вечерній воздухъ охватилъ ее и заставилъ вздрогнуть. Она не отдавала себѣ отчета, почему ей было такъ холодно, и шла торопливыми шагами, наклонивъ голову. Впервые у нея мелькнулъ вопросъ: куда идти? На станцію, рѣшила она и наняла извозчика. Дорогой она обдумывала, куда ей ѣхать; вѣдь она совсѣмъ, совсѣмъ одна на всемъ свѣтѣ! «Въ Лондонъ? Да она поѣдетъ въ Лондонъ и будетъ тамъ пѣть». Сознаніе, что у ней осталось искусство, какъ-то согрѣло ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей вспомнился Рейтеръ». Да, конечно, она поѣдетъ къ нему. Онъ одинъ въ состояніи руководить ею и помочь ей начать самостоятельную жизнь. Слабый лучъ надежды освѣтилъ тяжелую тьму, которая ее окружала, но только на минуту: сознаніе ужаснаго поступка и жалость къ человѣку, который сидѣлъ теперь одиноко, потерявъ то, что составляло цѣль его жизни, наполнило ее ужасомъ и заставило ее содрогнуться при мысли, что это преступленіе никогда не будетъ прощено.

XXIII.

Рейтеръ сидѣлъ въ своей любимой качалкѣ и читалъ вечернюю газету, когда ему сообщили, что его желаетъ видѣть какая-то особа.

— Такъ поздно? Вотъ странное время для посѣщеній!—сказалъ онъ съ удивленной улыбкой, обращаясь къ своей дочери, бѣлокурой и голубоглазой нѣмочкѣ, которая сидѣла съ работой около стола.

Однако, онъ поднялся и пошелъ посмотрѣть, кто эта странная посѣтительница.

— Кого я вижу? Что это значитъ?—воскликнулъ онъ, увидѣвъ Рахель, голосомъ, полнымъ изумленія:—и вы здѣсь, въ такой поздній часъ? Онъ взялъ ее за руку и ужаснулся, до того она была холодна.

— Простите меня,—произнесла Рахель упавшимъ голосомъ,—простите, что безпокою васъ въ такой поздній часъ, но мнѣ некуда было идти, и вотъ я пришла къ вамъ.

— Прекрасно сдѣлали, я очень радъ,—говорилъ онъ въ замѣшательствѣ, ероша свои сѣдые волосы:—но господинъ профессоръ, онъ тоже пріѣхалъ съ вами?

— Нѣтъ, онъ дома.—Она была такъ утомлена, что могла только передать фактъ, не вдаваясь въ подробности: — мы поссорились и... я принуждена была уйти. Помогите мнѣ найти квартиру.

— Mein Gott: вотъ положеніе. Но... но это ничего, мы васъ устроимъ.

Вы останетесь у насъ, я познакомлю васъ съ дочерью, она распорядится; вѣдь немыслимо, теперь ночью, искать квартиру.

Рахель улыбнулась печальной улыбкой.

— Благодарю васъ, я очень устала и мнѣ холодно. Я нечаянно провалилась въ рѣку и немного простудилась, но завтра поправлюсь; увѣряю васъ, это ничего,— прибавила она успокоительно.

— Провалились въ рѣку? Какимъ образомъ?

— Я хотѣла спасти ребенка, который упалъ въ полынью. Антоній разсердился на меня, а я сожгла его рукопись, и теперь все кончено.— Рахель говорила съ трудомъ, она такъ дрожала, что привела старика въ полное отчаяніе.

— Mein armes Kind, это ужасно, вамъ надо лѣчиться, вамъ надо сейчасъ же лечь въ постель. Какое ужасное положеніе! — Рейтеръ позвалъ свою дочь, объяснилъ ей въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ дѣло, и не прошло и четверти часа, какъ Рахель уже лежала въ постели, а Роза Рейтеръ поила ее горячимъ чаемъ. Силы совсѣмъ измѣнили молодой женщинѣ, вѣки ея слипались, и черные круги легли вокругъ глазъ. Она послушно исполняла все, что предписывала ей молодая хозяйка, которая съ чуткостью хорошей женской души угадала, что гостья ея потрясена сильнымъ горемъ, и успокоивала ее, какъ ребенка. Наконецъ, она положила свою руку на горячій лобъ Рахели и проговорила.

— Спите спокойно, вы дома и окружены друзьями.

Рахель вскорѣ заснула, смутно чувствуя благотворное прикосновеніе любящей руки, которая успокоительно подѣйствовало на ея больную душу.

— Что мы будемъ дѣлать? — совѣтовался Рейтеръ съ дочерью, когда она вернулась къ нему:—Я не удивляюсь, что она убѣжала отъ профессора, онъ ужасный человѣкъ. Ахъ, какой человѣкъ! Но надо дать знать, что она у насъ; я напишу и сообщу объ этомъ.

— Не лучше-ли послать телеграмму вашимъ друзьямъ—мистрисъ Мервинъ и ея мужу, они передадутъ профессору,—совѣтовала дочь.

— Твоя правда, такъ будетъ лучше; сейчасъ отправляю телеграмму. Но какое неловкое положеніе, очень, очень неловкое!

На другое утро Рахель горячо благодарила своего учителя.

— Я была вчера полумертвая и напугала васъ; теперь мнѣ лучше, помогите мнѣ найти комнату.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Вы простужены и должны сидѣть дома. Подумайте о своемъ голосѣ; вы страшно себѣ повредите: только плохіе пѣвцы любятъ отговариваться простудой.

— О, увѣряю васъ, это ничего, пройдетъ, я часто простужалась, у меня болятъ всѣ члены, но это отъ усталости,—пробовала протестовать Рахель. Но протесты не помогли, и она осталась у добрыхъ людей, которые съумѣли такъ бережно и съ такимъ тактомъ отнестись къ ея горю.

Она просидѣла весь день и думала объ Антоніѣ, раскаявалась и мучилась. Нездоровье она тщательно скрывала, но къ вечеру ей сдѣлалось хуже, и ее уложили въ постель. Рейтеръ старался поддержать ея бодрость, предсказывалъ ей успѣхи и съ увлеченіемъ говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ работать съ ней и какую сдѣлаетъ изъ нея пѣвицу. Рахель слабо улыбалась, но ее преслѣдовала одна неотвязчивая мысль: она хотѣла написать профессору. Когда всѣ удалились на ночь, она встала, накинула платокъ и сѣла писать.

«Согласны-ли вы выслушать меня, Антоній, въ послѣдній разъ,—такъ гласило письмо,—прежде чѣмъ бросить эти строки въ огонь и навсегда вычеркнуть меня изъ своей жизни. Повѣрьте, я не прошу прощенія и не оправдываюсь; я знаю, для меня нѣтъ оправданій. Я хочу только сообщить вамъ, что передумала за этотъ день, сказать, что я считаю себя страшно виноватой; я ненавижу себя, какъ и вы, вѣроятно, ненавидите меня. А мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы любили меня, Антоній! Теперь я могу признаться въ этомъ, потому что уже больше не увижу васъ; можетъ быть, это признаніе заставитъ васъ отнестись ко мнѣ болѣе снисходительно.

«Дорогой мой, все было ошибкой съ начала до конца, въ этомъ я теперь убѣдилась. Я создана любить, вы — мыслить. Мы никогда не могли быть счастливы; но когда я выходила за васъ замужъ, то надѣялась, что вы полюбите меня, и старалась вамъ понравиться. Оттого я стала заниматься философіей, желая понять ваши интересы и тѣмъ самымъ стать къ вамъ ближе въ умственномъ отношеніи. Но это была напрасная попытка: все равно, ничего не измѣнилось бы къ лучшему. Послѣ того пропасть, насъ раздѣляющая, стала еще шире. Вѣроятно, я вамъ часто надоѣдала своими вопросами, такъ какъ мнѣ казалось, что вы держали себя сдержаннѣе и выказывали больше холодности. А какъ я жаждала добраго слова, похвалы, чего-нибудь, что доказало бы мнѣ, что я вамъ не въ тягость...

«Теперь я ушла навсегда. Вчера вы мнѣ сказали «уйди», и судьба моя была рѣшена. Вы, конечно, рады, что избавились отъ меня, но, тѣмъ не менѣе, я васъ прошу, вспоминайте (если это случится) обо мнѣ безъ злобы, какъ о человѣкѣ, который могъ бы васъ сильно любить, еслибы обстоятельства сложились иначе.

«Благодарю васъ за все, что вы для меня сдѣлали; я научилась многому и полюбила нашъ домъ и городокъ, и добрыхъ друзей. Все это я потеряла по своей винѣ, но я знаю также, что бракъ безъ любви самое большое и непоправимое зло. Этими словами я не хочу упрекать васъ: вы прожили жизнь сами по себѣ и не думали никогда о томъ, что составляетъ счастье и несчастье обыкновенныхъ смертныхъ.

«Самое ужасное для меня—это воспоминаніе о моемъ безразсудномъ поступкѣ съ рукописью; не случись этого, вы, быть можетъ, въ концѣ

концовъ научились бы меня любить. Прощайте, я очень устала; сердце изнываетъ отъ мысли, что счастье все же *было* возможно.

«Рахель».

Профессоръ получилъ это письмо на другой день послѣ обѣда. Онъ все время послѣ ухода Рахели провелъ въ полномъ одиночествѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ она ушла изъ комнаты, онъ подошелъ къ столу, гдѣ лежало его сокровище, работа всей его жизни; лицо его озарилось радостью—рукопись была цѣла; тѣ листы, которые Рахель бросила въ огонь, были лишь случайныя замѣтки и не имѣли серьезнаго значенія. Онъ вздохнулъ свободно и въ эту минуту почти забылъ о ссорѣ и о всѣхъ непріятныхъ вещахъ, которыя наговорила ему Рахель,—до того онъ былъ поглощенъ радостью, что драгоцѣнные листы сохранились въ цѣлости.

Только на слѣдующее утро Антоній отдалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что случилось. Во всемъ домѣ господствовала унылая тишина. Черезъ Гризельду онъ узналъ объ уходѣ жены. Онъ отвѣтилъ ей нѣсколькими нетерпѣливыми словами на ея сообщеніе и старался успокоить себя работой; онъ читалъ, перебиралъ рукописи, но время тянулось съ подавляющей медленностью. Гризельда приходила съ соболѣзнованіями и съ хозяйственными вопросами. Онъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и заперъ дверь кабинета на ключъ. Гризельда не смѣла доложить ему о приходѣ Мервина, который приносилъ телеграмму, такъ что профессоръ совершенно не зналъ, гдѣ находится Рахель. Слѣдующій день прошелъ въ такомъ же порядкѣ, и только вечеромъ Элленъ осмѣлилась снести ему письмо, которое приведено выше, письмо отъ Рахели. Антоній разорвалъ конвертъ и прочиталъ строки, написанныя дрожавшей отъ волненія рукой.

Прочтя письмо, онъ отложилъ его въ сторону и долго сидѣлъ задумавшись. Потомъ онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, снова взялъ письмо и, раскрывъ его, положилъ на столъ. «А мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы любили меня, Антоній». Эти простыя слова, казалось, раздавались въ комнатѣ и наполняли собой окружавшее его пространство. Онъ отвернулся, но его взглядъ невольно снова обращался на письмо, и онъ перечитывалъ его строчка за строчкой. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ и думалъ, имъ овладѣвала странная слабость. Тщетно старался онъ бороться съ чувствомъ, которое поднималось со дна души; ему хотѣлось убѣдить себя, что онъ правъ, а между тѣмъ какой-то голосъ шепталъ ему, что онъ, именно онъ самъ виноватъ, и устои, на которыхъ онъ построилъ свою жизнь, заколебались.

Онъ вскочилъ, какъ человѣкъ, на котораго обрушивается внезапный ударъ, точно завѣса спала съ его глазъ, и пробормоталъ, просыпаясь какъ бы отъ тяжелаго сна.

— Я... ошибся!—онъ произнесъ эти слова противъ воли, пораженный такимъ неожиданнымъ выводомъ.

Профессоръ стоялъ, облокотившись на столъ, блѣдный и потрясенный. Передъ нимъ мелькали событія недавняго прошлаго, онъ видѣлъ передъ собою умоляющіе глаза Рахели, полные нѣмого отчаянія, такъ часто обращенные на него, а онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Около него томилась молодая душа, а онъ думалъ только о своемъ спокойствіи. «Счастье все же было возможно», повторялъ онъ послѣднія слова ея письма. Что-то новое, неиспытанное, зашевелилось въ его груди, ему стало ее невыносимо жаль. «И она страдаетъ напрасно», подумалъ онъ, взглянувъ на рукопись, аккуратно сложенную на столѣ. «Но какъ быть, что дѣлать?» Впервые, за долгіе годы жизни, въ немъ проснулось живое чувство человѣка къ человѣку...

Погруженный въ свои мысли, онъ не замѣтилъ, что дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ Мервинъ. Онъ подошелъ къ своему другу и коснулся его плеча. Антоній обернулся, и Мервина поразило страшное выраженіе отчаянія, которое онъ прочиталъ на лицѣ профессора.

— О чемъ ты задумался, Антоній?—спросилъ онъ его тихимъ голосомъ.

— Sunt lacrimae rerum,—просто отвѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія.

Мервинъ взглянулъ на него пристальнымъ взглядомъ.

— Правда, но что жъ изъ этого? Одиночествомъ нельзя побѣдить своей судьбы.—Онъ нагнулся и поднялъ письмо, которое Антоній взялъ въ руки и уронилъ въ минуты внутренней борьбы.

— Могу я прочесть это письмо?—спросилъ Мервинъ.

Антоній кивнулъ головой.

Робертъ Мервинъ подошелъ къ лампѣ и быстро пробѣжалъ строки; каждое слово производило на него необыкновенное впечатлѣніе своею простотой и искренностью; ему болѣе, чѣмъ кому-либо, была понятна та борьба, которую переживала чуткая душа Рахели. Окончивъ письмо, онъ взглянулъ на профессора; по живости характера Мервинъ для каждаго положенія искалъ сейчасъ же выхода, и его раздражало пассивное молчаніе профессора.

— Послушай, надо же рѣшиться, надо же что-нибудь *сдѣлать*.

Антоній поднялъ голову и встрѣтилъ, не моргнувъ, серьезный, осуждающій взглядъ Мервина.

— Робертъ,—сказалъ онъ тихо,—я чувствую, что что-то неладно. Я... ошибся.

Ректоръ наклонилъ голову въ знакъ согласія. Во всю свою жизнь онъ не слыхалъ никогда, чтобы въ такихъ простыхъ словахъ заключался такой глубокій, патетическій смыслъ.

— Да, я ошибся,—повторилъ Антоній:—я не понялъ, въ чемъ смыслъ жизни. Вы были правы—и я... я потерялъ все...

— Полно, дружище!—воскликнулъ Мервинъ и въ порывѣ велико-

душнаго сочувствія схватилъ руку своего друга.—Кто изъ насъ не ошибался! Ты же теперь познаешь благо черезъ страданіе. Не падай духомъ, жизнь вдвоемъ всегда сложнѣе, а ты не хотѣлъ этого признать,—грустно добавилъ ректоръ.

— Садись,—сказалъ Антоній:—я разскажу тебѣ, какъ было дѣло.

Робертъ Мервинъ слушалъ молча, закрывъ лицо руками, и, когда другъ его кончилъ свою исповѣдь, просто спросилъ:

— Что ты думаешь теперь дѣлать?

— Какъ? Ты не бранишь меня, не зовешь извергомъ? Вѣдь ты же согласенъ, что мое поведеніе и мои требованія были самыя жестокія.

— Теперь не время объ этомъ разсуждать, и ты знаешь, какъ я не люблю играть роль судьи. Рахель сознается, что и она была неправа. Теперь надо дѣйствовать, и ты, конечно, поймешь, что тебѣ надо думать объ одномъ—о ея счастьѣ?

— Теперь все кончено,—проговорилъ Антоній:—я остался одинъ, и жизнь моя разбита.

— Послушай, одумайся, что ты говоришь! Вѣдь она любитъ тебя; поѣзжай сейчасъ же и привези ее домой.

— Привезти Рахель... домой?

— Ну да, какой ты странный. Вѣдь тебѣ же лучше жилось, пока она была съ тобой.

Антоній взглянулъ на Мервина и произнесъ нерѣшительно:

— Да, я сознаюсь, что... что страдаю... ея отсутствіе тягостно...

— Ну, такъ что тутъ толковать!

— Но она... писала, что ушла совсѣмъ, что все было ошибкой съ начала до конца...

— Теперь все измѣнится, разъ ты сознался, что былъ неправъ. Поступи, какъ мужчина, скажи ей все, и она поймета. Настала минута въ твоей жизни, когда ты долженъ доказать, что понялъ, въ чемъ состоитъ призваніе человѣка.

Наступило молчаніе. Мервинъ слѣдилъ за Антоніемъ, въ душѣ котораго совершалась тяжелая борьба. Повернуть съ намѣченнаго пути для человѣка его характера было не легко; рѣшеніе созрѣвало медленнымъ, мучительнымъ процессомъ; всю жизнь онъ провелъ въ уравновѣшенныхъ размышленіяхъ, и ему было страшно перейти отъ разсужденій къ дѣйствію.

Прошло десять минутъ, пятнадцать, ректоръ все ждалъ. Наконецъ, Антоній всталъ. Онъ казался надломленнымъ и постарѣвшимъ. Не легко сбросить цѣпи, когда человѣкъ ихъ самъ на себя наложилъ.

— Ты правъ,—тихо проговорилъ онъ:—поѣдемъ. Вина была моя, и я постараюсь ее загладить.

XXIV.

Рейтеръ сидѣлъ у фортепіано, проигрывая новую оперу, сочинен-

ную однимъ изъ его друзей, когда пришли доложить о приходѣ профессора. Музыкантъ вскочилъ со стула почти съ испугомъ, между тѣмъ какъ Антоній подалъ ему руку съ выраженіемъ какой-то безпомощной растерянности.

— Простите мое внѣдреніе,—проговорилъ онъ вѣжливо:—но меня принудили къ этому обстоятельства. Благодарю васъ за попеченіе о моей женѣ—могу я ее повидать?

— Да, гм, конечно,—бормоталъ Рейтеръ, срывая съ носа очки и удивленно мигая глазами на неожиданнаго посѣтителя:—присядьте, пожалуйста. Вы, вѣроятно, желаете примириться съ вашей супругой?

— Да, таково мое намѣреніе, — грустно проговорилъ профессоръ, не обращая вниманія на придвинутый Рейтеромъ стулъ.

— Очень хорошо, это очень хорошо,—растерянно повторялъ старый музыкантъ:—ссоры портятъ характеръ, наполняютъ сердце горечью. Но ваша жена еще не совсѣмъ поправилась.

Профессоръ взглянулъ на говорившаго съ нѣмымъ изумленіемъ.

— Слѣдствія простуды,—пояснилъ Рейтеръ:—она совершенно потеряла голосъ; но онъ вернется, надо только беречь себя.

— Да,—разсѣянно согласился Антоній: — я предложу ей вернуться домой теперь же, такъ будетъ лучше.

Рейтеръ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на профессора далеко не дружелюбно.

— Вы, конечно, сейчасъ желаете ее видѣть, прошу васъ,—онъ жестомъ пригласилъ Антонія слѣдовать за собой.

Они вошли въ столовую, гдѣ Рахель сидѣла вмѣстѣ съ дочерью Рейтера; послѣдняя сейчасъ же вышла изъ комнаты вслѣдъ за отцомъ, который поманилъ ее за собой.

— Что это значитъ, отецъ?—спросила она его, когда они были въ другой комнатѣ.

— Что значитъ, Резхенъ? Чортъ побери! Этотъ человѣкъ сумасшедшій, онъ хочетъ увезти Рахель, когда сегодня дуетъ противный восточный вѣтеръ. А я такъ берегу ея голосъ. Какой это былъ голосъ! Но онъ вернется, если этотъ профессоръ не испортитъ всего дѣла.

— Но она, можетъ быть, совсѣмъ не захочетъ вернуться,—замѣтила его дочь:—она говорила, что ушла совсѣмъ и хочетъ посвятить себя музыкѣ.

Рейтеръ пожалъ плечами.

— Увидимъ,—произнесъ онъ мрачно.

Антоній Грэмъ между тѣмъ оглянулся въ маленькой комнаткѣ, въ которую его ввели; сперва онъ не замѣтилъ Рахели,—она лежала на диванѣ, но когда онъ, наконецъ, увидѣлъ ее, то испугался: настолько она перемѣнилась за эти два дня. Глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ, лицо осунулось, и губы были судорожно сжаты, какъ бы отъ сильнаго внутренняго страданія или скорби.

— Рахель,—проговорилъ онъ тихо:—Рахель!

Она вскочила и схватилась за спинку стула; ноги ея подкашивались, и она съ трудомъ могла побороть охватившее ее волненіе.

— Антоній, вы не получали моего письма?—проговорила она чуть слышно.

— Я получилъ его и пришелъ принести вамъ отвѣтъ, — отвѣтилъ ей профессоръ. Голосъ его поразилъ ея слухъ какимъ-то новымъ, незнакомымъ ей оттѣнкомъ. Рахель опустилась на диванъ и закрыла лицо руками.—Я не могъ отложить своего пріѣзда,—продолжалъ мужъ тѣмъ же, повидимому, спокойнымъ тономъ,—такъ какъ считалъ своимъ долгомъ отвѣтить вамъ какъ можно скорѣе и лично передать свой отвѣтъ. Я постараюсь быть вполнѣ откровеннымъ. Вы мнѣ писали, что мы сдѣлали ошибку; я признаюсь въ этой ошибкѣ и пріѣхалъ просить васъ простить меня.

Слова его долетали до ея слуха, но она не отдавала себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи. Оно помнила одно—свою вину и думала, что онъ явился, какъ судья, и снова будетъ упрекать ее, а сердце ужъ такъ наболѣло, и все, все было кончено.

Онъ снова заговорилъ. Его ровный мелодическій голосъ звучалъ такъ пріятно, она рада была его услышать еще разъ, только бы онъ не касался наболѣвшихъ вопросовъ, не растравлялъ напрасно сердечныхъ ранъ.

— Если вы вернетесь ко мнѣ, то и вы, и я—мы должны доказать другъ другу, что умѣемъ прощать. Я былъ неправъ, скрывая отъ васъ, какъ я дорожилъ вашимъ присутствіемъ. Вернитесь, и я докажу вамъ что вы мнѣ дороги... я постараюсь сдѣлать васъ счастливою, насколько умѣю. Я многаго не понималъ...

Она взглянула на него съ изумленіемъ, не вѣря своимъ ушамъ, и въ страшномъ волненіи протянула ему руку.

— Но рукопись,—сказала Рахель дрожащимъ голосомъ:—можете-ли вы простить?

— Рукопись цѣла; вы сожгли замѣтки, не особенно цѣнныя,—отвѣтилъ Антоній:—все это забыто.

Радостный крикъ, похожій на рыданіе, вырвался изъ ея груди, между тѣмъ какъ профессоръ, взявъ ее за руку, привлекъ къ себѣ и крѣпко обнялъ. Что это такое? Развѣ это былъ его голосъ, голосъ Антонія, который шепталъ ей на ухо;

— Дорогая, я былъ не правъ. Прости меня. Я пренебрегъ твоимъ счастьемъ, но теперь, теперь я буду другимъ.

Слова эти были выраженіемъ долго сдерживаемаго сильнаго чувства, которое вырвалось изъ желѣзныхъ тисковъ, и реакція была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже была природа человѣка, сказавшаго «я былъ неправъ».

Рахель смотрѣла на него вся радостная, полная внутренняго сча-

стья; она прислонилась головою къ его плечу, и ей казалось, что это только сонъ, и что очарованіе исчезнетъ такъ же неожиданно, какъ появилось. Но нѣтъ, его сильная рука прижимала ее къ себѣ, а другой онъ гладилъ ея волосы и потомъ осторожно посадилъ на диванъ. Онъ не могъ сразу стать другимъ и рѣзко измѣнить свое поведеніе; но разъ сознавшись, что все, на чемъ онъ строилъ свою жизненную программу, было не вѣрно, онъ твердо пошелъ по намѣченному пути и ни минуты болѣе не колебался высказать ей то, что чувствовалъ. Каждое его слово приливало новую радость въ ея больную душу—она слушала его слова, его исповѣдь съ возроставшимъ волненіемъ.

— Но вы совсѣмъ больны,—перебилъ онъ свою рѣчь, глядя на ея лицо; темныя тѣни и судорожныя движенія губъ привлекли его вниманіе:—выдержите-ли вы переѣздъ?

— О да, я хочу ѣхать домой, возьмите меня съ собой. Я хочу убѣдиться, что все, что вы говорите, правда; начать жить новою жизнью—это такое счастье,—проговорила Рахель, прижимаясь къ нему:—дома я поправлюсь, я хочу быть здоровой и жить.

Она чувствовала, что жизнь начинается сначала, и что теперь онъ включилъ ее въ свою жизнь, полную культурныхъ интересовъ, приподнялъ ее до своего уровня, и въ ней снова проснулась надежда, которую она лелѣяла, надежда быть любимой, и манила ее, открывая ей будущее, полное невыразимой прелести. Она спѣшила вступить въ это будущее, которое еще такъ недавно казалось ей навсегда утраченнымъ.

XXV.

Рахель сидѣла въ глубокомъ креслѣ у камина; большой сѣрый котъ лежалъ у нея на колѣняхъ и тихо мурлыкалъ, а рядомъ, на стулѣ, сидѣла Эффи; между ней и Рахелью шелъ серьезный разговоръ.

Вчера профессоръ привезъ свою жену домой; она увѣряла, что теперь совершенно выздоровѣла; на самомъ дѣлѣ, сегодня у ней опять сдѣлался приступъ лихорадки и боль во всѣхъ членахъ. Гризельда уговорила ее не выходить изъ комнаты и усердно поила ее чаемъ. Молодая женщина казалась очень блѣдной, но, не смотря на лихорадку и общее недомоганіе, у нея былъ очень счастливый видъ. Всѣ друзья отнеслись къ ней съ большимъ участіемъ, а Антоній постоянно заходилъ справляться о ея здоровьѣ. Рахель разсказала Эффи о своихъ страданіяхъ и выслушала ея признаніе по поводу поведенія Теда.

— Повѣрьте, тутъ простое недоразумѣніе,—утѣшала Рахель молодую дѣвушку,— все разъяснится, и вы будете счастливы.

— Нѣтъ, у меня пропала всякая надежда, а впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить. Не всѣмъ же выходить замужъ; можно и такъ прожить, стараясь приносить пользу.—Губы Эффи вздрагивали; она старалась казаться спокойной, на самомъ дѣлѣ готова была расплакаться. Рахель смотрѣла на нее съ изумленіемъ. Ее поразила сила характера

этой нѣжной особы, которую она когда-то считала довольно легкомысленной. Откуда взяла она эту силу—побѣда надъ своимъ горемъ стоила ей не малой борьбы. Вдругъ легкій стонъ, сорвавшійся съ губъ Рахели, заставилъ Эффи ближе вглядѣться въ лицо пріятельницы:

— Что съ вами, дорогая, вы страдаете? — спросила она съ участіемъ,—и ваша болѣзнь серьезнѣе, чѣмъ вы говорите.

— Нѣтъ,—храбро возразила Рахель, хотя голосъ ея дрожалъ:—это приступъ ревматизма; я забыла, что не могу еще свободно двигать руками и головой.

Но ея подруга не такъ-то скоро успокоилась и, прощаясь, долго вглядывалась въ блѣдное лицо Рахели.

— Меня не стоитъ жалѣть, я сама виновата,—отвѣтила она на усиленныя просьбы Эффи поберечь себя.

— Ну, это не мѣняетъ дѣла,—отвѣтила послѣдняя и остановилась на порогѣ, окинувъ грустнымъ взглядомъ фигуру молодой женщины, безпомощно лежавшей на креслѣ; потомъ, охваченная необъяснимой тоскою, она вышла изъ комнаты, не будучи въ силахъ удержать подступавшія слезы.

Рахель между тѣмъ сидѣла и мечтала о томъ, какъ она устроитъ свою жизнь; въ ней проснулась съ новою силою жажда знанія; да, она будетъ учиться, будетъ черпать изъ мудрости вѣковъ, чтобы достигнуть той высоты развитія, которая сдѣлаетъ ее достойною быть товарищемъ мужа. Теперь кончились всѣ мученія, онъ позволитъ ей принять участіе въ его жизни—приносить посильную пользу.

— Не надо-ли вамъ чего-нибудь?— прозвучалъ голосъ профессора, который незамѣтно вошелъ въ комнату: — вамъ должно быть тяжела эта вынужденная бездѣятельность.

— Нѣтъ,—радостно отвѣтила она:—я довольна и счастлива. Съ моей стороны было бы большой неблагодарностью жаловаться теперь. Скажите мнѣ, если я буду заниматься и учиться, буду-ли я въ состояніи прочесть и понять вашу книгу, когда она будетъ готова?

— Да, я увѣренъ въ этомъ,—отвѣтилъ Антоній, улыбаясь ей въ отвѣтъ:— я просмотрѣлъ книги, которыя лежатъ на вашемъ рабочемъ столикѣ, и удивился ихъ строго-научному подбору.

— О, это не моя заслуга. Мервины дали мнѣ списокъ книгъ и одолжили нѣкоторыя сочиненія, которыхъ я не могла достать.

Слова эти задѣли его болѣзненное самолюбіе, но профессоръ подавилъ въ себѣ это чувство, такъ какъ былъ увѣренъ, что у ней не было и тѣни желанія оскорбить его. Онъ перевелъ разговоръ на общія темы и съ удовольствіемъ развивалъ свои научныя теоріи. Онъ и прежде любилъ бесѣдовать съ нею, но теперь ея вниманіе и радостная готовность его слушать производили еще болѣе сильное впечатлѣніе; обаяніе его рѣчи состояло въ ясномъ и безпристрастномъ обсужденіи предмета.

— Антоній,—спросила его Рахель тихимъ, застѣнчивымъ голосомъ,

когда онъ всталъ и взялъ ея руку, прежде чѣмъ уйти къ себѣ. У него еще осталось много прежней сдержанности; ему было трудно сразу измѣнить свои привычки. Рахель хорошо понимала, что происходило въ въ его душѣ и угадывала тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы выразить ей свою привязанность. Обращеніе его было очень неровное, и онъ легко впадалъ въ прежній тонъ холодной сдержанности; Рахель, слѣдившая за его настроеніемъ, замѣтила, что, прощаясь съ ней, лицо его приняло прежнее строгое выраженіе; она испугалась, не раскаявается-ли онъ въ своемъ великодушіи.

— Антоній,—повторила она, заглядывая ему въ глаза,—вы не довольны, что привезли меня домой?

Послѣдовало молчаніе, которое показалось ей томительно долгимъ.

— Дорогая моя,—сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія,—я не раскаяваюсь. Я думалъ о томъ переворотѣ, который вы невольно произвели въ моей жизни. Ни вы, ни кто другой не въ состояніи уразумѣть, какое значеніе имѣетъ для меня то, что произошло. Я какъ-то не подхожу подъ мѣрку обыкновенныхъ людей и не хотѣлъ относиться къ жизни, какъ большинство. Я выработалъ себѣ свой собственный методъ поведенія и былъ убѣжденъ, что на основаніи этого метода моя жизнь пройдетъ ровно, безъ особенныхъ радостей, безъ большого горя; но, соединивъ свою судьбу съ вашей, я не могъ удержаться въ своей холодной неприступности и долженъ былъ уступить; думая быть сильнымъ, я оказался слабымъ.

Онъ говорилъ какъ будто самъ съ собой; внутренняя борьба еще не кончилась; въ немъ поднималось прежнее чувство протеста противъ общаго удѣла людей—любить и страдать. Потерявъ точку опоры, онъ мучился, и не легко было помирить противорѣчія, которыя подымались въ его душѣ.

— Васъ нельзя упрекнуть въ слабости,—возразила ему Рахель,—и вы напрасно мучаете себя, сомнѣваясь въ своей силѣ. Но, попробуйте, прошу васъ, включить въ свою жизнь немного любви.

Онъ улыбнулся, а голосъ Рахели задрожалъ, произнося послѣднія слова.

— Вы хотите сказать, чтобы я полюбилъ васъ, и что, сдѣлавъ эту уступку, не раскаюсь, — добавилъ Антоній спокойно и торжественно:—не мучайте себя сомнѣніями, эта уступка уже сдѣлана...

Глаза ея засвѣтились радостью; она протянула ему руки, и онъ невольно привлекъ ее къ себѣ.

— Подумай, Антоній, какъ мы будемъ теперь счастливы, — прошептала Рахель:—сознайся, что любовь уже не такое несчастье, она не унижаетъ, а дѣлаетъ насъ сильными.

Ея взглядъ, обращенный къ нему, побѣдилъ его своею застѣнчивою нѣжностью, и онъ отвѣтилъ ей съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія:

— Да, любовь неизбѣжна, ты побѣдила; будь спокойна, отнынѣ моя жизнь принадлежитъ тебѣ.

Антоній сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, но Рахель уже не чувствовала ничего—отъ сильнаго потрясенія она лишилась чувствъ.

XXVI.

На колокольнѣ Ст. Рида ударило семь часовъ, а Гризельда все еще хлопотала около Рахели, стараясь привести ее въ чувство. Антоній былъ очень озабоченъ: неожиданный обморокъ Рахели страшно его испугалъ, и онъ стоялъ безпомощный, не зная, что предпринять.

— Ничего не подѣлаешь, надо бѣжать за докторомъ,—сказала, наконецъ, Гризельда, убѣдившись, что весь запасъ ея домашнихъ средствъ не приводитъ ни къ какому результату.

— Не пойти-ли мнѣ?—спросилъ профессоръ неувѣреннымъ тономъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше я сама сбѣгаю. Вы еще зайдете не туда, куда слѣдуетъ, или приведете не того, кого нужно. Ахъ, бѣдная, бѣдная, я сейчасъ догадалась, что эта простуда сведетъ ее въ могилу.

Антоній остался у кровати больной въ самомъ подавленномъ настроеніи. Докторъ очень быстро опредѣлилъ болѣзнь ревматической лихорадкой и, сказавъ нѣсколько словъ въ похвалу Гризельдѣ, какъ хорошей сидѣлкѣ, обѣщался зайти на другой день.

Прошла одна ночь, затѣмъ другая, третья; прошла недѣля. Рахель очень страдала, лежа почти безъ движенія. Приходили посѣтители выражать соболѣзнованія, приходилъ и уходилъ докторъ, но улучшенія въ положеніи больной не замѣчалось. Антоній распредѣлялъ свое время между своими лекціями и Рахелью; возвращаясь домой, онъ шелъ въ комнату, гдѣ лежала больная жена. Бывали дни, когда Рахель не была въ состояніи даже сказать ему слова привѣта, и онъ уходилъ въ свою комнату съ поникшей головой, совершенно разстроенный, бралъ первую попавшуюся книгу, чтобы забыться въ чтеніи; но любимые философы потеряли на это время свою власть надъ профессоромъ.

Но бывали минуты, когда страданія утихали, и Рахель съ радостной улыбкой встрѣчала мужа, протягивала ему свою исхудалую руку и долго глядѣла ему въ глаза. Ей такъ отрадно было видѣть, какъ лицо его принимало ласковое выраженіе, и онъ садился около ея кровати съ книгою въ рукѣ, всегда готовый прочитать ей что-нибудь изъ ея любимыхъ авторовъ. Она была увѣрена, что поправится, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ снова будетъ пѣть и работать. Только одна Гризельда догадывалась, какъ плохо обстоятъ дѣла и отворачивалась, чтобы скрыть слезу, когда слышала о планахъ больной; она до того привязалась къ Рахели, что забросила все хозяйство и пыль скоплялась во всѣхъ углахъ квартиры, кромѣ комнаты больной, которую старуха держала въ образцовомъ порядкѣ. Часто

она стояла и смотрѣла на больную озабоченнымъ взглядомъ, когда Рахель забывалась тревожнымъ сномъ, но въ другое время ничѣмъ не выдавала ей своихъ тревожныхъ предчувствій. Молодая женщина чувствовала вокругъ себя атмосферу любви; душа ея разцвѣтала, между тѣмъ какъ тѣло поддавалось болѣзни и все болѣе и болѣе слабѣло. Около нея всегда стояли свѣжіе цвѣты, посланные Эффи и другими знакомыми, разные плоды, новыя книги,—все, что могло хоть на минуту отвлечь ее отъ ея страданій. Но пріятнѣе всего ей были посѣщенія мистриссъ Мервинъ.

Въ бесѣдахъ съ ней Рахель какъ бы вновь переживала всю свою жизнь и дѣлилась съ своимъ другомъ надеждами и предположеніями на будущее. Она ей разсказала и всю исторію Эффи, и мистриссъ Мервинъ была глубоко тронута тѣми страданіями, которыя пришлось перенести ея любимицѣ.

Черезъ нѣсколько дней она зашла къ Рахели и сообщила ей, что все улажено. Тедъ написалъ письмо, но оно не было передано.

— Какъ я рада!—сказала Рахель:—разскажите мнѣ все подробно,—просила она.

— Не теперь, дорогая, а когда вы поправитесь, — отвѣтила мистриссъ Мервинъ:—тогда сама Эффи подѣлится съ вами своею радостью.

— Да, теперь не будетъ больше недоразумѣній,—продолжала свою мысль Рахель, и тихая радость освѣтила ея похудѣвшее лицо, точно на нее упалъ лучъ идеальнаго будущаго, которое она себѣ рисовала.

Мистриссъ Мервинъ переглянулась съ Гризельдой; у обѣихъ мелькнула одна и та же мысль. Занятая своими мыслями, Рахель не обратила вниманія на тревожное выраженіе ихъ лицъ, которое онѣ напрасно старались скрыть подъ дѣланной улыбкой.

Въ это время вошелъ профессоръ и приблизился къ женѣ съ обычнымъ выраженіемъ тревожнаго ожиданія. Онъ твердо вѣрилъ, что она поправится, и каждую минуту ожидалъ, что болѣзнь приметъ, наконецъ, болѣе благопріятный оборотъ. Ея страданія бросали мрачную тѣнь на зародившееся счастье, и ему, не привыкшему смотрѣть на чужія страданія, было особенно трудно присутствовать при мученіяхъ дорогого существа; въ прежнее время онъ отвлекался бы философскими разсужденіями, но теперь просто относился къ фактамъ жизни, не вдаваясь ни въ какой анализъ.

Антоній пришелъ изъ своего кабинета и по старой привычкѣ держалъ въ рукѣ какую-то научную книгу.

— Что вы принесли?—спросила Рахель тихимъ голосомъ:—могу я понять эту книгу?

— Нѣтъ, не думаю, чтобы она была для васъ интересна,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь:—это «Разсужденія» Гартлесъ, я выберу вамъ что-нибудь другое.

Антоній научился уже становиться на ея точку зрѣнія и читалъ ей все, что бы она ни пожелала, руководствуясь вполнѣ ея выборомъ.

— Я бы хотѣла послушать Платона; вы говорили, что есть его переводъ о Сократѣ.

Антоній посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Apologia?—объяснилъ онъ.

Рахель кивнула головой, и профессоръ спустился въ кабинетъ, чтобы принести книгу. Мистриссъ Мервинъ сѣла поодаль и съ удовольствіемъ слушала его ровное, выразительное чтеніе. Переворачивая страницы и пропуская менѣе интересныя мѣста, профессоръ приступилъ къ заключительной главѣ; взглянувъ на Рахель, онъ встрѣтилъ ея серьезный взглядъ и прочелъ въ немъ бывалое выраженіе сомнѣнія и вопроса: «наступилъ часъ разлуки, и каждый изъ насъ пойдетъ своею дорогой; я долженъ умереть, а вы будете жить. Чья судьба лучше, о томъ знаетъ Богъ»,—дочиталъ онъ главу.

Рахель слушала со всѣмъ вниманіемъ, на которое была способна, и послѣднія слова донеслись до ея сознанія, наполнивъ ея душу чувствомъ необыкновеннаго спокойствія.

Антоній наклонился надъ нею, чтобы прислушаться къ тому, что она шептала.

— Какъ это хорошо!—донеслось до него:—ему было легко умирать, онъ хорошо жилъ и много испыталъ. Тяжело умирать тѣмъ, кто только начинаетъ жить и кто надѣется на счастье.

Мистриссъ Мервинъ, подошедшая въ эту минуту, видѣла, какъ профессоръ отвернулся, чтобы скрыть охватившее его волненіе.

— А вѣдь мужъ былъ правъ, утверждая, что Грэмъ способенъ сильно чувствовать,—подумала она, и сердце ея смягчилось къ этому сухому человѣку. Она простилась съ Рахелью, унося съ собою чувство скорби за эти двѣ жизни, которыя слились въ одно послѣ такой долгой борьбы. «Не слишкомъ-ли поздно», мелькала неотвязчивая мысль, тревога за жизнь, которая то вспыхивала, то снова, казалось, готова была покинуть ослабѣвшее тѣло.

На другой день профессоръ, по обыкновенію, направился въ комнату Рахели; на лѣстницѣ онъ встрѣтилъ доктора, который имѣлъ очень озабоченный видъ. Онъ сочувственно пожалъ руку Антонія; послѣдній не могъ хорошенько разобраться въ томъ, что говорилъ ему докторъ, только слова «сердце» и «опасность» какъ-то врѣзались ему въ память. Рахель съ утра не приходила въ память.

Антоній опустился на кресло и долго не сводилъ глазъ съ метавшейся въ тяжеломъ бреду молодой женщины. Онъ сильно страдалъ, но, не будучи знакомъ съ болѣзнями, никакъ не могъ сознаться, что надежда потеряна. Напротивъ, вспоминая, какою она была бодрою и здоровою, онъ понемногу успокоился и рѣшилъ, что доктора вообще любятъ усиливать опасность и напрасно тревожить окружающихъ.

— Она не можетъ, не должна умереть,—повторялъ онъ про себя:— это невозможно.

Антоній спустился къ себѣ, заставилъ себя углубиться въ чтеніе, чтобы отдѣлаться отъ мучившихъ его мыслей.

Рахели не было лучше ни вечеромъ, ни на другой день утромъ. Но Антоній упорно стоялъ на своемъ и, уходя на лекціи, рѣшилъ возвратиться позднѣе. Онъ боялся встрѣтить доктора, увѣрялъ себя, что, когда вернется, Гризельда его встрѣтитъ съ хорошей вѣстью. Его не особенно тревожило, что Рахель была безъ памяти; напротивъ, онъ думалъ, что это лучше, такъ какъ она не чувствуетъ страданій.

Войдя въ домъ, Антоній быстрыми шагами взбѣжалъ по лѣстницѣ. Какая-то фигура двинулась ему навстрѣчу. Это была мистриссъ Мервинъ. Зачѣмъ она глядѣла на него такимъ страннымъ, загадочнымъ взглядомъ? Лучъ солнца, пробиваясь сквозь окно, упалъ на ея посеребрившіеся волоса; она казалась ему иною, чѣмъ обыкновенно, но онъ не могъ дать себѣ отчета, въ чемъ выражается перемѣна, которая его поразила.

— Что случилось? — спросилъ онъ съ легкой досадой, стараясь проскользнуть мимо нея.

Онъ почувствовалъ прикосновеніе руки къ его рукѣ, слышалъ слова, которыя она ему говорила съ страннымъ дрожаніемъ въ голосѣ, потомъ посмотрѣлъ ей въ глаза—и понялъ все.

XXVII.

Антоній Грэмъ остановился на минуту, глядя передъ собою, какъ человѣкъ, внезапно потерявшій почву подъ ногами. Онъ бросился къ себѣ въ комнату, точно убѣгая отъ какого-то страшилища. Тамъ онъ началъ ходить взадъ и впередъ, не обращая вниманія на предметы, которые попадались ему подъ ноги; ударъ, который обрушился на него былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ былъ подготовленъ къ нему, упорно отрицая до послѣдней минуты его возможность. Онъ повторялъ про себя ужасное слово, такое простое и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное.

— Умерла! Умерла Рахель! Это дорогое дитя!

Въ его памяти пронеслось яркое воспоминаніе: деревенская дорога, заходящее солнце и молодая дѣвушка, которая шла ему на встрѣчу.

— Умерла!—снова повторилъ онъ и, закрывъ лицо руками, прислонился къ камину и громко зарыдалъ.

Сознаніе непоправимой утраты парализовало всю его душевную силу; онъ, когда-то сильный и уравновѣшенный, плакалъ, какъ дитя; горе сломило эту мужественную натуру. Часъ проходилъ за часомъ, онъ не замѣчалъ времени, предавшись всецѣло своему отчаянію; отрывки прошлаго, отдѣльныя фразы, когда-то произнесенныя ею, потомъ ужасъ совершившагося такъ недавно,—все это мѣшалось въ его

сознаніи; ему казалось, что прошло безконечно долгое время съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, въ этой комнатѣ, и онъ все еще не рѣшался подойти къ той, которая стояла передъ нимъ, какъ живая, то полная юношескаго горячаго порыва, то серьезная и вдумчивая, съ печатью страданій на молодомъ, подвижномъ лицѣ.

Кто-то постучался въ дверь; онъ не обратилъ вниманія. Дверь отворилась, и Гризельда вошла въ комнату: Антоній двинулся ей на встрѣчу тяжелыми, невѣрными шагами.

— Мистеръ Грэмъ,—проговорила она, и профессоръ замѣтилъ, что лицо ея носило какой-то несвойственный отпечатокъ мягкости и сердечности:—простите, если я помѣшала вамъ, но я знаю васъ такъ давно и служу вамъ, мнѣ казалось, я имѣю право... Я хотѣла передать вамъ, что смерть ея была тихая и безъ страданій...

Антоній наклонилъ голову и просто отвѣтилъ:

— Благодарю васъ.

— Слова теперь безполезны,—продолжала Гризельда, ея обычная рѣшительная рѣзкость была трогательна, такъ какъ сквозь нея прорывалось чувство неподдѣльнаго горя,—мы оба съ вами должны пережить такую скорбь, какой намъ еще не приходилось испытывать. Помоги намъ Богъ перенести ее, какъ подобаетъ сильнымъ людямъ.

Гризельда ушла; слезы, горькія слезы человѣка, не привыкшаго плакать, текли по ея морщинистому лицу: «Годъ тому назадъ ему было бы все равно, а теперь...» Она махнула рукой, утирая передникомъ катившіяся слезы. «Когда-то онъ любилъ одиночество, но каково-то ему будетъ привыкать къ прежней жизни! Бѣдняжечка, она такъ любила его!»

Профессоръ точно пришелъ въ себя отъ словъ Гризельды; тишина и бездѣятельность сдѣлались для него нестерпимы. Онъ долженъ былъ идти и встрѣтить лицомъ къ лицу ужасную дѣйствительность.

Да, вотъ она лежала спокойная и неподвижная; Гризельда была права—смерть, должно быть, наступила безъ страданій, лицо покойницы было такъ знакомо и въ то же время такъ чуждо. Стоя около нея, онъ содрогнулся отъ мысли, *почему* оно такъ измѣнилось. Онъ опустился на колѣни и, обхвативъ ее рукой, припалъ лицомъ къ складкамъ ея платья

День смѣнился вечеромъ, профессоръ очнулся, когда кругомъ было уже совсѣмъ темно. Онъ прошелъ по привычкѣ въ рабочій кабинетъ и, сѣвъ на свое обычное мѣсто у стола, облокотился на него и закрылъ лицо руками. Въ немъ проснулась рѣшимость такъ или иначе побороть свое горе, но воля плохо повиновалась. Онъ шагъ за шагомъ перебиралъ свою жизнь, направленную къ одной цѣли—доставить себѣ возможное спокойствіе. Но задача жизни не была достигнута: живя для себя, для своего только эгоизма, онъ почувствовалъ, что этого одного мало для счастья и открылъ свое сердце для болѣе могучаго чувства—

для любви. А теперь, теперь трагическая иронія жизни поставила между нимъ и ожидаемымъ счастьемъ только одно препятствіе, но препятствіе непреодолимое—одинокую могилу.

Онъ взглянулъ на свое любимое занятіе, на свою драгоцѣнную рукопись, но она какъ-то сразу потеряла свое значеніе и показалась ему совсѣмъ ненужной. Будетъ-ли онъ въ состояніи вернуться къ прежней жизни? Что-то внутри его отвѣтило рѣшительно: «нѣтъ». Да, онъ почувствовалъ, что этотъ отвѣтъ есть истинный результатъ всего случившагося, и почувствовалъ облегченіе, точно вышелъ внезапно изъ цѣлаго лабиринта сомнѣній. Прежній путь былъ для него закрытъ. Въ послѣдній разъ въ немъ проснулось отчаянное возмущеніе противъ несправедливости судьбы, но только на мгновеніе; умъ, привыкшій къ логической работѣ, разъ нашлась исходная точка, быстро подсказалъ ему рѣшеніе. Сбитый съ толку въ послѣднее время массой разныхъ новыхъ ощущеній, онъ теперь снова почувствовалъ въ головѣ приливъ послѣдовательнаго мышленія.

Съ ясною отчетливостью философа взглянулъ онъ на общій удѣлъ людей—борьбу зла съ добромъ. Безконечныя вереницы жизней смѣнялись на землѣ, но то, что лежитъ въ основѣ существованія, остается неизмѣннымъ. Антоній пророческимъ взглядомъ заглянулъ даже въ будущее; онъ видѣлъ человѣчество, перестроенное вновь на основахъ свободы, братства, точно ореолъ свѣта окружалъ это будущее, но страданія сердца оставались тѣ же. Онъ всталъ и расправилъ уставшіе члены. Интенсивность мысли болѣзненно отзывалась въ его мозгу и онъ приложилъ руку къ горячему лбу, точно стараясь остановить это безпрерывное напряженіе. Антоній ощущалъ какую-то смутную неловкость, точно все вокругъ него ускользало, и онъ тщетно старался остановить на чемъ-нибудь свое вниманіе. Его взглядъ скользнулъ по книжнымъ полкамъ съ накопленными богатствами вѣковой умственной жизни. Могла-ли эта мудрость дать ему отвѣтъ? Цѣлыя системы, цѣль которыхъ была познать безконечное, построить абсолютное,—что значитъ это передъ той задачей, которая теперь терзала его больной умъ? «Вверху звѣздное небо—внутри нравственные законы». Онъ засмѣялся. Отчего оно, это отвлеченное знаніе, было такъ безсильно, онъ вспомнилъ свою «нравственную философію» и засмѣялся короткимъ, горькимъ смѣхомъ, вспомнивъ невозможность бороться съ тѣмъ, что онъ считалъ «великою несправедливостью судьбы».

Гризельда между тѣмъ обезпокоилась, ее томило наступившее безмолвіе; Мервины прислали записку, сами они пока не приходили, они уважали то страшное горе, которое постигло ихъ друга, и не желали нарушать его уединенія, пока онъ сколько-нибудь не справится съ своимъ отчаяніемъ. Гризельда постучалась въ дверь кабинета, и вскорѣ профессоръ показался на порогѣ. Она посторонилась, наблюдая съ непонятнымъ для нея ужасомъ, какъ онъ медленно подвигался по корри-

дору со связкой бумагъ въ рукахъ. Подойдя къ двери комнаты, гдѣ лежала Рахель, Антоній на минуту остановился, точно соображая что-то, потомъ взялся за ручку и вошелъ. Гризельда послѣдовала за нимъ.

— Не будите ее,—проговорилъ профессоръ, когда служанка подошла къ нему поспѣшными шагами:—я хочу положить рядомъ съ ней эту рукопись. Она пыталась ее сжечь, но теперь ей будетъ пріятно знать, что она цѣла.

Гризельда смотрѣла на него, на его холодное, строгое и блѣдное лицо, и въ испугѣ схватила его за руку.

— Дорогой господинъ, — проговорила она, насколько возможно ей было спокойно и убѣдительно:—уйдемте отсюда, не надо нарушать ся покоя.

— Нѣтъ, не мѣшайте мнѣ,—возразилъ онъ съ прежнею вѣжливою настойчивостью.

Но Гризельда, чувствуя что-то неладное, овладѣла собою, насколько могла, и, отнявъ у него рукопись, настойчиво увлекала его изъ комнаты.

— Не хорошо, господинъ, здѣсь нельзя ни шумѣть, ни разговаривать. Ей надо покой, уйдемте.

Профессоръ повиновался и далъ себя увести. Онъ шелъ точно во снѣ, и какая-то ледяная неподвижность сковала его черты. Гризельда боялась оставить его одного, но ей надо было сбѣгать за Элленъ, чтобы послать ее къ Мервинамъ. Поведеніе профессора внушало ей серьезныя опасенія. Вспомнивъ, что рядомъ въ комнатѣ есть звонокъ въ кухню, она побѣжала туда и въ ту же минуту убѣдилась, что все напрасно—профессоръ быстрыми шагами проскользнулъ въ свою комнату и заперъ дверь на замокъ. Въ то же время Гризельда смутнымъ чувствомъ угадала, что случилось непоправимое несчастье.

Черезъ часъ, когда подоспѣвшій Мервинъ приказалъ вскрыть дверь, профессора нашли спокойно лежавшимъ на диванѣ.Все въ комнатѣ было по прежнему; его окружали книги, рукописи, замѣтки, только маленькая стклянка, которая всегда стояла на его столикѣ около кровати, теперь пустая валялась на полу.

— Онъ заснулъ,—сказала Элленъ, вошедшая вмѣстѣ съ другими, но никто ей ничего не отвѣтилъ.

Антонія Грэма немногіе жалѣли, и мало кто искренно огорчился его смертью—въ этомъ ожиданія не обманули его. Но между оставшимися была одна душа, которая глубоко скорбѣла о человѣкѣ, таившемъ въ себѣ великія силы и глубокую способность чувствовать; этотъ человѣкъ былъ Мервинъ, любившій его и въ дѣтствѣ, и въ зрѣлые годы, и теперь, когда одна общая могила съ Рахелью скрыла его отъ глазъ людей.

О. П.

ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ [1]).

Приступая къ обзору необязательнаго бюджета земскихъ учрежденій по статьямъ, изъ которыхъ онъ слагается, нужно прежде всего упомянуть, что среди этихъ статей далеко выдаются по своимъ размѣрамъ двѣ, забытыя прежними узаконеніями о земскихъ повинностяхъ и обязанныя своимъ существованіемъ смѣтамъ мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ,—именно по народному образованію и народному здравію. Роль этихъ статей опредѣляется слѣдующимъ цифрами, выражающими процентное отношеніе суммы расходовъ по обѣимъ статьямъ къ общему необязательному бюджету по разнымъ періодамъ [2]):

1874—1878 г.	1879—1883 г.	1884—1888 г.	1889—1893 г.	1894 г.
61,0%	68,6%	71,6%	72,5%	74,6%

На долю прочихъ расходовъ, установленіе которыхъ входитъ въ компетенцію земства, падало соотвѣтственно, за исключеніемъ суммы необходимыхъ издержекъ по земскому управленію:

19,3%	15,0%	12,9%	13,6%	11,5%

Отсюда должны покрываться, между прочимъ, и расходы, такъ сказать, отрицательнаго характера: по составленію капиталовъ, по уплатѣ долговъ и т. д., такъ что очевидно, что для удовлетворенія культурныхъ потребностей, помимо указанныхъ, земство не въ силахъ приносить хоть сколько-нибудь серьезныхъ жертвъ.

Наиболѣе крупный расходъ изъ «необязательныхъ» вызывается заботами земства о народномъ здравіи. Въ началѣ дѣйствія земскихъ учрежденій, въ 1868 г., ихъ ассигновки по данному предмету составляли въ общемъ 8,3% всѣхъ расходовъ, а по періодамъ онѣ въ своемъ размѣрѣ и ростѣ характеризуются такими цифрами [3]):

	I	II	III	IV	1895 г.
	Тысячи рублей.				
Для всѣхъ земствъ	5.705,1	9.224,8	11.756,6	14.028,0	18.768,4
Для средняго земства	175,0	275,7	345,8	412,6	552,0

[2]) См. «Нов. Сл.», № 3, 1896 г.

[3]) *Пятилѣтія*: 1874—1878 гг., 1879—1883, 1884—1888 и 1889—1893 гг. вездѣ обозначены ниже цифрами I, II, III и IV.

[3]) Цифры расходовъ по народному здравію у насъ вездѣ слиты съ цифрами расходовъ по общественному призрѣнію, въ виду трудностя, подчасъ даже невозможности раздѣленія этихъ цифръ по земскимъ смѣтамъ. Къ тому же, расходы по общественному призрѣнію не имѣютъ серьезнаго значенія: въ 1895 г, напр., они составляли всего 1,5% къ общему бюджету.

Отношеніе къ общему бюдж.	*19,5%*	*24,7%*	*27,0%*	*28,0%*	*28,5%*
Отнош. къ бюдж. «необязат.»	*36,7%*	*42,8%*	*44,9%*	*46,7%*	*50,8%* [1])

Любопытно при этомъ взглянуть на величину того же расхода въ неземскихъ губерніяхъ [2]):

По трехлѣтіямъ.	Въ 14 губ. Евр. Россіи.		Въ мѣстностяхъ Сибири.	
	Абс. чис. (тыс. р.).	*% къ бюдж.*	*Абс. чис. (тыс. р.).*	*% къ бюдж.*
1869—1871 гг.	4	0,2%	11	2,2%
1875—1877 »	366	8,6%	12	2,1%
1881—1883 »	414	8,5%	50	6,9%
1887—1889 »	1.755	26,5%	243	17,8%
1893—1895 »	2.073	24,7%	314	20,6%

Такимъ образомъ, лѣтъ десять назадъ издержки по медицинѣ въ неземской Россіи не могли идти въ сравненіе съ такими же издержками въ губерніяхъ земскихъ, и лишь съ 1887 г. онѣ почти сразу догоняютъ ихъ. Это произошло благодаря Высочайше утвержденному 28-го апрѣля 1887 года мнѣнію государственнаго совѣта, отнесшему на счетъ мѣстныхъ сборовъ въ неземскихъ губерніяхъ содержаніе врачебныхъ и благотворительныхъ заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія, собственно—покрытіе дефицита по смѣтамъ послѣднихъ, который до того пополнялся изъ средствъ казны.

По степени размѣра расходовъ на врачебную часть земскія губерніи располагаются такъ:

А. Абсолютныя величины.

Губерніи.	Бюджеты 1874—93 гг. *(въ тыс. руб.).*
Пермская	649,2
Вятская и Тамбовская	506,7 и 506,0
Самарская, Харьковская и Херсонская	отъ 435,1 до 405,5
Полтавская, Курская, Орловская, Владимірская, Воронежская, Черниговская, Саратовская, Рязанская и Казанская	отъ 388,7 до 303,9
Тверская, Екатеринославская, Симбирская, Московская, Пензенская, Таврическая, Нижегородская, Бессарабская, Новгородская, Ярославская, Костромская, Тульская, Уфимская, Вологодская, Калужская и Псковская	отъ 299,7 до 209,0
Петербургская, Смоленская и Олонецкая	отъ 160,3 до 117,4
Всѣ губерніи	*10.341,9,*
Средняя губернія	*304,2*

Б. Относительныя величины.

Губерніи.	*%-ное отнош. къ общ. бюдж.*
Орловская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская и Тульская	отъ 33,5 до 30,3%
Ярославская, Тверская, Псковская, Черниговская, Владимірская, Бессарабская, Херсонская, Самарская, Вологодская, Костромская, Уфимская, Калужская, Вятская, Казанская и Харьковская	отъ 29.8 до 25,7%

[1]) Для 1894 г.

[2]) Данныя взяты изъ трудовъ коммиссіи 1893 г. по пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ.

Нижегородская, Новгородская, Курская, Воронежская, Смоленская, Екатеринославская, Полтавская, Пермская, Олонецкая, Рязанская и Саратовская	отъ 24,7 до 21,7%
Таврическая, Петербургская и Московская	отъ 19,6 до 16,9%
Средняя губернія	*25,4%*

При сопоставленіи абсолютныхъ величинъ расходовъ на врачебную часть съ величинами общихъ бюджетовъ, за тотъ же періодъ 1874—93 гг., наблюдается почти полное соотношеніе ихъ по всѣмъ губерніямъ. Лишь московское и таврическое земства, съ ихъ высшими бюджетами, тратятъ на медицину меньше, сравнительно съ прочими, а орловское и черниговское, съ бюджетами ниже средняго, расходуютъ, напротивъ, больше.

Однако, если сравнивать положеніе губерній между собою по величинѣ общихъ бюджетовъ и по размѣру процентовъ тратъ на медицину, выходитъ иная тенденція: губерніи съ высшими бюджетами расходуютъ на врачебную часть относительно менѣе, нежели губерніи съ бюджетами низшими. Какъ исключеніе, надо назвать тутъ тамбовское, самарское, владимірское и херсонское земства, которыя, располагая высшими бюджетами, расходуютъ на медицину относительно больше другихъ, и затѣмъ—олонецное, смоленское, петербургское и новгородское, съ низшими величинами бюджетовъ и такими же издержками по медицинѣ.

Общая схема расходовъ земскихъ учрежденій на врачебную часть можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

А. Абсолютныя величины.

Тыс. рубл.	*1874—78 г.*	*1879—83 г.*	*1884—88 г.*	*1889—93 г.*	*1895 г.* [1]).
	Ч и с л о г у б е р н і й.				
Свыше 800	—	—	—	1	2
800—700	—	—	1	—	5
700—600	—	1	1	4	6
600—500	—	—	2	1	7
500—400	—	2	5	11	6
400—300	3	6	11	11	7
300—200	5	18	10	5	—
200—100	22	5	4	1	1
Ниже 100	3	1	—	—	—
Выше средней.	*12*	*13*	*14*	*16*	*18*

В. Относительныя величины.

% къ общ. бюдж.	*1874—78 гг.*	*1874—93 гг.*	*1889—93 гг.*	*1895 г.*
	Ч и с л о г у б е р н і й.			
40—35%	—	—	3	4
35—30 »	1	5	10	10
30—25 »	2	15	15	12
25—20 »	12	11	5	8
20—15 »	14	3	1	—
15—10 »	4	—	—	—
Выше средней.	*17*	*20*	*17*	*16*

[1]) Въ источникахъ 1895 г. допущены серьезныя неточности въ цифрахъ расхо-

*

Такимъ образомъ, большинство земствъ съ каждымъ пятилѣтіемъ стремилось увеличить предѣлы своихъ издержекъ на врачебную часть на сто тысячъ рублей. Для средней губерніи приростъ этихъ издержекъ съ I по IV періодъ выражается 235,1 тыс., такъ что на статью по медицинѣ приходится болѣе половины величины абсолютнаго прироста общихъ бюджетовъ за то же время (562,0 т. р.).

Что касается относительно размѣра прироста расходовъ за тотъ же періодъ, то по средней губерніи онъ опредѣляется 134,4%, и потому годичный приростъ земскихъ тратъ на врачебную часть выразится 8,96%, т.-е. величиной, въ два слишкомъ раза превышающей аналогичную величину для общихъ бюджетовъ (4,17%).

Въ частности, увеличеніе расходовъ по медицинѣ съ I по IV періодъ сводится къ слѣдующему [1]):

Приростъ въ абс. числахъ.		*Приростъ въ относит. числахъ.*	
На—тыс. рубл.	Число губ.	*На—%*	Число губ.
450—400	3	300—250%	2
350—300	6	250—200 »	4
300—200	12	200—150 »	9
200—100	10	150—100 »	12
100— 90	2	100— 40 »	6
Выше средней (235,1).	14	*Выше средней (134,4%).*	15

Еслибы мы стали сопоставлять положеніе губерній, по степени величины общихъ бюджетовъ, съ ихъ положеніемъ по размѣру абсолютнаго прироста расходовъ по медицинѣ, съ I-го по IV-й періодъ, то нашли бы тутъ также прямое соотвѣтствіе: чѣмъ выше общій бюджетъ извѣстной губерніи, тѣмъ болѣе она увеличила расходы на врачебную часть, и обратно. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, впрочемъ, эти издержки возросли не въ соотношеніи съ силами общихъ бюджетовъ; по крайней мѣрѣ, вятское, саратовское, рязанское и таврическое земства, по степени величины общихъ бюджетовъ, расположились среди другихъ замѣтно выше, нежели по размѣру прироста тратъ на медицину; въ то же время земства псковское, орловское, тверское и черниговское, наоборотъ, *ниже*.

Чтобы еще рельефнѣе выставить связь величинъ расходовъ по медицинѣ и общихъ бюджетовъ, сравнимъ размѣръ ихъ относительнаго (въ %) прироста съ I по IV періодъ. Оказывается, что обѣ категоріи процентовъ прироста, съ незначительными колебаніями, соотвѣтствуютъ одна другой по большинству губерній; для семи земствъ (тверского, московскаго, орловскаго, владимірскаго, петербургскаго, саратовскаго и пермскаго) расходы по медицинѣ возросли сравнительно сильнѣе, чѣмъ

довъ на медицину. Такъ, для Калужской губерніи показана цифра, которую слѣдуетъ убавить на 91.311 руб. и для Вологодской—на 10.000 руб.; напротивъ, къ выставленнымъ суммамъ по Пермской, Псковской и Рязанской губерніямъ нужно прибавить соотвѣтственно 7.103 р., 12.868 р. и 214.495 руб.

[1]) Вычислено для 33 губерній (за исключеніемъ Самарской).

общіе бюджеты; лишь четыре губерніи: Рязанская, Харьковская, Таврическая и Уфимская—по % прироста тратъ на врачебную часть стоятъ гораздо ниже, нежели по % прироста бюджетовъ.

Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія, что статья по медицинѣ—это любимое дѣтище земскаго расходнаго бюджета.

Взглянемъ теперь на значеніе губернскаго земства въ издержкахъ на медицинскую часть. Для отдѣльныхъ губерній значеніе это далеко не одинаково. Такъ, въ 1895 году владимірское губернское земство несетъ 50% суммы данныхъ расходовъ по губерніи, тогда какъ вятское—16,2%, петербургское—лишь 13,3%. Далѣе, новгородское, херсонское, самарское, смоленское, тамбовское, нижегородское губернскія земства тратятъ отъ 48,7 до 40,8%, а земства: казанское, костромское, воронежское, черниговское, уфимское, пермское—отъ 28,7 до 21,1%. Остальныя губернскія земства расходуютъ на медицину въ предѣлахъ 40—30% къ общимъ суммамъ тѣхъ же расходовъ по губерніямъ [1]).

Цифры тратъ губернскихъ земствъ по медицинѣ сгруппированы въ такой таблицѣ:

Абс. числа (тыс. руб.).	Число губ.	% *къ общ. расх. на медицину.*	Число губ.
400—300	4	50—40%	7
300—200	12	40—30 »	17
200—100	14	30—20 »	7
Ниже 100	4	Ниже 20 »	3
Выше средней (190,7).	17	*Выше средней (35,7%).*	14

Слѣдовательно, большинство губернскихъ земствъ беретъ на себя отъ 1/3 до 1/2 всѣхъ расходовъ на врачебную часть по губерніямъ. А принявши, кромѣ того, въ разсчетъ, что эти ихъ расходы, по степени величины, вездѣ соотвѣтствуютъ аналогичнымъ тратамъ по губерніямъ [2]), станетъ ясно, почему роль губернскаго земства въ расходахъ на народное здравіе должна быть признана весьма вліятельной.

Вотъ сопоставленіе тратъ по медицинѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ (для 1895 г. [3]):

	Уѣздныя земства.		
	Абс. чис.	% *къ общ. бюдж. уѣздн. зем.*	% *къ общ. бюдж. по губерн.*
Всѣ губерніи . . .	12.439,4	25,8%	18,9%
Средняя губернія .	365,9	25,8 »	18,9 »

---

[1]) По своднымъ матерьяламъ 1895 г. для Симбирской губерніи данный процентъ равенъ 0,2 (763 руб.), для Рязанской—0,5 (2.120 р.). Неточность этихъ величинъ очевидна. У насъ исправлена цифра расхода только для рязанскаго губернскаго земства (216,6 т. р., или 32,4%).

[2]) Лишь Вятская и отчасти Пермская губерніи имѣютъ, сравнительно съ другими, низшія суммы тратъ губернскихъ земствъ на медицину, при своихъ высшихъ расходахъ на тотъ же предметъ.

[3]) Въ 1868 г. совокупность расходовъ на медицину уѣздныхъ земствъ достигала 1.084 тыс., при 9,7% къ ихъ общимъ бюджетамъ, а сумма губернскихъ земствъ—120 тыс., или 3,6% величины ихъ бюджетовъ.

	Губернскія земства.		
	Абс. чис.	*% къ общ. бюдж. губ. зем.*	*% къ общ. бюдж. по губерн.*
Всѣ губерніи . . .	6.329,0	35,7%	9,6%
Средняя губернія .	186,1	35,7 »	9,6 »

Отсюда, губернскія земства расходуютъ на медицину относительно больше, нежели уѣздныя, причемъ абсолютныя суммы ихъ тратъ по данной статьѣ составляютъ свыше половины (50,9%) суммы тѣхъ же издержекъ уѣздныхъ земствъ.

Непосредственно послѣ статьи по медицинѣ въ земскомъ бюджетѣ фигурируетъ статья по народному образованію. Несмотря на свою «необязательность», статья эта также возростала, какъ первая, хотя и не столь интенсивно.

Въ 1868 году отношеніе суммы земскихъ расходовъ по народному образованію къ общему бюджету выражалось 5%-ми, а по періодамъ ихъ величины изображаются такъ:

	I.	II.	III.	IV.	1895 г.
	Тысячи рублей.				
Всѣ земства.	3.804,0	5.568,9	6.960,3	7.525,1	9.326,7
Среднее земство	116,5	166,6	204,7	221,3	274,3
Отношеніе къ общ. бюдж.	*13,0%*	*15,0%*	*16,0%*	*15,0%*	*14,2%*
Отношеніе къ бюдж. «необязат.»	*24,3%*	*25,8%*	*26,7%*	*25,8%*	*23,8%* [1])

Расходы земскихъ учрежденій на данный предметъ далеко оставляютъ за собой такіе расходы въ губерніяхъ неземскихъ. Съ 1866 г. въ смѣты неземской Россіи вносились весьма незначительныя ассигновки по статьѣ народнаго образованія (на наемъ домовъ для уѣздныхъ училищъ); съ 1887 г. мѣстныя смѣты были привлечены тамъ къ выдачѣ пособій духовному вѣдомству на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, причемъ размѣръ этихъ пособій былъ расширенъ Высочайше утвержденнымъ 8 іюня 1893 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, на основаніи спеціальнаго ходатайства оберъ-прокурора синода. Но и при всемъ томъ неземская Россія крайне недостаточно жертвуетъ для дѣла начальнаго образованія, даже сравнительно съ земской.

Расходы на народное образованіе.

	14 губ. Е. Россіи.		Сибирь.		Закавказье.	
Трехлѣтія.	*Тыс. руб.*	*% отн. къ бюдж.*	*Тыс. руб.*	*% отн. къ бюдж.*	*Тыс. руб.*	*% отн. къ бюдж.*
1887—89 гг.	122,0	2,1%	165,5	10,6%	49,6	5,5%
1893—95 »	377,8	4,5%	261,5	15,1%	90,4	6,1%

Высшихъ размѣровъ издержки по народному образованію достигаютъ въ областяхъ Уральской и Тургайской: на 1893—95 гг. было ассигновано для того—въ первой 24,7%, во второй—25,7% всѣхъ смѣтныхъ ихъ назначеній, т.-е. относительно гораздо болѣе, чѣмъ въ

[1]) Для 1894 г.

земскихъ губерніяхъ. (Данныя по неземской Россіи заимствованы изъ Трудовъ комм. 1893 г. по пер. у. о з. п.).

По принятому порядку, приведемъ цифры, указывающія на нормальное соотношеніе земскихъ губерній между собою по степени величины расходовъ на предметъ народнаго образованія:

А. Абсолютныя величины.

Губерніи.	Бюджеты по нар. обр. 1874—93 гг. *(въ тыс. руб.).*
Пермская и Вятская	539,3 и 423,8
Московская, Полтавская, Самарская, Херсонская, Курская, Таврическая, Харьковская и Черниговская	отъ 298,6 до 210,8
Рязанская, Казанская, Воронежская, Тамбовская, Владимірская, Тверская, Екатеринославская, Саратовская, Вологодская, Пензенская, Нижегородская, Новгородская, Ярославская, Псковская, Уфимская, Орловская, Петербургская, Калужская и Костромская	отъ 181,4 до 115,2
Олонецкая, Бессарабская, Симбирская, Тульская и Смоленская	отъ 90,8 до 80,8
Всѣ губерніи	*6.062,9*
Средняя	*178,3.*

Б. Относительныя величины:

Губерніи.	% *отношеніе къ общ. бюджетамъ.*
Вятская	21,6%
Пермская, Московская, Черниговская, Олонецкая, Полтавская, Таврическая, Вологодская, Псковская, Тверская, Херсонская, Ярославская, Самарская, Курская и Казанская	отъ 19,2 до 15,0%
Пензенская, Владимірская, Петербургская, Калужская, Уфимская, Харьковская, Костромская, Рязанская, Екатеринославская, Воронежская, Новгородская, Смоленская, Нижегородская, Орловская, Тульская и Тамбовская	отъ 14,7 до 10,7%
Бессарабская, Симбирская и Саратовская	отъ 9,9 до 9,5%
Средняя	14,9%

И такъ, абсолютные расходы почти всѣхъ губерній заключены здѣсь въ предѣлахъ 200—100 тыс., а относительные—въ предѣлахъ 20—10%; при этомъ, по величинѣ первыхъ, выше средней расположены 11 губерній *(Пермская– Рязанская)*, по величинѣ вторыхъ—15-ть *(Вятская–Казанская)*.

При сопоставленіи общихъ бюджетовъ и *относительныхъ* расходовъ на народное образованіе по отдѣльнымъ губерніямъ, мы можемъ заключить, что по размѣрамъ данныхъ расходовъ идутъ впереди слѣдующія губерніи (если сообразоваться съ ихъ бюджетными силами): Вологодская, Калужская, Олонецкая, Пензенская, Псковская, Петербургская, Тверская, Черниговская, Ярославская, а позади другихъ—Бессарабская, Воронежская, Екатеринославская, Орловская, Рязанская, Са-

ратовская, Симбирская, Тамбовская, Харьковская. Остальныя губерніи—съ одной стороны: Владимірская, Вятская, Курская, Московская, Пермская, Полтавская, Самарская, Таврическая, Херсонская, съ другой стороны: Казанская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Смоленская, Тульская и Уфимская — всѣ онѣ тратятъ по данной статьѣ больше или меньше, соотвѣтственно съ величинами своихъ бюджетовъ.

Общее движеніе суммъ земскихъ издержекъ по народному образованію видно изъ такой группировки:

А. Абсолютныя величины:

Тыс. руб.	1874—78 г.	1879—83 г.	1884—88 г.	1889—93 г.	1895 г.
		Число губерній.			
Свыше 500	—	1	1	1	3
500—400	—	1	1	2	1
400—300	2	—	2	2	9
300—200	—	6	9	12	9
200—100	15	19	18	16	12
100— 50	15	6	3	1	—
ниже 50	1	1	—	—	—
Выше средней	*10*	*12*	*12*	*13*	*13*

Б. Относительныя величины.

Проц. къ общ. бюдж.	1874—78 г.	1874—93 г.	1889—93 г.	1895 г.
	Число губерній.			
25—20%	1	1	2	1
20—15 »	7	14	14	11
15—10 »	19	16	16	19
ниже 10 »	6	3	2	3
Выше средней	*15*	*15*	*16*	*15*

Отсюда слѣдуетъ, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ земскіе расходы по народному образованію хотя и расширяются въ указанныхъ предѣлахъ, но крайне туго. Съ I по IV періодъ расходы эти, по всѣмъ губерніямъ вообще, не успѣли даже удвоиться, возросши на 88,8%, такъ что годичный приростъ ихъ—5,92%—въ полтора раза менѣе прироста тратъ по медицинѣ, хотя почти во столько же (1,4)—болѣе такого же прироста общаго бюджета. Схематически приростъ за данное время земскихъ ассигновокъ по народному образованію изображается такъ [1]):

Приростъ въ абс. числахъ.		*Приростъ въ отн. числахъ.*	
На—тыс. рубл.	Число губ.	На—%	Число губ.
300—200	3	Выше 150%	2
150—100	13	150—100 »	10
100— 50	11	100— 50 »	16
ниже 50	6	Ниже 50 »	5
Выше средней (103,5)	*16*	*Выше средней* (88,8%)	*20*

Для половины губерній дѣйствителенъ тотъ выводъ, что чѣмъ выше, въ относительномъ смыслѣ, тратилось въ 70-хъ гг., тѣмъ меньшій % прироста издержекъ приходится къ 90-мъ,—выводъ, свидѣ-

[1]) Для 33 губерній, за исключеніемъ Самарской.

тельствующій о предѣльности земскихъ расходовъ по народному образованію, несмотря на ихъ недостаточность; такому выводу не подчиняются—съ одной стороны: губерніи Черниговская, Вологодская, Харьковская, Пермская, Полтавская, Олонецкая, Московская, Тверская и Херсонская, а съ другой—Бессарабская, Тульская, Симбирская, Пензенская, Екатеринославская, Костромская и Орловская: первыя—съ высшими величинами % тратъ по народному образованію въ I-мъ періодѣ и съ высшими же процентами прироста тѣхъ же тратъ къ IV періоду; вторыя — съ меньшими % расходовъ и соотвѣтственно меньшими %-ми прироста.

Наиболѣе характерными составными частями земской статьи по народному образованію являются статьи—по содержанію начальныхъ школъ и на пособія казнѣ преимущественно для средне-учебныхъ заведеній. Соотношеніе этихъ двухъ статей для 1895 года таково:

	По содержанію начальныхъ школъ.		По содержанію ср.-уч. завед.	
	Абс. чис. (тыс. руб.).	% къ расх. на нар. обр. по губ.	Абс. чис. (тыс. руб.).	% къ расх. на нар. обр. по губ.
Всѣ земства . .	6.751,8	72,4%	1.063,2	11,4%
Среднее земство. .	198,6	72,4 »	31,3	11,4 »

Хотя расходы по первой статьѣ въ шесть слишкомъ разъ превосходятъ, въ общемъ, расходы по второй, но для отдѣльныхъ губерній расходы обѣихъ категорій замѣтно уклоняются отъ указанной средней нормы.

На начальныя школы относительно болѣе всѣхъ тратитъ Московская губернія, именно—90,2% къ своему бюджету по народному образованію; затѣмъ—Орловская, Тверская, Казанская, Ярославская, Костромская—отъ 87,5 до 82,2%. Меньше другихъ расходуютъ: Бессарабская—44,7%, Полтавская и Харьковская—57,6 и 58,8%. Издержки остальныхъ на начальныя школы заключается въ предѣлахъ 80—60% къ общимъ расходамъ на народное образованіе.

Съ другой стороны, въ интересахъ средне-учебныхъ заведеній,—Бессарабская губернія отдаетъ 35,2% своей смѣты по народному образованію; Олонецкая, Смоленская, Курская—отъ 26,5 до 20,1%; Новгородская, Харьковская, Черниговская—отъ 19,6 до 18,0%.

За то губерніи: Самарская, Тверская, Петербургская, Херсонская, Орловская и Московская ассигнуютъ на пособіе казнѣ всего отъ 1,3 до 4,0%, а Казанская—даже 0,9%. Траты прочихъ колеблются между 15,6% и 6,9% къ общимъ расходамъ на народное образованіе.

И при этомъ необходимо оговорить, что земства, расходующія на начальныя школы болѣе крупныя суммы изъ своихъ бюджетовъ, сравнительно съ другими, меньше назначаютъ на средне-учебныя заведенія, и обратно. Стоитъ лишь взглянуть на слѣдующую таблицу, которая изображаетъ положеніе губерній между собою по размѣрамъ относительныхъ издержекъ по обѣимъ статьямъ:

Губерніи.	№ мѣста по велич. % *расх. на нач. шк.* (Высшій).	№ мѣста по велич. % *расх. на ср.-уч. з.* (Низшій).
Казанская	4-й	34-й
Самарская	7-й	33-й
Тверская	3-й	32-й
Орловская	2-й	29-й
Московская	1-й	28-й
Ярославская	5-й	24-й

Губерніи.	№ мѣста по велич. % *расх. на ср.-уч. з.* (Высшій).	№ мѣста по велич. % *расх. на нач. шк.* (Низшій).
Бессарабская	1-й	34-й
Олонецкая	2-й	29-й
Смоленская	3-й	30-й
Курская	4-й	26-й
Новгородская	5-й	28-й
Харьковская	6-й	32-й

Остановимся, далѣе, на вопросѣ объ участіи губернскихъ земствъ въ расходахъ на народное образованіе. Въ общей схемѣ степень этого участія реализуется такъ (для 1895 г.):

Абсолютныя величины. *Тыс. рубл.*	Число губерній.	Относительныя величины. % *къ расх. на нар. обр. по губ.*	Число губерній.
Свыше 100	2	60—50%	1
100— 75	1	40—30 »	2
75— 50	8	30—20 »	6
50— 25	12	20—10 »	15
25— 10	9	10— 5 »	10
Ниже 10	2	—	—
Выше средней (42,8).	14	*Выше средней (15,6%).*	13

Такимъ образомъ, и абсолютная, и относительныя величины расходовъ губернскихъ земствъ по народному образованію крайне разнообразны. Въ то время, какъ земства полтавское и московское тратятъ 156,4 и 122,2 тысячи, херсонское—95,0 тыс., — соотвѣтственныя издержки орловскаго и олонецкаго доходятъ только до 8,6 и 6,3 тыс. рубл. Между тѣмъ какъ бессарабское губернское земство принимаетъ на себя 56% данныхъ расходовъ по губерніи, а полтавское и смоленское свыше 30-ти, пермское, олонецкое, таврическое и орловское расходуютъ всего отъ 5,9 до 5,0%.

Вообще губернскія земства немного содѣйствуютъ дѣлу народнаго образованія, сравнительно съ тѣмъ, что они даютъ на медицину. Объ ихъ значеніи здѣсь, на ряду съ уѣздными, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ [1]):

---

[1]) Въ 1868 г. уѣздныя земства ассигновали на народное образованіе 590,1 т. р.,— 5,2% къ общимъ своимъ бюджетамъ или 4,1% къ бюджетамъ по губерніямъ; губернскія земства назначили 148,7 тыс., или 4,5% ко всей суммѣ своихъ расходовъ, 1% къ общимъ расходамъ губерній.

Расходы по народному образованію въ 1895 г.

	Уѣздныхъ земствъ.			*Губернскихъ земствъ.*		
	Тыс. руб.	*% къ бюдж. уздн. з.з.*	*% къ бюдж. по губ.*	*Тыс. руб.*	*% къ бюдж. губ. з.з.*	*% къ бюдж. по губ.*
Всѣ земства. . .	7.869,3	16,3%	12,0%	1.457,4	8,2%	2,2%
Средняя губернія.	231,5	16,3 »	12,0 »	42,9	8,2 »	2,2 »

Слѣдовательно, земскія издержки по народному образованію менѣе централизованы, нежели по медицинѣ: отношеніе расходовъ по медицинѣ губернскихъ земствъ къ общимъ расходамъ на этотъ предметъ по губерніямъ составляетъ 33,7%, тогда какъ то же отношеніе для тратъ на народное образованіе выражается 15,6%.

Мы видѣли выше степень заботъ губерній вообще о среднемъ образованіи и собственно о начальныхъ школахъ. Посмотримъ теперь на размѣръ участія въ томъ и другомъ дѣлѣ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, въ отдѣльности:

А. Расходы по содержанію начальныхъ школъ въ 1895 г.

	Абс. чис. (тыс. руб.)	*% къ бюдж. нар. обр. по губ.*	*% къ бюдж. нар. обр. уѣздн. з.з.*	*% къ бюдж. нар. обр. губ. з.з.*
Уѣздныхъ земствъ . .	6.484,1	69,6%	82,4%	—
Губернскихъ земствъ.	267,7	2,9%	—	18,4%

Б. Расходы по содержанію ср.-уч. заведеній въ 1895 г.

	Абс. чис. (тыс. руб.)	*% къ бюдж. нар. обр. по губ.*	*% къ бюдж. нар. обр. уѣздн. з.з.*	*% къ бюдж. нар. обр. губ. з.з.*
Уѣздныхъ земствъ . .	692,3	7,4%	8,8%	—
Губернскихъ земствъ.	370,9	4,0 »	—	25,4%

Такимъ образомъ, организація и содержаніе начальныхъ училищъ лежитъ почти всецѣло на уѣздахъ, между тѣмъ какъ на казенныя учебныя заведенія губернскія земства издерживаютъ относительно втрое *большія* суммы, нежели земства уѣздныя.

Но данныя по отдѣльнымъ губерніямъ весьма существенно разнятся отъ приведенныхъ среднихъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что *губернскія земства:* екатеринославское, казанское, московское, рязанское, петербургское, таврическое, тверское и херсонское—ровно ничего не назначаютъ *на пособіе вѣдомству народнаго просвѣщенія*; но нѣкоторыя расходуютъ относительно много изъ своихъ бюджетовъ по народному образованію: калужское—80,6%, пензенское и симбирское—75,5 и 75,2%, владимірское, ярославское, псковское, нижегородское—отъ 69,1 до 61,1% и т. д.

Въ то же самое время *на начальныя школы уѣздныя земства* московское, казанское, петербургское, тверское, ярославское и нижегородское ассигнуютъ 93,5—90,1% изъ своихъ смѣтъ по народному образованію, но бессарабское лишь 55,5%, харьковское и олонецкое 65,6 и 68,9%.

Мы не станемъ говорить о другихъ особенностяхъ земскихъ смѣтъ по народному образованію, а перейдемъ далѣе къ сопоставленію послѣднихъ со смѣтами по медицинѣ.

Уже изъ предъидущаго съ достаточной опредѣленностью выясняются результаты этого сопоставленія: хозяиномъ положенія въ земскомъ бюджетѣ является статья по медицинѣ, а смѣта по народному образованію слѣдуетъ за ней значительно ослабленной. Сгруппируемъ цифры:

Расходы средней земской губерніи.

	1868 г.	I	II	III	IV	1894 г.	1895 г.	
							Уѣздн. з.з.	*Губ. з.з.*
А. Въ абсолютныхъ величинахъ (тыс. руб.).								
По медицинѣ	40,1	175,0	275,7	345,8	412,6	533,9	365,9	186,1
По нар. образ.	24,6	116,5	166,6	204,7	221,3	250,1	231,5	42,9
Б. Въ относительныхъ величинахъ (% къ бюдж.).								
По медицинѣ	8,3%	19,5%	24,7%	27,0%	28,0%	30,1%	25,8%	35,7%
По нар. образ.	5,1%	13,0%	15,0%	16,0%	15,0%	14,1%	16,3%	8,2%
В. Отношеніе расходовъ на медицину къ расходамъ на нар. обр.	163,0%	150,2%	165,5%	168,9%	186,4%	213,5%	158,1%	433,8%

Вглядываясь въ приведенныя величины, не трудно подмѣтить фактъ *все возростающаго преобладанія* бюджета земствъ по медицинѣ надъ ихъ бюджетомъ по народному образованію. И несомнѣнно, что тотъ же самый фактъ не остается безъ вліянія на то, почему съ конца 80-хъ годовъ сумма земскихъ расходовъ на народное образованіе не только не въ силахъ подниматься относительно, но *начинаетъ неуклонно падать*.

Связь расходовъ обѣихъ категорій, вѣрнѣе, ихъ антагонизмъ, сказывается особенно по отдѣльнымъ губерніямъ. Приведемъ такую таблицу:

Расходы 1874—93 г. въ % отнош. къ общ. бюдж.

Губерніи.	На медицину. % *выше средн.*	№ мѣста *среди друг.*	На нар. образ. % *ниже средн.*	№ мѣста *среди др.*
Орловская	33,5%	1-й	11,7%	29-й
Симбирская	31,6 »	2-й	9,8 »	33-й
Тамбовская	30,9 »	4-й	10,7 »	31-й
Тульская	30,3 »	5-й	11,1 »	30-й
Бессарабская	27,9 »	11-й	9,9 »	32-й
Губерніи.	**На медицину** % *ниже средн.*	**№ мѣста** *среди друг.*	**На нар. обр.** % *выше средн.*	**№ мѣста** *среди др.*
Московская	16,9%	34-й	18,3%	3-й
Таврическая	19,6 »	32-й	16,9 »	7-й
Олонецкая	22,9 »	29-й	17,8 »	5-й
Пермская	23,1 »	28 й	19,2 »	2-й
Полтавская	23,2 »	27-й	17,3 »	6-й

Точно также, изъ сравненія цифръ, изображающихъ размѣръ относительнаго (въ %) увеличенія издержекъ по медицинѣ и по народному образованію (съ I по IV періодъ), выходитъ, что однѣ губерніи, давшія %-ты прироста расходовъ по медицинѣ *выше средняго* (134,4 тыс. р.), траты на народное образованіе были въ состояніи поднять лишь *ниже средней нормы* (88,8 т.) [1]; одновременно другія губерніи,

[1]) Псковская, Орловская, Курская, Бессарабская, Тульская, Костромская.

съ %-ми прироста тратъ на медицину *ниже средняго*, располагаютъ *высшими* %-*ми* увеличенія издержекъ по народному образованію [1]).

И безошибочно можно утверждать такимъ образомъ, что земства, широко развивая свою медицинскую практику, тѣмъ самымъ съуживаютъ область своего просвѣтительнаго вліянія.

Изъ другихъ категорій земскихъ расходовъ, необязательныхъ, но необходимыхъ по существу, слѣдуетъ отмѣтить расходы по земскому управленію. Ихъ отличительнымъ признакомъ является то, что, поднимаясь съ теченіемъ времени абсолютно, они уменьшались относительно. Стоитъ лишь посмотрѣть на такую таблицу:

	1868 г.	I	II	III	IV	1895 г. [2])
	Т ы с я ч и р у б л е й.					
Всѣ земства.....	2.797,4	3.070,4	3.536,5	4.049,6	4.156,3	5.618,1
Средняя губ.....	93,2	94,2	105,3	119,1	122,2	165,2
Отн. къ общ. бюдж.	*19,2%*	*10,5%*	*9,4%*	*9,3%*	*8,3%*	*8,5*
Отн. къ бюдж. «необяз.»	—	*19,7* »	*16,4* »	*15,5* »	*13,9* »	*13,9* [3]).

Характерно, что данные расходы понижаются, несмотря на то, что земскій бюджетъ возростаетъ съ каждымъ годомъ и, слѣдовательно, земское дѣло становится сложнѣе.

Переходимъ къ цифрамъ.

Какъ общее правило, и тутъ наблюдается тенденція, что чѣмъ болѣе губернія расходуетъ по всѣмъ статьямъ, тѣмъ крупнѣе—въ абсолютныхъ числахъ—и расходъ ея по земскому управленію. Однако, относительныя величины тратъ (% къ бюджету) не соотвѣтствуютъ размѣрамъ суммъ общихъ расходовъ; оказывается, что всѣ губерніи съ расходными бюджетами выше средняго на земское управленіе тратятъ меньше средняго; съ другой стороны, тѣ земства, что тратятъ на земское управленіе менѣе средняго, располагаютъ бюджетами высшими.

Исключенія представляютъ лишь Курская, Московская, Владимірская и Полтавская губерніи, которыя расходуютъ на земское управленіе, въ относительномъ смыслѣ, очень много, при своихъ высокихъ бюджетахъ. За то Вятская губернія, занимая второе мѣсто по общему бюджету (1874—1893 гг.), стоитъ на предпослѣднемъ мѣстѣ въ I періодѣ и на послѣднемъ въ IV по степени величины издержекъ на земское управленіе.

О постепенномъ измѣненіи расходовъ, о которыхъ идетъ рѣчь даетъ понятіе слѣдующая группировка:

---

[1]) Тамбовская, Новгородская, Ярославская, Нижегородская, Саратовская, Олонецкая, Пермская, Воронежская, Рязанская, Харьковская, Казанская.

[2]) Въ матерьялахъ 1895 г., подъ рубрикой: «Земское управленіе», фигурируютъ расходы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ на основаніи закона 8 іюня 1893 г. Въ виду особаго характера этихъ расходовъ, ихъ сумма вездѣ исключена нами при вычисленіяхъ, *но только—общихъ итоговъ*, абсолютныхъ и относительныхъ.

[3]) Для 1894 г.

Расходы	1868 г.	I.	II.	III.	IV.
(въ тыс. руб.)		Число губерній.			
250—200	—	—	—	1	3
200—150	1	1	2	4	2
150—100	10	12	16	16	18
100— 50	17	19	16	13	11
Ниже 50	2	1	—	—	—
Выше средней	*16*	*16*	*17*	*15*	*14*

Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, бюджетъ по земскому управленію для большинства губерній едва успѣлъ расширить свои предѣлы на 50.000. Не то выходитъ, если брать данные расходы въ ихъ отношеніи къ общимъ бюджетамъ.

% къ бюдж.	1868 г.	1874—1878 гг.	1889—1893 г.
	Число губерній.		
40—25 %	4	—	—
25—20 »	9	—	—
20—15 »	14	2	—
15—10 »	2	23	6
10—5 »	1	8	28
Выше средней	*15*	*22*	*19*

Отсюда видно, что черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ область относительныхъ расходовъ по земскому управленію для массы губерній сокращалась пятью процентами.

Чтобы опредѣлить относительный размѣръ тратъ по отдѣльнымъ губерніямъ, намъ нужно обратиться къ матерьяламъ за 1895 годъ.

Губерніи.	*% отношеніе къ общимъ бюджетамъ.*
Московская, Херсонская и Петербургская	отъ 13,8 до 13,0%
Псковская и Уфимская	» 11,4 » 11,2 »
Полтавская, Пензенская, Ярославская, Тульская, Костромская, Тверская, Олонецкая, Смоленская, Курская, Саратовская, Орловская	» 10,9 » 10,0 »
Владимірская, Симбирская, Тамбовскяя, Нижегородская, Бессарабская и Черниговская	» 9,7 » 9,0 »
Казанская, Вятская, Екатеринославская, Рязанская, Пермская	» 8,9 » 8,0 »
Харьковская, Калужская, Новгородская, Вологодская, Воронежская и Таврическая	» 7,9 » 7,0 »
Самарская	6,3 »
Средняя	*9,5%*[1])

Въ величинахъ процентныхъ отношеній нѣтъ рѣзкихъ колебаній: крайняя высшая лишь вдвое превосходитъ низшую. Это еще разъ свидѣтельствуетъ объ одинаковыхъ условіяхъ расхода по разнымъ земствамъ.

Источники 1895 г. выдѣляютъ изъ рубрики: «Земское управленіе», особую статью, именно—на личный составъ земскихъ управъ. На вознагражденіе своихъ предсѣдателей и членовъ земства въ 1895 г. истра-

[1]) Не исключая издержекъ по оцѣнкѣ.

тили 1.931,8 т. р., иначе 34,4% всѣхъ расходовъ по земскому управленію или 2,9%—общаго бюджета. Вотъ относящіяся къ этому цифры:

Расходы на личный составъ.

Тыс. руб.	Число губерн.	% къ *общ. бюдж.*	Число губерн.
100—75	4	4½—4%	3
75—50	19	4—3 »	16
50—25	11	3—2 »	14
—	—	2—1½%	1
Выше средней (56,8)	17	*Выше средней (2,9%)*	21

Обратимся къ бюджетамъ губернскихъ земствъ. Въ 1895 г. послѣднія на земское управленіе назначили 1.483,6 тыс. р., или 8,4% къ своимъ общимъ раскодамъ, т.-е. относительно почти столько же, что было ассигновано и вообще по губерніи. Размѣры тратъ губернскихъ земствъ по управленію (вмѣстѣ съ расходами по оцѣнкѣ) въ сжатомъ видѣ изображаются такъ:

Тыс. руб.	Число губ.	%-ное *отношеніе къ расходамъ на з. у. по губерніи.*	Число губ.
200—150	1	50—40%	3
150—100	2	40—30 »	7
100— 50	8	30—20 »	17
50— 20	23	20—10 »	7
Выше средней (49,6)	11	*Выше средней (27%)*	13

Мы видѣли, что расходы на личный составъ по губерніямъ достигаютъ 34,4% всѣхъ расходовъ на земское управленіе. Тѣ же расходы губернскихъ земствъ берутъ въ бюджетѣ послѣднихъ по управленію 25,8%, составляя сумму въ 383,4 т. р. При сравненіи издержекъ 1895 г. уѣздныхъ и губернскихъ земствъ мы получаемъ [1]):

Уѣздныя земства.

Земское управл. (безъ л. с.).		*Личный составъ.*	
Абс. ч. (тыс. р.).	% къ общ. бюдж. у. з.	Абс. ч. (тыс. р.).	% къ общ. бюдж. у. з.
2.586,1	5,4%	1.548,4	3,2%

Губернскія земства.

Земское управл. (безъ л. с.).		*Личный составъ.*	
Абс. ч. (тыс. р.).	% къ общ. бюдж. г. з.	Абс. ч. (тыс. р.).	% къ общ. бюдж. г. з.
1.100,2	6.2%	383,4	2,2%

И такъ, уѣздныя земства расходуютъ на дѣло управленія относительно менѣе, нежели губернскія, такъ какъ не располагаютъ той организаціей отдѣловъ, какая существуетъ при губернскихъ земствахъ. Главный трудъ лежитъ тамъ на предсѣдателѣ и членахъ управы, и потому расходы по содержанію послѣднихъ поглощаютъ въ уѣздныхъ земствахъ большую долю бюджета, чѣмъ въ губернскихъ. Сумма расходовъ на личный составъ въ уѣздныхъ земствахъ составляетъ 59,9% *прочихъ* ихъ тратъ по земскому управленію, а въ губернскихъ аналогичный процентъ спускается до 34,8. По земствамъ обѣихъ категорій данное отношеніе выражается 52,4%.

Сводъ по земскимъ смѣтамъ на 1895 годъ даетъ свѣдѣнія о количествѣ расходовъ земскихъ учрежденій еще по одной очень важной

[1]) Въ 1868 г. уѣздныя земства назначили на земское управленіе 2.096,4 тыс. руб., или 18,6% своихъ бюджетовъ, а губернскія—701,0 тыс., или 21,2% суммы всѣхъ своихъ расходовъ.

статьѣ, которая носитъ названіе: «Мѣры содѣйствія сельскому хозяйству и промышленности». Надо напередъ оговориться, что содержаніе этой статьи достойно менѣе громкаго названія. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе вопроса, почему земство удѣляетъ на воспособленіе народному труду такія жалкія суммы, какъ нынѣ; но фактъ этотъ достаточно подтверждается цифрами.

Расходы земствъ на мѣры содѣйствія сел. хоз. и пром. въ 1895 г.

Абс. числа (тыс. руб.)	Число губ.	*%-ное отнош. къ общ. бюд.*	Число губ.
Выше 50	3	Выше 2%	2
50—20	8	2— 1 »	9
20—10	11	1—0,5 »	10
10— 1	11	0,5—0,1 »	12
Ниже 1	1	Ниже 0,1 »	1
Выше средней (19,7 т.)	11	*Выше средней (1%)* . .	*13*

Больше всѣхъ другихъ по данному предмету и относительно, и абсолютно расходуетъ Вятская губернія, именно 90 тысячъ руб., или 3,4% общаго бюджета; затѣмъ Пермская, Тамбовская, Херсонская и Екатеринославская губерніи тратятъ въ предѣлахъ 50—40 тысячъ, или отъ 2,1 до 1,6% къ общимъ смѣтамъ. Микроскопическая доза издержекъ— на сумму 640 руб. (0,04%)— принадлежитъ Калужской губерніи. Всѣ же губерніи истратили на «мѣры содѣйствія» 670,8 тыс. руб., или одинъ процентъ къ общей суммѣ бюджетовъ [1]).

Какъ бы то ни было, для нѣкоторыхъ губерній значеніе статьи расходовъ на сельское хозяйство должно еще умалиться, вслѣдствіе того, что въ нее входитъ частная статья «на истребленіе вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ». Бессарабская губернія по этой послѣдней статьѣ назначаетъ 9 тысячъ рублей изъ 17-ти, составляющихъ ея сельскохозяйственный бюджетъ; Самарская ассигнуетъ здѣсь 17,9 т. изъ 39,8 тысячъ. Симбирская губернія расходуетъ на то же 5,4 тыс. руб., а Таврическая — 4,7: первая болѣе 1/3, вторая около 1/5 части всѣхъ своихъ соотвѣтственныхъ издержекъ.

Какова далѣе роль губернскаго земства въ дѣлѣ помощи сельскому хозяйству и промышленности? Роль эта немаловажная, но, конечно, лишь въ условномъ смыслѣ.

Расходы губернскихъ земствъ на сел. хоз. и пром. въ 1895 году.

Абс. числа (тыс. руб.)	Число губ.	*%-ное отнош. къ расх. на сельск. хозяйст. по губерн.*	Число губ.
Выше 50	1	100—80%	5
50—20	5	80—60 »	11
20—10	6	60—40 »	6
10— 5	8	40—20 »	6
5— 1	9	20—10 »	2
1— 0,1	2	1 »	1
0	3	0	3
Выше средней (11,6 т.)	8	*Выше средней (58,9%)*	16

[1]) На ряду съ тѣмъ, земствами было ассигновано на ветеринарную часть 1.090,9 т. р., или 1,7% общаго бюджета, изъ которыхъ 0,5% предназначались на мѣры противъ эпизоотій.

Всѣ губернскія земства израсходовали по данной статьѣ 395,7 т. р., т.-е. болѣе половины суммы соотвѣтственныхъ расходовъ по губерніямъ. При этомъ земства калужское, пензенское и саратовское ничего не ассигновали въ интересахъ мѣстной промышленности, а воронежское земство назначило всего 100 рублей — и то на истребленіе животныхъ и насѣкомыхъ—и рязанское—800 рублей. Расходы вятскаго губернскаго земства простирались до 65½ т. руб.; за нимъ, по величинѣ издержекъ, слѣдовали земства: тамбовское, пермское, московское, екатеринославское, херсонское и полтавское (49,3—19,3 т. р.).

Что касается процентныхъ величинъ, то изъ ихъ разсмотрѣнія оказывается, что нѣкоторыя губернскія земства принимаютъ на себя почти цѣликомъ расходы на сельское хозяйство по губерніи. Такъ, петербургское, олонецкое, тамбовское и костромское земства расходовали на мѣры содѣйствія 97,4—96,2% всѣхъ спеціальныхъ тратъ по своимъ губерніямъ; не мало тратили также: полтавское (81,4%), псковское, нижегородское, московское, казанское и вятское (78,6—72,8%). Послѣднее мѣсто принадлежитъ тутъ воронежскому губернскому земству (1%), если не считать уже указанныхъ—калужскаго, пензенскаго и саратовскаго.

Сгруппируемъ теперь цифры тратъ по сельскому хозяйству и промышленности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.

	Уѣздныя земства.		Губернскія земства.	
	Аб. ч. ч. (*тыс. руб.*)	% *къ бюдж. уѣздн. земствъ.*	*Аб. ч. ч.* (*тыс. руб.*)	% *къ бюдж. губ. земствъ.*
Всѣхъ губерній. . . .	275,1	0,6%	395,7	2,2%
Средней губ.	8,1	0,6 »	11,6	2,2 »

Выходитъ, что губернскія земства удѣляютъ здѣсь и абсолютно, и относительно большія суммы, сравнительно со всѣми уѣздными. Расходъ первыхъ составляетъ 143,8% расходовъ—вторыхъ. Кромѣ того, изъ одного процента, ассигнованнаго въ 1895 г. на сельское хозяйство по губерніямъ, уѣзднымъ принадлежитъ 0,4 части, губернскимъ—0,6...

Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи 1893 года по пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ, о которой мы не разъ упоминали, шли оживленныя пренія, по вопросу о желательности вмѣнить *въ обязанность* для земскихъ учрежденій удовлетвореніе такъ называемыхъ культурныхъ потребностей [1]). Говорилось, что въ программу земской дѣятельности должны быть включены ex officio заботы о профессіональномъ образованіи, «которое является земскимъ дѣломъ скорѣе даже, чѣмъ народное образованіе», учрежденіе и содержаніе музеевъ и бюро съ выставкой образцовыхъ сѣмянъ и орудій, охрана полей и луговъ и т. д. Затѣмъ рекомендовалось «ввести условно обязательную повинность, т.-е. сдѣлать обязательнымъ для земскихъ собраній опредѣленіе того, какія новыя мѣры они считали бы необходимымъ осуществить въ ближай-

[1]) См. журналъ коммиссіи, стр. 87—94.

шемъ будущемъ (по части, напр., осушенія болотъ, орошенія и т. п.) съ тѣмъ, чтобы по истеченіи опредѣленныхъ періодовъ времени вопросъ о степени необходимости этихъ мѣропріятій былъ вновь пересматриваемъ». При этомъ «протоколы земскихъ собраній по обсужденію программы обязательныхъ мѣропріятій должны для контроля поступать къ высшему начальству, которое своимъ утвержденіемъ придаетъ постановленіямъ земскихъ собраній надлежащую твердость».

Однако, нѣкоторые члены коммиссіи возражали противъ цѣлесообразности сдѣлать для земствъ обязательною повинность по воспособленію сельскому хозяйству и промышленности. Они указывали здѣсь на недостаточность земскихъ средствъ, на большую компетентность въ сельскохозяйственной области спеціальныхъ правительственныхъ органовъ, на затруднительность регламентировать потребности для всѣхъ земствъ при разнообразіи мѣстныхъ условій. Было также упомянуто о невозможности требовать отъ земства выполненія того, на чемъ само правительство еще не остановилось окончательно... Къ мнѣнію оппонентовъ присоединилось, въ концѣ концовъ, большинство членовъ коммиссіи.

Непосредственно къ вопросу о земскихъ расходахъ на сельское хозяйство и промышленность примыкаетъ вопросъ о дорожныхъ издержкахъ земства. Послѣднія принадлежатъ къ категоріи «обязательныхъ», но только номинально: законъ не установилъ для нихъ нормы. Въ 1868 г. по дорожной повинности земства истратили 1.906,8 т. р., или 13,1% общихъ бюджетовъ, причемъ такая значительная сумма ассигновокъ на дороги находилась въ связи съ стремленіемъ земствъ переложить натуральную повинность на денежную. Но потомъ дорожные расходы относительно сокращались. Въ періодъ десятилѣтія 1871—80 гг. ихъ сумма (25.157,6 т. р.) составляла 9% общей суммы расходовъ, въ періодъ 1881—90 гг.—6,5% (27.553,7 т. р.). На 1895 годъ земствами назначено было на дороги 3.863,5 тыс. руб., или 5,9%,—такъ что на одну губернію приходилось въ среднемъ—113,6 т. р.

Какъ извѣстно, земскій дорожный бюджетъ долженъ рѣзко подняться благодаря закону 1 іюня 1895 года, который, избавивъ земства отъ издержекъ по содержанію судебно-административныхъ учрежденій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., предписалъ одновременно употреблять освободившіяся суммы на нужды дорогъ. Въ 1895 г. совокупность этихъ суммъ по всѣмъ губерніямъ достигала 6.029 тыс. р. (9,2%); слѣдовательно, если признать разсчетъ для даннаго года приблизительно вѣрнымъ и для того времени, когда будетъ введенъ въ дѣйствіе законъ 1 іюня, то расходы по дорожной повинности поглотятъ 15% общаго земскаго бюджета и увеличатся сразу на 156,1%. Подобнаго явленія еще не наблюдалось въ области бюджетовъ мѣстныхъ органовъ.

Въ качествѣ аргументовъ наступающаго благосостоянія земско-

дорожнаго дѣла, мы приведемъ цифры соотвѣтственныхъ расходовъ, касающіяся до половины губерній:

Губерніи.	Дорожные расходы 1895 г.	Освоб. капиталы.	Всего.
Вологодская	63,5	122,2	185,7
Казанская	69,7	160,3	230,0
Пермская	193,0	314,7	507,7
Самарская	40,5	171,3	211,8
Уфимская	58,5	132,7	191,2
Костромская	76,2	157,6	233,8
Нижегородская	69,3	171,9	241,2
Смоленская	26,8	158,2	185,0
Тверская	76,8	155,3	232,1
Воронежская	90,5	197,7	288,2
Орловская	44,2	198,6	242,8
Пензенская	41,0	126,5	167,5
Саратовская	26,6	210,6	237,2
Тульская	42,2	169,8	212,0
Бессарабская	9,4	222,5	231,9
Таврическая	83,5	175,8	259,3
16 губерній	**1.011,7**	**2.845,7**	**3.857,4**

И такъ, дорожные расходы здѣсь поднимаются ex abrupto на 281,3% т.-е. чуть-чуть не вчетверо. И слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что 12 изъ названныхъ губерній имѣютъ процентъ тратъ по народному образованію ниже средней величины, крайне, какъ мы видѣли, невысокой.

А между тѣмъ земскій бюджетъ, повторяемъ, настоятельно нуждается въ новыхъ для себя источникахъ, чтобы выполнять свои задачи. Недостатокъ средствъ у земскихъ учрежденій не только не позволяетъ имъ откликаться, какъ слѣдуетъ, на запросы населенія, но принуждаетъ урѣзывать ассигновки по самымъ насущнымъ статьямъ.

Объ этомъ можно судить, между прочимъ, изъ сопоставленія суммы *дѣйствительно произведенныхъ* расходовъ съ суммами расходовъ, *назначенныхъ по смѣтамъ* [1]).

По разрядамъ издержекъ несоотвѣтствіе между смѣтой и дѣйствительностью представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Израсходовано менѣе, чѣмъ ассигновано.

	По зем. упр.	*Нар. здр.*	*Нар. обр.*	*Необяз. стат.*	*Обяз. стат.*	*Общ. бюд.*
Въ 1893 г. На	8,0%	5,8%	10,4%	6,7%	22,6%	10,4%
Въ 1894 г. На	10,4 »	14,5 »	9,4 »	9,2 »	20,4 »	6,0 »

При этомъ, въ 1893 г. лишь *четыре* губерніи произвели расходовъ *болѣе*, нежели предполагали, а въ 1894-мъ—одиннадцать.

Тотъ же недостатокъ средствъ опутываетъ земства сѣтью долговыхъ обязательствъ.

По вопросу о земской задолженности въ сводныхъ матерьялахъ

[1]) Въ матерьялахъ значатся цифры *дѣйствительно произведенныхъ* расходовъ только за 1893 и 1894 гг.

существуютъ цифры только за три года и отличаются, кстати, особенной неточностью.

На основаніи свѣдѣній департамента окладныхъ сборовъ, уплата по долгамъ для 1895 г. опредѣляется такими величинами.

По губерніямъ.	%-ное отношеніе къ бюджетамъ.
Рязанской	33,8%
Бессарабской, Самарской, Таврической, Симбирской, Екатеринославской, Калужской	отъ 29,4 до 21,2%
Курской, Воронежской, Казанской, Харьковской, Орловской, Черниговской, Уфимской, Тульской, Нижегородской, Пермской	отъ 19,9 до 11,4%
Владимірской, Тверской, Смоленской	отъ 8,6 до 5,2%
Костромской, Вологодской, Пензенской, Петербургской, Новгородской, Саратовской, Вятской, Олонецкой, Московской, Полтавской, Ярославской, Херсонской, Псковской и Тамбовской	отъ 4,6 до 1,0%

Мы ограничимся констатированіемъ этихъ цифръ, причемъ скажемъ лишь, что матерьялы показываютъ преувеличенную общую сумму земскихъ ассигновокъ на 1895 г. для погашенія долговыхъ обязательствъ, именно въ 7.997 т. р., что составляетъ 12,1% общихъ бюджетовъ.

Въ двухъ послѣднихъ сводахъ хозяйственнаго департамента мин. внут. дѣлъ приведены данныя о валовомъ размѣрѣ земскихъ долговъ; однако, онѣ также внушаютъ къ себѣ недовѣріе, и вотъ доказательства:

Губерніи.	Долги въ 1893 г. (въ тысяч. рублей).	Долги въ 1894 г.
Вятская	3.573	961
Харьковская	2.577	641
Симбирская	1.655	220
Херсонская	1.233	318
Смоленская	82	474
Костромская	265	901
Петербургская	268	947
Саратовская	648	1463

Невѣроятно, чтобы въ теченіе одного года могли происходить въ дѣятельности земствъ такія эволюціи въ положительную и отрицательную стороны.

Приводить проблематическія данныя по губерніямъ о величинѣ земской задолженности нѣтъ основаній; можно упомянуть только, что, по источникамъ, въ 1893 г. долговыхъ обязательствъ числилось за земствами на 47.066 тыс. рубл. (86,8% къ общ. бюдж.), а въ 1894-мъ—на сумму 37.466 тыс. [1]) (62,1%).

[1]) Просчитывая слагаемыя, изъ коихъ составляется эта сумма, мы находимъ, что она должна быть уменьшена на 1.200 тыс.. Гдѣ составители Свода допустили ошибку: въ суммѣ или въ слагаемыхъ?—неизвѣстно.

Въ заключеніе, оглянемся назадъ и выберемъ нѣсколько общихъ данныхъ для характеристики размѣра и состава расходнаго бюджета всѣхъ земскихъ учрежденій, по различнымъ періодамъ:

	1868 г.	74–78 г.	79–83 г.	84–88 г.	89—93 г.	1894 г.	1895 г. Уздн. з.з.	1895 г. Губ. з.з.
Бюджетъ . . .	14.569,6	29.403,0	37.333,4	43.544,9	50.103,9	60,302,2	48.164,7	17.716,0
Отсюда приходилось, на статьи:								
«*Обязат.*» . .	63,6%	47,2%	42,6%	40,1%	40,1%	40,7%	—	—
«*Нар. здрав*» .	8,3 »	19,5 »	24,7 »	27,0 »	28,0 »	30,1 »	25,8%	35,7%
«*Нар. образ.*»	5,1 »	13,0 »	15,0 »	16,0 »	15,0 »	14,1 »	16,3 »	8,2 »
«*Зем. управ.*»	19,2 »	10,5 »	9,4 »	9,3 »	8,3 »	8,2 »	8,6 »	8,4 »
На прочія статьи оставалось всего:								
	3,8%	9,8%	8,3%	7,6%	8,6%	6,9%	—	—

При разсмотрѣніи земскихъ бюджетовъ мы не принимали въ разсчетъ суммы издержекъ изъ спеціальныхъ капиталовъ, находящихся въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій. Это объясняется полнымъ отсутствіемъ нужныхъ свѣдѣній. Въ оффиціальныхъ сводахъ имѣются данныя только по состоянію земскихъ капиталовъ. Чтобы получить нѣкоторое представленіе о значеніи этихъ капиталовъ, возьмемъ соотвѣтственныя цифры для 1894 года:

Суммы спеціальныхъ капиталовъ.

Губернскихъ земствъ. *Тыс. руб.*	*Число губ. земствъ.*	Уѣздныхъ земствъ. *Тыс. руб.*	*Число уѣздн. земствъ.*
5.000—4.000 . .	1	2.000—1.000 . .	1
4.000—3.000 . .	2	1.000— 500 . .	8
3.000—2.000 . .	8	500— 100 . .	54
2.000—1.000 . .	13	Ниже 100 . .	287
1.000— 500 . .	8	0 . .	9
500— 100 . .	2	— . .	—
59.834.5 (*68,8%*)	*Всѣ 34*	*27.101,8* (*31,2%*)	*Всѣ 359*
1.759,9	*Среднее.*	*75,5*	*Среднее.*

Слѣдовательно, большая часть общей суммы капиталовъ [1]) сосредоточена въ губернскихъ земствахъ, и серьезную роль играютъ капиталы лишь этихъ послѣднихъ.

С. Г—инъ.

---

[1]) Изъ общей суммы (86.936,3 т. р.) въ ссудахъ числилось 14.606,2 тысячи.

КУЛЬТУРА и ОБРАЗОВАНІЕ [1]).

(Взглядъ на современную Германію).

Въ наши дни широко распространено мнѣніе, что каждая отдѣльная личность опредѣляется тѣмъ временемъ, въ какое она рождена. Она старается воспринять его въ себя и стремится дать ему сознательное выраженіе.

Справедливъ-ли этотъ взглядъ—объ этомъ можно спорить. Можно возразить, что личность въ состояніи противиться господствующимъ теченіямъ, въ состояніи оградить себя отъ нихъ; можно показать, что она въ силахъ остаться при своеобразныхъ взглядахъ, образовавшихся въ ней независимо отъ духа времени, и дѣятельно оспаривать господствующія или нарождающіяся воззрѣнія.

Но, не смотря на это, она стоитъ подъ вліяніемъ времени даже тогда, когда, въ противоположность къ нему, она все болѣе и болѣе обостряетъ свои убѣжденія. И, лишь только ей придется стать въ то или другое положеніе къ задачамъ настоящаго, она уже втягивается въ его заколдованный кругъ и подпадаетъ подъ его вліянія. Эта подчиненность начинается съ того дня, какъ въ ней просыпается потребность уяснить задачи своего времени. Не въ каждомъ проявляется эта потребность одинаково сильно, и не каждая эпоха достаточно настойчива, чтобъ всѣхъ вышугнуть изъ ихъ обособленности и принудить къ участію въ общественной жизни. Что наши дни обладаютъ достаточнымъ огнемъ, чтобъ воспламенить и массы, и равнодушныхъ,—это не разъ пришлось испытать каждому изъ насъ.

Одинъ, побуждаемый внутренней потребностью, ставилъ себѣ вопросъ, что̀ изъ нашего религіознаго міросозерцанія обладаетъ еще силою и жизнью, чтобъ принести душевный миръ, о которомъ вздыхаетъ современное безпокойное поколѣніе?

Другой съ одушевленіемъ занимался проблеммой перечеканки ходя-

---

[1]) Статья «Культура и образованіе» написана для «Новаго Слова» и переведена съ рукописи. Авторъ ея, профессоръ В. Рейнъ, читаетъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ и руководитъ очень извѣстной въ Германіи іенской педагогической «семинаріей» (практическими занятіями). Онъ же редактируетъ «Encyclopäd. Handbuch der Pädagogik» и «Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik». Печатая статью почтеннаго германскаго ученаго безъ всякихъ измѣненій, мы, однако, должны оговориться, что не вполнѣ раздѣляемъ нѣкоторые его взгляды. *Ред.*

чихъ цѣнностей, чтобы, быть можетъ, убѣдиться, что, вопреки всѣмъ стараніямъ, гербъ и надпись остаются все тѣми же; третій стремится проникнуть въ мракъ, окутывающій соціальный вопросъ, это стоглавое чудовище, которое осилить казалось легко только демократу-сорокадесятнику, говорившему своему другу: «Сегодня мы разрѣшимъ соціальный вопросъ, хотя бы для этого намъ пришлось просидѣть до полуночи». Четвертый, наконецъ, пытается ухватить гидру за голову, чтобы взглянуть, въ какой внутренней связи стоятъ развитіе культуры и сущность образованія. У одного извѣстнаго экономиста онъ читалъ положеніе, гласящее: «Послѣднее основаніе всякой соціальной опасности лежитъ не въ различіи имущественнаго владѣнія, но въ противоположностяхъ образованія. Этимъ должна опредѣляться каждая соціальная реформа. Она должна поднять жизненную энергію, нравственный характеръ, знанія и способности низшихъ классовъ». Какой широкій кругозоръ открывается здѣсь для работы воспитанія! Какъ близко сдвигается здѣсь народное развитіе и работа образованія! Такъ близко, что будущее націи является прямо въ зависимости отъ силы воспитательнаго вліянія взрослыхъ на несовершеннолѣтнихъ, образованныхъ классовъ на необразованные.

Задача педагогики въ тѣсномъ смыслѣ направлена преимущественно на первое. Она изслѣдуетъ условія, при которыхъ подростающее поколѣніе можетъ быть наивѣрнѣйшимъ образомъ ведено тѣми, кто посвятилъ себя воспитанію юношества. Конечно, педагогику слишкомъ часто предостерегаютъ, указывая, какъ далеко она отстоитъ отъ метода точныхъ наукъ, которыя могутъ съ математическою точностью впередъ вычислить свои успѣхи, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ непоколебимою увѣренностью указываютъ техникѣ ея пути. Въ какомъ невыгодномъ положеніи находится здѣсь педагогика, какъ сильно даютъ себя чувствовать пробѣлы въ психологическомъ знаніи дѣтскихъ натуръ! Такъ сильно, что предсказанія развитія дѣтскихъ душъ нужно разсматривать почти какъ дерзкое хвастовство. Даже теченіе отдѣльнаго урока нельзя впередъ разсчитать съ полной опредѣленностью. Виновато въ этомъ, конечно, не только объективно недостаточное психологическое знаніе, но и субъективная необыкновенная подвижность и измѣнчивость дѣтскихъ натуръ. Техники на основаніи физико-математическихъ знаній получаютъ въ руки матерію, которую они желаютъ преобразовать и заставить служить.

Природа матеріи для нихъ всегда одинакова и должна подчиняться тому, кто ее позналъ. Машина должна функціонировать такъ, какъ требуетъ ея конструкція,—изъ этой желѣзной причинности ей не выбраться,—и изобрѣтатель радуется ей.

Воспитатель точно также желалъ бы получить въ руки причинность духовныхъ воздѣйствій, но природа духа еще не подчинена математическимъ формуламъ, хотя и были попытки въ этомъ направленіи,—

и методъ, и техника вслѣдствіе этого не могутъ функціонировать такъ, какъ было бы желательно воспитателю.

Понявъ это, онъ легко потерялъ бы бодрость, еслибы его не поддерживала надежда, что его мѣропріятія не пройдутъ безслѣдно, хотя ихъ результаты и не могутъ быть заранѣе вычислены съ математическою опредѣленностью. Возможность воздѣйствія духа на духъ дана, и, на основаніи этой возможности, работа воспитателя можетъ имѣть успѣхъ и притомъ тѣмъ большій, чѣмъ глубже проникаетъ его психологическое изслѣдованіе въ сущность и законы психическихъ проявленій и чѣмъ горячее бьется его сердце, когда онъ думаетъ о ввѣренномъ ему юношествѣ. Вокругъ этихъ двухъ полюсовъ прежде всего вращается трудъ воспитателя. Но при этомъ не должно быть упущено изъ виду, что воспитателю, на ряду съ его работой въ школѣ, не должны остаться чужды великія задачи народнаго воспитанія. Наше время вырываетъ нашъ взоръ изъ тѣсныхъ рамокъ школьнаго воспитанія, направляя его къ требованіямъ общественной жизни; оно заставляетъ изслѣдовать зависимость между культурой и образованіемъ, чтобы принять въ разсчетъ, съ одной стороны, воздѣйствіе школы на дѣтей, съ другой—воздѣйствіе взрослыхъ другъ на друга.

Такимъ образомъ, выступаетъ новая великая задача для общественной педагогики, значеніе которой ростетъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе развитіе различныхъ трудовыхъ вѣтвей народа стремится къ тому, чтобы разщепить цѣлое, разорвать внутреннія связи народа и толкнуть его въ гибельную борьбу интересовъ.

Конкурренція въ хозяйственной области понуждаетъ народъ къ повышенію работоспособности. Борьбу эту сопровождаетъ, какъ руководящій мотивъ, безпощадная эксплоатація всѣхъ имѣющихся средствъ. Только прочь состраданіе—слышится тамъ. Оно парализуетъ и связываетъ силы. Только безпощадное примѣненіе всей энергіи ведетъ къ побѣдѣ. Только не принимать во вниманіе товарищей по народу; выше стоятъ интересы товарищей по труду. Общія экономическія заботы, общій трудъ низвергаютъ пограничные національные столбы. Рабочее сословіе становится международнымъ и противоставляетъ себя капиталу, давно сдѣлавшемуся интернаціональнымъ, и пытается организоваться, какъ таковое.

И вотъ, мы видимъ, что капиталъ и трудъ стоятъ другъ противъ друга не только въ рамкахъ одного народа, какъ это въ началѣ столѣтія предвидѣлъ Фихте, но, низвергнувъ національное различіе, они смыкаются каждый въ отдѣльности въ однородныя экономическія группы, образуютъ кольца и готовятся къ борьбѣ. Удивительный ходъ вещей!

Намъ невольно вспоминается одно мѣсто изъ шиллеровскаго введенія въ 30-лѣтнюю войну. Онъ изображаетъ тамъ, какъ государства сближаются между собою, въ силу единаго исповѣданія, въ силу одинаковой

религіозной формулы, какъ французскіе протестанты чувствуютъ себя болѣе близкими къ нѣмецкимъ братьямъ по вѣрѣ, чѣмъ къ своимъ католическимъ соотечественникамъ. Идея разбиваетъ національныя границы, смыкается внѣ ихъ и оказывается сильнѣе политической и національной взаимности. Но во времена, слѣдовавшія за реформаціей, религіозная вѣра соединяла политически разъединенныхъ членовъ; теперь, по возстановленіи имперіи, экономическая выгода служитъ соединительнымъ звеномъ для международныхъ группъ, соотечественниковъ же она дѣлитъ на два военныхъ лагеря, которые не понимаютъ болѣе другъ друга. Враждебно стоятъ они одинъ противъ другого. Перевѣсъ одного возбуждаетъ ненависть другого. Господствуетъ не братская любовь, а братская ненависть. Этимъ болѣетъ нація. Мы вѣдь образуемъ цѣлое и нераздѣльно принадлежимъ другъ другу. И если страдаетъ одинъ членъ, страдаетъ цѣлое. Мы нашу судьбу не можемъ отдѣлять отъ судьбы нашихъ единоплеменниковъ. Бѣдствія, которыми страдаютъ притѣсненные,—наши бѣдствія; нужда четвертаго сословія—наша нужда. Такъ измѣняются времена; но главная черта драмы остается та же. Въ XVII-мъ вѣкѣ все вращалось вокругъ религіи, соединявшей интерціонально, раздѣлявшей національно, въ XVIII-мъ вѣкѣ то же дѣйствіе оказывала философія, господствовавшая надъ умственнымъ міромъ образованныхъ; до половины XIX-го вѣка естествознаніе соединяло и раздѣляло умы. Теперь оно отодвинуто наукой объ обществѣ, которое улавливаетъ различнымъ образомъ интересъ современниковъ. Что это такъ, доказываютъ чувствительные барометры духовной жизни—женщины и поэты: они пошли «въ соціальные реформаторы». И другіе также хотятъ говорить съ пониманіемъ о государственномъ соціализмѣ, соціальной реформѣ и государствѣ будущаго, хотятъ содѣйствовать постройкѣ моста черезъ пропасть образованія и имущественнаго владѣнія.

Но развѣ это вообще необходимо и возможно? Вѣдь само развитіе вызвало эту группировку: на одной сторонѣ оно соединило образованіе и владѣніе, на другой—сомкнуло вмѣстѣ необразованность и трудъ. Должно-ли возставать противъ этихъ фактовъ и можно-ли устранить ихъ? Кто безъ дальнихъ думъ считаетъ существующее разумнымъ, тотъ разсмѣется надъ этими вопросами; онъ позаботится лишь о себѣ, чтобъ попасть на правую сторону. Мнимое благочестіе, у котораго постоянно благочестивыя слова на устахъ, обозначаетъ даже эту группировку, какъ желательную небу. Другіе не въ состояніи успокоиться на этомъ. Вмѣстѣ съ Фихте видятъ они въ этомъ раздѣленіи преддверіе гибели народовъ. Совѣсть и любовь къ отечеству понуждаютъ ихъ броситься въ разщелину и помочь закрыть пропасть. При этомъ вспоминается и обязанность школы трудиться надъ современной великой національной задачей. Со времени освободительныхъ войнъ школа смотрѣла, какъ на свою само собой понятную и благородную цѣль—поддерживать въ юно-

шествѣ патріотическія мысли и такимъ образомъ служить отечеству. Но, когда мы, по возстановленіи имперіи, приступили къ ея внутреннему устройству, пробудилась мысль, не можетъ-ли школа еще лучше, полнѣе и вѣрнѣе служить національному настоящему и будущему. Школьному общественному воспитанію съ его школами различнаго характера нужно было рѣшить вопросъ: какія цѣли мы должны преслѣдовать въ національномъ интересѣ? Отвѣтъ гласилъ: цѣли включены въ два слова—убѣжденіе и здоровье. Это—реплика, давно извѣстная въ школьныхъ кругахъ. Со времени Гербарта мы знаемъ, что сердце школьнаго организма для всѣхъ школъ, какъ гуманитарныхъ съ древними языками, такъ и гуманитарныхъ съ новыми, какъ для среднихъ, такъ и для низшихъ гражданскихъ училищъ долженъ образовать треугольникъ: религія, исторія и нѣмецкій языкъ. Это есть гуманитарное зерно, въ которомъ заключено образованіе убѣжденій, къ которому должны примкнуть остальные элементы образованія, отвѣчающіе на требованіе разносторонности. Это зерно у насъ уже было, но въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, слѣдуетъ хорошенько уяснить его цѣнность.

Въ этомъ зернѣ лежитъ центръ тяжести, лежитъ то, что составляетъ внутреннее единство всѣхъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній [1]). Въ настоящее время больше, чѣмъ когда-нибудь, должно сознать, что общіе всѣмъ соотечественникамъ элементы лежатъ въ попеченіи о религіозныхъ чувствахъ, въ пробужденіи одушевленія къ отечественной исторіи, языку и литературѣ, что эти элементы должны возвышаться надъ изученіемъ языковъ, которое такъ часто разсматривается, какъ начало руководящее, но въ то же время и раздѣляющее.

Наша образовательная система не должна быть разсматриваема, какъ зданіе съ тремя отдѣльными, другъ надъ другомъ возвышающимися этажами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой отдѣльный входъ, но какъ зала, въ серединѣ которой расположены отечественные образовательные элементы, доступные всѣмъ. Изъ нея ведутъ отдѣльные ходы въ особыя помѣщенія, которыя могутъ быть открыты только порознь. И это зданіе—зданіе нѣмецкое, построенное на фундаментѣ практическаго христіанства. Нѣкоторые мотивы въ немъ относятся

---

[1]) Нѣмцы ставятъ университеты, академіи и другія учебныя заведенія, которыя мы называемъ «высшими», внѣ сравненія, давая имъ названіе «высокихъ»—«Hochschulen», всѣ же прочія учебныя заведенія дѣлятъ на *высшія* (гимназіи и реальныя училища, подготовляющія къ школамъ «высокимъ»), *среднія* (гражданскія училища съ курсомъ менѣе обширнымъ, но болѣе законченнымъ, чѣмъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ) и, наконецъ, *низшія* (школы народныя, дающія элементарное образованіе и обязательныя для всѣхъ дѣтей, родители которыхъ не могутъ представить доказательствъ, что они даютъ имъ дома или въ частныхъ заведеніяхъ достаточное образованіе). *Прим. ред.*

еще къ древнему міру, но духъ, изъ котораго родилось цѣлое—духъ отечественный. Черезъ храмъ древнихъ проходили мы, какъ учащіеся, но теперь мы достаточно зрѣлы, чтобы работать въ новомъ зданіи надъ родной культурой.

Единство народа должно, какъ въ зеркалѣ, отражаться въ основныхъ началахъ образованія, одухотворенныхъ единымъ духомъ, въ чувствѣ взаимности всѣхъ тѣхъ, которые видятъ свое призваніе въ воспитаніи народа для опредѣленныхъ великихъ цѣлей.

Конечно, это не будетъ волшебнымъ средствомъ, чтобъ быстро уничтожить ту пропасть, которая раздѣляетъ народъ и образованныхъ. За это время могутъ пройти цѣлыя поколѣнія, и сначала долженъ быть побѣжденъ духъ разобщенія, который господствуетъ, какъ вообще между нѣмцами, такъ и спеціально между воспитателями. И школы могутъ здѣсь сдѣлать многое: онѣ могутъ воспитать подростающее поколѣніе способнымъ къ соціальному примиренію, и онѣ обязаны это дѣлать уже теперь. Онѣ должны это дѣлать, но, конечно, въ предположеніи, что все выигранное въ развитіи истиннаго соціальнаго чувства среди юношества, все это не слишкомъ скоро разложится и улетучится въ кругу взрослыхъ отъ треній жизни.

Поэтому рычагъ долженъ быть приложенъ не только къ подростающему поколѣнію, но въ то же время и къ взрослымъ. Здѣсь образованные должны все болѣе и болѣе сознавать обязанность, которую имъ надлежитъ выполнить по отношенію къ необразованнымъ.

Конечно, это происходило и раньше, конечно, и раньше школы проводили въ общее сознаніе мысль о томъ, что разобщеніе, покоющееся на внѣшнихъ преимуществахъ, отвратительно и вредно. Въ данный же моментъ призывъ времени раздается громче, чѣмъ когда-нибудь. Но многіе образованные, и въ особенности ученые упорно затыкаютъ уши. По разнымъ причинамъ они не хотятъ слышать призыва.

Одни говорятъ, что народъ много счастливѣе въ своемъ невѣдѣніи. Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, которое часто означаетъ лишь полуобразованность, поднимаются потребности, которыя не могутъ быть удовлетворены. Вслѣдствіе этого появляется будто бы недовольство, которое возбуждаетъ массы и угрожаетъ существованію государства, Поэтому народу не надо, молъ, образованія, а давайте ему больше религіи. Представители этого направленія, часто воображающіе себя истинными христіанами, даже не чувствуютъ, какъ противно христіанскому ученію, какъ грубо, какъ эгоистично подобное воззрѣніе. Не менѣе несправеливо и мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что факелу истины предназначено свѣтить лишь немногимъ избраннымъ умамъ, что этотъ факелъ свѣтитъ тѣмъ ярче, чѣмъ меньше кругъ, который онъ освѣщаетъ своимъ свѣтомъ. Они охвачены постояннымъ страхомъ, что истина измельчаетъ, коль скоро она широко распространится въ

народныхъ массахъ. Только небольшой кругъ посвященныхъ смѣетъ и можетъ воспринимать мистеріи во всей ихъ глубинѣ.

Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя научныя области, по своей природѣ отдѣленныя отъ жизни, доступны лишь небольшому кружку знатоковъ. Не представляютъ-ли онѣ просто художественное украшеніе, декорацію цѣлаго, которую, конечно, можно оставить, такъ какъ она ничему не вредитъ, а маленькому кружку доставляетъ радость?

Но, еслибы даже всѣ эти взгляды были справедливы, то въ настоящее время они все же не имѣютъ силы. Нынѣ не зависитъ уже болѣе отъ желанія или нежеланія отдѣльной личности соединеніе или разобщеніе процессовъ культуры и образованія. Несравненно болѣе мощныя силы, чѣмъ убѣжденія отдѣльныхъ лицъ, ожили въ темной глубинѣ народныхъ основъ и рвутся на дневный свѣтъ. Повелительно требуютъ они себѣ права на образованіе. И эти силы нельзя отбросить назадъ. Онѣ коренятся въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: 1) въ народной школѣ, которая обязательно охватываетъ всѣ слои и которая, покровительствуемая государствомъ, пробудила въ массахъ потребность въ образованіи; 2) во всеобщей воинской повинности, которая требуетъ возможно высшую мѣру самостоятельности и разсудительности, и 3) во всеобщемъ избирательномъ правѣ, которое предполагаетъ образованный народъ, разъ оно должно функціонировать правильно.

Тысячелѣтія народная масса дозволяла себя опекать и мирно выносила всевозможный гнетъ. Но новое время съ его народной школой, всеобщей воинской повинностью и избирательнымъ правомъ покончило съ этой системой. Туда невозможно болѣе перенестись. Солнце освѣщаетъ не только горныя вершины, оно проникаетъ и въ долины. И живущіе на равнинахъ чувствуютъ его благодѣянія такъ же хорошо, какъ стоящіе на верху, и они благодарны за это. Оникрѣпко держатъ, что имѣютъ, и стремятся къ большему.

Въ геніальномъ порывѣ Бисмаркъ связалъ имперію съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, чтобы сдѣлать непоборимой національную мощь. Кто пожелаетъ разорвать эту связь? Отдѣльные голоса рѣшаются утверждать, что бисмарковскій даръ былъ даромъ данайцевъ. Но никто не осмѣливается предложить отмѣну всеобщаго избирательнаго права. Это вызвало бы бурю, конецъ которой трудно предвидѣть. И такъ, мы должны считаться съ этимъ подаркомъ, и мы это дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что въ немъ лежитъ побужденіе не успокоиваться, пока народъ не созрѣетъ, чтобъ правильно пользоваться этимъ правомъ. Лозунгъ — образованіе ведетъ къ свободѣ! Такимъ образомъ на соціально-политическомъ фонѣ поднимается народно-воспитательная задача. Чтобы она была проведена настоящимъ образомъ, для этого требуется обдуманное развитіе основъ, положенныхъ школьнымъ образованіемъ.

Зачатковъ къ тому уже много въ нашемъ народѣ. Общины, обще-

ства и частныя лица устроили рядъ общеобразовательныхъ и народно-воспитательныхъ заведеній и учрежденій. Подумайте о Гумбольтовской академіи и «Ураніи» въ Берлинѣ, о народно-образовательныхъ обществахъ, раскинувшихся по всей Германіи, о промышленныхъ и другихъ ферейнахъ, ежедневно изливающихъ на имперію такой бурный потокъ общеобразовательныхъ лекцій, что отъ нихъ ужъ начинаютъ обороняться. Подумайте, наконецъ, о публичныхъ читальняхъ и народныхъ библіотекахъ—все это учрежденія для удовлетворенія образовательной потребности, для распространенія знанія и просвѣщенія. Слѣдуетъ вспомнить, какъ нѣмецкіе университеты, сначала Вѣна, затѣмъ вскорѣ Мюнхенъ, Лейпцигъ и Іена, вступили въ это движеніе, чтобы распространить вліяніе нашихъ «высокихъ школъ» на все болѣе широкій кругъ населенія и тѣмъ оплодотворить національную жизнь.

Конечно, всѣ эти попытки пока еще производятъ впечатлѣніе чего-то разрозненнаго, двигающагося скачками и неравномѣрно, иногда даже поверхностнаго. Поэтому нерѣдко слышатся голоса, которые спрашиваютъ: не выращивается-ли всѣмъ этимъ поверхностное дилеттантство? Это было бы, разумѣется, худо. Но существуетъ дилеттантство, имѣющее право на существованіе.

Еще Гёте старался доказать, что дилеттанство—вещь совсѣмъ не плохая, Конрадъ же Ланге (въ Тюбингиигѣ) прямо требуетъ созданія дилеттантовъ, какъ подготовительнаго условія для грядущаго художественнаго вѣка. И онъ правъ, потому что дилеттанство дѣлаетъ тупыя чувства способными воспринимать новыя истины и новыя красоты.

Опасность наступаетъ лишь тогда, когда горячему народному стремленію къ знанію предлагаютъ худую, недостаточную пищу, когда фальшиво обученные и развитые дилеттанты говорятъ рѣшающее слово и берутъ на себя руководящую роль, въ то время, какъ знающіе и толковые прячутся. Поэтому именно къ этимъ послѣднимъ должно быть направлено предостерегающее напоминаніе—взяться за образованіе жаждущихъ знанія. Неблагоразумно насмѣхаться и надругиваться надъ путаницей мыслей, господствующей въ народѣ, какъ это любятъ дѣлать самодовольные спеціалисты; недостойно государственныхъ людей наказывать народъ за его увлеченіе, за его неискусныя, непродуманныя рѣчи, какъ это предлагаютъ «переворотные» (Umsturzbureaukraten) бюрократы.

Вина лежитъ въ людяхъ образованныхъ, въ государственныхъ мужахъ, которые предоставили народъ полуобразованнымъ и партійнымъ политикамъ, вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ честный духовный бой на почвѣ народнаго просвѣщенія за обладаніе народомъ. Но вина лежитъ и въ тѣхъ, которые при народномъ образованіи преслѣдуютъ фальшивыя цѣли. Здѣсь повторяется то же самое явленіе, съ которымъ намъ приходится такъ много бороться при школьномъ воспитаніи, когда думаютъ, будто суть дѣла въ передачѣ знанія, при томъ въ возможно большемъ количествѣ. Мы, нѣмцы, получили наше

первое образованіе изъ латинской школы римской церкви. Съ благоговѣніемъ смотрѣло варварское, неученое поколѣніе на сокровища древняго культурнаго міра. И это благоговѣніе передъ ученостью осталось до сегодняшняго дня, хотя оно и начинаетъ понемногу исчезать, потому что въ настоящее время знаютъ слишкомъ хорошо, что знаніе и ученость еще не составляютъ образованія. Узнаютъ слишкомъ часто, что можно быть очень ученымъ и въ то же время въ высшей степени необразованнымъ. Образованіе менѣе всего представляетъ изъ себя мертвую глыбу, не двигающую впередъ своего обладателя. Образованіе—жизнь, личная, внутренняя жизнь, полная самостоятельности, независимая отъ чужого мнѣнія. Поэтому образованный человѣкъ—истинно свободный, онъ господинъ, который направляетъ исторію народа. Но господствовать—значитъ въ то же время воспитывать; только при посредствѣ воспитанія возможно господство.

Такимъ образомъ, въ существѣ образованія лежитъ расширеніе круга лицъ, принимающихъ въ немъ участіе, въ существѣ учености—съуженіе этого круга. Въ исторіи распространенія образованія лежитъ значительная часть исторіи нашего народа.

Въ то время, когда мы, нѣмцы, вступили въ исторію, число образованныхъ было очень невелико; оно ограничивалось кругомъ лицъ королевской крови. Они образовали высшее дворянство. Оно воспитало нисшее, а это послѣднее—бюргера.

Исторія образованія бюргерства длилась отъ XIV-го до XIX-го вѣка. Воспитаніе втягивало воспитаннаго въ общность образованія, въ общность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ господство. Участіе въ образованіи означаетъ участіе въ силѣ. Въ настоящее время роль воспитателя перешла къ третьему сословію; оно воспитываетъ четвертое, которое въ этомъ столѣтіи рвется кверху; оно должно его воспитать, оно не можетъ иначе. Только при посредствѣ жертвъ двигается впередъ всемірная исторія. Въ этомъ—трагическое даннаго процесса; господствующее сословіе принуждено отказываться отъ единовластія, поднимая до себя стоящихъ подъ нимъ.

Въ этомъ положеніи мы находимся теперь. Полстолѣтія длился подъемъ третьяго сословія; теперь начинается воспитаніе четвертаго. Будетъ-ли оно продолжаться такъ же долго? Этого нельзя предположить, такъ какъ темпъ ускоренъ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. Если противные вѣтры и могутъ на время задерживать корабль, такъ что онъ качается, кружится и бьется на высокихъ волнахъ, но все же онъ долженъ идти впередъ.

И онъ пойдетъ впередъ, если третье сословіе правильно пойметъ и правильно схватитъ свою воспитательную задачу. Для этого прежде всего необходимо, чтобъ оно себѣ уяснило, что, вѣдь, отъ него самого берутъ начало идеи, господствующія теперь въ четвертомъ сословіи; они возросли на его собственной почвѣ. Такъ, основу современнаго европей-

скаго революціоннаго теченія нужно искать въ демократическихъ идеяхъ буржуазіи 1848 года; основу атеизма въ индифферентизмѣ, которымъ либеральная буржуазія хвастается еще до сихъ поръ.

Нынѣ третье сословіе должно прежде всего сказать себѣ: кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю. И оно должно себя спросить, разъ оно не хочетъ быть сметено бурей: что должно быть теперь посѣяно, чтобъ наши внуки могли радоваться нашему посѣву? Если мы припомнимъ, что мы познали, какъ сущность истиннаго образованія, то отвѣтъ будетъ не труденъ.

Народное воспитаніе, какъ продолженіе школьнаго, не можетъ имѣть своей задачей надѣлять жаждущихъ образованія распространенными кусками отдѣльныхъ знаній, какъ бы цѣнны они ни были сами по себѣ; его задача пролагать путь къ самостоятельности сужденія: только тотъ свободенъ, кто судитъ о вещахъ самостоятельно. Чье сужденіе зависитъ отъ мнѣнія другихъ, тотъ рабъ. Въ спорѣ мыслей каждый долженъ быть способенъ самостоятельно найти свой путь. Такимъ образомъ, главной цѣлью народнаго воспитанія является методъ яснаго и правильнаго мышленія. Гдѣ достигнута ясность мышленія, тамъ является и воля.

Неясныя, неопредѣленныя желанія путемъ сужденія вводятся въ русло строго опредѣленныхъ волевыхъ актовъ.

Образованіе сужденія вообще переходитъ въ образованіе нравственнаго сужденія; вмѣстѣ съ тѣмъ достигнута высшая ступень образованія: образованіе воли. Но, вѣдь, тутъ чудовищно-громадная задача развертывается передъ нашими взорами! Легко сказать, что школьное воспитаніе начало, то́ должно продолжать воспитаніе народное. Но какъ должно это произойти? Прежде всего бросается въ глаза, что стремиться къ цѣли можно не по одному, а по многимъ путямъ. Юношество допуститъ, конечно, ограничить себя путемъ замкнутаго въ себѣ школьнаго заведенія, но міръ взрослыхъ разнообразенъ, онъ такъ же богатъ, какъ сама жизнь, и не терпитъ никакого принужденія. Здѣсь все основано на свободномъ соглашеніи. И какая масса средствъ и путей представляется здѣсь, чтобъ пріобрѣсти вліяніе на мысли и убѣжденія соотечественниковъ!

Когда я прошлой осенью странствовалъ по эдинбургскимъ холмамъ, я встрѣтилъ двухъ молодыхъ англійскихъ учителей гимназіи, которые путешествовали по Шотландіи, но не одни и не для собственнаго удовольствія. Они были вожаками цѣлаго общества путешественниковъ, состоящаго изъ 70 человѣкъ. И ихъ товарищи по путешествію были не благородные мальчики, но фабричные рабочіе, на 8 дней убѣжавшіе отъ духоты и шума, чтобы, подъ руководствомъ свѣдущихъ учителей, въ смѣнѣ поученій, разговоровъ, игръ и веселаго пѣнія воспринять впечатлѣнія отъ историческихъ мѣстъ шотландскихъ королей и отъ прелестныхъ видовъ страны Вальтеръ-Скотта. Это тоже школьное пу-

тествіе, но въ болѣе высокомъ стилѣ съ расширенными задачами. И когда я спустился съ холмовъ на широкій лугъ, окруженный городскимъ паркомъ, я увидалъ тысячи людей, разбившихся на отдѣльныя группы, которые въ небольшомъ отдаленіи другъ отъ друга со вниманіемъ слушали различныхъ ораторовъ; оживленно жестикулируя, стояли они въ ихъ серединѣ и громко разносившимся голосомъ старались передать внимательнымъ слушателямъ свои убѣжденія. Благодѣтельная судьба послала мнѣ здѣсь друга, который сдѣлался моимъ путеводителемъ на этомъ боевомъ полѣ рѣчей, произносимыхъ почти ежедневно на зеленой плоскости въ серединѣ города. Мирно, рядомъ слушаютъ здѣсь и вѣрующаго проповѣдника Божества, восхваляющаго благодѣянія и мощь Всевышняго, и атеиста, громящаго людей, воображающихъ, что эта долина печали управляется сверхъ естественными силами. Въ другомъ мѣстѣ ораторъ краснорѣчиво разъясняетъ политическую мудрость правительствъ, въ то время, какъ недалеко отъ него анархистъ говоритъ о правительствѣ въ такомъ презрительномъ тонѣ, съ такимъ ядомъ въ выраженіяхъ, что у насъ давно бы созвана была сюда вся прокуратура. Здѣсь же чиновникъ общественнаго порядка спокойно прохаживается между группами и никто на него не обращаетъ вниманія, никто его не безпокоитъ. Его не выводятъ изъ спокойствія и жгучія нападки соціалистическаго оратора на уродства капитализма. Это, если хотите, также школа, также удобный случай для народа послушать различныя мнѣнія и образовать себѣ сужденіе.

И кто отъ этого широкаго луга шотландскаго главнаго города направитъ свои шаги вверхъ къ старой королевской резиденціи, тотъ увидитъ на одной изъ улицъ грандіозное зданіе—публичную библіотеку, заключающую въ себѣ 40.000 томовъ, и общественную читальню. Болѣе милліона стоилъ этотъ дворецъ съ широкими залами, ежедневно собирающими ревностную толпу читателей изъ всѣхъ круговъ города. Это учрежденіе, созданное однимъ богатымъ эдинбургскимъ гражданиномъ, также школа, школа образованія сужденія и духовнаго возбужденія,

А дальше еще выше, рядомъ съ королевскимъ замкомъ, смотрящимъ вдаль на городъ и холмы до самого бушующаго моря, возвышается «seat-look-tower», напоминающій таинственную башню изъ Вильгельма Мейстера,—башню, этажи которой изображаютъ міръ и страны и которая является символомъ человѣчества въ его культурной работѣ. Здѣсь работаютъ доценты университета надъ образованіемъ народа. Отсюда долженъ быть брошенъ свободный и широкій взглядъ на все, что составляетъ народную нужду, и на то, какъ ей можно помочь. Такъ, одно за другимъ въ образовательное движеніе вступаютъ различныя учрежденія для развитія его, а впередъ шествуютъ «высокія школы», эти центральныя мѣста духовной жизни. И счастье, что это такъ. Слишкомъ долго аристократически замыкались онѣ отъ жизни народа, удовлетворяя духовнымъ потребностямъ только избранной части его. Это и впредь должно такъ остаться по отношенію къ тѣмъ вѣтвямъ науки, которыя по природѣ своей ограничены небольшимъ кругомъ, но это не можетъ такъ остаться по отношенію къ тѣмъ вѣтвямъ, которыя должны стоять въ постоянной связи съ современными духов-

ными теченіями; иначе онѣ засохнутъ и дадутъ одну мертвую ученость, которая безъ того лежитъ собранной въ тысячахъ тысячъ томовъ. Къ наукамъ, которыя не смѣютъ останавливаться въ дверяхъ своихъ аудиторій, я причисляю прежде всего философію, исторію, исторію искусствъ и литературы, нѣкоторыя отрасли естествознанія, затѣмъ политическую экономію, педагогику и гигіену. Точно также и богословію, я думаю, не можетъ повредить, если оно вступитъ въ болѣе тѣсную связь съ жизнью, хотя привлечь массу къ слушанію его въ то время, когда многіе жаждутъ обновленія своей вѣры, а протестантская церковь, чтобъ спасти себя, воспринимаетъ католическія тенденціи, не такъ-то легко. Университеты по своему положенію должны взять на себя духовное руководство націей. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если они хоть отчасти выйдутъ изъ своей ученой обособленности и расширятъ кругъ тѣхъ, которые могутъ въ нихъ слушать и заниматься, до цѣлой націи, если они, на ряду съ своей узкой учительской задачей, примутъ на себя учительство болѣе широкое, оставаясь при этомъ вѣрны своей главной работѣ—ученымъ изысканіямъ. И эта расширенная задача, въ виду обязательнаго школьнаго обученія, всеобщей воинской повинности и всеобщаго избирательнаго права, требуетъ, чтобы они безъ колебаній вступили на путь великой воспитательной работы, состоящей въ томъ, чтобъ довести народъ до свободы нравственной отвѣтственности. Это достижимо только образованіемъ на той его ступени, когда главною опекою становится опека разума и истины.

Но для этого нуженъ цѣлый рядъ университетски образованныхъ учителей, нужны новые, свѣтскіе священнослужители, которые взяли бы на себя продолженіе образованія взрослыхъ, чтобы они открыли имъ пониманіе историческаго развитія нашей культурной жизни и тѣхъ задачъ, которыя таятся въ ней, чтобы они сдѣлали ихъ зрѣлыми и способными съ самостоятельнымъ сужденіемъ принимать участіе въ политической жизни нашей націи.

Такимъ образомъ къ школьному образованію примыкаетъ образованіе народное и развивается дальше въ болѣе высокомъ и свободномъ смыслѣ. Только бы узкій кругъ школьнаго міра не потерялъ этого взгляда! Содержать школы, учить,—все это, конечно, необходимое и прекрасное дѣло, но жизнь выигрываетъ отъ него только тогда, если оно стоитъ съ нею въ постоянной связи.

Воспитатели должны постоянно говорить себѣ: нашей воспитательною дѣятельностью мы служимъ нашему народу; на какомъ бы мѣстѣ мы ни стояли, мы всегда будемъ прежде всего прилагать наши силы въ болѣе узкомъ кругѣ, исполняя нашу прямую обязанность, возлагаемую на насъ нашей профессіей, но не будемъ никогда упускать изъ виду той зависимости, въ которой наша болѣе узкая работа стоитъ съ великими образовательными задачами нашего времени, и мы хотимъ быть также готовыми приложить наши силы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о продолженіи образованія взрослыхъ; такимъ образомъ, мы хотимъ и съ нашей стороны способствовать тому, чтобы школьное воспитаніе развилось бы въ воспитаніе народное.

В. Рейнъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Двѣ книги о геніальности.—Два новыхъ трактата о соціологіи и новая соціологическая теорія объ экономическихъ стадіяхъ—стадіи страха и стадіи удовольствія.—Объясненіе Герберта Спенсера объ отношеніи психологіи и біологіи къ соціологіи.

Hermann Türk: «Der geniale Mensch».
Odin: «Genèse de grands hommes».
F. H. Giddins: «The principles of Sociology».
Simon Patten: «The Theory of Social forces».
Herber Spenser: «The relation of Biology, Psychology and Sociology».

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ломброзо объявилъ геніальность душевной болѣзнью, вопросы о сущности геніальныхъ натуръ, объ условіяхъ появленія ихъ и т. п. стали предметомъ болѣе волнующимъ, чѣмъ прежде. Неизбѣжнымъ элементомъ обсужденія этихъ вопросовъ явилась полемика противъ итальянскаго псевдо-новатора [1]), и задача пріобрѣла тотъ живой интересъ, котораго она не имѣла прежде. Работы Жоли и Джемса Селли подорвали престижъ книги Ломброзо, но, однако, не дали прочнаго, научно-обоснованнаго опредѣленія геніальности, которое можно было бы противопоставить идеѣ Ломброзо. Селли, напримѣръ, показалъ только, что болѣзненная нервность геніевъ не составляетъ ихъ сущности, а является у нѣкоторыхъ результатомъ болѣе утонченной, высшей нервно-мозговой организаціи. Понятно, что такимъ организаціямъ труднѣе вынести толчки и удары жизни, чѣмъ натурамъ грубымъ. И вотъ, въ *результатѣ* — частые случаи душевныхъ разстройствъ среди людей, наиболѣе одаренныхъ. Но, значитъ, болѣзненность нѣкоторыхъ геніевъ есть *результатъ*, а не *причина* ихъ геніальности. И даже больше: эта болѣзненность не результатъ самой геніальности, а продуктъ недостатковъ среды, въ которой приходится жить геніямъ: черезчуръ опережая ее, заглядывая далеко въ грядущее, видя тѣ бѣдствія настоящаго, которыхъ не замѣчаютъ посредственности, геніи почти всегда встрѣчали презрѣніе толпы, гоненія,

[1]) Я называю Ломброзо «псевдо-новаторомъ» по двумъ причинамъ: во-1-хъ, всѣ его новшества носятъ характеръ глубоко-реакціонный, напр., въ вопросѣ о преступномъ типѣ, объ отнесеніи женщинъ къ низшему типу развитія, и т. д. Во-2-хъ, его мысль о болѣзненности геніевъ взята имъ у одного извѣстнаго французскаго психіатра, но извращена и доведена до абсурда изъ страсти къ эффектнымъ парадоксамъ и легковѣснымъ обобщеніямъ.

насмѣшки; ихъ оцѣнивали только черезъ сотни лѣтъ. Шерръ говоритъ о Сервантесѣ: «какъ большинство геніевъ, онъ былъ нищимъ». Шопенгауэръ справедливо подмѣтилъ другую черту геніевъ: всѣ они были *одиноки*. Естественно, что такія условія жизни могутъ даже и человѣка съ закаленными нервами привести къ помѣшательству. И тѣмъ не менѣе, среди геніевъ есть много такихъ могучихъ натуръ, которыя не надломились даже подъ самымъ невыносимымъ гнетомъ: взгляните, напр., на Эпиктета или Данте, приговореннаго къ сожженію и проведшаго всю жизнь въ самомъ тревожномъ изгнаніи, вдали отъ любимой родины. Не смотря на все это, онъ не уступилъ ни іоты изъ своихъ убѣжденій, продолжая бичевать пороки тогдашней Италіи и папъ...

Повторяю, всѣ такіе доводы были только блестящимъ опроверженіемъ теоріи Ломброзо, но не было научно-обоснованной теоріи геніевъ. Этотъ пробѣлъ отчасти пополняетъ книга Германна Тюрка «Der geniale Mensch». Подробно о его методѣ я скажу въ концѣ моего изложенія и разбора, а теперь упомяну только объ оригинальномъ пріемѣ, который онъ употребляетъ, чтобы опредѣлить—что такое *геній*.

Состоитъ этотъ пріемъ въ томъ, что факты для своего опредѣленія геніальности авторъ беретъ не изъ объективныхъ проявленій геніальныхъ натуръ, напр., не изъ ихъ біографій или автобіографій, не изъ наблюденій надъ ними другихъ лицъ, а изъ ихъ же собственныхъ опредѣленій геніальности. Онъ разсуждаетъ такъ: «кто же можетъ знать лучше, что такое геній, какъ не самъ геній?» Положимъ, это отчасти вѣрно. Но для полнаго осуществленія такого плана слѣдовало бы собрать обширный матерьялъ объ отзывахъ геніевъ относительно геніальности. Тюркъ довольствуется болѣе легкимъ рѣшеніемъ задачи: онъ беретъ сперва два мнѣнія у двухъ геніальныхъ людей—Гёте и Шопенгауэра и, послѣ нѣкотораго ихъ анализа, выводитъ свое опредѣленіе. Затѣмъ подтверждаетъ его разборомъ нѣсколькихъ типовъ Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера, утверждая, что въ этихъ типахъ великіе художники воплощали отчасти самихъ себя, отчасти свои представленія о геніальности. Отыскавъ, наконецъ, подтвержденіе того же своего опредѣленія въ нѣкоторыхъ чертахъ религіозныхъ реформаторовъ (Будды и т. д.), онъ уже ставитъ его на почву дарвиновской теоріи, указывая на полное согласіе между нею и своимъ опредѣленіемъ. При этомъ Тюркъ уясняетъ основную ошибку Ломброзо, а въ заключительной главѣ опровергаетъ теорію Нитше и его предшественника, Макса Штирнера (псевдонимъ Каспара Шмидта), видящихъ геніальность въ свойствахъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, какія указываетъ Тюркъ.

Представимъ же его главнѣйшія положенія и доводы.

По мнѣнію Шопенгауэра, «геніальность есть ничто иное, какъ полнѣйшая объективность», а по опредѣленію Гёте, ея существенная черта «любовь къ правдѣ.»

*

Тюркъ доказываетъ, что оба эти опредѣленія представляютъ лишь различную форму выраженія одного и того же факта. Однако, прежде, чѣмъ изложить его интересный анализъ, мы должны для русскаго читателя выяснить значеніе слова «объективность», какъ его понимаетъ Тюркъ: въ нашей русской литературѣ, это слово употребляютъ до сихъ поръ въ смыслѣ совершенно противоположномъ; такъ, въ художественной критикѣ «объективизмомъ» называли у насъ обыкновено индифферентизмъ или равнодушіе художниковъ къ бѣдствіямъ общества, къ нравственному и общественному злу описываемыхъ ими явленій и т. п. При такомъ употребленіи слова «объективность» съ нимъ соединяютъ справедливо нѣкоторое порицаніе. Кромѣ того, въ области соціологіи, наши русскіе писатели справедливо указывали безплодность исключительно объективнаго метода, рекомендованнаго позитивизмомъ, такъ какъ общественныя и историческія явленія имѣютъ цѣнность только по своему значенію для нашихъ *человѣческихъ* субъективныхъ цѣлей— блага или счастья людей.

Тюркъ употребляетъ слово «объективность» въ смыслѣ совершенно иномъ. Онъ отожествляетъ «объективность» съ «любовью», называя *объективностью* просто преимущественное обращеніе вниманія на *другихъ* (на объекты), чѣмъ на самого себя. Объективность у него противополагается *эгоизму*, т.-е. тому состоянію, когда человѣкъ не хочетъ знать ничего, кромѣ себя и своихъ интересовъ. Поэтому, наоборотъ, *эгоизмъ* и *субъективность* отождествляются въ свою очередь. Такимъ образомъ, субъективность, о которой говоритъ онъ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ той «субъективностью», о которой говорили нѣкоторые русскіе писатели: тѣ подъ этимъ словомъ разумѣли какъ разъ именно то любовное, сердечное отношеніе къ жизни *другихъ*, которое Тюркъ называетъ, наоборотъ, объективизмомъ. Тутъ все дѣло въ словахъ, а не въ различіи идей: одно и то же слово можно употреблять въ совершенно противоположныхъ смыслахъ, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ какой на него смотришь. Наши «субъективисты» выражали ту мысль, что нельзя соціологическія явленія разсматривать такъ же, какъ явленія природы, потому что въ соціологіи дѣло идетъ о живыхъ, чувствующихъ существахъ, подобныхъ намъ; въ силу этого субъективность (или чувствованія людей) они выдвигаютъ правильно на первый планъ. Тюркъ же беретъ другую противоположность: эгоиста, думающаго только о себѣ, и альтруиста, человѣка любящаго, который, забывая свои *личныя* отношенія къ предметамъ (объектамъ), заинтересованъ ими самими и ради ихъ самихъ, а не ради себя. И вотъ почему у него та же благородная забота о другихъ носитъ противоположное названіе объективизма (было бы лучше употребить слово *альтруизмъ*, но Тюркъ пользуется терминомъ Шопенгауэра). Устранивъ, такимъ образомъ, возможное недоразумѣніе, мы можемъ идти дальше. Тюркъ сперва показываетъ, какъ я уже упомянулъ выше, что гётевское

опредѣленіе («любовь къ правдѣ») есть только иносказательное выраженіе мысли Шопенгауэра («геній совершенно объективенъ»).

Чтобы мыслить о какомъ-нибудь предметѣ объективно, т.-е. устраняя изъ своего сужденія все *личное*, *себялюбивое*, эгоистическое, необходимо до извѣстной степени стать выше этого предмета и самого себя. Что это значитъ? Мы лишь тогда можемъ разсматривать предметъ объективно, безпристрастно, когда принимаемъ во вниманіе различныя его соотношенія съ другими предметами и явленіями, т.-е. фактическое, дѣйствительное его состояніе. Наоборотъ, эгоизмъ, себялюбіе дѣлаютъ человѣка слѣпымъ, неспособнымъ понять *правду*. Такимъ образомъ отожествляется объективность и любовь къ правдѣ. Но этимъ же отожествляется съ ними и любовь вообще. Только любя природу и людей, можно схватывать на лету, почти интуитивно правду въ мірѣ и людскихъ отношеніяхъ. Отсюда Тюркъ дѣлаетъ выводъ: чѣмъ больше любви въ человѣкѣ, тѣмъ онъ геніальнѣе, чѣмъ больше эгоизма и самолюбія, тѣмъ онъ ограниченнѣе. У художниковъ—геніевъ эта любовь сказывается и въ замыслѣ призведеній, и въ ихъ выполненіи, т.-е. во 2 стадіи творчества, когда произведеніе уже отдѣлывается, заканчивается. Въ первый періодъ замысла, любовь къ явленіямъ жизни сказывается въ общемъ планѣ, въ отношеніи къ явленіямъ и людямъ. При выполненіи же выступаетъ способность геніевъ «смотрѣть» и «слушать» такъ, какъ не могутъ смотрѣть и слушать обыкновенные люди. Въ этомъ мѣстѣ Тюркъ бросаетъ камешекъ въ огородъ современныхъ художниковъ натуралистической и импрессіонистской школы: «быкъ, смотрящій на пейзажъ,—говоритъ онъ,—видитъ въ немъ, конечно, только смѣсь цвѣтовыхъ пятенъ, примѣрно такъ, какъ представляютъ ихъ наши живописцы-натуралисты и импрессіонисты. Наоборотъ, какой-нибудь Рафаэль видитъ также и нѣжнѣйшіе цвѣтовые нюансы, и тончайшіе постепенности свѣта и тѣни, онъ прослѣживаетъ своимъ взоромъ за фигурами предметовъ, за развѣтленіемъ линій, и все это,—и цвѣта, и свѣтъ, и линіи—возбуждаютъ своеобразное, гармоническое чувство въ его душѣ. Для Рафаэля цѣлая мѣстность говоритъ рѣчь, которой не понимаетъ быкъ, такъ какъ видитъ только зеленыя пятна, обозначающія для него пищу».

Чтобы пояснить психологически наглядными примѣрами свою мысль о трехъ свойствахъ, присущихъ генію (объективности, любви къ истинѣ и любви вообще), Тюркъ беретъ слѣдующій примѣръ: вообразите себѣ голоднаго тигра, который гонится за газелью: въ состояніи-ли онъ любоваться граціозными движеніями животнаго, которое онъ преслѣдуетъ? Можетъ-ли въ немъ возникнуть эстетическое чувство при воспріятіи зрѣніемъ образа этой газели? Конечно, нѣтъ: хищникъ, побуждаемый голодомъ, не можетъ чувствовать интереса къ простому созерцанію граціознаго животнаго. Мало этого: такъ какъ его направляетъ гораздо болѣе сильный интересъ (голодъ), то ему даже нельзя удер-

жаться на одномъ простомъ созерцаніи, при ощущеніи образа, т.-е. не осложнять его другими, хищными эмоціями: вѣдь зрительное впечатлѣніе—для него только средство, сигналъ, приводящій въ движеніе его примитивную мысль и волю. Въ его мозгу, во мгновеніе ока возникаетъ смутное понятіе о предметѣ, дающемъ удовлетвореніе голода. Въ газели онъ уже не видитъ ея изящныхъ особенностей, а только экземпляръ той породы животныхъ, которая служитъ ему въ пищу.

Конечно, хищникъ долженъ имѣть чрезвычайно острое зрѣніе и слухъ, безъ чего онъ умеръ бы отъ голода. Однако, это зрѣніе и этотъ слухъ—спеціальные: они не идутъ дальше того, чтобы быстро дать знать мысли и волѣ хищника о близости добычи. Отыскивая взаимную зависимость, въ данномъ случаѣ, между *ощущеніемъ*, представленіемъ, чувствомъ, мыслью, понятіемъ и, наконецъ, дѣйствіемъ, мы замѣтимъ, что всѣ эти элементы процесса подчинены у хищнаго животнаго одной потребности насыщенія. Эта потребность вызываетъ къ дѣятельности—воспріятіе (ощущеніе), мысль и, наконецъ, самое дѣйствіе. Здѣсь всѣ эти элементы служатъ только данной потребности, являются лишь ея средствами, но сами по себѣ не становятся цѣлью. Хищникъ не имѣетъ никакого интереса ни въ чистомъ созерцаніи газели, ни въ чистомъ процессѣ мысли о ней, ни въ познаніи о газели, какъ о травоядномъ, ни въ чистой дѣятельности своего тѣла (прыжкахъ или бѣгѣ). Отсюда ясно, что здѣсь все подчинено одной чисто-*эгоистической* волѣ. По опредѣленію, данному выше, это и будетъ субъективное (т.-е. эгоистическое) отношеніе.

У людей, конечно, въ различной степени, развито или эгоистическое, или альтруистическое (объективное) отношеніе къ міру и людямъ. Если я подхожу къ лѣсу, чтобы осмотрѣть его для вырубки и наживы, если при этомъ жажда наживы поглощаетъ все мое вниманіе, я, конечно, менѣе всего буду думать о его красотѣ, благоуханіи, свѣжести, шумѣ, пѣніи птицъ etc. Въ результатѣ будетъ то, что я могу и не замѣтить всѣхъ этихъ сторонъ явленія; они поэтому не дадутъ мнѣ и наслажденія. Наслажденіе я получу только отъ вырубки и барыша. Меня, кромѣ того, мало будетъ интересовать и мысль о томъ, какъ ростетъ лѣсъ, какія вліянія онъ оказываетъ на окружающую страну и т. п., такія мысли охватили бы *ученаго*. Наконецъ, тѣмъ болѣе не охватятъ эгоиста какія-нибудь болѣе широкія философскія обобщенія о лѣсѣ, напр., сравненіе его жизни съ жизнью обществъ, нѣкоторая взаимопомощь, оказываемая деревьями другъ другу во время бурь, etc. etc.

Рядомъ такихъ сравненій, Тюркъ приходитъ къ выводу, что и для философа, и для ученаго геніальность достижима только при условіи той же любви и отсутствіи эгоизма, самолюбія. Тотъ, чья мысль поглощена всецѣло заботами о себѣ самомъ, не можетъ быть ни великимъ наблюдателемъ, ни великимъ мыслителемъ. Посмотрите, какъ любилъ Дарвинъ каждое маленькое животное, каждое растеніе, которое

наблюдалъ и изучалъ. А развѣ философъ, стремящійся отыскать единство и гармонію въ цѣломъ мірѣ, совершаетъ это не подъ вліяніемъ любви? Еслибы онъ былъ равнодушенъ къ жизни, зачѣмъ бы сталъ онъ доискиваться, съ такимъ страшнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ, отвѣта на величайшія надежды и чаянія человѣчества? Зачѣмъ стремился бы заглянуть за видимую внѣшность или оболочку явленій? Судьба міра, назначеніе и цѣли человѣка не могутъ интересовать того, кто живетъ чисто эгоистическими стремленіями и ихъ удовлетвореніемъ. Каждый геніальный философъ указывалъ людямъ или существованіе въ мірѣ верховнаго, нравственнаго начала, обѣщающаго утѣшеніе добрымъ, или показывалъ въ мірѣ законъ прогресса, развитія, который являлся утѣшеніемъ въ бѣдствіяхъ настоящаго, или, въ крайнемъ случаѣ, проклиналъ этотъ міръ, подавляющій своею безнадежностью. Но, вѣдь, даже и этотъ пессимизмъ могъ являться только результатомъ любви или идеала лучшаго... Такимъ образомъ, Тюркъ приходитъ къ выводу, что жизненныя проявленія человѣка, а, слѣдовательно, и генія можно раздѣлить на три формы или направленія: въ первомъ, человѣкъ отдается впечатлѣніямъ внѣшняго міра на свои чувства и фантазію,—онъ ощущаетъ или воспринимаетъ. Во второмъ онъ переработываетъ въ себѣ эти ощущенія—въ понятія, идеи, въ цѣлую картину міра; онъ мыслитъ. Наконецъ, въ третьемъ направленіи онъ изъ своихъ наблюденій и идей дѣлаетъ выводы съ цѣлью какихъ-нибудь измѣненій въ мірѣ внѣшнемъ: онъ *дѣйствуетъ*. Ощущенія, идеи или понятія и дѣйствія идутъ постоянно другъ за другомъ, при чемъ отношеніе индивидуума и окружающей среды постоянно мѣняются. Если человѣкъ довольствуется только ощущеніями или воспріятіемъ, т.-е. если онъ наслаждается впечатлѣніемъ внѣшняго міра на свои чувства и фантазію, тогда мы имѣемъ то, что называется эстетическимъ или художественнымъ воспріятіемъ или, что то же, *чистымъ* смотрѣніемъ и слушаніемъ (blossen Schauen und Hören). Подъ этимъ выраженіемъ нужно понимать не совершенную безцѣльность такого смотрѣнія и слушанія, а только отсутствіе въ нихъ ближайшей узко-эгоистической, практической цѣли, какъ, напр., у хищника-звѣря или человѣка. Здѣсь цѣль есть, но она заключается, по выраженію Тюрка, въ самой себѣ, въ самомъ смотрѣніи и слушаніи, въ полученіи впечатлѣнія красоты. Было бы точнѣе сказать: въ полученіи особаго *рода* наслажденія (эстетическаго), но Тюркъ избѣгаетъ этого слова и, очевидно, потому, что терминъ «наслажденіе» можетъ скомпрометировать совершенную неэгоистичность эстетическаго чувства, о чемъ я скажу дальше. Слово «наслажденіе» онъ замѣняетъ словомъ «радость»: «на этой радости (Freude) чистаго ощущенія отъ чистаго воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра покоится «прекрасное» и искусство. Художественная геніальность есть усиленная способность отдаваться всей душой этимъ впечатлѣніямъ, дѣлаться передъ нимъ безличнымъ, объективнымъ».

Теперь посмотримъ, что такое философская геніальность.

По бо́льшей части наша мысль, какъ и наши ощущенія служатъ для практическихъ цѣлей, причемъ мысль работаетъ для устройства различныхъ плановъ нашей борьбы за существованіе. Но если человѣку доставляетъ удовольствіе знаніе и мышленіе само по себѣ, то мы имѣемъ чистаго философа или ученаго. Философская геніальность опирается, по мнѣнію Тюрка, именно на этомъ исключительномъ интересѣ къ самому мышленію и познаванію. «Кто не въ состояніи всей душой углубиться въ какую-нибудь идею, тотъ никогда не охватитъ ея», говоритъ онъ.

Наконецъ, есть и дѣятельности, въ которыхъ самое дѣйствіе является цѣлью. Таковы всѣ дѣйствія, которыя мы совершаемъ не по необходимости поддержать ими свое существованіи. Если только принужденіе управляетъ нашимъ трудомъ, то мы думаемъ лишь о томъ, чтобы сдѣлать дѣло кое-какъ, поскорѣе, и оно намъ кажется тяжелымъ, непріятнымъ. Но если дѣло само по себѣ доставляетъ намъ удовольствіе, мы заботимся о его наисовершенномъ выполненіи, вкладываемъ въ него свою душу. Если геніальность значитъ то же, что и объективность, т.-е. забвеніе себя, то практическія отношенія геніальныхъ людей должны отличаться тѣмъ, что они отдаются всей душой тому дѣлу, которое выполняютъ, каково бы оно ни было. Гдѣ посредственность напрягаетъ всѣ свои силы, тамъ геній работаетъ играя, находя удовольствіе въ самой работѣ, а не только въ той цѣли, которая въ концѣ-концовъ будетъ имъ достигнута. «Но такъ какъ дѣятельности такого рода, которыя сами-по-себѣ даютъ удовольствіе, называемъ игрой, то можно сказать,—какъ бы это ни казалось страннымъ,—что дѣятельность тѣмъ объективнѣе, тѣмъ сердечнѣе, безкорыстнѣе и геніальнѣе, чѣмъ ближе она подходитъ къ игрѣ или забавѣ». Здѣсь я считаю необходимымъ сдѣлать новую оговорку. Тюркъ несомнѣнно правъ въ одномъ: артистическая работа невозможна ни въ какомъ дѣлѣ и ни въ какой сферѣ дѣятельности безъ увлеченія самимъ дѣломъ, помимо его практической цѣли. Это прекрасно показалъ, напр., Тардъ, сравнивая современное производство (фабричное) съ средневѣковымъ: тогда простой ремесленникъ, мастеръ своего дѣла, вносилъ въ работу извѣстную артистическую любовь къ ней. Однако, было бы большой ошибкой считать, напр., гоголевскаго Петрушку геніемъ за то, что онъ любилъ читать ради самаго процесса чтенія. А, вѣдь, этотъ выводъ невольно навертывается, если развить сказанное положеніе Тюрка до крайности. У Тюрка нѣтъ границы, отдѣляющей филистера, исполняющаго съ наслажденіемъ всякую безсмысленную работу, какова бы она ни была,—отъ генія, который также отдается всецѣло своей работѣ. По Тюрку выйдетъ, что и тотъ, и другой—геніи, потому что любятъ свое дѣло помимо его практической цѣли. Чувствуя недостаточность одного этого признака, Тюркъ вводитъ другой: геній дѣлаетъ шутя, *играя* то, что

обыкновенный человѣкъ производитъ съ огромнымъ трудомъ. Но это уже свойство иного порядка: тутъ дѣло идетъ о способности къ *выполненію* задачи, а не о самомъ увлеченіи ею. Очевидно, что особенность генія не въ томъ, что онъ можетъ всей душой отдаться какому-нибудь дѣлу, а въ томъ, *какому* дѣлу онъ отдается и *почему* именно. Часто приходится слышать слѣдующее заявленіе въ защиту кропотливаго ученаго: «Онъ изучаетъ-де такія детали, которыя, быть можетъ, дадутъ возможность какому-нибудь Дарвину сдѣлать великое открытіе». Отлично, и мы не будемъ осуждать его за это, но, очевидно, что онъ-то самъ отъ этого не станетъ Дарвиномъ. Дарвинъ будетъ также изучать какія-нибудь ворсинки, но онъ *знаетъ* впередъ, для чего онѣ ему нужны; онъ уже заранѣе создалъ, схватилъ, по нѣсколькимъ фактамъ, гипотезу, которую остается только подтвердить. Говоря иначе: если мы думаемъ, что геній иногда занятъ какъ будто бы пустяками и мелочами, то это ошибка: для него, а затѣмъ и для человѣчества, эти мелочи становятся звеньями великой цѣпи, великой теоріи. Падающее яблоко занимало Ньютона, но занимало потому, что въ немъ онъ видѣлъ проявленіе великаго закона тяготѣнія. Маркса занимали мельчайшія цифры заработка рабочихъ; Спенсера—крохотные факты, касающіеся обычаевъ у дикарей, но они знали, для подтвержденія какихъ широкихъ и величественныхъ теорій нужны эти детали. Совершенно то же и въ области художественнаго творчества. Гейне осмѣялъ того нѣмецкаго стихоплета, который ползалъ по полу, отмѣчая мѣломъ ритмъ своихъ будущихъ стиховъ. Стараніе и усердіе тутъ было великое! Но не всегда вѣрно то, что генію его стихи даются легко и что только въ этомъ его отличіе: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гёте отдѣлывали иногда по мѣсяцамъ и годамъ свои стихотворенія. Нашъ Ивановъ писалъ или подготовлялъ свою картину десятки лѣтъ. Но и маленькое стихотвореніе, и огромная поэма или картина генія отличаются тѣмъ, что каждая мелочь въ нихъ, какъ и все цѣлое говорятъ намъ о великой цѣли, о гигантской концепціи, о цѣломъ міровоззрѣніи; здѣсь крохотная мелочь иногда освѣщаетъ сложное явленіе лучше, чѣмъ цѣлые трактаты о немъ. Небольшое стихотвореніе Лермонтова «И скучно, и грустно» выражаетъ пессимистическое душевное настроеніе пробудившагося сознанія русскаго человѣка той эпохи сильнѣе, чѣмъ цѣлые томы стихотвореній второстепенныхъ поэтовъ-пессимистовъ нашего времени, и т. д.

Тюркъ много распространяется о томъ, что работа генія напоминаетъ «игру», и ссылается не только на знаменитое опредѣленіе искусства, сдѣланное Шиллеромъ, но и на слова Христа о дѣтяхъ. Но сравненіе искусства съ игрой и, въ частности, съ дѣтской игрой опредѣляетъ только одну сторону искусства или, пожалуй, двѣ: во-1-хъ, *искренность* истинно великихъ художниковъ [1]), т.-е отсутствіе у нихъ «зад-

[1]) Это опредѣленіе принадлежитъ Л. Н. Толстому.

нихъ мыслей или недоказанности; въ этомъ они, дѣйствительно, напоминаютъ душевную искренность дѣтей. Во-2-хъ, своей задачей они увлекаются и наслаждаются такъ же безкорыстно и всецѣло, какъ дѣти. Но дѣлать изъ этого выводъ, что искусство тѣмъ геніальнѣе, чѣмъ оно ближе подходитъ къ игрѣ, не резонъ. Можно представить образцы геніальныхъ созданій, какъ, напр., «Божественная комедія» Данта, которыя написаны ненавистью, кровью, проклятіями, и въ этомъ ихъ сила.

Правда, за ненавистью къ однимъ здѣсь скрывалась безпредѣльная любовь къ человѣку «l'amor che mouve solo e altre stelle», но Тюркъ думаетъ, повидимому, иначе и, во всякомъ случаѣ, выражается весьма неточно, забывая, что сильная любовь почти всегда нераздѣльна съ ненавистью: нельзя, напримѣръ, сильно любить природу и смотрѣть равнодушно, когда хищный промышленникъ уродуетъ ее тысячами дымящихся фабрикъ, вырубаетъ ея лѣса, портитъ ея рѣки и т. д. Нельзя горячо любить человѣка и не ненавидѣть того, кто причиняетъ страданія человѣчеству. Проповѣдники любви правы въ одномъ: любовь—великая сила, она даетъ намъ даръ прозрѣнія, способность видѣть тамъ, гдѣ равнодушный ничего не видитъ. Но, значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, она даетъ намъ способность видѣть и *страданіе* любимаго существа тамъ, гдѣ равнодушный глазъ его не видитъ, чувствовать оскорбленіе этого существа тамъ, гдѣ другой ничего не почувствуетъ. Слѣдовательно, любовь-то и можетъ создать самое сильное негодованіе, самую глубокую ненависть. Если «объективность» отожествить съ «любовью», какъ дѣлаетъ Тюркъ, то ненависть, негодованіе, возмущеніе должны составлять неизбѣжный элементъ *такой* «объективности». Но они будутъ отличаться отъ всякой другой ненависти и негодованія тѣмъ, что возбуждаются не личнымъ своимъ страданіемъ или оскорбленіемъ, а страданіемъ *другихъ*. Иногда первый толчокъ этой ненависти можетъ явиться (какъ, напр., у Данта) изъ личнаго опыта собственныхъ страданій и оскорбленій. Но у генія онъ тотчасъ переходитъ въ *обобщенное, не личное*, а *сочувственное* негодованіе, оскорбленіе, страданіе за другихъ. И это потому, что геній схватываетъ немедленно связь своего личнаго страданія съ общимъ и связь этого общаго страданія съ его *причинами*. Для него исчезаетъ частный случай, частная маленькая причина, а видится болѣе глубокая и общая.

Съ частнаго случая или лица онъ переноситъ свою ненависть на общую причину, иногда на цѣлый строй жизни или ея учрежденія. И чѣмъ выше геній, тѣмъ глубже его пониманіе основной причины, «корня» зла. Эта способность и есть то общее свойство геніальныхъ натуръ, на которое далѣе указываетъ и Тюркъ, а именно: свойство схватывать самую суть, самую идею предмета или вопроса. Здѣсь Тюркъ совершенно правъ, говоря, что геніи всегда стремятся къ объединенію частныхъ случаевъ въ одно стройное и живое *единство*. И это—свойство не однихъ геніевъ искусства, но и геніевъ философіи, науки, геніевъ прак-

тической дѣятельности—военной, политической, литературной или промышленной. Тамъ, гдѣ посредственность уставится въ одну точку, въ одну идейку, въ одинъ путь или планъ, тамъ геній охватываетъ широкій горизонтъ всей связной совокупности явленій и путей для достиженія цѣли. При этомъ для него ясно обозначается, что тутъ существенно и что второстепенно, что составляетъ суть дѣла, его душу, его основу и что случайность, частность, которая исчезнетъ сама собою, если измѣнится существенное. «Внутренняя правда,—говоритъ Тюркъ,—которую проницательный, болѣе глубокій взглядъ генія схватываетъ, созерцая внѣшнія явленія и затѣмъ выражая ихъ въ художественномъ образѣ (дѣло теперь идетъ объ искусствѣ), будетъ-ли то внутренняя правда кристалла или человѣческаго тѣла, никогда не является чѣмъ-то разрозненнымъ, дисгармоническимъ, состоящимъ изъ кусковъ, не имѣющихъ связи. Нѣтъ, это—всегда нѣчто цѣлесообразно-соподчиненное, совершенное, гармоническое, почему оно и вызываетъ даже при одномъ поверхностномъ взглядѣ эстетическое впечатлѣніе. Красота *есть живое, внутренне-соподчиненное единство*... Подобно тому, какъ мы, опредѣляя характеръ или дѣйствія человѣка, должны (чтобы быть справедливыми) имѣть въ виду и его стремленія (настроеніе, мотивы), и не только то, что онъ сдѣлалъ, но и то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, хотя бы и не могъ привести къ концу,—такъ и художникъ: онъ видитъ въ предметѣ не одно то, что случайно можетъ быть въ немъ и непріятно и некрасиво, онъ видитъ внутреннюю природу предмета. Подъ этимъ не нужно понимать чего-либо мистическаго. Это есть та идея предмета или идеалъ его, о которомъ говорили Шопенгауэръ, Спиноза, Гёте, Платонъ и другіе геніальные поэты и мыслители. «Идея или идеалъ предмета не есть что-то неестественное или изобрѣтенное искусственно, а, наоборотъ, сама природа, но въ ея внутреннемъ бытіи». Далѣе поясняется, что это внутреннее бытіе есть именно «стремленіе предмета къ существованію, его *воля* жить, его тенденція къ совершенству».

Здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ книги Тюрка, чувствуется вліяніе метафизики Шопенгауэра (но только безъ его пессимизма). На самомъ дѣлѣ, идея предмета есть наше же человѣческое понятіе, составленное о немъ, т.-е. о его значеніи или смыслѣ среди другихъ предметовъ и явленій природы. Поэтому-то для различныхъ лицъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ воплощать различныя идеи, смотря по глубинѣ взгляда или его односторонности: одинъ и тотъ же лѣсъ будетъ воплощать идею экономической цѣнности для промышленника, идею сохраненія влажности для метеоролога, идею борьбы за существованіе или идею приспособленія для біолога, идею коллективности для соціолога, идею красоты, или безсознательной, но могучей жизни—для поэта и художника etc., etc. Особенность генія будетъ и здѣсь въ томъ, что онъ уловитъ самыя глубокія и важныя соотношенія, самое широкое единство. И геніи каждой отдѣльной отрасли сдѣлаютъ это въ направленіи

своей отрасли, конечно, если не соединяютъ въ себѣ геніальности нѣсколькихъ отраслей.

Образецъ такого объединенія,—конечно, въ маломъ размѣрѣ,—представляетъ, напр., нашъ Кольцовъ, умѣвшій смотрѣть на степь и какъ практическій прасолъ, и какъ поэтъ-художникъ.

Я полагаю, что предъидущее изложеніе достаточно выяснило какъ основныя положенія Тюрка, такъ и то, что въ нихъ могло быть сбивчиваго, благодаря нѣкоторой метафизичности пріема. Поэтому пропущу тѣ главы, гдѣ онъ разсуждаетъ: «о философскихъ стремленіяхъ геніевъ», объ ихъ «практическихъ отношеніяхъ», и перейду къ біологическому обоснованію теоріи Тюрка на выводахъ дарвинизма, но сперва сообщу читателямъ нѣкоторыя дополнительныя черты геніальныхъ натуръ, которыя Тюркъ извлекаетъ изъ анализа такихъ литературныхъ типовъ, какъ Гамлетъ, Фаустъ, Манфредъ.

Подробный анализъ Гамлета приводитъ автора къ слѣдующимъ положеніямъ: «кто хочетъ понять Гамлета, тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду, что это геніальная натура, въ которой примиряются и взаимно усиливаютъ другъ друга противоположныя крайности: высочайшая нетребовательность, т.-е. снисходительность, скромность связываются въ немъ съ высочайшей самостоятельностью характера, не подчиняющагося вліянію другихъ, напр., лести etc.; замѣчательная мягкость и вѣжливость обхожденія соединяются съ замѣчательной смѣлостью поступковъ; утонченнѣйшая обдуманность съ неумолимой правдивостью; мысль, всегда идущая до послѣднихъ выводовъ, съ огромнымъ недовѣріемъ къ собственной оцѣнкѣ; негодующее осужденіе дурныхъ дѣйствій и моральной слабости людей съ самой глубокой и искренней любовью къ самому человѣку; высочайшій идеализмъ побужденій и настроеній съ самымъ проницательнымъ взглядомъ въ истинныя отношенія жизни; въ немъ уживаются вмѣстѣ утонченнѣйшая] совѣсть, которая узнаетъ и осуждаетъ въ себѣ даже самую возможность зла, и въ то же время безтрепетная, полагающаяся на высшую силу, дѣятельность истиннаго героя; человѣкъ суровой силы дѣйствія соединяется въ немъ съ самыми утонченными чувствами». Таковъ геній по Шекспиру, какъ думаетъ Тюркъ. Въ «Фаустѣ» Тюркъ находитъ стремленіе и приближеніе къ познанію глубочайшей взаимной связи всего существующаго. Въ то же время вся природа съ безчисленнымъ количествомъ своихъ многообразныхъ существъ приводитъ его къ представленію единаго существа, которое называютъ божествомъ. А въ концѣ концовъ геніально-мыслящій человѣкъ вновь находитъ въ природѣ и во всемъ существующемъ *себя самого*. Природа для него не есть что-то чуждое, а скорѣе его собственность, его владѣніе. Она есть его продолженное *я*. И подобно тому, какъ онъ находитъ себя въ природѣ, онъ находитъ, наоборотъ, внутри себя пѣлый міръ ощущеній, великихъ мыслей и чудныхъ обра-

зовъ фантазіи. Стремленіе Фауста проникнуть въ жизненную сущность природы выражено въ незабвенныхъ словахъ:

Nicht
Kaltschauenden Besuch erlaubst du nur,
Vergönnest mir, in ihre tiefe Brust
Wie in dem Busen eines Freund zu schauen [1]).

Или дальше:

lehrst mich meine Brüder
Im stillen Busch, in Luft und Wasser kennen [2]).

Окончательный выводъ Фауста таковъ: на землѣ нѣтъ совершенства, но есть *стремленіе* къ нему. Но это стремленіе тожественно съ «ewig Weibliche», т.-е. съ *любовью*. «Такимъ образомъ, геніальный человѣкъ, т.-е. чуждый себялюбія и полный любовью, есть въ то же время существо, стремящееся къ божественному, всесовершенному существованію» (стр. 158). О томъ, что понимаетъ Тюркъ подъ «божественностью» скажу далѣе.

Къ подобному же выводу приводитъ Тюрка подробный анализъ Манфреда: «кто направляетъ себя самъ, того не будутъ направлять другіе. Геніальный человѣкъ, даже тогда, когда онъ ошибается и поступаетъ дурно, продолжаетъ быть обращеннымъ къ *божественному началу, т.-е. къ идеалу совершенства*. Поэтому дурное и пошлое не можетъ владѣть имъ долго. Какъ орелъ стремится къ солнцу, такъ геніальный человѣкъ ищетъ свѣта познанія, истины, жизни и совершенства».

Но что такое *совершенство*? Тюркъ опредѣляетъ его какъ «приспособленность къ существованію» (Fähigkeit zu existieren), и это опредѣленіе сближаетъ его съ теоріей Дарвина. Тюркъ приводитъ слѣдующія слова изъ его соч. «Происхожденіе человѣка»: «Человѣкъ даже въ самомъ дикомъ состояніи, въ какомъ его можно видѣть въ настоящее время, есть, однако, самое господствующее изъ животныхъ, какое когда-либо являлось на землѣ. Онъ усовершенствовалъ себя больше всѣхъ другихъ высокоорганизованныхъ формъ, и всѣ онѣ отстали отъ него. И этимъ безконечнымъ преобладаніемъ онъ обязанъ своимъ *умственнымъ* способностямъ (приспособленіямъ), своимъ общественнымъ привычкамъ, приведшимъ его къ защитѣ и отстаиванію своихъ близкихъ; наконецъ, онъ обязанъ этимъ и своему тѣлесному строенію». Указавъ далѣе значеніе ума въ изобрѣтеніи рѣчи, оружія для защиты и охоты, а также способности предвидѣнія, Дарвинъ заканчиваетъ такъ: «эти разнообразныя открытія, которыми человѣкъ пріобрѣлъ еще въ самомъ дикомъ состояніи такія преимущества, являются прямымъ результатомъ развитія *силы его наблюдательности, запоминанія, любознательности, силы воображенія* и, наконецъ, *его разсудка*».

---

[1]) Не одно только холодное знакомство съ природой позволь ты мнѣ, а дозволь глядѣть въ твою глубокую грудь, какъ въ сердце друга...

[2]) Научи меня узнать моихъ братьевъ въ тихой рощѣ, въ воздухѣ, въ водѣ...

Но особенно важное значеніе придаетъ Дарвинъ *чувству симпатіи*, способности состраданія къ положенію другихъ людей, откуда возникла совѣсть и справедливость. Эти качества дали возможность развиться сплоченнымъ обществамъ, доставившимъ слабому человѣческому индивидууму гигантскія силы, благодаря соединенной силѣ всѣхъ. Есть соціальныя животныя, но человѣкъ общественное существо по преимуществу и притомъ безразсчетно. Животное ограничено въ своихъ чувствахъ симпатіи къ ближайшимъ особямъ своей породы или семьи; симпатіи человѣка выступаютъ далеко за эти предѣлы. Тюркъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ для своей теоріи геніевъ:

«Никоимъ образомъ нельзя сказать, чтобы у животныхъ не существовало также способности къ наблюденію и мысли и симпатическихъ чувствъ, но собственно геніальнымъ животнымъ (среди другихъ) является человѣкъ, у котораго всѣ эти способности доразвились до самыхъ богатѣйшихъ результатовъ. Но совершенно такъ же, какъ среди цѣлаго животнаго царства одинъ только человѣкъ доработался до такой высоты, такъ и среди людей существуютъ только отдѣльные индивидуумы, у которыхъ общія способности всѣхъ людей развились до совершенства, такъ что они составляютъ такія же исключенія среди людей, какъ «видъ» (species) человѣкъ среди другихъ видовъ живыхъ существъ».

Здѣсь-то Тюрку и представляется возможность побороться съ теоріей Ломброзо. Такъ какъ геніальность есть очевидно отклоненіе отъ нормальнаго (средняго) состоянія, то Ломброзо оставалось только опредѣлить, что болѣзнь и ненормальность одно и то же, чтобы и геніальность отнести къ числу болѣзней. Это онъ и сдѣлалъ: геніальность оказалась психозомъ. Къ этому Ломброзо присоединилъ свою теорію вырожденія, отыскавъ у нѣкоторыхъ геніевъ признаки вырожденія, которые самъ же и изобрѣлъ. Что такое признаки вырожденія вообще? Это—обращеніе въ зародышевую, рудиментарную форму нѣкоторыхъ особенностей, свойственныхъ данному виду, напр., у человѣка исчезъ хвостъ, оказывавшій большія услуги обезьянамъ и т. п. Но нѣкоторыя новыя изслѣдованія (напр., Гегенбауэра, къ которому я могу добавить Лалеманя) показали, что часто зародышевое состояніе какого-нибудь признака есть не пониженіе развитія, а, наоборотъ, его повышеніе, такъ какъ даетъ мѣсто развитію другихъ свойствъ, болѣе полезныхъ для существованія, при данныхъ условіяхъ или потребностяхъ. Ломброзо знаетъ это и самъ, и, напр., на основаніи отсутствія хвоста у человѣка, дѣлаетъ такое заключеніе: «путемъ компенсаціи, хвостъ замѣнился крайнимъ, ненормальнымъ, т.-е. *болѣзненнымъ* развитіемъ мозга». Чтобы пояснить свою мысль наглядно, онъ добавляетъ: у великановъ, ихъ огромный ростъ сопровождается слабостью мышцъ и умственной дѣятельности; у *великановъ ума* этотъ гигантскій умъ страдаетъ также болѣзненностью и слабостью». На возраженіе Жоли, что, какъ разъ наоборотъ, умъ геніевъ поражаетъ своей силой и здоровьемъ, а сила не есть сла-

бость и здоровье не есть болѣзнь,—Ломброзо отвѣтилъ слѣдующимъ парадоксомъ: каждый врачъ скажетъ вамъ, что въ горячкѣ или лихорадкѣ больной иногда развиваетъ ненормальную силу мышцъ и мозга, силу, превышающую средніе размѣры, и т. д.

Тюркъ, вслѣдъ за Жоли, разсматриваетъ ближе самую теорію *компенсаціи*, т.-е. уравновѣшенія потери какого-нибудь органа усиленнымъ развитіемъ другого. Такая компенсація, говоритъ онъ, безспорно случается, но Ломброзо дѣлаетъ изъ нея ошибочный выводъ: такъ, напримѣръ, человѣкъ, потерявшій глаза, развиваетъ сильнѣе свой слухъ или осязаніе. И хотя это развитіе слуха и осязанія произошло на почвѣ *болѣзни* другого органа (глаза), однако, само оно не есть болѣзнь. Никто не скажетъ, что слухъ или осязаніе слѣпого—больной слухъ и больное осязаніе. Ихъ развитіе есть здоровое развитіе, происходящее, вслѣдствіе новой потребности. Еслибы идея Ломброзо была вѣрна, то все человѣчество слѣдовало бы считать больнымъ и ненормальнымъ. Но геніи—это только дальнѣйшее, высшее развитіе и усовершенствованіе тѣхъ общечеловѣческихъ, особенностей, которыя мы видѣли выше въ дарвиновскомъ опредѣленіи человѣка. Если можно сказать, что извѣстный типъ или форма воплощаютъ въ себѣ извѣстную идею, то геніи—это просто наиболѣе совершенное воплощеніе идеи человѣка или приближеніе къ этому совершенству, стремленіе къ наисовершенному воплощенію. Отъ этого-то, какъ мы видѣли ранѣе, у нихъ преобладаетъ всегда стремленіе къ *идеалу* совершенства, т.-е. къ воплощенію въ себѣ чего-то въ родѣ божества (понимая подъ божествомъ идеальное олицетвореніе сущности самого же человѣка. См. выше). Мало этого, развитіе вообще можетъ имѣть причиной не одну компенсацію потери какого-либо органа. Какъ мы сейчасъ видѣли относительно компенсаціи потерянаго зрѣнія болѣе развитымъ слухомъ и осязаніемъ, эта компенсація не есть нѣчто механическое, а является результатомъ живого стремленія къ самосохраненію; при этомъ потеря одного органа создаетъ какъ бы усиленную потребность въ другихъ. Но эта усиленная потребность въ развитіи можетъ явиться и не отъ потери органа, а отъ множества другихъ причинъ: такъ, напр., геній—виртоузъ или живописецъ развиваютъ сверхъ нормы свое зрѣніе, слухъ, пальцы и т. п. Это развитіе вызывается не потребностью въ компенсаціи, а самостоятельной потребностью довести до совершенства, до идеала выполненіе какого-нибудь своего стремленія.

Не менѣе интересны и возраженія, которыя дѣлаетъ Тюркъ—Нитше. Какъ читатель знаетъ, Нитше проповѣдывалъ самый необузданный эгоизмъ, признавая мораль любви и служенія ближнему—рабствомъ. (См. подробнѣе въ моей статьѣ въ «Новомъ Словѣ» за ноябрь 1895 г. «Въ области европейской мысли»). Тюркъ доказываетъ, что «сверхъчеловѣкъ», по идеалу Нитше, есть не болѣе, какъ атавистическое возвращеніе къ типу уединеннаго звѣря-хищника. Въ одномъ изъ своихъ

сочиненій Нитше выразилъ мысль, что въ дѣйствіяхъ преступниковъ есть «ужасная красота» своего рода («das schöne schreckliche») и выражаетъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не было адвоката, который обладалъ бы достаточной художественностью (артистичностью), чтобы выразить эту красоту, вмѣсто того, чтобы умалять передъ судомъ преступленіе своего кліента.

Тюркъ на основаніи этихъ словъ сочиняетъ примѣрную рѣчь такого адвоката-артиста, гдѣ есть потрясающія мѣста, наглядно говорящія намъ о безуміи теорій Нитше. Въ одномъ мѣстѣ адвокатъ говоритъ: «Вы подумайте только, господа судьи, какую чудную твердость сердца и стойкость характера долженъ имѣть этотъ человѣкъ, чтобы совершить убійство ребенка? Ни невинный взоръ дѣтскихъ глазокъ, ни молитвенно-сложенныя дѣтскія ручки, ни крохотное, трепещущее тѣльце, ни этотъ дѣтскій чистый голосокъ, полный ужаса и страданія,—ничто, ничто не могло поколебать сердца этого человѣка»... и т. д. Рѣчь адвоката кончается приглашеніемъ подумать о томъ, что бы могъ совершить этотъ человѣкъ, еслибы его поставить на самое высшее мѣсто въ общественной іерархіи.

На этомъ я закончу мое изложеніе и разборъ книги Тюрка.

Но считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о его методѣ, который во всѣхъ вопросахъ, касающихся соціологіи (а геніальность—явленіе соціальное), имѣетъ огромное значеніе. Соціологія—наука еще не вполнѣ установившаяся. Хотя она дала уже множество важныхъ открытій и обобщеній, но, вслѣдствіе-то ея неустановленности, до сихъ поръ вниманіе соціологовъ особенно сильно поглощено вопросами о правильныхъ методахъ. Въ этомъ обзорѣ я не разъ буду говорить о нихъ, такъ какъ книги, избранныя мною на этотъ разъ, представляютъ наглядныя иллюстраціи достоинствъ и недостатковъ различныхъ методовъ. Такимъ образомъ мнѣ удастся наглядно ознакомить читателя съ этимъ важнѣйшимъ вопросомъ, занимающимъ отчасти умы западныхъ мыслителей. Въ двухъ предъидущихъ обозрѣніяхъ мнѣ приходилось говорить объ этомъ только теоретически. Наглядные примѣры въ такихъ вопросахъ значительно помогаютъ дѣлу.

Методъ Тюрка объединяетъ два различные метода: въ первой части своей книги онъ, подъ видомъ индуктивнаго метода (обобщеній отъ частнаго случая къ общему), въ сущности, слѣдуетъ методу *умозрительному*. Вѣдь два опредѣленія геніальности, взятыя имъ *въ качествѣ фактовъ* у Гёте и Шопенгауэра, въ сущности выбраны довольно произвольно, выбраны потому, что они соотвѣтствуютъ идеѣ самого Тюрка о геніяхъ,—идеѣ, составленной умозрительно. Къ тому же роду болѣе или менѣе произвольныхъ принадлежатъ и его «факты», почерпнутые изъ анализа героевъ Шекспира, Гёте, Байрона. Но во второй половинѣ книги онъ становится на почву *біологическаго* метода, находя поддержку въ дарвинизмѣ. Какъ вы увидите далѣе, оба эти

метода не могутъ составлять сами-по-себѣ полной *строго-научной* основы для соціологіи; они могутъ служить ей лишь нѣкоторымъ подспорьемъ, а какъ самостоятельные—они отжили свое время. Что значитъ «отжили свое время»? Это значитъ, что умъ человѣка, въ своемъ критическомъ развитіи, пошелъ дальше требованій, которыя удовлетворялись, какъ умозрительными доказательствами, такъ и *сравненіями* общественныхъ явленій съ біологическими. Еще пятьдесятъ или двадцать лѣтъ тому назадъ такіе пріемы доказательствъ казались бы вполнѣ убѣдительными. Мысль соціологическая была еще на сравнительно низшихъ ступеняхъ развитія. Это явленіе замѣчается во всѣхъ наукахъ: мысль и ея требованія возрастаютъ; то, что казалось доказательнымъ вчера и убѣждало насъ вполнѣ, то сегодня кажется неубѣдительнымъ, если критическая способность наша усилилась. И вотъ, въ результатѣ чувствуется, что хотя въ выводахъ Тюрка о геніальности все симпатично, умно и какъ будто доказательно, однако, вы замѣчаете, что вопросъ не исчерпанъ, не рѣшенъ окончательно; чего-то недостаетъ для полнаго его рѣшенія. Чего же? Именно метода доказательствъ—вполнѣ научнаго; онъ въ соціологіи, какъ самой сложной наукѣ, тоже весьма сложенъ. Это вы увидите сейчасъ еще на одномъ примѣрѣ, гдѣ взятъ *методъ статистическій*, который еще недавно тоже считался весьма убѣдительнымъ, но, увы! являясь весьма важнымъ, какъ *подспорье*, самъ-по-себѣ, въ одиночку—неудовлетворителенъ.

II.

Профессоръ Софійскаго университета, Одэнъ (Odin), недавно умершій, посвятилъ вопросу о геніяхъ, или великихъ людяхъ, два обширныхъ тома. Основная мысль его состоитъ въ томъ, что великіе люди являются «непосредственными дѣятелями» (агентами) историческаго развитія, а потому изученіе *великихъ людей* должно освѣщать для насъ причины и законы измѣненій, переживавшихся человѣчествомъ. Но что такое великіе люди? Одэнъ не берется сдѣлать ихъ точнаго опредѣленія, а просто принимаетъ, что это—люди, стоящіе выше другихъ. И вотъ, весьма существенно опредѣлить, причины ихъ успѣха. Способъ, которымъ Одэнъ хотѣлъ достичь этой цѣли,—*статистика геніевъ*. Въ виду сложности такой статистики, еслибы она пыталась охватить геніевъ всевозможныхъ отраслей дѣятельности, Одэнъ останавливается на писателяхъ, «сочиненія которыхъ вызывали общій интересъ», а также на тѣхъ лицахъ, которыя, хотя и не писали сами, но вліяли болѣе или менѣе существенно и прямо на развитіе литературы. Въ концѣ концовъ, авторъ ограничиваетъ и этотъ кругъ лицъ одной только Франціей, полагая, что, если ему удастся открыть для этой страны законъ образованія геніевъ, то онъ будетъ имѣть значеніе и для всѣхъ странъ. Такимъ образомъ, въ его распоряженіи остается 6.382 французскихъ литератора съ 1200 по 1830 г.

Надо сознаться, что выводы, къ которымъ приходитъ авторъ своимъ статистическимъ методомъ, не важны. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ отвѣтѣ на вопросъ: какая среда даетъ большее число людей таланта? Для рѣшенія этого вопроса авторъ отмѣчалъ происхожденіе разныхъ писателей. Напр., у 90 лицъ родители принадлежали къ судебному вѣдомству, у 52 мелкому дворянству, у 69 родовому дворянству, у 40 къ сословію коммерческому, 12 лицъ были дѣти писателей, 5—дѣти профессоровъ, 4—сыновья королей, 1—сынъ консьержа, 1—сынъ лѣсничаго, 1—пирожника и 1 — камердинера и т. д. Сводя эти цифры, авторъ дѣлаетъ такой выводъ: наибольшее число людей таланта выходитъ 1) изъ дворянской среды и постепенно понижается въ остальныхъ классахъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 2) судебное сословіе и чиновники, 3) художники, писатели, инженеры, врачи, священники, 4) промышленники, рабочіе земледѣльцы, консьержи, лакеи...

Не говорю уже о томъ, что этотъ выводъ можно было предвидѣть и безъ статистическихъ изслѣдованій, если дѣло идетъ о писателяхъ: вѣдь, само собою разумѣется, что среда болѣе состоятельная и образованная должна дать и большую *возможность* своимъ дѣтямъ заняться литературой. Но этого мало: выводъ дѣлается Одэномъ гораздо шире, чѣмъ позволяютъ факты: вѣдь, въ выводѣ дѣло идетъ о *талантливыхъ людяхъ* вообще, а факты относятся только къ писателямъ. Быть можетъ, еслибы такія же изслѣдованія произвести относительно талантливыхъ людей вообще, то выводъ былъ-бы иной. И это не все. Авторъ отъискалъ родословную только 623 лицъ изъ огромной цифры почти въ 8,000 тысячъ лицъ, образующихъ полный контингентъ писателей избраннаго имъ періода! И все жъ онъ дѣлаетъ выводъ, а на немъ основываетъ дальнѣйшее положеніе: «мы опредѣлили приблизительно,—говоритъ онъ,—какова среда, необходимая для развитія литературнаго таланта. Это—доброе (*bonne*) воспитаніе, сдѣлавшееся возможнымъ, благодаря *нѣкоторымъ* благопріятнымъ, общественнымъ и экономическимъ условіямъ, иными словами,—среда *удобная* или соотвѣтствующая (convenable)». Но, вѣдь, это почти труизмъ! И онъ бы не былъ еще такъ комиченъ, если бы авторъ не добавлялъ: «таковъ *капитальный* результатъ, къ которому привели наши изслѣдованія».

Отсюда вы видите, насколько серьезно *по существу* это *капитальное*, двухтомное, профессорское произведеніе! А какія претензіи! Авторъ упрекаетъ и Жоли, и Рибо, и другихъ изслѣдователей то въ поверхностности метода, то въ недостаткѣ фактовъ. Онъ долго распространяется о своемъ «статистическомъ» методѣ, а въ результатѣ оказываются самые наивные выводы. И это бы еще не большая бѣда. Но изслѣдованіе, начатое съ внѣшними пріемами настоящей позитивной науки, безпрестанно перемежается совершенно произвольными, совершенно метафизическими положеніями, и ученый авторъ даже не замѣчаетъ ихъ. Такъ, напр., отказавшись въ началѣ опредѣлить, что

такое геній, потому-де, что это увлекло бы его въ область метафизики и психологіи, онъ въ концѣ концовъ утверждаетъ, что «геній скрывается не въ человѣкѣ, а въ его дѣйствіяхъ». Однимъ словомъ, есть геніальныя открытія, геніальныя произведенія, но нѣтъ геніальныхъ людей! Высказавъ это великое открытіе, весьма напоминающее гегеліанизмъ, для котораго нѣтъ людей, а есть только логика вещей, авторъ торопится сдѣлать изъ него дальнѣйшіе выводы относительно теоріи Ломброзо: если обстоятельства благопріятствуютъ, то человѣкъ можетъ совершить геніальныя вещи, если, наоборотъ, условія жизни подавляютъ проявленія геніальности, человѣкъ впадаетъ въ безуміе. Вообще, слѣдовательно, обстоятельства или условія и только они виноваты въ появленіи геніальныхъ продуктовъ. Но почему же эти обстоятельства фиксируются въ той или другой личности? Допустимъ даже, что такія личности не должны называться геніями («потому что они геніальны не *во всѣхъ* своихъ дѣйствіяхъ», говоритъ Одэнъ); но, вѣдь, именно опредѣленіе того, какія особенности должны быть у лица, чтобы въ немъ фиксировались обстоятельства, создающія великое твореніе, и составляетъ суть вопроса о томъ, что такое геній.

Въ концѣ концовъ мы можемъ закрыть книгу Одэна съ полнымъ разочарованіемъ въ ея обѣщаніяхъ и съ печальнымъ сознаніемъ, что напрасно потеряли время на ея чтеніе, если, впрочемъ, не считать той пользы, какую мы сдѣлали этимъ для читателя, предупредивъ подобную же попытку съ его стороны.

Однако, можно сдѣлать и еще одинъ полезный выводъ изъ работы Одэна,—выводъ о *методѣ* въ вопросахъ соціологическихъ. Мы видимъ здѣсь наглядно, какъ ошибочно въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какъ соціологическіе, идти отъ сырого матерьяла цифръ и фактовъ къ выводамъ, безъ руководства какой-нибудь руководящей нитью. Обыкновенно такой нитью служитъ какая-нибудь теорія или гипотеза, выведенная дедуктивно изъ законовъ психологическихъ (а у натуралистической школы—изъ законовъ біологическихъ). Жизненные факты такъ разнообразны, что представляютъ настоящій лабиринтъ. Вѣра въ статистическій методъ должна имѣть извѣстные предѣлы еще и по другой причинѣ: цифры и выводы изъ нихъ обладаютъ точностью лишь тогда, когда они выражаютъ величины *болѣе или менѣе однородныя*. Но можно-ли, напр., сказать, что цифра, выражающая число писателей извѣстной эпохи, обозначаетъ однородныя величины? Конечно, нѣтъ. Одэнъ заранѣе обрекъ свой трудъ на мертворожденность самымъ своимъ методомъ.

Слѣдующія книги, о которыхъ мы будемъ говорить, принадлежатъ поборникамъ психологическаго метода.

III.

Заговоривъ о методахъ, я долженъ напомнить читателю то, что сообщилъ ему въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова» о преемственности

методовъ въ нѣмецкой соціологіи. Въ Германіи эта преемственность была такова: *умозрительный* методъ (онъ же и метафизичеекій); его произвольность привела къ реакціи, выразившейся въ *историческомъ* методѣ; но историческій методъ запутался въ безконечномъ разнообразіи мелкихъ фактовъ. Въ этомъ онъ раздѣляетъ судьбу *статистическаго*. И вотъ, на помощь ему выдвинулся *натуралистическій* методъ (онъ же біологическій, «органическій», аналогическій), т.-е. примѣненіе къ изученію общественныхъ явленій – законовъ біологіи. Но кругъ явленій общественныхъ оказался гораздо шире и не уложился на прокрустово ложе біологіи, и вотъ возникъ *психологическій* методъ. Онъ составляетъ теперь послѣднее mot-d'ordre соціологической науки не только въ Германіи, но и въ Англіи, и особенно въ Америкѣ. Конечно, взятый самъ-по-себѣ, и онъ не выдержитъ критики. Но онъ важенъ, какъ реакція противъ мертвящаго и фатальнаго *біологизма* (т.-е. метода аналогій съ организмомъ). Онъ возстановляетъ въ соціологіи значеніе человѣка, личности и ея стремленій къ идеалу. Въ *этомъ отношеніи онъ крайне важенъ* [1]). Замѣчательнѣе всего, что Гербертъ Спенсеръ, только что закончившій свою синтетическую философію, стоившую ему труда цѣлой жизни, выступилъ на дняхъ съ защитой психологическаго метода (въ соціологіи). Онъ доказываетъ, что всегда чувствовалъ и выражалъ значеніе психологіи въ соціальной наукѣ, но при этомъ сознается съ откровенностью великаго ученаго, что до самаго послѣдняго времени ему не было ясно то различіе, какое имѣетъ для соціологіи біологическій методъ и психологическій. Теперь онъ опредѣляетъ это отношеніе съ замѣчательной точностью и простотой, свойственной только ему одному. На это объясненіе онъ былъ вызванъ двумя книгами о соціологіи, вышедшими почти одновременно въ Америкѣ: одна принадлежитъ Лестеръ Уорду и недавно переведена на русскій языкъ. Въ этой книгѣ Уордъ выражаетъ мнѣніе, что Спенсеръ видитъ основанія соціологіи исключительно въ біологіи, противъ чего Спенсеръ горячо возсталъ съ цитатами, взятыми изъ всѣхъ своихъ сочиненій, начиная съ самаго ранняго: «Соціальной Статики».

Другое сочиненіе принадлежитъ блестящему американскому соціологу, профессору Гиддинсу (The Principle of Sociology), который, хотя и признаетъ въ соціологическихъ работахъ Спенсера психологическій элементъ, но думаетъ, что онъ недостаточно ясно поставленъ. Прежде, чѣмъ я сообщу возраженія Спенсера на эти обвиненія, позволю себѣ познакомить кратко читателя съ основными взглядами самого Гиддинса (къ сожалѣнію, совсѣмъ неизвѣстнаго у насъ, тогда какъ во Франціи уже готовится къ печати переводъ его новаго сочиненія). Онъ отличается именно чрезвычайно ясной постановкой необходимости въ

[1]) Я уже говорилъ въ предъидущихъ обозрѣніяхъ, что его не слѣдуетъ смѣшивать съ *психологизмомъ* толпы или массъ, являющимся отголоскомъ *органической* теоріи.

соціологіи психологическаго метода и негодности метода органическаго. Въ основу изученія соціологіи онъ кладетъ изученіе группъ, образующихся путемъ «сознанія родства или типа». Нигдѣ въ природѣ неодушевленной мы не видимъ ничего подобнаго этому явленію; только въ одушевленныхъ существахъ, обладающихъ сознаніемъ, появляется и сознаніе своей родственности, своего типа, и, въ силу этого-то сознанія, происходятъ группировки въ обществѣ. Такимъ образомъ психологическая основа общества (его строенія) очевидна. Гиддинсъ, на стр 186-й и 187-й говоритъ прямо: «мотивы экономическіе, политическіе, религіозные находятся въ зависимости отъ этого сознанія родственности». Это сознаніе сказывается прежде всего въ симпатіи: мы чувствуемъ наибольшую симпатію къ тѣмъ, кого находимъ болѣе сходнымъ съ нами, и наоборотъ. По мѣрѣ увеличенія или расширенія нашего сознанія о родственности съ нами сперва семьи, затѣмъ касты, далѣе общины, города, государства, наконецъ, человѣчества, расширяется и кругъ нашей симпатіи. (Собственно говоря, эта идея о значеніи чувствованій въ соціологіи ранѣе и лучше другихъ развита Тардомъ въ его «Соціальной логикѣ», къ сожалѣнію, до сихъ поръ непереведенной у насъ, а именно въ главѣ о логикѣ чувствованій. См. мою статью объ этомъ въ «Русской Мысли» 1895 г. Ее же прекрасно развивалъ итальянскій психологъ Гильомо Ферреро). Сознательный процессъ группировки и организаціи начался не сразу. Въ началѣ общественной эволюціи, люди соединялись въ группы подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; только позднѣе они сознали влеченіе къ группировкѣ по симпатіямъ или по типу. Съ этихъ поръ начался сознательный общественный процессъ.

По мнѣнію Гиддинса, взаимное отношеніе біологіи, психологіи и соціологіи другъ къ другу таково: біологія изслѣдуетъ приспособленіе организма къ окружающей средѣ. Но вотъ организмъ развивается постепенно, вырабатываетъ психическія способности, которыя являются однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ приспособленія. Эти способности составляютъ предметъ психологіи, т.-е. она изслѣдуетъ приспособленіе къ средѣ, обусловленное *этими* способностями. Но прогрессъ идетъ далѣе: благодаря этимъ способностямъ, является тотъ духъ коллективизма, общественности, о которомъ мы говорили выше. Онъ приспособляетъ къ средѣ цѣлое общество и, наоборотъ, приспособляетъ среду къ потребностямъ общества.

Психическимъ способностямъ авторъ не придаетъ, однако, какого-либо метафизическаго значенія. Онъ видитъ въ нихъ только субъективную сторону нервно-мозговыхъ процессовъ и считаетъ ихъ подчиненными общему міровому закону сохраненія энергіи. Поэтому, общественныя явленія, если ихъ разсматривать не съ субъективной стороны, (т.-е. не со стороны чувствъ, идей и вообще сознательныхъ стремленій) являются также подчиненными закону сохраненія энергіи. Вмѣстѣ

съ этимъ закономъ авторъ указываетъ значеніе для обществъ еще и двухъ другихъ законовъ, которые общи цѣлому космосу, а именно—законъ *равновѣсія* и *необходимой эволюціи*. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего сочиненія общество разсматривается преимущественно съ точки зрѣнія психологической, т.-е. какъ воплощеніе мысли и чувствованій. Такимъ образомъ Гиддинсъ пытается примирить и связать вмѣстѣ точки зрѣнія физическую и психическую. Психическая энергія, съ его точки зрѣнія, есть одна изъ формъ физической энергіи, проявляющейся въ данномъ случаѣ въ нервахъ и мозгѣ. Съ другой стороны, она не можетъ *проявиться* во внѣшней дѣятельности иначе, какъ въ формѣ физической же энергіи нервовъ и мускуловъ. Тѣмъ не менѣе, дѣятельность въ обществѣ той и другой формы энергіи различна, а иногда даже противоположна, и противоположна настолько, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ физическая энергія ограничиваетъ дѣятельность психической. Напр., чисто физическіе законы, естественнаго подбора и переживанія ограничиваютъ чисто психическіе законы въ родѣ закона подражанія, переимчивости и соціальнаго выбора. Возставая противъ метода сравненія обществъ съ организмами, авторъ видитъ въ обществѣ явленіе высшее, сверхорганическое; это — не организмъ, а *организація*, которая отчасти зависѣла отъ физическихъ причинъ, отчасти отъ причинъ сознательныхъ, какъ, напр., *любовь* къ своему типу, къ своимъ роднымъ и близкимъ по сходству.

Кромѣ законовъ физическихъ и психическихъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, есть и соціально-общественные законы (или причины). Они являются результатомъ развитія самаго общества.

Я не буду входить въ подробности этой выдающейся книги, такъ какъ это потребовало бы больше мѣста, чѣмъ остается въ моемъ распоряженіи. А, между тѣмъ, я считаю необходимымъ, раньше, чѣмъ перейти къ объясненіямъ Спенсера, поговорить еще объ одной замѣчательной книгѣ по соціологіи.

IV.

Я имѣю въ виду американскаго соціолога Симона Паттена; его книга, по мнѣнію моему, оставляетъ далеко за собою и соч. Лестера Уорда, и книгу Гиддинса. Въ ней мы имѣемъ не только ясную постановку психологическаго метода, но и блестящую новую теорію стадій соціальнаго развитія. Книга называется: «The Theory of social Forces» (Теорія соціальныхъ силъ). Вотъ ея содержаніе. Авторъ начинаетъ съ горячаго протеста противъ уподобленія общества организму: организмъ приспособляется къ средѣ и подъ вліяніемъ этого приспособленія измѣняется. Общество, наоборотъ (какъ и нѣкоторые высшіе виды животныхъ), измѣняетъ среду ради своихъ потребностей. Единственное приспособленіе ихъ самихъ къ средѣ состоитъ въ такомъ измѣненіи нервной системы и мозга, которое позволяетъ выработаться *уму*. Умъ

же является органомъ самостоятельной борьбы съ природой; его приспособленіе къ средѣ есть познаніе среды и ея законовъ, позволяющее все полнѣе и совершеннѣе овладѣть природой, заставить ее служить себѣ.

Такимъ образомъ Паттенъ различаетъ двѣ совершенно особыя эволюціи, изъ которыхъ одна подготовила другую: во-первыхъ, эволюцію біологическую, приведшую къ высшему развитію нервовъ и мозга, и, во-вторыхъ, эволюцію соціологическую, когда началъ работать мозгъ, замѣнивъ своей работой прежнее приспособленіе организма къ средѣ и создавъ *новую эволюцію: экономическую*. Однако, этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что переходъ отъ біологической эволюціи къ экономической совершился вдругъ. Развитіе мозга или ума создало, такъ сказать, *новую среду*, а именно: среду *умственную*, интеллектуальную, которая образовалась не сразу. Сперва человѣку пришлось бороться за обладаніе болѣе благопріятными для жизни *мѣстностями*, т.-е. такими участками земли, которые были болѣе свободны отъ враговъ человѣка или изобиловали пищевыми продуктами. Конечно, этотъ періодъ, періодъ почти постоянныхъ войнъ и внѣшней борьбы, долженъ былъ дѣйствовать специфически на умъ человѣка. Вѣдь почти единственной цѣлью его дѣятельности было ускользнуть отъ враговъ.

Подъ этимъ вліяніемъ слагалась сперва вся его душевная жизнь, его идеи, мораль, вѣрованія. Паттенъ называетъ этотъ періодъ *періодомъ страха*. Вся *экономія* этого періода есть *экономія* страха, труда, страданія. Это отразилось даже въ идеалахъ религіозныхъ и моральныхъ, выдвигавшихъ вездѣ впередъ *страданіе, самопожертвованіе,* подчиненіе и боязнь. Но, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ успѣвалъ въ борьбѣ съ физической средой и подчинялъ ее себѣ, возникала новая экономія, основанная на исканіи *удовольствія*. Этимъ авторъ не хочетъ сказать, что экономія удовольствія уничтожила въ жизни страданіе; мысль его состоитъ въ томъ, что въ прежней экономіи страхъ господствовалъ абсолютно надъ поведеніемъ. Этого нельзя уже сказать о второмъ періодѣ, когда господствуетъ «экономія удовольствія». Я не буду излагать подробно того, какъ авторъ прослѣживаетъ психологически появленіе различныхъ идей, между прочимъ, анимистическихъ и мистическихъ, подъ вліяніемъ «экономіи страха». Упомяну вкратцѣ о возникновеніи мотивовъ идеальныхъ—эстетическаго, моральнаго, религіознаго, явившихся стимулами болѣе широкой соціальной дѣятельности. Человѣкъ не можетъ жить только одними экономическими стимулами и разсчетомъ. У него скоро является стремленіе къ разнообразію и гармоніи самыхъ способовъ потребленія. Отсюда уже сама собой развивается эстетическая потребность. Вслѣдъ затѣмъ зарождается стремленіе согласовать процессъ вида или общества съ благосостояніемъ личности, откуда является *моральный идеалъ*. Онъ уже предполагаетъ ясное сознаніе общественной среды. Наконецъ, ограниченность человѣческаго

познанія о мірѣ внѣшнемъ создаетъ потребность предположить иной, неизвѣстный, возможный міръ, находящійся въ неизвѣстной связи съ нашимъ; отсюда возникаютъ *религіозные идеалы*. Такъ какъ эти стремленія являются одновременно у многихъ лицъ и въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ, то они влекутъ за собою образованіе общественныхъ учрежденій.

Весьма интересны соображенія автора о томъ, что еслибы общество развивалось нормально, т.-е. безъ предшествующей «эпохи страха», въ немъ сперва возникали бы идеалы эстетическіе, законы моральные и въ концѣ концовъ только идеалы метафизическіе или религіозные. Но при этомъ и самые идеалы были бы иными, т.-е. жизнерадостными. Но эпоха страха все опрокинула, и мы видимъ у большинства племенъ и народовъ, пережившихъ ее, что, напр., религіозная потребность почти совершенно поглощала развитіе эстетическое и заглушала потребности моральныя и даже экономическія (возьмемъ хотя бы средневѣковой аскетизмъ). Люди, окруженные врагами, сознающіе свою слабость, искали защитниковъ внѣ реальной жизни и природы; отсюда поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, культъ героевъ, etc., etc. Конечно, это не было какимъ-либо обязательнымъ закономъ, а являлось въ зависимости отъ условій среды: такъ, древніе греки, жившіе въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, рано развили идеалъ эстетическій, и религіозная потребность не подавила его; у евреевъ—наоборотъ. Этимъ я ограничусь относительно взглядовъ Паттена. Полагаю, что и приведенное мною достаточно указываетъ на значеніе метода психологическаго. Перейдемъ же къ Спенсеру.

V.

Прежде всего укажу главнѣйшія изъ ссылокъ Спенсера на свои сочиненія, въ которыхъ освѣщается его взглядъ на значеніе психологіи и біологіи въ соціологіи: въ «Соціальной статикѣ» онъ придавалъ огромное значеніе «моральнымъ силамъ» и «психическому характеру» націй въ дѣлѣ цивилизаціи. Въ «Основахъ психологіи» онъ говорилъ, между прочимъ: «Очевидно, что та или другая степень способности людей сотрудничать другъ съ другомъ (кооперировать, образовывать общество) предполагаетъ извѣстныя *умственныя* способности и *эмоціи* (чувствованія); поэтому въ подготовительныхъ работахъ для изученія общественной эволюціи у меня шло дѣло о различныхъ вопросахъ, касающихся способностей, дѣйствующихъ въ этомъ смыслѣ, а также относительно тѣхъ способовъ, которыми онѣ развились въ теченіе общественной жизни» (§ 477).

Кончаетъ онъ свое возраженіе такъ: «въ теченіе этого объясненія мнѣ стало очевиднымъ существенное различіе, котораго я не замѣтилъ ранѣе, между зависимостью соціологіи отъ біологіи и зависимостью соціологіи отъ психологіи. Біологія имѣетъ значеніе въ опредѣленіи *ма-*

матеріала (или субстанціи) общества, а психологія его строенія. Мы можемъ разсматривать общественный аггрегатъ просто какъ массу живыхъ единицъ, игнорируя какое бы то ни было расположеніе его частей, или же, наоборотъ, только подразумѣвать существованіе массы и заниматься исключительно устройствомъ частей. При первой точкѣ зрѣнія мы занимаемся только перемѣнами количественными и качественными, напр., увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа единицъ, а также *органическими* видоизмѣненіями ихъ природы, т.-е. такими перемѣнами, которыя происходятъ въ теченіе поколѣній подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій жизни, дѣйствующихъ на эти единицы. При объясненіи соціальныхъ явленій, входящихъ въ эту группу, мы прямо зависимъ отъ біологіи. При второй же точкѣ зрѣнія мы занимаемся только развитіемъ общественнаго аггрегата во взаимно-зависимыя части, выполняющія разныя обязанности, т.-е. изслѣдуемъ постепенную эволюцію *строенія* и соотвѣтственныхъ функцій, а также образованіе болѣе и болѣе связнаго цѣлаго. Для объясненія явленій, входящихъ въ эту болѣе выдающуюся и важную группу, мы прямо зависимъ отъ психологіи. Хотя оба взгляда не могутъ быть рѣзко раздѣлены, такъ какъ жизнь тѣлесная и психическая связаны другъ съ другомъ неразрывно и оказываютъ одна на другую взаимное вліяніе, однако, поскольку дѣло идетъ о соціальномъ матерьялѣ (субстанціи) и соціальной формѣ,—они существенно противоположны другъ другу».

Этотъ выводъ Спенсера имѣетъ весьма важное значеніе въ соціологіи, по крайней мѣрѣ для его послѣдователей и сторонниковъ. Его считали однимъ изъ главныхъ основателей органическаго или аналитическаго метода, т.-е. метода, идущаго путемъ сравненія общества съ организмомъ. Въ моихъ предъидущихъ обозрѣніяхъ (см., напр., ноябрьскую кн. 1896 г.) я говорилъ о томъ, что этотъ методъ отжилъ и является теперь какимъ-то анахронизмомъ въ небольшой группѣ русско-французскихъ соціологовъ (Вормса, нашего Лиліенфельда etc.). И вотъ теперь Спенсеръ точно говоритъ, что именно въ вопросахъ объ устройствѣ обществъ, о возникновеніи его частей (онъ нарочно не употребляетъ слова *органовъ*), объ отправленіяхъ этихъ частей etc., etc. слѣдуетъ опираться не на біологію, т.-е. не на явленія, происходящія въ организмѣ, а на психологію. Иными словами, вся жизнь Герберта Спенсера, весь гигантскій трудъ его жизни привелъ его въ концѣ концовъ къ выводу о зависимости наиболѣе выдающейся и важной группы «явленій общества, т.-е. его устройства, отъ *психической дѣятельности человѣка!* Это совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ идеи, высказанной имъ давно, что если общество и можно сравнивать съ организмомъ, то лишь условно, не забывая, что эти организмы sui generis (т.-е. особаго рода), гдѣ цѣлое являются отдаленные элементы (личности), а не аггрегатъ ихъ, гдѣ живутъ и мыслятъ и чувствуютъ *реально* только эти единицы, а не цѣлое; тогда какъ въ организмѣ дѣло проис-

ходитъ совсѣмъ наоборотъ, и элементы (клѣточки) совершенно утрачиваютъ свою самостоятельность въ интересахъ цѣлаго. Что же, стало быть, остается въ соціологіи для примѣненія законовъ біологіи? А только то, что составляетъ ея прямое и законное достояніе: такъ какъ человѣческія единицы, входящія въ общество, не только психическія единицы, но и біологическія (онѣ питаются, размножаются, ихъ индивидуальная организація можетъ мѣняться, подъ вліяніемъ условій среды), то въ этомъ отношеніи онѣ, конечно, входятъ въ область біологіи. Но даже и въ этомъ признаніи біологіи важной частью соціологіи Спенсеръ оговаривался еще раньше; въ соч. «The Study of Sociology» онъ говоритъ: «услуги этихъ двухъ наукъ взаимны. Стоитъ только оглянуться на ихъ прогрессъ, и мы увидимъ, что біологія обязана своей кардинальной идеей соціологіи». (Дѣло идетъ о понятіи «физіологическаго раздѣленія труда», заимствованномъ знаменитымъ физіологомъ Мильнъ-Эдвардсомъ отъ соціологіи). Біологія, позаимствовавъ отъ соціологіи это объясненіе развитія, возвратила его обратно соціологіи, значительно увеличивъ его опредѣленность, обогативъ его безчисленными иллюстраціями и приспособивъ къ примѣненію въ новомъ направленіи.

Но уже вторая половина этой выдержки теперь, очевидно, не признается самимъ Спенсеромъ, въ виду его окончательнаго вывода, изложеннаго сейчасъ: вѣдь раздѣленіе труда въ обществѣ относится къ *строенію* общества, т.-е., по новому опредѣленію Спенсера, оно должно объясняться *психологически*, а не біологически. И хотя біологія сама взяла раздѣленіе труда отъ соціологіи, но насколько она вложила въ него нѣчто *свое*, спеціально-біологическое, это спеціально-біологическое не можетъ быть взято обратно соціологіей. Иначе самое разграниченіе Спенсера окажется нарушеннымъ.

Замѣчательно, что послѣ того, какъ этотъ геніальный соціологъ пришелъ подъ конецъ жизни къ такому свѣтлому и точному сознанію своей прежней ошибки или (правильнѣе) своей неточности, въ это время, вышеупомянутая группа соціологовъ особенно усердно примѣняетъ біологическія сравненія именно къ самому *устройству* общества: напр., Вормсъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе (напр., Изулэ) стремятся доказать, что общество имѣетъ и должно имѣть даже свой *спеціальный органъ мысли!* Вѣроятно, это—они сами и составляютъ *мозгъ* общества?

Л. О.

НОВЫЯ КНИГИ.

I. Беллетристика. Критика. Исторія литературы.

Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова въ XII томахъ, изданіе *А. Ф. Маркса*. Спб. 1897 г.

По внѣшности это посмертное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова не оставляетъ желать ничего лучшаго: напечатано оно на хорошей бумагѣ, четкимъ и крупнымъ шрифтомъ; пять портретовъ Лѣскова и снимокъ съ его рабочаго кабинета—исполнены безукоризненно въ художественномъ отношеніи. Цѣну 15 руб. за 12 томовъ, причемъ въ каждомъ томѣ отъ 30 до 35 листовъ, мы находимъ вполнѣ умѣренною.

Все это прекрасно. Но во внутрь изданія лучше не заглядывайте. Начать съ того, что мы не знаемъ, чѣмъ руководились издатель или редакторъ въ распорядкѣ произведеній Н. С. Лѣскова? Можно думать, что они стасовали ихъ, какъ карты въ колодѣ, и напечатали одно за другимъ, въ томъ порядкѣ или, правильнѣе сказать, безпорядкѣ, какъ они стасовались. Затѣмъ составители изданія не сочли нужнымъ помѣстить въ немъ ни алфавитнаго указателя статей, ни хронологическаго списка, такъ что если вамъ нужно найти какое-либо произведеніе Н. С. Лѣскова, вы должны по очереди пересматривать оглавленія всѣхъ двѣнадцати томовъ, ну и, конечно, горе вамъ, если произведеніе окажется въ послѣднемъ томѣ.

Что касается до критико-біографической статьи г. Сементковскаго, приложенной къ изданію въ первомъ его томѣ, то прежде всего мы должны сказать, что она не оправдываетъ своего заглавія «*критико-біографической*», такъ какъ біографическихъ свѣдѣній вы находите въ ней крайне мало, такъ кое-гдѣ и кое-что, на сколько это нужно было г. Сементковскому для уясненія проводимыхъ имъ критическихъ взглядовъ на произведенія Лѣскова. Довольно сказать, что въ статьѣ тщетно вы будете искать годъ смерти Н. С. Лѣскова; да и вообще послѣдніе годы жизни послѣдняго закутаны непроницаемымъ туманомъ.

Съ критическою частью статьи г. Сементковскаго мы, въ свою очередь, во многомъ согласиться не въ состояніи. Такъ, г. Сементковскій впалъ, по нашему мнѣнію, въ ошибку, свойственную многимъ составителямъ вступительно-объяснительныхъ статей къ посмертнымъ изданіямъ: взялъ слишкомъ уже панегирическій тонъ и вознесъ Н. С. Лѣскова только-что не до небесъ. Такъ, на первой же страницѣ г. Сементковскій громогласно заявляетъ, что «если мы назовемъ Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Писемскаго, Салтыкова, Л. Тол-

стого, то *Лѣсковъ присоединяется къ этой блестящей плеядѣ, какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій въ другихъ...*»

По нашему мнѣніе, это вопіющее преувеличеніе способно лишь сбить съ толку иного простодушнаго читателя, не имѣющаго своихъ собственныхъ мыслей въ головѣ и способнаго повѣрить слѣпо каждому печатному слову, особенно же такому, какое поставлено впереди посмертнаго изданія произведеній писателя. Къ счастью, впрочемъ, всѣ подобныя увѣнчанія паче мѣры, съ увѣреніями, что «вся образованная Россія это сознаетъ», что вся Россія только и дѣлаетъ, что говоритъ о великомъ имярекѣ,—уловляютъ именно только такихъ простодушныхъ читателей, о которыхъ мы только-что упомянули; въ массѣ же общества не утверждаются и предаются немедленному забвенію. Такъ, кто нынѣ помнитъ, что нѣкогда критики Кукольника ставили на одну высоту съ Гете, Бенедиктова выше Лермонтова, а Гоголя считали ничтожествомъ, сравнительно съ Булгаринымъ, и, въ свою очередь, увѣряли, что вся образованная Россія думаетъ то же самое; но, къ чести образованной Россіи, у нея оказывалось болѣе художественнаго чутья, чѣмъ предполагали усердные критики, и она не пошла за ними.

Такъ и въ настоящее время мы убѣждены въ томъ, что въ глазахъ просвѣщенной Россіи и Н. С. Лѣсковъ останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, т.-е. писателемъ талантливымъ, во многихъ своихъ произведеніяхъ занимательнымъ и дающимъ богатый матерьялъ для знакомства съ провинціальною русскою жизнью его времени, но, во всякомъ случаѣ, величиною среднихъ размѣровъ, и далеко ему до сопоставленія даже съ Григоровичемъ и Писемскимъ, не говоря уже о Тургеневѣ, Л. Толстомъ или Гончаровѣ. Г. Сементковскій и самъ выставляетъ Н. С. Лѣскова главнымъ образомъ, какъ публициста, который всю жизнь свою ратовалъ (порою вкривь и вкось) за тѣ или другіе общественные взгляды, указывалъ пути, выставлялъ недостатки современной ему русской жизни, обличалъ и т. п. И мы совершенно въ этомъ согласны съ г. Сементковскимъ съ прибавкой того, что художникъ въ немъ былъ совсѣмъ подавленъ публицистомъ, и ужъ по одному этому его невозможно ставитъ на одномъ ряду съ вышеозначенными корифеями нашей литературы. Мы не будемъ много распространяться о томъ, что одно пристрастіе ко всему экстравагантному и монструозному, преобладаніе въ произведеніяхъ Лѣскова манерности, вычурности, вѣчнаго ломанья передъ читателемъ (вспомните, напримѣръ, его страсть къ головоломнымъ заглавіямъ) ставитъ его далеко отъ тѣхъ качествъ, которыя присущи всѣмъ первокласснымъ художникамъ, въ видѣ классической простоты и ясности изображеній.

Обращаемъ вниманіе хотя бы на такое качество таланта Н. С. Лѣскова, которое одно ставитъ его на весьма невысокую степень: именно его творчество, отправляясь отъ сырыхъ фактовъ, не въ силахъ оказывалось выбиться изъ нихъ и возвыситься надъ ними на просторъ какихъ бы то ни было обобщеній, а копалось въ грязи этихъ фактовъ, и поэтому, при своемъ публицистическомъ характерѣ, очень часто имѣло чисто личный характеръ. Такъ, въ теченіе шестидесятыхъ годовъ не одинъ Лѣсковъ написалъ свой романъ «Некуда», а многіе

беллетристы, не ему чета, разразились произведеніями, относящимися отрицательно къ движеніямъ шестидесятыхъ годовъ. Но какъ бы вы ни были несогласны съ этими произведеніями, какъ бы ни казалось вамъ невѣрнымъ, въ нихъ освѣщеніе эпохи, вы не можете сказать, чтобы Базаровъ, Маркъ Волоховъ, Баклановъ (въ «Взбаломученномъ морѣ»)—были не типами, а снимками съ лицъ, съ которыми случайно встрѣтился авторъ. Въ романѣ же «Некуда», напротивъ того, вы не найдете ни одного подобнаго же типа, а рядъ портретовъ съ живыхъ людей, вращавшихся въ то время въ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ. Неужели г. Сементковскій забылъ тотъ фактъ, что наибольшее негодованіе романъ «Некуда» возбудилъ не столько своими тенденціями, сколько именно пасквильно-сплетническимъ характеромъ, такъ какъ многіе живые люди были въ немъ узнаны, и, къ тому же, не въ ихъ натуральномъ видѣ, а въ видѣ каррикатурныхъ шаржей. Вслѣдствіе этого обстоятельства критика была поставлена втупикъ, не зная, какъ выразить ей мотивы своего негодованія, такъ какъ, принявши подъ свою защиту личности, оплеванныя въ романѣ, критика рисковала этимъ играть въ руку пасквилянта, какъ бы дѣлая объяснительныя подписи подъ изображеніями его.

Г. Сементковскій игнорируетъ эту прискорбную черту литературной дѣятельности Лѣскова, а между тѣмъ, она, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ какія бы то ни было идеально-принципіальныя соображенія, объяснятъ, почему Н. С. Лѣсковъ ни съ кѣмъ не ладилъ и былъ отвергнутъ сначала лѣвыми, потомъ правыми. Очень возможно, что и тутъ, и тамъ онъ дѣйствовалъ одинаково: сегодня онъ дѣлилъ съ вами хлѣбъ-соль, а завтра ему ничего не стоило бросить въ васъ комкомъ грязи, изобразивъ васъ въ какомъ-нибудь грубо каррикатурномъ шаржѣ, и, къ тому же, изъ чисто личныхъ разсчетовъ и дрязгъ. Исторія, конечно, откроетъ когда-нибудь, въ какой мѣрѣ мы правы.

Вѣчные спутники, портреты изъ всемірной литературы. *Д. С. Мережковскій.* Спб. 1897 г.

Секретъ этой книги заключается въ слѣдующихъ словахъ ея предисловія: «Въ этомъ изданіи,—говоритъ г. Мережковскій,—собранъ рядъ небольшихъ очерковъ (появлявшихся въ печати отъ 1888 до 1896 г.)—какъ бы галлерея миніатюрныхъ портретовъ великихъ писателей разныхъ вѣковъ и народовъ—для русской публики въ значительной мѣрѣ *великихъ незнакомцевъ*, ибо, кромѣ ихъ имени, русскій читатель до сихъ поръ знаетъ о нихъ развѣ по отрывкамъ неудовлетворительныхъ переводовъ или по безличнымъ выдержкамъ изъ курсовъ литературы и справочныхъ книгъ.

«За это соединеніе столь различныхъ, повидимому, чуждыхъ другъ другу именъ въ одну семью, въ одну галлерею портретовъ, могутъ упрекнуть автора въ отсутствіи систематической связи. Но онъ питаетъ надежду, что читателю мало-по-малу откроется не внѣшняя, а субъективная внутренняя связь въ самомъ *я*, въ міросозерцаніи критика, ибо—повторяю—онъ не задается цѣлями научной или художественной характеристики. Онъ желалъ бы только разсказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и

волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни. Это—записки, дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка. Субъективный критикъ долженъ считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное въ знакомомъ, свое въ чужомъ, новое въ старомъ».

Такъ опредѣляетъ г. Мережковскій цѣль своей книги, представляющей, дѣйствительно, порядочную-таки мѣшанину: тутъ рядомъ съ Маркомъ Авреліемъ и Плиніемъ Младшимъ вы находите Кальдерона, Сервантеса, Монтаня, Флобера, Ибсена, Достоевскаго, Гончарова, Майкова, Пушкина; курьезнѣе же всего, что въ число великихъ писателей, тихихъ спутниковъ г. Мережковскаго, попалъ вдругъ и аѳинскій Акрополь, такъ что оказывается, что Акрополь вовсе не пребываетъ въ неподвижности близъ Аѳинъ, а сопутствуетъ г. Мережковскому въ его земныхъ скитаніяхъ или покоится на полкахъ его библіотеки, рядомъ съ М. Авреліемъ и Монтанемъ.

А мнѣ глубоко жаль г. Мережковскаго. У него нѣтъ недостатка въ начитанности и дарѣ художественной изобразительности, вмѣстѣ съ тѣмъ владѣетъ онъ и прекраснымъ слогомъ. Вы встрѣчаете въ книгѣ его нѣсколько блестящихъ страницъ, показывающихъ, что онъ могъ бы писать прекрасныя историческія характеристики. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти качества г. Мережковскаго омрачаются невообразимымъ сумбуромъ, господствующимъ въ его мыслительныхъ отправленіяхъ,—и рядомъ съ двумя, тремя блестящими страницами вы натыкаетесь на десятки и сотни страницъ, на цѣлыя статьи, поражающія васъ или до смѣшного наивнымъ ребячествомъ, или же непроницаемымъ туманомъ мистико-символо-декадентскихъ фантазій. Входить въ какой бы то ни было разборъ или опроверженіе этихъ фантазій мы считаемъ дѣломъ совершенно излишнимъ, да и невозможнымъ: какъ вы будете разбирать или опровергать то, до смысла чего порою нѣтъ никакой возможности добраться? Впрочемъ, нѣкоторая попытка въ этомъ отношеніи была сдѣлана въ прошломъ году, на страницахъ нашего журнала, при разсмотрѣніи сборника г. Перцова «*Философскія теченія русской націи*» (см. «Н. Сл.» 1896 г., № 9). Мы познакомили тамъ нашихъ читателей, между прочимъ, съ содержаніемъ статей г. Мережковскаго о Пушкинѣ и Майковѣ. Статьи эти кстати вошли цѣликомъ въ разбираемую нами книгу г. Мережковскаго, и намъ остается лишь предложить нашимъ читателямъ, желающимъ познакомиться съ г. Мережковскимъ, какъ мыслителемъ, обратиться къ вышеозначенной книжкѣ «Новаго Слова». Здѣсь же мы ограничимся только тѣмъ замѣчаніемъ, что если у каждаго барона имѣется своя фантазія, то почему же не имѣть своихъ фантазій и г. Мережковскому? Впрочемъ, по правдѣ сказать, г. Мережковскій служитъ вопіющимъ опроверженіемъ этой пословицы, потому что у него, хотя и очень много нелѣпыхъ и дикихъ фантазій, но какъ разъ всѣ онѣ чужія и ни одной своей собственной.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей *И. Ф. Тхоржевскаго*. Тифлисъ, 1896 г.

Въ 1893 году въ Тифлисѣ вышло собраніе пѣсенъ Беранже подъ редакціей г. И. Ф. Тхоржевскаго. Изданное довольно изящно, во всѣхъ отношеніяхъ

добросовѣстно (при чемъ всѣ помѣщенные въ книгѣ переводы отличаются и близостью къ подлиннику, и безукоризненною художественностью), собраніе это, обративъ на себя вниманіе всей читающей публики, не смотря, на то, что появилось въ такой далекой окраинѣ, какъ Тифлисъ, было единодушно привѣтствовано прессою.

Нынѣ мы видимъ, что это изданіе было лишь починомъ къ ряду подобныхъ же предпріятій, и успѣхъ этого почина, конечно, не мало содѣйствовалъ тому, что, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, г. Тхоржевскимъ были закончены выпуски «Собранія стихотвореній Виктора Гюго». Изданіе это составлено по тому же плану, какъ и собраніе пѣсенъ Беранже, имѣетъ тотъ же характеръ и внѣшность. Точно также рядомъ съ переводами, подписанными псевдонимомъ Иванъ-да-Марья и принадлежащими г-жѣ А. Тхоржевской и г. П. Тхоржевскому, вы находите въ изданіи массу переводовъ различныхъ извѣстныхъ русскихъ поэтовъ, каковы, напр., П. Вейнбергъ, Н. Курочкинъ, Л. Мей, Д. Минаевъ, А. Плещеевъ и пр.

Считаемъ излишнимъ много распространяться о пользѣ подобнаго рода полныхъ собраній наиболѣе крупныхъ западныхъ писателей. Польза эта слишкомъ очевидна всѣмъ и каждому. Особенно же своевременнымъ находимъ мы появленіе полнаго собранія лирики В. Гюго въ наше грустное время, когда о большинствѣ нашихъ молодыхъ начинающихъ поэтовъ можно только сказать, что они «бредутъ по житейской дорогѣ въ безразсвѣтной, глубокой ночи, безъ понятія о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи»... Мы убѣждены, что какъ нельзя болѣе яркою свѣчею можетъ послужить для нихъ этотъ поэтъ-гражданинъ, который въ продолженіи 65 лѣтъ своей литературной дѣятельности не переставалъ тѣсною и неразрывною связью сливаться со всѣми интересами, радостями и печалями своей дорогой родины, отзываться на каждое движеніе и вліяніе бурнаго вѣка, въ который ему пришлось жить и непрестанно быть горячимъ поборникомъ добра, правды и любви, защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и оскорбленныхъ и безпощаднымъ обличителемъ всяческаго зла. Поэтъ-гражданинъ и поэтъ-пророкъ—таковъ былъ неизмѣнный идеалъ, который В. Гюго стремился осуществлять въ продолженіи всей своей жизни, начиная съ его юношескихъ легитимистскихъ одъ и кончая тѣми чисто ювеналовскими бичами, которыми бичевалъ онъ съ береговъ Джерсея ненавистнаго узурпатора. Нужно окончательно потерять всякую совѣсть и всякій стыдъ, чтобы въ виду этого великаго примѣра доблестнаго служенія своей родинѣ и посвященія ей всецѣло дарованнаго Богомъ таланта, не чувствовать жалкаго ничтожества и постыднаго позора пресмыканія въ мутныхъ болотахъ всякаго рода декадентски-символическихъ стихоизліяній. Авось кого-либо изъ новѣйшихъ поэтовъ, имѣющихъ въ душѣ хоть малѣйшую искру Божію, великій французскій лирикъ увлечетъ своимъ славнымъ примѣромъ на свой благой и доблестный путь.

Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.*

Смѣло можно сказать, что никому изъ русскихъ писателей такъ не везло на критику, какъ Тургеневу. Имъ занимались не мало и за границей, а ужъ

у насъ и говорить нечего. О немъ вкривь и вкось, и прямо судили и рядили десятки критиковъ; даже въ послѣднее время, въ теченіе какого-нибудь года, о Тургеневѣ выходитъ вторая книга [1]),

Въ чемъ-же секретъ этого успѣха Тургенева у русскихъ критиковъ? Почему, напримѣръ, Толстымъ или Достоевскимъ занимаются гораздо меньше, чѣмъ Тургеневымъ? Разгадка намъ кажется вполнѣ естественной: Тургеневъ, во-первыхъ, гораздо доступнѣе, чѣмъ оба названные писателя. Во-вторыхъ, Тургеневъ больше, чѣмъ Толстой и Достоевскій, отвѣчалъ своими произведеніями извѣстнымъ характернымъ моментамъ въ русской жизни, запечатлѣвая ихъ въ живыхъ и яркихъ образахъ. «Широта художественныхъ обобщеній Тургенева, общечеловѣческое значеніе его типовъ, глубина идей, возбуждаемыхъ его образами,—составляютъ богатое умственное достояніе, котораго хватитъ на много поколѣній».

Въ названной книгѣ собраны статьи подъ слѣдующими заглавіями: «Базаровъ», «Довольно» и «Призраки», «Новый Соломинъ», Женскіе типы, Зинаида («Первая любовь»), Вѣра («Фаустъ»), Лиза («Дворянское гнѣздо»). По собственному признанію автора, задача его состояла въ томъ, «чтобы оттѣнить тѣ стороны творческаго дарованія Тургенева, которыя онъ считаетъ основными, и разобрать тѣ образы, имъ созданные, въ которыхъ его творческій геній выразился съ наибольшей силою и яркостью».

Эта задача выполнена г. Овсянико-Куликовскимъ безъ особенной глубины критическаго проникновенія, оригинальности и простоты; главное—простоты. О Тургеневѣ говорилось такъ много, что мудрено въ данномъ случаѣ сказать о немъ что-нибудь новое. Важенъ тотъ уголъ, подъ которымъ критикъ смотритъ на тѣ или другіе тургеневскіе образы, важны тѣ тонкія детали, которыя онъ такъ или иначе освѣщаетъ съ своей точки зрѣнія. И г. Овсянико-Куликовскому нельзя отказать въ наблюдательности, чуткости, а тѣмъ болѣе въ образованіи, но отсутствіе простоты почти безъ остатка затушевываетъ и эти качества его критической мысли.

Г. Овсянико-Куликовскій, насколько мнѣ извѣстно, является у насъ наиболѣе яркимъ выразителемъ метода научной критики. Методъ, само по себѣ разумѣется, похвальный, но, при отсутствіи настоящаго критическаго таланта, примѣненіе этого метода къ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ художественныхъ произведеній является очень рискованнымъ. Примѣръ тому самъ Овсянико-Куликовскій. Его многословныя, витіеватыя и историческія разглагольствованія, на пространствѣ 240 страницъ большого формата убористой печати, разглагольствованія, часто совершенно не относящіяся по существу къ разбираемому предмету, до послѣдней степени утомительны.

И все это написано такимъ, приблизительно, языкомъ [2]). «Безсмертная книга (Фаустъ Гете), во-первыхъ, трактуетъ объ ирраціональномъ въ природѣ человѣка: это ея сюжетъ, ея тема, ея задача; во-вторыхъ, она сама ирраціональна—по духу, характеру творчества, по исполненію.

---

[1]) Первая—«И. С. Тургеневъ». Ив. Ив. Иванова.

[2]) Беремъ на удачу отрывокъ изъ статьи о Фаустѣ.

«На вопросъ: что собственно аперцепцировано образомъ «Фауста»? Я бы отвѣтилъ такъ: ирраціональное въ душѣ человѣческой, какъ мыслящей, такъ и чувствующей, и притомъ разсматриваемое преимущественно въ его отношеніяхъ къ эгоистической и животной сторонѣ въ натурѣ человѣка».

Это-ль не цвѣты профессорской элоквенціи, а паипаче мудрости піитической?! И не кажется-ли вамъ, что передъ вами человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы почесать за ухомъ рукой, чешетъ ногой, потому что рукой почесать всякій съумѣетъ, а ногой — куда хитрѣе. А вотъ еще подобные же образчики такой хитрости изъ статьи критика о «Лизѣ», для объясненія ея религіозности:

«Этимъ началомъ («которое личность признавала бы наивысшимъ, абсолютнымъ, вѣчнымъ») можетъ быть или идея божества въ одной изъ ея историческихъ формъ, или идея космоса въ одной изъ ея философскихъ конценцій. Всегда, но въ разной мѣрѣ и въ различномъ смыслѣ, идея этого рода—мистична (или—«супра раціональна»), и потому и само психологическое тяготѣніе личности къ абсолютному началу легко можетъ получить (и въ большинствѣ случаевъ и получаетъ) въ сознаніи человѣка мистическую окраску; въ виду *супрараціональности* идеи Вѣчнаго, Безконечнаго, Безначальнаго, Безусловнаго, психологическая связь съ непознаваемымъ началомъ, которое за этою идеею скрывается, обыкновенно представляется человѣку *супра-натуральной*».

Затѣмъ авторъ вывертываетъ эту мысль на изнанку и расточаетъ такіе перлы:

«Когда человѣкъ пристально всматривается въ свое нравственное чувство и освѣщаетъ его свѣтомъ сознательной мысли, тогда эта сознательная мысль его обнаруживаетъ стремленіе увидѣть либо божество, либо космосъ,— откуда, между прочимъ, возникаетъ психологически обоснованное, но логически не обязательное умственное стремленіе приписывать самому нравственному началу супра-натуральное, или трансцендентальное *происхожденіе*».

Ну, развѣ это не похоже на чесаніе за ухомъ ногой! Съ этимъ профессорскимъ краснорѣчіемъ только г. Волынскій и можетъ конкуррировать своими головокрушительными словесными выкрутасами. Но г. Волынскому это такъ ужъ и на роду написано: его еще въ дѣтствѣ мамка закутывала въ пеленки риторики и піитическихъ бредней Тредьяковскаго, а къ профессору-то эта погоня за выкрутасами какъ-то не идетъ, тѣмъ болѣе, что, судя по нѣкоторымъ другимъ страницамъ его книги, онъ могъ бы выполнить свою задачу гораздо удовлетворительнѣе и проще.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. *Алексѣй Веселовскій.* 2-е переработанное изданіе. Моск. 1896 г.

Очерки «о западномъ вліяніи» впервые были напечатаны въ 1881—1882 гг. въ «Вѣстникѣ Европы» и были встрѣчены одними, какъ въ высокой степени отрадное литеротурное событіе, являющееся цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную сокровищницу, а другими, какъ явленіе печальное, нѣкоторымъ образомъ даже оскорбительное и обидное для величія и славы русскаго имени. Вряд-ли при-

ходится объяснять подробно читателямъ, что послѣдняя точка зрѣнія принадлежала нашимъ не настоящимъ, а квасным патріотамъ. Г. Веселовскій, видите-ли, по ихъ мнѣнію, посягнулъ будто бы на самобытность русскаго народа, на самостоятельность его историческаго развитія и даже вѣковыхъ устоевъ. Согласно ученію этихъ господъ, русскій народъ вышелъ совершенно уже готовымъ изъ головы Юпитера, подобно Палладѣ-Аѳинѣ, и создалъ, независимо отъ западныхъ сосѣдей, свою самобытную прекрасную литературу; авторъ же «западнаго вліянія» вполнѣ научно, а слѣдовательно, спокойно и объективно, съ фактами въ рукахъ, показалъ, что русское просвѣщеніе шло обычнымъ у всѣхъ европейскихъ народовъ путемъ и находилось постоянно подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ культурныхъ началъ своихъ старшихъ историческихъ братьевъ—нѣмцевъ, поляковъ, французовъ, англичанъ. Въ фактѣ этого воздѣйствія г. Веселовскій по всей справедливости «видитъ не позоръ, не рабство, не безличность, а свободное пользованіе правомъ культурнаго дѣятеля, получившее даже психологическое оправданіе въ такихъ трудахъ, какъ книга Тарда о «Законахъ подражанія», прослѣженнаго авторомъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, общественной, политической, научной, художественной. Если у народа есть жизненная сила, вліянія и заимствованія не только не убьютъ въ немъ самостоятельности, но вызовутъ эту силу на свободное состязаніе, а для народа неопытнаго, отставшаго послужатъ школой, въ которой окрѣпнетъ его самодѣятельность».

Вотъ эта-то вполнѣ научная, просвѣщенная точка зрѣнія, положенная въ изображеніе путей развитія русской литературы, и оскорбила нашихъ квасныхъ патріотовъ. Вѣроятно, вышедшая третья переработанная и дополненная редакція замѣчательной работы г. Веселовскаго вызоветъ и нынѣ нареканія на автора: вѣдь мы, какъ то было и 15 лѣтъ тому назадъ, и раньше, опять стараемся заявить себя очень самобытными и усиленно сторонимся тлетворнаго вліянія Запада. Московскій профессоръ во всеоружіи знанія всесторонне и пространно отмѣчаетъ, какъ въ историческомъ ходѣ развитія нашихъ литературныхъ связей съ Европой замѣчаются два характеристическія явленія, повторяющіяся съ систематической правильностью. «Съ одной стороны мы видимъ,—говоритъ онъ,—какъ бы волнообразное распространеніе идей, ученій и школъ, идущее изъ умственныхъ центровъ Запада, раньше и сильнѣе отражающееся на болѣе близкихъ къ нимъ мѣстностяхъ и разбивающееся въ мелкія брызги у нашего берега». Съ другой стороны, мы наблюдаемъ слѣдующее: «Вступая на ту часть пути, которая только что оставлена была нашими предшественниками, мы переживали затѣмъ тѣ же стадіи, черезъ которыя они сами проходили, и это совершалось не вслѣдствіе рабской подражательности, но въ силу нормальнаго хода народнаго развитія, повторяющагося при одинаковыхъ условіяхъ». Г. Веселовскій начинаетъ свое изслѣдованіе съ древнѣйшихъ временъ и прослѣживаетъ сначала бѣгло, какъ отразились иноземныя вліянія на нашемъ бытовомъ эпосѣ, а затѣмъ уже болѣе обстоятельно останавливается на судьбѣ нашей письменной литературы XVI вѣка. Отмѣтивъ, затѣмъ, гдѣ и какъ отразилось западное вліяніе на нашей литературѣ въ эпохи Петра, Елизаветы, Екатерины, г. Веселовскій вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что большинство тогдашнихъ произведеній оте-

чественной словесности или непосредственно заимствовано, или даже по просту скопировано съ образцовъ западно-европейскихъ.

Продолжая свои остроумныя сопоставленія образцовъ отечественной литературы съ таковыми же нѣмецкими, французскими и англійскими, авторъ устанавливаетъ и для первой половины XIX ст. аналогичную нашу связь съ просвѣтительными теченіями на Западѣ. Его анализъ творчества Пушкина, Лермонтова и въ особенности Гоголя можетъ быть названъ воистину блестящимъ. Послѣднія страницы изслѣдованія посвящены дѣятельности Бѣлинскаго, развитію нашей журналистики, славянофильской школы, движенію научнаго знанія.

Въ заключеніе нашего отзыва о книгѣ проф. Веселовскаго, считаемъ долгомъ отмѣтить, что она является не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но, написанная легкимъ слогомъ, красиво и мѣстами съ пафосомъ, книга эта представляетъ собою чрезвычайно интересное чтеніе, которое доставитъ истинное удовольствіе не только спеціалисту, но всякому образованному человѣку, интересующемуся судьбами отечественной культуры. Желательно, чтобъ «Очерки» г. Веселовскаго были особенно рекомендованы нашими программами по самообразованію и домашнему чтенію, а также, чтобъ они проникли въ среду воспитанниковъ учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ и среднихъ.

II. Исторія. Общественныя науки. Публицистика.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ *Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо.* Томъ первый. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1897 г.

Наша историческая литература пока еще очень бѣдна трудами по всеобщей исторіи, не только оригинальными, но даже переводными, не смотря на то, что мы имѣемъ капитальный, но не многимъ доступный и слишкомъ спеціальный трудъ Вебера, университетскіе курсы профессоровъ Карѣева, Осокина и др., нѣсколько хорошихъ спеціальныхъ монографій и т. д. Переводъ «Всеобщей исторіи», выходящей во Франціи подъ редакціей извѣстныхъ профессоровъ Лависса и Рамбо, является поэтому въ настоящее время какъ нельзя болѣе умѣстнымъ.

Вышедшій надняхъ первый томъ этого изданія обнимаетъ періодъ отъ IV по XII вѣкъ и представляетъ собой нѣчто вродѣ исторической хрестоматіи. Книга состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ главъ — статей, составленіемъ которыхъ занимались отдѣльные ученые, спеціально изучавшіе тѣ или другіе періоды исторіи. Несомнѣнно, что такой планъ изданія имѣетъ за себя очень много, такъ какъ, говоря словами редакторовъ, даетъ возможность соединить два достоинства—единство плана и разнообразіе талантовъ. Кромѣ того, такой планъ какъ бы ручается за то, что книга будетъ заключать въ себѣ итоги, представитъ собой послѣднее слово науки. За то же ручаются и авторитетныя имена ученыхъ Байе, Бемона, Бертело, Дени, Ланглуа, Лависса и др., которыми составленъ настоящій томъ.

Другую особенность этого коллективнаго труда представляетъ собой основной принципъ, котораго придерживаются какъ редакторы, такъ и привлекаемые къ дѣлу сотрудники. Принципъ этотъ заключается въ томъ, чтобы дать внутреннюю культурную исторію человѣчества, выдвинуть на первый планъ тѣ факты, которые, по выраженію Вольтера, «касаются нравовъ и духа націй», опустивъ мелкія, второстепенныя подробности, описанія и перечни сраженій, наименованія перемирій и т. д. Всѣ эти подробности, имѣющія значеніе матерьяла и несомнѣнно важныя для ученыхъ спеціалистовъ, совершенно неумѣстны въ общихъ курсахъ, такъ какъ нетолько ничего не уясняютъ, но даже заслоняютъ общій фонъ картины. Изъ русскихъ ученыхъ болѣе другихъ придерживается этого принципа профессоръ Н. И. Карѣевъ, и три тома его «Исторіи новыхъ вѣковъ» служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что принципъ этотъ не только можетъ быть осуществленъ, но что осуществленіе его чрезвычайно полезно. Первый томъ «Всеобщей исторіи» Лависса и Рамбо подтверждаетъ то же самое. Передъ нами цѣлый рядъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ личностей, разнообразныхъ культурныхъ теченій. Вниманіе читателя нигдѣ не отвлекается батальной и дипломатической исторіей. Онъ нигдѣ не видитъ черновой работы изслѣдователя и только усваиваетъ себѣ его выводы. Въ этомъ заключается немаловажная заслуга названной книги.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи научной стороны книги, такъ какъ, съ одной стороны, за удовлетворительность ея въ этомъ отношеніи ручаются имена ученыхъ, принявшихъ участіе въ ея составленіи, а съ другой—этого не позволяютъ и самые размѣры библіографической замѣтки. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о переводѣ. Г. Невѣдомскій вполнѣ опытный переводчикъ и съ внѣшней стороны его переводъ не заслуживаетъ никакихъ упрековъ. Единственно, что можно было бы высказать лишь въ смыслѣ пожеланія, это дополненіе библіографическихъ указаній на литературу предмета—ссылками на труды русскихъ ученыхъ. Это имѣло бы большое значеніе для русскаго читателя, тѣмъ болѣе, что у русскихъ изслѣдователей найдется не мало цѣнныхъ монографій по всеобщей исторіи. Такъ, напримѣръ, среди иностранныхъ трудовъ, указанныхъ издателями для болѣе спеціальнаго ознакомленія съ временемъ извѣстнаго папы Герберта, было бы нетолько полезно, но даже необходимо отмѣтить капитальный трехтомный трудъ профессора Бубнова «Сборникъ писемъ Герберта», который внесъ много совершенно новаго для характеристики этого важнаго времени. Среди источниковъ для исторіи Польши указывается, напримѣръ, книга Бобржинскаго (а не Бобрзинскаго, какъ онъ названъ переводчикомъ), но ничего не говорится о томъ, что книга эта существуетъ также въ русскомъ переводѣ профессора Н. И. Карѣева. По исторіи Византіи—не указаны труды русскихъ ученыхъ В. Г. Васильевскаго, проф. Н. Успенскаго, Х. М. Лопарева, которые, однако, занимаютъ очень видное, если не первое мѣсто среди византистовъ. Конечно, все это лишь desiderata. Хорошо было бы, еслибы этотъ пробѣлъ въ послѣдующихъ томахъ былъ исправленъ, но и безъ этого даже они будутъ имѣть очень большое значеніе.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе *Г. Д. Трайля.* Томъ I. Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. Переводъ съ англійскаго Л. Ч. подъ редакціей *П. Николаева.* Изданіе *К. Т. Солдатенкова.* Цѣна 3 рубля. Москва 1896 г.

Изданіе Трайля, четвертый томъ котораго уже вышелъ на англійскомъ языкѣ [1]), переводится теперь на русскій, и мы уже имѣемъ первый томъ этого перевода. По мысли редактора, сборникъ долженъ дать историческій очеркъ религіи, законодательства, образованія, искусства, промышленности, торговли, науки, литературы и нравовъ отъ древнѣйшей эпохи до настоящаго времени. Нельзя не согласиться, что это намѣреніе Трайля достойно само по себѣ полнаго сочувствія. Исторія Англіи разработана такъ полно и такъ хорошо, какъ, можетъ быть, ни одна другая. Исторіей англійской конституціи занимались такія лица, какъ Галламъ, Эрскинъ Мэй, Ранке, Гизо, Мэкинтошъ, Стеббсъ, Кризи (Creasy) и цѣлая масса другихъ, менѣе блестящихъ, но столь же внимательныхъ, осторожныхъ и неутомимыхъ тружениковъ науки. Общая политическая исторія Англіи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, также издавна привлекала къ себѣ вниманіе множества изслѣдователей, перечислить которыхъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ не проходило, кажется, пятилѣтія отъ самаго начала XIX вѣка, когда бы не появился ученый трудъ, касающійся либо всей исторіи Англіи, либо отдѣльной ея эпохи. Послѣ тщательныхъ работъ Вальполя, Паули, Лекки, Фроуда Гардинера, Мэсси, работъ, подведшихъ итоги всему, что было сдѣлано до нихъ, давшихъ, въ свою очередь, цѣлую массу новыхъ фактовъ и установившихъ совершенно новые обобщающіе взгляды на историческія судьбы англійскаго народа,—прошлое Англіи было освѣщено замѣчательно ярко и безукоризненно научно. Мало того. Та часть исторической науки, которая, безспорно, является самой захудалой и неудовлетворительной во всѣхъ, безъ исключенія, остальныхъ странахъ, именно разработка экономической исторіи въ Англіи поставлена значительно лучше. Исторія общественныхъ и частныхъ нравовъ, идейной жизни—разработана также замѣчательно хорошо и даетъ много матерьяла для научныхъ сближеній.

Конечно, нельзя въ немногихъ строкахъ даже самыми общими штрихами очертить всю полноту и разработанность англійской исторіографіи; достаточно напомнить, что исторія Англіи выяснена теперь вполнѣ детально и разносторонне. Трайль задался цѣлью дать въ своемъ сборникѣ рядъ компиляцій, составленныхъ по важнѣйшимъ трудамъ современныхъ историковъ. Его изданіе, повидимому, предназначено для такъ называемой большой публики, которая получаетъ возможность познакомиться съ исторіей Англіи, не давая себѣ труда изучать объемистыя изслѣдованія, положенныя сотрудниками Трайля въ основу ихъ очерковъ. Тотъ, кто возьмется за эту книгу съ цѣлью найти въ ней новые факты или новое освѣщеніе уже извѣстныхъ данныхъ, будетъ въ большинствѣ случаевъ горько разочарованъ: кромѣ прекраснаго очерка Крейтона о народномъ здравіи, такой требовательный читатель не найдетъ въ книгѣ ничего ориги-

[1]) «Social England». Ed. by H. D. Traill. London. 1895. Vol. IV.

нальнаго. Но, какъ бѣглый, общій обзоръ исторіи англійскаго народа въ первые вѣка его жизни, разсматриваемая книга несомнѣнно хороша: ея изложеніе толково, ясно, а иногда и красиво, ея содержаніе очень интересно и полно. Очеркъ, посвященный англійской церкви и составленный Маудомъ, исторія литературы, принадлежащая перу Гитса, и уже упомянутая статья Крейтона—вотъ лучшія во всѣхъ отношеніяхъ части перваго тома Трайлевскаго изданія. Переводъ хорошъ, книга читается легко, и если она найдетъ себѣ не особенно большой сбытъ въ нашей читающей публикѣ, то развѣ вслѣдствіе слишкомъ дорогой цѣны.

Женщина передъ судомъ современной науки. *Жакъ Лурбе.* Переводъ съ французскаго *Е. А. Предтеченскаго. Изданіе Ф. Павленкова.*

Книжка Ж. Лурбе заключаетъ въ себѣ не мало интереснаго, такъ что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на ней нѣсколько подольше. Авторъ, безусловный сторонникъ полной свободы женщины, поставилъ себѣ цѣлью разсмотрѣть всѣ тѣ новѣйшіе научные доводы, которые яко бы вполнѣ доказываютъ непоправимую умственную слабость женщины, по сравненію съ мужчиною. Чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ и объективнымъ, авторъ рѣшился изслѣдовать факты, собранные лишь мужчинами, устранивши совершенно все то, что сдѣлано женщиною, всѣ тѣ аргументы, которые привела женщина въ пользу своей равноправности съ мужчиною, какъ бы ни были велики ихъ сила и краснорѣчіе.

При возникновеніи человѣческихъ обществъ, говоритъ авторъ, преобладали двѣ сильныя потребности: индивидуальное самосохраненіе рода и продолженіе рода. Въ борьбѣ за удовлетвореніе этихъ потребностей мужчина, благодаря своей физической силѣ, получаетъ несомнѣнное превосходство надъ женщиной. Пользуясь этимъ превосходствомъ, мужчина создаетъ необычайно благопріятныя условія для всесторонняго своего развитія: чувствуя себя сильнымъ и независимымъ, онъ еще болѣе укрѣпляетъ свои физическія силы и развиваетъ умъ. Совершенно иныя условія окружаютъ женщину. Поставленная въ глубокой древности, вслѣдствіе своей относительной физической слабости, въ положеніе, вполнѣ зависимое отъ мужчины, она понемногу привыкаетъ къ этому положенію безправія, привыкаетъ, чтобы ея желанія осуществлялись, лишь преломившись сквозь призму пониманія мужчины. Понемногу она начинаетъ жить лишь сердцемъ и чувствомъ, оставивъ область разсудочности всецѣло въ пользованіе своего сильнаго сотоварища.

Между тѣмъ время несетъ съ собою новыя и новыя открытія въ области науки и техники, которыя сводятъ къ нулю значеніе мускульной силы, ложившейся прежде въ основаніе всего; но, не смотря на свое ничтожное фактическое значеніе, въ умахъ людей она продолжаетъ считаться важнымъ двигателемъ общественной жизни и на ней продолжаетъ строиться большая часть возраженій противъ свободы и равноправности женщинъ. Посмотрѣвъ объективно на современную жизнь, легко придти къ заключенію, что этотъ взглядъ на значеніе физической силы есть не болѣе, какъ вѣками вкорененный въ умы людей предразсудокъ и что то время, когда превосходство физической силы составляло залогъ для побѣды въ борьбѣ за существованіе, безвозвратно прошло: сама физическая сила, какъ таковая, не играетъ въ современной жизни сколько-нибудь значительной

роли. Но не связывается-ли съ физическимъ превосходствомъ мужчины надъ женщиною и превосходство умственное? Авторъ полагаетъ, что этого необходимаго соотвѣтствія нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, оно не было до сихъ поръ открыто, ибо «ничто еще не доказываетъ, чтобы нервная энергія была пропорціональна мышечной силѣ, и, конечно, еще менѣе знаемъ мы о томъ, есть-ли какое соотношеніе между мышечной силой и силой ума». Изученіе біографій великихъ людей показываетъ намъ, что большая часть геніевъ мысли не отличалась тѣлесной силой, а наоборотъ, отличалась крайней слабостью. Изъ всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ, возьмемъ самый ближайшій къ намъ: недавно умершаго Пастёра, на геніѣ котораго, казалось, вовсе не отразилось даже вліяніе апоплексическаго удара, ибо «съ этого времени его изобрѣтательный геній началъ горѣть самымъ яркимъ блескомъ».

И такъ, между мышечной силой и силой ума нельзя установить никакой пропорціональности. Но нельзя-ли привести умственную силу въ какое-нибудь соотвѣтствіе съ степенью чувствительности? По этому вопросу мы наталкиваемся въ наукѣ на странное противорѣчіе. Одни говорятъ: такъ какъ женщина чувствительнѣе мужчины, то она умственно ниже его. Наоборотъ, другіе утверждаютъ, что «чѣмъ чувствительнѣе нормальное существо, тѣмъ оно выше въ умственномъ отношеніи; степень чувствительности,—говорятъ они,—является мѣриломъ способности приспособленія къ средѣ», а жизнь есть постоянное приспособленіе къ средѣ; слѣдовательно, чѣмъ скорѣе индивидъ приходитъ въ равновѣсіе съ окружающимъ, тѣмъ онъ разумнѣе. Такимъ образомъ, сколько-нибудь опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса наука не даетъ; слѣд., нѣтъ никакого основанія строить на этой зыбкой почвѣ доказательства относительной умственной слабости женщины.

Возражая далѣе тѣмъ ученымъ, которые думаютъ найти точное соотвѣтствіе умственной силы съ объемомъ или вѣсомъ мозга, съ сложностью мозговыхъ извилинъ, авторъ полагаетъ, что современное состояніе психологіи и физіологіи мозга не даетъ никакого права утверждать наличность такого соотвѣтствія. Но, прежде всего, подлежитъ еще сомнѣнію, что мозгъ женщины относительно менѣе по вѣсу, чѣмъ мозгъ мужчины. Въ наукѣ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, служитъ-ли ростъ животнаго показателемъ объема или вѣса мозга. Одни, какъ, напр., Топинаръ, полагаютъ, что «животныя малаго роста, въ видѣ общаго правила, обладаютъ большимъ мозгомъ, а, напротивъ, большія животныя имѣютъ малый мозгъ»; другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что вѣсъ мозга сравнительно больше у лицъ высокаго роста, чѣмъ у лицъ низкаго роста. Но, допустимъ даже, что женщина обладаетъ относительно меньшимъ по вѣсу или по объему мозгомъ, чѣмъ мозгъ мужчины; даетъ-ли это право констатировать относительную умственную слабость женщины? Научныя изслѣдованія показываютъ, напр., что часто объемъ мозга малокультурныхъ народовъ или умственно слабыхъ расъ оказывается не меньшимъ, чѣмъ мозгъ народовъ культурныхъ или расъ умственно сильныхъ. Взвѣшиваніе мозговъ даетъ подобные же результаты: оказывается, что великіе люди часто обладали малымъ по вѣсу мозгомъ, и, наоборотъ, люди ничѣмъ себя не заявившіе, имѣли очень тяжелый мозгъ. Существованіе подобныхъ фактовъ дѣлаетъ, по мнѣнію

автора, по крайней мѣрѣ, несвоевременнымъ рѣшеніе вопроса, есть-ли какое-нибудь точное соотвѣтствіе между вѣсомъ или объемомъ мозга и умственной силой животнаго, и невозможнымъ умозаключать, отъ подобныхъ недоказанныхъ еще положеній, объ умственной слабости женщины.

Далѣе авторъ обращается къ одному изъ самыхъ важныхъ доводовъ, приводимыхъ противъ свободы и равноправности женщины. Говорятъ: материнскія обязанности уменьшаютъ умственную силу женщины, ибо развитіе зародыша и вообще заботы о племени требуютъ, во время беременности, заимствованія очень большого запаса энергіи у другихъ существенныхъ функцій организма. Авторъ полагаетъ, что это положеніе въ настоящее время не можетъ быть научно обосновано. Пока, полагаетъ авторъ, не доказано, что женщина расходуетъ половой энергіи болѣе, чѣмъ мужчина, пока не доказанъ антагонизмъ между умственною и половою жизнью, «объявлять, что женскій полъ долженъ оставаться умственно ниже мужского, вслѣдствіе вскармливанія дѣтей, или вообще заботъ о племени, значитъ, выводить это убѣжденіе не изъ экспериментальной науки, а изъ подозрительныхъ внушеній мужского чувства».

И такъ, наука не доказываетъ убѣдительно прирожденной умственной слабости женщины. Между тѣмъ, для безостановочнаго и быстраго прогресса, человѣчеству необходимо эксплоатировать полностью всѣ свои силы; тѣ задачи, которыя оно теперь себѣ ставитъ, такъ велики и многосложны, что лишь полная работа всѣхъ наличныхъ силъ можетъ осуществить ихъ; при этомъ женщина можетъ «влить новую и уже неистощимую энергію въ мысль».

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе небольшой, но очень интересной книжки Ж. Лурбе и тѣ доводы, которые заставляютъ автора въ концѣ книжки выставить своимъ девизомъ слова: «Полная свобода для женщины».

Наиболѣе прогрессивные люди нашего времени уже давно пришли къ такому же заключенію, и въ передовыхъ странахъ Европы, а особенно за Атлантическимъ океаномъ, уже многое сдѣлано на пути къ свободному развитію женщины. Пользуясь тѣмъ, что ей дано (а дано даже въ этихъ передовыхъ странахъ еще очень немного), женщина уже съумѣла проявить столько ума и жизненной энергіи, такъ заявила себя во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества, что непредубѣжденный наблюдатель долженъ согласиться, что въ будущемъ ей принадлежитъ громадная роль.

Рекомендуя книжку Ж. Лурбе читающей публикѣ, мы думаемъ, что она заставитъ призадуматься нѣкоторыхъ противниковъ женской свободы и дастъ возможность читателю сознательно отнестись къ большей части «научныхъ» положеній, съ удивительнымъ аппломбомъ выставляемыхъ разнаго рода фельетонистами.

Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края. Составилъ *П. Голубевъ*. Изданіе вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1896 г.

То, что наша земская статистика даетъ обширный и разнообразный матерьялъ для изученія народнаго быта, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но

только статистика эта обладаетъ весьма существенными недостатками—громоздкостью и неразработанностью, что служитъ не маловажнымъ препятствіемъ для популяризаціи ея богатыхъ выводовъ. Въ виду этого, попытки систематизировать и сопоставлять данныя земской статистики, идейно освѣщать ихъ, влагать въ нихъ, такъ сказать, духъ живой—не могутъ не вызывать сочувствія. Лежащее передъ нами изданіе вятскаго земства является одною изъ такого рода попытокъ, правда—*частичной*. Оно имѣетъ цѣлью представить «историко-статистическій *сводъ* матерьяла по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ народно-государственнаго и общественнаго хозяйства и культуры» мѣстнаго края и—съ внѣшней стороны—состоитъ изъ многочисленныхъ таблицъ, къ сожалѣнію, *лишенныхъ всякихъ объясненій и комментаріевъ*. Хотя авторъ и заявляетъ, что самой системой расположенія таблицъ онъ хотѣлъ облегчить читателю, «даже непричастному къ статистикѣ», пользованіе матерьяломъ и тѣмъ предоставить возможность дѣлать отсюда умозаключенія, но намъ представляется, что такой «непричастный» читатель испугается несмѣтнаго воинства цифръ, хотя и стоящаго въ стройныхъ рядахъ, и... быстро закроетъ книжку: молчащій языкъ цифръ краснорѣчивъ не для всякаго. А между тѣмъ таблицы сборника заключаютъ въ себѣ массу дорого стоющаго и не дешево пріобрѣтеннаго матерьяла, захватывающаго почти тридцатилѣтіе (1867—1895 гг.); достаточно просмотрѣть одну номенклатуру, гдѣ, между прочимъ, значится: «метеореологія», «населеніе», «земледѣліе», «скотоводство», «народное продовольствіе», «страхованіе», «окладные сборы и недоимки», «отхожій промыселъ», «фабрично-заводская промышленность», «торговля и кредитъ», «земское и городское хозяйство», «начальное образованіе», «грамотность населенія», «преступность», наконецъ «сравнительныя данныя по 50 губерніямъ Россіи за 1862—1894 гг...» И все-таки, повторяемъ, почтенный трудъ составителя сборника много теряетъ отъ отсутствія текста (если не считать краткихъ «примѣчаній», указывающихъ на источники—земскіе или оффиціальные, иногда на исторію вопроса). Исключеніемъ здѣсь является лишь статья, трактующая о народномъ образованіи въ губерніи. Ея авторъ (г. Малышевъ), главнымъ образомъ, пользовался спеціальными отчетами инспекціи народныхъ училищъ, почти не прибѣгая къ докладамъ управъ для земскихъ собраній, располагающимъ всегда живыми иллюстраціями положенія школьнаго дѣла. Мы приведемъ изъ статьи, а частью изъ таблицъ, нѣсколько фактовъ, въ качествѣ характеристики вліянія земствъ на ходъ дѣла народнаго образованія. Вятскія земства, получивъ въ 1867 г. въ наслѣдіе отъ правительства 212 сельскихъ училищъ, уже черезъ годъ увеличили ихъ численность до 307, а къ 1874 г. — до 416. Количество земскихъ школъ возрастало, однако, лишь до начала 80-хъ гг. и затѣмъ остановилось, какъ бы показывая, что дѣятельность земствъ на пользу просвѣщенія подошла къ границѣ возможнаго. Такъ, средне-годичное число школъ равнялось:

1875—1879 гг.	1880—1884 гг.	1885—1889 гг.	1890—1894 гг.
462	501	506	502

Но если въ дѣлѣ устройства школъ нѣтъ правильнаго поступательнаго движенія, то количество учащихся дѣтей растетъ непрерывно и сильно, доходя по

тѣмъ же періодамъ соотвѣтственно до 27.221, 34.862, 40.626 и до 44.449. Принявъ во вниманіе, что земство въ 1867 г. застало въ оффиціальныхъ школахъ всего 7.636 учениковъ, нельзя не признать, что довѣріе населенія къ новой школѣ, чуждой формализма прежней, шло прогрессивно и обмануто не было. На 1 учащагося мальчика и учащуюся дѣвочку приходилось:

	1868 г.	1874 г.	1881—1883 гг.	1891—1893 гг.
мужчинъ. . .	126	63	45	40
женщинъ . .	995	300	240	180

То же подтверждается и цифрами, выражающими величину грамотности новобранцевъ: соотвѣтствующій средній процентъ этой грамотности для періода 1874—79 гг. составлялъ 22,7, для 1880—84 гг.—29,1, для 1885—89 гг.—36,4, а для періода 1890—94 гг. уже 57,6. Такіе результаты достигнуты школою не одного только типа. Земства постоянно сознавали недостаточность заботъ, направленныхъ на устройство и поддержаніе собственныхъ школъ и старались придти на помощь церковно-приходскимъ и частнымъ-крестьянскимъ, и къ тому же, задолго до той поры, когда на послѣднія обратило свое вниманіе правительство; иныя, впрочемъ, немногія, земства допускаютъ здѣсь даже крайности, закрывая свои и помогая стороннимъ училищамъ, соблазняясь дешевизной распространенія грамотности, но упуская изъ виду качественную сторону дѣла. Какъ благодаря субсидіямъ со стороны земства, болѣе чѣмъ въ три раза превышающимъ оффиціальныя издержки, такъ и вслѣдствіе ограниченности школъ земскихъ, которыя далеко не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться, число церковно-приходскихъ училищъ расширяется съ 105-ти въ 1881—83 гг. до 455 въ 1890—92 гг., при чемъ гораздо значительнѣе возрастаетъ въ нихъ контингентъ учащихся — съ 2.795 до 15.159. Преобладающее значеніе имѣютъ все-таки свѣтскія школы: въ 1893 г. *503* земскихъ и министерскихъ училища вмѣщали въ себѣ *48.591* чел., между тѣмъ какъ 858 церковно-приходскихъ—*28.184* чел., что, впрочемъ, неудивительно уже a priori, такъ какъ стоимость первыхъ (394 т. р.) превышала за то же время въ пять слишкомъ разъ стоимость (70 т. р.) церковно-приходскихъ, *не смотря на ихъ количественное превосходство.* Поддерживало земство и школы грамотности, которыхъ къ 1889 г. возникло 94, а къ 1895 г.—уже 503. Являясь продуктомъ иниціативы самого населенія въ области образованія, названныя школы своимъ ростомъ обнаруживаютъ степень стремленія крестьянъ къ грамотности, а также недостатокъ въ губерніи правильныхъ школъ. Однако, изъ постановленій вятскихъ собраній послѣдней сессіи видно, что земства разочаровываются, наконецъ, въ пользѣ школъ неорганизованныхъ и готовы на многое, лишь бы замѣнить ихъ нормальными. Дѣло въ томъ, что народъ не удовлетворяется болѣе нищенской грамотностью и предъявляетъ запросы на высшее развитіе. Чтобы отвѣтить на нихъ, земства уже кое-что пытаются дѣлать посредствомъ учрежденія сельскихъ библіотекъ. Послѣднія начали появляться въ концѣ 80-хъ гг., а въ текущемъ десятплѣтіи привлекаютъ все больше земскихъ средствъ и усилій. Въ 1894 г. ихъ насчитывалось уже 65; кромѣ того, въ нынѣшнемъ году губернскимъ земствомъ разослано по сельскимъ обществамъ 3.000 небольшихъ библіотечекъ (до 5 р.

каждая). Къ несчастью, организація этого дѣла встрѣчаетъ, среди другихъ, главнѣйшее препятствіе—въ ограниченности выбора «разрѣшенныхъ» изданій.

«Въ теченіе своего двухлѣтняго существованія,—говоритъ одинъ библіотекарь,—библіотека не только не завоевала себѣ сочувствія населенія, но какъ бы подорвала къ себѣ довѣріе: на нее стали смотрѣть, какъ на что-то дѣтское, ученическое; взрослыхъ подписчиковъ почти совсѣмъ не стало въ библіотекѣ. Причина такого грустнаго явленія заключается въ томъ, что библіотека не удовлетворяла требованіямъ подписчиковъ ни количествомъ, ни подборомъ книгъ, имѣющихся въ ней».

Производительныя силы Россіи. Краткая характеристика различныхъ отраслей труда—соотвѣтственно классификаціи выставки. Сост. подъ общей редакціей *В. И. Ковалевскаго*. Изданіе министерства финансовъ.

Главная цѣль помѣщенныхъ въ этой книгѣ обозрѣній, по словамъ редактора ея, заключается въ томъ, чтобы отмѣтить успѣхи въ той или другой области русскаго творчества и труда со времени московскай выставки, т.-е., приблизительно, за 14-ть лѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить ознакомленіе съ представленными на нижегородскую выставку предметами. Въ этихъ видахъ обзоры составлены «сжато, общедоступно» и «безъ обилія историческихъ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ». Почти всѣ они принадлежатъ болѣе или менѣе извѣстнымъ спеціалистамъ. Сельскому хозяйству и близко соприкасающимся съ нимъ отраслямъ труда отведено въ разсматриваемомъ отдѣлѣ болѣе 300 страницъ. Отдѣлъ собственно сельскаго хозяйства составленъ нѣсколькими авторами подъ общей редакціей Д. П. Семенова, предпославшаго ему общій очеркъ въ формѣ введенія. Здѣсь онъ вычисляетъ, между прочимъ, что средняя производительность хлѣбовъ въ Россіи достигаетъ 29 пуд. на человѣка въ годъ. Эта цифра, по его мнѣнію, «свидѣтельствуетъ о значительныхъ нашихъ хлѣбныхъ избыткахъ». Такой выводъ плохо, однако, вяжется съ приводимыми ниже фактами, изъ которыхъ видно, что около трети добываемаго зерна уходитъ за границу и на обсѣмененіе полей и что, слѣдовательно на потребленіе едва-ли останется больше 19 пуд. на человѣка. Такая цифра, въ качествѣ продовольственной нормы, уже низка, а если отъ нея отнять то, что идетъ на выдѣлку хлѣбнаго спирта и на другія производства, а также на кормъ скота, то вмѣсто «избытковъ» получатся уже крупные недочеты, которыхъ, какъ общаго явленія, г. Семеновъ, повидимому, не желаетъ признавать. Что же касается крестьянъ, то и онъ сознаетъ, что они «далеко не повсюду обезпечены своимъ собственнымъ хлѣбомъ въ продовольственномъ отношеніи». Эти факты могли бы послужить хорошей канвой для изображенія дѣйствительнаго положенія нашего сельскаго хозяйства, но г. Семеновъ, вѣроятно, для краткости изложенія, о которомъ заботился главный редакторъ изданія, совершенно не воспользовался ими. Онъ предпринялъ дальше неблагодарный трудъ доказать солидарность интересовъ частновладѣльческаго хозяйства съ крестьянскимъ. Попытка эта, разумѣется, не удалась, а очеркъ почтеннаго автора только проигралъ отъ нея. Интересно заявленіе г. Семенова, что «выставка собственно важнѣйшихъ продуктовъ земледѣлія и въ особенности

зерновыхъ не можетъ сообщить впечатлѣнія, вполнѣ соотвѣтствующаго ихъ значенію». И. И. Мещерскій даетъ въ томъ же отдѣлѣ очеркъ ученой и учебной дѣятельности по сельскому хозяйству. Изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, между прочимъ, видно, что къ началу прошлаго года у насъ состояло до 115 сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній съ 3.800 учащихся и съ годовымъ расходомъ на нихъ только отъ казны болѣе чѣмъ въ 776 тыс. руб. Къ сожалѣнію, эти цифры слишкомъ общи и не разрѣшаютъ очень важнаго и интереснаго вопроса о стоимости низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, школы эти слишкомъ дороги, такъ какъ стоимость годового обученія въ нихъ одного ученика нерѣдко равняется стоимости цѣлой начальной школы. Мнѣніе это очень распространено и не мало препятствуетъ популярности низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, напр., въ земской средѣ. Между тѣмъ г. Мещерскій ничего не даетъ для провѣрки его. Сообщивъ общую цифру казеннаго расхода на всѣ сельскохозяйственныя учебныя заведенія, онъ не привелъ расходовъ на нихъ ни земствъ, ни сельскохозяйственныхъ обществъ, ни частныхъ лицъ. Очевидно, и онъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы обзоръ былъ краткій, сжатый и «безъ обилія данныхъ». Говоря объ опытныхъ станціяхъ и поляхъ, однако, и онъ успѣлъ заявить, что экспонаты ихъ, «за немногими исключеніями, не могутъ служить пока мѣриломъ того, что достижимо въ подобныхъ учрежденіяхъ». Очеркъ горнаго дѣла и металлургіи, которыми занято у насъ 465 тыс. человѣкъ, вырабатывающихъ предметовъ на сумму въ 149,2 мил. руб., составилъ инженеръ С. Н. Кулибинъ. Воспѣвая наши успѣхи въ этихъ производствахъ, особенно со времени увеличенія таможенныхъ пошлинъ, онъ, однако, имѣетъ мужество сознаться, что не все въ этой области обстоитъ благополучно. Такъ, несмотря на то, что наши запасы поваренной соли могли бы, по своимъ размѣрамъ, удовлетворить потребностямъ всей Европы, мы все-таки продолжаемъ получать соль изъ-за границы. Этотъ фактъ г. Кулибинъ объясняетъ тѣмъ, «что всѣ наши важнѣйшія соляныя богатства сосредоточиваются на восточныхъ и южныхъ окраинахъ Европейской Россіи, которыя до послѣдняго времени не имѣли правильныхъ путей сообщенія». При этомъ распредѣляется соль крайне неравномѣрно: «соляные рынки Европейской Россіи насыщены солью; между тѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири соль составляетъ едва не лакомство». Затѣмъ, оказывается, что и желѣза добываютъ у насъ недостаточно. Очевидно, говоритъ г. Кулибинъ, «что внутреннее металлургическое производство, хотя и идущее быстро впередъ, все еще не можетъ удовлетворить спросъ». Авторъ забываетъ добавить, что спросъ не удовлетворяется не только количествомъ металлургическаго производства, но и качествомъ его. Взрощенное на таможенныхъ пошлинахъ, оно, повидимому, не очень спѣшитъ съ улучшеніемъ своихъ издѣлій. «Возрастаніе спроса на желѣзо,—продолжаетъ авторъ,—служитъ, какъ извѣстно, лучшимъ показателемъ промышленнаго развитія страны»; но и здѣсь авторъ забываетъ добавить, что спросъ этотъ искусственно задерживается крайне высокимъ таможеннымъ тарифомъ, поднятымъ съ 1891 г. на чугунъ до 35 коп. золотомъ съ пуда. Разумѣется, г. Кулибинъ, какъ и другіе авторы, стремился, вѣроятно, дать сжатые очерки, «безъ обилія» «данныхъ», но, пропуская ука-

занные оговорки, онъ едва-ли избѣжалъ односторонности въ изображеніи дѣйствительнаго положенія дѣла. Нельзя не пожалѣть также, что онъ ничего не говоритъ о положеніи тѣхъ, почти полумилліона рабочихъ, которые заняты у насъ горнымъ дѣломъ и металлургіей. А это было бы очень интересно. Но, очевидно, авторъ и здѣсь позаботился о краткости и сжатости изложенія. Далѣе въ изданіи помѣщены очерки: «Издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ», «фабрично-заводскія производства», «художественная промышленность», «кустарная промышленность». Послѣдній очеркъ принадлежитъ Н. В. Пономареву. Останавливаясь въ немъ, между прочимъ, на мѣрахъ правительства и земства, авторъ отмѣчаетъ, что министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ начало проявлять свою дѣятельность по развитію и улучшенію кустарной промышленности лишь съ 1888 г. и въ настоящее время расходуетъ на этотъ предметъ только по 80 тыс. руб. въ годъ. Нельзя не сознаться, что при томъ значеніи, которое имѣетъ кустарная промышленность въ глазахъ самого правительства (см. книгу «Фабрич.-завод, промышлен. и торг. Рос.», изд. м. ф.), такая помощь ей очень не велика, а по сравненію съ воспособленіями крупной промышленности—совершенно ничтожна. Хотя г. Пономаревъ и не приводитъ цифръ, характеризующихъ земскую дѣятельность на пользу кустарной промышленности, тѣмъ не менѣе, изъ указанныхъ имъ фактовъ очевидно, что она не меньше правительственной. Это не мѣшаетъ г. Пономареву по начальнически внушить, что «земству надлежитъ еще сдѣлать очень многое для того, чтобы принести сколько-нибудь осязательную пользу кустарямъ». Отчего же онъ ничего не говоритъ о томъ, что «надлежитъ» сдѣлать «подлежащимъ министерствамъ», обладающимъ несравненно большими силами и средствами? Что это за непонятная повадка у русскихъ чиновниковъ не замѣчать слона, и непремѣнно кивнуть въ сторону букашки только потому, что въ этой букашкѣ выражается наша общественная самодѣятельность?! Затѣмъ въ разсматриваемомъ изданіи министерства финансовъ помѣщены статья «Машины, аппараты, машиностроеніе и электротехника», очеркъ П. П. Семенова «Сибирь и торговля Россіи съ Китаемъ и Японіей», такой же очеркъ подъ редакціей Н. П. Загубина «Средняя Азія и торговля Россіи съ Персіей», рядъ статей, подъ редакціей В. М. Верховскаго, о строительномъ и инженерномъ дѣлѣ, о морскомъ и рѣчномъ судоходствѣ и ужъ очень короткая замѣтка Н. П. Собко, посвященная обзору движенія русскаго искусства. Весьма интересенъ отдѣлъ, посвященный въ изданіи народному образованію, и особенно статья этого отдѣла о начальномъ образованіи, составленная А. Я. Острогорскимъ. Послѣднія подробныя свѣдѣнія о народныхъ школахъ, опубликованныя у насъ, относятся къ 1886 г., поэтому появленіе статьи г. Острогорскаго, написанной по даннымъ 1894 г., представляетъ уже съ одной этой стороны цѣлую находку. Правда, статья его не исчерпываетъ даже наиболѣе интересныхъ вопросовъ, она тоже слишкомъ сжата и кратка; нѣкоторыя положенія ея могутъ быть оспариваемы, а другія выдвинуты недостаточно рельефно и полно; даже цифровой матерьялъ въ нѣкоторыхъ частяхъ подлежитъ сомнѣнію. Но, тѣмъ не менѣе, по своимъ даннымъ она имѣетъ исключительный интересъ и съ большимъ вниманіемъ прочтется всякимъ интеллигентнымъ человѣкомъ. Кстати, сообщаемъ, что, помимо

разсматриваемаго изданія, она напечатана еще въ №№ 7—8 журнала «Образованіе», болѣе доступнаго по цѣнѣ, чѣмъ книга «Производит. силы Россіи». Очень характеренъ для изданія подъотдѣлъ, посвященный благотворительнымъ учрежденіямъ имперіи, описываемымъ Д. В. Князевымъ. Въ немъ приведены данныя (тоже «сжато» и «безъ обилія») о вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, объ учрежденіяхъ Человѣколюбиваго Общества, Общества Краснаго креста, Попечительнаго общества о тюрьмахъ, Общества спасенія на водахъ, о церковно-приходскихъ попечительствахъ, о домахъ трудолюбія и т. п. установленіяхъ и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о земскихъ, городскихъ и частныхъ учрежденіяхъ, которыя, въ сущности, и дѣлаютъ общую картину благотворительности въ провинціи. Мы называемъ этотъ очеркъ очень характернымъ для изданія, главнымъ образомъ, потому, что онъ написанъ по общему, принятому для всей книги шаблону, придерживаясь котораго авторы не даютъ и не могутъ дать разносторонняго и вѣрнаго представленія объ общемъ значеніи въ народной жизни трактуемыхъ фактовъ и вопросовъ. Поэтому, картина получается, въ большинствѣ случаевъ, односторонней и притомъ преимущественно въ преувеличенно розовомъ освѣщеніи. На мрачныя же стороны дѣла, требующія особаго къ себѣ вниманія, очевидно, не хватало мѣста, такъ какъ все писалось «сжато» и «безъ обилія» данныхъ.

Все изданіе разрослось до огромныхъ размѣровъ—свыше 1.250 стр. Книга не имѣетъ общей нумераціи страницъ, благодаря чему, вѣроятно, вышли нѣкоторые недосмотры. Такъ, статья о кустарной промышленности не закончена и обрывается на полуфразѣ 16-й стр. Цѣна изданія (5 р.) высока, особенно въ виду того, что оно казенное и, разумѣется, не преслѣдовало коммерческихъ цѣлей.

Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. *В. Л. Сьрошевскаго.* Изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціей профессора Н. И. Веселовскаго. Т. I-й.

Колоссальный трудъ этотъ, въ 700 слишкомъ страницъ, изданъ роскошно и заключаетъ въ себѣ, кромѣ текста, 168 изящныхъ рисунковъ, карту и портретъ ученаго знатока-этнографа А. Ѳ. Миддендорфа, которому онъ посвященъ. Авторъ изслѣдованія, г. Сѣрошевскій, прожилъ въ мѣстностяхъ, заселенныхъ якутами, болѣе 12-ти лѣтъ, посѣтилъ многія отдаленнѣйшіе уголки края, изучилъ якутскій языкъ и, благодаря этому, имѣлъ возможность изучить народъ во всѣхъ частностяхъ его жизни. О собранныхъ имъ матерьялахъ узналъ членъ Географическаго Общества М. В. Пихтинъ, который заручился согласіемъ г-жи Громовой, главы извѣстной фирмы торговаго дома, на изданіе ихъ на ея средства. Такъ появился въ свѣтъ этотъ большой трудъ, представляющій сводку не только богатыхъ личныхъ наблюденій, но и обширной литературы объ якутахъ. Первый томъ сочиненія г. Сѣрошевскаго начинается пространнымъ (въ 180 стр.) введеніемъ, заключающимъ въ себѣ географическій очеркъ, свѣдѣнія о климатѣ, растительности, фаунѣ и домашнихъ животныхъ. Якутскія поселенія заполняютъ собой огромное пространство, заключенное въ полукругѣ, вычерченномъ изъ устья самаго западнаго рукава Лены, какъ изъ центра, радіусомъ въ 1.600 верстъ.

О размѣрахъ этой площади даетъ понятіе приблизительное вычисленіе (по Стрѣльбицкому), по которому она заключаетъ въ себѣ болѣе 3 мил. кв. верстъ. Богато орошенная рѣками и озерами, страна эта не отличается мягкостью климата. Въ первой половинѣ октября она покрывается уже снѣгомъ, сходящимъ съ земли только въ половинѣ мая. Средняя температура зимы близъ Верхоянска равняется —48° Ц., падая по временамъ до —67°. Почти во всю зиму, говоритъ авторъ, въ глубинѣ материка «нѣтъ ни вьюгъ, ни вѣтровъ, ни непогодъ. Все мертвенно, блѣдно и неподвижно. Безъ преувеличенія можно сказать, что единственное въ это время здѣсь сколько-нибудь мощное движеніе это—содроганіе земли, трескающейся отъ холодовъ». При такомъ климатѣ еще недавно (въ 40-хъ годахъ) земледѣліе считалось возможнымъ только южнѣе Якутска. Но съ тѣхъ поръ предѣлы эти сильно расширились. «Тѣ мѣста, которыя когда-то считались предѣльными, въ настоящее время представляютъ вполнѣ земледѣльческіе околотки, и боевая линія земледѣлія ушла отъ нихъ далеко на сѣверъ, западъ и востокъ. Наблюдая за ходомъ этого дѣла, можно съ увѣренностью сказать, что придетъ время, когда все южное якутское плоскогоріе, вся эта огромная въ $^1/_2$ мил. кв. верстъ впадина, лежащая на перекресткѣ Лены, Вилюя и Алдана, будетъ завоевана для земледѣлія». Авторъ указываетъ на существованіе пашенъ подъ $63^1/_2°$ с. ш. и даже подъ 64°3′. Главными врагами хлѣбовъ являются ранніе заморозки, іюнскіе иней, лѣтніе сухіе, холодные сѣверо-западные вѣтры и неравномѣрное распредѣленіе лѣтнихъ осадковъ. Тѣмъ не менѣе, вліяніе этихъ условій постепенно ослабѣваетъ, потому что хлѣба съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ большую устойчивость, а культура ихъ все болѣе и болѣе приспособляется къ этимъ условіямъ. Поэтому торжество земледѣлія здѣсь несомнѣнно. Высѣваютъ въ этихъ мѣстахъ обыкновеоно ячмень, ярицу, пшеницу, овесъ, а кое-гдѣ каноплю. Изъ другихъ растеній преобладаетъ картофель. Г. Сѣрошевскій приводитъ изъ своего опыта и наблюденій много интересныхъ данныхъ о времени посѣва хлѣбовъ, періодѣ вызрѣванія ихъ, многія метеорологическія данныя, свѣдѣнія о вскрытіи рѣкъ, о направленіи вѣтровъ, о дикой растительности, о лѣсахъ Якутского края, и т. п. Переходя къ фуанѣ, онъ описываетъ тѣ времена года и мѣстности, которыя наиболѣе богаты проявленіями жизни; затѣмъ останавливается на перелетѣ птицъ, отмѣчаетъ наиболѣе распространенные виды ихъ, а также насѣкомыхъ, земноводныхъ, рыбъ, четвероногихъ, приводитъ интересныя данныя объ ихъ жизни, привычкахъ и пр. Изъ домашнихъ животныхъ онъ съ особой подробностью останавливается на собакахъ, изъ которыхъ ѣздовыя имѣютъ большое экономическое значеніе; затѣмъ, на сѣверныхъ оленяхъ, на рогатомъ скотѣ и болѣе всего на якутской лошади. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія имѣютъ какъ научное, такъ, особенно, практическое значеніе.

Послѣ введенія авторъ переходитъ къ даннымъ о южномъ происхожденіи якутовъ. Приводя по этому поводу распространенное народное преданіе, г. Сѣрошевскій находитъ, что общія свѣдѣнія по исторіи тюркскихъ племенъ настолько отвѣчаютъ гипотезѣ южнаго происхожденія якутовъ, что для признанія ея достаточно и тѣхъ указаній, которыя сохранила народная память. Но, помимо ихъ, есть не мало и другихъ. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности, вслѣдствіе недостатка

мѣста, прослѣдить эти указанія, и интересующихся ими отсылаемъ къ самому труду автора. Общее число якутовъ опредѣляется теперь только въ 200 тыс. душъ. Расовые признаки ихъ еще не имѣютъ научнаго опредѣленія. Г. Сѣрошевскій считаетъ ихъ помѣсью многихъ народовъ и даже расъ. Въ послѣднее время приливъ монгольско-манчжурской крови, при посредствѣ тунгусовъ, и арійской—черезъ русскихъ, значительно повліялъ на измѣненіе первоначальнаго типа ихъ, но и теперь, при ближайшемъ наблюденіи, удается подмѣтить преобладающую подмѣсь крови. Основу экономическаго быта якутовъ составляетъ скотоводство; прежде въ хозяйствѣ преобладали лошади, теперь—рогатый скотъ. Эта замѣна одного домашняго животнаго другимъ сопровождалась крупными экономическими послѣдствіями. Съ переходомъ къ рогатому скоту якуты стали болѣе осѣдлыми. Затѣмъ, возрасла потребность въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, а на рынкѣ возникла новая мѣновая цѣнность—сѣно. Сѣнокошеніе сдѣлалось первенствующей и важнѣйшей работой якутовъ. Хотя земледѣліе и уступаетъ по своимъ размѣрамъ рыболовству, но въ виду того, какъ быстро растетъ его значеніе въ краѣ, необходимо признать за нимъ, какъ за отраслью добывающаго труда, второе послѣ скотоводства мѣсто. «Оно захватываетъ все большія пространства, привлекаетъ къ себѣ все возростающую долю силъ и капитала и въ недалекомъ будущемъ грозитъ кореннымъ переворотомъ быту самыхъ богатыхъ и густо населенныхъ улусовъ». Звѣроловство и охота играютъ въ якутскомъ народномъ хозяйствѣ очень незначительную роль. Всѣ указанныя выше промыслы описаны г. Сѣрошевскимъ очень подробно съ технической стороны и въ ихъ экономическомъ значеніи. Съ не меньшими подробностями останавливается онъ на пищѣ якутовъ, платьѣ, постройкахъ, ремеслахъ и искусствѣ. Переходя къ распредѣленію богатства, авторъ отмѣчаетъ, что самой распространенной хозяйственной группой можно считать семью въ 3—5 душъ обоего пола. Для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей необходимо, чтобы такая семья имѣла до 10 штукъ скота. Выше этой нормы начинается, по мнѣнію якутовъ, достатокъ, ниже—нищета. Изъ данныхъ, собранныхъ подворной переписью, произведенной въ двухъ улусахъ, видно, что такія хозяйства, стоящія постоянно на рубежѣ достатка или нищеты, составляютъ менѣе половины всѣхъ хозяйствъ: въ одномъ случаѣ на долю ихъ приходится изъ 248 хозяйствъ 101, а въ другомъ изъ 270 хозяйствъ 127. Обѣднѣвшіе якуты нанимаются къ богатымъ въ работники, причемъ въ среднемъ мужчина на хозяйскомъ содержаніи получаетъ 35—40 руб. въ годъ, а женщина 20—24 руб. Впрочемъ, въ работники идутъ неохотно. «Ни одинъ молодой якутъ не сомнѣвается,—говоритъ г. Сѣрошевскій,—что онъ будетъ современемъ богатъ и онъ, пожалуй, имѣетъ для этого нѣкоторыя основанія. Превращеніе это стоитъ такихъ страшныхъ усилій и страданій, что смѣшно послѣ этого говорить о невоздержности дикарей-якутовъ, объ ихъ обжорствѣ, лѣни и легкомысліи. Даже собственники нѣсколькихъ коровъ, разъ въ семьѣ ихъ меньше $1^1/_2$ головы на душу, большую часть жизни голодаютъ. Они, обмирая отъ голода, удерживаются убивать скотъ изъ страха потери самостоятельности, и я знаю случай, когда въ голодные годы родовыя власти посылали десятскихъ къ бѣднякамъ, чтобы тѣ били насильно скотъ, ради спасенія людей отъ голод-

ной смерти». Большинство среднихъ по достатку якутовъ ежегодно голодаетъ, несмотря на крайне скромныя потребности. Годовой бюджетъ сѣверной якутской семьи въ 5 душъ простирается до 81 р. 80 к., а южной—до 50 р. 52 к., причемъ однако зависимость благосостоянія семьи отъ случайностей достигаетъ «почти трагическихъ размѣровъ». Вслѣдствіе этого $^2/_3$ якутскихъ хозяйствъ задолжены. Кооперативные союзы среди якутовъ мало развиты. Но часто встрѣчаются временныя, такъ называемыя летучія компаніи: сойдутся на уловѣ два рыбака и сейчасъ же начинаютъ ловить вмѣстѣ и добычу дѣлить поровну, косцы, въ числѣ 5—6 человѣкъ, выкашиваютъ по очереди луга участниковъ и т. д. Очень развиты также сосѣдскія помочи. Родовой строй якутовъ сохранилъ многія черты до настоящаго времени. Управленіе, введенное русскими властями во второй половинѣ прошлаго столѣтія, держится въ общихъ чертахъ до настоящаго времени. Всѣ якуты раздѣлены теперь на 18 улусовъ, улусы состоятъ изъ наслеговъ, а наслеги изъ родовъ. Улусными дѣлами завѣдуетъ управа, состоящая изъ присяжнаго писаря, шести выборныхъ головъ и главнаго головы. Дѣлами наслежными завѣдуетъ родовое правленіе, состоящее изъ родовыхъ старшинъ и старосты, называемаго большимъ княземъ; дѣлами рода—родовой старшина (малый князь). Въ крупныхъ дѣлахъ всѣ эти власти испрашиваютъ согласія у соотвѣтствующихъ собраній, т.-е. у родовыхъ сходовъ, у наслежныхъ собраній и у улусныхъ собраній, составляющихся изъ всѣхъ князей и болѣе богатыхъ и уважаемыхъ въ улусѣ людей. По словамъ г. Сѣрошевскаго, власть и вмѣшательство администраціи въ дѣла якутскаго самоуправленія очень сильны и годъ отъ году возрастаютъ. Государственный контроль надъ якутскимъ самоуправленіемъ ничѣмъ не разнится отъ контроля надъ волостнымъ правленіемъ русскихъ общинъ. «Контроль этотъ проникаетъ всюду и самое законное рѣшеніе можетъ быть пріостановлено, обжаловано и отмѣнено простымъ предписаніемъ полиціи. Это и практикуется постоянно, благодаря проискамъ всякихъ міроѣдовъ и воротилъ изъ мѣстныхъ богачей». До пришествія русскихъ понятія о территоріи были у якутовъ крайне смутны, а понятіе о границахъ и поземельной собственности даже совершенно отсутствовало. Тамъ, гдѣ много еще земельнаго простора, гдѣ нѣтъ скотоводства или оно незначительно, поземельная собственность внѣ того участка, который находится въ непосредственномъ пользованіи владѣльца, непонятна. Собственность на лѣсъ, на пустоши, на незанятые луга кажется якутамъ дикой. Но въ южныхъ улусахъ эти понятія начинаютъ отходить въ область преданій. Здѣсь уже нерѣдко наслежныя и улусныя земли разграничиваются столбами, ямами и т. п. Въ основу современнаго якутскаго землеустройства положена русская община. Теперь роды, наслеги, улусы—это собственно земельныя общины восходящаго и нисходящаго порядка, гдѣ каждая низшая степень является неразложимымъ элементомъ высшей. Пастбища и лѣса почти всюду находятся еще въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей, къ какому бы они ни принадлежали роду или наслегу. Покосные луга передѣляются, въ цѣляхъ уравненія, въ предѣлахъ рода очень часто, почти ежегодно, между родами одного наслега—рѣже, между наслегами одного улуса—еще рѣже,

между же улусами—чрезвычайно рѣдко. Освоеніе участковъ, приведенныхъ въ культурное состояніе отдѣльными, преимущественно богатыми, лицами, допускается, но роды при этомъ нерѣдко ревниво слѣдятъ, чтобы по выручкѣ предпринимателемъ затраченныхъ средствъ на улучшеніе участковъ, послѣдніе переходили въ общинное пользованіе. За недостаткомъ мѣста, мы лишены возможности привести интересныя подробности якутскаго землевладѣнія, но обращаемъ на нихъ вниманіе всѣхъ интересующихся предметомъ. Не можемъ мы по тѣмъ же причинамъ остановиться и на приводимыхъ авторомъ данныхъ о семейномъ бытѣ якутовъ, творчествѣ, вѣрованіяхъ и т. д. Замѣтимъ только, что отдѣлы, касающіеся этихъ сторонъ якутской жизни, разработаны г. Сѣрошевскимъ съ такой же полнотой, знаніемъ дѣла и обстоятельностью, какъ и другіе, вслѣдствіе чего весь трудъ его пріобрѣтаетъ значеніе крупнаго и отраднаго явленія въ нашей, все еще бѣдной этнографической литературѣ.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Къ вопросу о народномъ благосостояніи и податной системѣ.

Въ замѣткѣ нашей «По поводу государственной росписи на 1897 г.» («Нов. Сл.», № 4) мы уже говорили, что всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ объ этой росписи представляетъ исключительный интересъ, такъ какъ въ значительной мѣрѣ уясняетъ взгляды этого министерства на общіе вопросы народнаго благосостоянія и на финансовую программу послѣдняго времени. Въ виду этого, на главнѣйшихъ частяхъ этого доклада необходимо остановиться съ нѣкоторой подробностью.

Въ основѣ финансовой политики всегда лежатъ хозяйственно-экономическія явленія. Въ виду этого и въ разсматриваемомъ докладѣ финансовые вопросы ставятся въ тѣсную связь съ общимъ экономическимъ положеніемъ населенія. Останавливаясь на послѣднемъ, г. министръ финансовъ отмѣчаетъ важное значеніе для его благосостоянія хлѣбныхъ цѣнъ. При этомъ онъ полагаетъ, что въ Россіи хорошій урожай является благословеніемъ для страны даже при одновременномъ паденіи цѣнъ. Поэтому, за послѣдніе годы, сопровождавшіеся благопріятными урожаями, наше народное хозяйство, въ его цѣломъ, не смотря на паденіе цѣнъ, запасалось силами и въ своей обильной жатвѣ находило опору противъ потрясеній, исходящихъ изъ международнаго хлѣбнаго рынка. Но такое заключеніе не только не скрываетъ, а напротивъ, ярче обрисовываетъ другое наблюденіе, что, рядомъ съ этимъ общимъ благотворнымъ вліяніемъ на страну обилія хлѣба, нѣкоторые немаловажные экономическіе интересы государства, однакоже же, страдали. Такъ, прежде всего для государственнаго хозяйства, въ общемъ выигрывавшаго вмѣстѣ съ населеніемъ отъ обильныхъ сборовъ, обезцѣненіе главнаго предмета нашего экспорта приводило къ относительному уменьшенію выручки за вывозимый хлѣбъ. Отъ этого теряло и наше сельское хозяйство въ той мѣрѣ, въ какой оно разсчитываетъ на рыночный сбытъ своихъ произведеній. Правда, и для этой части сельскаго хозяйства удешевленіе на рынкѣ каждаго пуда продаваемаго хлѣба нѣсколько вознаграждалось тѣмъ, что оно имѣло большее количество пудовъ хлѣба для продажи; паденіе хлѣбныхъ цѣнъ было менѣе чувствительно и для тѣхъ частныхъ хозяйствъ, въ которыхъ примѣняются разнообразныя формы натуральнаго вознагражденія за трудъ или въ которыхъ рядомъ съ хлѣбопашествомъ развиты и другія отрасли сельскаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что низкая расцѣнка хлѣбовъ, господствовавшая въ послѣдніе два года, поставила въ очень затруднительное положеніе нѣкоторую часть нашего сельскаго хозяйства, преимущественно частновладѣльческаго, и что въ особенности тамъ, гдѣ она не

покрывала даже издержекъ производства, она была несомнѣннымъ зломъ, подрывавшимъ жизнеспособность самаго промысла».

«Болѣзненность этого явленія, все же имѣющаго для нашего народнаго хозяйства лишь частичное значеніе, хотя и очень серьезное, обострялась еще болѣе тамъ, гдѣ оно встрѣчалось съ высокой земельной задолженностью. Процессъ нашего ипотечнаго задолжанія, почти ничего не прибавившаго къ капиталу природныхъ силъ сельскаго хозяйства, въ главнѣйшей своей части протекалъ именно въ періодъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ и высокой доходности земель. Соотвѣтственно таковой доходности производилась оцѣнка капитальной стоимости имѣній, и соотвѣтственно послѣдней были выдаваемы ипотечныя ссуды. Вполнѣ естественно, что съ тѣхъ поръ землевладѣльцы склонны разсматривать всякую доходность, не оправдывающую эти оцѣнки и связанныя съ ними ссуды, какъ малодоходность, или даже бездоходность сельскохозяйственнаго производства. Нѣкоторымъ основаніемъ къ такому образу мыслей, повидимому, является еще и тотъ фактъ, что продажныя цѣны земель почти не понизились, а если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и понизились, то во всякомъ случаѣ, далеко не пропорціонально современному упадку доходности. Однако, при этомъ упускается изъ виду, что въ тотъ же періодъ времени паденія доходности земель также значительно понизилась и доходность денежныхъ цѣнностей и капиталовъ».

«Столь памятный землевладѣльцамъ высокій денежный доходъ отъ использованія естественныхъ, природныхъ силъ земли не принадлежитъ, однако, къ безусловно необходимымъ условіямъ сельскохозяйственнаго производства. И если, съ точки зрѣнія земельныхъ собственниковъ, всякое пониженіе доходности, неоправдывающее нѣкогда произведенной оцѣнки, является несомнѣннымъ частнохозяйственнымъ зломъ, то съ общехозяйственной точки зрѣнія отнюдь не изъ всякаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ можно дѣлать соотвѣтственные выводы по отношенію къ сельскохозяйственному промыслу, какъ цѣлому. Наличные владѣльцы заложенныхъ имѣній, принадлежащіе въ большинствѣ къ доблестному сословію, сослужившему историческую службу отечеству, и впавшіе въ затруднительное положеніе, достойны, конечно, особаго о нихъ попеченія правительственной власти, но обстоятельство это не должно порождать отожествленія интересовъ извѣстной группы землевладѣльцевъ съ интересами всякаго вообще землевладѣнія и въ особенности съ общехозяйственными интересами страны».

Если смотрѣть съ такой точки зрѣнія, то необходимо признать, что низкія цѣны на хлѣбъ, установившіяся въ послѣдніе годы, необходимо должны были увеличить въ общемъ экономическое благосостояніе массы населенія. Г. министръ финансовъ раздѣляетъ это мнѣніе и видитъ подтвержденіе его въ результатахъ исполненія государственныхъ росписей послѣднихъ лѣтъ. Нашъ бюджетъ, по его мнѣнію, «построенъ, главнымъ образомъ, на системѣ косвеннаго обложенія предметовъ не безусловно необходимаго потребленія и на эксплоатаціи принадлежащихъ казнѣ хозяйственныхъ предпріятій». Поэтому каждый плательщикъ размѣрами потребленія этихъ предметовъ самъ опредѣляетъ ту долю участія въ доходахъ казны, которая «посильна ему по хозяйственному его положенію».

И если,—продолжаетъ г. министръ финансовъ,—«въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ населеніе Россіи регулярно увеличиваетъ расходъ свой на потребленіе предметовъ обложенія и на пользованіе услугами казенныхъ предпріятій, то можно съ полною достовѣрностью утверждать, что общая сумма прибытковъ населенія ея возростаетъ. Конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается-ли возростающая

сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода, какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ, при переходѣ отъ чисто сельскохозяйственнаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства. Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ, однако, до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія. Выдѣленіе болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія весьма естественно создаетъ болѣе высокій масштабъ для измѣренія крестьянскаго благосостоянія, и если за *мѣрило* брать уровень потребностей, удовлетворяемыхъ этими выдѣлившимися группами, то можно придти къ заключенію объ упадкѣ зажиточности остальной крестьянской массы, хотя бы абсолютно она и осталась въ прежнемъ положеніи или даже нѣсколько улучшилась. Послѣднее и находитъ себѣ полное подтвержденіе въ исполненіи нашихъ бюджетовъ, разсчитанныхъ на слишкомъ широкое, массовое потребленіе, чтобы выдѣлившіяся по зажиточности группы населенія могли покрыть тотъ недоборъ, который неминуемо получился бы, если-бы уровень благосостоянія рядового крестьянства потерпѣлъ сколько-нибудь существенное поврежденіе. Если же общій уровень не понижается, а отдѣльныя группы населенія пролагаютъ себѣ путь къ высшимъ ступенямъ зажиточности, то это показываетъ лишь, что народный трудъ и предпріимчивость разнообразятся и въ общемъ достигаютъ большей суммы прибытковъ, т.-е. что страна хозяйственно развивается, въ томъ направленіи, какое практически единственно осуществимо».

И такъ, съ указанной точки зренія, является возможность въ исполненіи нашихъ бюджетовъ усматривать, что зажиточность крестьянской массы «даже нѣсколько улучшилась» и что, кромѣ того, масса эта выдѣляетъ изъ себя болѣе зажиточныя группы крестьянскаго населенія. Въ виду этихъ положеній, обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ, уясняющимъ вопросъ о ростѣ народнаго благосостоянія.

Хозяйственная правоспособность земледѣльческаго населенія въ значительной мѣрѣ обусловливается количествомъ скота, которымъ располагаетъ оно. Поэтому данныя объ уменьшеніи или увеличеніи головъ скота служатъ довольно вѣрнымъ показателемъ того, насколько падаетъ или возростаетъ благосостояніе огромнѣйшей массы крестьянскаго населенія. По этимъ даннымъ оказывается, что въ 1856 г. въ губерніяхъ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго, было 21.351 тыс. головъ крупнаго рогатаго скота, а въ 1888 г.—24.609 тыс. головъ. Такимъ образомъ, хотя абсолютная цифра крупнаго скота и возросла нѣсколько, но за то количество головъ, приходящееся на 100 душъ населенія, значительно уменьшилось: въ 1857 г. на 100 душъ приходилось 37,1 гол. крупн. рог. скота, а въ 1888 г. только 29,7, т.-е. на 20% менѣе, чѣмъ 31 годъ тому назадъ. Лошадей въ 1851 г. было 16.155 тыс. головъ; въ 1888 г. 19.633 тыс. На сто душъ населенія въ 1857 г. приходилось 26,5 лошадей, а въ 1888—1891 г.г. всего лишь 22,7. При этомъ статистическія данныя удостовѣряютъ, что относительное уменьшеніе числа лошадей произошло даже у наиболѣе обезпеченной части населенія, а именно—у государственныхъ крестьянъ.

Овцеводство сокращается не только по разсчету къ населенію, но и абсолютно. Такъ, въ 1866 г. всѣхъ овецъ было 44.745 тыс. гол., въ 1882 г.—47.508 тыс., а въ 1888 г.—44.465 тыс. Въ 1857 г. на 100 душъ населенія въ 50 губ. Европейской Россіи считалось 72,1 овецъ, а въ 1888 г. лишь 53,6. Въ 1871 г. число свиней достигало 9.594 тыс., а въ 1888 г. всего 9.243 тыс. [1]). Такимъ образомъ, въ пореформенное время до конца восьмидесятыхъ годовъ скотоводство наше несомнѣнно пало, причемъ по отношенію къ мелкому скоту наблюдается не только уменьшеніе по разсчету къ населенію, но даже и въ абсолютныхъ цифрахъ. Въ девяностыхъ годахъ скотоводство не могло сдѣлать крупныхъ успѣховъ уже потому, что голодъ 1891 и 1892 гг. прежде всего отразился, какъ извѣстно по многочисленнымъ изслѣдованіямъ, на уменьшеніи крупнаго и мелкаго скота. Послѣ такихъ экономическихъ потрясеній, какія наблюдались въ 1891 г., хозяйственное равновѣсіе устанавливается не скоро и, разумѣется, не могло установиться за 4 — 5 лѣтъ. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе. Въ Самарской губерніи количество скота уменьшилось въ 1891 году съ 806 тыс. головъ до 484 тыс., въ Оренбургской—съ 493 тыс. до 439 тыс.; въ Саратовской губ. число рогатаго скота въ 1892 г. уменьшилось противъ 1889 г. почти на 29%; въ Воронежской губ. за время съ 1885 г. по 1892 г. убыль простиралась: для коровъ на 22%, для воловъ на 13%, телятъ на 61%, а для гулевого рогатаго скота на 62%; въ шести уѣздахъ Нижегородской губ. убыль коровъ достигла 24%, а молодняка и телятъ 71%; ветеринарными свѣдѣніями за 1891 г. обнаружено также уменьшеніе рогатаго скота въ Московской губерніи [2]). По свѣдѣніямъ кн. В. А. Кудашева, заимствованнымъ имъ отъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ и губернскихъ управъ, въ 14-ти черноземныхъ губерніяхъ (Новороссійскаго края, Малороссіи и центральной черноземной полосы) тоже наблюдается постепенный упадокъ скотоводства. Такъ, число рогатаго скота въ этихъ губерніяхъ за десятилѣтіе 1883—1893 г. уменьшилось на 790 тыс. головъ и составляетъ въ настоящее время лишь 17 головъ на 100 жителей [3]). Не приводя столь же краснорѣчивыхъ данныхъ объ уменьшеніи числа лошадей и овецъ въ 1891 г. въ губерніяхъ поволжскихъ, восточныхъ и сѣверныхъ, отмѣтимъ, что въ названныхъ 14-ти черноземныхъ губерніяхъ за указанное десятилѣтіе (по 1893 г. включительно) число лошадей уменьшилось на 870 тыс. головъ, число овецъ и козъ—на 2.010 тыс., а свиней—на 960 тыс. [4]). При такой убыли скота, есте-

[1]) «Растетъ или уменьшается національное богатство Россіи?» См. «Новости», № 8-й за 1897 г., книгу Фортунатова «Сел.-хоз. статистика Россіи» и др.

[2]) Ibidem.

[3]) «Новое Время», № 7314.

[4]) Ibidem.

ственно предположить, что приростъ его въ послѣдніе три года не могъ быть значительнымъ, хотя бы вслѣдствіе физической невозможности очень быстраго размноженія. Поэтому въ урожайные 1893 и 1894 годы, какъ свидѣтельствуютъ обзоры министерства земледѣлія, создался такой усиленный спросъ на скотъ, которому совершенно не могло удовлетворить слабое, за недостаткомъ его, предложеніе. Цѣны увеличились чрезмѣрно, но благосостояніе населенія возростало слабо. Стоило только уменьшиться нѣсколько урожаю 1895 г. противъ двухъ предшествовавшихъ годовъ, чтобы экономически слабое крестьянство снова бросилось продавать свой скотъ за безцѣнокъ. Корреспонденты отдѣла сельскохозяйственной экономіи, констатируя широкое развитіе хозяйственной ликвидаціи многихъ крестьянъ, выразившееся прежде всего въ распродажѣ ими скота, свидѣтельствуютъ при этомъ и о сильномъ упадкѣ цѣнъ на скотъ. Ликвидація эта продолжалась и въ истекшемъ 1896 г. На основаніи этихъ данныхъ одинъ изъ изслѣдователей вопроса о ростѣ или упадкѣ народнаго хозяйства въ Россіи приходитъ къ убѣжденію, что, «по разсчету на жителя, въ настоящее время рогатаго скота менѣе, чѣмъ въ началѣ 60-хъ годовъ, на 30%, лошадей—на 23%, овецъ—на 40% и свиней—на 41%» [1]).

Таковы данныя о скотоводствѣ, одномъ изъ наиболѣе чувствительныхъ показателей благосостоянія земледѣльческаго населенія. Не имѣя возможности въ короткой журнальной замѣткѣ привести свѣдѣнія о другихъ показателяхъ благосостоянія, отмѣтимъ только, что, по многочисленнымъ сообщеніямъ изъ провинціи и по оффиціальнымъ даннымъ, число бездомовыхъ семей увеличивается, а потому возростаетъ число надѣловъ, отдаваемыхъ въ аренду; общій размѣръ душевыхъ надѣловъ уменьшается, урожайность ихъ понизилась, отхожіе промыслы удаются все рѣже и рѣже, а недоимочность по прямымъ налогамъ не только не уменьшается, но, напротивъ того, возростаетъ. Такъ, при почти неизмѣнившемся окладѣ выкупныхъ платежей (40,8—41,6 мил. р.) въ недоимкѣ оставалось на 1 января слѣдующаго года: въ 1877 году 17,8 мил., въ 1887 г.—30,9 мил., въ 1893 г. (при огромномъ урожаѣ)—28,7 мил. руб. [2]). Въ виду этого, неудивительно, что матерьялы, собранные истекшимъ лѣтомъ въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, вполнѣ подтвердили несомнѣнный упадокъ крестьянскаго благосостоянія во всей средней, южной и восточной Россіи [3]). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что благосостояніе массы рядового крестьянства падаетъ годъ отъ году. Если низкія цѣны на хлѣбъ оказались, какъ справедливо удостовѣряетъ г. министръ финансовъ, бла-

---

[1]) «Новости», № 8.

[2]) «Новое Время», № 7317.

[3]) «Рус. Вѣд.», № 352. Матерьялы эти были подвергнуты сомнѣнію, но уже послѣ того, какъ сдѣлались извѣстны общіе выводы изъ нихъ, оказавшіеся, «повидимому, для многихъ совершенно неожиданными».

гопріятными для этой массы населенія, то несомнѣнно онѣ могли только нѣсколько задержать это паденіе благосостоянія, а не предупредить его на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Но, на ряду съ этимъ общимъ пониженіемъ народнаго благосостоянія, всеподданнѣйшій отчетъ отмѣчаетъ выдѣленіе особой группы, зажиточность которой ростетъ. Это фактъ несомнѣнный, но онъ дѣлаетъ, по мнѣнію кн. Кудашева, еще безотраднѣе положеніе остальной крестьянской массы. Благосостояніе нѣкоторыхъ селеній, въ общемъ очень немногихъ, дѣйствительно, возросло, вслѣдствіе случайныхъ условій: близости потребительныхъ и фабрично-заводскихъ рынковъ, возможности участія въ посредничествѣ, въ торговыхъ и перевозочныхъ предпріятіяхъ и т. п. Возросло и благосостояніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ семей. Во всей массѣ нашихъ деревень нѣтъ такого села, даже хутора, гдѣ бы не встрѣчалось такой семьи. Но зажиточность ихъ вытекаетъ не изъ земледѣлія, «а—въ лучшемъ случаѣ—отъ торговли, ремеслъ и промысловъ, въ худшемъ же и безмѣрно преобладающемъ—отъ кабака и безпощаднѣйшаго ростовщичества, о тяжелыхъ условіяхъ котораго люди, не жившіе въ деревняхъ и не соприкасавшіеся непосредственно съ крестьянствомъ и его нуждами, пожалуй, и понятія не могутъ себѣ составить» [1]). Выдѣленіе зажиточной группы съ такимъ составомъ лицъ составляетъ истинное бѣдствіе, съ которымъ надо бороться и отъ котораго надо охранять рядовое крестьянство.

Таковъ въ дѣйствительности ходъ экономическихъ процессовъ въ нашей деревнѣ и, слѣдовательно, въ огромнѣйшей массѣ русскаго населенія. Какая податная система будетъ наиболѣе соотвѣтствовать такому положенію нашего населенія? На этотъ вопросъ разсматриваемый документъ министерства финансовъ даетъ отвѣтъ вполнѣ опредѣленный: наиболѣе отяготительными и неудобными должны быть признаны прямые налоги и пошлины.

«Платежи этого рода, вообще, представляются наиболѣе стѣснительными для населенія, такъ какъ подлежатъ принудительному взысканію въ заранѣе опредѣленныхъ окладахъ. Косвенные налоги, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, предоставляютъ плательщикамъ возможность довольно широкаго сообразованія платежей не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ. Этимъ, весьма драгоцѣннымъ свойствомъ, не обладаютъ прямые налоги и пошлины. Даже при самой совершенной организаціи прямого обложенія, оно иногда не можетъ избѣжать рѣзкаго несоотвѣтствія окладовъ съ наличными хозяйственными условіями плательщиковъ. И если въ отношеніи доходовъ, болѣе или менѣе прочныхъ и постоянныхъ, можно еще достигнуть нѣкотораго совершенства прямого обложенія, то въ отношеніи доходовъ необезпеченныхъ, колеблющихся, прямое обложеніе въ иныхъ случаяхъ неминуемо должно порождать несправедливыя и непосильныя отягощенія. Между тѣмъ, доходы отъ хлѣбопашества, сельскихъ заработковъ, отхожихъ промысловъ и т. п. статей именно и отличаются значительнымъ непостоянствомъ, затрудняющимъ и установленіе, и взиманіе неизмѣнныхъ окладовъ. Если принять во

[1]) Ст. кн. Кудашева, «Новое Время», № 7314.

вниманіе, что доходы огромнѣйшей массы нашего населенія обладаютъ таковыми свойствами, то нельзя не признать, что косвенное обложеніе должно имѣть главенствующее значеніе въ нашей податной системѣ. Дѣйствительность и показываетъ, что на ряду съ вполнѣ благопріятнымъ ходомъ поступленій косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующимъ, что въ общемъ народные прибытки возростаютъ, обнаруживаются недоборы по прямымъ налогамъ».

Далѣе указывается, что при системѣ косвеннаго обложенія «каждому плательщику въ отдѣльности представляется нѣкоторая возможность опредѣленія той доли участія въ главной суммѣ государственныхъ доходовъ, какая посильна ему по хозяйственному его положенію». А отсюда—убѣжденіе въ преимуществахъ системы косвеннаго обложенія передъ прямымъ.

Финансовая наука учитъ насъ, что прямые налоги крайне неудобны для обложенія народныхъ массъ тамъ, гдѣ массы эти слишкомъ бѣдны. Наше населеніе, какъ увѣряетъ ученый секретарь министерства финансовъ г. Гурьевъ, живетъ, что называется, «съ хлѣба на квасъ», вслѣдствіе чего «не представляется никакой возможности выбрать изъ него, путемъ непосредственныхъ уплатъ, тѣ колоссальныя суммы, которыя теперь выбираются изъ него мелкими частями, по копѣйкамъ и грошамъ, при потребленіи обложенныхъ акцизами продуктовъ» [1]). Но въ такомъ неудобствѣ прямыхъ налоговъ, эти послѣдніе не повинны, какъ не повинно и населеніе въ томъ, что исторически сложившимися условіями оно достигло только возможности перебиваться «съ хлѣба на квасъ», а не пользуется какой-либо высшей степенью благосостоянія. Виновны въ этомъ тѣ, общія современнымъ государствамъ условія, которыя вынуждаютъ брать съ неимущаго и облагать налогами тѣхъ, кто едва только въ силахъ перебиваться «съ хлѣба на квасъ». Прямые же налоги сами по себѣ лучше всякихъ другихъ могутъ быть приспособляемы къ наличнымъ хозяйственнымъ силамъ плательщиковъ. Тотъ же самый дѣятель министерства финансовъ, г. Гурьевъ, справедливо говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, что «главнѣйшее преимущество прямыхъ налоговъ, ставящее ихъ внѣ всякаго сравненія съ косвенными,—это соотвѣтствіе ихъ со средствами, достаткомъ плательщиковъ. Многіе извѣстнѣйшіе финансисты даже отказываютъ косвеннымъ налогамъ въ правѣ именоваться налогами, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, налоги суть только тѣ платежи гражданъ на общественную пользу, которые производятся въ соразмѣрности со средствами (имуществомъ или доходами); тѣ же платежи, которые требуются отъ гражданъ по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ и въ совершенно случайныхъ размѣрахъ, суть поборы, а не налоги въ государственномъ значеніи этого института. Нельзя не видѣть нѣкоторой доли правды въ этомъ воззрѣніи. Дѣйствительно, косвенное обложеніе низводитъ налогъ на степень случай-

[1]) «Прямые и косвенные налоги. Pro и contra». А. Н. Гурьева, стр. 111.

ныхъ поборовъ, лишенныхъ самыхъ основныхъ признаковъ налога въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи косвенные налоги всегда будутъ вызывать справедливые упреки и неудовольствіе, такъ какъ, по мѣрѣ гражданскаго развитія общества, все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе, что налогъ долженъ быть *всеобщею*, *регулярною*, *посильною* жертвою на общественныя нужды; косвенные же налоги не обладаютъ ни характеромъ всеобщности, ни регулярностью и не находятся ни въ какомъ постоянномъ соотношеніи съ достатками плательщиковъ» [1]). Налогъ не можетъ быть названъ всеобщимъ, если отъ него можно избавиться. А между тѣмъ косвенные налоги не касаются цѣлой группы гражданъ, напр., не пьющихъ вина, не потребляющихъ сахара и т. п., совершенно независимо отъ того — состоятельны они или нѣтъ. Поступленіе отъ косвенныхъ налоговъ находится въ зависимости отъ размѣровъ народнаго потребленія, которое, въ свою очередь, обусловливается не только ростомъ или упадкомъ благосостоянія его, но и такими непостоянными причинами, какъ привычка, мода, торговое или иное оживленіе и т. п. Въ силу этого, доходность косвенныхъ налоговъ, будучи относительно постоянной для крупныхъ періодовъ времени, можетъ представлять изъ года въ годъ значительныя колебанія. Такъ, въ Германіи акцизъ на сахаръ давалъ въ восьмидесятыхъ годахъ 56,9 мил. мар. и даже 67,3 мил., но были годы въ тотъ же періодъ, когда доходность этого акциза понижалась до 24,5 мил. и даже до 6,6 мил. Поступленія отъ такихъ доходовъ, разумѣется, не могутъ быть названы регулярными. Еще менѣе должны они считаться посильными для населенія. Г. Гурьевъ утверждаетъ, что «чѣмъ *меньше* доходъ, тѣмъ *большую* часть его отбираютъ косвенные налоги». Это, говоритъ онъ, «фактъ, доказанный самыми точными статистическими данными, никѣмъ положительно не оспариваемый».. «Чѣмъ человѣкъ богаче, тѣмъ шире просторъ для его потребностей, тѣмъ больше выборъ средствъ для удовлетворенія; наоборотъ, чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, тѣмъ уже выборъ, тѣмъ ограниченнѣе число предметовъ его потребленія. По условіямъ самаго устройства косвенныхъ налоговъ, государство можетъ окупить издержки взиманія только съ обложенія предметовъ *массоваго* потребленія, т.-е. предметовъ для массы населенія или безусловно необходимыхъ, или такихъ, на которые употребляется *первый* лишній грошъ». Такъ и наши косвенные налоги имѣютъ объектомъ обложенія или предметы, безусловно необходимые, напр. керосинъ, спички и во многихъ случаяхъ спиртъ, или также предметы, употребленіе которыхъ является прямымъ слѣдствіемъ культурнаго движенія впередъ, напр., сахаръ, вино и др. Поэтому едва-ли возможно признать, что бюджетъ нашъ построенъ «на системѣ косвеннаго обложенія предметовъ не безуслов-

[1]) Ibid., 100.

но необходимаго потребленія». Тотъ же авторъ, г. Гурьевъ, говоритъ о косвенныхъ налогахъ слѣдующее:

«Бѣдный не минуетъ уплаты косвенныхъ налоговъ, его расходныя статьи отлично извѣстны и предусмотрительно обложены государствомъ; съ богатымъ же—не справиться, онъ черезчуръ можетъ прихотничать, разнообразить свой расходъ; дорого стоитъ слѣдить за его расходами и потому государство предпочитаетъ его расходы совершенно освободить отъ налога. Но если какой-либо расходъ богатаго и подпадетъ, паче чаянія, подъ налогъ, то и тутъ онъ снова получаетъ льготу. Государству нѣтъ разсчета различать *сорта* продуктовъ, эта овчинка не стоитъ выдѣлки и потому рублевый чай бѣдняка и десяти-рублевый — богача уплачиваетъ одинаковый налогъ. Несправедливость получается поразительная: каждый рубль расхода бѣдняка долженъ быть признаваемъ *въ 10 разъ менѣе* налогоспособнымъ рубля расхода богатаго, а въ косвенныхъ налогахъ онъ признается *въ 10 разъ болѣе* налогоспособнымъ, слѣдовательно, бѣдный уплачиваетъ *въ 100 разъ* болѣе, нежели слѣдуетъ. Вообще фискальная власть, въ роли взимателя косвенныхъ налоговъ, превращается въ какую-то бездушную машину, рубящую направо и налѣво; ей недоступны никакія чувства, все позволительно, что выгодно, ничего не дѣлается, что не окупаетъ расходовъ»...

«Совершенно неизвѣстно, почему взимается съ ведра спирта 5 руб., а не 10, 20 или 100 р.? Быть можетъ, для Петра, пьющаго водку ежедневно, и пяти рублей много, а для Семена, пьющаго разъ въ годъ, и сторублеваго акциза мало! Почему 10 р. съ ведра спирта и 10 коп. съ ведра керосина, а не наоборотъ? Для милліоновъ людей важнѣе спиртъ, а для другихъ милліоновъ важнѣе керосинъ».

«Ни одному старостѣ не придетъ въ голову сказать мірскому сходу: нужно чинить дорогу; у кого борода клиномъ—ступайте на работу, а у кого лопатою—оставайтесь дома. А между тѣмъ такъ поступаютъ въ косвенномъ обложеніи; нужно содержать войска, судъ, полицію и т. д., кто пьетъ водку—платитъ деньги, а кто пьетъ вино—тѣ могутъ пользоваться государственнымъ бытомъ даромъ; кто куритъ табакъ—платите, а кто на эти деньги развратничаетъ—съ тѣхъ не надо; кто жжетъ керосинъ—платите, а кто жжетъ электричество—съ тѣхъ не надо, и т. д.» [1]).

Извиняемся передъ читателемъ за такую длинную цитату, не вполнѣ примѣнимую къ нашей странѣ. Авторъ ея, г. Гурьевъ, слишкомъ сгущаетъ краски. Онъ забываетъ, напримѣръ, что нѣкоторые предметы, обложенные акцизомъ, различаются по сортамъ, и акцизъ, положимъ, съ хорошаго табаку больше, чѣмъ съ плохого. Но, тѣмъ не менѣе, мнѣніе его, какъ чиновника министерства финансовъ, состоящаго при этомъ въ ученомъ рангѣ, очень интересно. Въ общемъ оно выясняетъ роль косвенныхъ налоговъ и обнаруживаетъ все огромное, неизмѣримое преимущество передъ ними прямыхъ налоговъ. Указываемый г. министромъ финансовъ недостатокъ ихъ, заключающійся въ принудительномъ взиманіи ихъ, страшенъ только тогда, когда размѣры ихъ чрезмѣрно велики, а населеніе настолько бѣдно, что не въ силахъ платить ихъ. Правильно же поставленные и исчисленные въ соразмѣрности съ платежной силой населенія, они имѣютъ всѣ преимущества передъ косвенными и, разумѣется, должны составлять основу государственнаго бюджета.

Обращаясь къ отмѣчаемому г. министромъ финансовъ соотвѣтствію

---

[1]) Ibid, стр. 47—52.

народнаго благосостоянія съ податной системой, мы должны, на основаніи всего изложеннаго, придти къ заключенію, что при общей бѣдности массы населенія, при постепенномъ упадкѣ его благосостоянія, податная система должна быть избрана съ крайней осторожностью. Косвенное обложеніе можетъ имѣть въ ней только самое ограниченное примѣненіе и притомъ никакъ не по отношенію къ предметамъ первой необходимости. Оно не носитъ въ себѣ характера добровольнаго «опредѣленія той доли участія въ главной суммѣ государственныхъ доходовъ, какая посильна» плательщику, потому что вынуждаетъ его и обязываетъ платить. Крестьянинъ, вынужденъ покупать керосинъ, спички, заграничныя косы и т. п., потому что безъ первыхъ онъ не будетъ работать по вечерамъ и не будетъ зарабатывать себѣ пропитаніе, безъ послѣднихъ ему нечѣмъ будетъ убирать свой хлѣбъ. Не потребляя мяса, онъ вынужденъ искусственно подбадривать организмъ водкой; оставаясь на работѣ и въ извозѣ цѣлые дни на морозѣ, онъ вынужденъ согрѣться спиртомъ или чаемъ съ сахаромъ и т. п. Словомъ, онъ всячески готовъ бы отказаться отъ добровольнаго опредѣленія своей доли участія въ государственныхъ доходахъ, но онъ обязанъ опредѣлить эту долю въ весьма значительныхъ размѣрахъ, потому что иначе ему предстоитъ раззореніе, болѣзнь, можетъ быть, даже смерть. При такихъ условіяхъ, наша система косвенныхъ налоговъ можетъ только усилить и ускорить тотъ процессъ обѣдненія массы населенія, который лишь въ слабой мѣрѣ задерживался въ послѣдніе годы хорошими урожаями и низкими цѣнами на хлѣбъ. Косвенное обложеніе, невѣроятно удорожившее въ Россіи жизнь, поставившее нашу страну по дороговизнѣ жизни на первое мѣсто среди всѣхъ странъ, со всѣхъ сторонъ стискиваетъ культурное развитіе ея, недаетъ ей просвѣта, требуя на все денегъ и денегъ. Но и прямые налоги, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, если они велики и лежатъ на массѣ неимущаго населенія, могутъ оказаться раззорительными. При упадкѣ народнаго благосостоянія, единственно правильной податной системой можетъ быть только такая, которая прямо и открыто перенесетъ податную тяготу на дѣйствительное имущество и дѣйствительный доходъ. Прямые налоги, которые обложатъ въ пропорціонально исчисленныхъ ставкахъ достатокъ и богатство, вмѣсто бѣдности и нищеты, будутъ истиннымъ благословеніемъ для страны и ея спасеніемъ отъ раззоренія.

Мы остановились довольно подробно на вопросахъ податной системы и экономическаго благосостоянія населенія не только потому, что они интересны и важны сами по себѣ, но также и въ виду того, что они поставлены, повидимому, на очередь. Въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, какъ извѣстно, производилась спѣшная работа по выясненію роста народнаго благосостоянія въ странѣ. Работа эта, какъ сообщали въ свое время газеты, констатировала для большей части государства не ростъ благосостоянія, а упадокъ его. Результаты эти рѣшено еще

разъ подвергнуть провѣркѣ. Каковы бы ни были выводы изъ этихъ новыхъ работъ, они, разумѣется, не останутся безъ вліянія не только на дѣло, ввѣренное этому департаменту, но и на всю податную политику министерства. Иначе вѣдь не зачѣмъ было бы и производить эту огромную работу и тратить значительныя средства. Въ виду возможности такого именно вліянія работъ департамента окладныхъ сборовъ на нашу финансовую систему, вопросы, возбуждаемые ею, а также и всеподданнѣйшимъ докладомъ министра финансовъ, необходимо должны быть подвергнуты всестороннему обсужденію. Замалчиваніе ихъ было непростительнымъ преступленіемъ со стороны печати.

Но и кромѣ этихъ вопросовъ, всеподданнѣйшій отчетъ довольно подробно касается многихъ интересныхъ сторонъ нашей финансовой системы. Въ связи съ той частью своей, которая посвящена нижегородской выставкѣ, докладъ говоритъ о покровительственной таможенной политикѣ и объ успѣхахъ русской промышленности. Такъ, въ немъ говорится, между прочимъ, что Россія, даже при нынѣшнемъ уровнѣ ея промышленнаго

«развитія, уже не можетъ считаться страною исключительно земледѣльческою, такъ какъ ея фабрично-заводская производительность уже и теперь выражается довольно крупными цифрами, и дальнѣйшее развитіе ея матерьяльнаго благосостоянія тѣсно связано съ преуспѣяніемъ ея переработывающей промышленности. Все годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ Россіи по цѣнности не превышаетъ полутора милліардовъ рублей, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходитъ два милліарда рублей».

Мы не можемъ въ короткой статьѣ, посвященной при этомъ другой части предмета, останавливаться на этомъ утвержденіи и затрогиваемыхъ имъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что мнѣніе «Новаго Слова» объ успѣхахъ промышленности и таможенной системы уже извѣстно нашимъ читателямъ. Но въ короткихъ словахъ мы должны отмѣтить, что вышеприведенная разцѣнка продуктовъ промышленности и сельскаго хозяйства сдѣлана при исключительно и ненормально повышенныхъ цѣнахъ для первыхъ и при небывало низкихъ цѣнахъ для вторыхъ. Въ газетахъ неоднократно приводились свѣдѣнія о томъ, что многія заграничныя произведенія промышленности, будучи оплачены почти запретительными таможенными пошлинами и высокими ввозными желѣзнодорожными тарифами, все-таки оказываются много дешевле и много лучше такихъ же русскихъ произведеній. При такихъ условіяхъ разцѣнки послѣднихъ, изъ указанной выше общей цѣнности ихъ въ два милліарда рублей придется скинуть очень и очень много процентовъ. На сельскохозяйственныхъ же продуктахъ, обезцѣненныхъ до чрезвычайности, напротивъ того, необходимо много накинуть. Въ результатѣ отношеніе цѣнности между произведеніями промышленности и сельскаго хозяйства окажется не столь неблагопріятнымъ для послѣдняго, какъ это можно было предположить съ перваго взгляда. Но

кромѣ того, для утвержденія объ измѣненіи сельскохозяйственнаго строя страны, необходимо еще знать данныя о распредѣленіи доходовъ, получаемыхъ отъ фабричной и заводской промышленности между лицами, участвующими въ ней. A priori можно утверждать, что значительная часть этихъ доходовъ должна быть отчислена въ уплату стоимости сырья, служащаго для переработки и получаемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, другая часть пойдетъ предпринимателямъ и капиталистамъ, третья—торговцамъ и посредникамъ и лишь остальная—рабочимъ. Уже въ виду этихъ соображеній можно утверждать, что доходы отъ промышленности далеко не имѣютъ такого значенія для массы населенія, какъ доходы отъ сельскаго хозяйства, которыми кормится эта масса. Если же затѣмъ принять въ разсчетъ тѣ жертвы, съ которыми совершается у насъ ростъ промышленности, то вопросъ о значеніи ея для благосостоянія массы населенія необходимо будетъ признать, по меньшей мѣрѣ, невыясненнымъ.

Послѣдняя часть разсматриваемаго всеподданнѣйшаго доклада г. министра финансовъ касается денежнаго обращенія. Въ этой области, почти вслѣдъ за опубликованіемъ доклада, обнародованъ Высочайшій указъ министру финансовъ, которымъ вопросъ о денежномъ обращеніи, по мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ печати, значительно подвинутъ къ разрѣшенію. Указомъ этимъ устанавливается новая чеканка золотой монеты съ замѣной обозначенной на ней цѣнности въ 5 и 10 р. обозначеніемъ цѣнности въ 7 р. 50 к. и въ 15 р., безъ измѣненія внутренняго достоинства монеты. По распространенному мнѣнію, указъ этотъ предрѣшаетъ вопросъ о денежной реформѣ. Но въ дѣйствительности это едва-ли такъ. По мнѣнію газеты «Волынь»,

«указъ 3 января не даетъ никакихъ поводовъ, а, наоборотъ, предупреждаетъ возможность подобныхъ неосновательныхъ выводовъ. Указъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что вопросъ о денежной реформѣ находится на разсмотрѣніи государственнаго совѣта и будетъ имъ обсуждаться и что устанавливаемая указомъ мѣра не имѣетъ никакого прямого отношенія къ тому или иному рѣшенію вопроса государственнымъ совѣтомъ.

«Въ указѣ сказано, что окончательное рѣшеніе верховной власти по вопросу о денежной реформѣ послѣдуетъ послѣ обсужденія его государственнымъ совѣтомъ. Въ виду этого, разныя «сенсаціонныя» статьи являются, по меньшей мѣрѣ, преждевременными. Указъ 3 января можетъ связывать государственный совѣтъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ и указъ отъ 8 августа прошлаго 1896 года. Указомъ 8 августа фиксирована до 1898 года цѣна полуимперіала въ 7 р. 50 к., а имперіала—въ 15 р. Указъ 3 января устанавливаетъ проставленіе соотвѣтствующихъ подписей на золотыхъ монетахъ безъ измѣненія ихъ вѣса и пробы. Какъ указъ 8 августа, такъ и указъ 3 января, ничего не говорятъ о томъ, что въ Россіи будетъ обязательно введено золотое обращеніе».

«Государственный совѣтъ—замѣчаетъ далѣе та же газета—можетъ принять, можетъ отвергнуть и можетъ существенно, въ самой основѣ, измѣнить проектъ денежной реформы, подлежащей его обсужденію. Теперь, конечно, трудно утверждать, къ какому именно заключенію придетъ государственный совѣтъ, но едва-ли имѣется много основаній предусматривать рѣшеніе вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Если мы остановимся на теченіяхъ въ общественномъ мнѣніи, то они оста-

ются неизмѣнными, т.-е. не на сторонѣ реформы. Конечно, теченія общественной мысли не имѣютъ у насъ особаго практическаго значенія, но едва-ли кто-либо пожелаетъ, чтобы вопросъ о денежной реформѣ былъ разрѣшенъ вопреки твердо установившемуся общественному мнѣнію»,

а также вопреки потребностямъ страны, гораздо болѣе нуждающейся, для возстановленія правильнаго денежнаго обращенія, въ улучшеніи общихъ экономическихъ условій, чѣмъ въ мѣрахъ техническаго характера. Эти мѣры могутъ быть очень полезны сами по себѣ, могутъ расчищать—по удачному выраженію другой газеты—путь къ намѣченной цѣли, но онѣ никоимъ образомъ не поведутъ къ достиженію ея, если не будутъ опираться на общія экономическія и податныя условія, обезпечивающія населенію быстрый ростъ, а не постепенный упадокъ его благосостоянія.

М. Слобожанинъ.

II. Условія переселенческаго движенія въ 1896 г.

Если мы обратимся къ тѣмъ цифровымъ даннымъ, которыя относятся къ переселенческому движенію, то должны будемъ признать, что движеніе это все глубже и глубже входитъ въ народную жизнь и охватываетъ все большее число губерній.

Изслѣдованіе причинъ этого явленія и значеніе его въ народномъ хозяйствѣ до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено, хотя попытки въ этомъ направленіи уже дѣлались. Настоящая статья не имѣетъ цѣлью касаться этого общаго вопроса и затрогиваетъ только небольшую часть его.

Общее число переселенцевъ въ Сибирь было:

въ 1885 г.	9.678 душъ	въ 1891 г.	67.994 душъ
» 1886 »	11.826 »	» 1892 »	80.015 »
» 1887 »	13.910 »	» 1893 »	58.018 »
» 1888 »	26.129 »	» 1894 »	около 67 тыс. »
» 1889 »	28.341 »	» 1895 »	» 130 » »
» 1890 »	33.720 »	» 1896 »	» 200 » »

Изъ приведенной таблицы видно, какъ быстро ростутъ цифры, и нѣтъ достаточныхъ данныхъ предполагать, чтобы ростъ этотъ остановился.

Изъ 272 тысячъ душъ, пришедшихъ въ Сибирь съ 1885 по 1892 г., водворилось:

въ Томской губ.	201 тысяча	въ Акмолинской обл.	4 тысячи
» Енисейской губ.	23 »	» Семирѣченской обл.	2 »
» Тобольской »	22 »	» Иркутской, Туркестанск. и Якутской.	555 душъ
» Пріамурск. краѣ.	13 »		
» Семипалатинской обл.	7 »		

Такимъ образомъ, главная масса сѣла на земляхъ Западной Сибири

и первое мѣсто занимаетъ Томская губернія съ Алтайскимъ горнымъ округомъ.

Общее число всѣхъ губерній, откуда вышли переселенцы за время съ 1884 г. по 1893 годъ, достигаетъ 64, причемъ въ 1884 г. переселенцы шли изъ 20 губ., въ 1888 г. изъ 39 губ. и въ 1892 г. изъ 49 губ. Первое мѣсто по числу переселенцевъ за это время занимали:

Курская губ. дала	7.769 семей.	Воронежская губ.	1.419 семей.
Тамбовская »	4.140 »	Черниговская »	1.198 »
Полтавская »	2.164 »	Самарская »	1.135 »
Вятская »	2.116 »	Харьковская »	1.079 »
Пермская »	1.844 »	Казанская »	1.002 »

Остальныя губерніи дали менѣе 1.000 семей.

Напомнивъ указанныя выше цифры, характеризующія переселенческій вопросъ, перейдемъ къ выясненію условій переселенческаго движенія лѣтомъ 1896 года.

Рѣшившіеся переселиться крестьяне, при всемъ ихъ стараніи собрать хоть какія-либо свѣдѣнія о Сибири, по большей части трогались въ путь безъ всякаго опредѣленнаго понятія объ условіяхъ чисто сельскохозяйственныхъ и экономическихъ ихъ новой родины. Затѣмъ, при самомъ началѣ хлопотъ о переселеніи, ихъ приходится заканчивать свои обязательства, какъ денежныя, такъ и земельныя.

Задумавъ переселиться и подавши просьбу о переселеніи, они живутъ все время въ ожиданіи ухода съ мѣста. Эта неопредѣленность заставляетъ ихъ отказываться и отъ аренды земли, и отъ заключенія другихъ обязательствъ и вноситъ нѣкоторое разстройство.

Получивши разрѣшеніе, они принуждены спѣшно распродать свое имущество, а такъ какъ, по большей части, подобныя переселенія предполагаются не отдѣльными лицами данной деревни, а цѣлой группой лицъ и при томъ, разъ партія собралась и часть этой партіи получила разрѣшеніе, то другая часть, въ большинствѣ случаевъ, рѣшается идти безъ разрѣшенія.

Такимъ образомъ выходъ партіи выноситъ на рынокъ, и притомъ крайне ограниченный, большое количество всего, что составляетъ обычное хозяйство крестьянъ. При отсутствіи свободныхъ денегъ въ деревнѣ, предложеніе это не соотвѣтствуетъ наличнымъ покупательнымъ средствамъ, цѣны сильно падаютъ, и распродажа имущества доставляетъ сумму, которой, за покрытіемъ долговъ, едва хватаетъ на дорогу.

Полное отсутствіе свѣдѣній о Сибири влечетъ за собою неумѣнье разобраться при распродажѣ хозяйства: встрѣчаются семьи, берущія съ собою по нѣсколько пудовъ сухарей, въ полной увѣренности, что путь ихъ до новыхъ мѣстъ идетъ по мѣстности, гдѣ нельзя даже добыть хлѣба, и заставляетъ ихъ оплачивать за провозъ сухарей большую сумму, чѣмъ они стоятъ. Другіе переселенцы, обладающіе болѣе значительными средствами и имѣющіе надежду принести на новыя мѣста нѣкоторыя деньги для первоначальнаго обзаведенія, въ виду того

же незнакомства съ Сибирью, несутъ эти деньги, думая пріобрѣсти все, что нужно, по приходѣ на мѣсто, не подозрѣвая того, что не все въ Сибири можно купить, а если и можно, то по цѣнѣ значительно высшей. Покупка такихъ предметовъ крестьянскаго обихода въ Россіи и провозъ ихъ съ собою былъ бы гораздо выгоднѣе. Кромѣ указанной затруднительности при распродажѣ имущества, нельзя пройти молчаніемъ и того, что часто распродажа эта происходитъ не на наличныя деньги. Вексель, до сихъ поръ еще мало обращающійся при разсчетахъ крестьянъ между собою, въ настоящемъ случаѣ вошелъ въ обычай. Многіе изъ переселенцевъ несутъ съ собою въ Сибирь векселя на своихъ бывшихъ односельцевъ и ужъ изъ Сибири посылаютъ ихъ для взысканія. Срокъ уплаты по такимъ векселямъ колеблется не очень сильно, большею частью до 1 года.

Покончивши разсчеты и распродажу имущества, переселенцы двигаются въ путь; ихъ путь по желѣзнымъ дорогамъ раздѣляется на 2 части: до Челябинска и по сибирской дорогѣ. Отличіе между этими двумя частями весьма существенное. По желѣзнымъ дорогамъ Европейской Россіи переселенцы подчиняются обычнымъ порядкамъ, и забота о нихъ лежитъ на начальникахъ желѣзнодорожныхъ станцій, насколько это касается и остальныхъ пассажировъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ это было лѣтомъ прошлаго года, послѣ распоряженія о задержкѣ переселенцевъ на станціяхъ, въ виду громаднаго ихъ наплыва въ Челябинскѣ, забота о переселенцахъ, при слѣдованіи ихъ по дорогамъ Европейской Россіи, была возложена на мѣстную администрацію.

Въ Сибири же, по сибирской ж. дор., существуетъ особая переселенческая организація. Въ трехъ пунктахъ сибирской желѣзной дороги живутъ переселенческіе чиновники: въ Челябинскѣ, Омскѣ и Кривощековѣ. Четвертый чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ разъѣзжаетъ по всей сибирской линіи отъ Челябинска до Оби и бываетъ тамъ, гдѣ какія-либо причины вызываютъ его присутствіе.

Кромѣ этихъ чиновниковъ, на нѣкоторыхъ станціяхъ обязанности ихъ исполняютъ студенты медицинскаго персонала.

Расходъ по проѣзду оплачивается самими переселенцами. Начиная съ Челябинска, всѣ переселенцы, какъ идущіе съ разрѣшенія, такъ и идущіе самовольно, въ отношеніи платы за проѣздъ подчиняются такъ называемому переселенческому тарифу. До Челябинска же, переселенцы, идущіе самовольно, уплачиваютъ за проѣздъ и за провозъ багажа по общему тарифу. Нельзя обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что переселенцы эти, оплатившіе полную стоимость билета и имѣющіе право ѣхать въ пассажирскихъ поѣздахъ, обыкновенно везутся въ переселенческихъ, пребывая въ пути вдвое большее время, чѣмъ нужно для обычныхъ поѣздовъ. Такимъ образомъ переселенцы эти какъ бы уплачиваютъ штрафъ за свое самовольное переселеніе.

Условія самаго передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ въ высшей

степени неудовлетворительны. Переселенцы перевозятся въ товарныхъ вагонахъ, совершенно неприспособленныхъ къ помѣщенію людей; правда, съ подобнымъ положеніемъ русское общество какъ будто бы уже свыклось и узаконило это явленіе. Въ подобныхъ же вагонахъ перевозятся и крестьяне, ежегодно отправляющіеся на заработки; но тамъ ѣдутъ только взрослые, безъ багажа, ѣдутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней; здѣсь же положеніе совершенно иное. Согласно правиламъ, въ каждый вагонъ полагается 40 человѣкъ, но на дѣлѣ цифра эта всегда больше, доходя иногда до 50 слишкомъ, какъ разсказываютъ сами переселенцы. Такого вагона, въ которомъ было бы только 40 человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ маѣ и началѣ іюня, во время скопленія, не было. Подобное явленіе объясняется весьма просто. При составленіи поѣзда переселенцы пускаются въ вагоны по очереди, при чемъ составитель поѣзда опрашиваетъ крестьянъ, сколько у кого въ партіи душъ. Если случается, что число душъ въ 2 или болѣе партіяхъ превышаетъ цифру 40 на нѣсколько человѣкъ, то ихъ сажаютъ въ одинъ вагонъ, опрашивая предварительно, согласны-ли они немного потѣсниться. Крестьяне, ожидавшіе очереди иногда по нѣскольку недѣль, конечно, соглашаются, и такимъ образомъ узаконяется то явленіе, которое приходится наблюдать на сибирской ж. дор., а именно: что истинная норма не 40 человѣкъ, а больше. Среднее истинное число возможно вывести только при помощи отчетовъ станціи Челябинскъ.

Второе неблагопріятное условіе составляетъ то, что крестьяне, отправляясь въ Сибирь на новыя мѣста, забираютъ съ собою свой скарбъ, часть котораго сдается въ багажъ, а другая оставляется при себѣ и помѣщается въ вагонѣ, внося еще большее стѣсненіе. Если прибавить ко всему этому зыбки грудныхъ дѣтей, то картина получится полная: весь вагонъ буквально набитъ, люди не только не могутъ лечь, но даже и сѣсть какъ слѣдуетъ.

Но это не все: есть еще условіе, крайне неблагопріятное, еще болѣе ухудшающее положеніе — это продолжительность пути. Надо помнить, что при такихъ условіяхъ ѣдутъ дѣти, женщины, больные и старые люди, ѣдутъ не нѣсколько часовъ, а недѣлю и больше подъ рядъ.

Какая бы ни была погода во время этого переѣзда, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ переселенцамъ, особенно дѣтямъ ихъ, приходится испытать и весенній или осенній холодъ, и плохое питаніе и духоту. Если же партіи не посчастливилось, если во время переѣзда погода была плохая, то положеніе ихъ въ значительной степени ухудшается. Приходится или запирать двери и отдушины, рискуя прямо задохнуться, или предоставить себя и свои семьи на жертву вѣтра и дождя.

Недостатокъ питанія, тяжелыя условія передвиженія отзываются въ сильной степени на здоровьѣ переселенцевъ; громадное число ихъ, особенно дѣтей, страдаетъ желудочными и кишечными болѣзнями. Та-

кіе-то больные принуждены оставаться въ вагонахъ по 3—4 часа, время, необходимое для пробѣга между станціями, въ вагонахъ, годныхъ только для перевозки грузовъ, но совершенно не приспособленныхъ къ помѣщенію людей и не имѣющихъ отхожихъ мѣстъ. И безъ того присущая каждому переѣзду грязь усиливается въ страшной степени. Крестьянки на каждой станціи, гдѣ есть вода, что бываетъ не часто, моютъ бѣлье и развѣшиваетъ его для сушки въ тѣхъ же вагонахъ.

Къ довершенію всего, вагоны не имѣютъ никакихъ приспособленій, а для входа въ нихъ нѣтъ ни лѣстницъ, ни скамеекъ; войти въ вагонъ можно только по простой доскѣ, иногда даже безъ поперечныхъ планокъ. По такой-то доскѣ приходится входить и дѣтямъ, и старухамъ, и беременнымъ, при чемъ случаи паденія очень часты, особенно при дождѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ условія передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ; посмотримъ, что находятъ переселенцы на переселенческихъ пунктахъ.

Первый переселенческій пунктъ сибирской дороги — Челябинскъ — является вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ главнымъ: чрезъ него проходятъ всѣ переселенцы, слѣдующіе по сибирской дор., здѣсь происходитъ регистрація переселенцевъ, осмотръ ихъ. Въ Челябинскѣ же переселенцы рѣшаютъ и вопросъ, куда идти.

Такое же значеніе, какое имѣетъ Челябинскъ для Западной Сибири, для Восточной играетъ Кривощеково, конечно, въ болѣе слабой степени, такъ какъ только небольшая часть переселенцевъ идетъ дальше на востокъ, главная же масса разселяется по губерніямъ Западной Сибири. Остальные переселенческіе пункты играютъ роль временныхъ остановокъ для тѣхъ крестьянъ, которые, доѣзжая до станціи, идутъ далѣе на подводахъ.

Для защиты переселенцевъ отъ непогоды, во время ихъ остановокъ на пунктахъ, лѣтомъ 1896 года служили деревянные бараки и войлочныя юрты. Число тѣхъ и другихъ и ихъ вмѣстительность лишь въ ничтожной степени удовлетворяли потребности; особенный недостатокъ замѣчается въ періодъ наибольшей волны переселенцевъ съ 10 по 20 мая, когда, напримѣръ, на Челябинскомъ пунктѣ скопилось до 20 тысячъ, для помѣщенія которыхъ имѣлось только два барака. Переселенцы должны были укрываться въ наскоро сдѣланныхъ шалашахъ, которые только въ хорошую погоду давали нѣкоторое укрытіе, но не защищали отъ холода во время ночи и утренниковъ, въ дождь же и переселенцы, и ихъ багажъ мокли.

Въ концѣ мая къ предполагаемому проѣзду министра путей сообщенія были выстроены желѣзной дорогой бараки на пунктѣ и на вѣткѣ желѣзной дороги, гдѣ происходила посадка переселенцевъ для слѣдованія дальше въ Сибирь, а къ началу іюня, къ пріѣзду А. Н. Куломзина, были построены на правительственныя деньги еще 4 ба-

рака. Хотя желѣзнодорожные бараки по своей постройкѣ совершенно неудовлетворительны: безъ пола, оконъ и навѣсныхъ дверей, и скорѣе ихъ можно назвать большими шалашами, но все-таки постройка ихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ принесла бы большую пользу.

Въ концѣ мая, въ Челябинскѣ открыты новые переселенческіе бараки, и въ началѣ іюня шалаши исчезли, и всѣ переселенцы, около 5 тысячъ, размѣстились.

Барачный вопросъ въ другихъ пунктахъ, за исключеніемъ Омска, былъ въ общемъ таковъ же, какъ и въ Челябинскѣ. Вездѣ бараки только строились и были открыты лишь въ концѣ переселенческаго сезона. Кромѣ бараковъ, на всѣхъ пунктахъ были поставлены юрты. Представляя собою громадное удобство въ быстротѣ разбивки, онѣ незамѣнимы въ тѣхъ пунктахъ, которые еще строются и гдѣ переселенцамъ негдѣ укрыться; но, по сравненію же съ деревянными бараками, юрты не могутъ дать тѣхъ удобствъ. Спертый воздухъ, сравнительная дороговизна ихъ и быстрое изнашиваніе не окупаются ихъ выгодной стороной—быстротой разбивки. Вездѣ, гдѣ пунктъ уже устроенъ и помѣщеніе въ баракахъ разсчитано на нормальное число, юрты могутъ быть устанавливаемы, какъ временная мѣра при особомъ скопленіи. Вообще, относительно бараковъ и юртъ на переселенческихъ пунктахъ можно установить то положеніе, что постройка ихъ началась въ самый разгаръ переселенческаго движенія, и еще въ срединѣ іюля работы не были окончены на всѣхъ пунктахъ.

1896 годъ былъ вторымъ годомъ движенія переселенцевъ по сибирской желѣзной дорогѣ, и переселенцы этого года лишь въ весьма малой степени пользовались бараками.

То же приходится сказать и относительно больницъ. Въ Челябинскѣ, во время майскаго наплыва, когда прошло болѣе 80 т., дѣйствовала больница на 8 кроватей, остальные больные лежали въ юртахъ безъ половъ. На нѣкоторыхъ изъ пунктовъ пріемъ больныхъ производился въ желѣзнодорожныхъ баракахъ.

Самая организація медицинской работы была такова. По пріѣздѣ переселенцевъ въ Челябинскъ и по размѣщеніи ихъ, медицинскій персоналъ обходилъ вновь прибывшихъ, разспрашивалъ, а нѣкоторыхъ изъ дѣтей подвергалъ осмотру. При обходахъ этихъ подвергались бѣглому осмотру и ранѣе прибывшіе.

При отправленіи переселенцевъ далѣе, послѣ посадки ихъ въ вагоны, также производился осмотръ, при чемъ главное вниманіе обращалось на дѣтей, съ цѣлью удаленія заболѣвшихъ дифтеритомъ. Если такія дѣти находились, то они и ихъ семьи задерживались на пунктѣ до окончательнаго исхода болѣзни.

Каждый переселенческій поѣздъ сопровождалъ фельдшеръ или фельдшерица въ санитарномъ вагонѣ, имѣя съ собой аптечку. Особенной нужды въ медикаментахъ не ощущалось и все, на сколько возмож-

но, удовлетворялось во время. Исключеніе составлялъ Каменскій пунктъ на Оби, куда медицинскій персоналъ прибылъ 22 мая, а медикаменты пришли ровно черезъ мѣсяцъ—21 іюня.

За весну и лѣто 1896 года эпидемическихъ болѣзней не было; число амбулаторныхъ больныхъ сильно колебалось, въ зависимости отъ наличнаго числа переселенцевъ и состоянія погоды. Дождь всегда приносилъ на слѣдующіе дни сильное увеличеніе числа больныхъ, что объясняется указанными уже выше условіями жизни переселенцевъ. Неудовлетворительность помѣщенія особенно тяжело отзывалась потому, что главная масса больныхъ была съ желудочными и кишечными болѣзнями. Другой причиной, также въ значительной степени благопріятствующей заболѣваніямъ, является неудовлетворительное питаніе переселенцевъ.

Если организація питанія во время пути представляетъ большія трудности, то, съ другой стороны, важное значеніе удовлетворительнаго питанія должно служить побудительнымъ мотивомъ попытаться лучше организовать его, какъ это и было сдѣлано лѣтомъ этого года; но это были единственные случаи и притомъ большею частью неудачные. Попытка организовать продовольствіе переселенцевъ во время пути приготовленіемъ для нихъ горячей пищи на тѣхъ станціяхъ, гдѣ поѣзда стоятъ долго, совершенно разбилась, благодаря невниманію желѣзнодорожнаго начальства. Не смотря на то, что переселенцы платили за проѣздъ, и эта плата доставляла значительную выгоду жел. дор., не только не существовало никакого росписанія движенія, но даже, не смотря на неоднократныя просьбы, нельзя было заранѣе узнать, когда придетъ поѣздъ. Это невниманіе желѣзнодорожной администраціи и было главнымъ тормазомъ того, что не удавалось организовать продовольствіе горячей пищей во время пути, такъ что переселенцы около недѣли, а иногда даже больше питались однимъ хлѣбомъ. Столь же важною является продовольственная организація и на самихъ пунктахъ для переселенцевъ, временно живущихъ на нихъ.

Громадный наплывъ переселенцевъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ значительной мѣрѣ превысившій ожиданія, и въ дѣлѣ продовольствія встрѣтилъ несоотвѣтствіе между числомъ переселенцевъ и средствами всѣхъ пунктовъ. Особенно рѣзко въ этомъ отношеніи выдѣлился Челябинскій пунктъ.

Въ то время, какъ поѣзда ежедневно привозили тысячи переселенцевъ и изо дня въ день увеличивался ихъ лагерь, дойдя до 15 т., средства пункта для варки пищи заключались въ 2 котлахъ. При такихъ условіяхъ, нечего было и думать удовлетворить потребность переселенцевъ въ горячей пищѣ, даже при соблюденіи очереди черезъ нѣсколько дней. Столовая хотя и дѣйствовала, но серьезно говорить объ ея помощи не представляется возможнымъ. Предоставленные самимъ себѣ, переселенцы питались у частныхъ лицъ, въ изобиліи являв-

шихся на пункты съ предложеніемъ всего, что нужно переселенцу. Громадный спросъ сильно поднялъ цѣны на всѣ продукты, и фунтъ хлѣба доходилъ до 3 коп. Къ дороговизнѣ продовольствія прибавился недостатокъ воды. Единственный колодезь не могъ дать потребнаго количества ея. За водой приходилось ходить на станцію, но и тамъ не всегда переселенцы получали ее.

При такихъ условіяхъ переселенцы жили въ Челябинскѣ, ожидая по недѣлямъ возможности двинуться дальше.

Какъ и всегда, наиболѣе сильно отразились эти лишенія на дѣтяхъ; въ то время, когда въ амбулаторіи строго-на-строго приказывали матерямъ не давать больнымъ сырой воды, а кормить яйцами или молокомъ, давать чай и кипяченую воду, въ лагерѣ своемъ они не находили ничего, кромѣ воды, да и то съ трудомъ.

Въ такомъ же положеніи находились и другіе пункты. Вездѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, когда было наибольшее движеніе, столовыхъ не было открыто, и продовольствіе переселенцевъ находилось въ рукахъ мѣстныхъ жителей, которые извлекали изъ этого хорошій доходъ.

Только въ концѣ мая и началѣ іюня, когда уже сошла главная волна переселенцевъ, начали открываться столовыя, но и то не могли удовлетворить вполнѣ спроса; такъ, напр., въ Челябинскѣ, въ началѣ іюня, при общемъ числѣ 6 тысячъ, ежедневно варилось горячей пищи 138 ведеръ, т.-е. одно ведро приходилось на 43 человѣка. Только съ конца іюля, когда движеніе совсѣмъ упало, продовольствіе вошло въ норму и пищи ежедневно хватало для всѣхъ.

Сказанное относится къ горячей пищѣ; вопросъ о довольствіи хлѣбомъ составлялъ еще болѣе больное мѣсто. Горячая пища, если и раздавалась не всѣмъ, то всегда даромъ, и хотя эта даровая раздача, въ виду того, что пищи не хватало для всѣхъ, часто попадала не тѣмъ, кому была нужнѣе, а тѣмъ, кто съумѣлъ захватить ее раньше, но все-таки не возбуждала особыхъ недоразумѣній. Совершенно въ иномъ положеніи находилось довольствіе хлѣбомъ. Въ противоположность горячей пищѣ, по большей части его не выдавали даромъ. Цѣна его не была установлена; на нѣкоторыхъ пунктахъ всѣ переселенцы получали даровой хлѣбъ; на другихъ платили по $^1/_2$ и 1 к.; бывало и такъ, что на одномъ и томъ же пунктѣ нѣсколько разъ измѣнялись правила выдачи хлѣба. Эта неустойчивость возбуждала совершенно ложныя заключенія среди переселенцевъ, заставляя ихъ подозрѣвать о незаконности продажи хлѣба. Эти разговоры пріобрѣтали еще болѣе острую форму, въ виду того, что часть хлѣба раздавалась даромъ нѣкоторымъ изъ переселенцевъ. Такимъ образомъ на лицъ, завѣдующихъ столовыми, падала въ высшей степени тяжелая обязанность выбирать изъ переселенцевъ наиболѣе нуждающихся, что при большомъ скопленіи и массѣ другихъ дѣлъ представляло неразрѣшимую задачу.

Вообще, надо признать, что дѣло продовольствія переселенцевъ весною 1896 года, во время наибольшаго движенія, находилось въ рукахъ мѣстныхъ жителей, и переселенцы были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Позднѣе, когда была организована варка горячей пищи и раздача ея даромъ, главный продуктъ для питанія—хлѣбъ только частью раздавался даромъ.

Продовольствіе больныхъ было поставлено въ лучшія условія, но это касалось только тѣхъ, кто лежалъ въ больницахъ. Громадная масса больныхъ дезинтеричныхъ была предоставлена общимъ условіямъ; только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, частью на правительственныя, частью на частныя средства, были устроены столовыя для дѣтей, но и тѣ, въ виду указаннаго наплыва переселенцевъ, не могли удовлетворить спроса. Особенно тяжело отражались эти условія питанія на грудныхъ дѣтяхъ. Истощенныя матери не могли кормить ихъ, и отсутствіе какой-либо подходящей для нихъ пищи въ конецъ подрывало ихъ здоровье.

Къ сказанному выше необходимо добавить, что переселенцы, въ виду отсутствія соотвѣтственнаго числа вагоновъ, задерживались на передаточныхъ пунктахъ. Продолжительность задержки трудно установить, такъ какъ она зависѣла отъ разныхъ причинъ. Въ маѣ въ Челябинскѣ и Кривощековѣ переселенцамъ приходилось ожидать очереди по нѣсколько недѣль. Часто задержки происходили отъ неполученія багажа. Вообще порядокъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ переселенцевъ и ихъ багажа еще болѣе ухудшалъ положеніе.

Перейдемъ теперь къ коренному вопросу переселенческаго дѣла: къ выбору мѣстъ новаго поселенія.

По пріѣздѣ въ Челябинскъ, для переселенца наступаетъ время рѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ: куда идти дальше? гдѣ лучше? гдѣ земляки? Запасъ свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ у переселенца ничтоженъ и часто даже эти свѣдѣнія настолько не соотвѣтствуютъ истинѣ, что лучше бы было, еслибы ихъ совсѣмъ не было. Гдѣ же переселенцу получить эти свѣдѣнія?

Обратные переселенцы, ходоки другихъ партій и добровольные совѣтчики сообщаютъ ему противорѣчивыя свѣдѣнія о земляхъ и порядкахъ на новыхъ мѣстахъ. Каждаго онъ слушаетъ и старается разобраться въ этой безпорядочной кучѣ свѣдѣній, нагроможденныхъ и перепутанныхъ между собою, и еще болѣе самъ запутывается. Чувствуя свою безпомощность, переселенецъ покоряется необходимости и идетъ туда, гдѣ ему сказали, что есть свободныя земли.

Совершенно случайно, безсознательно рѣшается этотъ главнѣйшій вопросъ для переселенца и служитъ причиной часто встрѣчающихся случаевъ, что крестьянинъ, привыкшій съ дѣтства къ извѣстнымъ условіямъ сельскохозяйственной жизни, поселяется въ мѣстности, совершенно для него не подходящей.

Переселенческіе чиновники— можетъ быть, единственныя лица, къ которымъ могли бы переселенцы обращаться за совѣтомъ,—настолько завалены работой, что не имѣютъ никакой возможности удѣлять этому дѣлу хоть небольшую часть своего времени.

Все, что касается пункта, всѣ заботы о благоустройствѣ его лежатъ на переселенческомъ чиновникѣ. Регистрація, выдача пособій, выдача проѣздныхъ свидѣтельствъ, забота о продовольствіи, посадка переселенцевъ въ вагоны, постройка новыхъ бараковъ, выработка плановъ этихъ бараковъ, указанія переселенцамъ свободныхъ мѣстъ для заселенія, сношенія съ центральнымъ управленіемъ, разборъ безконечныхъ жалобъ переселенцевъ на задержку грузовъ—все это составляетъ обязанности чиновника. Одно простое перечисленіе ихъ показываетъ уже, насколько они превышаютъ силы одного человѣка. Главнѣйшая же потребность переселенца получить хоть какія-либо свѣдѣнія о мѣстахъ новаго поселенія остается совершенно неудовлетворенной, тогда какъ отъ рѣшенія вопроса, гдѣ поселиться, зависитъ все его благосостояніе. Только при условіи возможности обстоятельныхъ разъясненій переселенцамъ всего, что касается мѣстъ ихъ новаго поселенія, можно внести въ переселенческое дѣло извѣстный порядокъ. Появленіе обратныхъ переселенцевъ исключительно зависитъ отъ незнакомства крестьянъ съ новыми мѣстами и отсутствія какой-либо организаціи для облегченія крестьянъ въ выборѣ участковъ. Если имъ будетъ дана возможность болѣе разумно отнестись къ выбору новыхъ мѣстъ, процентъ обратныхъ переселенцевъ навѣрное упадетъ до минимальныхъ предѣловъ. Многіе возвращаются потому, что имъ указанъ районъ совершенно для нихъ не подходящій. Найдя указанныя мѣста неудобными для поселенія, переселенцы уже не имѣютъ силъ идти далѣе и, предполагая, что вся Сибирь такая же, возвращаются на родину. Въ частности явленіе обратныхъ переселенцевъ въ 1896 г. объясняется истощеніемъ запаса обмежеванныхъ земель. Многіе вернулись потому, что оставшіеся участки земли неудобны, а на запасныхъ участкахъ не позволяли селиться. Многіе же изъ тѣхъ, которые сѣли на землю, на эти оставшіеся участки, не выдержатъ, и въ 1897 году можно предвидѣть мѣстное переселеніе изъ многихъ участковъ, занятыхъ въ текущемъ году, но совершенно непригодныхъ для поселенія.

Единственный путь, который можно считать правильнымъ, это путь ознакомленія переселенцевъ съ условіями жизни въ Сибири. Необходимо путемъ брошюръ и разъясненій дать эти свѣдѣнія о Сибири тѣмъ, кто задумалъ переселиться, необходимо, чтобы на переселенческихъ пунктахъ переселенцы могли получить эти свѣдѣнія. Но этого мало. Нужно дать возможность крестьянамъ видѣть все, что будетъ окружать ихъ въ ихъ новой жизни, а для этого есть только одинъ путь: это возможно полное облегченіе для посылки ходоковъ отъ отдѣльныхъ

семей и крестьянскихъ обществъ, содѣйствіе этимъ ходокамъ въ дѣлѣ выбора мѣстъ со стороны мѣстной сибирской администраціи.

Въ настоящее время громадная масса идетъ безъ ходоковъ, идетъ прямо куда глаза глядятъ, идетъ съ семьями и много терпитъ, а частью и гибнетъ во время пути.

Конечно, ходоки могутъ только тогда оказать замѣтное вліяніе, если ихъ посылка не будетъ такъ стѣснена, какъ въ настоящее время, и будетъ зависѣть исключительно отъ сельскихъ обществъ. Свѣдѣнія, приносимыя такими ходоками, въ значительной степени разсѣютъ тѣ представленія о Сибири и условіяхъ переселенія, которыя существуютъ въ народномъ обращеніи. Хлопоты о разрѣшеніи переселиться должны были бы начинаться только тогда, когда сельское общество выслушаетъ ходоковъ и окончательно порѣшитъ переселиться.

Дѣло переселенія очень сложное, и только сознательное отношеніе къ нему со стороны крестьянъ можетъ быть гарантіей успѣха. Въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, торопливость и малое знакомство имѣютъ роковое значеніе.

Совсѣмъ не то происходитъ въ настоящее время. Когда переселенецъ остановится на какомъ-либо районѣ, по указанію-ли чиновника по переселенческимъ дѣламъ или на основанія свѣдѣній, полученныхъ имъ другимъ путемъ, онъ доѣзжаетъ по желѣзной дор. до той станціи, откуда ему надо ѣхать уже на лошадяхъ. Главная забота по пріѣздѣ на эту послѣднюю станцію—это, какъ идти дальше. Правда, на нѣкоторыхъ станціяхъ въ 1896 году были устроены склады телѣгъ для продажи переселенцамъ, но эти телѣги продавались на наличныя деньги и были доступны только для немногихъ. Кто покупалъ телѣгу, тому надо было купить и лошадь. При томъ спросѣ, какой былъ вызванъ переселенцами въ 1896 г., цѣны на лошадей около станцій желѣзныхъ дорогъ поднялись болѣе, чѣмъ вдвое. Появившаяся въ Барнаульскомъ округѣ сибирская язва еще сильнѣе подняла цѣны, въ виду затруднительности и рискованности пригона лошадей. Въ этомъ отношеніи переселенцу ни отъ кого не было оказано помощи. Да и вообще, съ момента оставленія ж. дор., переселенецъ предоставленъ только своимъ личнымъ силамъ. Когда онъ ѣдетъ по ж. дор., то мѣстная администрація прилагаетъ всѣ усилія, чтобы возможно скорѣе избавиться отъ него и передать дальше заботу о немъ. Такъ проходитъ переселенецъ изъ одной губерніи въ другую.

Совсѣмъ другое положеніе наступаетъ, когда переселенецъ тронулся со станціи желѣзной дороги въ глубь страны, на новое свое мѣсто. Надо помнить, что и самъ переселенецъ, и семья его уходятъ со станціи уже сильно истощенными въ денежномъ и физическомъ отношеніяхъ. Желѣзная дорога, вмѣстѣ съ долгими стоянками на пунктахъ, беретъ большую часть его имущества, его силъ и здоровья.

При наличности этихъ данныхъ, переселенецъ предоставляется уже

исключительно своимъ собственнымъ силамъ, никакой организаціи помощи, при слѣдованіи его по грунтовымъ дорогамъ, не имѣется. Путь его продолжается иногда 1½—2 недѣли. Все это время онъ ночуетъ подъ открытымъ небомъ, и хорошо еще, если съ нимъ ничего не случится, не заболѣетъ кто-либо изъ домашнихъ, не пристанетъ лошадь.

Участіе со стороны староселовъ и старожиловъ переселенецъ встрѣчаетъ рѣдко. Онъ отказывается даже отъ того, что имѣетъ право требовать. Напр., на основаніи распоряженія администраціи, перевозъ на паромахъ черезъ рѣки долженъ быть предоставленъ переселенцамъ даромъ. Владѣльцы ихъ умѣютъ обойти это; когда переселенческая партія, идя по дорогѣ, доходитъ до перевоза, то часто паромщикъ заявляетъ, что онъ ихъ не перевезетъ даромъ, и требуетъ съ каждой подводы извѣстную плату, заявляя, что такъ называемый переселенческій паромъ въ другомъ мѣстѣ верстъ за 5—10. Для переселенца, конечно, легче отдать 5—10 коп., чѣмъ ѣхать на даровой паромъ за 10 верстъ и терять время, и они даютъ эти деньги, а мѣстное начальство считаетъ себя вправѣ заявлять о безплатномъ перевозѣ на паромѣ.

Когда, наконецъ, переселенецъ придетъ на мѣсто и рѣшится остаться на немъ, для него наступаетъ еще болѣе жгучій вопросъ о постройкѣ, хотя бы землянки, и обзаведеніи, хотя-бы самыми необходимыми предметами крестьянскаго хозяйства. Своими силами переселенцу не справиться, помощи же ему ждать не откуда.

Правда, въ настоящее время эта помощь производится выдачей ему отъ правительства денегъ на устройство, но условія выдачи этихъ денегъ совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни. Въ то время, какъ переселенецъ испытываетъ наибольшую нужду въ деньгахъ по приходѣ на мѣсто, когда ему надо обзаводиться всѣмъ, что составляетъ насущную потребность крестьянскаго хозяйства, онъ ни откуда помощи не получаетъ. Только черезъ 6—9 мѣсяцевъ, а иногда черезъ годъ выходитъ ему пособіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей, да и то не сразу, а въ 2—3 раза. На этой почвѣ въ Сибири возникло довольно интересное явленіе. Мѣстные жители даютъ переселенцу и лошадь и корову подъ залогъ будущаго пособія, и этой операціей заработываютъ хорошія деньги.

Вотъ тѣ условія переселенческаго движенія, которыя имѣли мѣсто въ 1896 году. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ эти условія измѣнились въ благопріятную сторону. Уже теперь выяснилось, что 1897 годъ будетъ сильно отличаться отъ предыдущихъ лѣтъ, такъ какъ главная масса переселенцевъ будетъ направлена въ лѣсной Канскій округъ, гдѣ заготовлены участки земель для переселенцевъ. Въ округъ съ рѣдкимъ населеніемъ, большею частью покрытый лѣсомъ, на земли, никогда не воздѣлывавшіяся, пойдутъ переселенцы изъ разныхъ губерній и степныхъ, и лѣсныхъ. Какъ устроятся они на этихъ земляхъ и какой цѣной отвою-

ютъ они у тайги свои земли покажетъ ближайшее будущее, но и теперь можно думать, что такъ же, какъ и въ 1896 году, первое, что сдѣлаютъ переселенцы по приходѣ на мѣсто новаго водворенія—это поставятъ кресты на могилахъ тѣхъ, чьи силы не выдержали указанныхъ выше условій переселенческаго дѣла.

Мих. Григоровъ.

III. Съѣздъ сифилидологовъ въ С-Петербургѣ.

(Сифилисъ, какъ бытовая болѣзнь сельскаго населенія).

Громадное распространеніе сифилиса въ крестьянской средѣ издавна уже обращаетъ на себя вниманіе общества. Какъ администрація, такъ и земство сознаютъ, что сифилисъ подрываетъ рабочую силу крестьянской семьи, а земскіе врачи изъ года въ годъ наблюдаютъ, какъ разростается эта болѣзнь и ведетъ населеніе къ вырожденію и, мѣстами, къ вымиранію. Особенно это сказывается на дѣтяхъ, получающихъ сказанную болѣзнь отчасти по наслѣдству, отчасти путемъ заразы, т.-е. непосредственной передачи отъ матерей и «нянекъ», сестеръ 6—7 лѣтъ, наблюдающихъ за ними въ отсутствіи матерей. Фактъ распространенія «дѣтскаго сифилиса», и самъ по себѣ удручающій, становится еще болѣе печальнымъ, если вспомнить, что населеніе часто и не подозрѣваетъ, съ *какою* болѣзнію оно имѣетъ дѣло. «*Дѣти въ крестьянской семьѣ являются едва-ли не самыми главными распространителями сифилиса* въ селеніяхъ, наиболѣе же частое и ближайшее отношеніе къ дѣтямъ имѣютъ дѣвочки-подростки, какъ няньки, матери и частью бабки» (Н. И. Тезяковъ).

Наблюденія земскихъ врачей воочію доказываютъ, какъ велико число дѣтей, пораженныхъ сифилисомъ. Въ Херсонской губ. сифилитики-*дѣти* (до 15-ти-лѣтняго возраста включительно) составляютъ 16,3%, въ Смоленской губ. 20,7%, въ Курской—29,3%, въ Пермской—8,6% всѣхъ сифилитиковъ.

Въ Херсонской губ., а равно и въ другихъ мѣстностямъ (Смоленской, Курской и пр.) «заразныя формы сифилиса у *дѣтей* являются преобладающими, что вполнѣ понятно при условіяхъ передачи заразы *по преимуществу бытовымъ путемъ*, при каковомъ дѣти и женщины *прежде всего дѣлаются жертвами заразы*. Вмѣстѣ съ заразными формами у дѣтей встрѣчаются и гуммозные сифилиды (третичная форма)». «Нельзя не согласиться съ докторомъ Жбанковымъ,—говоритъ докторъ Н. И. Тезяковъ,—что такіе больные являются самыми несчастными существами. Изъ числа такихъ дѣтей, если они достигаютъ старшаго возраста, получаются изуродованные субъекты, совершенно исключенные изъ семейной жизни,—ихъ не берутъ и за нихъ не выходятъ замужъ».

Земскимъ врачамъ давно уже извѣстно, что «сифилисъ въ дерев-

няхъ, какъ и другія заразныя болѣзни, распространяется быстро и неудержимо въ населеніи, *главнымъ образомъ, благодаря народному невѣдѣнію* и почти полному невѣжеству» [1]). По наблюденіямъ земскихъ врачей, процентъ заразившихся *внѣполовымъ* путемъ достигаетъ 80—90%.

Замѣчено, что уѣзды (Смоленской губ.) съ наиболѣе грамотнымъ населеніемъ представляютъ *меньшее* число больныхъ сифилисомъ, говоритъ д-ръ Д. Н. Жбанковъ (въ своихъ «Матерьялахъ о распростр. сиф. и венер. заболѣваній въ Смоленской губ.», см. стр. XCI).

Въ силу тѣхъ же бытовыхъ условій, въ Россіи сифилисъ встрѣчается несомнѣнно чаще среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ. Въ этомъ отношеніи «Херсонская губ. (говоритъ д-ръ Тезяковъ) не представляетъ ничего особеннаго въ ряду другихъ мѣстностей Россіи. Такъ. по д-ру Никольскому, въ *Тамбовской* губ. женщины болѣли сифилисомъ въ $1^1/_2$ раза чаще мужчинъ. «Въ Смоленской губ., по д-ру Жбанкову, мужчины составляютъ около $^1/_3$ всѣхъ больныхъ сифилисомъ, женщины же *около половины* и дѣти немного больше $^1/_5$ всѣхъ сифилитиковъ. «Давно уже считается твердо установленнымъ фактомъ,—прибавляетъ д-ръ Тезяковъ,—что среди сельскаго населенія сифилисъ распространяется по преимуществу бытовымъ путемъ; *бытовыя*-то условія больше и благопріятствуютъ распространенію сифилиса среди женщинъ».

Существуетъ рядъ причинъ, «способствующихъ бо́льшему зараженію сифилисомъ женщинъ сравнительно съ мужчинами», говоритъ д-ръ Жбанковъ въ своихъ матерьялахъ (см. стр. XXXVI). «Теперь *всѣмъ извѣстно*, что сифилисъ въ крестьянскомъ населеніи болѣзнь *бытовая*, распространяющаяся *только въ незначительной степени* половымъ путемъ, а *главнымъ образомъ* вслѣдствіе тѣсной совмѣстной жизни: общая посуда, поцѣлуи, кормленіе соской, которая переходитъ изо рта матери въ ротъ ребенка и наоборотъ, кормленіе грудью чужихъ дѣтей, спанье на одной общей постели, няньченье чужихъ ребятъ, вылизыванье соринокъ изъ глазъ, куренье изъ одной трубки, всевозможныя манипуляціи, производимыя повитухами надъ роженицами, тѣсное общеніе ребятъ всей деревни между собою, очередное кормленіе пастуховъ въ избахъ всѣхъ деревенскихъ жителей (этотъ бродячій элементъ часто бываетъ зараженъ) и рядъ другихъ крупныхъ и мелкихъ условій крестьянской жизни, на которыя указывалось земскими врачами въ своихъ отчетахъ и работахъ по сифилису. *Несомнѣнно, что крестьянка, какъ мать, хозяйка или нянька, подвергается вліянію этихъ условій гораздо больше, чѣмъ мужчины*, а нѣкоторыя условія относятся даже исключительно къ женщинамъ; все это увеличиваетъ во много разъ шансы зараженія у женщинъ, причемъ мужчины могутъ оставаться совершенно внѣ возможности заразиться». Но этого мало; дѣло въ томъ,

[1]) См. статью д-ра В. А. Евменіева въ № 22 «Медицинской Бесѣды» (1896).—«Деревенскій сифилисъ и борьба съ распространеніемъ его».

что (какъ справедливо указываетъ д-ръ Жбанковъ) «мужчины, особенно ходившіе на сторону, *гораздо культурнѣе* крестьянокъ... и потому *болѣе остерегаются зараженія*»; крестьянкѣ же, при настоящихъ условіяхъ жизни, *трудно остеречься* отъ зараженія, еслибъ даже она и знала о свойствахъ дурной болѣзни (см. «Матерьялы»).

Поэтому нечего удивляться, что «первичная язва встрѣчается очень рѣдко въ населеніи Смоленской губ. и вообще въ крестьянствѣ всей Россіи». Уже одно это обстоятельство въ связи съ *массою дѣтей* больныхъ сифилисомъ указываетъ, что *крестьянскій сифилисъ* не половой, а *бытовой;* полученіе заразы путемъ полового сношенія гдѣ-либо на сторонѣ и возвращеніе съ ней домой бываетъ *не часто;* но за то *каждый* изъ этихъ случаевъ, при благопріятныхъ условіяхъ—а эти условія даются повсюду въ крестьянской жизни—является *очень губительной искрой*, зажигающей костеръ сифилиса въ несчастной деревнѣ,—и въ итогѣ получается, какъ въ Смоленской губ., что на *каждаго больного первичнымъ затвердѣніемъ* [1]) *приходится около 100 больныхъ другими формами сифилиса!* («Матерьялы и пр.»).

Вотъ гдѣ ужасный корень зла: народная масса бѣдна, не культурна, не вѣдаетъ опасности, да, правду говоря, при данныхъ условіяхъ своего существованія, и *не можетъ* уберечься отъ зараженія. Вотъ почему дифтеритъ уничтожалъ у насъ, мѣстами, почти все дѣтское населеніе поголовно. Стоитъ вдуматься въ эти тяжкія условія крестьянской жизни, чтобы понять, какъ серьезно зло и какъ трудно бороться съ нимъ. Вотъ почему въ Смоленской губ. громадное большинство сифилитиковъ (63,2%) страдаетъ гумознымъ сифилисомъ (третичная форма): «крестьяне-сифилитики лѣчатся очень плохо»—урывками.

Вообще населеніе, и «особенно *женская* его половина, такъ мало знакомо съ дурною болѣзнью, не смотря на ея значительное распространеніе, такъ мало развито, чтобы понять свойства и всю опасность этой болѣзни для себя и для всѣхъ окружающихъ, что оно относится къ вторичному сифилису иногда болѣе безучастно, чѣмъ къ больше безпокоящей чесоткѣ!.. Земскимъ врачамъ приходится постоянно и въ амбулаторіяхъ, и въ избахъ быть свидѣтелями такихъ сценъ, отъ которыхъ поневолѣ опускаются руки: только что объяснены матери всѣ мѣры предосторожности, а она сейчасъ-же, при врачѣ, суетъ въ ротъ здоровому ребенку ту-же ложку, которой только что кормила больного ребенка, или той же тряпкой или платкомъ, которымъ было вытерто обильное истеченіе изъ рта больного ребенка, вытирается лицо самой матери или здороваго ребенка, или еще лучше,—еще здоровый членъ

[1]) По отмѣткамъ врачей (Смоленской губ.), *всѣ* случаи первичной язвы у дѣтей, многіе у женщинъ и частью у мужчинъ—должны быть отнесены не къ половому зараженію. У дѣтей эти язвы наблюдаются преимущественно въ области рта, а у женщинъ въ области рта и на грудяхъ, вслѣдствіе кормленія больныхъ, иногда чужихъ дѣтей.

семьи прямо рукой вытираетъ это истеченіе и сейчасъ же берется за хлѣбъ и пр. и пр. Послѣ этихъ сценъ, происходящихъ сейчасъ же послѣ данныхъ объясненій и на глазахъ врача, что же происходитъ въ остальное время,—*остается только удивляться—почему сифилисъ еще такъ мало распространенъ* въ крестьянствѣ!» (Др. Жбанковъ, «Матерьялы» [1]).

Говоря о сифилитическомъ заболѣваніи въ Усманскомъ уѣздѣ, д-ръ Горновъ прибавляетъ: «особенно обращаетъ на себя вниманіе *небольшое число* больныхъ первичными явленіями сифилиса; фактъ этотъ, не представляющій собою исключительной особенности одного Усманскаго уѣзда и отмѣченный почти въ одинаковой степени и для другихъ уѣздовъ, объясняется тѣмъ, что первичныя явленія сифилиса въ большинствѣ случаевъ протекаютъ не въ видѣ первичнаго затвердѣнія, а въ другой болѣе легкой формѣ, которая локализируется на слизистой оболочкѣ полости рта». И для этого уѣзда «заболѣванію сифилисомъ подвержены, главнымъ образомъ, замужнія женщины и дѣти (послѣднія составляютъ 32,6% всего числа больныхъ сифилисомъ!). И здѣсь повторяется слово въ слово та же исторія: «очевидно, что замужнія женщины и дѣти въ крестьянскомъ быту находятся въ условіяхъ, особенно благопріятныхъ для зараженія сифилисомъ. Условія эти заключаются въ томъ, что замужнія женщины съ дѣтьми, какъ проводящія большую часть времени года дома, находятся въ особенно тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, подѣляясь между собою предметами первой необходимости и часто исполняя другъ за друга обязанности по кормленію дѣтей *жвачками и сосками*». Весьма интересны свѣдѣнія о степени образованія сифилитокъ, найденныя д-ромъ Горновымъ по Усманскому уѣзду. Оказывается, что изъ всего числа взрослыхъ сифилитиковъ, начиная съ 15-ти-лѣтняго возраста, грамотныхъ было 86 человѣкъ, т.-е. 3,5 и малограмотныхъ 125 человѣкъ, т.-е. 5.0%; всѣ же остальные взрослые сифилитики были совершенно безграмотны». Мнѣ кажется, что если невѣжество и проявляетъ себя всегда самымъ печальнымъ образомъ въ жизни крестьянъ, то въ дѣлѣ распространенія сельскаго сифилиса оно оказало уже свои результаты самымъ наглядньмъ образомъ. *Всѣ изслѣдователи сельскаго сифилиса согласны между собою въ томъ, что сифилисъ среди крестьянъ развивается вслѣдствіе особенныхъ, отличающихся отъ другихъ сословій, условій ихъ жизненнаго быта;* но всѣ эти условія, способствующія распространенію между крестьянами сифилиса, кромѣ экономическихъ

[1]) На усманскомъ санитарномъ съѣздѣ—во 2-й половинѣ 80-хъ годовъ—врачи пришли къ заключенію, что, «помимо бытовыхъ условій крестьянской жизни», прогрессивное развитіе сифилиса въ уѣздѣ совершается вслѣдствіе невѣжества населенія, *совершенно незнакомаго съ заразными свойствами сифилитическихъ страданій* (см. О сифилисѣ среди сельскаго населенія Усманскаго уѣзда, земск. врача М. В. Горнова, «Мед. Бесѣда», 1896 г., № 23).

причинъ, имѣютъ въ своей основѣ и невѣжество, которое породило ихъ и имъ поддерживается. «На основаніи вышеизложеннаго,— заключаетъ д-ръ Горновъ,—можно, мнѣ кажется, сдѣлать то заключеніе, что какія бы санитарныя мѣры ни принимались въ дѣлѣ борьбы съ сифилисомъ, онѣ не будутъ вполнѣ достигать своей цѣли, *если въ тоже время не будетъ обращено вниманія на умственное развитіе народа*».

Сознавая всю серьезность сифилитической заразы и настоятельность радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ этимъ народнымъ бичемъ, тамбовскій губернскій съѣздъ земскихъ врачей. бывшій въ августѣ 1896 года, выработалъ слѣдующія основныя положенія: 1) Для борьбы съ сифилисомъ необходимы *поднятіе экономическаго благосостоянія* населенія и широкое распространеніе образованія и гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ. 2) При борьбѣ съ сифилисомъ *слѣдуетъ помнить и о другихъ болѣзняхъ*, такъ какъ сифилисъ не единственная болѣзнь, подтачивающая здоровье населенія. 3) При борьбѣ съ сифилисомъ, чтобы имѣть въ населеніи союзника, а не врага, нельзя забывать *ни личности, ни матерьяльныхъ интересовъ* сифилитика. 4) Борьба съ сифилисомъ должна производиться постоянно, *а не временными мѣрами*, такъ какъ сифилисъ болѣзнь хроническая и сильно распространенная. Въ частности съѣздъ отвергъ всѣ временныя мѣры для борьбы съ сифилисомъ, какъ болѣе дорогія и безцѣльныя, во главѣ же всѣхъ мѣръ онъ поставилъ развитіе существующей постоянной участковой земской медицины по *стаціонарной* системѣ, признавъ въ то же время амбулаторное лѣченіе сифилиса вполнѣ успѣшнымъ.

Припомнимъ кстати, что по поводу докладовъ, читанныхъ на секціи общественной медицины VI съѣзда русскихъ врачей по вопросу о борьбѣ съ сифилисомъ среди сельскаго населенія, секція пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Просвѣщеніе населенія должно стать во главѣ всѣхъ мѣръ для борьбы съ сифилисомъ, почему секція высказала горячее пожеланіе, чтобы учрежденія, вѣдающія народное образованіе, приняли всѣ мѣры къ скорѣйшему введенію всеобщаго начальнаго обученія [1]). 2) Безплатное, легкодоступное раціональное лѣченіе составляетъ существенный фондъ въ борьбѣ съ сифилисомъ. 3) Для выясненія распространенія сифилиса среди населенія необходимо введеніе въ каждомъ врачебномъ участкѣ посельно-подворныхъ записей сифилитиковъ. 4) Борьба съ *постоянной бытовой болѣзнью*, т.-е. сифилисомъ, должна быть *постоянная*, почему временныя мѣры въ видѣ летучихъ отрядовъ не могутъ дать *никакихъ результатовъ* въ этой борьбѣ. 5) Никакія принудительныя мѣры борьбы съ сифилисомъ въ сельскомъ населеніи не могутъ способствовать ограниченію его распространенія.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалось большинствомъ раз-

---

[1]) «Дневникъ VI Съѣзда русскихъ врачей», № 12, стр. 7.

рѣшеніе этого назрѣвшаго вопроса на общемъ съѣздѣ сифилидологовъ, который долженъ былъ собраться въ половинѣ января текущаго года. Только голосъ столь авторитетнаго съѣзда могъ и долженъ былъ быть услышанъ по всей Россіи; только постановленія этого съѣзда могли получить особый вѣсъ и значеніе, въ виду компетентности его членовъ, въ виду ихъ близкаго знакомства, какъ съ самою болѣзнью, такъ и съ бытовыми условіями ея проявленія. Необходимость повсемѣстнаго примѣненія однороднаго метода регистраціи, установленія однообразныхъ санитарныхъ мѣръ, организаціи санитарнаго контроля, установленія исходныхъ точекъ зрѣнія для практической борьбы съ этою «бытовою болѣзнью»—необходимость всего этого давно ощущалась и сознавалась всѣми; вотъ почему «съ свѣтлыми надеждами и теплымъ чувствомъ» всѣ ожидали этого съѣзда.

И дѣйствительно, съѣздъ встрѣтилъ горячее сочувствіе, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны врачей и различныхъ общественныхъ учрежденій.

Въ числѣ участниковъ съѣзда, открывшагося 15 января, находились: извѣстный юристъ, сенаторъ А. Ѳ. Кони, инспекторъ врачебной части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, В. В. Сутугинъ, главный медицинскій инспекторъ флота, В. С. Кудринъ, профессора военно-медицинской академіи: Тарновскій, Шидловскій, Вельяминовъ, Сиротининъ, Лебедевъ, профессора университетовъ: Московскаго—Богословскій, Поспѣловъ, Казанскаго—Ге, Любимовъ и Капустинъ, Юрьевскаго—Дегіо, Харьковскаго—Скворцовъ, Кузнецовъ, Кіевскаго Св. Владиміра—Рейнъ и Стуковенковъ и много другихъ [1]). Участвовали также женщины-врачи.

Съѣздъ былъ открытъ рѣчью г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой И. Л. Горемыкинъ высказалъ, что, съ его точки зрѣнія, наилучшимъ и наиболѣе цѣннымъ результатомъ работъ съѣзда былъ бы тотъ, еслибы съѣздъ «*составилъ намъ точный и практичный планъ борьбы съ сифилисомъ*».

Изъ рѣчи директора медицинскаго департамента, Л. Ф. Рагозина, можно было заключить, что для съѣзда былъ приготовленъ «обширный и разнообразный матерьялъ, собранный спеціально для настоящаго съѣзда въ теченіе 1895 и 1896 годовъ, въ видѣ отдѣльныхъ сообщеній и статистическихъ данныхъ, и, наконецъ, *рядъ сводовъ и отвѣтовъ по разосланнымъ и предварительно разработаннымъ вопроснымъ листкамъ*». «Вы услышите,—сказалъ онъ,—изъ доклада по статистикѣ цифровыя данныя о распространеніи сифилиса и венерическимъ болѣзней. Это самый полный сводъ того, что мы можемъ въ настоящее время дать, но въ то же время мы не можемъ не сознавать, *насколько наши цифры далеко еще не полны* и, говоря съ полной непреложностью, что

[1]) Въ первый же день съѣзда записалось 450 человѣкъ.

сифилисъ *растетъ, распространяется и подтачиваетъ населеніе*, онѣ имѣютъ, все-таки, лишь *относительное* значеніе, допуская *весьма осторожное пользованіе* ими для выводовъ и обобщеній». Затѣмъ, указавъ на необходимость установленія для всѣхъ вѣдомствъ однообразной регистраціи болѣзни, на то, что мѣрамъ борьбы съ сифилисомъ «должна предшествовать точная установка того *громаднаго разнообразія* способовъ и путей, которыми онъ распространяется», г. Рагозинъ сказалъ, что съѣзду «предстоитъ разсмотрѣть болѣе трехсотъ выводовъ и заключеній, предложенныхъ докладчиками съѣзда».

Особый интересъ представляло вечернее общее собраніе, состоявшееся 19 января, подъ предсѣдательствомъ проф. Казанскаго университета М. Я. Капустина, который доложилъ выработанныя отдѣломъ положенія по этому вопросу.

Общее собраніе съѣзда формулировало ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ успѣшной борьбѣ съ болѣзнью въ сельскихъ мѣстностяхъ Россіи, *является народное невѣжество и низкая степень культуры*. Привѣтствуя поэтому всѣ вообще способы къ широкому развитію *народнаго образованія*, съѣздъ въ частности выражаетъ желаніе, чтобы развитіе *народныхъ чтеній*, народныхъ *читаленъ*, *публичныхъ бесѣдъ* врачей съ населеніемъ и всѣхъ прочихъ мѣръ популяризаціи медицинскихъ и гигіеническихъ знаній встрѣчало повсюду поддержку и сочувствіе. Къ сельскимъ мѣстностямъ должна быть всецѣло примѣнена резолюція, принятая уже относительно фабрично-заводскаго населенія, а именно: «лучшими средствами для проведенія въ народъ здравыхъ понятій о сифилисѣ и венерическихъ болѣзняхъ необходимо признать *живую устную бесѣду врача*, сопровождаемую картинами (волшебный фонарь). Разрѣшеніе таковыхъ бесѣдъ обставлено въ настоящее время весьма затруднительнымъ формальностями, а потому необходимо ходатайствовать объ измѣненіи всѣхъ распоряженій, стѣсняющихъ осуществленіе такихъ бесѣдъ.

2) Для опредѣленія *степени* распространенія сифилиса, а также *для борьбы* съ нимъ, какъ и съ другими заразными болѣзнями, *правильная санитарно-врачебная* организація въ *губерніяхъ и уѣздахъ*, какъ земскихъ, такъ и неземскихъ, есть основное и наилучшее средство. *Подъ правильной санитарно-врачебной организаціей должно разумѣть устройство врачебныхъ участковъ* въ количествѣ, соотвѣтствующемъ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ, съ постоянными при нихъ *амбулаторіями и больничками*, организацію мѣстнаго спеціальнаго санитарнаго надзора, мѣстныхъ коллегіальныхъ органовъ (санитарныхъ совѣтовъ, коммиссій и т. п.) изъ врачей и представителей общественныхъ учрежденій, губ. санитарныхъ бюро и періодическихъ съѣздовъ врачей.

3) *Амбулаторное лѣченіе* всякаго рода больныхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ *должно быть безплатно*, какъ для мѣстнаго, такъ и для пришлаго населенія, какъ въ земскихъ, такъ и неземскихъ губерніяхъ.

4) Различныя мѣстности Россіи представляютъ *крайне разнообразныя условія* относительно путей внесенія, способовъ и степени распространенія болѣзни. *Въ общемъ среди сельскаго населенія внѣполовой способъ зараженія преобладаетъ надъ передачей болѣзни половымъ путемъ*. Такой способъ распространенія болѣзни, служа выраженіемъ бытовыхъ условій, является прямымъ слѣдствіемъ *низкой культуры* и *невѣжества народныхъ массъ*.

5) Амбулаторно-участковая врачебная дѣятельность есть *основная* и *наилучшая мѣра* для обнаруженія болѣзни въ населеніи.

6) Какъ лѣченіе, изоляція, такъ и всѣ прочія мѣры борьбы съ болѣзнью среди сельскаго населенія—*не должны носить принудительнаго характера.*

7) Поголовные осмотры, какъ общая мѣра, не заслуживаютъ рекомендаціи; но осмотры по *добровольному соглашенію* участковаго врача съ населеніемъ могутъ быть полезны, при условіи исключенія всякой принудительности.

8) *Отхожіе промыслы есть одинъ изъ важныхъ способовъ внесенія болѣзни въ деревню и разноса ея*, но количественное значеніе его не выяснено и заслуживаетъ вниманія при разработкѣ данныхъ регистраціи болѣзни.

9) Для выясненія вліянія отхожихъ промысловъ на развитіе болѣзни необходимы новыя и дальнѣйшія изслѣдованія, такъ какъ имѣющіяся цифровыя данныя *недостаточны для опредѣленія вліянія отдѣльныхъ видовъ отхода.*

10) Передвигающіяся массы населенія (переселенцы, рабочіе, богомольцы и т. п.) должны встрѣчать повсюду и особенно въ главныхъ пунктахъ ихъ сосредоточенія *всегда безплатную врачебную помощь* безъ примѣненія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ. Какъ на одну изъ формъ подобной помощи, можно указать на *врачебно-продовольственные пункты, организуемые въ Херсонской губерніи.* Аналогично этому должна быть организована врачебная помощь *на желѣзныхъ дорогахъ* и пароходахъ.

11) Для установленія формъ надзора надъ отхожими промыслами въ настоящее время не имѣется достаточныхъ фактическихъ данныхъ: требованіе врачебныхъ свидѣтельствъ при выдачѣ паспортовъ и при возвращеніи съ промысловъ *крайне нежелательно* и можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями.

12) Занесеніе болѣзни въ сельское населеніе лицами, возвращающимися изъ военной службы, *несомнѣнно существуетъ.*

13) На распространеніе сифилиса въ селеніяхъ имѣютъ вліяніе также лагерныя стоянки, квартированіе войскъ въ селахъ и отпуски на вольныя работы.

14) Отпущенные въ запасъ или на поправку воинскіе чины должны снабжаться свѣдѣніями о времени и формѣ заболѣванія и о лѣченіи. Данныя объ этомъ, составляя врачебную тайну, *должны направляться исключительно только къ свѣдѣнію мѣстнаго врача* въ запечатанныхъ конвертахъ непосредственно въ собственныя руки.

15) Данныя воинскихъ присутствій могутъ служить полезнымъ источникомъ свѣдѣній о распространеніи сифилиса среди населенія.

16) Всякія *временныя мѣры*, въ формѣ-ли *подвижныхъ отрядовъ* или временныхъ больницъ, въ борьбѣ съ сельскимъ сифилисомъ—*нецѣлесообразны и не желательны.* Въ мѣстностяхъ же съ особенно сильнымъ распространеніемъ болѣзни, при недостаткѣ мѣстныхъ средствъ у общественныхъ учрежденій, желательна, какъ и при другихъ заразныхъ заболѣваніяхъ, *помощь правительства*, сообразно съ ходатайствомъ этихъ учрежденій. Эта помощь можетъ выразиться, напр., въ содѣйствіи къ устройству спеціальныхъ отдѣленій при существующихъ участковыхъ больницахъ, къ сооруженіи новыхъ общихъ больницъ при участкахъ и проч.

17) Устройство яслей для дѣтей, въ деревняхъ, въ лѣтнее время, подъ надлежащимъ медицинскимъ надзоромъ, должно быть признано *полезной мѣрой.*

18) *Слѣдуетъ имѣть надзоръ за дѣтьми въ школахъ всякаго типа и всѣхъ вѣдомствъ.* Сифилитику, въ имѣющемъ проявленіи заразительнаго періода, должно быть воспрещено посѣщеніе школы.

19) Существующія законоположенія относительно *оспопрививанія* и оспопрививателей требуютъ *пересмотра*, съ цѣлью согласованія ихъ съ современнымъ состояніемъ научныхъ знаній и въ видахъ исключенія *возможности распространенія болѣзни путемъ оспопрививанія.*

20) Въ виду того, что и въ неземскихъ губерніяхъ и областяхъ для успѣш-

ной борьбы съ болѣнью необходима правильная и соотвѣтствующая мѣстнымъ условіямъ организація медицинской помощи населенію, желательно учрежденіе въ этихъ губерніяхъ *періодическихъ съѣздовъ врачей, какъ мѣры постоянной.*

21) Для того, чтобы мѣры, выработанныя съѣздомъ для борьбы съ болѣзнью, были цѣлесообразны, жизненны и приложимы къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, необходимо, чтобы постановленія съѣзда были сообщены для свѣдѣнія мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго здравія и расходующимъ на него мѣстныя средства. (См. «Новое Время» отъ 20 января).

При чтеніи вышеприведенныхъ положеній, невольно приходишь къ заключенію, что они составлены въ духѣ практическаго знакомства съ условіями деревенской жизни, и вліяніе земскихъ врачей на ихъ формулировку не подлежитъ сомнѣнію. Будемъ надѣяться, что голосъ земскаго врача не останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ и что мѣстныя общественныя учрежденія, вѣдающія дѣло народнаго здравія, не только *примутъ ихъ къ свѣдѣнію*, но и воплотятъ въ жизнь.

Не менѣе живой и важный вопросъ былъ обсуждаемъ на вечернемъ засѣданіи 18 января, именно: о борьбѣ съ сифилисомъ на фабрикахъ, горныхъ промыслахъ и заводахъ. Вотъ резолюціи этого собранія:

1) Въ виду *крайне неудовлетворительнаго* состоянія *врачебно-санитарной* части въ большинствѣ русскихъ *заводовъ, фабрикъ, промышленныхъ и ремесленныхъ* заведеній, борьба съ сифилисомъ представляется весьма затруднительною, а потому *переустройство санитарно-врачебной части на новыхъ началахъ* въ этихъ заведеніяхъ является самою *насущною и неотложною* потребностью.

2) Упорядоченіе санитарно-врачебнаго дѣла на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ (горныхъ и иныхъ) ставитъ на первую очередь введеніе *правильной регистраціи болѣзней вообще и сифилиса* въ *частности.*

3) Общая регистрація болѣзней во всѣхъ безъ исключенія промышленныхъ предпріятіяхъ, по условіямъ самаго дѣла, должна преслѣдовать задачи, возможно болѣе широкія, и потому въ нее должны входить самыя полныя данныя относительно профессіональныхъ болѣзней и т. п. профессіональнаго риска.

4) Въ интересахъ правильнаго собиранія и оцѣнки статистическихъ данныхъ о болѣзняхъ рабочихъ, необходимо прежде всего введеніе *точной и правильной регистраціи всѣхъ фабричныхъ, заводскихъ и другихъ рабочихъ.*

5) Значительный *тормазъ* въ дѣлѣ выполненія задачъ общественной и заводско-промысловой гигіены и мѣропріятій по предупрежденію болѣзней, въ числѣ ихъ и сифилиса, заключается въ *необезпеченности* санитарнаго *надзора*; единственными блюстителями закона по охраненію жизни и здоровья рабочихъ на горныхъ заводахъ, фабрикахъ и промыслахъ въ настоящее время являются фабричные *инспекторы* и окружные горные инженеры; но они, какъ по отсутствію *спеціальной подготовки*, такъ и вслѣдствіе отягощенія многочисленными обязанностями по техническому надзору, совершенно *лишены* возможности стоять *на высотѣ* возлагаемыхъ на нихъ задачъ. Въ виду этого крайне желательно *учрежденіе особыхъ органовъ врачебно-санитарнаго надзора*, на которыхъ, въ лицѣ фабричныхъ и горнопромышленныхъ санитарныхъ врачей, лежало бы проведеніе въ жизнь широкихъ гигіеническихъ задачъ и наблюденіе за примѣненіемъ на дѣлѣ всѣхъ законоположеній и обязательныхъ постановленій по санитарно-врачебной части.

12) *Заводскія и промысловыя казармы, артельныя помѣщенія и, быть*

можетъ, бани содѣйствуютъ внѣполовому зараженію рабочихъ, а потому, во-1-хъ, долженъ быть организованъ санитарный надзоръ за этими помѣщеніями, и, во-2-хъ, рабочіе и ихъ семьи, пользующіеся этими помѣщеніями, должны быть ознакомлены посредствомъ печатныхъ наставленій объ угрожающей имъ опасности зараженія, въ случаѣ несоблюденія ими гигіеническихъ правилъ.

13) Принимая во вниманіе, что многіе пріисковые рабочіе *вербуются на рынкахъ найма и что здѣсь легче, чѣмъ гдѣ-либо, они соглашаются на врачебный осмотръ*, и въ виду хорошаго результата отъ устройства врачебно-продовольственныхъ пунктовъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ Херсонской губ. и во время холерной эпедеміи на крупныхъ жел. дор. станціяхъ, желательно *организовать на рынкахъ найма пріисковыхъ рабочихъ подобные пункты, съ устройствомъ для больныхъ амбулаторнаго и* больничнаго лѣченія.

14) Лѣченіе сифилиса въ заразительномъ періодѣ и нѣкоторыхъ формъ венерической болѣзни *должно быть обязательно для заводовъ и промысловъ.*

15) Устройство спеціальныхъ или особыхъ отдѣленій въ общихъ больницахъ *должно лежать на заботахъ предпринимателей.*

16) Надлежитъ возбудить ходатайство о дополненіи дѣйствующихъ законоположеній введеніемъ обязательнаго и безплатнаго лѣченія женъ и дѣтей рабочихъ.

17) *Принимая во вниманіе, что въ составѣ горнозаводскихъ и фабричныхъ присутствій совершенно отсутствуютъ представители общественныхъ учрежденій и врачи, имѣющіе тѣсную и непосредственную связь съ фабриками и заводами*, необходимо ходатайствовать, какъ это было постановлено на IV всероссійскомъ съѣздѣ врачей въ Кіевѣ, *о пополненіи вышеозначенныхъ присутствій* представителями общественныхъ учрежденій и врачами [1]).

Мы обращаемъ особенное вниманіе на § 1, гдѣ откровенно говорится, что «переустройство санитарно-врачебной части на нашихъ фабрикахъ, заводахъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ является *самою насущною и неотложною потребностью.* Необходимо въ самомъ ближайшемъ будущемъ ввести *строгій контроль* со стороны врачебной инспекціи надъ санитарнымъ благосостояніемъ работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и другихъ заведеніяхъ; необходимо требовать отъ содержателей фабрикъ, заводовъ и вообще промышленныхъ заведеній устройства за ихъ счетъ правильной и постоянной медицинской помощи для рабочихъ; земскіе же санитарные врачи должны бы имѣть систематическій, непрерывный и неослабный надзоръ за исполненіемъ владѣльцами фабрикъ и заводовъ изданныхъ земствомъ постановленій.

Столь же необходимо установить бдительный надзоръ надъ кочевымъ сельскимъ населеніемъ, являющимся на различныхъ рынкахъ найма, устраивая санитарно-продовольственные пункты, а также обязавъ всѣхъ нанимателей оказывать неотложную медицинскую помощь каждому заболѣвшему рабочему.

«Условія жизни рабочихъ, являющихся для найма въ сельскохозяй-

---

[1]) См. «Новости», 19 января.

ственныя экономіи, таковы, что создаютъ благопріятную почву для распространенія всякихъ заразныхъ болѣзней, — говоритъ д-ръ Тезяковъ,—а въ томъ числѣ и сифилиса. Такія хозяйства, какъ несомнѣнные очаги сифилитической заразы, должны находиться подъ постояннымъ фактическимъ санитарнымъ надзоромъ. Организація такого надзора, устанавливаемая законодательнымъ порядкомъ, должна находиться въ завѣдываніи земскихъ учрежденій» [1]).

При обсужденіи вопроса о заболѣваемости сифилисомъ среди городского населенія (въ докладѣ проф. О. В. Петерсена) было указано, что въ большихъ и среднихъ городахъ онъ распространяется преимущественно путемъ половыхъ сношеній, «*тогда какъ въ малыхъ городахъ*, по бытовымъ условіямъ приближающихся къ *селеніямъ*, преобладаетъ *внѣполовой* способъ передачи заразы». Соотвѣтственно этому, число дѣтей и пожилыхъ людей съ явленіями свѣжей болѣзни въ *небольшихъ* городахъ *выше*, нежели въ большихъ и среднихъ городахъ. Въ городахъ и портахъ, въ которыхъ наблюдается временный наплывъ народа на ярмарки, работы, богомолья, распространеніе сифилиса и венерическихъ болѣзней значительнѣе.

Для сужденія объ условіяхъ распространенія болѣзни (въ городахъ) внѣполовымъ путемъ до сихъ поръ не имѣется точно провѣренныхъ данныхъ; повидимому, самую существенную роль въ этомъ отношеніи играетъ скученная жизнь, напр., въ мастерскихъ и т. п.

Главною *мѣрою* должно быть признано *обезпеченіе городского населенія*, какъ взрослаго, такъ и *дѣтскаго, доступною врачебною помощью*, которой въ настоящее время совершенно недостаточно для большинства городовъ. Помощь должна быть организована на слѣдующихъ началахъ: необходимо устроить *спеціальныя отдѣленія при общихъ больницахъ* для венериковъ и сифилитиковъ или, гдѣ это будетъ признано по мѣстнымъ условіямъ цѣлесообразнымъ, спеціальныя больницы для больныхъ этого рода и страдающихъ кожными болѣзнями; при этомъ должны быть устранены всѣ формальности, заставляющія обходить больницы, какъ, напримѣръ, отмѣтки *на паспортахъ* и т. п. Необходимо *устроить амбулаторіи при общественныхъ больницахъ*, во всѣхъ случаяхъ безплатныя, такъ какъ избавленіе отъ платы только извѣстной категоріи больныхъ вліяетъ вообще на уменьшеніе числа лицъ, обращающихся за врачебною помощью. *Больничное лѣченіе сифилитиковъ должно быть безплатнымъ для всѣхъ.* Необходимы въ больницахъ особыя отдѣленія *для дѣтей-сифилитиковъ*. Весьма важно изолировать сифилитиковъ отъ *венериковъ и проститутокъ отъ непроститутокъ.*

Больнымъ въ заразительномъ періодѣ не должно быть отказываемо въ больничномъ лѣченіи. Мѣра эта должна быть осуществлена возможно скорѣе.

Въ заключеніе напомнимъ слова проф. В. М. Тарновскаго, который, говоря о сельскомъ сифилисѣ, указалъ на печальную особенность и привиллегію Россіи: на то, что сифилисъ среди сельскаго населенія въ большинствѣ случаевъ невинный, *бытовой;* имъ не щадятся ни полъ,

---

[1]) См. статью д-ра Тезякова въ «Мед. Бесѣдѣ», 1896 г.—«Сифилисъ въ Херсонской губ.».

ни возрастъ. Тутъ борьба должна вестись на совершенно иныхъ началахъ: недостаточно позаботиться объ организаціи доступной медицинской помощи, надо *пріучить* населеніе къ пользованію этой помощью, а для этого важно дѣйствовать путемъ убѣжденія, *знакомить населеніе съ основами самозащиты*...Помимо популярныхъ книжекъ, хорошимъ орудіемъ тутъ явится живое слово, собесѣдованіе, *дружное совмѣстное вліяніе всѣхъ просвѣтительныхъ элементовъ населенія* (священникъ, врачъ, учитель). Для успѣшной борьбы необходимо достигнуть того, чтобы населеніе добровольно обращалось къ врачу, чтобы помощь сосредоточивалась *исключительно* въ рукахъ врачей (мужчинъ и женщинъ) и была организована возможно шире, чтобы каждый больной сифилитикъ могъ получить такую помощь и чтобы населеніе получило здравыя понятія о сущности этой болѣзни. «Съѣздъ,—закончилъ свою рѣчь В. М. Тарновскій,—дастъ согласованныя, прочныя основы дѣятельности врачей въ дальнѣйшей борьбѣ, облегчитъ ее, сдѣлаетъ ее болѣе плодотворной, *поднимете духъ* и *укрѣпитъ энергію борцовъ* за великое, гуманное дѣло оздоровленія народа!»

Конечно, всякій земскій дѣятель, всякій врачъ откликнется на бодрящій призывъ къ дружной совмѣстной дѣятельности, въ видахъ «оздоровленія народа». Не будемъ же, однако, забывать, что плодотворность борьбы во многомъ зависитъ и отъ «душевнаго настроенія» самаго населенія. Будемъ стремиться къ тому, чтобы и оно «не падало духомъ» и не теряло «энергіи»... Вѣдь въ глубинѣ и ширинѣ распространенія заразныхъ болѣзней (не одного только сифилиса) виновато также пассивное терпѣніе, съ какимъ наше крестьянство встрѣчаетъ всякую бѣду, выноситъ всякую «повальную болѣзнь»,

Покорно голову клоня

и не рѣшаясь противопоставить имъ свою энергію. Русскій человѣкъ обтерпѣлся, и часто не вѣрится ему въ возможность измѣненія своего положенія къ лучшему. Не одно только «невѣжество», не одна даже «бѣдность» тому виною: вся его долгая жизнь служитъ объясненіемъ пассивности передъ карающей рукою всякой эпидемической Немезиды.

П. О.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ Ялты. (Земельный пролетаріатъ въ Крыму).

Извѣстно, что императрица Екатерина II называла Крымъ «алмазомъ русской короны». Подобное мнѣніе о Крымѣ и до нынѣ держится въ значительной части русскаго общества. Многіе считаютъ Крымъ какою-то обѣтованною землею, гдѣ чуть-ли не текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, гдѣ нѣсть

ни плача, ни воздыханій. И этотъ фантастическій взглядъ сплошь да рядомъ находитъ себѣ подтвержденіе въ такъ называемыхъ «личныхъ впечатлѣніяхъ»: пріѣдетъ какой-нибудь сѣверянинъ въ парадную Ялту во время шумнаго «сезона», покатается по живописнымъ окрестностямъ, полюбуется богато-разодѣтыми «проводниками», побываетъ, грѣшнымъ дѣломъ, по особому приглашенію, у зажиточнаго подгородняго татарина (всего чаще изъ числа «проводниковъ» же) и въ результатѣ всего этого получается «благословенный край», «роскошный уголокъ русской земли» и т. д. и т. д. безъ конца; но, за исключеніемъ самаго безцеремоннаго субъективизма, ничего иного найти въ этой оцѣнкѣ нельзя.

Къ сожалѣнію, если не смотрѣть на условія жизни крымскаго населенія съ высоты птичьяго полета, а заглянуть въ эту жизнь поглубже, то придется немедленно распроститься съ радужными красками оптимизма и признать, что экономическое положеніе крымчаковъ требуетъ серьезнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія, а отнюдь не восклицательныхъ знаковъ.

Повидимому, было время, когда Крымъ дѣйствительно походилъ на обѣтованную страну. По крайней мѣрѣ, извѣстный путешественникъ и ученый П. С. Палласъ, обстоятельно изучившій Тавриду, тотчасъ по завоеваніи ея Россіей, говоритъ, что «все здѣсь (въ Крыму) рисуетъ въ воображеніи золотой вѣкъ природы». По словамъ Палласа, татары воздѣлывали свои сады съ достойнымъ замѣчанія искусствомъ: они поливали, унавоживали ихъ и дѣлали искусственныя прививки; крымскіе города тонули въ зелени садовъ, виноградники простирались на цѣлыя мили, крымское вино ничѣмъ не уступало венгерскому, татары изощрялись въ усовершенствованіи культуры винограда и т. д. Земля крымскихъ степей отличалась въ то время своимъ плодородіемъ: ежегодно вывозили изъ Крыма сотни тысячъ четвертей пшеницы. Скотоводство въ Крыму было очень развито: всюду встрѣчались дорогіе кони (систематически облагораживавшіеся арабскою и турецкою кровью), овцы, козы, волы, буйволы, верблюды... Козьи шкурки шли на предметъ выдѣлки отличнаго сафьяна, смушки съ овецъ славились тонкостью шерсти и ежегодно вывозились сотнями тысячъ.

Но вотъ къ дикарямъ явились мы, представители культуры и цивилизаціи.

Въ настоящее время виноградники разводятся менѣе, чѣмъ въ половинномъ размѣрѣ, сравнительно съ прежнимъ, фруктами Крымъ славится болѣе по преданію, хлѣба и травы крымскихъ степей исчезли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что необходимые для степи колодцы, которые съ достойнымъ уваженія трудолюбіемъ и искусствомъ копали въ старину татары, нынѣ запущены, фонтаны засорены, рѣчки повысохли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и животная жизнь: буйволы и верблюды почти не встрѣчаются, лошади и волы измельчали, число овецъ и козъ уменьшилось на 70%...

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, гармонируя со всѣмъ сказаннымъ, въ Крыму появился пролетаріатъ, и ничего нѣтъ также удивительнаго въ томъ, что пролетаріатъ этотъ растетъ.

Обвинять таврическое земство въ небрежномъ отношеніи къ печальному факту паденія экономическаго благосостоянія края было бы въ высшей степени

несправедливо. Наоборотъ, еще въ 1868 году, т.-е. черезъ два года по введеніи въ Таврической губерніи земскихъ учрежденій, — губернское земское собраніе сочувственно разсматривало предложеніе ѳеодосійскаго уѣзднаго земства, клонившееся къ тому, чтобы были проданы такъ называемыя вакуфныя земли [1]) и на вырученныя отъ продажи деньги пріобрѣтены свободныя земли для поселенія на нихъ безземельныхъ татаръ, проживающихъ на помѣщичьихъ земляхъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени таврическое земство не перестаетъ возбуждать ходатайства передъ правительствомъ о надѣленіи безземельныхъ татаръ землею, и такимъ образомъ оно дѣлаетъ все, что сдѣлать имѣетъ возможность при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена современная земская работа.

Весною прошлаго года была представлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ уполномоченнымъ таврическаго земства, г. Булгаковымъ, записка по вопросу о надѣленія безземельныхъ татаръ землею. Изъ «Записки» видно, что, по *оффиціальнымъ* статистическимъ даннымъ, въ Крыму числилось, десять лѣтъ назадъ, 51.000 безземельныхъ татаръ обоего пола; въ настоящее же время такихъ татаръ насчитывается болѣе 63.000 чел. (33,941 чел. мужского пола и 29.102 чел. женскаго пола [2]). Но, для правильной оцѣнки дѣла, необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что въ приведенную цифру не включены безземельные татары, занимающіеся промыслами въ городахъ. А таковыхъ очень и очень не мало...

На основаніи всего сказаннаго, мы имѣемъ право утверждать, что и среди крымскихъ татаръ, этихъ прославленныхъ «баловней природы», должно въ настоящее время отмѣтить печальный фактъ возростанія пролетаріата...

Конечно, крайне интереснымъ является вопросъ о причинахъ, содѣйствовавшихъ обезземеленію татаръ. Причины эти «многи суть», но онѣ имѣютъ одинъ общій источникъ, который называется правомъ сильнаго.

Не малую лепту въ дѣло обезземеленія татарскаго народа внесло татарское дворянство—мурзы. Эти благородные люди широко воспользовались бездокументальностью и неопредѣленностью поземельныхъ правъ татаръ-крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, господа помѣщики не церемонились выгонять людей изъ избъ даже въ зимнее время, оставляя за собою крестьянскіе посѣвы, если эти люди оказывались настолько строптивыми, что, живя въ качествѣ съемщиковъ, на крайне обременительныхъ условіяхъ, не обнаруживали желанія перейти на условія новыя, еще болѣе обременительныя.

Затѣмъ, большую роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ сыграли массовыя эмиграціи татаръ въ Турцію. Это утвержденіе звучитъ странно и представляется какимъ-то парадоксомъ: казалось бы прямымъ послѣдствіемъ усиленія эмиграціи долженъ былъ явиться меньшій гнетъ малоземелья, но это только «казалось бы». Мы покажемъ ниже, что «освобождавшаяся» земля попадала въ руки, хотя и очень любящія землю, но не крестьянскія. Мы увидимъ, что, при на-

---

[1]) Вакуфъ—имущество, пожертвованное во имя Аллаха на пользу общественную или въ пользу религіозныхъ учрежденій.

[2]) «Од. Нов.» № 3612.

личности нѣкоторыхъ «самобытныхъ» условій, все можетъ идти шиворотъ-на выворотъ и что въ результатѣ эмиграціи порою получается лишь усиленіе малоземелья и развитіе пролетаріата.

Нѣкоторые донынѣ готовы искать объясненія этихъ эмиграцій въ религіозномъ и племенномъ фанатизмѣ татаръ. Но самъ собою напрашивается вопросъ: почему же этотъ фанатизмъ проявился только у *крымскихъ* татаръ?

Первая эмиграція татаръ послѣдовала вскорѣ послѣ окончательнаго присоединенія Крыма къ Россіи—въ 1784 году. По свидѣтельству переписей, произведенныхъ въ 1793 и 1800 гг., число татаръ въ Крыму уменьшилось въ теченіе трехъ лѣтъ на 300.000 человѣкъ. Администраторы того времени объясняли это выселеніе ничѣмъ инымъ, какъ татарскимъ фанатизмомъ, и обвиняли магометанское духовенство въ агитаціи, направленной къ усиленію эмиграціи. Извѣстно, что впослѣдствіи обнаружилось нѣчто иное—обнаружились неумѣлость и злоупотребленія первыхъ русскихъ администраторовъ, выполнявшихъ въ Крыму свою культурную миссію весьма своеобразно: они сами оказались повинными въ томъ, въ чемъ обвиняли магометанское духовенство—они сами принимали различныя «энергичныя» мѣры къ усиленію эмиграціи, чтобы завладѣть потомъ брошенною татарами на произволъ судьбы землею. Во время крымской войны татарамъ пришлось испытать не мало напастей. На нихъ смотрѣли, какъ на притаившихся враговъ Россіи. О тогдашнихъ насиліяхъ, вымогательствахъ и издѣвательствахъ нашихъ казаковъ у татаръ сложились цѣлыя легенды, заставляющія порою становиться дыбомъ волосы. По деревнямъ безпрестанно производились обыски, и—не дай Богъ, если у кого-нибудь отыскивалось заржавленное прадѣдовское ружье,—въ результатѣ были кандалы, тюрьма и высылка въ Россію... Вмѣстѣ съ тѣмъ, крымская война способствовала ухудшенію экономическаго положенія крымскихъ татаръ. Въ виду изложенныхъ фактовъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что вслѣдъ за турецкою арміею двинулись массы татаръ и, по словамъ г. Гольденберга («В. Е.» 1883 г., кн. II), «просвѣщенный міръ былъ свидѣтелемъ необычайнаго явленія—переселенія стотысячнаго народа изъ предѣловъ благоустроенной христіанской державы въ страну, прославленную неправдами и беззаконіемъ правителей»... Эмиграція эта была на руку мурзамъ, бравшимъ съ выселявшихся крестьянъ «выкупъ» за право выселенія; на руку она была и администраціи края, которая такъ же не упускала случая попользоваться, взимая при выдачѣ свидѣтельствъ о неимѣніи препятствій къ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ до того крупныя вознагражденія, что многіе, прежде ничего не имѣвшіе чиновники вдругъ дѣлались обладателями значительныхъ состояній» (см. вышеуказанную статью г. Гольденберга.

Когда, впослѣдствіи, многіе изъ числа выселившихся въ Турцію татаръ возвращались въ Крымъ (это фанатики-то!!)—они уже оказывались безземельными: участки свои они находили или отошедшими въ казну, или захваченными различными любителями чужого добра. И возвратившіеся на родину «фанатики» смиренно пополняли собою ряды быстро растущаго пролетаріата.

Разумѣется, мы здѣсь лишь бѣгло намѣчаемъ причины обезземеленія татаръ; разъ этотъ печальный фактъ существуетъ — обращать особенное вни-

маніе приходится не на генезисъ явленія, а на его размѣры и на возможные способы помощи.

Выше мы показали, что говоритъ «записка» таврическаго земства о размѣрахъ печальнаго явленія, но эта записка нуждается въ нѣкоторой поправкѣ или, вѣрнѣе, въ нѣсколько иной группировкѣ матерьяла. Дѣло въ томъ, что, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Таврической губерніи находится полтараста тысячъ сельскаго татарскаго населенія обоего пола. Съ другой стороны, цифра безземельныхъ, показанная въ «запискѣ», должна быть увеличена, въ виду того, что къ числу безземельныхъ нельзя не отнести татаръ-арендаторовъ, не имѣющихъ своей земли: аренда—дѣло непрочное, зависящее отъ сроковъ... А разъ мы примемъ во вниманіе указанное обстоятельство, то должны будемъ признать, что въ благословенной Тавридѣ пребываетъ въ обезземеленномъ состояніи *половина* всего сельскаго татарскаго населенія. Очевидно, вопросъ о положеніи массы безземельныхъ татаръ, вопросъ объ устройствѣ быта этихъ пролетаріевъ—крупный вопросъ края.

Таковы размѣры печальнаго явленія. Посмотримъ теперь на возможные способы помощи.

Вышеуказанная «записка» обращаетъ вниманіе на такъ называемые «разоренные вакуфы» (вакуфы упраздненныхъ мечетей). Много лѣтъ «засѣдавшая», въ своемъ родѣ знаменитая, такъ называемая, «вакуфная коммиссія» установила, что въ настоящее время въ Крыму имѣется 51 тыс. десятинъ земли «разоренныхъ вакуфовъ». Употребленіе этой совершенно свободной земли для поселенія на ней татаръ вполнѣ отвѣчало бы значенію вакуфовъ и тѣмъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ они жертвовались. «Записка» замѣчаетъ, что пользованіе этими землями должно быть предоставлено неимущей части мусульманскаго населенія Крыма на льготныхъ условіяхъ, установленныхъ шаріатомъ, т.-е. съ тѣмъ, чтобы съ поселенныхъ на этихъ вакуфахъ татаръ, независимо отъ установленныхъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, взималась въ пользу вакуфнаго капитала десятая часть дѣйствительно получаемаго ими съ земли дохода. Еслибы упомянутыя 51 тыс. десятинъ свободной вакуфной земли были отданы безземельнымъ татарамъ, то, считая 10—15-десятинный надѣлъ на семью, «благоустройство» могли бы получить 4.000—5.000 безпріютныхъ татарскихъ семействъ. Но что же дѣлать съ остальною массою безземельныхъ? На этотъ вопросъ «записка» отвѣчаетъ какъ-то неопредѣленно и туманно. Она рекомендуетъ отчасти путь отвода безземельнымъ татарамъ надѣловъ на общихъ съ государственными крестьянами основаніяхъ долгосрочной аренды изъ числа тѣхъ находящихся въ Крыму казенныхъ земель, которыя перешли въ казну, какъ выморочныя, послѣ переселившихся въ Турцію татаръ, отчасти предоставленіе такимъ безземельнымъ въ пользованіе нѣкоторыхъ принадлежащихъ мечетямъ вакуфовъ, именно тѣхъ, которые не имѣютъ постояннаго населенія и отдаются различнымъ лицамъ во временное арендное содержаніе.

Люди, принимающіе близко къ сердцу интересы крымскаго пролетаріата и понимающіе всю важность земельнаго обезпеченія земледѣльцевъ, не могутъ не слѣдить со вниманіемъ за «судьбою» «записки». Можно быть того или иного

мнѣнія о *достаточности* предлагаемыхъ ею мѣропріятій, но нельзя отказать имъ въ извѣстномъ значеніи. Намъ кажется, здѣсь умѣстно упомянуть, что надежда, эта кроткая посланница небесъ, является нынѣ въ среду татаръ-пролетаріевъ не впервые. Еще въ 1856 г., т.-е. сорокъ лѣтъ назадъ, правительствомъ была организована особая коммиссія для выясненія отношеній татаръ-крестьянъ къ помѣщикамъ и для изысканія способовъ къ болѣе прочному устройству ихъ быта. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по учрежденіи коммиссіи, въ нее градомъ сыпались отъ татаръ просьбы о надѣлѣ ихъ землею, но въ 1859 году департаментъ сельскаго хозяйства объявилъ татарамъ, что ходатайства ихъ о надѣлѣ удовлетворяться не будутъ. Не менѣе упованій возлагали крымскіе татары и на «вакуфную коммиссію». Но во главѣ этой послѣдней все время стояли люди, не имѣвшіе ровно ничего общаго съ нашимъ краемъ и не принимавшіе близко къ сердцу его интересовъ. Со времени учрежденія названной коммиссіи минулъ цѣлый рядъ годовъ, и крымчаки должны были съ горестью убѣдиться, что всякія надежды на «вакуфную коммиссію» напрасны, что она представляетъ собою ничто иное, какъ мертворожденное дѣтище канцелярской рутины.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ еще разъ подчеркнуть, что посылать по адресу таврическаго земства обвиненія въ невнимательномъ и пренебрежительномъ отношеніи къ печальному факту развитія въ благословенной Тавридѣ земельнаго пролетаріата было бы вопіющею несправедливостью. Изученіе исторіи вопроса и его современнаго положенія обнаруживаетъ, какъ мы старались показать, нѣчто совершенно иное: земство сознавало важность печальнаго факта, оно неустанно ходатайствовало, ходатайствуетъ и—мы твердо въ томъ убѣждены—долго еще будетъ продолжать ходатайствовать...

Г. З—въ.

Изъ Пензы (Грамотность въ гомеопатической дозѣ).

...И кто то-камень положилъ
Въ его протянутую руку».

Если развитіе школьнаго дѣла можетъ служить показателемъ культурности населенія, то надо признать, что Пензенская губернія въ этомъ отношеніи находится весьма далеко отъ желаемаго идеала. На тысячу жителей въ ней едва семнадцать получаютъ школьное образованіе, и школьный бюджетъ составляетъ какихъ-нибудь 15 копѣекъ на душу населенія. Неизвѣстно, сколько вообще грамотныхъ въ губерніи, такъ какъ, при современныхъ способахъ собиранія статистическихъ свѣдѣній сельскими и волостными писарями, невозможно получить хотя бы приблизительно вѣрныхъ цифръ; но, судя по количеству неграмотныхъ рекрутъ, можно думать, что грамотность стоитъ не очень высоко. Да и какъ можетъ быть иначе, если общее количество учащихся не достигаетъ (за 1894 г.) и 30 тысячъ.

Однако же, слабое развитіе грамотности отнюдь не показываетъ, что насе-

леніе относится равнодушно къ этому жгучему вопросу. Деревня наша неграмотна не потому, чтобы не хотѣла учиться, а только потому, что школъ мало. При малѣйшей возможности, крестьяне сами устраиваютъ школы, которыя тотчасъ же и переполняются учениками. У меня на глазахъ есть прекрасный тому примѣръ,—это с. Засѣчное, Мокшанскаго уѣзда. Село большое, но крайне бѣдное, вслѣдствіе малоземелья, и, тѣмъ не менѣе, жители его два года тому назадъ на собственныя средства не только построили школу, въ которой теперь учится 60 дѣтей, но и безъ посторонней помощи содержатъ учительницу. Разумѣется, это не единичный примѣръ, свидѣтельствующій о стремленіи народа къ просвѣщенію: множество ходатайствъ сельскихъ обществъ объ открытіи читаленъ, библіотекъ и училищъ наглядно показываетъ ростъ самосознанія деревни, горькимъ опытомъ познавшей справедливость максимы: «ученье свѣтъ»..

Но, разумѣется, крестьянство, предоставленное самому себѣ въ изысканіи средствъ для удовлетворенія духовной жажды, далеко не уйдетъ. Я не хочу этимъ сказать, что ему нужна какая-нибудь исключительная опека, — далеко нѣтъ; нужно только содѣйствіе и устраненіе препятствій, тормазящихъ его естественный ростъ. Задачу эту такъ или иначе выполняетъ земство, съ самаго своего возникновенія взявшее дѣло начальнаго обученія въ свои руки. И заслуги его на этомъ благодарномъ поприщѣ не малы: стоитъ только вспомнить, что до введенія земскаго положенія въ Пензенской губ. школы были только въ городахъ и, какъ рѣдкое исключеніе, въ крупныхъ селахъ, населенныхъ казенными крестьянами. Земцы первыхъ призывовъ прекрасно поняли свою задачу и прежде всего принялись насаждать грамоту, совершенно справедливо полагая, что интеллектуальное развитіе массы населенія должно лечь въ основу экономическаго прогресса, къ которому народъ былъ призванъ освободительной реформой. И надо при этомъ замѣтить, что піонерамъ школьнаго дѣла приходилось работать не только наощупь, но и бороться съ косностью населенія и равнодушіемъ его къ просвѣщенію. Въ школы ребятишекъ надо было загонять чуть не силой, такъ что рѣдкая школа въ то время имѣла полный комплектъ учениковъ.

Съ тѣхъ поръ положеніе вещей измѣнилось. Школы переполнены, и деревенское населеніе уже само громко взываетъ о недостаточности разсадниковъ грамотности, а дѣятельность земствъ въ этомъ направленіи утратила значительную долю интенсивности. Не то, чтобы явилось сомнѣніе въ плодотворности просвѣщенія, нѣтъ, но это скорѣе равнодушіе и сознаніе безсилія справиться съ громадной и, къ тому же, каждую минуту возростающей работой, завершеніе которой даже и предвидѣть невозможно.

Говорятъ, причина этому—всеобщее оскудѣніе, отразившееся и на земскихъ финансахъ. Несомнѣнно, въ этомъ есть извѣстная доля правды: безъ денегъ плохо и отдѣльному лицу, и муниципальной единицѣ, и многое множество благихъ начинаній не можетъ увидѣть свѣта только потому, что не хватаетъ презрѣннаго металла для ихъ осуществленія. Но, разсматривая работы уѣздныхъ земскихъ собраній, нельзя не замѣтить, что не одно безденежье тормазитъ школьное дѣло. Вникая въ постановленія нѣкоторыхъ собраній, легко увидѣть, что ассигнованія на потреб-

ности народнаго образованія являются чѣмъ-то вынужденнымъ и порою настолько мизернымъ, что, право, совѣстно становится. Напримѣръ, краснослободское земство постановило открыть одновременно при всѣхъ сельскихъ школахъ ученическія библіотеки и, озабачиваясь ихъ поддержаніемъ на будущее время, приняло этотъ расходъ на свой счетъ. Вѣдь это, какъ хотите, отрадное явленіе: не только 32 библіотеки будутъ открыты, но и существованіе ихъ обезпечивается впредь постановленіемъ земскаго собранія. Ну-съ, а сколько же собраніе ассигновало на устройство и поддержаніе библіотекъ? Да не больше и не меньше, какъ по 5 руб. на обзаведеніе и по 2 руб. на пополненіе каждой библіотеки, т.-е. на всѣ 160 руб. единовременно и 64 руб. ежегодно! Что можно сдѣлать на пять рублей, и не похоже-ли это ассигнованіе на канцелярскую отписку? А еще надо замѣтить, что по отношенію къ школьному дѣлу краснослободское земство не изъ самыхъ скупыхъ: въ эту же сессію оно ассигновало 839 руб. на увеличеніе содержанія и 500 руб. на награды учителямъ, и, кромѣ того, 500 руб. на ремонтъ школьныхъ зданій.

Вообще же вопросу о ремонтѣ и возведеніи новыхъ школьныхъ помѣщеній, внесенному губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, въ уѣздныхъ собраніяхъ не повезло. Говорить о тѣснотѣ, негигіеничности и неудобствахъ сельскихъ училищъ значитъ повторять уже тысячи разъ высказанныя жалобы. Громадное большинство школьныхъ зданій совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію и, кромѣ того, многія изъ нихъ давнымъ-давно пришли въ ветхость и требуютъ немедленнаго ремонта. Это ясно. Но какъ же отнеслись уѣздныя собранія къ предложенію училищнаго совѣта изыскать средства на возведеніе школьныхъ домовъ или хотя бы починку старыхъ? Нижнеломовское, керенское, городищенское и саранское земства пришли къ однородному заключенію, свидѣтельствующему объ ихъ единодушіи: *просить земскихъ начальниковъ оказать содѣйствіе* къ тому, чтобы сельскія общества приняли на себя ремонтъ и возведеніе школьныхъ зданій. Такимъ постановленіемъ, не утруждая себя, эти земства свалили съ своихъ плечъ это не терпящее отлагательства дѣло. Между тѣмъ, даже съ чисто формальной стороны, земства едва-ли правы, перелагая тяжесть школьнаго бюджета на сельскія общества. Положимъ, услугами сельскихъ школъ пользуются почти исключительно дѣти крестьянъ, но вѣдь тѣ же самые крестьяне составляютъ главный контингентъ земскихъ плательщиковъ. И потомъ ужъ слишкомъ прозрачно сквозитъ намѣреніе вышеупомянутыхъ земствъ превратить *предложеніе* губернскаго училищнаго совѣта въ *приказаніе* для сельскихъ обществъ. Несомнѣнно вѣдь, что просьба оказать содѣйствіе по ремонту школъ, исходя отъ земскаго начальника, будетъ принята большинствомъ крестьянскихъ обществъ какъ приказаніе, т.-е. можетъ случиться то, что едва-ли предвидѣлъ губернскій училищный совѣтъ, разсылая уѣзднымъ земскимъ собраніямъ свое предложеніе.

Саранское земство, отличающееся обиліемъ различныхъ проектовъ, однако же, воздержалось отъ обращенія къ содѣйствію земскихъ начальниковъ въ вопросѣ о надѣленіи школъ землею. Признавая въ принципѣ необходимость поднятія среди населенія уѣзда сельско хозяйственныхъ знаній, собраніе поручило управѣ собрать свѣдѣнія о томъ, какія изъ крестьянскихъ обществъ пожелаютъ отвести

безвозмездно участки земли подъ училищные сады и огороды. Понятно, что на запросы управы сельскія общества дадутъ болѣе свободный отвѣтъ, такъ какъ управа, по самому существу, не имѣетъ такого воздѣйствія на жизнь деревни, какъ земскіе начальники, и нужно отдать справедливость такту собранія, избравшему именно такой путь для собиранія свѣдѣній.

Такимъ образомъ, въ школьномъ дѣлѣ мы замѣчаемъ тенденцію уѣздныхъ земствъ не только сколько возможно сократить расходы, но даже и сдѣлать все надаровщинку. Землю подъ училищные сады дадутъ сельскія общества; они же должны ремонтировать школьныя зданія, а такъ какъ большая часть ихъ свободныхъ средствъ не имѣетъ, то, напр., нижнеломовское земство рѣшило просить губернское собраніе объ учрежденіи особаго фонда для выдачи сельскимъ обществамъ ссудъ на этотъ предметъ. Но вѣдь ссуду, въ концѣ концовъ, придется платить, слѣдовательно, этимъ способомъ ничуть не облегчается для крестьянъ устройство школьныхъ домовъ, и своимъ ходатайствомъ земство оказываетъ имъ весьма небольшую услугу. Что же касается ассигнованія краснослободскимъ земствомъ по пяти рублей на учрежденіе библіотекъ, то, право, это звучитъ насмѣшкой: трудно же, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить, чтобы собраніе серьезно полагало, будто на 5 рублей можно составить сколько-нибудь удовлетворительную школьную библіотеку для 50—60 учениковъ. А между тѣмъ аппаранъ соблюденъ: никто не можетъ сказать, что земство ничего не дѣлаетъ для школъ.

Пензенское уѣздное замство, не раскидываясь на множество библіотекъ, ассигновало въ послѣднюю сессію 60 руб. на учрежденіе библіотеки въ с. Борисовкѣ. Это немного, но, какъ хотите, 60 ровно въ двѣнадцать разъ больше пяти. И, помимо того, пензенское земство, кромѣ ежегоднаго расхода въ 300 р. на школьныя библіотеки, внесло въ смѣту 1.050 руб. на выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ для перестройки школъ, не прибѣгая къ услугамъ губернскаго земства. Это показываетъ, что оно, сравнительно съ другими, болѣе любовно относится къ дѣлу просвѣщенія, хотя, надо признаться, далеко все-таки не въ той мѣрѣ, какъ бы это было желательно.

И вотъ что странно: обрѣзывая расходы на нужды своихъ школъ, уѣздныя земства въ то же время довольно щедро ассигнуютъ на дѣло имъ постороннее, которое превосходно можетъ обойтись и безъ ихъ помощи. Разсматривая протоколы собраній, мы видимъ, что въ пользу церковно-приходскихъ школъ ассигновано уѣздными земствами: инсарскимъ 200 р., краснослободскимъ — 600, керенскимъ 200 р. и нижнеломовскимъ на разъѣзды уѣзднаго церковно-приходскаго наблюдателя 100 рублей. Послѣднее назначеніе уже совсѣмъ непонятно. Вѣдь о. наблюдатель никакого касательства къ земскимъ школамъ не имѣетъ, наблюдать за ними не можетъ, ибо прямыя его обязанности, какъ священника и наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, не оставляютъ ему досуга. За что же давать на разъѣзды 100 рублей? Да и вообще земства Пензенской губерніи не настолько богаты, чтобъ субсидировать школы другихъ вѣдомствъ, ибо ихъ собственныя училища едва влачатъ существованіе и нуждаются въ самомъ необходимомъ. Положимъ, и земскія, и церковно-приходскія школы преслѣдуютъ одну и ту же просвѣтительную цѣль, но пока не совершилось окончательное слитіе

тѣхъ и другихъ школъ воедино, земства сдѣлали бы лучше, если бъ усилили средства своихъ училищъ, чѣмъ субсидировать чужія. А то выходитъ что-то несообразное: 600 руб. на церковно-приходскія школы и 160 руб. на 32 земскихъ библіотеки,—какъ хотите, въ цифрахъ этихъ чувствуется непріятный диссонансъ.

Вѣрно вы, читатель, помните чудныя лермонтовскія строфы, поставленныя мною эпиграфомъ этого письма:

«И кто-то камень положилъ
«Въ его протянутую руку».

Мнѣ кажется, теперешнія наши земства, по отношенію къ народному образованію, представляютъ собою этого «кого-то». Пройти мимо совѣстно,—голодный проситъ ѣсть, а дать кусокъ хлѣба не хочется. Иначе я не могу представить себѣ пятирублевую подачку на учрежденіе библіотеки, какъ камнемъ, поданнымъ голодному. Не знаю, много-ли духовно алчущихъ напитаютъ эти пятирублевыя библіотеки, но, право, ужъ лучше бы ничего не ассигновывать, по крайней мѣрѣ, пустое мѣсто ничѣмъ бы не прикрывалось...

Пензенское земство, между прочимъ, избрало комиссію для организаціи воскресныхъ занятій при сельскихъ школахъ, для неграмотныхъ взрослыхъ крестьянъ, и устройства повторительныхъ курсовъ для окончившихъ обученіе въ школѣ. Несомнѣнно, что, при надлежащей организаціи такихъ курсовъ, они принесутъ большую пользу, ибо, при неимѣніи въ деревнѣ библіотекъ, молодежь не только забываетъ пройденное въ школѣ, но зачастую разучивается и читать. Повторительные курсы если не уничтожатъ, то, во всякомъ случаѣ, ослабятъ это печальное явленіе, а устройство воскресныхъ занятій для взрослыхъ откроетъ доступъ къ грамотѣ и людямъ рабочаго возраста, не имѣющимъ возможности посвятить ученью будни. Съ этой идеей пензенское земство можно поздравить, особенно, если комиссія не замедлитъ съ порученнымъ ей собраніемъ дѣломъ, и было бы желательно, чтобъ и остальныя уѣздныя земства губерніи послѣдовали примѣру пензенскаго. Во всякомъ случаѣ, курсы для взрослыхъ, не требуя большихъ затратъ, несомнѣнно окажутъ большое вліяніе на повышеніе культурнаго развитія деревни и будутъ способствовать искорененію «жестокихъ нравовъ», которые, увы! еще преобладаютъ среди массы населенія.

Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ лицъ, близко стоящихъ нынѣ къ земскому дѣлу, что крестьяне, будто бы, съ бо́льшимъ довѣріемъ относятся къ церковно-приходской школѣ, чѣмъ къ земской. Не знаю, можетъ быть, гдѣ-нибудь и замѣчается нѣчто подобное, но въ Пензенской губерніи о подобномъ предпочтеніи и слыхомъ не слыхано. Прежде всего, крестьяне очень мало интересуются, какая это школа,—церковная или земская: имъ нужна вообще школа, какъ разсадникъ грамоты, и они посылаютъ дѣтей въ ту школу, какая есть. Слѣдовательно, для земства существованіе церковно-приходскихъ школъ отнюдь не можетъ служить поводомъ къ сокращенію дѣятельности въ области начальнаго обученія. И если всѣ уѣздныя земства проникнутся убѣжденіемъ, что просвѣщать народъ — ихъ прямая и святая обязанность, то, я думаю, и средства на содержаніе школъ найдутся, какъ находились они и прежде, въ медовый мѣсяцъ существованія зем-

ства. Выпуская же изъ своихъ рукъ это первостепенной важности дѣло, земства совершаютъ серьезную ошибку, подрывающую ихъ жизнеспособность.

В. Быстренинъ.

Изъ Якутска. (Къ вопросу о ссылкѣ въ Якутскую область).

«Великая вода» (улаканъ у), какъ называютъ якуты Лену, это единственный путь, по которому провозятся въ Якутскую область всевозможныя блага нашей культуры... Какъ только рѣка вскроется въ верховьяхъ, въ Качугѣ спускаются на воду такъ называемые паузки, нагруженные всевозможными товарами: хлѣбомъ, водкой и т. д. Наступаетъ оживленіе, ярмарка... Среди этихъ паузковъ, разукрашенныхъ флагами, манящихъ къ себѣ своимъ богатствомъ, останавливающихся для торговли во всѣхъ болѣе зажиточныхъ селеніяхъ, угрюмо подымается впередъ нѣсколько другихъ паузковъ, похожихъ по строенію на первые, но нагруженныхъ совсѣмъ другимъ грузомъ... Это паузки арестантскіе. Далеко отсюда, за горами, за лѣсами, на выставкѣ въ Нижнемъ была представлена только лицевая сторона нашей цивилизаціи; на Ленѣ ежегодно рядомъ съ ней фигурируетъ и ея изнанка. На однихъ паузкахъ нагружены издѣлія, выработанныя во всѣхъ концахъ земли русской, на другихъ—собранныя отовсюду жертвы невѣжества и нищеты.

Шумъ, говоръ, суета, плачъ и ругань, смѣхъ и залихватская пѣсня то и дѣло раздаются на этихъ паузкахъ. Кого-кого тутъ только нѣтъ!.. Въ одномъ углу скопцы, съ ихъ обезображенными, заплывшими лицами, тоненькими женскими голосами пытаются перекричать, переспорить другихъ сектантовъ: духоборцевъ, штундистовъ; въ другомъ—кучка бродягъ, не освобожденныхъ отъ кандаловъ и на этой плавучей тюрьмѣ, азартно «рѣжется» въ карты; здѣсь горсть конокрадовъ: башкиръ, татаръ, черкесовъ; тамъ отбывшій срокъ каторжанинъ; въ другомъ мѣстѣ: истасканная, видѣвшая на своемъ вѣку всякіе виды, каторжанка.

Молодые и старые, женщины и дѣти, фанатики до изувѣрства и безбожники до цинизма, безъ толку, безъ разбора и смысла, свалены въ одну кучу и направляются всѣ въ одинъ пріемникъ, въ якутскій острогъ, откуда, словно «культурные» ручьи, потекутъ въ глухія захолустья якутскихъ наслеговъ...

Въ послѣднее время вопросъ о взаимномъ отношеніи туземцевъ и поселенцевъ появляется все чаще на страницахъ нашихъ журналовъ, причемъ далеко не въ такомъ одностороннемъ освѣщеніи, въ какомъ онъ, если не ошибаемся, появился впервые въ талантливомъ разсказѣ г. Сѣрошевскаго: «Хайлакъ».

Пишущій эти строки прожилъ около пяти лѣтъ въ одномъ изъ улусовъ Якутскаго округа; не разъ и не десять ему приходилось бесѣдовать по этому поводу и съ ссыльными, и съ якутами. Самыми характерными изъ этихъ бесѣдъ рядомъ съ кое-какими оффиціальными распоряженіями и выписанными изъ дѣлъ цифрами я и думаю подѣлиться съ читателемъ.

«Виноватъ-ли гвоздь предъ стѣной, что въ голову бьетъ его молотъ?» Обѣ «воюющія» стороны: и «демоны зла и насилія»—въ лицѣ «хайлаковъ», и ди-

карп-якуты, безшумно спроваживающіе на тотъ свѣтъ ненавистныхъ незваныхъ гостей, являются этими гвоздями, невиновными передъ стѣной за удары, наносимые имъ молотомъ. Этотъ молотъ—ссылка.

По закону, всякій сосланный имѣетъ право на полученіе 15 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли отъ того наслега, къ которому онъ причисленъ. Сверхъ этого, ни на какую другую поддержку со стороны инородцевъ онъ не имѣетъ права претендовать.

«Въ подтвержденіе неоднократныхъ частныхъ моихъ распоряженій о томъ,—предписываетъ якутскому окружному полицейскому управленію 16 января 1879 г. якутскій губернаторъ Черняевъ,—чтобы ссыльные всѣхъ категорій, живущіе въ якутахъ, не требовали бы отъ нихъ безвозмездно пропитанія, юртъ, рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, предписываю полицейскому управленію снова объявить всѣмъ якутамъ, черезъ ихъ старостъ, что *нѣтъ закона*, который обязывалъ бы общественниковъ давать причисленнымъ къ ихъ обществу ссыльнымъ всѣхъ категорій какое бы то ни было вспомоществованіе. Но ежели бы якуты изъ человѣколюбія пожелали помогать ссыльнымъ въ отношеніи ихъ содержанія, то это они могутъ дѣлать, но не иначе, какъ давать ссыльнымъ предметы довольствія натурой и то не свыше солдатскаго довольствія. Всѣмъ же вообще ссыльнымъ, живущимъ между якутами, строжайше воспретить, чтобы они не смѣли требовать отъ якутовъ пропитанія или какого бы то ни было вспомоществованія, которыя они обязаны добывать себѣ собственными трудами».

И якуты, и поселенцы *знаютъ* объ этомъ распоряженіи покойнаго генерала Черняева, но, тѣмъ не менѣе, оно ни на одну копѣйку не уменьшило расходовъ инородцевъ на содержаніе поселенцевъ и, что всего важнѣе, *не могло* ихъ уменьшить. Обѣ стороны въ видѣ курьеза разсказываютъ, что лицо, которому было предписано привести въ исполненіе это распоряженіе, собравъ якутовъ на «муньякъ» (сходъ), прочитало бумагу...

— Слышали? Ну, смотрите... Если только услышу, что отказываетесь кормить по-прежнему...—въ бараній рогъ согну!..

Какъ это ни грустно, но данному должностному лицу ничего другого и не оставалось сдѣлать...

Изломанные и измученные продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ и этапной дорогой, прелести которой такъ правдиво изображены г. Мельшинымъ, ссыльные становятся, наконецъ, «свободными». Дѣйствительно, они «свободны» отъ всего, чѣмъ можно бы продлить свое жалкое существованіе... Паузки приходятъ въ началѣ іюня... Въ это время года воспользоваться землею, на которую ссыльные имѣютъ право, уже нѣтъ возможности, найти заработокъ во время полевыхъ работъ — тоже, такъ какъ на эти работы рабочіе законтрактованы, или, выражаясь точнѣе, «закабалены» давно, и вотъ тутъ-то, что дѣлать поселенцу, одному среди якутовъ, безъ крова надъ головой, безъ куска хлѣба?! Поневолѣ этотъ «свободный человѣкъ» со вздохомъ сожалѣнія вспомнитъ о «своемъ» углѣ подъ нарами въ какой-нибудь каторжной тюрьмѣ, о пресловутой «баландѣ» съ кускомъ ржаного хлѣба...

Гостепріимный якутъ не отказываетъ ему ни въ кровѣ, ни въ пищѣ... Но

ни живьемъ зажаренная крохотная рыбка «мундушка», ни сосновая заболонь, на первыхъ порахъ не лѣзутъ въ горло... У кого есть нѣсколько рублей, тотъ постарается уйти куда глаза глядятъ; у кого ихъ нѣтъ, тотъ постарается «достать»...

— Пришламъ въ наслегъ,—разсказываетъ уже немолодая бродяжка-полька, живущая въ области съ 1868 года.—Ни я ихъ не розумѣмъ, ни они мнѣ. Ну, ничего. Привели въ юрту. На коминѣ у огня—патыки (палочки), на нихъ живыя рыбки такъ и скачутъ!.. Іезусъ Марія! Куда я попаламъ. Сняли нѣсколько штукъ, и мнѣ даютъ, и сами кушаютъ, такъ прямо зъ бебехами (внутренностями)... Потемъ (послѣ этого) сосну дали... Ушламъ въ городъ. Зъ дому до дому хожу, въ прислуги хочу наняться... Скажу: «посёлка»—никто не берётъ. Ну, а скопцовъ жаламъ, а тамъ узналамъ, что должны (!) мнѣ кормить. Отъ зъ тѣхъ поръ 20 рубли въ годъ получаю».

Я привелъ этотъ разсказъ, такъ какъ въ немъ нѣсколько пунктовъ, характеризующихъ положеніе поселенца. Чуждый якутамъ во всемъ, начиная съ языка и кончая той жалкой пищей, какой инородецъ вынужденъ питаться, поселенецъ робѣетъ, стремится уйти куда-то въ городъ, въ русское селеніе, на край свѣта, лишь бы къ своимъ, къ русскимъ, подальше отъ этихъ страшныхъ въ первое время для него дикарей... Съ теченіемъ времени, подученный товарищами по несчастію, или же ближе познакомившись съ не менѣе его робѣющимъ якутомъ, онъ узнаетъ, что «должны» его кормить... Узнаетъ и вѣритъ въ это свято: не можетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не взирая на «распоряженія», повѣрить, что онъ обреченъ на голодную смерть... Начинаются вымогательства.

Якуты, правда, имѣютъ, какъ мы видѣли, законное основаніе для отказа, но у поселенцевъ всегда находится въ рукахъ грозный аргументъ въ видѣ требованія земли... Земля... Кто видѣлъ якутскій скотъ въ началѣ весны, буквально валящійся съ ногъ, выводимый изъ «хотоновъ» (хлѣвовъ) при поддержкѣ людей, тотъ пойметъ, чѣмъ является для якута каждый клокъ земли, съ котораго можно получить лишнюю охабку сѣна для скота... И вотъ эту-то землю, за которую улусъ съ улусомъ, наслегъ съ наслегомъ ведетъ нерѣдко тяжбы по цѣлымъ десятилѣтіямъ, якуты должны безпрекословно уступить въ размѣрѣ 15 десятинъ всякому изъ незваныхъ пришельцевъ. Первое пускаемое въ ходъ средство избѣгнуть этого, это—дать извѣстную сумму «отступного» и навсегда избавиться отъ ненавистнаго «хайлака». Къ этому средству прибѣгнуть заставляетъ якутовъ еще и то обстоятельство, что разъ отведенный поселенцу участокъ, въ большинствѣ случаевъ, въ наслегъ уже не возвращается. На «освободившійся» надѣлъ тотчасъ же назначается другой ссыльный, а обычная отговорка—недостатокъ земли—уже и не можетъ быть выдвинута.

Эта-то борьба за землю и является пружиной всѣхъ тѣхъ нерѣдко трагическихъ столкновеній, какія такъ часто разыгрываются между обѣими сторонами. Въ виду того, что средства борьбы очень своеобразны, мы считаемъ нелишнимъ привести разсказанное намъ нѣсколькими поселенцами о первыхъ годахъ ихъ пребыванія въ области. Владиміръ С. прибылъ на мѣсто причисленія въ 1884 г. Наслегъ тотчасъ же выдалъ ему 15 руб. «вспомоществованія» и билетъ на золотые пріиски, съ обязательствомъ не возвращаться раньше года. Въ іюнѣ 1885 г.

С. возвращается, цѣлый годъ живетъ исключительно на иждивеніи якутовъ, но, убѣдившись, что, благодаря этому, не добьется слѣдующаго ему надѣла земли, еще годъ кое-какъ перебивается, заработывая крохи чтеніемъ псалтыря надъ умершими, и только въ 1887 г. ему отводится надѣлъ, но... неполный: 7 дес. пахотной земли, 2 десятины покосной и $^1/_2$ дес. усадебной. Пашня при этомъ граничитъ непосредственно съ якутскимъ выгономъ, такъ что споры о потравахъ никогда не прекращаются.

Бей-Мухамедъ Э. прибылъ въ наслегъ въ 1876 г. Общество немедленно снабдило его конемъ, съ условіемъ, чтобъ онъ немедленно уѣхалъ на пріиски. До 1882 года незначительныя подачки со стороны наслега освобождали его отъ дачи земли, но въ этомъ году пришлось ужъ уступить. Въ 1885 г., послѣ года неурожая, Э. добровольно возвращаетъ взятую землю съ тѣмъ условіемъ, чтобы общество взяло на себя пропитаніе его съ семействомъ. Послѣдовало согласіе, но, два года спустя, онъ вновь требуетъ надѣла, и общество вновь вынуждено его отвести. Приведемъ еще одинъ очень характерный примѣръ.

Сиразитынъ Г. съ женой и двумя малолѣтними дѣтьми прибылъ въ наслегъ въ 1883 году, причемъ прибылъ въ мартѣ, т.-е. въ такое время, когда была возможность въ этомъ же году воспользоваться землей для посѣва. Общество, прокормивъ его 20 дней и отказавъ отъ земли на томъ основаніи, что въ этомъ году отъ этого наслега отрѣзана земля въ пользу сосѣдняго селенія сектантовъ, отправило его обратно въ г. Якутскъ. Окружная полиція опять посылаетъ его въ тотъ же наслегъ. Цѣль, тѣмъ не менѣе, достигнута, время для обработки земли прошло... Цѣлый годъ якуты по очереди кормятъ его и семью, но на слѣдующій годъ опять передъ началомъ полевыхъ работъ вновь отправляютъ его въ городъ. Здѣсь Г. узнаетъ объ освободившемся надѣлѣ въ другомъ наслегѣ и просится туда. Новый наслегъ, не имѣя законнаго основанія для отказа въ надѣленіи его землею, соглашается отвести «надѣлъ», но... за 500 верстъ отъ мѣста его нахожденія, на самой границѣ Вилюйскаго округа, въ центрѣ проказы... Три года тянется борьба, во время которой одна изъ сторонъ продолжаетъ жить на иждивеніи другой, пока, наконецъ, не наступаетъ миръ. Г. отводится надѣлъ: 3 дес. пахотной земли и $1^3/_7$ покосной. Пашня опять-таки рядомъ съ якутскимъ выгономъ. До чего въ этой борьбѣ пускаются въ ходъ всевозможныя средства, свидѣтельствуетъ слѣдующій очень любопытный фактъ. Въ 1883 году якуты, «бывъ на общемъ сходѣ, имѣли сужденіе и о томъ, что живущіе въ ихъ наслегѣ такіе-то башкиры (извѣстные на весь улусъ конокрады) отличаются безукоризненной честностью, вполнѣ благопристойнымъ поведеніемъ и т. д., почему вполнѣ заслуживаютъ примѣненія Высочайшаго манифеста и возвращенія на родину»... Отъ якутскаго областного управленія, куда былъ направленъ этотъ приговоръ, получился самый строгій выговоръ, цѣль — освободиться хоть такимъ путемъ отъ незваныхъ пришельцевъ, осталась не достигнутой, а когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, у многихъ якутовъ оказался недочетъ въ конномъ и рогатомъ скотѣ, «безукоризненные башкиры» не могли быть оффиціально заподозрѣны въ кражѣ.

Мы остановились только и исключительно на самыхъ заурядныхъ примѣ-

рахъ, оставивъ въ сторонѣ, съ одной стороны, тѣхъ горемыкъ, которые безслѣдно пропадаютъ въ тинахъ пріисковой жизни, съ другой—тѣхъ «фартовыхъ» удачниковъ, которые умудряются обойти даже далеко не легковѣрныхъ якутовъ, снискиваютъ ихъ довѣріе и, жестоко надувая ихъ, устраиваютъ свои дѣлишки. До сихъ поръ среди инородцевъ живетъ поселенецъ, котораго якуты по собственному почину надѣлили землей наравнѣ съ своими самыми почетными инородцами... мало того, по собственному же почину ходатайствовали о разрѣшеніи ему сбросить позорную кличку «поселенца» и приписаться къ данному роду въ качествѣ его полноправнаго члена... Кое-кто изъ почетныхъ инородцевъ-членовъ предлагалъ даже усыновить его, если это можетъ устранить затрудненія по припискѣ. Не прошло, однако, и года, какъ инородцы этого же рода, а въ томъ числѣ и желавшіе усыновить его, обратились къ высшей администраціи края съ ходатайствомъ объ избавленіи ихъ отъ его плутовскихъ козней, мошенничествъ, кляузъ и интригъ высылкой его за предѣлы ихъ наслега.

Такіе «артисты», понятно, устраиваются прекрасно, но они не могутъ быть приняты въ разсчетъ, вся же масса уголовныхъ ссыльныхъ матерьяльно не обезпечена, благодаря чему обречена на скитаніе по пріискамъ, на замѣну невольной работы на каторгѣ каторжной же работой «добровольной». Цѣлый рядъ статей В. И. Семевскаго достаточно ярко рисуетъ условія работъ на пріискахъ, останавливаться на этомъ вопросѣ мы поэтому не будемъ и ограничимся только указаніемъ, что нравственно и физически искалѣченные субъекты врядъ-ли могутъ тамъ исцѣлиться отъ своихъ недуговъ. А между тѣмъ, это участь большинства. Надѣленіе землей, еслибъ оно даже не тормазилось якутами, имѣетъ значеніе только для сравнительно зажиточныхъ; у большинства же орудій производства нѣтъ и нѣтъ такого учрежденія, на попеченіи котораго лежала бы забота объ этомъ. Грустные результаты такого положенія вещей—на лицо; масса ссыльныхъ гибнетъ въ тинахъ пріисковой жизни, тюрьмы переполнены рецидивистами. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ несомнѣнно шагъ назадъ противъ того, что было раньше. Вотъ документъ, относящійся къ 1846 году.

«...Какъ распоряженіе начальства къ поселенію означенныхъ ссыльныхъ въ якутскіе улусы есть то, чтобы усилить хлѣбопашество, къ чему они могутъ быть хорошими руководителями въ земледѣліи для незнакомыхъ въ совершенствѣ съ этой лучшей отраслью продовольствія инородцамъ, которымъ препровождаемые ссыльные должны показывать, какъ заниматься хлѣбопашествомъ, то оныя инородныя управы обязаны оказать имъ всевозможные способы къ посѣву хлѣба, отводомъ земель, надѣленіемъ къ разработкѣ оной орудіями, лошадьми или быками и хлѣбными для посѣва сѣменами, въ чемъ не можетъ предстоять затрудненія при благоразумномъ содѣйствіи родоначальниковъ» [1]).

Мы далеко не раздѣляемъ взгляда на ссыльныхъ, какъ на піонеровъ куль-

---

[1]) Архивъ камской инородной управы. Д. о поселенныхъ въ Никольской слободкѣ поселенцахъ. Началось 27-го февраля 1846 г.; кончилось 7-го августа 1851 г. (безъ номера).

туры, а въ частности агрикультуры... Въ статьѣ, посвященной скопцамъ [1]), мы указали на то, что піонерство даже сектантовъ слишкомъ дорого обходится инородцамъ, такъ что интересы инородцевъ страдали тогда такъ же, какъ и теперь, но относительно ссыльныхъ вопросъ былъ поставленъ на болѣе твердую почву: ссыльному предоставлялась не только земля, но и возможность дѣйствительно обработать ее и этимъ прокормить себя.

Документъ 1846 года замѣчателенъ и въ томъ отношеніи, что въ немъ видны и *мотивы* возложенія на инородцевъ заботъ о поселенцахъ. Точка зрѣнія тогдашней администраціи была неправильная, ошибочная, но съ этой точки зрѣнія, понятно, что имѣлась въ виду выгода обѣихъ сторонъ. Теперь *фактически* содержаніе и снабженіе поселенцевъ всѣмъ необходимымъ не снято съ якутовъ, но о вознагражденіи за эти траты никто не заботится. Въ 1893 году Намскимъ улусомъ, въ которомъ мужскихъ душъ (не исключительно рабочихъ) 8.533, потрачено на поселенцевъ 717 руб. 65 коп.—расходы *оффиціально* утвержденные, въ которые не вошли подачки натурой. Эта сумма можетъ показаться незначительной, но если вспомнить, что якутъ въ этомъ улусѣ за сажень дровъ съ доставкой на мѣсто на своемъ быкѣ получаетъ 45 коп., да и то далеко не всегда, то станетъ яснымъ, что для него эта сумма не незначительна.

Мы видѣли выше, что, несмотря на всевозможныя ухищренія, въ концѣ-концовъ, въ полномъ или въ лучшемъ случаѣ, въ урѣзанномъ размѣрѣ якутамъ приходится отводить поселенцамъ и землю. Кромѣ обыкновенныхъ уголовныхъ ссыльныхъ отъ якутовъ отрѣзается земля и для политическихъ, и подъ сектантскія селенія, и подъ поселки для крестьянъ изъ ссыльныхъ. Все это не можетъ расположить якутовъ въ пользу пришельцевъ и, такимъ образомъ, ферментъ раздраженія у обѣихъ сторонъ—готовъ.

Но пришельцы—это не переселенцы, нуждой загнанные въ далекую окраину. Преступныя жертвы соціальныхъ условій, озлобленные пережитыми мытарствами, ссыльные, въ борьбѣ за существованіе, не ограничиваются легальнымъ оружіемъ. Кража, въ частности, конокрадство, грабежъ, убійство рядомъ со спаиваніемъ и объигрываніемъ въ карты—вотъ обычные пріемы борьбы со стороны поселенцевъ. Отвѣтомъ на нихъ являются ихъ «исчезновенія». Къ несчастью, такъ какъ «свято мѣсто пусто не бываетъ», на мѣсто «исчезнувшаго» является новый поселенецъ, борьба продолжается попрежнему.

Остановимся еще на одномъ пунктѣ. Наше законодательство съ давнихъ поръ очень мягко и гуманно относится къ инородцамъ. Принимая во вниманіе ихъ культурный уровень, оно не считаетъ возможнымъ подвергать ихъ суровой карѣ за многія дѣянія, преступность которыхъ выше ихъ пониманія... Такія вполнѣ понятныя изъятія могутъ быть только временны. Хорошія школы, постоянное общеніе съ непорочными представителями болѣе высокой культуры—способствовали бы нравственному воспитанію и поднятію инородческой массы... Вмѣсто этого—въ лицѣ хайлаковъ инородцамъ прививается ядъ преступности.

---

[1]) Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Т. XXVI, № 4 и 5. «Хатынъ-Арынское скопческое селеніе».

До сихъ поръ не изученъ этотъ вопросъ, но даже бѣглый осмотръ дѣлъ въ инородческихъ управахъ заставляетъ заподозрить самое гибельное вліяніе въ этомъ отношеніи ссыльныхъ. Раньше, напр., не было случаевъ покражъ между членами одного и того же рода, теперь мы ужъ видѣли нѣсколько такихъ примѣровъ; конокрадство достигаетъ ужасающихъ размѣровъ, убійства якутами живущихъ между ними русскихъ сопровождаются ужасными звѣрствами, чему примѣромъ можетъ служить убійство съ цѣлью грабежа политическаго ссыльнаго Петра Алексѣева, буквально истыканнаго ножами (21 рана).

Эта сторона дѣла остается и при урегулированіи вопроса объ устройствахъ ссыльныхъ, и ее устранить можно только упраздненіемъ самой ссылки. Для Сибири вообще, въ принципѣ, этотъ вопросъ уже рѣшенъ, положеніе дѣлъ въ Якутской области вопіетъ о скорѣйшемъ рѣшеніи его на практикѣ.

Ф. К.

Изъ Оренбургской губерніи. (Орское попечительство о народной трезвости).

Покойный Н. А. Добролюбовъ, говоря о распространеніи обществъ трезвости, начинаетъ свою извѣстную статью «Народное дѣло» такими словами: «Много разъ приходилось намъ слышать отъ людей, искренно желающихъ народнаго блага, выраженіе сожалѣнія о томъ, что народъ нашъ живетъ такъ разрозненно, такъ мало проникнутъ сознаніемъ общихъ интересовъ». Если настоящее мнѣніе искреннихъ друзей народа и справедливо до нѣкоторой степени, то еще болѣе справедливы заключительныя слова самого незабвеннаго критика-публициста. По его мнѣнію, въ нашемъ народѣ «есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное». «Сотни тысячъ народа въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если только потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ».

Не только подобнаго героизма, а часто даже самой элементарной солидарности не достаетъ нашимъ командующимъ персонамъ, призваннымъ волею судебъ сдѣлать русскій народъ, напримѣръ, трезвымъ народомъ. Вмѣсто общественнаго блага, на первый планъ нерѣдко выступаетъ личное, непонятное, никѣмъ незадѣтое самолюбіе; благодаря этому, въ общее дѣло на каждомъ шагу вносится дезорганизація и сыръ боръ постоянно горитъ.

Въ совершенной справедливости этихъ словъ мы убѣждаемся, читая анналы орскаго попечительства о народной трезвости.

14 января 1896 года. Вслѣдствіе словеснаго заявленія буфетчика Нуж—на о нежеланіи продолжать службу въ чайной попечительства трезвости, хозяйственная коммиссія постановила Нуж—на уволить. Узнавъ объ этомъ, предсѣдатель уѣзднаго комитета попечительства, г-нъ Др—ръ, чрезъ одного изъ членовъ коммиссіи, словесно, при сдачѣ имущества чайной новому буфетчику, приказываетъ коммиссіи «прекратить передачу имущества новому буфетчику, оставить прежняго, такъ какъ коммиссія не имѣетъ права увольнять служащихъ въ чайной безъ разрѣшенія комитета». На основаніи 4 пунк. журн. постановл. комитета хозяйственная коммиссія не соглашается съ предсѣдателемъ комитета, и съ этого момента выступаютъ на сцену всѣ три элемента русской жизни: «человѣкъ, природа и бумага», особенно послѣдняя.

18 января предсѣдатель комитета Др—ръ пишетъ предсѣдателю коммиссіи Ядл—кину: «До свѣдѣнія моего доведено, что вы... уволили буфетчика *нравственной честности* (sic!), и ни въ чемъ не обнаружившаго неблагонадежности», а посему и т. д.

18 января предсѣдатель коммиссіи, сообщаетъ его превосходительству г-ну предсѣдателю комитета: «Нуж—нъ уволенъ не мною и не при посредствѣ нѣкоторой части хозяйственной коммиссіи, а большинствомъ голосовъ»...

18 января. «На отношеніе отъ 18 января долгомъ считаю отозваться, что уѣздный комитетъ есть учрежденіе правительственное и въ должности предсѣдателя комитета я господиномъ начальникомъ Оренбурга съ одобренія г-на министра финансовъ избранъ и потому, не считая себя вправѣ допустить неправильныя дѣйствія частной хозяйственной коммиссіи въ подрывъ престижа моей дѣятельности... а потому... не угодно-ли членамъ-соревнователямъ и предсѣдателю отказаться отъ дальнѣйшаго участія»...

«Члены коммиссіи, за исключеніемъ предсѣдателя Ядл—кина—непремѣннаго члена комитета,—слагаютъ съ себя всѣ обязанности по завѣдыванію чайной и отказываются отъ всякаго участія въ дѣлахъ попечительства».

19 января предсѣдатель комитета предсѣдателю коммиссіи: «вновь имѣю честь просить васъ, милостивый государь, возстановить буфетчика Нуж—на»..

19 января предсѣдатель коммиссіи: «я только предсѣдатель хозяйственной коммиссіи и дѣйствовать своею властію безъ ея разрѣшенія не считаю себя въ правѣ; хозяйственная-же коммиссія, вслѣдствіе предпринятыхъ вашимъ превосходительствомъ исключительныхъ мѣръ, отказывается измѣнить свое постановленіе впредь до разсмотрѣнія всего дѣла комитетомъ».

19 января протоколъ. Показаніе вновь опредѣленнаго хозяйственной коммиссіей буфетчика Николая Наумова: «Я—предсѣдатель комитета; никто не имѣетъ права уволить буфетчика безъ моего приказанія и поэтому ты, Наумовъ, убирайся изъ заведенія, а ты, Нуждинъ, оставайся и исполняй свои обязанности впредь до моего распоряженія, а въ случаѣ—я обращусь къ полиціи, чтобы съ помощью ея выдворить Наумова».

Вѣнцомъ всей этой перестрѣлки явилась докладная записка г-на Яд—кина, предназначавшаяся для подачи въ комитетъ. Но тутъ Др—ръ долженъ былъ сдаться. Нуж—нъ уволенъ. Состоялось перемиріе.

Кромѣ изложеннаго выше, авторъ докладной сообщаетъ кое-что новое.

Помимо личнаго нежеланія Нуж—на—кліента Др—ра— служить буфетчикомъ чайной, на него были заявлены жалобы нѣкоторыми членами коммиссіи и получены писменныя претензіи посѣтителей чайной.

Новый буфетчикъ Наумовъ былъ нанятъ почти вдвое дешевле: вмѣсто 25 за 15 р.

«За все время существованія чайной, большинство членовъ комитета ни разу не заглянуло въ чайную, ничѣмъ рѣшительно не проявило интереса по дѣламъ попечительства, а предсѣдатель комитета спокойно подписывалъ всякаго рода бумаги, изрѣдка только порываясь дать почувствовать тому или другому, что онъ—начальство».

Составленный, по порученію комитета, особой коммиссіей каталогъ книгъ для читальни предсѣдатель комитета по своему единоличному усмотрѣнію цензуровалъ безъ вѣдома комитета и не доводя до свѣдѣнія коммиссіи, работавшей надъ каталогомъ.

Хозяйственная коммиссія неоднократно испытывала на себѣ начальственность предсѣдателя комитета. По поводу, напр., какой-нибудь работы коммиссія торгуется съ мастеромъ, мастеръ не уступаетъ, отправляется къ Др—ру и получаетъ отъ него заказъ.

Но «не смотря на все это, дѣло шло ладно» до инцидента изъ-за буфетчика.

Однако, «все въ мірѣ перемѣнчиво». Недологъ былъ миръ. Въ мартѣ снова загорѣлся боръ.

Прослуживши вѣрой и правдой три мѣсяца членомъ-экономомъ хозяйственной коммиссіи, М. И. Бажановъ нежданно-негаданно получаетъ 13 февраля словесное предложеніе чрезъ г-на Савостьянова отъ г-на предсѣдателя комитета передать обязанности эконома г-ну Савостьянову. Хозяйственная коммиссія стоитъ за Бажанова, какъ уже разъ выбраннаго эконома, и проситъ предсѣдателя комитета «авансовыя суммы на текущіе расходы выдавать члену-экономy Бажанову». Но въ концѣ-концовъ, неизвѣстно почему, хозяйственная коммиссія выбираетъ указаннаго ей эконома. Оскорбленный Бажановъ шлетъ претензію уѣздному комитету и, въ случаѣ некомпетентности послѣдняго, проситъ «препроводить» свою жалобу «для разсмотрѣнія въ оренбургскій губернскій комитетъ». Въ ожиданіи торжества произвола, къ тремъ членамъ соревнователямъ возвратившимъ свои дипломы по первому инциденту, готовы присоединиться еще семь. Такимъ образомъ орская драма народной трезвости должна переѣхать изъ уѣзда въ губернію, но на этомъ актѣ, къ величайшему сожалѣнію, кончается доставленная намъ лѣтопись.

Такъ трудно достается русскому народу его трезвость!

Влад. II—ій.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАУМОВЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Наумова, въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой, Спб., 1897 г.

I.

Рѣдкое появленіе произведеній Н. И. Наумова въ послѣднія 15 лѣтъ на страницахъ нашихъ журналовъ, исчезновеніе съ литературнаго рынка прежнихъ изданій его разсказовъ и непоявленіе новыхъ имѣли своимъ результатомъ то, что имя его начало все болѣе и болѣе забываться нашей публикой, обращающей, какъ извѣстно, все свое вниманіе на вновь выходящія книги и не помнящей, что было вчера, особенно же среди молодыхъ поколѣній, плохо знакомыхъ даже и съ корифеями нашей прошлой литературы. А между тѣмъ, было время, когда разсказами Н. И. Наумова зачитывались нарасхватъ, когда онъ былъ однимъ изъ любимцевъ молодежи, и почтенное имя его ставилось не напрасно рядомъ съ именами Рѣшетникова и Левитова.

Другъ Ядринцева, память котораго не даромъ чтитъ Сибирь, и Потанина, научные труды и экспедиціи котораго представляютъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую этнографію, Н. И. Наумовъ былъ однимъ изъ тѣхъ военныхъ, которые, въ концѣ 50-хъ годовъ, увлеченные общимъ энтузіазмомъ, бѣжали изъ стѣнъ казармъ въ стѣны университетовъ. Въ 1860 году совершилось это бѣгство, а года два спустя, въ 1862 году, появляются уже первые разсказы Н. Ив. сначала изъ солдатской жизни, а затѣмъ и изъ быта сибирскихъ крестьянъ. Слѣдовательно, Н. Ив. Наумовъ началъ свою литературную дѣятельность почти въ одно время съ Левитовымъ и Рѣшетниковымъ (Левитовъ выступилъ впервые въ 1861 году, т.-е. годомъ раньше Ник. Ив. Наумова, а Рѣшетниковъ, въ 1864 г., двумя годами позже). И вотъ сначала рука объ руку съ этими двумя своими сверстниками, а затѣмъ, послѣ смерти обоихъ, въ одиночествѣ Ник. Ив. Наумовъ не переставалъ исполнять тотъ завѣтъ, который былъ выраженъ Рѣшетниковымъ въ его письмѣ къ Некрасову при посылкѣ въ редакцію «Современника» своихъ «Подлиповцевъ», завѣтъ «хоть *сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ*».

Я не даромъ соединяю имя Ник. Ив. Наумова не съ именами какихъ-либо другихъ беллетристовъ-народниковъ, которыхъ много было

въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ, а именно съ именами Левитова и Рѣшетникова, какъ бы въ тріумвиратъ, и не даромъ говорю, что, послѣ смерти того и другого, Ник. Ив. Наумовъ работалъ въ томъ же направленіи въ одиночествѣ. Дѣло въ томъ, что хотя и до образованія этого тріумвирата не мало уже появилось въ нашей литературѣ произведеній изъ народной жизни, а впослѣдствіи, въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ рядомъ съ Ник. Ив. Наумовымъ подвизались на томъ же поприщѣ такіе почтенные и крупные дѣятели, какъ Н. Н. Златовратскій и Гл. Ив. Успенскій, тѣмъ не менѣе, Ник. Ив. все-таки работалъ въ одиночествѣ, такъ какъ всѣ прочіе беллетристы-народники, предшествовавшіе означенному тріумвирату и послѣдовавшіе, изображали народную жизнь совсѣмъ съ иныхъ сторонъ и съ иными цѣлями.

Левитовъ, Рѣшетниковъ и Наумовъ были всецѣло вызваны тѣмъ *практическимъ* движеніемъ къ улучшенію быта народа, которое, произведя освобожденіе крестьянъ, далеко не исчерпалось этою великою реформою, такъ какъ послѣ 19 февраля 1861 года для всѣхъ ревнителей народнаго блага сдѣлалось яснѣе дня, что не одинъ произволъ помѣщичьей власти тяготѣлъ надъ крѣпостными крестьянами; рядомъ съ нимъ обнаружился гнетъ, съ одной стороны, административной, съ другой—экономической эксплуатаціи, которымъ подвергались въ одинаковой степени какъ крѣпостные крестьяне, такъ и государственные, какъ живущіе въ деревняхъ и занимающіеся хлѣбопашествомъ, такъ и уходящіе въ города на различные заработки. И вотъ появились, какъ въ сферѣ публицистики, такъ и беллетристики, особеннаго рода народные трибуны, вся цѣль литературной дѣятельности которыхъ исчерпывалась тѣмъ, чтобы указывать на то, что народъ терпитъ и что мѣшаетъ его благосостоянію. Къ числу такого рода трибуновъ принадлежали и трое указанныхъ нами беллетристанародника, стоя во главѣ многихъ другихъ, шедшихъ за ними въ теченіе 60-хъ годовъ и менѣе ихъ извѣстныхъ.

Изображать народную жизнь можно съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, не имѣющихъ ничего между собою общаго. Такъ, можно обращать исключительное вниманіе на поэзію этой жизни, на всю прелесть и нравственно-оздоровляющее вліяніе земледѣльческаго труда въ связи съ близостью къ природѣ, изображать, что чувствуетъ и переживаетъ крестьянинъ, когда онъ пашетъ, сѣетъ, молотитъ, ѣздитъ зимой въ лѣсъ за дровами или въ долгія зимнія ночи пугливо прислушивается къ вою вьюги и къ вознѣ на дворѣ домового. Можно изображать народную жизнь съ ея бытовой, обрядовой стороны: описывать крестьянскія свадьбы, похороны, поминки, родины, крестины или какъ крестьяне ходятъ другъ къ другу въ гости, какъ тараторятъ деревенскія старухи и какъ въ праздникъ орутъ въ кабакѣ подвыпившіе мужики. Можно обращать исключительное вниманіе на проявленія въ крестьянской средѣ разнаго рода выдающихся изъ средняго уровня

личностей, самородныхъ талантовъ или характеровъ, поражающихъ необыкновеннымъ развитіемъ воли, отваги, героическаго самоотверженія и пр. Можно заняться исключительно семейными драмами, разыгрывающимися въ крестьянской средѣ и ведущими къ тѣмъ или другимъ трагическимъ катастрофамъ, особенностями народной психики; наконецъ, можно посвятить себя всецѣло изученію соціальныхъ основъ народнаго быта, общественныхъ и мірскихъ порядковъ, тѣхъ устоевъ, на которыхъ изстари зиждется народная жизнь.

Напрасно вы будете искать чего-либо изъ всего перечисленнаго въ разсказахъ Левитова, Рѣшетникова и Наумова. Они ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ лишь о томъ, чтобы повѣдать намъ, какъ народъ обижаютъ и что онъ терпитъ, какъ страдаетъ отъ этихъ обидъ. Въ этомъ именно и заключается завѣтъ Рѣшетникова *«хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ»*. Писатели, о которыхъ мы говорили, являются какъ бы ходоками, являющимися ходатайствовать за народъ передъ людьми, власть имущими.

Вы, можетъ быть, мнѣ скажете, что подобнаго рода ходатайствованіе можно найти не у однихъ только Левитова, Рѣшетникова и Наумова. Развѣ, напримѣръ, не видали мы выставленіе на видъ народныхъ бѣдствій и страданій и у П. Вл. Засодимскаго, и у Д. Н. Мамина. Да, видѣли; но что касается до П. В. Засодимскаго, то если онъ и примыкаетъ къ тремъ писателямъ, о которыхъ мы говоримъ, нѣкоторыми своими произведеніями, изображая народныя страданія, но далеко не исчерпывается этимъ его дѣятельность; обращалъ онъ, сверхъ того, вниманіе и на семейныя драмы, разыгрывающіяся въ народной средѣ, искалъ въ ней и всякаго рода идеальныхъ личностей. Что касается Д. Н. Мамина, то онъ выставляетъ народныя бѣдствія и страданія вовсе не съ тѣмъ, чтобы передъ кѣмъ-либо ходатайствовать за народъ. Мы недавно имѣли случай обратить вниманіе, что въ основѣ его произведеній лежитъ пессимистическая идея какъ бы неизбѣжности въ мірѣ зла и страданій. Д. Н. Маминъ ставитъ на видъ, что во всей природѣ или, по крайней мѣрѣ, органическомъ царствѣ сильные благоденствуютъ на счетъ слабыхъ, тѣсня, давя ихъ и сживая со свѣту.

Ни у Левитова, ни у Рѣшетникова, ни у Н. Ив. Наумова подобнаго мрачнаго сознанія нѣтъ и слѣда. Они принадлежатъ всецѣло къ тому вѣку, въ которомъ радостно вѣрилось, что не сегодня, такъ завтра всяческимъ злымъ бѣдствіямъ и страданіямъ наступитъ конецъ. Я никогда не забуду, какъ лично мнѣ хорошій знакомый Н. Ив. Наумовъ постоянно и неисправимо ждалъ этого конца не черезъ нѣсколько лѣтъ, а черезъ столько-то мѣсяцевъ, а когда эти мѣсяцы проходили, назначался новый срокъ, и опять-таки не черезъ годы, а мѣсяцы. При этомъ литературѣ придавали тогда такое огромное значеніе и такія возлагали на нее надежды, какъ никогда ни до того времени, ни послѣ. Дѣятельность каждаго изъ нашихъ тріумвировъ окры-

лялась непреклонною увѣренностью, что разъ описаны страданія Пилы и Сысойки, непосредственная польза этимъ труженикамъ уже принесена, въ родѣ какъ бы подачи жалобы въ подлежащее присутственное мѣсто, и вслѣдъ за ними подлежащія власти не замедлятъ произвести судъ и слѣдствіе и утереть народныя слезы. И вотъ, въ этомъ смыслѣ, я и утверждаю, что, послѣ смерти Рѣшетникова и Левитова, Наумовъ остался въ одиночествѣ, такъ какъ у всѣхъ послѣдующихъ беллетристовъ-народниковъ мы видимъ въ ихъ произведеніяхъ иныя цѣли; беллетристы эти не имѣютъ уже прежней вѣры во всемогущество печатнаго слова и не принимаютъ поэтому на себя роли народныхъ защитниковъ и жалобщиковъ.

Въ силу всего вышесказаннаго мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на появленіе собранія сочиненій Н. И. Наумова и привѣтствовать это изданіе, какъ дѣло необходимое и давно желанное, такъ какъ мы убѣждены въ томъ, что Н. И. Наумовъ и по своему таланту, и по своему литературному значенію имѣетъ всѣ права на такое же вниманіе, какимъ пользуются Рѣшетниковъ, Левитовъ и всѣ прочіе, наиболѣе выдающіеся беллетристы-народники. Разсказы его изъ народнаго быта имѣютъ, сверхъ всего вышесказаннаго, еще и свой особенный интересъ. Какъ выходецъ изъ Сибири, хорошо изучившій народный бытъ своей родины, Н. И. Наумовъ изображаетъ въ своихъ разсказахъ исключительно жизнь сибирскихъ крестьянъ, въ чемъ онъ представляется едва-ли не единственнымъ русскимъ беллетристомъ, такъ какъ, кромѣ него, мы можемъ назвать въ качествѣ бытописателя восточной окраины одного лишь Д. Н. Мамина, но Маминъ посвящаетъ свои народные разсказы исключительно почти изображенію уральскаго горнозаводскаго быта, и мало имѣетъ дѣло съ крестьянами, занимающимися земледѣліемъ. Въ этомъ отношеніи Н. И. Наумовъ и Д. Н. Маминъ какъ бы пополняютъ другъ друга.

Не ограничиваясь рекомендаціей собранія сочиненій Н. И. Наумова нашимъ читателямъ и для того, чтобы подтвердить эту рекомендацію, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на выдающіяся изъ тѣхъ явленій сибирской жизни, какія изображаетъ Н. И. Наумовъ въ своихъ разсказахъ.

II.

Сибири, казалось бы, самою судьбою предназначено играть совершенно такую же роль для Восточной Европы, какую сыграла въ свое время Сѣверная Америка для Западной. Преисполненная неисчерпаемыхъ и разнообразныхъ богатствъ и для земледѣльческаго хозяйства, и для промышленности всякаго рода, и горной, и рѣчной, и лѣсной, мало населенная, — Сибирь изстари была страною русскаго колонизаторства, маня въ свои гостепріимныя нѣдра и трудолюбивыхъ пахарей, и отважныхъ купцовъ-промышленниковъ. Но этою общею судь-

бою и ограничивается сходство двухъ краевъ. Америку населили по преимуществу энергическіе и суровые люди труда и борьбы; они принесли съ собою высокую европейскую культуру и такое зрѣлое политическое самосознаніе, которое помогло имъ дать мужественный отпоръ стремленію англійскихъ купцовъ сѣсть имъ на шею и опустошить край, исключительно ради утолщенія своихъ купеческихъ кармановъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла сибирская колонизація. Сюда шло преимущественно русское крестьянское населеніе со своею первобытною культурою, чуть-что не временъ Гостомысла, и полною умственною темнотою, шло, не имѣя никакихъ ясныхъ представленій о разнообразныхъ богатствахъ края и ни о чемъ не помышляя, какъ лишь о томъ, чтобы пахать, сѣять и собирать хлѣбъ, какъ это дѣлали отцы и дѣды. А затѣмъ, какъ надъ этими простодушно-идиллически темными пахарями, такъ и надъ еще болѣе дикими инородцами воцарилась тьма тьмущая всякаго рода пройдохъ, аферистовъ и просто-на-просто грабителей, которые идутъ въ Сибирь—одни поневолѣ, въ видѣ казнокрадовъ, конокрадовъ, фальшивыхъ монетчиковъ и т. п., настолько проворовавшихся на родинѣ, что имъ приходится шествовать въ Сибирь пѣшимъ хожденіемъ по владимірской торной дорогѣ, другіе — ѣдутъ добровольно, наслышавшись отъ бывалыхъ людей, какъ легко и быстро можно въ Сибири пріобрѣсть несмѣтныя богатства. Не энергическая и честная разработка природныхъ богатствъ влечетъ всю эту сволочь въ далекій край, а именно возможность легкой и быстрой наживы, безъ малѣйшаго труда, путемъ одного лишь грабительства, подъегориванья и закабаленія темныхъ крестьянъ и глупыхъ инородцевъ. Отдаленность малонаселенной и малообразованной глухой окраины отъ административныхъ центровъ служитъ къ еще большему облегченію эксплуатаціи населенія при помощи средствъ, поражающихъ своими наглыми, выходящими изъ всѣхъ предѣловъ беззаконіями, вслѣдствіе чего Сибирь и прозвана безсудной. Да и какой же можетъ быть судъ и законъ въ печальной «странѣ изгнанія», гдѣ, по словамъ Н. Ив. Наумова, «до сихъ поръ еще самая ничтожная полицейская власть, если ей напомнить о законѣ, гордо говоритъ вамъ: здѣсь я законъ!»

Грустная картина возмутительной эксплуатаціи всякаго рода проходимцами трудового сибирскаго населенія и составляетъ содержаніе разсказовъ и очерковъ Н. Ив. Наумова. Читаете вы эти разсказы, и порою они производятъ на васъ впечатлѣніе положительно чего-то химерическо-сказочнаго. Господи, думаете вы, да неужели же это правда? И если что правда, то неужели возможно существовать при такихъ ужасныхъ условіяхъ жизни, съ которыми можно сравнить развѣ что начало среднихъ вѣковъ, эпоху переселенія народовъ, или же временъ татарскаго ига на Руси. А Н. Ив. Наумовъ во многихъ своихъ разсказахъ предувѣдомляетъ, что онъ раскрываетъ одинъ только краешекъ завѣсы и показываетъ лишь кончикъ картины, а не то еще

творится въ странѣ, вполнѣ осуществляющей собою гоголевское изреченіе, что скачи въ ней хоть тысячу верстъ, ни до какого государства не доскачешь...

Массы рабочаго населенія Сибири можно раздѣлить на три категоріи: инородцы, русскіе хлѣбопашцы и всякаго рода рабочіе: на заводахъ, золотыхъ пріискахъ, сплавахъ и т. п. По этимъ тремъ категоріямъ мы и распредѣлимъ тотъ матерьялъ, который мы находимъ въ разсказахъ Н. Ив. Наумова. Начнемъ съ инородцевъ, какъ кореннаго населенія Сибири, бывшихъ хозяевъ края до пришествія въ него русскихъ.

Инородцамъ посвященъ разсказъ «Горная идиллія», показывающій намъ, что продѣлываютъ надъ бывшими хозяевами ихъ незванные гости и самовольные замѣстители. Авторъ ведетъ насъ въ Алтайскія горы и знакомитъ съ населяющими ихъ южныя плоскогорья теленгутами и черневыми татарами. Кочевые теленгуты—народъ пастушескій, занимается скотоводствомъ. Черневые татары—главнымъ образомъ звѣроловы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эксплуатируютъ лѣсныхъ дикихъ пчелъ, обирая у нихъ медъ и воскъ. Было время, когда племена эти славились своимъ богатствомъ. Среди теленгутовъ не диво было встрѣтить владѣльцевъ шести и болѣе тысячъ головъ рогатаго скота. Люди, имѣвшіе 50 или 100 лошадей, считались у нихъ бѣдняками. Но путешественникъ Радловъ, посѣщавшій эти мѣста въ 1860 г., въ послѣднее свое путешествіе былъ пораженъ перемѣною, совершившеюся въ краѣ въ теченіе какихъ-нибудь 40—30 лѣтъ. Скота нигдѣ не было видно. Даже прекрасная Урусульская долина, славящаяся своими пастбищами и богатствомъ ея обитателей, была пуста; если же гдѣ попадался скотъ, то на вопросъ: чей скотъ? онъ получалъ въ отвѣтъ: «Жоймнымъ-малы!» т.-е. купеческій скотъ!..

И еще бы: кто только не грабитъ этихъ несчастныхъ инородцевъ и не наживается на ихъ счетъ! Въ первую голову идутъ купцы; они покупаютъ у теленгутовъ молодой скотъ, оставляютъ его у нихъ и берутъ, когда онъ подростетъ, черезъ 3, 4 года. При этомъ весь ущербъ въ скотѣ, который случится за это время, возмѣщается ими на прежнемъ хозяинѣ скота, обязанномъ безвозмездно пасти его и охранять отъ всякихъ случайностей. Какъ быстро составляются купцами капиталы въ Алтаѣ, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующему свидѣтельству Радлова: за 50 кирпичей чаю купецъ покупаетъ на Алтаѣ пару маральихъ роговъ, что ему обходится въ 75 р. Эти роги онъ продаетъ на рѣкѣ Чуѣ уже за 100 кирпичей чаю, что равняется 150 р. На эти деньги онъ снова накупаетъ на Алтаѣ 80 годовалыхъ телятъ, и, по истеченіи 3 лѣтъ, получаетъ отъ продавца 80 штукъ взрослой скотины, которая, считая, среднимъ числомъ по 10 р. за голову, составляетъ капиталъ въ 800 р. Задавая теленгутамъ впередъ гнилой, дешевый товаръ, купцы берутъ за него неимовѣрные проценты; про-

центы эти удваиваются и утраиваются, если долгъ не выплачивается въ срокъ. Теленгуты въ настоящее время обременены такими неоплатными долгами, погасить которые мало десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ за долги эти давно ужъ уплачены ими суммы въ десять, если не въ двадцать разъ большія.

Сверхъ того, вслѣдствіе недостаточнаго развитія хлѣбопашества, черневые татары и теленгуты постоянно нуждаются въ хлѣбѣ, и случаи голодной смерти среди нихъ встрѣчаются постоянно, даже въ самые урожайные на хлѣбъ годы; поэтому вопіющая нужда ихъ въ хлѣбѣ служитъ постояннымъ источникомъ эксплуатаціи. Такъ, авторъ разсказываетъ поразительный случай, какъ русскій крестьянинъ ссудилъ инородцу 4 пуда хлѣба за 4 дня работы на его нивѣ во время уборки хлѣба; при этомъ надо взять въ соображеніе, что 4 пуда хлѣба стоили 40 копѣекъ, а рабочій день въ страдную пору въ тѣхъ мѣстностяхъ оцѣнивается не менѣе 7 рублей. Судите же сами, что нажилъ на такой операціи крестьянинъ и потерялъ теленгутъ. Не менѣе средствъ къ жизни могли бы давать черневымъ татарамъ богатые кедровые лѣса, гдѣ одно дерево даетъ иногда до 30 фунтовъ орѣха. Но промыселъ этотъ служитъ одною изъ причинъ не обогащенія ихъ, а обѣдненія. Купцы, захвативъ его въ свои руки, задаютъ татарамъ въ кредитъ товаръ, съ условіемъ на каждый рубль ассигнаціями доставить пудъ орѣха; въ случаѣ же неурожая орѣха, за каждый недоставленный по условію пудъ орѣха татары обязаны платить деньгами или цѣнными шкурками 2 рубля серебромъ. Особенно-же губитъ инородцевъ, и преимущественно черневыхъ татаръ, ихъ гибельная страсть къ водкѣ. Пользуясь этою страстью, купцы и богатые крестьяне опаиваютъ ихъ, получая за бутылку кабачной водки не только ульи пчелъ, но и лошадь.

За купцами слѣдуютъ чиновники, поборы которыхъ съ инородцевъ ошеломляютъ васъ своею фантасмагоричностью. Такъ, напримѣръ, вотъ что разсказывалъ автору по этому поводу одинъ изъ мѣстныхъ жителей:

«— Опредѣляется, напримѣръ, господинъ чиновникъ на службу участковымъ засѣдателемъ или исправникомъ и пріѣдетъ сюда. Первымъ долгомъ для того, чтобы поправиться, онъ идетъ въ Чернь къ инородцамъ будто бы вырѣшить накопившіяся дѣла. Подберетъ себѣ толмача изъ инородцевъ, переводчика, какъ бы сказать, изъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Купитъ себѣ господинъ чиновникъ ведеръ пять спирту и ѣдетъ! Пріѣдетъ онъ въ улусъ—и разошлетъ оттуда нарочныхъ по всѣмъ большимъ улусамъ съ вѣстью, «что, дескать, чиновникъ пріѣхалъ, такъ пускай башлыки (въ родѣ нашихъ старшинъ) явятся». Извѣстное дѣло, башлыкъ прійдетъ не одинъ: онъ захватитъ съ собою и другихъ зажиточныхъ одноулусниковъ, и всѣ они пріѣдутъ на поклонъ къ чиновнику не съ пустыми руками: кто двухъ-трехъ соболь-ковъ привезетъ, лисичку, иногда чернобуренькую, бѣлочекъ, хорьковъ по пяти, по десяти шкурокъ. Пріѣдутъ, поклонятся, поднесутъ гостинцы; вотъ чиновникъ-то имъ, будто въ благодарность за гостинцы, и подастъ по рюмочкѣ спирту. А рюмочка-то эта ихъ и разлакомитъ. Выпьютъ они и запросятъ по другой. Дастъ онъ

имъ по другой. Какъ по другой-то они выпьютъ, ихъ и разберетъ. Они и полѣзутъ: дай имъ по третьей. Онъ ихъ извѣстно гонитъ. Въ эвту-то пору толмачъ и шепнетъ имъ, что «у барина вина мно-о-ого, но только про себя бережетъ... Пожалуй, говоритъ, если подарите меня, то я попрошу его, поторгую у него вина-то, авось онъ по бутылочкѣ и продастъ вамъ!» Ну, поторгуетъ... Бутылочка-то въ три-четыре рюмочки и обойдется инородцу рублей въ двадцать, а можетъ, и болѣе... Такимъ-то образомъ, какъ объѣдетъ господинъ чиновникъ Чернь, дѣлъ-то вырѣшить не вырѣшитъ... а шкурокъ на тысченку, на двѣ вывезетъ и поправится...»

А вотъ что разсказывалъ тотъ же мѣстный житель объ исправникѣ Иванѣ Миронычѣ:

«— Бывало и такъ: навезутъ крестьяне Ивану Миронычу хлѣба, да пошлетъ онъ еще закупить его отъ своего имени по уѣзду, ну, и накупятъ. А вѣдь у инородцевъ хлѣбопашества нѣтъ, обрусѣлые только занимаются имъ, да и то спустя рукава; а черневые инородцы въ рѣдкость которые сѣютъ ячмень, да и то въ недавнее только время стали заниматься этимъ. Зима для нихъ всегда голодное время. Вотъ, бывало, Иванъ Миронычъ и сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы крестьяне не смѣли инородцамъ задавать хлѣбъ въ долгъ, потому-де, пользуясь ихъ нуждой, они только раззоряютъ ихъ этимъ путемъ. Кто же посмѣетъ пойти противъ его воли. Ну, крестьяне и не даютъ инородцамъ хлѣба. Пользуясь этимъ, Иванъ Миронычъ скупленный-то хлѣбъ чрезъ Назара Степаныча (переводчика) и раздаетъ инородцамъ въ долгъ, да впятеро дороже, чѣмъ бы крестьяне роздали, а потомъ и выбираетъ съ нихъ долгъ шкурками да скотомъ. Шкурки-то какъ накопятся, онъ и отправитъ съ Назаромъ Степановичемъ въ Ирбитъ на ярмарку или въ Нижній. Затратитъ онъ на покупку хлѣба много тысячу, двѣ, а вернетъ пять да десять. Оно и оборотъ. И виномъ торговалъ онъ такимъ же порядкомъ; да не буду грѣха таить: на много тысячъ, сударь, и фальшивыхъ ассигнацій переведено имъ черезъ руки Назара Степановича въ тайгу къ инородцамъ. А скотъ-то, скупленный у инородцевъ на фальшивыя деньги, перепродавалъ на десятки тысячъ крестьянамъ да купцамъ...»

Ужъ на что окружной фельдшеръ, не велика, казалось бы, птица, но и тотъ успѣлъ нажить изрядное состояньице насчетъ все тѣхъ же несчастныхъ инородцевъ. Такъ, между прочимъ, онъ былъ обязанъ черезъ годъ объѣзжать тайгу и прививать оспу дѣтямъ инородцевъ. Пріѣдетъ онъ такимъ образомъ въ аилъ, и собираютъ къ нему всѣхъ бабъ съ малолѣтними дѣтьми. Вотъ онъ и начнетъ вынимать при нихъ изъ ящика всѣ свои инструменты нарочно, чтобы напугать: ножъ, которымъ трупы разрѣзываетъ, пилу, которой черепа спиливаетъ, долото, ножницы, шилья, иглы, да при нихъ же еще и начинаетъ на брусѣ ножъ натачивать. Поневолѣ обольется у всякой изъ бабъ сердце кровью отъ ужаса за дѣтей своихъ. Поднимается плачъ, стоны; въ ноги къ нему повалятся. «Батюшка, возьми чего только хочешь, только не рѣжь ребятъ». А ему этого только и нужно. «Не рѣзать, говоритъ, нельзя: лѣкарь узнаетъ, что я не рѣзалъ — самъ пріѣдетъ, такъ не такимъ еще ножомъ зарѣжетъ. А коли каждая изъ васъ дастъ мнѣ по два, по три соболька, такъ я маленькимъ ножичкомъ, тихонько порѣжу вашихъ ребятъ, такъ, что они и не услышатъ!» и покажетъ при этомъ ланцетъ. «А коли,—говоритъ,—не дадите, такъ я вотъ за этотъ, за настоящій ножъ возьмусь, какимъ начальство велитъ рѣзать!» И на-

несутъ ему подарковъ; только не губи дѣтей. Не даромъ привитіе оспы инородцы называютъ «чортовой тамгой» (т.-е. печтью). А какъ только фельдшеръ привьетъ оспу, онѣ украдкой и смоютъ ее холодной водой, застудятъ, и дѣти мрутъ отъ этого.

Ужаснѣе всего то, что заразительный примѣръ такой возмутительно-беззаконной, но за то легчайшей, какую только можно себѣ представить, наживы среди самыхъ инородцевъ создаетъ грабителей, не уступающихъ русскимъ. Такимъ, напримѣръ, является переводчикъ исправника, Назаръ Степанычъ, о которомъ выше мы уже говорили вскользь. Не далѣе, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, Назаръ Степанычъ былъ бѣдный инородецъ, жилъ въ работникахъ и не разъ былъ битъ за воровство. Но, попавши въ переводчики къ исправнику, онъ такъ нагрѣлъ свои руки вокругъ исправническихъ оборотовъ, о которыхъ мы только-что говорили, что сдѣлался первымъ богачомъ среди своихъ бѣднѣющихъ земляковъ. У него всѣ черневые инородцы въ неоплатномъ долгу. Онъ имъ задаетъ хлѣбъ, порохъ, свинецъ для охоты на звѣря, денегъ для уплаты ясака, и инородцы ни у кого другого не смѣютъ брать хлѣба, какъ только у него. Боже сохрани, если Назаръ Степанычъ узнаетъ, что какой-нибудь черневой инородецъ взялъ у крестьянъ хлѣбъ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ онъ ставитъ имъ въ счетъ. Назаръ Степанычъ сейчасъ же поѣдетъ въ тайгу и отберетъ все, что только есть у инородца, за долги, а тамъ онъ хоть умирай съ семьей съ голода,—ему и дѣла нѣтъ. Боятся его инородцы, какъ огня: только заслышатъ, что Назаръ Степанычъ въ тайгу ѣдетъ, дорогу для него правятъ, какъ для владыки какого, въ землю кланяются при встрѣчѣ! Что только Назаръ Степанычъ увидитъ у инородцевъ въ юртѣ и понравится ему, сейчасъ же хозяинъ даритъ ему эту вещь, а то бѣда, если не почтишь его...

Курьезнѣе всего, что, пользуясь своимъ авторитетомъ, Назаръ Степанычъ принудилъ инородцевъ-язычниковъ собирать деньги на православный храмъ. На нихъ съ давнихъ временъ накопились недоимки ясака на значительную сумму, и они хлопотали о прощеніи имъ этой недоимки. Назаръ Степанычъ и давай собирать съ нихъ деньги на постройку православнаго храма, для того-де, что какъ Царь узнаетъ, что они хоть и другой вѣры, а чтятъ его Бога, онъ и проститъ имъ эту недоимку. Какъ не повѣрить Назару Степанычу? Собрали инородцы деньги: иной изъ нихъ, можетъ быть, занялъ да послѣдній грошъ отдалъ ему. Построилъ Назаръ храмъ на инородческія деньги, а самъ, конечно, выступилъ передъ начальствомъ строителемъ на свои собственныя деньги и получилъ за это золотую медаль.

Какъ только получилъ Назаръ Степанычъ медаль, сейчасъ же далъ знать по всѣмъ аиламъ въ Чернь, чтобы инородцы ѣхали къ нему глядѣть на царскій обликъ и цѣловать его. Съѣхались инородцы, и, конечно, ужъ не съ пустыми руками, а съ подарками; и устроилъ

Назаръ Степанычъ такую церемонію: взялъ изъ церкви аналой, перенесъ къ себѣ въ домъ и положилъ на него медаль, и каждый инородецъ, прежде чѣмъ посмотрѣть на царскій обликъ и приложиться къ нему, подходилъ къ аналою и кланялся въ землю, а Назаръ Степанычъ стоялъ въ шелковомъ халатѣ у аналоя, важный такой, и спрашивалъ: «Видите теперь, какъ Царь чтитъ меня, а-а?»

— Видимъ,—говорятъ,—бачка ты нашъ, Назаръ Степанычъ, видимъ.

— То-то же,—говоритъ,—знайте!.. Тамъ Царь, а здѣсь я замѣсто его. Чтите и вы меня, а то ху-у-удо будетъ вамъ! Меня и чиновники,—говоритъ,—всѣ чтятъ и боятся. Я все могу сдѣлать. Мнѣ только письмо Царю отписать, и все будетъ по-моему.

И чтятъ его инородцы. А, пользуясь этимъ, онъ и обираетъ ихъ, разбираетъ ихъ ссоры и тяжбы между собою, а провинившихся сѣчетъ плетьми.

III.

Вы, можетъ быть, скажете, что такого рода порядки только и возможны на Алтаѣ, среди инородцевъ, полудикихъ племенъ, кочующихъ пастуховъ и звѣролововъ, обреченныхъ самою судьбою на вымираніе, при столкновеніи ихъ съ болѣе цивилизованными племенами. Но стоитъ только обратиться къ разсказамъ Н. И. Наумова, въ которыхъ героями являются русскіе сибирскіе креетьяне, и съ прискорбіемъ мы видимъ почти то же самое, и всего ужаснѣе при этомъ то, что ультралиберальная организація крестьянскаго самоуправленія, съ мірскими сходами, выборными сельскими властями и судьями, нисколько не спасаетъ крестьянъ отъ наглой эксплуатаціи толстой купеческой мошны и всякаго рода аферистовъ и мошенниковъ. Поголовное невѣжество крестьянъ, мало чѣмъ уступающее темнотѣ теленгутовъ или черневыхъ татаръ, ведетъ неизбѣжно къ тому, что и волостные старшины, и сельскіе старосты, и судьи, и сотскіе находятся всецѣло въ рукахъ волостныхъ писарей. Послѣдними же являются по большей части проходимцы изъ прожженныхъ ссыльно-поселенцевъ, о томъ только и помышляющіе, какъ бы поживиться насчетъ крестьянъ всѣми правдами и неправдами. Если старшина мужикъ глупый и безграмотный, онъ слѣпо подчиняется волостному писарю, какъ человѣку грамотному и собаку съѣвшему въ законахъ; если же, напротивъ того, — дока-кулакъ, принявшій на себя эту должность нарочно, чтобы легче и удобнѣе плести свою паутину для уловленія въ нее мужицкихъ крохъ, онъ вступаетъ съ писаремъ въ союзъ, и оба помогаютъ другъ другу во всякаго рода плутняхъ и вымогательствахъ. Напрасно мужики, желая выбиться изъ этой паутины, вздумали бы выбрать старшиною мужика правдиваго и честнаго, который защищалъ бы ихъ крестьянскіе интересы и не допускалъ бы кулакамъ и міроѣдамъ куражиться надъ крестьянами и обирать ихъ. Сейчасъ же, въ такомъ случаѣ, начинается горячая вы-

борная агитація, пускаются въ ходъ всѣ средства, законныя и незаконныя: опаиванія міра виномъ, посулы, подкупы высшихъ властей, имѣющихъ вліяніе на крестьянскіе выборы; въ крайнемъ случаѣ постараются подвести подъ уголовное слѣдствіе излюбленнаго крестьянами кандидата, и, въ концѣ концовъ, явится старшина или тысячникъ, держащій въ кулакѣ всю округу, или какой-нибудь его подручный приспѣшникъ. Стоитъ прочесть повѣсть Н. И. Наумова, помѣщенную въ первомъ томѣ изданія, «Крестьянскіе выборы», чтобы убѣдиться, до какого крайняго искаженія доходитъ крестьянское самоуправленіе подъ давленіемъ толстой купеческой мошны кулака. Мало того, что не удалось крестьянамъ выбрать излюбленнаго ими односельчинина Бычкова, но по проискамъ кулацкой партіи Бычковъ принужденъ былъ просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, сына его включили, вопреки всякой справедливости, въ рекрутскій списокъ; мужикъ былъ въ конецъ раззоренъ и избавился отъ преслѣдованія враговъ только тѣмъ, что выписался изъ волости и причислился къ одной изъ деревень другого округа.

И вотъ, подумайте, много-ли отличаются отъ инородцевъ, цѣлующихъ медаль Назара Степановича или откупающихся отъ ножей и пилъ фельдшера, русскіе крестьяне, среди которыхъ возможны оказываются такого рода факты:

«—А вотъ слушай, батюшка, какъ войлоки-то съ нашего брата валяютъ!—разсказывалъ автору крестьянинъ Зажора, одинъ изъ рѣдкихъ среди сельскаго міра протестантовъ, и находящійся по этому подъ слѣдствіемъ: дѣлу этому ужъ годовъ шесть теперь время будетъ. Объявили намъ однова, што пришелъ будто въ волость указъ изъ царской конторы: собрать по двадцати копѣекъ съ души на царскую одежу, што Царю-де одежу-то черезъ сто годовъ шьютъ, ну, такъ, вишь, будто время пришло новую шить изъ самоцѣннаго золота... Ну, платили...

— И никто изъ васъ не спросилъ, законно-ли это, а?

— Мужикъ бы тебѣ спросилъ! Э-эхъ, батюшка, видать далеко исшо-то времячко, когда мужикъ тебя пытать начнетъ, чего съ него по закону просятъ, а чего сверхъ закона! Ты погляди теперь, сколь съ насъ этихъ поборовъ идетъ—и не сочтешь: подушное-то съ оброкомъ съ тебя по раскладкѣ-то семь аль восемь рублевъ на душу придется, а ты пятнадцать аль двадцать рублевъ съ души тяготы-то несешь, и все чай болѣе на чужіе карманы... А про плакаты упомянуто, што я плакатомъ его попрекнулъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и на плакаты тоже сколь міръ денегъ передавалъ, стра-асты!

— А что такое плакаты?

— Богъ его вѣдаетъ, батюшка; мы такъ и не видывали, какіе они! Говорили тогда, что плакаты выходятъ, што законы экіе пишутъ—плакатомъ зовутъ; што у кого-де будетъ плакатъ въ рукахъ, такъ ужъ того безъ причины не моги шевелить... Ну, и платили! Лестно было всякому законъ-то экой имѣть. Вишь вѣдь сторонушка-то у насъ дикая, до закону-то не скоро доберешься въ ней; ну, мужики-то и полагали, што ужъ коли законъ-то будетъ у тебя въ рукѣ, такъ ужъ житье-то особливое пойдетъ, не въ примѣръ. Опосля только спохватились, что подвохъ это былъ одинъ! Ну, да чего-жъ.. поломали, поломали головы да и плюнули: сколь, молъ, собаку ни корми—все голодна!»

*

Ничѣмъ не отличаются сибирскіе крестьяне отъ инородцевъ и по части закабаленія ихъ купцами и мѣстными кулаками, которые практикуютъ по отношенію къ нимъ ту же систему опутыванія неоплатными долгами съ наростающими процентами ужасающихъ размѣровъ. Разница заключается лишь въ томъ, что не занимающійся хлѣбопашествомъ инородецъ нуждается въ хлѣбѣ, и ему вѣчно грозитъ голодная смерть; пользуясь этимъ, купцы и кулаки и вымѣниваютъ у инородцевъ на хлѣбъ дорогіе мѣха, скотъ или медъ, наживая при этомъ неимовѣрные барыши. Русскіе крестьяне, наоборотъ, тонутъ въ избыткѣ хлѣба, нуждаясь въ то же время въ деньгахъ на уплату податей и покупку всего необходимаго, и готовы бываютъ продавать свой хлѣбъ за безцѣнокъ, чѣмъ и пользуются тѣ же купцы, перепродавая купленный у крестьянъ почти даромъ хлѣбъ тутъ же по сосѣдству инородцамъ въ тридорога; причемъ, какъ мы видѣли выше, самимъ крестьянамъ продавать свой хлѣбъ непосредственно тѣмъ же инородцамъ запрещается начальствующими лицами, которыя сами принимаютъ участіе въ этой выгодной торговлѣ. При такихъ условіяхъ, въ плодороднѣйшемъ краѣ, въ которомъ земля приноситъ неимовѣрно большіе урожаи, крестьянамъ приходится бѣдствовать и путаться въ неоплатныхъ долгахъ купцамъ и кулакамъ.

«—Мѣста у насъ помирать не надо!—говорилъ ямщикъ автору:—по этимъ мѣстамъ только жить бы да жить нашему брату, а все, другъ мой сердечный, мается народъ-то: и хлѣба теперича урожай, не пожалуемся, и пчелка водится, медку-то тебѣ за лѣто съ избыткомъ принесетъ она, а маемся, диви вотъ!—заключилъ онъ.

— Отчего же вы маетесь?

— Отчего?—повторилъ онъ.—И хорошія, братъ, мѣста у насъ, да глухія, суди самъ: теперича въ урожайный-то годъ хлѣба-то хошь даромъ отдавай, такъ никто не беретъ у тебя, вотъ оно дѣло-то! А подать-то не ждетъ, по хозяйству тоже безъ гроша клина не вобьешь, а гдѣ ихъ, грошей-то, брать прикажешь? И отдаешь все задаромъ, да еще покланяешься, только возьми Христа-ради! Ну, у кого лошадей много, да во времени избытокъ, нагрузитъ воза да въ Т...ъ городъ везетъ, ему и выгода, и богатѣетъ, а нашему-то брату несподручно это, потому и лошадокъ жалѣешь, и время-то тебѣ терять не доводится. Вѣдь на ѣзду-то въ городъ, братецъ ты мой, по путному волоку мѣсяца полтора клади; харчи тоже надоть тебѣ и конямъ, оно и выйдетъ, што коли ты и продашь хорошо, такъ на себя да на коней протравишь сколько, а домой-то все съ пустымъ карманомъ вернешься. Да и въ городу-то, коли много нашего брата наѣдетъ, такъ тоже наплачешься, цѣну-то тебѣ такъ сшибутъ, што хоть домой вези или задаромъ тому же прасолу отдавай. Сподручно-ль оно, суди самъ! Вотъ ты и у хлѣба сидишь, и горя все не минуешь».

Но не одинъ хлѣбъ, и всѣ прочіе промыслы совершенно точно также всецѣло въ купеческихъ рукахъ. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Юровая» развертывается передъ нами картина рыбнаго промысла: и здѣсь буквально повторяется то же самое: та же потребность въ деньгахъ; даже опутанные кругомъ долгами, мужики-рыбаки принуждены продавать прасоламъ рыбу въ тридешево, лишь бы тѣ смиловались, взяли товаръ и снабдили ихъ деньжонками. Авторъ изображаетъ одного такого прасола, Петра Матвѣевича, который каждую весну оснащивалъ два павозка

(большую палубную одномачтовую лодку) и отправлялъ на нихъ своего шурина и племянника по деревнямъ, лежавшимъ по Иртышу, и на обскіе рыбные промыслы. На дешевенькіе ситцы, платки, бродни и другой мелкій товаръ они вымѣнивали рыбу и «задавали» деньги вѣчно нуждающемуся люду подъ осенній и «юровой» уловъ ея. Благодаря подобнымъ задаткамъ, вся лучшая и крупная рыба оставалась всегда за Петромъ Матвѣевичемъ. По первому зимнему пути онъ самъ объѣзжалъ всѣ села и деревни вверхъ и внизъ по Иртышу, для сбора рыбы отъ крестьянъ, забравшихъ подъ уловъ ея деньги. Должники всегда съ трепетомъ ожидали его пріѣзда. Каждый изъ нихъ зналъ, что какое-бы горе и нужда ни застигли его, онъ не могъ разсчитывать на снисхожденіе Петра Матвѣевича. «Бралъ и отдай!» твердилъ Петръ Матвѣевичъ въ отвѣтъ на мольбы, слезы и поклоны крестьянина или инородца. А вопіющая нужда все-таки вынуждала этотъ бѣдный людъ прибѣгать къ нему за деньгами и отдавать свою лучшую рыбу за цѣны, не вознаграждавшія даже и труда.

Содержаніе разсказа «Юровая» заключается въ томъ, что однажды крестьяне одного села, подъ вліяніемъ своего односельчанина, Ивана Николаевича, одного изъ рѣдкихъ мужиковъ протестантовъ, самоотверженно борящихся съ міроѣдами и горячо стоящихъ за мужиковъ, сговорились, вмѣсто 70 и 80 копѣекъ за пудъ, за которыя Петръ Матвѣевичъ скупалъ у нихъ рыбу, не уступать ему товаръ во время юровой ярмарки дешевле 2 р. 50 к.

Поломались, поломались крестьяне, но наканунѣ самой ярмарки, на волостномъ сходѣ, пришлось имъ податься назадъ. Съ одной стороны, старшина и писарь, конечно, ужъ и подкупленные, и задобренные, и застращенные Петромъ Матвѣевичемъ, внушили мужикамъ, что въ прежніе годы до ярмарки, бывало, книги очищали, а нынѣ кто продалъ рыбу-то, принесъ-ли изъ юрьевцевъ кто въ подать хоть копѣйку? А какъ купцы не купятъ по мужицкой таксѣ, чѣмъ мужики будутъ платить подати? Рыбой?

Когда же Иванъ Николаевичъ возразилъ на это, что въ случаѣ, если купцы не купятъ рыбу на ярмаркѣ, можно будетъ везти ее въ городъ, онъ разомъ этимъ предложеніемъ проигралъ все дѣло. Мужики въ ужасъ пришли отъ такой перспективы:

«—Это за триста-то верстъ... харчиться да убыточиться!—раздался вдругъ голосъ.—Да исшо кому ее продать тамъ? Тому же Петру Матвѣеву?..

Толпа вышла изъ пассивнаго состоянія, точно разбуженная имъ и заколыхалась.

— Спросилъ бы, на чемъ исшо другой повезетъ-то,—заговорилъ сѣдой, приземистый старикъ:— у меня вонъ одна лошадь да и та исшо по осени копытомъ въ колесо угодила, да все сорвала. И вези-и-и.

— Сытымъ-то, Парфенъ Митричъ, и въ городъ путь!

— И-и... Тонкому-то брату только всякая дорога длинна.

— Ты дѣло говорилъ, Романъ Васильевичъ (староста),—среди общаго безпорядочнаго говора крикнулъ высокій, сутуловатый крестьянинъ въ оленьей дохѣ, по-

степенно проталкиваясь изъ толпы къ рѣшеткѣ.—Завтра ярманка, а спроси, есть-ли у кого изъ крещенаго міра грошъ за душой?.. А вѣдь мы живемъ только отъ ярманки; у насъ одинъ разъ въ годъ урожай-то на деньги. Гляди-ко, иные до нитки обносились, у другой обутки безъ подошвы, а на што ихъ купить-то? А хоша бъ подушную таперя... Да што толковать!— заключилъ онъ, махнувъ рукой, — не путную кашу заварили... А въ городъ-то везти,—ну-ко, испробуй съ пустымъ-то карманомъ триста верстъ отжарить, за одинъ кормъ лошадямъ душу заложишь, да у кого еще кони-то есть. А тамъ-то сиди, когды ее по фунтамъ-то продашь! А гуртомъ-то кому? Тому же Петру Матвѣеву. а ужъ коли онъ здѣсь на своемъ стоитъ, такъ ужъ тамъ, гляди-ко, насолитъ-то!..»

И кончилось дѣло тѣмъ, что крестьяне были рады, когда Петръ Матвѣевичъ смилостивился надъ ними и скупилъ у нихъ рыбу по 60 коп. за пудъ.

Такую же неудачу въ непосильной борьбѣ крестьянъ съ кулакомъ мы видимъ въ разсказѣ «Куда ни кинь — все клинъ». Здѣсь передъ нами парадируетъ почтосодержатель Силуянъ Петровичъ Стреховъ. До проложенія новаго пути Стреховъ жилъ въ селѣ Аталыкъ, занимаясь извозомъ. Почуявъ, что сосѣдней деревенькѣ, Сорокиной съ проложеніемъ новаго пути черезъ нее предстоитъ болѣе лучшее будущее, онъ заблаговременно выхлопоталъ себѣ у обитателей ея пріемный приговоръ и переселился въ Сорокино. Имѣя очень незначительныя средства и ограниченное количество лошадей, Стреховъ рискнулъ взять на себя съ торговъ подрядъ почтовой гоньбы на вновь открытой станціи. Недостатокъ лошадокъ онъ ловко замаскировалъ, въ случаѣ надобности занимая у своихъ односельчанъ, сколько ему было нужно лошадей, причемъ казенной платы онъ бралъ по полторы копѣйки съ лошади и версты, а на долю крестьянъ приходилось не больше $^1/_4$ копѣйки. Мужики долго терпѣли такое положеніе, да были еще рады, что онъ даетъ имъ заработокъ. Но, наконецъ, раскусивъ всю эту механику, поняли, что почту-то гоняютъ собственно онѣ, а Стреховъ только чужими руками жаръ загребаетъ, и рѣшились въ слѣдующихъ же торгахъ взять подрядъ всѣмъ сельскимъ обществомъ на себя. Началась борьба цѣлаго сельскаго общества съ однимъ человѣкомъ, и одинъ человѣкъ осилилъ всѣхъ своихъ односельчанъ (ихъ, впрочемъ, было всего 23 человѣка). Были подкуплены, конечно, всѣ, кого было можно подкупить, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, что сорокинцы не имѣютъ права взять подрядъ по закону, такъ какъ каждый изъ нихъ могъ поручиться за другого только въ сорока рубляхъ,— всего это составляло 920 рублей, а подрядъ оказался болѣе чѣмъ на десять тысячъ, и окружной начальникъ категорически объявилъ имъ: «нельзя, я не могу допустить васъ къ торгамъ; если вы не представите мнѣ отъ сельскихъ, постороннихъ вамъ, обществъ ручательное одобреніе на всю сумму подряда, и земская полиція удостовѣритъ, что ручающіяся за васъ общества, дѣйствительно, имѣютъ домообзаводство и скотоводство въ такомъ исправномъ состояніи, что, въ случаѣ вашей неустойки, они каждое могутъ отвѣчать своимъ имуществомъ на такую сумму, на какую

ручались, тогда я найду возможнымъ допустить васъ на торги и сдать вамъ подрядъ, а теперь не хлопочите, нельзя, по закону не имѣю права».

И подрядъ остался за Силуяномъ Петровичемъ.

Поразительный примѣръ того, какъ грамотные жохи-писаря надуваютъ и подводятъ безграмотныхъ крестьянъ, представляетъ разсказъ «Святое озеро», помѣщенный во 2-мъ томѣ изданія. Въ разсказѣ этомъ изображается заброшенная въ глухой, пустынной мѣстности Х—ская волость, въ которую пробраться была возможность только въ одноколкѣ или на лошади верхомъ, чрезъ первобытные лѣса и болота, усѣянныя мелкими озерами. Волость считалась богатѣйшею въ Т—ской губерніи и единственной, въ которой никогда не числилось недоимки, благодаря упорному труду крестьянъ и, не смотря на то, что земля давала очень плохіе урожаи. Лѣтомъ и осенью села и деревни совсѣмъ пустѣли; одни изъ мужиковъ уходили плавить дрова и строевой лѣсъ, вырубленный зимою, другіе на рыбный промыселъ. Многолѣтніе старики, и тѣ жили лѣтомъ въ лѣсахъ, выкуривали деготь, выгоняли смолу, жгли уголь и драли лыко. Зимою, до января, большинство крестьянъ занимались выдѣлкою посуды и другихъ издѣлій, а съ января снова уходило въ лѣса для вырубки дровъ и строеваго и подѣлочнаго дерева. Вязанье сѣтей, мережи для неводовъ и окраска посуды лежала исключительно на обязанности женщинъ и дѣтей. Но главную статью дохода доставляло крестьянамъ Святое озеро, занимавшее площадь въ двѣнадцать, а мѣстами въ шестнадцать верстъ ширины и тянувшееся на протяженіи двадцати верстъ. Добываемая въ озерѣ рыба, особенно караси, по своему крупному объему, составляли рѣдкость даже въ Сибири, и дорого цѣнились на рынкахъ. Въ годы, богатые уловомъ, бѣдная по числу работниковъ семья сбывала рыбы съ одного лѣтняго промысла на шестьдесятъ, на семьдесятъ рублей. Вообще же озеро доставляло всѣмъ крестьянамъ дохода не менѣе 5 или 6 тысячъ въ годъ.

Какъ вдругъ, однажды, въ волость пришло предписаніе т—ой казенной палаты доставить свѣдѣнія, имѣются-ли въ предѣлахъ волости рыболовные пески на рѣкахъ, озера или сѣнокосные луга, не отданные въ надѣлъ крестьянъ и составляющіе собственность казны и исчислить съ возможной подробностью доходъ, какой могутъ приносить означенныя угодья, чтобы при сдачѣ этихъ угодій въ арендное пользованіе могла быть назначена имъ совершенно правильная оцѣнка.

Въ Х—ой волости служилъ писаремъ ссыльно-поселенецъ, выдававшій себя за «политическаго», а на самомъ дѣлѣ «уголовный», Петръ Никитичъ Волдыревъ. Крестьяне очень любили его и питали къ нему безграничное довѣріе, вслѣдствіе безупречной честности его при исполненіи обязанностей своихъ, доброты и вниманія къ нуждамъ крестьянъ. Въ теченіе всей его службы не было примѣра, чтобъ онъ

отказалъ кому-нибудь въ дѣловомъ совѣтѣ, затянулъ бы выдачу паспорта и т. п. Со времени опредѣленія его въ писаря онъ значительно сократилъ общественные расходы на содержаніе волости, и при этомъ не заикнулся объ увеличеніи жалованья. Бывшіе до него писаря, смѣняясь съ должности, вывозили десятками возовъ благопріобрѣтенное, покупали дома, заводили торговлю, а Петръ Никитичъ, пріѣхавъ на должность въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и нанковомъ сюртукѣ, за все время службы не завелъ себѣ даже новой шубы, а только покрылъ старую дешевымъ сукномъ, извѣстнымъ въ продажѣ подъ именемъ гвардейскаго.

И никто не подозрѣвалъ, что въ этомъ душа-человѣкѣ таится хищный волкъ, выжидающій лишь случая разомъ проглотить всю волость. Случай этотъ и представился въ видѣ вышеозначеннаго циркуляра. Получивши этотъ циркуляръ, Петръ Никитичъ вошелъ въ союзъ съ нѣкіимъ мѣщаниномъ Харитономъ Игнатьевичемъ Плаксинымъ, своимъ давнишнимъ закадычнымъ другомъ, занимавшимся коммиссіонерствомъ по пріисканію денегъ подъ векселя и надежнымъ ручательствомъ, перепродажею домовъ, взятіемъ на себя подрядовъ для лицъ, признанныхъ несостоятельными и т. п. Затѣмъ былъ собранъ мірской сходъ, на которомъ былъ прочитанъ циркуляръ, и Петру Никитичу ничего не стоило убѣдить крестьянъ составить общественный приговоръ, что на землѣ, приписанный къ ихъ волости, въ 65 верстахъ отъ населенныхъ ими мѣстъ, среди болотъ и лѣсовъ, имѣется не вошедшее въ надѣлъ озеро, называемое Святымъ, и такъ какъ озеро это безрыбно, то, по ихъ мнѣнію, по зачисленію таковаго въ казенную оброчную статью, по непригодности онаго ни къ какому пользованію, не найдется желающихъ взять его въ аренду.

— Если сдѣлаете такъ,—совѣтовалъ имъ радѣющій о ихъ пользѣ Петръ Никитичъ,—какъ я вамъ говорю, то худа не будетъ: озеро не зачислятъ въ оброкъ, и оставятъ его безъ вниманія, и тогда пользуйтесь имъ по старому; а для того, чтобъ его отдать въ надѣлъ вамъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы войдемъ о томъ съ ходатайствомъ по начальству, и озеро отдадутъ вамъ на вѣки вѣчные.

Крестьяне такъ и сдѣлали, и въ результатѣ вышло то, что пока еще они собрались ходатайствовать по начальству объ отдачѣ имъ озера въ оброкъ, озеро было сдано за безцѣнокъ въ арендное пользованіе на 17 лѣтъ, съ торговъ, Харитону Игнатьевичу, при чемъ Петръ Никитичъ съумѣлъ легко скрыть отъ крестьянъ эти торги. Со времени этого подвига Петра Никитича, не прошло и трехъ лѣтъ, какъ недоимка на волости накопилась въ количествѣ 37.876 рублей и считалась безнадежной ко взысканію...

IV.

Страшная нужда въ деньгахъ, не смотря на обиліе хлѣба, подъ

гнетомъ всякаго рода эксплуатацій, приводитъ сибирскихъ крестьянъ къ тому, что въ зимнее время они идутъ на посторонніе заработки, на рѣчные сплавы, заводы и золотые пріиски. Но разъ крестьянинъ пойдетъ по этой дорожкѣ, онъ иногда въ теченіе многихъ лѣтъ бываетъ поставленъ въ невозможность вырваться изъ новой среды и возвратиться къ домашнимъ занятіямъ, благодаря тѣмъ условіямъ, какими обставлено его положеніе. Обыкновенно, съ ноября по апрѣль, отъ золотопромышленниковъ разъѣзжаютъ по деревнямъ и селамъ Томской и смежныхъ съ ней губерній приказчики, завѣдующіе наемкою рабочихъ. По заключеніи контракта при наймѣ и засвидѣтельствованіи его въ волостномъ правленіи, рабочій получаетъ задатокъ отъ 50 до 60 р., который иногда всецѣло идетъ на уплату причитающихся съ него податей и недоимокъ; рабочій уходитъ, оставляя семью кормиться или милостыней, или ничтожною поденною работою, а самъ почти всегда во всю дорогу питается милостыней. На пріискъ онъ приходитъ оборванный, часто не имѣя рубахи на тѣлѣ. Ему полагается отъ 80 и до 1 р. 30 к. платы за кубическую сажень земляной работы, за исключеніемъ «старательскихъ» дней, т.-е. праздниковъ. За праздничную работу каждый получаетъ отдѣльный разсчетъ, смотря по количеству добытаго золота, причемъ золотоискатель обязуется продовольствовать рабочаго во все время пребыванія его на пріискѣ «доброкачественною» пищею и снабжать продовольствіемъ на обратный путь съ пріисковъ по окончаніи работъ.

По приходѣ на пріискъ почти голымъ, рабочему необходимо бываетъ прежде всего обзавестись одежонкой. Но купить что бы то ни было рабочій нигдѣ не можетъ, какъ только въ пріисковомъ магазинѣ; въ магазинѣ же его ожидаютъ такія цѣны: въ городской лавкѣ онъ купилъ бы хорошіе бродни за 1 р. 20 коп.; въ магазинѣ-же самый плохой бракъ ставится ему въ счетъ въ 2 р. и 2 р. 50 к.; полушубокъ вмѣсто 12, 15 рублей обходится рабочему не менѣе 25 р. И такъ во всемъ остальномъ. Рабочему полагается отъ хозяина по праздничнымъ днямъ чарка водки. Въ будніе же дни эта самая чарка ставится ему въ счетъ отъ 30 до 50 коп., а бываютъ примѣры, что рабочіе платятъ по 2 р. за чарку, если почему-нибудь пріостанавливается отпускъ имъ вина. Благодаря такой системѣ, рабочій остается или ни при чемъ, или съ такою цифрою рублей, съ которой ему не дойти до дома, еслибы не выручала милостыня. А дома его ждетъ голодающая семья и совершенно павшее хозяйство, а на будущій годъ снова нужно платить подати. Что же остается дѣлать, какъ не взять новый задатокъ и такимъ образомъ продолжать до тѣхъ поръ, пока его не сломитъ на этихъ же пріискахъ тифъ.

При все этомъ грабежѣ иному «таёжнику», какъ именуются пріисковые рабочіе, удается порою вынести изъ пріисковъ порядочный заработокъ, въ двѣ-три сотняги рублей, если ему посчастливится найти

въ праздничный день на «старательской» работѣ золотой самородокъ, и его разсчитываютъ за этотъ самородокъ по вѣсу найденнаго въ немъ золота. Но и такія крупныя деньги рѣдко приходится рабочему донести до дому. Такъ, едва выйдутъ рабочіе изъ тайги, большими партіями, обыкновенно подъ конвоемъ линейныхъ казаковъ, какъ ихъ ждетъ на пути село Т—ь, въ которомъ спеціально для нихъ раскинуты особеннаго рода тенета въ видѣ несмѣтнаго количества кабаковъ, трактировъ и лавокъ съ залежалымъ и гнилымъ краснымъ товаромъ. Жители этого села не сѣютъ, не жнутъ и весь годъ лежатъ на боку; за то осенью, когда таежники возвращаются съ заработковъ, наживаются на весь годъ, да и какъ еще наживаются! Что только успѣваютъ заработать въ теченіе лѣта таёжники на пріискахъ,—все это остается въ рукахъ т—скихъ мужиковъ. Начинается отчаянная пьяная гульба. Обрисовывая картину этого дикаго разгула, вамъ разскажутъ, какъ рабочій, вынесшій благодарный заработокъ, купилъ бочку водки и, выкупавшись въ ней посреди улицы, пригласилъ честный людъ распить эту горячую ванну, и какъ честной людъ, не брезгливый по натурѣ своей, роспилъ ее до дна, за здравіе выкупавшагося. Поразскажутъ, какъ другой рабочій, накупивъ ситцу, устлалъ имъ всю улицу и, пройдясь по ней, одѣлялъ прекрасный полъ кусками этой дорогой мостовой. Разскажутъ и про то, какъ рабочіе по лѣтнему пути катаются по селу на санкахъ, въ которыя, за приличное вознагражденіе, впрягаются, вмѣсто лошадей, дѣвицы и замужнія женщины. Вотъ какими чертами рисуетъ Н. Ив. Наумовъ этотъ разгулъ въ своемъ разсказѣ «Паутина», посвященномъ описанію нравовъ села Т—ля.

«На другой день, часу въ девятомъ утра, я пошелъ гулять по Т—ю. Ворота во всѣхъ почти домахъ были раскрыты настежь; въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ, повидимому, болѣе скопилось приставшихъ на квартиру рабочихъ, настежь раскрыты были и окна, не смотря на то, что утро было холодное. Около домовъ, во дворахъ и по улицѣ всюду виднѣлся народъ. По оживленію, какое встрѣчалъ я на каждомъ шагу, село представляло своимъ видомъ что-то праздничное, или, вѣрнѣе, ярмарочное. Попадавшіеся мнѣ рабочіе были щеголевато одѣты: иные въ новыхъ бѣлыхъ зипунахъ, грудь, рукава и оконечности полъ у которыхъ были узорно расшиты разноцвѣтными шелками, въ новыхъ котиковыхъ шапкахъ на головѣ или въ картузахъ, сшитыхъ изъ треугольниковъ синяго и чернаго сукна. Попадались и щеголи, одѣтые въ красныя и синія шелковыя рубахи, въ синія или черныя съ золотыми разводами и пуговицами жилетки и въ плисовыя безрукавки. Вертѣлись среди нихъ и люди, рѣзко бросавшіеся въ глаза своими убогими сермягами и зипунами, но такіе субъекты сравнительно были рѣдки. Весь попадавшійся мнѣ людъ былъ уже замѣтно навеселѣ; въ рукахъ у большинства были гармоники, балалайки, встрѣчались гитары, а иногда и скрипки. Разряженныя молодыя женщины и дѣвушки въ голубыхъ и алыхъ косынкахъ на головахъ сновали среди рабочихъ и на улицѣ, суетливо перебѣгая изъ дома въ домъ, провожаемыя шуточками и смѣхомъ молодцоватыхъ щеголей. Порою проносилась, какъ вихрь, лихая тройка, вся убранная лентами, неистово звеня колокольчиками и бубенчиками, и въ телѣгѣ среди расфранченныхъ рабочихъ, въ обнимку съ ними, сидѣли не менѣе разряженныя женщины, заливаясь звонкой, хотя и нескладной пѣсней. Встрѣченные провожали подобныя тройки хо-

хотомъ, свистомъ и криками. Пѣсни звенѣли на каждомъ перекресткѣ. Иногда по улицѣ шла съ пѣсней густая, пестрая толпа рабочихъ, и среди нихъ виднѣлись разодѣтыя во всѣ радужные цвѣта женщины, звонкіе голоса которыхъ рѣзко отличались отъ сильныхъ мужскихъ басовыхъ нотъ. Впереди толпы шелъ непремѣнно какой-нибудь франтъ въ плисѣ, окутанный крестъ-на-крестъ шалями, въ коярковой шляпѣ, перевязанной широкой алой или пестрой лентой: это «князь» со своей свитой. Князьями называются на языкѣ таежниковъ тѣ изъ рабочихъ, которые вынесли слишкомъ крупный заработокъ или которымъ посчастливилось найти золотую самородку и получить плату по вѣсу найденнаго въ ней золота. Въ рукахъ князя бутылка съ виномъ; бутылка съ виномъ въ рукахъ и безотлучно сопровождающихъ его ассистентовъ или, вѣрнѣе, адъютантовъ, безпрекословно исполняющихъ всѣ его приказанія. Каждая пѣсня оканчивается непремѣнно «славой честному князю Маркелу Савичу» и его спутникамъ, и послѣ каждаго славословія князь и его адъютанты угощаютъ толпу виномъ, пряниками, орѣхами и конфектами. Иногда они одѣляютъ не только сопутствующихъ князя, но и всѣхъ встрѣчныхъ алыми и пестрыми платками, кусками ситца, шалями. Чаще всего князь гуляетъ впереди толпы, обнявшись съ избранною имъ подругой, которая покидаетъ его только съ послѣднимъ рублемъ. Въ этихъ случаяхъ вмѣстѣ съ княземъ славословятъ и честную княгиню его».

Праздникъ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока у рабочихъ звенятъ въ карманѣ деньги. Какъ только деньги пропиваются до послѣдняго, бархаты, плисы, шали, гармоники,—все это, купленное втридорога, продается за безцѣнокъ тѣмъ же торговцамъ краснаго товара, который такимъ образомъ по нѣскольку разъ, пока не истреплется, совершаетъ кругосвѣтное странствіе изъ лавокъ въ руки рабочихъ и обратно. Наконецъ, таёжники доходятъ до полной нищеты, идти далѣе, въ родное село, оказывается и не съ чѣмъ, и не за чѣмъ, и только четвертая часть изъ нихъ, отдохнувъ день, два, идетъ далѣе домой, а остальные живутъ въ Т—ѣ до пріѣзда лицъ, уполномоченныхъ золотопромышленниками для найма рабочихъ на пріиски на слѣдующее лѣто. Дождавшись ихъ, рабочіе снова нанимаются, получивъ въ задатокъ 25 и до 50 р., рубаху, зипунъ и полушубокъ, чтобы прикрыть свою тѣлесную наготу. Но и задатокъ, и полученная одежда снова пропиваются, и чуть не нагой, иногда въ трескучій морозъ идетъ таёжникъ, окутавъ себя съ головы до ногъ снопами соломы, прикрѣпляемой къ тѣлу бичевками. «Оригинальная, по словамъ автора, картина, которая встрѣчается наблюдателю только въ Сибири и только въ быту пріисковыхъ рабочихъ: узкая проселочная дорога покрыта дѣвственнымъ снѣгомъ, ярко сверкающимъ отъ солнечныхъ лучей. Вверху безпредѣльная лазурь неба, холодная и строгая синева становится еще рѣзче отъ бѣлаго яркаго покрова, окутавшаго поля, пригорки и лѣса. Дорога, какъ змѣя, вьется иногда среди хмурыхъ сосенъ, пихтъ и елей, стелящихъ по землѣ свои длинныя лапообразныя вѣтви, окутанныя снѣгомъ, и по этой дорогѣ вереницами бѣгутъ и прыгаютъ, грѣя себя всевозможными тѣлодвиженіями, соломенные снопы, изъ которыхъ выглядываютъ головы, съ закуржевѣвшими отъ мороза волосами и бородами и въ рѣдкихъ случаяхъ окутанные какими-нибудь платкомъ или тряпкой. Не думайте встрѣтить унынiе и отчаяніе среди этихъ ори-

гинальныхъ путешественниковъ. Нѣтъ, уныніе и отчаяніе несвойственны этому народу; напротивъ, среди нихъ чаще всего слышатся шуточки другъ надъ другомъ, остроты надъ своею жизнію и положеніемъ, остроты надъ своими хозяевами и нанявшими ихъ на работу довѣренными. Кто-нибудь выкинетъ при этомъ курьезную штуку,—пройдется, напримѣръ, колесомъ на рукахъ не хуже, если не лучше любого клоуна въ циркѣ, и выходка его, покрытая дружнымъ хохотомъ, возбуждаетъ неудержимое веселье и вызываетъ залпы шутокъ и остротъ».

Годами скитаясь такимъ образомъ по пріискамъ, подобнаго рода забубенныя головушки утрачиваютъ всякую возможность возстановить свое хозяйство и, наконецъ, теряютъ всякую охоту къ осѣдлой жизни. Она становится для нихъ невыносимою. Среди сибирскихъ крестьянъ, человѣка, ушедшаго на пріисковыя работы, не безъ основанія считаютъ погибшимъ человѣкомъ, отрѣзаннымъ ломтемъ. Подобные крестьяне по нѣсколько лѣтъ не показываются въ свою деревню, предоставляя пріисковой администраціи высылать въ волость деньги, слѣдуемыя съ нихъ въ подать и мірскія повинности, и получать паспорты. Жены такихъ рабочихъ иногда вмѣстѣ съ ними скитаются по пріискамъ, вступая въ артели рабочихъ для исполненія женскихъ работъ или въ прислуги къ членамъ администраціи, и, въ концѣ концовъ, впадаютъ въ крайній развратъ, пропивая вмѣстѣ съ мужьями иногда весьма крупныя средства, пріобрѣтаемыя подобнымъ путемъ, и чаще всего кончаютъ жизнь самымъ трагическимъ образомъ отъ рукъ своихъ безчисленныхъ поклонниковъ. Однимъ словомъ, если путнику, объѣзжающему сибирскія деревни и села, попадаются избы, накрепившіяся на бокъ и съ заколоченными наглухо окнами, то это непремѣнно дома крестьянъ, замотавшихся на пріискахъ.

Таковы печальные факты, которыми наполнены оба тома собранія сочиненій Н. И. Наумова. Мы, конечно, и въ десятую долю не исчерпали ихъ, познакомивъ читателей только съ наиболѣе выдающимися и характерными. Прибавьте ко всему этому, что, при страсти Н. И. Наумова къ драматической формѣ повѣствованія (Н. И. Наумовъ мало говоритъ отъ самого себя, и всѣ разсказы его состоятъ по большей части въ разговорахъ, спорахъ и взаимныхъ перекорахъ и переругиваніяхъ крестьянъ между собою), вы встрѣчаете въ устахъ дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ чрезвычайно богатый народный языкъ, образный, мѣткій, отличающійся тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, какимъ преисполненъ народный говоръ. Примите, наконецъ, во вниманіе и поразительное знаніе всѣхъ деталей жизни сибирскихъ крестьянъ, русскихъ и инородцевъ,—и, читая разсказы Н. И. Наумова, вы должны будете по всей справедливости признать, что они заключаютъ въ себѣ не только интересъ этнографическихъ фактовъ, но занимательны и въ художественномъ отношеніи, какъ рядъ яркихъ, полныхъ животрепещущаго драматизма, картинъ сибирской народной жизни.

А. Скабичевскій.

Въ № 4 «Нов. Слова», въ статьѣ: «Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ» вкралась опечатка на стр. 150-й, 4-я строка снизу: вмѣсто словъ *гр. Сологуба «Темныя силы»* слѣдуетъ: *г. Сологуба «Тяжолые сны»*.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Куба и Критъ.

Два острова въ противоположныхъ уголкахъ свѣта, одинъ въ восточной части Средиземнаго моря, а другой въ западной окраинѣ Атлантическаго океана—сосредоточиваютъ теперь на себѣ общее вниманіе. Тутъ и тамъ происходитъ борьба угнетеннаго туземнаго населенія съ давящимъ его чужеземнымъ игомъ, льется кровь, гибнутъ производительныя силы страны; тутъ и тамъ силятся призрачными реформами погасить пламя возстанія и все тщетно: такъ называемые мятежники извѣрились въ никогда неисполняемыя обѣщанія и стремятся въ Новомъ Свѣтѣ къ независимости, а въ Старомъ—къ соединенію съ сосѣднимъ государствомъ, родственнымъ по крови, вѣрѣ и географическому положенію. Куба и Критъ составляютъ излюбленный предметъ газетныхъ извѣстій, передовыхъ статей и телеграммъ; хотя очень трудно разобраться среди противорѣчивыхъ, отрывочныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается на этихъ злополучныхъ островахъ, но все-таки, при тщательномъ сравненіи и безпристрастной оцѣнкѣ вѣстей, получаемыхъ съ враждебныхъ сторонъ, можно составить себѣ общее понятіе о современномъ положеніи кубинскаго и критскаго вопросовъ.

Мы уже говорили [1]) о непосредственныхъ причинахъ, побудившихъ жемчужину Антильскихъ острововъ возстать противъ метрополіи ровно два года тому назадъ, въ февралѣ 1895 года; но для полнаго уясненія этого замѣчательнаго эпизода современной исторіи слѣдуетъ заглянуть въ прошлое Кубы, и тогда мы увидимъ, что, не смотря на репутацію «всегда вѣрнаго острова», это лучшее колоніальное владѣніе Испаніи постоянно отличалось независимымъ духомъ, выражавшимся въ періодической борьбѣ съ метрополіей. Послѣ открытія этого острова Колумбомъ и его окончательнаго завоеванія Дьегомъ Веласкесомъ въ началѣ XVI столѣтія, испанское правительство обращалось съ туземцами самымъ жестокимъ образомъ, огульно истребляя ихъ и замѣняя неграми; когда же, въ 1717 г., была введена табачная монополія, то

[1]) Обзоръ заграничной жизни. Мартъ 1896 г.

начались первыя возстанія, которыя усмирялись безчелонѣчнымъ образомъ. Поэтому неудивительно, что жители Кубы привѣтствовали съ радостью взятіе Гаванны въ 1762 году англичанами, которые ввели свободную торговлю, но имъ не долго пришлось отдохнуть отъ испанскаго ига, такъ какъ спустя шесть лѣтъ, по парижскому миру, Англія промѣняла Кубу на Флориду, и снова начались правительственныя преслѣдованія, а затѣмъ и рядъ возстаній среди негровъ и креоловъ. Конечно, испанцамъ было не трудно затушить кровью эти вспышки, а возникшее движеніе въ пользу присоединенія Кубы къ Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, которыя уже возбудили вопросъ о покупкѣ острова за 124 милліона долларовъ, не удалось въ виду начала борьбы сѣвера съ югомъ за освобожденіе негровъ. Наконецъ, въ 1867 г. кубинцы, выведенные изъ терпѣнія чрезмѣрнымъ возвышеніемъ налоговъ, стѣсненіями торговли съ Америкой, благодаря высокимъ пошлинамъ, и вѣчными отсрочками давно обѣщанныхъ реформъ, произвели революцію и боролись съ метрополіей въ продолженіи десяти лѣтъ. Одно время дѣла ихъ шли успѣшно, была объявлена независимость острова и учреждена въ среднихъ и восточныхъ его округахъ республика, подъ управленіемъ президента Мануэля Сиспедеса, но, въ концѣ концовъ, все-таки пришлось подчиниться снова Испаніи, хотя побѣду одержала на этотъ разъ не вооруженная сила, а обѣщаніе, торжественно данное генераломъ Мартинесомъ Кампосомъ, что будетъ даровано полное самоуправленіе и введена конституція. Какъ всегда, обѣщанныя реформы не осуществились, и хотя были освобождены негры и даны избирательныя права жителямъ Кубы, но въ очень ограниченномъ видѣ, самостоятельный мѣстный парламентъ не былъ открытъ, и прежнія административныя и экономическія притѣсненія продолжались. Обманутые кубинцы долго терпѣли свое новое иго, но ихъ недовольство росло съ каждымъ годомъ. Вотъ какъ мотивировали передовые патріоты острова основы этого недовольства: Испанія во всѣхъ отношеніяхъ бичъ Кубы. Она виновата въ томъ, что этотъ богатый, плодородный островъ не увеличиваетъ, какъ бы слѣдовало, своего населенія, своихъ производительныхъ силъ и умственнаго развитія. Если на Кубѣ слишкомъ много негровъ, то вина въ этомъ падаетъ на испанцевъ, которые истребили туземныхъ индѣйцевъ, наводнили островъ чернокожими и всячески мѣшали водворенію бѣлыхъ эмигрантовъ. Испанцы своими чрезмѣрными пошлинами и налогами стѣсняютъ сахарное и табачное производства. Вообще испанцы не даютъ никакой роли туземцамъ Кубы и конфискуютъ въ свою пользу ихъ трудъ, не гарантируя имъ взамѣнъ ни безопасности, ни благоденствія, ни цивилизаціи; они эксплуатируютъ, давятъ и развращаютъ Кубу. Насколько справедливы эти жалобы, подтверждаютъ слѣдующіе характеристическіе факты, приводимые Майо Газельтайномъ въ декабрьской книжкѣ «North American Review». Имѣя своихъ предста-

вителей въ испанскихъ кортесахъ, Куба, въ сущности, лишена избирательныхъ правъ, такъ какъ ими пользуются только 53,000 лицъ изъ общаго числа населенія въ 1.600.000, и то это меньшинство состоитъ преимущественно изъ испанцевъ. То же неравенство существуетъ и въ отношеніи муниципальныхъ совѣтовъ, гдѣ одинаково господствуетъ испанское меньшинство. Столь же несправедливо распредѣлены и налоги на Кубѣ. Ея государственный долгъ равнялся въ 1895 г.—295.000.000 долларамъ, и уплата его процентовъ ложится такъ тягостно на ея жителей, что каждому приходится платить по 9,79 долларовъ въ годъ, тогда какъ французъ, платящій наиболѣе всѣхъ людей налоговъ, несетъ на себѣ только уплату 6,36 долларовъ за проценты по государственному долгу. И при всемъ этомъ, ни одинъ центъ изъ этой громадной суммы не былъ употребленъ на Кубу, а она вся пошла на оплату испанской расточительности, испанскихъ войнъ и испанскихъ мѣропріятій для усмиренія возстаній на Кубѣ. Всѣ производительныя силы острова истощены тарифомъ, имѣющимъ цѣлью обезпечить монополію ввозной испанской торговли. Изъ ежегоднаго бюджета въ 26 милліоновъ долларовъ только $^3/_4$ милліона идетъ на внутреннія улучшенія. Жалованья испанскихъ администраторовъ велики до безобразія; такъ, генералъ-губернаторъ получаетъ 50.000 долларовъ (около 100.000 рублей), директоръ казначейства—18.500 дол., архіепископъ и епископъ по 18.000 долл., начальникъ флота—16.500 дол., помощникъ главнокомандующаго арміей—15.000 дол. и такъ далѣе; при этомъ еще каждый администраторъ получаетъ даровую квартиру и даровую прислугу. Министръ колоній, живущій въ Мадридѣ, получаетъ изъ кубинскаго казначейства 96.800 долларовъ въ годъ (около 200.000 р.) и одинъ изъ лицъ, занимавшихъ этотъ постъ, не церемонился одолжить милліонъ изъ кубинскаго казначейства акціонерной компаніи, которой онъ покровительствовалъ. Въ 1890 г. было удостовѣрено, что на ложные расходы по усмиренію десятилѣтняго возстанія на Кубѣ изъ туземнаго казначейства было взято, или просто украдено 22.811.000 долларовъ, а неправильно взыскано вѣдомствомъ погашенія государственнаго долга 12,000 долларовъ, и никто изъ лицъ, замѣшанныхъ въ этихъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, не понесъ законной кары. Хотя Кубѣ стоитъ такъ дорого испанское правительство, она должна довольствоваться такой полиціей, которая страшна лишь для мирныхъ гражданъ, а покровительствуетъ разбойникамъ, и подкупными судьями, служащими слѣпымъ орудіемъ администраціи.

Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣлъ на Кубѣ и въ виду пламеннаго патріотизма, одушевляющаго передовыхъ ея дѣятелей, 24 февраля 1895 г. возникло новое возстаніе, которое длится до сихъ поръ, не смотря на всѣ энергичныя дѣйствія испанцевъ, наводнившихъ островъ арміей въ 220.000 человѣкъ. Сначала испанскимъ главнокомандующимъ былъ маршалъ Мартинецъ Кампосъ, усмиривш'й десяти-

лѣтнее возстаніе политикой переговоровъ, уступокъ и сдѣлокъ; онъ и теперь сталъ дѣйствовать мягко, примирительно, обѣщаетъ амнистію и реформы, но возстаніе все распространялось, снова была объявлена независимость Кубы, снова учреждена республика съ президентомъ, маркизомъ Санта-Лучія во главѣ, три четверти территоріи острова оказались въ рукахъ возставшихъ, и они подступили къ Гаваннѣ. Маршалъ призналъ себя, наконецъ, побѣжденнымъ, подалъ въ отставку и былъ отозванъ въ Мадридъ, а на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Вейлеръ, человѣкъ совершенно иного пошиба. Онъ нѣкогда огнемъ и мечомъ усмирилъ возставшихъ туземцевъ на Филиппинскихъ островахъ, и на Кубу онъ явился съ планомъ жестокихъ репрессивныхъ мѣръ. Въ своей ужасной прокламаціи, объявленной 10-го февраля прошедшаго года, онъ прямо заявилъ, что будетъ отдавать подъ военный судъ и подвергать смертной казни не только лицъ, помогающихъ возстанію, но и тѣхъ, которые распространяютъ извѣстія объ успѣхахъ мятежниковъ, или словами и путемъ печати умалятъ достоинство Испаніи, ея арміи, волонтеровъ, пожарныхъ, или кого бы то ни было, содѣйствующаго арміи. На дѣлѣ, новый испанскій главнокомандующій оказался еще большимъ варваромъ чѣмъ на словахъ: онъ огульно разстрѣливаетъ плѣнныхъ, истребляетъ населеніе цѣлыхъ округовъ, подвергаетъ смерти, истязаніямъ и ссылкамъ на каторгу мирныхъ жителей, не щадитъ ни женщинъ, ни дѣтей, выжигаетъ селенія, мѣстечки и города, уничтожаетъ жатву и табачныя плантаціи, считаетъ за военную контрабанду хлороформъ и антисептическія средства, вообще превращаетъ, по словамъ одного американца, Галлета Филипса, посѣтившаго недавно этотъ злополучный островъ, Кубу въ новую и еще худшую Арменію. И все-таки прошелъ годъ, а испанцы не усмирили возстанія, несмотря на всѣ свои жестокости и постоянные оффиціальные бюллетени о мнимыхъ побѣдахъ. Напротивъ, ихъ силы быстро таютъ отъ болѣзней, голода, усталости и мѣткаго огня республиканцевъ, а главное, отъ непостижимыхъ злоупотребленій своихъ властей, производящихъ безконечныя хищенія и оставляющихъ своихъ солдатъ безъ пищи, одежды, медицинскихъ средствъ и т. д. Насколько велика смертность въ испанской арміи, доказываетъ, напримѣръ, тотъ фактъ что одинъ испанскій отрядъ выступилъ изъ Гаванны въ началѣ ноября, имѣя въ своихъ рядахъ 4.000 человѣкъ, а въ концѣ мѣсяца, въ немъ оставалось всего 700. Однако, всѣ неудачи ничему не научили испанскаго проконсула и, по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ двинулся изъ Гаванны съ сильнымъ корпусомъ войска, торжественно заявивъ, что онъ усмиритъ возстаніе, хотя бы для этого и пришлось истребить все мѣстное населеніе, отъ перваго до послѣдняго. Его авангардъ, подъ начальствомъ капитана Дегратиса, уже показалъ воочію, что ждетъ туземцевъ: занявъ городъ Елену-дель-Суръ, онъ повѣсилъ мэра на дверяхъ его дома, въ глазахъ семьи несчастнаго, отрубилъ головы семи муници-

пальнымъ совѣтникамъ, заковалъ въ цѣпи остальныхъ гражданъ, а женщинъ отдалъ солдатамъ на потѣху!

Между тѣмъ, дѣла республики на Кубѣ идутъ успѣшно, хотя одинъ изъ главныхъ ея дѣятелей, Антоніо Масео, убитъ, или исчезъ. Таинственная исторія этого героя очень драматична, и придаетъ, вмѣстѣ съ смертью кубанской Іоанны Д'Аркъ, Матильды Аграманте-и-Варена романтичный характеръ возстанію, которое вообще не представляетъ интересныхъ, патетическихъ сценъ. Оно не ознаменовалось до сихъ поръ ни генеральными сраженіями, ни осадами городовъ, ни особыми подвигами индивидуальной храбрости, а это просто рядъ безконечныхъ стычекъ, по пяти, по шести въ день, то въ горахъ, то въ лѣсахъ, то въ заросшихъ высокой травой низменностяхъ, гдѣ ловко скрываются республиканцы, утомляя и истребляя своихъ противниковъ неожиданными нападеніями, мѣткой стрѣльбой и быстрымъ исчезновеніемъ на своихъ бѣшеныхъ коняхъ. Вся тактика этой партизанской войны заключается въ томъ, чтобы не давать покоя испанцамъ, разбивать ихъ силы, бороться разомъ въ сотнѣ мѣстахъ, быстро переноситься черезъ громадныя пространства и окружать враговъ вѣчными, невидимыми опасностями; но въ этой неустанной борьбѣ нѣтъ эффектныхъ, блестящихъ элементовъ войны, ведущейся по всѣмъ правиламъ тактики и стратегіи. Поэтому эпизоды Масео и Матильды Аграманте составляютъ рѣдкія исключенія. Антоніо Масео, мулатъ и уроженецъ Кубы, знавшій вдоль и поперекъ свою родину, которую онъ въ юности исходилъ изъ конца въ конецъ въ качествѣ погонщика муловъ, былъ настоящимъ предводителемъ партизановъ и, храбрый до безумія, онъ бросался всегда впереди всѣхъ на враговъ, предпочитая всякому оружію большой туземный ножъ, извѣстный подъ названіемъ «мачете». Онъ былъ однимъ изъ героевъ десятилѣтняго возстанія, пользовался пламенной любовью всѣхъ мулатовъ и негровъ, поражалъ своей неутомимой отвагой, несмотря на свои 54 года, и считался испанцами за одного изъ самыхъ опасныхъ предводителей республиканцевъ. Поэтому вся страна отъ королевы-регентши до послѣдняго нищаго шумно ликовала при полученіи извѣстія объ его смерти. Эта смерть до сихъ поръ вполнѣ не удостовѣрена и разсказывается различно: испанцы увѣряютъ, что онъ получилъ смертельную рану въ ожесточенной стычкѣ на границѣ гаваннской провинціи, былъ найденъ въ кустахъ съ признаками жизни однимъ проводникомъ испанцемъ, который покончилъ его выстрѣломъ изъ пистолета и привязалъ уже трупомъ къ хвосту лошади какого-то офицера, вынужденнаго по дорогѣ его бросить, такъ какъ лошадь, изморившись, не могла тащить такой тяжести. Съ другой стороны, американскія газеты разсказываютъ, что Масео измѣнически былъ заманенъ, подъ предлогомъ переговоровъ, помощникомъ генерала Вейлера, маркизомъ Агумадой въ испанскій лагерь, и тамъ ему предложили сдаться въ плѣнъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его штабомъ; но

онъ отказался и храбро защищался до послѣдней капли крови. Въ томъ и другомъ разсказѣ много невѣроятнаго, а главное, непонятно, что испанцы не озаботились найти его трупъ, такъ какъ голова его была дорого оцѣнена правительствомъ. Какъ бы то ни было, его трупъ исчезъ и ходятъ слухи, что онъ, хотя и раненый, спасся; въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ уже много разъ испанцы распространяли извѣстія о его смерти, и потомъ онъ оказывался живымъ. Что касается до кубанской героини, то ея печальная, но славная смерть не подлежитъ сомнѣнію. Матильда Аграманте-и-Варена принадлежала къ богатой, аристократической семьѣ острова и отличалась молодостью и красотой. Ея отецъ и старшій братъ были убиты во время десятилѣтняго возстанія, а другіе братья и дяди находились въ отрядѣ Масео, такъ что она одна оставалась на своей фермѣ Пуерте-Принчипе. Возвратясь однажды домой послѣ поѣздки къ сосѣдямъ, она нашла свое жилище сожженнымъ, а всю прислугу убитой. Это такъ ее взорвало, что она вступила въ ряды перваго проходившаго мимо отряда республиканцевъ и, присоединившись къ генералу Масео, умоляла его принять ее въ волонтеры. Онъ сначала не хотѣлъ согласиться, но, наконецъ, уступилъ просьбамъ молодой дѣвушки и ея братьевъ. Спустя нѣсколько дней, Масео предпринялъ экспедицію на берегъ за оружіемъ и припасами; его люди были невооружены, и неожиданно на нихъ напали испанцы въ значительномъ количествѣ. Тогда Масео вызвалъ охотниковъ, которые цѣной своей жизни сдержали бы испанцевъ, пока остальные спаслись бы. Матильда вызвалась первая, а ея братья и дяди послѣдовали примѣру мужественной героини. Всѣ они были убиты; признавъ въ юномъ воинѣ женщину, испанцы крикнули ей, чтобъ она сдалась. Матильда отвѣчала пистолетнымъ выстрѣломъ и упала подъ градомъ пуль съ крикомъ: «Да здравствуетъ свободная Куба!»

Какъ ни тяжела для кубинской республики потеря Масео, убитъ-ли онъ, или временно исчезъ, но у нея осталось немало храбрыхъ вожаковъ, какъ Каликсо Гарціа, Ривера, младшій братъ Масео, полякъ Рьловъ, негръ Квентенъ Бандера и, главное, Массимо Гомецъ, который былъ душою возстанія съ самаго его начала. Также герой десятилѣтней борьбы, онъ родомъ изъ Санъ-Доминго, гдѣ у него обширная ферма, на которой живетъ его семья, но онъ преданъ душой Кубѣ и поставилъ цѣлью своей жизни ея освобожденіе. Онъ отличается необыкновенной храбростью, неустанной энергіей, хотя ему уже шестьдесятъ пять лѣтъ, и замѣчательными военными способностями, такъ что онъ въ полномъ смыслѣ слова полководецъ, а не только партизанъ, какъ Масео. Его имя теперь на Кубѣ въ устахъ всѣхъ, какъ друзей, такъ и враговъ; испанцы боятся его, какъ огня, а туземные патріоты поклоняются ему, какъ избавителю родины отъ испанскаго ига, и признаютъ въ немъ своего безспорнаго вождя и главу будущей независимой

республики. Теперешній президентъ Сальвадоръ Синеросъ Бетанкуръ, маркизъ Санта-Лучіа, только занимаетъ этотъ постъ, благодаря своей популярности на островѣ и тому факту, что онъ уже былъ нѣсколько времени президентомъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ Цинедеса, но онъ постоянно находится при Гомецѣ, и Гомецъ все дѣлаетъ, всѣмъ распоряжается. Впрочемъ, маркизъ Санта-Лучіа человѣкъ чрезвычайно представительный и корректный, а въ молодости, теперь ему шестьдесятъ четыре года, онъ не разъ водилъ въ бой своихъ соотечественниковъ противъ испанцевъ, причемъ никогда не прибѣгалъ ни къ какому оружію, а держалъ въ рукахъ только хлыстъ. Въ числѣ дѣятелей кубинской республики слѣдуетъ еще упомянуть о докторѣ Бетансетѣ, который служитъ своей родинѣ далеко отъ нея, считается дипломатическимъ агентомъ въ Европѣ и живетъ въ Парижѣ, гдѣ воспитывался и получилъ дипломъ доктора медицины. Конечно, республика на Кубѣ не можетъ быть вполнѣ организована, пока ей не подчинится весь островъ, не будетъ взята Гомецомъ Гаванна и не удалятся испанцы. До сихъ поръ реснубликанцы преобладали въ провинціяхъ Сантьяго, Пинаръ-дель-Ріо, Санта-Кларѣ и Пуерте-Принчипе, но въ послѣднее время Гомецъ подвинулся къ Гаваннѣ во главѣ 40.000-ной арміи. Большую помощь имъ оказываютъ экспедиціи, образующіяся въ Америкѣ и доставляющія имъ на американскихъ корабляхъ людей и оружіе. Что касается до оффиціальнаго признанія республики Американскими Соединенными Штатами и содѣйствіи ея установленію, то объ этомъ только говорятъ въ конгрессѣ и сенатѣ, а прежній президентъ Клевлэндъ сопротивляется такому важному шагу, хотя сочувственно относясь къ Кубѣ, и врядъ-ли его теперешній преемникъ Маккинли рѣшится на болѣе смѣлую политику въ этомъ отношеніи, не смотря на свою преданность системѣ Монроэ. По крайней мѣрѣ, его министръ иностранныхъ дѣлъ, Шерманъ, совершенно измѣнилъ свой тонъ; въ прошедшемъ году онъ говорилъ въ сенатѣ: «Наступила минута для нашего вмѣшательства, чтобъ положить конецъ преступленію, не поддающемуся описанію; руки генерала Вейлера обагрены кровью безоружныхъ мужчинъ и женщинъ; мы не желаемъ, чтобъ рядомъ съ нами находилась новая Арменія», а теперь онъ сказалъ одному газетному репортеру: «Я думаю, что Соединеннымъ Штатамъ не надо вмѣшиваться въ кубинскую войну; реформы, предложенныя синьоромъ Кановасомъ, даютъ Кубѣ практическую автономію, и я надѣюсь, что ими покончится дѣло». Но не такъ думаютъ Гомецъ и маркизъ Санта-Лучія; первый сказалъ лично корреспонденту «New-York-Herald», проникшему въ его лагерь: «Пора свѣту узнать, что мы не играемъ въ войну, которая можетъ кончиться сомнительной сдѣлкой. Нѣтъ, эта борьба можетъ имѣть одинъ изъ двухъ результатовъ: или мы добьемся независимости, или погибнемъ. Враги Кубы распространяютъ вѣсти, что я согласенъ признать автономію, какъ основу

примиренія съ Испаніей, но по конституціи, дѣйствующей на Кубѣ, именно по ея XI статьѣ, переговоры о мирѣ могутъ быть начаты лишь на основѣ независимости острова. Ради преобрѣтенія этой независимости, мы боремся уже два года и будемъ бороться до окончательной побѣды». То же подтвердилъ и также сослался на XI ст. конституціи президентъ республики; по его словамъ, «кубинцы согласны заплатить деньги Испаніи за свой островъ, если она продастъ его скоро, т.-е. пока не совершенно раззоритъ и опустошитъ его. Точно также кубинцы согласны признать Соединенные Штаты третейскимъ судьей для разрѣшенія вопроса на этой основѣ, но никогда они не согласятся ни на какую автономію». Такимъ образомъ, выработанный консервативнымъ министерствомъ Кановаса проектъ о реформахъ для Кубы послѣ усмиренія мятежа, какъ выражаются испанцы, оказывается мертворожденнымъ. По тяжелому опыту, Куба знаетъ, какъ обманчивы всѣ обѣщанія реформъ, и надѣется теперь только на себя. Что бы ни ожидало ее въ будущемъ: независимая республика, согласно общему желанію острова, присоединеніе къ Американскимъ Штатамъ, о чемъ громко говоритъ американская печать, или протекторатъ Англіи, о чемъ будто бы мечтаетъ Гомецъ, по словамъ «Review of Reviews», антильская жемчужина добровольно не пойдетъ еще разъ въ старую испанскую ловушку.

Если мы перенесемся изъ Новаго Свѣта въ Старый, изъ Мексиканскаго залива въ Средиземное море, то увидимъ то же зрѣлище маленькаго острова, сражающагося за свою свободу съ могущественнымъ чужеземнымъ игомъ, но при совершенно иныхъ, чудовищныхъ условіяхъ. Вся исторія Крита, или Кандіи, въ нынѣшнемъ столѣтіи заключается въ періодической борьбѣ съ владѣющей ею Турціей, которая то прекращается отъ истощенія силъ, или давленія европейскихъ державъ, то снова возобновляется. Семь разъ возставалъ этотъ злополучный греческій островъ съ христіанскимъ населеніемъ противъ господства турокъ и послѣ неимовѣрныхъ подвиговъ храбрости уступалъ каждый разъ силѣ и роковой политикѣ. Однако, теоретически и практически право, географія, исторія, вѣра—все оправдываетъ вѣковое стремленіе Крита къ Греціи. Принявъ геройское участіе въ войнѣ Греціи за независимость въ 1821—28 годахъ, критяне сами очистили свою родину отъ турецкихъ войскъ, и этотъ островъ былъ, въ сущности, такъ же свободенъ, какъ всѣ остальныя греческія земли, вошедшія въ составъ греческаго королевства, когда произошло это событіе. Необходимость его присоединенія къ вновь образуемому государству была такъ очевидна во всѣхъ отношеніяхъ, что король бельгійскій поставилъ ее условіемъ своего принятія греческой короны, но европейскимъ державамъ было угодно отдать Критъ снова на съѣденіе туркамъ, конечно, подъ обѣщаніемъ реформъ, въ смыслѣ самоуправленія. Султанъ, въ свою очередь, передалъ этотъ мученическій островъ, гордившійся

въ классическую старину названіемъ «острова блаженства», египетскому тирану Мегемету-Али, наводнившему его своими чернокожими злодѣями. Выведенные изъ терпѣнія, критяне возставали дважды, въ 1831 и въ 1841 г., такъ что Египетъ былъ вынужденъ возвратить ихъ Портѣ; конечно, судьба несчастныхъ не улучшилась, и произошло въ 1858 г. новое возстаніе, усмиренное всегдашними обѣщаніями о реформахъ, которыя, конечно, остались мертвой буквой. Когда Іоническіе острова были присоединены къ Греціи, то критяне снова предъявили, но, конечно, безуспѣшно свои права на оказаніе имъ такой же справедливости. Наконецъ, въ 1867 году снова возгорѣлась борьба, и три года критяне съ успѣхомъ боролись, то одерживая побѣды надъ турками, то удаляясь въ горы. Временное правительство объявило присоединеніе острова къ Греціи, и это движеніе было поддержано пан-эллинской партіей въ Греціи. Вся Европа сочувственно относилась къ геройству кандіотовъ, но оффиціальная дипломатія по прежнему вмѣшалась въ дѣло. По предложенію Бисмарка, была созвана въ Парижѣ, для разрѣшенія греческихъ дѣлъ, конференція, на которую не допустили одну изъ сторонъ, именно Грецію; король Георгъ долженъ былъ покориться Европѣ, и Критъ снова закрѣпленъ Портѣ, но уже въ видѣ самостоятельнаго вилайета. Конечно, несчастнымъ его жителямъ отъ этого было не легче, и введенный турецкимъ правительствомъ органическій статутъ оказался столь сложной непрактичной комбинаціей, что она вовсе и не примѣнялась на дѣлѣ. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Критъ еще разъ возсталъ во время послѣдней русско-турецкой войны, но въ результатѣ онъ былъ совершенно опустошенъ турками, а берлинскій трактатъ только подтвердилъ органическій статутъ, не смотря на то, что онъ оказался неосуществимымъ. Когда этотъ фактъ вторично подтвердился на дѣлѣ, то въ ноябрѣ 1878 г. былъ заключенъ, при посредствѣ англійскаго консула въ Канеѣ, такъ называемый галепскій договоръ между критянами и турецкимъ правительствомъ. Хотя эта сдѣлка была далеко неудовлетворительна, но все-таки она принесла сначала недурные плоды; въ мѣстномъ представительномъ собраніи образовались партіи, безъ различія исповѣданій, передовые турки подали впервые руку христіанамъ, и христіанскій вали, Фотіадесъ-паша, благополучно отбылъ четырехлѣтній срокъ своей службы, чему еще не было примѣра на Критѣ. Но подобное примиреніе враждебныхъ элементовъ не было съ руки Портѣ, и она постаралась смѣшать карты; она установила новый постъ мусульманскаго военнаго губернатора, который вмѣстѣ съ мусульманскимъ помощникомъ, вали, сталъ представлять такія преграды христіанскому губернатору, что лица, занимавшія это мѣсто, были вынуждены одинъ за другимъ подавать въ отставку. На ряду съ этимъ турецкое правительство перестало исполнять взятыя на себя по галепскому договору финансовыя обязательства, и турецкіе жандармы

начали производить прежнія звѣрства. Дѣло дошло до новаго возстанія въ 1889 г., но греческое министерство Трикуписа поддалось на ловушку, разставленную Портой, и удержало критскихъ патріотовъ отъ занятія стратегическихъ пунктовъ на островѣ, на томъ основаніи, что всѣ ихъ требованія относительно автономіи будутъ удовлетворены султаномъ. Но какъ только турки добились необходимой имъ отсрочки военныхъ дѣйствій, такъ они наводнили Критъ войсками, отмѣнили галепскій договоръ, закрыли представительное собраніе и сосредоточили въ рукахъ главнокомандующаго турецкой арміей, Шакира-паши, окруженнаго албанскими жандармами, всю военную и гражданскую власть на островѣ. Такое чисто осадное положеніе царило на Критѣ до 1894 г., когда мусульманскій вали Махмудъ-Джелаледдинъ-паша довелъ несправедливости и всякаго рода притѣсненія христіанъ до такого апогея, что кандіоты снова заволновались. Тутъ вмѣшались европейскія державы и побудили Порту хоть отчасти возвратиться къ халепскому договору, именно: назначить христіанскаго вали въ лицѣ грека Александра Каратеодори-паши, но, какъ всегда, его дѣятельность была всячески стѣснена и онъ вскорѣ подалъ въ отставку. Затѣмъ наступилъ періодъ совершенной анархіи, а 24 мая прошедшаго года произошло избіеніе христіанъ въ Канеѣ, вслѣдствіе чего началось теперешнее возстаніе, по счету восьмое въ XIX вѣкѣ.

На этотъ разъ турки были застигнуты врасплохъ, и у нихъ не оказалось достаточно войска на островѣ, такъ что еслибъ греческое правительство послало бы тотчасъ флотъ на помощъ критянамъ, какъ громко требовала вся Грецiя, то критскій вопросъ былъ бы разрѣшенъ и островъ присоединенъ къ Греціи, прежде чѣмъ Порта очнулась бы отъ удивленія. Но снова вмѣшались европейскія державы и удержали короля Георга отъ своевременной уступки патріотическому взрыву среди своихъ подданныхъ, а турки послали войска на Критъ подъ начальствомъ жестокаго Абдулаха-паши. Начались безпримѣрныя звѣрства, какъ, напримѣръ, рѣзня въ Анаполисѣ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, или истребленіе монастыря св. Іоанна близъ Гераклеона, причемъ въ оскверненной церкви сжарили священника на грудѣ пылающихъ иконъ. Однако, критянамъ удалось своевременно занять главные стратегическіе пункты острова и они геройски сопротивлялись всѣмъ нападеніямъ Абдулаха. Но если имъ удавалось дать отпоръ туркамъ, то не подъ силу имъ было бороться съ европейскими державами, удерживавшими Грецію отъ поданія имъ помощи и въ концѣ концовъ они должны были по прежнему согласиться на сдѣлку и принять возвѣщенныя съ такимъ трескомъ турецкія реформы, которыя въ сущности и были повтореніемъ неудачнаго халепскаго договора. Снова явился на Критъ христіанскій вали, Георгій Беровичъ-паша, и снова пошла подземная противъ него работа турецкихъ властей. Европейскія державы ликовали, считая критскій вопросъ рѣшеннымъ, хотя ихъ представители въ

Константинополѣ не могли согласиться на счетъ организаціи международной жандармеріи для Крита. Но вдругъ новое избіеніе христіанъ въ Канеѣ, возбужденное Портой, чтобы доказать неосуществимость реформъ при оппозиціи мусульманъ, хотя ихъ не болѣе 30.000 среди 250.000 христіанскаго населенія, разожгло пламя возстанія, еще не совершенно потушенное. Началась рѣзня въ различныхъ частяхъ острова: мусульмане жгутъ селенія и города, учиняютъ всевозможныя звѣрства, а христіане или бѣгутъ на европейскія суда, или даютъ геройскій отпоръ. Беровичъ-паша искалъ спасенія на греческомъ военномъ кораблѣ; вся Греція поднялась въ защиту своихъ единовѣрцевъ и правительство короля Георга вынуждено было послать флотъ, подъ начальствомъ наслѣдника престола къ Криту, съ приказаніемъ не допускать высадки турецкими судами подкрѣпленій на островъ. Съ своей стороны, европейскія державы вмѣшались въ дѣло, приняли подъ свое покровительство Турцію и заявили торжественное осужденіе дѣйствіямъ греческаго правительства. По послѣднимъ извѣстіямъ, критяне объявили о присоединеніи ихъ родины къ Греціи, греческій крейсеръ уже стрѣлялъ по турецкому вѣстовому судну и греческій отрядъ, подъ начальствомъ Вассоса, высадился на Критѣ, а съ другой стороны, съ согласія турецкихъ властей, Канея занята отрядомъ моряковъ съ эскадръ европейскихъ державъ, состоящимъ изъ 100 русскихъ, 100 французовъ, 100 англичанъ, 100 итальянцевъ и 50 австрійцевъ.

Вотъ до какой чудовищной путаницы достигъ восточный вопросъ, благодаря пресловутой политикѣ хитроумныхъ дипломатовъ поддерживать больного человѣка въ Константинополѣ, тогда какъ онъ разрѣшается такъ легко, такъ просто, при господствѣ противоположной, раціональной политики — руки прочь. Еще относительно Арменіи является, будто бы, затрудненіе на счетъ того, что она не представляетъ сплоченнаго христіанскаго населенія; но Критъ, маленькій, чисто греческій островъ съ громаднымъ, подавляющимъ большинствомъ христіанъ самъ собою и по силѣ вещей просится войти въ составъ сосѣдней, сродной ему Греціи, и цѣлое столѣтіе ему не удается осуществить своей завѣтной мечты,-только благодаря излюбленному дѣтищу европейскихъ дипломатовъ—восточному вопросу. Близкое будущее покажетъ, какъ этимъ дипломатамъ удастся теперь расхлебать ими же заваренную кашу.

II.

Интересы дня.

Полувѣковой прогрессъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.—Бразильскій мессія.—Фіаско неокатолицизма среди французской молодежи.—Допущеніе женщинъ въ англійскій парламентъ.—Слѣпая и глухая студентка въ Америкѣ.—Смерть Дю-Буа-Реймона.

По случаю наступающаго въ нынѣшнемъ году шестидесятилѣтія царствованія англійской королевы, англійскіе журналы и газеты на-

полнены статьями, которыя, съ одной стороны, напоминаютъ главнѣйшіе моменты этой, по общему мнѣнію, славнѣйшей эпохи англійской исторіи, а съ другой—подводятъ итоги совершенныхъ, какъ Англіей, такъ и вообще человѣчествомъ, замѣчательныхъ успѣховъ по пути прогресса, съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія до настоящаго времени. Быть можетъ, самую графическую и блестящую картинку этого прогресса, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, рисуетъ извѣстный публицистъ Стэдъ въ январьскомъ нумерѣ своей «Review of Reviews», на основаніи только что вышедшаго прекраснаго статистическаго труда М. Мулголла: «Промышленность и богатство націй», изъ котораго всѣ газетныя статьи черпаютъ свои факты и цифры. Оказывается, что бьющій въ глаза прогрессъ человѣчества на Западѣ начался только съ 1848 года, когда правительства, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, были вынуждены предоставить право гражданства свободнымъ стремленіямъ, которыя, вмѣстѣ съ паромъ и электричествомъ, дали могучій толчокъ интеллектуальному и матерьяльному развитію современнаго общества. Освобожденіе крѣпостныхъ и преобразованіе дворянскихъ помѣстій въ Пруссіи, Австріи, Россіи и другихъ странахъ совершенно измѣнили строй Европы и поставили народныя массы въ лучшее положеніе, чѣмъ прежде. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, на европейскомъ континентѣ было 100.000 дворянъ, 1.700.000 солдатъ, 11.000.000 горожанъ и 205.000.000 поселянъ, которые находились, по большей части, въ положеніи илотовъ древней Греціи. Событія 1848 года, безъ малѣйшаго пролитія крови, превратили милліоны рабовъ въ свободныхъ людей, а въ то же время распространеніе желѣзныхъ дорогъ и улучшеніе земледѣльческихъ орудій дозволили сельскому населенію увеличить производительность своихъ полей, число рынковъ и свое собственное благоденствіе. Паръ умножилъ производительную энергію націи; промышленность и торговля развились въ удивительномъ размѣрѣ, вообще, положеніе Европы измѣнилось въ одно поколѣніе болѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе вѣка. Люди на Западѣ лучше живутъ, лучше ѣдятъ и лучше одѣты, чѣмъ прежде. Обязательный трудъ сдѣлался историческимъ фактомъ, а школьный учитель сталъ выдающимся факторомъ общественной жизни; за исключеніемъ развитія милитаризма и пауперизма въ большихъ городахъ, человѣчество достигло невиданнаго до сихъ поръ благосостоянія. Народонаселеніе такъ быстро возросло въ послѣднія 65 лѣтъ, какъ ни въ одинъ подобный періодъ въ исторіи, именно: въ Великобританіи—на 63%, во Франціи—на 18%, въ Германіи—на 75%, въ Россіи—на 92%, въ Австріи—на 45%, въ Италіи—на 48%, въ остальныхъ европейскихъ странахъ—на 62%, въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—на 626%, и въ англійскихъ колоніяхъ—на 510%, а всего на 88%, или на 211.000.000. Этотъ необыкновенный приростъ европейскаго населенія становится еще удивительнѣе, если принять въ соображеніе, что,

при увеличеніи европейскаго населенія на 62%, оно лишилось въ то же время 30.000.000 людей, благодаря эмиграціи, причемъ 8.601.000 выбыло изъ Великобританіи, 5.360.000 изъ Германіи и 4.000.000 изъ Италіи. Другимъ замѣчательнымъ фактомъ относительно роста населенія былъ наплывъ поселянъ въ города: въ одной Европѣ такихъ новыхъ горожанъ прибыло 10.000.000, а потому городское населеніе увеличилось на 470%, тогда какъ сельское—только на 70%. Вообще въ европейскихъ городахъ населеніе учетверилось, а въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилось въ четырнадцать разъ. Наконецъ, англичане съ гордостью указываютъ на поразительное усиленіе расъ, говорящихъ на ихъ языкѣ. Въ 1831 году по англійски говорило 35.000.000 людей, а теперь 120.000.000. Впрочемъ, англичане, согласно интереснымъ діаграммамъ, приложеннымъ къ книгѣ Мунголла, занимаютъ первое мѣсто не только въ этомъ отношеніи, но и относительно богатства, общественной энергіи, паровой силы, промышленности, судоходства, желѣзныхъ дорогъ, минеральнаго богатства и заработной платы; во главѣ всѣхъ странъ стоитъ или Великобританія, или Соединенные Штаты, затѣмъ идутъ англійскія колоніи, а остальныя европейскія государства замыкаютъ шествіе. Между прочимъ, Англія имѣетъ $^1/_4$ всего богатства Европы, хотя она составляетъ только $^1/_9$ всего населенія Европы.

Въ недавнее время въ Америкѣ явился новый мессія, но уже не въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ пресловутый Шлаттеръ, а въ Бразиліи. Его зовутъ Антоніо Консельгейро; онъ родомъ изъ Сеары, въ штатѣ Бахія. Онъ выдаетъ себя за Христа и выбралъ себѣ двѣнадцать помощниковъ, которыхъ называетъ апостолами; одинъ изъ нихъ, Іаао Аббаде, взялъ на себя командованіе войскомъ, такъ какъ новый мессія проповѣдуетъ священную войну за религію и монархію. Главнымъ образомъ къ нему стекаются невѣжественные негры, и онъ уже окруженъ тремя или четырьмя тысячами учениковъ, въ томъ числѣ женщинами и дѣтьми. Сначала мѣстныя власти смотрѣли сквозь пальцы на эту новую выходку американской эксцентричности, но дѣло приняло такой серьезный характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Консельгейро рѣшилъ идти на Ріо-Жанейро, что противъ него высланы сильные полицейскіе отряды. Фанатическій пылъ учениковъ «Сладчайшаго Іисуса», какъ они называютъ своего пророка, доходитъ до того, что они идутъ въ открытый бой безоружные, съ крестами и образами въ рукахъ; при этомъ они убѣждены, что, въ случаѣ смерти, воскреснутъ черезъ двѣ недѣли и во всякомъ случаѣ унаслѣдуютъ царствіе небесное. Болѣе полутораста человѣкъ изъ этихъ фанатиковъ уже погибло, но съ ними справиться такъ трудно, что въ помощь полицейской силѣ недавно отправленъ отрядъ солдатъ съ крупповскимъ орудіемъ. Въ настоящее время они блокированы въ ущельяхъ Кондосскихъ горъ, и, въ виду грозящей ему опасности, новый мессія прибѣгаетъ къ самымъ строгимъ мѣрамъ для удержанія въ своихъ рядахъ колеблющихся учени-

ковъ; такъ, надняхъ онъ предалъ смерти одного изъ нихъ со всей семьей, за попытку бѣжать изъ лагеря.

Въ то время, какъ въ Новомъ Свѣтѣ появляются одинъ за другимъ мистическіе лже-пророки и ловкіе шарлатаны, эксплуатирующіе человѣческое невѣжество, въ Старомъ Свѣтѣ обращаетъ на себя вниманіе фіаско господствовавшихъ за послѣдніе годы среди французской молодежи мистико-идеалистическихъ стремленій въ область невѣдомаго, которыя извѣстны подъ названіемъ неокатолицизма. Это уже давно назрѣвавшее и теперь всѣми признаваемое, общественное явленіе породило цѣлую литературу и комментируется на всѣ лады французской печатью; но наиболѣе замѣчательна исповѣдь основателя неокатолическаго движенія, Генри Беранже, который искренно сознается что это движеніе умерло и указываетъ на причины его преждевременной кончины. Какъ извѣстно, въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ популярныхъ профессоровъ и писателей, Беранже, Лависа, Дежардена и Мельхіора-де-Вогюэ, французская университетская молодежь отвернулась отъ царившаго до тѣхъ поръ среди нея позитивизма во всѣхъ его видахъ—научномъ, литературномъ, политическомъ и художественномъ, а стала увлекаться спиритуалистическими, религіозными стремленіями. Отъ этого недалеко было до католицизма, и новое движеніе правильно назвали неокатолицизмомъ, хотя его адепты предпочитали названіе неохристіанизмъ. Пропаганду вели не только общества, какъ Союзъ для нравственной дѣятельности, журналы, какъ «L'Art et la vie» (Искусство и жизнь) и безконечныя книги, брошюры и статьи въ періодической печати, но и романы Поля Бурже и Эдуарда Рида, а также поэтическія произведенія Вэрлэна; въ корнѣ этой пропаганды лежала мысль примирить нашъ вѣкъ съ католической церковью на почвѣ соціальныхъ вопросовъ, благодаря проповѣдуемымъ самимъ папой Львомъ XIII и американскими католическими епископами, Гибонсомъ и Айерландомъ, принциповъ христіанскаго соціализма. Молодые представители католической церкви во Франціи—аббаты Шарбонель, Клейнъ, Ламиръ и пр., наравнѣ съ юными католическими учеными, Фагривомъ и Гойо, протягивали руки молодежи, стараясь придать католицизму болѣе широкій, соціальный характеръ и не требуя отъ молодежи принесенія въ жертву ихъ прогрессивныхъ идей. Дѣло дошло до того что въ 1894 году, въ одной изъ своихъ статей въ «Revue Bleue», творецъ этого движенія, Генри Беранже краснорѣчиво восклицалъ: «Пусть католическая церковь исполнитъ требованія вѣка и совершенно искренно примирится съ нимъ, тогда и нашъ вѣкъ не будетъ болѣе отвергать церкви». Но прошло два года и все измѣнилось; тотъ же Беренже прямо заявляетъ, что попытка неокатолицизма не удалась и произошелъ окончательный разрывъ между интеллектуальной французской молодежью и католической церковью. Что же привело къ такому печальному для неокатоликовъ, но вполнѣ есте-

ственному результату? По словамъ самого Беранже, въ ихъ неудачѣ виновны: во-первыхъ, скандальное эксплуатированіе религіозно-идеалистическихъ стремленій молодежи старыми политиканами, въ родѣ Казимира Перье и Спюллера, которые, подъ видомъ примиренія съ церковью и введенія «новаго духа», заключили противоестественную сдѣлку съ реакціонерами противъ соціалистовъ, что скомпрометировало движеніе и отпугнуло отъ него многихъ сочувствовавшихъ ему молодыхъ людей; во-вторыхъ, апологія религіознаго авторитета Брюнетьеромъ и Присесэ въ «Revue de Deux Mondes» и въ «Temps», благодаря чему идеи неокатолицизма были доведены до абсурда и ряды ихъ адептовъ еще болѣе порѣдѣли; наконецъ, въ-третьихъ, реакціонная политика высшаго французско-католическаго духовенства, наложившаго узду на молодыхъ либеральныхъ аббатовъ и доказавшаго, по справедливому замѣчанію Беранже, «что католицизмъ ничто иное, какъ арсеналъ суевѣрія на службѣ ретроградныхъ политиковъ, и не имѣетъ въ себѣ ничего ни идеальнаго, ни истинно-религіознаго, а слѣдовательно, не можетъ имѣть ничего общаго съ религіознымъ идеализмомъ молодежи, окончательно отвернувшейся отъ неокатолицизма». Хотя признавъ такъ открыто и откровенно фіаско попытки примиренія молодежи съ католицизмомъ, Беранже и увѣряетъ, что интеллектуальная французская молодежь все-таки остается преданной новой религіи души, одинаково далекой отъ позитивизма и католицизма, но дѣлаемое имъ опредѣленіе этой новой религіи души очень смутно, мистично и неопредѣленно, а притомъ онъ и самъ признаетъ, что ряды его сторонниковъ очень порѣдѣли и что снова французская университетская молодежь раздѣлилась, какъ до возбужденнаго имъ движенія, на большинство, либеральное, свободномыслящее, и меньшинство клерикальное. Такимъ образомъ, въ сущности неудача мистико-идеалистическихъ стремленій среди французской молодежи представляется вполнѣ нормальнымъ, естественнымъ и благотворнымъ явленіемъ, только доказывающимъ еще разъ справедливость мудраго изреченія, что нельзя вливать молодое вино въ старые мѣхи. «Все хорошо, что кончается хорошо», еще говорилъ вѣчно юный Шекспиръ, а потому нечего очень пенять на лжеучителей, напрасно увлекшихъ на время французскую молодежь съ прямого историческаго пути, но за то подтвердившихъ своимъ фіаско, что мѣсто молодежи въ авангардѣ прогресса, а не въ аріергардѣ реакціи.

Женское движеніе одержало въ Англіи блестящую побѣду: палата общинъ приняла во второмъ чтеніи билль о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ на парламентскихъ выборахъ. Самъ по себѣ, конечно, этотъ фактъ составляетъ значительный шагъ къ торжеству справедливой равноправности въ политической жизни, но особенно ликовать по этому случаю женщинамъ и друзьямъ прогресса едва-ли можно. Эта мѣра, по существу своему, радикальная, проводится консерваторами

и ихъ союзниками уніонистами, вопреки оппозиціи передовыхъ либераловъ и радикаловъ, не изъ любви къ справедливости и прогрессу, а изъ эгоистическихъ, партійныхъ интересовъ: при такомъ положеніи дѣла побѣда женщинъ принимаетъ уже характеръ не великой реформы, а какой-то подозрительной политической сдѣлки, которой, конечно, женщинамъ слѣдуетъ воспользоваться, но которой гордиться нѣтъ никакой возможности. Настоящая подкладка этого дѣла заключается въ томъ, что въ послѣдніе годы консерваторы и уніонисты нашли сильную поддержку во время избирательной агитаціи въ женщинахъ, благодаря образовавшимся среди нихъ ассоціаціямъ, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитая Лига Бѣлой Буковицы (Primrose league), названная такъ по любимому цвѣтку лорда Биконсфильда, и видя, что большинство англійскихъ женщинъ высшихъ и среднихъ классовъ выражаютъ склонность къ консервативнымъ принципамъ, они рѣшили, наконецъ, расширить область ихъ вліянія, доставивъ имъ возможность дѣйствовать открыто и прямо, а не за кулисами и косвенно, какъ до сихъ поръ. Вотъ происхожденіе настоящаго билля; тутъ женскія права не при чемъ, и поэтому защитниками билля являются враги прогресса, а врагами его—защитники прогресса. Первые хлопочутъ объ усиленіи своей партіи новымъ, могущественнымъ элементомъ, ни мало не обращая вниманія на то, женскій-ли онъ, или мужской, а послѣдніе, боясь усиленія противниковъ и вредной, реакціонной ихъ власти, всѣми силами сопротивляются тому, что нѣкогда поддерживали, какъ либеральное, благотворное мѣропріятіе. Впрочемъ, къ чести радикаловъ, подъ именемъ которыхъ теперь извѣстны прежніе либералы-гладстонцы, слѣдуетъ сказать, что этой узкой, партійной политикѣ придерживаются только ихъ вожди и меньшинство, а большинство, вѣрное своимъ традиціямъ и принципамъ, подало голоса за теоретически-либеральную мѣру, кто бы ее ни проводилъ и къ какимъ бы практическимъ результатамъ въ партійномъ отношеніи она ни привела. Съ другой стороны, многіе торіи и уніонисты, даже члены министерства, вотировали противъ билля, вѣроятно, подъ вліяніемъ принципіальной вражды къ уравненію женскихъ правъ. Такимъ образомъ вся эта путаница обусловила очень любопытную страницу въ современной парламентской исторіи, и засѣданіе палаты общинъ 9-го февраля представляетъ характерную картинку общественныхъ нравовъ конца нашего вѣка.

Хотя и поддержанный большинствомъ кабинета лорда Сольсбери и правительственнымъ вожакомъ палаты, Бальфуромъ, билль о предоставленіи женщинамъ, имѣющимъ во владѣніи, или въ пользованіи недвижимость, избирательныхъ правъ наравнѣ съ мужчинами на парламентскихъ выборахъ внесенъ въ палату частнымъ депутатомъ, шотландскимъ уніонистомъ, Ф. Беггомъ. Въ первомъ чтеніи, какъ всегда въ англійскомъ парламентѣ, онъ былъ принятъ безъ преній, которыя состоялись только при второмъ чтеніи. Первую рѣчь въ этомъ

случаѣ, конечно, произнесъ Беггъ, и онъ говорилъ очень толково, даже съ нѣкоторымъ юморомъ. По его словамъ, не было никакого основанія исключать изъ числа парламентскихъ избирателей женщинъ наравнѣ съ преступниками, сумасшедшими и нищими, получающими общественную милостыню, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, на прошедшихъ общихъ выборахъ было допущено до баллотировки 73.000 неграмотныхъ, а съ другой—женщины принимаютъ уже участіе и съ большимъ успѣхомъ въ избраніи членовъ муниципальныхъ совѣтовъ, общинныхъ собраній, комитетовъ для бѣдныхъ и школьныхъ совѣтовъ. «Я знаю,—прибавилъ онъ,—что мнѣ скажутъ: женщины не понимаютъ политики, но смѣю спросить: всѣ-ли мужчины ее понимаютъ?» Общій взрывъ хохота на всѣхъ скамьяхъ палаты привѣтствовалъ эту шутку, и, ободренный такимъ поощреніемъ, ораторъ, который, въ сущности, произносилъ свою дѣвственную рѣчь въ парламентѣ, дозволилъ себѣ еще нѣсколько остроумныхъ выходокъ, встрѣченныхъ также сочувственно. Говоря о своихъ противникахъ, которые должны были предложить палатѣ отвергнуть билль, онъ замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ его другъ и также уніонистъ, Кукъ, былъ извѣстенъ какъ спеціалистъ по сидру, но не по женскому вопросу, а второй, Лабушеръ, хотя былъ гораздо старше и опытнѣе его во всемъ, въ томъ числѣ относительно женщинъ, славился своей вѣчной борьбой съ несправедливостями, а потому ему стыдно было защищать одну изъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей. Тотъ же юмористическій тонъ придалъ своимъ нападкамъ на противниковъ билля и поддерживатель его, какъ называютъ въ англійскомъ парламентѣ обязательнаго второго иниціатора каждаго билля, Джонса. По его словамъ, не смотря на ихъ враждебность къ женскимъ правамъ, Кукъ посылалъ одну благородную даму изъ лиги Бѣлой Буковицы въ трущобы Герефорда, собирать ему голоса, а Лабушеръ не брезгалъ опираться на помощь вліятельной либералки. На это Брукъ отвѣчалъ, что въ Герефордѣ вовсе не было трущобъ, а потому нельзя было туда никого послать, и пожалѣлъ, что его благородный другъ перемѣнилъ свои убѣжденія, такъ какъ, вступая въ парламентъ, онъ былъ врагомъ женщинъ. «Нѣтъ—воскликнулъ Джонсъ,—вы ошибаетесь, я былъ врагомъ женщинъ, но только въ моемъ дѣтствѣ».—«Такъ жаль, что вы еще не впали во второе дѣтство», отвѣчалъ Брукъ. Этотъ шуточный характеръ преній тотчасъ измѣнился, какъ заговорили такіе авторитеты, какъ сэръ Вильямъ Гаркортъ, глава радикаловъ, и Лабушеръ, красный изъ красныхъ; первый горячо возставалъ противъ предоставленія женщинамъ политическихъ правъ на томъ основаніи, что въ Великобританіи женщинъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, на 1.200.000, а потому вся политическая власть перешла бы изъ мужскихъ рукъ въ руки прекраснаго пола; а послѣдній краснорѣчиво доказывалъ, что нельзя парламентскимъ актомъ уничтожить факта, созданнаго природой, по волѣ которой женщины ни

въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніяхъ не годятся для занятій государственными дѣлами. За этимъ слѣдовала баллотировка, и билль былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 71 голоса, при чемъ за него вотировали 121 консерваторъ съ министрами Бальфуромъ и Ритчи во главѣ, 22 уніониста, 18 ирландцевъ и 70 радикаловъ, а противъ 91 консерваторъ, въ томъ числѣ министры: сэръ Майкль Гиксъ-Бичъ, Гошенъ и лордъ Гамильтонъ, 20 уніонистовъ съ Чамберленомъ во главѣ, 11 ирландцевъ и 37 радикаловъ, среди которыхъ вожаки: сэръ Вильямъ Гаркортъ, Асквитъ, Брайсъ, Мунделла и Лабушеръ. Конечно, судьба билля еще не рѣшена и его могутъ всегда провалить въ комитетскомъ разсмотрѣніи, или въ палатѣ лордовъ, но если консерваторы и уніонисты серьезно поддерживаютъ его, то они имѣютъ полную возможность его провести, располагая въ обѣихъ палатахъ, громаднымъ большинствомъ и еще разсчитывая на помощь искреннихъ радикаловъ. Такимъ образомъ, хотя еще женщинамъ рано торжествовать побѣду, но она вѣроятна, тѣмъ болѣе, что, по газетнымъ извѣстіямъ, Лига Бѣлой Буковицы, имѣющая болѣе милліона членовъ, обязала большинство консервативныхъ кандидатовъ, прошедшихъ на послѣднихъ выборахъ, благодаря ея стараніямъ вотировать билль. Если дѣйствительно такой коренной, радикальный переворотъ въ англійскомъ политическомъ строѣ произойдетъ по милости консерваторовъ, хотя бы ими руководствовали эгоистичные, партійные разсчеты, то это составитъ замѣчательное знаменіе времени и будетъ надъ чѣмъ задуматься всякому мыслящему человѣку, особенно въ виду того факта, что въ продолженіи тридцати лѣтъ, съ легкой руки знаменитаго Джона Стюарта Милля, пятнадцать подобныхъ биллей вносились въ палату безуспѣшно, хотя однажды, въ 1886 г., радикаламъ, тогда защищавшимъ женскія права, удалось довести свой билль до второго чтенія, какъ теперь консерваторамъ.

Въ то самое время, какъ западная печать обсуждаетъ со всѣхъ сторонъ этотъ, во всякомъ случаѣ замѣчательный шагъ впередъ по пути достиженія женщинами равноправности и, какъ всегда, приводитъ аргументы за и противъ умственной способности прекраснаго пола, въ Америкѣ производится практическій опытъ, который, въ случаѣ успѣха, въ чемъ почти нельзя сомнѣваться, докажетъ воочію, что женскія интеллектуальныя способности вполнѣ равны мужскимъ, а быть можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и превосходятъ ихъ. Въ настоящее время въ одной женской школѣ города Кэмбриджа, въ штатѣ Масачусетъ, приготовляется къ пріемному экзамену въ Гарвардскій университетъ молодая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, слѣпая и глухая; по отзыву директора школы, Артура Джильмона, напечатавшаго въ февральской книжкѣ «Century Magazine» любопытную статью о своей ученицѣ, она такъ успѣшно занимается вмѣстѣ съ своими подругами, одаренными зрѣніемъ и слухомъ, англійскимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ языками,

исторіей и математикой, что будетъ вполнѣ готова въ іюнѣ мѣсяцѣ къ университетскому экзамену, т.-е. ровно черезъ годъ послѣ ея поступленія въ школу. Миссъ Келлеръ, такъ зовутъ эту будущую удивительную студентку, ослѣпла и оглохла послѣ тяжелой болѣзни на второмъ году своей жизни, и до семи лѣтъ ея необыкновенно свѣтлый умъ былъ окруженъ мракомъ и безмолвіемъ, но съ тѣхъ поръ она попала на попеченія замѣчательно способной, старательной и добросовѣстной наставницы, миссъ Анни Суливанъ, которая находится при ней до сихъ поръ. Интеллектуальное развитіе слѣпой и глухой дѣвочки могло только производиться осязаніемъ, ощупью, и сначала ее стали обучать, какъ обыкновенныхъ слѣпыхъ, выпуклой азбукѣ, а когда она стала бѣгло читать и понимать, то ее помѣстили въ Райтъ-умисанскую школу въ Нью-Іоркѣ, гдѣ учатъ глухихъ говорить по движенію губъ говорящаго съ ними. Этотъ новый и наилучшій методъ обученія глухихъ быстро замѣняетъ въ Соединенныхъ Штатахъ старую систему знаковъ, и въ настоящее время изъ 9.000 глухихъ учениковъ въ 89 школахъ 28%, т.-е. 2.500 обучаются говорить этимъ способомъ, а многіе уже изъ окончившихъ курсъ обученія успѣшно занимаются инженернымъ дѣломъ, архитектурой, черченіемъ, торговлей и журналистикой. Но для бѣдной миссъ Келлеръ дѣло обученія представлялось еще труднѣе; глухіе видятъ и отгадываютъ слова по движеніямъ губъ, а ей приходилось усвоивать эти движенія не глазами, а ощупью, пальцами. Но она оказалась настолько умной, понятливой и энергичной въ трудѣ, что въ нѣсколько лѣтъ она научилась понимать рѣчи другихъ и сама говорить совершенно ясно, а также прошла цѣлый курсъ ариѳметики, исторіи, географіи и языковъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго. Достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста и удивляя всѣхъ своимъ необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ, она задумала сдѣлаться студенткой и теперь осуществляетъ свое намѣреніе съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ, что всѣ слѣдящіе за ея учебными занятіями приходятъ въ изумленье. Если дѣйствительно миссъ Келлеръ поступитъ въ университетъ и, пройдя весь курсъ избраннаго ею факультета, выдержитъ экзаменъ на ученую степень, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ, на что способна женщина, и поневолѣ тогда замолчатъ рутинеры, увѣряющіе, что женскій мозгъ меньше мужского по количеству и хуже по качеству.

Европейскіе журналы и газеты много говорятъ о недавно умершемъ германскомъ ученомъ Дю-Буа-Реймонѣ. Этотъ знаменитый физіологъ хотя имѣлъ французскую фамилію и происходилъ изъ Невшателя, но былъ истымъ нѣмцемъ и отличался ярой галлофобіей, что и доказалъ во время франко-прусской войны своей пресловутой книгой «Германская война». Окончивъ воспитаніе въ Невшательской коллегіи, онъ сначала хотѣлъ посвятить себя богословію, но потомъ предался естественнымъ наукамъ и изучалъ геологію въ Бонскомъ уни-

верситетѣ, а физіологію и анатомію въ Берлинскомъ, гдѣ впослѣдствіи занялъ каѳедру своего учителя, Мюллера. Онъ былъ непремѣннымъ секретаремъ Берлинской академіи наукъ, читалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ лекціи на англійскомъ языкѣ въ Лондонскомъ королевскомъ институтѣ, издавалъ «Архивъ Физіологіи», создалъ цѣлую школу замѣчательныхъ физіологовъ и, кромѣ длиннаго ряда ученыхъ трудовъ, написалъ нѣсколько популярныхъ книгъ: «Вольтеръ какъ ученый», «Объ организаціи университетовъ», «Идеи Лейбница и современная наука», «Исторія цивилизаціи и естественныя науки» и т. д. Какъ ученый, Дю-Буа-Реймонъ пользовался общимъ уваженіемъ, а какъ человѣкъ возбуждалъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ знавшихъ его. Насколько онъ былъ простъ, искренъ и честенъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, доказываетъ его политическая карьера, о которой врядъ-ли кто-нибудь и знаетъ. Дѣло происходило вскорѣ послѣ провозглашенія германской имперіи, и либеральный комитетъ включилъ знаменитаго ученаго въ списокъ кандидатовъ въ члены ландтага, не спросивъ его согласія. Для принятія предложенныхъ кандидатовъ было созвано собраніе избирателей, а чтобъ не терять даромъ времени, было рѣшено, чтобъ о каждомъ кандидатѣ говорили только два оратора, одинъ за него и одинъ противъ. Когда открылось засѣданіе и очередь дошла до Дю-Буа-Реймона, то одинъ берлинскій купецъ А. произнесъ въ пользу его кандидатуры очень выспреннюю рѣчь, которая была покрыта такими восторженными рукоплесканіями, что избраніе всѣми уважаемаго ученаго казалось дѣломъ рѣшеннымъ, и предсѣдатель собранія только для проформы произнесъ: «Не желаетъ-ли кто-нибудь высказаться противъ предложенной кандидатуры»?—«Я хочу», произноситъ къ общему удивленію какой-то господинъ въ заднемъ углу залы.—«Какъ васъ зовутъ?»—спрашиваетъ предсѣдатель.—«Дю-Буа-Реймонъ»,—отвѣчаетъ незнакомецъ и при общемъ смѣхѣ всходитъ на трибуну. Когда водворилось молчаніе, онъ хладнокровно произнесъ: «Я, избиратель Дю-Буа-Реймонъ, ни мало не оспариваю ни благородныхъ качествъ, ни ученыхъ заслугъ кандидата, Дю-Буа-Реймона, но онъ будетъ очень дурнымъ депутатомъ. Онъ слишкомъ занятъ, чтобъ добросовѣстно исполнять еще политическія обязанности депутата. Въ настоящее время строится въ Берлинѣ лабораторія опытной физіологіи, и онъ посвящаетъ ея устройству все остающееся у него отъ ученыхъ трудовъ свободное время. Онъ никогда не будетъ ходить на засѣданія ландтага». Эти слова такъ подѣйствовали на слушателей, что было рѣшено единогласно исключить имя Дю-Буа-Реймона изъ кандидатскаго списка. Такимъ образомъ окончилась, прежде чѣмъ даже началась, политическая карьера знаменитаго физіолога.

В. Т.

О ПЕРЕПИСИ.

(замѣтка).

29 января въ Петербургѣ закончилась перепись населенія, которая началась въ городѣ съ 23-го января и занимала собою вниманіе, какъ самого населенія, такъ, въ особенности, обширнаго круга лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій, состояній и возраста, принимавшихъ въ переписи непосредственное участіе, въ качествѣ завѣдующихъ переписными участками или просто счетчиковъ. Удачно-ли произведена перепись—судить еще пока рано. Надо посмотрѣть, въ какомъ видѣ окажется переписной матерьялъ, и соблюдено-ли въ немъ главнѣйшее достоинство всякой статистической операціи—однородность содержанія тѣхъ 14 рубрикъ, по которымъ населеніе переписывалось.

Не касаясь, поэтому, вопроса о достоинствѣ самыхъ результатовъ переписи, я хотѣлъ бы, однако, подѣлиться съ читателями тѣми впечатлѣніями, которыя вынесены были мною изъ самаго процесса производства переписи. Скажу прежде всего два слова объ общей физіономіи того населенія, съ которымъ пришлось встрѣтиться.

Населеніе это—за немногими исключеніями—сѣрое, рабочее, малограмотное или вовсе безграмотное. Въ моемъ участкѣ, поэтому, не могло быть и рѣчи (за немногими исключеніями) о *самопереписи* населенія, и весь трудъ по заполненію бланокъ лежалъ почти исключительно на самихъ счетчикахъ. Если прибавить къ этому, что, не смотря на страшную скученность населенія въ отдѣльныхъ жилищахъ, самыя жилища разбросаны на огромномъ для городской переписи пространствѣ (около 25 квадр. верстъ): между Невой и Николаевской желѣзной дорогой, съ одной стороны, и Невскимъ проспектомъ (отъ Знаменской площади) и городской чертой—съ другой стороны; если принять въ разсчетъ, что все время съ 23 по 29 января стояли сильные морозы; что между жилыми домами оказалось множество пустопорожнихъ земель, затруднявшихъ переходъ изъ дома въ домъ, и что дворовыя мѣста во многихъ случаяхъ неправильно распланированы и нерѣдко перепутаны; что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дворниковъ нѣтъ и въ заводѣ, а домохозяева—люди мало-грамотные или безграмотные и т. д., то легко понять, какой огромный трудъ взяли на себя люди, именовавшіеся скромнымъ названіемъ счетчиковъ. Замѣчу при этомъ, что, за исключеніемъ одного, всѣ счетчики моего участка—были безплатные; нѣкоторые изъ нихъ

(въ числѣ ихъ были одинъ офицеръ и одинъ студентъ) изъявили желаніе работать даже безъ надежды на полученіе медали—изъ одного только интереса къ дѣлу, подогрѣтаго тѣмъ общимъ возбужденіемъ, которое предшествовало производству переписи. Къ удовольствію моему, могу отмѣтить, что, не смотря на понесенные труды, никто изъ счетчиковъ, повидимому, не раскаявался, что взялъ на себя не легкую и не всегда пріятную задачу шагать по снѣгу изъ дома въ домъ и опрашивать каждаго поголовно иногда о довольно щекотливыхъ сторонахъ жизни опрашиваемаго.

Этотъ трудъ, однако, былъ значительно облегченъ, съ одной стороны, полиціей, дѣйствительно оказавшей полное содѣйствіе во всемъ, что касалось переписи, а съ другой—и притомъ болѣе всего—самимъ населеніемъ. Не будь этого послѣдняго обстоятельства—едва-ли перепись сошла бы благополучно. Какъ хотите, а, не смотря на всю простоту 14 вопросовъ переписи,—они все-таки во многихъ случаяхъ очень и очень щекотливы. Чего, казалось бы, проще вопросъ объ отношеніяхъ къ главѣ хозяйства (или квартиры) лицъ, вмѣстѣ съ нимъ проживающихъ? Отвѣты простые: жена, сынъ, братъ, сестра, мать и т. п.—простые и не подлежащіе сокрытію. Да, тамъ, гдѣ все хозяйство, вся семья построена «по закону»; но въ томъ-то и дѣло, что оказалось очень много незаконныхъ сожитій, незаконныхъ дѣтей, двусмысленныхъ степеней родства и т. п. Вотъ и совѣстно людямъ обнаруживать это передъ совершенно постороннимъ человѣкомъ — счетчикомъ, да иногда еще въ присутствіи цѣлой толпы сожителей, которые хотя и знаютъ все это, но никогда объ этомъ не говорятъ и какъ бы закрываютъ глаза. Возьмите другой вопросъ—о сословіи: иной господинъ совсѣмъ джентльменъ, а между тѣмъ ему приходится сознаться, что онъ не болѣе, какъ мѣщанинъ или крестьянинъ, или — что, пожалуй, еще хуже—именоваться только чьимъ-нибудь «сыномъ», а то еще и такъ: «сынъ сына чиновника». Другому опять приходится сознаваться, что онъ «дѣвій сынъ» и что онъ поэтому просто «Иванъ Антоновъ», т.-е. безъ отчества. Затѣмъ «дѣвицѣ» оказывается необходимымъ приписать къ себѣ кучу дѣтей, отецъ которыхъ стоитъ тутъ же рядомъ и вродѣ «какъ бы ни причемъ».

Вопросъ о грамотности вызывалъ другой—объ окончаніи курса въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, и для множества людей, имѣющихъ всѣ признаки образованности, не очень-то пріятно сознаться, что они не пошли дальше 3-го класса гимназіи. Не буду говорить о вѣроисповѣданіи—несомнѣнно, что многіе изъ «непріемлющихъ» православія очень неохотно называли себя православными. Наконецъ, безобидный вопросъ о занятіяхъ, какъ источникѣ средствъ къ жизни, приводилъ въ смущеніе людей «безъ мѣста» или безъ опредѣленныхъ занятій. Все это я говорю къ тому, что какъ ни безобидны тѣ 14 вопросовъ, по которымъ переписывалось населеніе, однако, во многихъ

случаяхъ они неизбѣжно пріобрѣтаютъ характеръ залѣзанія въ частную жизнь и вовсе не могутъ возбуждать въ опрашиваемыхъ лицахъ пріятныхъ чувствъ, независимо отъ того безпокойства, которое причиняется появленіемъ совершенно посторонняго человѣка съ портфелемъ подмышкой. И, не смотря на это, населеніе въ описываемомъ участкѣ относилось къ переписи съ замѣчательнымъ благодушіемъ, чуть не съ радушіемъ; по крайней мѣрѣ, всѣ счетчики, работавшіе въ теченіе 3—4 дней въ самыхъ рабочихъ кварталахъ, нигдѣ не встрѣчали не только враждебнаго, но даже сколько-нибудь непріязненнаго отношенія къ себѣ. Потому-ли, что населеніе относилось сознательно къ переписи, или потому, что счетчики съ полной вѣжливостью обращались со всѣми, безъ различія званій и состояній, но только перепись въ моемъ участкѣ прошла такъ гладко, какъ я и не ожидалъ, принимая въ разсчетъ сѣрую физіономію населенія. Ради справедливости и ради еще большаго оттѣненія всего сказаннаго, я долженъ прибавить, что среди населенія все-таки были такъ называемыя «превратныя толкованія» о переписи. Въ ночлежныхъ домахъ и на постоялыхъ дворахъ думали, что «дѣлаютъ облаву»; въ нѣкоторыхъ рабочихъ кварталахъ говорили, что перепись дѣлаютъ для новаго городского налога, мѣстами раскидывали вообще умомъ—«къ худу или къ добру идетъ эта самая перепись». Были случаи и явно преднамѣреннаго распространенія разныхъ слуховъ съ цѣлью чѣмъ-нибудь поживиться на счетъ темнаго населенія; такъ, въ одномъ мѣстѣ былъ распущенъ слухъ, что въ ночь на 28 января счетчики явятся съ казаками и что населеніе должно спать въ одеждѣ, что и было исполнено наиболѣе простоватыми жителями. Подобные слухи распускались, повидимому, лицами, надѣявшимися сорвать кое-что съ населенія за наполненіе переписныхъ листовъ о неграмотныхъ людяхъ. Вѣроятно, и было кое-что сорвано—по крайней мѣрѣ, до первоначальнаго обхода населенія счетчиками, когда оно не знало, что счетчики наполняютъ листы не только за неграмотныхъ, но и за грамотныхъ, буде послѣдніе того пожелаютъ.

Большая часть населенія моего участка—бѣдняки, но не нищіе, потому что почти всѣ рабочіе. Гдѣ пришлось встрѣтиться съ злой и отчаянной нищетой—это въ ночлежныхъ домахъ. Но и тутъ надо различать мужчинъ отъ женщинъ. Огромный процентъ мужчинъ-ночлежниковъ въ моемъ участкѣ — болѣе или менѣе случайные посѣтители этихъ заведеній. Въ сравнительно немногихъ случаяхъ пришлось встрѣтиться съ людьми, совершенно упавшими духомъ и отчаявшимися выйти изъ положенія ночлежника. Бодрый и нисколько не езопскій тонъ, съ которымъ давались показанія мужчинами-ночлежниками, свидѣтельствовалъ, что они сами смотрятъ на свое положеніе, какъ на временное, и что они не сегодня—завтра изъ него выйдутъ или, по крайней мѣрѣ, разсчитываютъ изъ него выйти. Другое дѣло женщины-ночлежницы. Признаюсь, мнѣ ни разу въ жизни не пришлось видѣть такой галле-

реи своеобразныхъ и угрюмыхъ женскихъ типовъ; чувствовалось, что у большинства этихъ женщинъ покончены разсчеты съ «хорошей жизнью» и что въ ихъ сердцахъ навсегда водворилось холодное отчаяніе, не смотря даже на молодость, а иногда и прямо юность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Развязность и бойкость отвѣтовъ только еще больше оттѣняли тотъ внутренній стыдъ, съ которымъ каждая ночлежница относилась къ своему положенію. Ихъ даже удивляла вѣжливость обращенія съ ними и отсутствіе всякаго рода непристойныхъ шутокъ; очевидно, имъ казалось, что онѣ не стоютъ такого обращенія, и самыя бойкія изъ нихъ, вѣроятно, приготовившіяся парировать всякія «шутки», были опѣшены, когда, послѣ 3—4 минутъ совершенно дѣлового разговора, имъ говорили: «можете идти на свое мѣсто». Одна ночлежница, начавшая весьма бойко отвѣчать, ударилась подъ конецъ въ слезы, когда ее спросили о мѣстѣ рожденія: очевидно, воспоминаніе о родинѣ подѣйствовало разслабляющимъ образомъ на развинченные нервы; и хотя это были полупьяныя слезы, однако, въ нихъ чувствовалась искренняя скорбь объ отчаянности своего положенія и невозможности изъ него выйти. Вообще, перепись женщинъ-ночлежницъ производила крайне тяжелое впечатлѣніе. Молодыя изъ нихъ, очевидно, промышляютъ развратомъ и притомъ столь дешевымъ, что едва могутъ одѣться. Все старое и безобразное въ обыкновенное время промышляетъ нищенствомъ или живетъ по прислугамъ, но, очевидно, крѣпко зашибаетъ чаркой. Были и курьезы. На вопросъ: «гдѣ вы родились», одна ночлежница твердо и съ полнымъ убѣжденіемъ въ правильности своего отвѣта сказала: «въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, у Черныша моста».

Въ общемъ, перепись ночлежныхъ домовъ и пріютовъ, а также постоялыхъ дворовъ прошла въ моемъ участкѣ очень хорошо; надо полагать, что тутъ пропусковъ не было, а если они и были, то очень мало, и то не по причинѣ укрывательствъ, а потому, что къ переписи въ нѣкоторыхъ домахъ пришлось приступить въ то время, когда уже большинство спало. Въ ночлежномъ домѣ въ память Александра II пропусковъ не могло быть, потому что тамъ образцовый порядокъ; домъ этотъ совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, котораго можно ожидать отъ подобныхъ заведеній. Въ немъ нѣтъ ни скученности, ни особенной грязи; для каждаго ночлежника особое нумерованное мѣсто, такъ что можно было вызывать прямо по нумерамъ. Другое дѣло, одинъ изъ частныхъ ночлежныхъ пріютовъ; тутъ народъ спитъ въ повалку, на нарахъ, на полу, подъ нарами и въ грязи (женщины, однако, отдѣльно). Пришлось прямо будить людей и звать на «переписку», на которую, впрочемъ, всѣ шли безъ ропота и прекословія. Многіе изъ ночлежниковъ заявили, что они въ своемъ мѣстѣ «переписаны» и «какъ бы не вышло прошибки», что ихъ во второй разъ записываютъ здѣсь. Одинъ даже заспорилъ, что его записывать вовсе не слѣдуетъ,

такъ какъ-де онъ живетъ неподалеку, а здѣсь ночуетъ только «по пьяному дѣлу» и завтра же пойдетъ домой. Ночлежники, по моему мнѣнію, отвѣчали, бо̀льшею частью, правдиво; многимъ изъ нихъ, во-первыхъ, нечего было и скрывать, такъ какъ они были дѣйствительно случайными посѣтителями (а на постоялыхъ дворахъ—и вполнѣ естественными) этихъ заведеній; во-вторыхъ, хотя около ночлежныхъ домовъ и постоялыхъ дворовъ была вездѣ полиція, но внутрь помѣщеній она не входила и не смущала своимъ присутствіемъ тѣхъ, кому было что скрывать. Насъ же, «переписчиковъ», они перестали бояться тотчасъ, какъ только было опрошено 3—4 человѣка. Гг. ночлежники—люди практическіе, и изъ общаго характера опросовъ живо заключили, что «облавой» тутъ не пахнетъ.

Но не одинъ сѣрый людъ отнесся къ переписи съ истиннымъ благодушіемъ и безъ всякой подозрительности. Управляющіе нѣкоторыми обширными частными предпріятіями оказали полное содѣйствіе производству переписи въ ихъ учрежденіяхъ. На одномъ заводѣ болѣе 1.000 человѣкъ служащихъ и рабочихъ; заводъ находится за городомъ, такъ что счетчикамъ ѣздить туда было довольно затруднительно. Благодаря готовности администраціи завода всемѣрно облегчить перепись рабочихъ и служащихъ, было избѣгнуто множество затрудненій и излишнихъ хлопотъ.

Словомъ, населеніе всѣхъ слоевъ относилось къ переписи очень хорошо. Не знаю, какъ было въ другихъ участкахъ, но въ моемъ это было такъ, и предсказанія нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, что во время переписи «насъ прибьютъ», не оправдалось ни въ прямомъ, ни въ косвенномъ смыслѣ.

Затрудненій при переписи было, однако, не мало; не говоря уже о чрезмѣрномъ трудѣ счетчиковъ (вслѣдствіе указанныхъ выше особенностей моего участка), имъ пришлось считаться съ тѣмъ довольно обычнымъ въ статистическихъ операціяхъ явленіемъ, которое вызывается несоотвѣтствіемъ какихъ угодно программъ съ дѣйствительной жизнью. Едва-ли можно даже вообще представить себѣ такую статистическую программу, которая вполнѣ предусматривала бы всѣ случаи дѣйствительной жизни, а въ особенности уклоненія ея отъ нормы. Менѣе всего этого, конечно, можно было ожидать при производствѣ *первой* переписи Россійской Имперіи. И дѣйствительно, не смотря на подробныя печатныя инструкціи счетчикамъ, не смотря на многократныя собранія счетчиковъ и обсужденіе при этомъ инструкціи и формъ переписныхъ листовъ, единства въ примѣненіи программы все-таки не оказалось, да едва-ли оно и быть могло.

Не мудреный, кажется, вопросъ о сословіи описываемаго лица; и однако, во многихъ случаяхъ правильность записи зависитъ отъ степени познаній счетчика въ IX-мъ томѣ свода законовъ, чего отъ него, конечно, требовать нельзя и чему его также и научить нельзя въ то

короткое время, которое дается на подготовку къ переписи. Не смотря на немногочисленность у насъ крупныхъ сословныхъ группъ (дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, духовныхъ и крестьянъ), въ Россіи есть масса мелкихъ сословныхъ единицъ, о существованіи которыхъ иногда и не подозрѣваешь. Возьмемъ хотя бы такой общеизвѣстный терминъ, какъ «отставной солдатъ»; для всѣхъ это понятіе совершенно ясно, до тѣхъ поръ, однако, пока въ него не вникнешь. Въ сущности, отставныхъ солдатъ три категоріи, и всѣ онѣ другъ отъ друга рѣзко отличаются. Есть отставные солдаты «миколаевскіе», поступившіе на службу до X-й ревизіи, въ ревизскія сказки не записанные, нигдѣ не приписанные и могущіе приписаться къ любой волости. Есть другіе отставные солдаты—«александровскіе», поступившіе на службу послѣ X-й ревизіи и до 1874 г.; эти въ ревизскія сказки включены, земельный надѣлъ на нихъ полученъ, но они освобождены отъ всѣхъ сборовъ, раскладываемыхъ подушно (большая привиллегія для тѣхъ губерній, гдѣ подушная подать не отмѣнена). Наконецъ, третій разрядъ «отставныхъ солдатъ» тѣ, которые, отслуживъ службу по уставу 1874 г., получили «чистую» и имѣютъ всѣ права и обязанности обыкновенныхъ обывателей. Вотъ и извольте разобраться, какой онъ «отставной» солдатъ, особенно, если рѣчь идетъ о солдатской вдовѣ. По документамъ-то на жительство разобрать это можно, но, во-первыхъ, перепись производилась безъ обращенія къ документамъ, во-вторыхъ, не только документовъ, но и описываемаго лица не было иногда въ наличности, а въ-третьихъ, если оно было иногда въ наличности, то не всегда имѣло при себѣ видъ на жительство.

Другой примѣръ. О лицахъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, *обязательно* требовалось отмѣтить, къ какому разряду они принадлежатъ: бывшимъ государственнымъ, владѣльческимъ, удѣльнымъ и т. п. Старики и пожилые крестьяне безъ затрудненія указываютъ разрядъ, къ которому они принадлежатъ; но молодые, а затѣмъ бабы всѣхъ возрастовъ не только не знаютъ этого, но даже въ толкъ не могутъ взять, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Да это и естественно: понятія, имѣвшія значеніе 30 лѣтъ назадъ, послѣ всѣхъ реформъ двухъ царствованій, потеряли всякій практическій смыслъ, совершенно вышли изъ житейскаго обихода и становятся уже достояніемъ историка.

Помимо указанныхъ затрудненій возникало не мало недоразумѣній, особенно относительно женщинъ, живущихъ самостоятельно, въ разныхъ мелкихъ сословныхъ группахъ, число коихъ просто неопредѣленно: тутъ и дочь канцелярскаго служителя, и вдова придворнаго капельдинера, и мѣщанка, вышедшая замужъ за крестьянина, и путающаяся въ вопросѣ: «о мѣстѣ своей приписки»; тутъ и отставной придворный конюхъ, и питомецъ воспитательнаго дома, и сынъ сына коллежскаго регистратора и т. д., и т. д. До какой степени затруднительно опредѣлять сословіе въ такихъ группахъ, можно судить уже

по тому, что именно по поводу этого вопроса ко мнѣ обращались за разъясненіями изъ одного учрежденія, отличающагося весьма солиднымъ интеллигентнымъ и притомъ чиновнымъ персоналомъ, которому, казалось бы, и книги въ руки въ такихъ вопросахъ.

Не мало недоразумѣній возникало и по вопросу, «какъ приходится описываемое лицо» къ главѣ хозяйства (или квартиры). Вотъ простое сожительство мужчины съ женщиной (такихъ случаевъ въ моемъ участкѣ была масса), результатъ котораго—6 человѣкъ дѣтей. По закону—это дѣти женщины, если она числится дѣвицей, и дѣти ея мужа, если она замужняя; въ дѣйствительности—это дѣти ея сожителя; какъ ихъ записать—по закону или по дѣйствительности? Если по закону, то это значитъ рѣзать по живому мѣсту, вопреки желанію самихъ родителей; если по дѣйствительности, то какъ же поименовать всѣхъ этихъ дѣтей? Вѣдь нельзя же ихъ именовать по ихъ дѣйствительному отцу (ибо это уже прямо противозаконно), а если именовать ихъ по закону, то это опять-таки рѣзать по живому мѣсту. Въ этомъ вопросѣ (кстати сказать, совсѣмъ непредусмотрѣнномъ инструкціей) счетчики болѣе всего путались, и наименѣе сообразительные изъ нихъ писали все «по дѣйствительности», т.-е. не только приписали дѣтей къ ихъ дѣйствительному отцу, но и поименовали ихъ незаконнымъ именемъ.

Не менѣе возникало недоразумѣній и по вопросу о занятіяхъ, какъ объ источникѣ средствъ къ жизни. Не говорю уже о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда опрашиваемый давалъ весьма туманные отвѣты по этому вопросу; не говорю и о тѣхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, когда одинъ откровенный человѣкъ имѣлъ мужество заявить, что онъ занимается воровствомъ, и когда счетчикъ началъ его допрашивать (какъ и слѣдуетъ по инструкціи), главное это или побочное его занятіе, отвѣтилъ, что главное, а что поденная работа—это побочное занятіе (да и то лишь, будто бы, для того, чтобы высмотрѣть, гдѣ и какъ украсть); исключаю, наконецъ, случаи, когда женщины, съ явными признаками ихъ профессіи, говорили, что они живутъ въ «прислугахъ» и сами удивлялись, что ихъ показанія записываютъ—все это случаи такъ или иначе исключительные. Но вотъ гдѣ было весьма много недоразумѣній уже иного характера—это по вопросу о крестьянахъ. Какъ я уже сказалъ выше, большая часть населенія моего участка—рабочіе, и притомъ крестьяне, а слѣдовательно, такъ или иначе пришлый народъ, и притомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не порвавшіе окончательно связи съ землей. Спрашивается теперь, въ чемъ его главный заработокъ: въ здѣшней-ли работѣ или все-таки въ земледѣліи, если вся его семья живетъ въ деревнѣ, да и самъ онъ на лѣто уходитъ туда же? Хотя было условлено въ такихъ случаяхъ писать главнымъ занятіемъ земледѣліе, а побочнымъ—отхожій промыселъ, но въ дѣйствительности тутъ оказалось такъ много оттѣнковъ, такъ много различныхъ степеней въ соотношеніи между

земледѣльческимъ и промысловымъ бюджетомъ, что иногда самые подробные разспросы все-таки не давали положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. А если прибавить, что огромное большинство счетчиковъ—городскіе жители, очень не ясно понимающіе, что значитъ для крестьянина земля, и привыкшіе все цѣнить только на деньги, то естественно, что въ этомъ отношеніи было не мало путаницы и разноголосицы.

Я далеко не исчерпалъ тѣхъ вопросовъ, на которые пришлось натолкнуться при переписи, да и не имѣлъ этого въ виду. Мнѣ хотѣлось только—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ хлопотъ и суетни—отмѣтить, что это, повидимому, столь простое дѣло, какъ учетъ населенія, въ дѣйствительности требуетъ отъ счетчиковъ не только большаго механическаго труда по записи и подсчету, но и извѣстнаго умственнаго напряженія при оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго случая. Мало того, никакое трудолюбіе и никакая смѣтливость или знаніе дѣла счетчикомъ не въ состояніи побѣдить указанныхъ трудностей, если само населеніе не относится къ переписи сочувственно, или, по крайней мѣрѣ, безъ вражды. И этому послѣднему обстоятельству я больше всего приписываю успѣхъ переписи; не будь того радушнаго и привѣтливаго отношенія населенія къ счетчикамъ, имъ бы не справиться съ дѣломъ. Простые люди охотно помогали счетчику въ недоразумѣніяхъ, которыя я отмѣтилъ; они не жалѣли своего рабочаго времени, не стѣснялись обращаться къ документамъ, если не помогали слова; кто былъ грамотенъ—охотно брался самъ заполнять листы, и во многихъ случаяхъ дѣлали это очень толково, хотя и безграмотно. А главное, не охлаждали счетчиковъ враждебностью или хотя-бы просто непривѣтливостью отношенія къ ихъ дѣлу, а скорѣе даже побуждали къ нему; если счетчикъ долго не приходилъ, то многіе начинали безпокоиться и въ родѣ какъ бы обижаться, что же это счетчикъ къ сосѣдямъ заходитъ, а ихъ-де обѣгаетъ.

Въ заключеніе скажу, что участокъ мой былъ чрезмѣрно великъ для силъ одного средняго человѣка. Не знаю, какъ другой чувствовалъ бы себя на моемъ мѣстѣ, но я былъ утомленъ и, притомъ, не какой-нибудь работой, а безконечнымъ мыканьемъ по огромному пространству моего участка. И еслибы въ средѣ моихъ счетчиковъ не было трехъ лицъ, статистиковъ по профессіи и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ замѣнявшихъ меня, какъ руководителя переписи, я бы и вовсе не справился съ этимъ дѣломъ. Кромѣ того, вообще планъ моего участка въ высшей степени несовершененъ и можно только удивляться, что городъ до сихъ поръ не имѣетъ точнаго плана на свои владѣнія. На планѣ моего участка не было, по крайней мѣрѣ, шести улицъ, которыя мнѣ пришлось нанести отъ руки. На отдаленныхъ улицахъ дѣйствительная нумерація домовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не соотвѣтствовала показанной въ полицейскихъ свѣ-

дѣніяхъ. Все это, конечно, усложняло работу и создавало массу излишнихъ хлопотъ.

Въ концѣ концовъ нельзя не пожелать, чтобы главная переписная коммиссія собрала заключенія всѣхъ завѣдующихъ участками о статистическомъ достоинствѣ произведенной ими переписи, о всѣхъ препятствіяхъ, которыя были встрѣчены при ея исполненіи, и, наконецъ, о способахъ, какими эти препятствія были устранены каждымъ завѣдующимъ въ своемъ участкѣ. Не говоря уже о томъ, что такой пріемъ далъ бы возможность оцѣнить по извѣстной системѣ статистическое достоинство каждаго переписного участка, систематическая обработка этихъ заключеній дала бы возможность выработать не кабинетную, а живую инструкцію для будущей переписи.

П. О. Осиповъ.

29 января 1897 г.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Хотя въ теченіе года мы и отмѣчали въ разныхъ рубрикахъ нашего внутренняго обозрѣнія наиболѣе выдающіяся событія жизни, разные законодательные акты и мѣропріятія, но кое-чего не успѣли отмѣтить, а потому постараемся теперь, хотя бы только вкратцѣ, пополнить эти недочеты. Такъ, напр., мы не успѣли еще, по времени, отмѣтить такого, вызваннаго самою жизнью, мѣропріятія, какъ образованіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, на правахъ департамента, временнаго переселенческаго управленія, въ которомъ будетъ сосредоточено высшее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ. Учрежденіе это прошло черезъ государственный совѣтъ и получило силу закона только 2 декабря прошлаго года, и только недавно приступило къ дѣятельности, судить о которой пока еще трудно. Къ обязанностямъ его отнесены: а) руководство дѣломъ выдачи разрѣшеній на переселеніе, а также въ потребныхъ случаяхъ самая выдача этихъ разрѣшеній; б) принятіе мѣръ къ упорядоченію переселенческаго движенія; в) попеченіе о первоначальномъ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ водворенія; г) завѣдываніе всѣми кредитами, отпускаемыми по министерству внутреннихъ дѣлъ на переселенческое дѣло; д) предварительная разработка всѣхъ новыхъ мѣръ законодательнаго и административнаго свойства, на необходимость которыхъ укажетъ послѣдующій ходъ развитія переселенческаго дѣла, и е) производство дѣлъ, которыя, по тѣсной ихъ связи съ переселенческою частью, министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ возложить на управленіе. («Бир. Вѣд.» № 343, 1896 г.).

Такъ какъ земельное устройство переселенцевъ возлагается отчасти и на министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, такъ какъ въ Сибири, куда направляется, главнымъ образомъ, переселенческое движеніе, не мало земель кабинетскихъ, находящихся въ особомъ управленіи, а межевая часть, въ которой будетъ встрѣчаться надобность, сосредоточена въ третьемъ вѣдомствѣ, то необходимо, какъ намъ кажется, заранѣе предусмотрѣть и разграничить, съ одной стороны, сферу дѣйствія, а съ другой—опредѣлить отношенія между мѣстными органами этихъ вѣдомствъ, чтобы дѣятельность ихъ не напомнила пословицу о семи нянькахъ и клонилась къ единству и пользѣ дѣла. Въ виду сложности, обширности и

обремененія министерства внутреннихъ дѣлъ различными отраслями внутренняго управленія, можетъ быть, было бы ближе и цѣлесообразнѣе сосредоточить переселенческое дѣло, съ момента выхода переселенцевъ со старыхъ мѣстъ и до окончательнаго, прочнаго водворенія ихъ на новыхъ мѣстахъ, въ министерствѣ земледѣлія, какъ въ учрежденіи, гораздо менѣе обремененномъ, непосредственно завѣдывающемъ казенными землями и заботящемся о сельскомъ хозяйствѣ, при чемъ все, что касается общаго положенія крестьянъ и предметовъ, прямо входящихъ въ область министерства внутреннихъ дѣлъ, могло бы остаться за нимъ. Устройство крестьянъ и завѣдываніе ими не составляетъ чего-либо новаго для бывшаго министерства государственныхъ имуществъ, преобразованнаго или, вѣрнѣе, только переименованнаго въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Оно имѣетъ въ этомъ отношеніи практику въ прошломъ, и результаты, какіе оно давало, не смотря на всѣ недостатки, были не хуже, чѣмъ въ другихъ тогдашнихъ управленіяхъ. Министерство же внутреннихъ дѣлъ, и безъ того обремененное разностороннею дѣятельностью, могло бы быть хоть въ этомъ отношеніи облегчено; теперь же, только что освободившись отъ тюремной части, переданной въ министерство юстиціи, оно увеличивается новой. При этомъ само собою должны увеличиться и его штаты.

Изъ наиболѣе важныхъ подготовительныхъ работъ въ означенномъ министерствѣ слѣдуетъ указать на возобновленіе занятій особой коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ, въ которой участвовать будутъ, кромѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ и другихъ административныхъ лицъ, еще четыре приглашенныхъ имъ лица, по своему служебному положенію близко знакомыя съ крестьянскимъ бытомъ. Коммиссія будетъ работать въ теченіе всего нынѣшняго года, съ тѣмъ, чтобы проектъ новаго положенія о крестьянахъ былъ разработанъ къ 1898 г. Работы коммиссіи будутъ вестись каждымъ членомъ самостоятельно, и въ общія собранія коммиссія будетъ собираться для окончательной редакціи разработанныхъ членами ея отдѣльныхъ частей проекта. Дѣлопроизводство и всѣ подготовительныя работы будутъ лежать на земскомъ отдѣлѣ. Въ числѣ матерьяловъ, собранныхъ въ отдѣлѣ, кромѣ отзывовъ губернскихъ начальствъ на циркуляръ министра, находится составленный земскимъ отдѣломъ сборникъ всѣхъ Высочайшихъ повелѣній, касающихся устройства крестьянъ, состоявшихся за время съ 19 февраля 1861 г. по настоящій день. Въ сборникъ этотъ вошли и такія повелѣнія, которыя въ свое время не были даже обнародованы. («Нов. Вр.» 4 янв. 1897 г.). Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ мало поступило въ печать болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о собранныхъ матерьялахъ и проектируемыхъ министерствомъ мѣрахъ по столь коренному вопросу...

Затѣмъ, начатый нѣсколько лѣтъ тому назадъ пересмотръ продовольственнаго устава и въ прошломъ году не былъ законченъ. Между тѣмъ, продовольственныя ссуды, какъ изъ мѣстныхъ средствъ, такъ и изъ общеимперскаго капитала, требовались и въ прошломъ году Псковской губерніей, Херсонской, Бессарабской, Курской, Орловской, Донской областью и другими мѣстностями, гдѣ былъ недородъ или неурожай. Вообще, прошлый годъ былъ гораздо богаче разными коммиссіями, проектами, собираніемъ свѣдѣній и прочими канцелярскими процессами, чѣмъ живою дѣятельностью. Давно желательное и вызывавшееся необходимостью отдѣленіе Черноморскаго округа отъ Кубанской области и образованіе изъ него особой губерніи есть лишь возвращеніе къ прежнему порядку, когда округъ былъ самостоятельной единицей.

О преобразованіяхъ и дѣятельности министерства финансовъ мы не разъ говорили въ теченіе года, такъ что теперь можно отмѣтить только изданіе новаго пробирнаго устава, образованіе при департаментѣ торговли и мануфактуръ особаго комитета по техническимъ дѣламъ, который будетъ завѣдывать выдачею привиллегій на изобрѣтенія и усовершенствованія, образованіе совѣта по дѣламъ казенной продажи вина, преобразованіе департамента неокладныхъ сборовъ въ главное управленіе этихъ сборовъ и казенной продажи питей, распространеніе дѣятельности фабричной инспекціи на губерніи Виленскую и Ковенскую и на изъятіе отъ дѣйствія этой инспекціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ нельзя не пожалѣть, что начатое было сначала опубликованіе интересныхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, къ сожалѣнію, и въ истекшемъ году не было возобновлено, не смотря на то, что въ печать проникъ слухъ, что вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ («Рус. Вѣд.», № 1, 1897 г.). О распространеніи и итогахъ казенной продажи вина, объ увеличеніи вызванныхъ этою продажею штатовъ служащихъ и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ лучше поговорить особо, когда выйдетъ послѣдній отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ.

Расширило нѣсколько свою компетенцію (по завѣдыванію казенными лѣсами и оброчными статьями) и увеличило штаты служащихъ (по отдѣлу сельской экономіи и завѣдыванію на мѣстахъ казенными землями) и министерство земледѣлія. Проведенный имъ законъ 6 мая о ссудахъ на сельскохозяйственныя улучшенія едва-ли будетъ имѣть значительное примѣненіе, какъ по ограниченности кредита, такъ и по разнымъ другимъ экономическимъ причинамъ: положенію нашего хозяйства, международнаго рынка и проч. О болѣе важномъ законодательномъ актѣ, подготовленномъ министерствомъ, — о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ губерній Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, говорилось особо въ отдѣлѣ юридической нашей хроники.

Одновременно съ присоединеніемъ главнаго тюремнаго управленія

къ министерству юстиціи возникъ и былъ поставленъ на очередь вопросъ о тюремной реформѣ, что вызвало къ существованію, подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева, особую коммиссію, для обсужденія и разработки основаній этой реформы. Судебная коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ г. министра юстиціи, не кончила еще своихъ занятій и продолжала ихъ въ прошломъ году, а потому и вопросъ о мѣстной юстиціи (въ частности о судебной власти земскихъ начальниковъ) остается пока нерѣшеннымъ. Нельзя не присоединиться къ тѣмъ органамъ печати, которые указываютъ какъ на неправильность смѣшенія судебной власти съ административной, такъ и на то, что сама жизнь все настоятельнѣе и настоятельнѣе требуетъ коренного пересмотра положенія 12 іюля 1889 года. «Вѣстн. Евр.» во внутреннемъ обозрѣніи январьской книжки касается этого вопроса и говоритъ слѣдующее.

«Законъ 12-го іюля 1889 г. изъялъ изъ области суда массу такъ называемыхъ маловажныхъ дѣлъ и передалъ ихъ учрежденіямъ, зависящимъ всецѣло отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; имъ же онъ подчинилъ и волостные суды. Отнестись къ этому факту, какъ къ чему-то непреложному и неприкосновенному, значило бы отказаться отъ одной изъ основныхъ задачъ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и заранѣе обречь его на печальную неудачу. О какомъ объединеніи суда и правосудія можетъ, въ самомъ дѣлѣ, быть рѣчь, пока самая обширная и самая существенная для народнаго благосостоянія категорія спорныхъ дѣлъ остается внѣ сферы дѣйствій суда?.. Министерство юстиціи, устраненное отъ большинства судебныхъ дѣлъ,—явленіе столь же ненормальное, какимъ было бы министерство народнаго просвѣщенія, устраненное отъ завѣдыванія начальной школой».

Затѣмъ, указавъ на то, что пересмотръ судебной части закона 12 іюля 1889 г. входилъ въ задачу судебной коммиссіи и что во вступительной рѣчи министра юстиціи говорилось по этому поводу, что, соотвѣтственно съ этимъ, въ составѣ коммиссіи былъ образованъ особый (первый) отдѣлъ для разсмотрѣнія всего касающагося мѣстныхъ судебныхъ установленій, почтенный журналъ говоритъ, что при дальнѣйшемъ ходѣ работъ «произошла, повидимому, перемѣна руководящихъ взглядовъ», выразившаяся, между прочимъ, тѣмъ, что существованіе въ коммиссіи «особаго отдѣла мѣстной юстиціи признано было излишнимъ»: «первымъ отдѣломъ сталъ именоваться бывшій пятый, занимающійся разработкой общихъ вопросовъ», а «одновременно съ этимъ въ печати появился слухъ о томъ, что вопросъ о соотношеніи между мѣстной юстиціей и институтомъ земскихъ начальниковъ вовсе устраненъ изъ круга занятій коммиссіи, какъ касающійся вѣдомства другого министерства». Не зная, такъ-ли это въ дѣйствительности, и справедливо опасаясь такого исхода, журналъ, въ заключеніе, высказываетъ доброе пожеланіе, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ само пошло на встрѣчу судебной коммиссіи и согласилось раздвинуть рамки ея работы, т.-е. допустить возможность коснуться судебной власти земскихъ начальниковъ, и говоритъ, что этимъ, въ сущности, ничего бы по существу не было еще предрѣшено, а дана была бы только «возможность все-

сторонняго разсмотрѣнія одной изъ важнѣйшихъ задачъ судебной реформы» («В. Е.», янв., стр. 376). Къ сожалѣнію, не всѣ пожеланія осуществляются, какъ не всегда и не всякая гора приходитъ къ Магомету.

Между тѣмъ и жизнь продолжаетъ также говорить о необходимости пересмотра закона 12 іюля: «минувшій годъ, подобно предшествующимъ, представилъ длинный рядъ фактическихъ доказательствъ неудовлетворительности возникшихъ подъ вліяніемъ этого закона порядковъ, какъ судебныхъ, такъ и административныхъ» («Рус. Вѣд.», № 1, 1897).

Затѣмъ укажемъ на занятія другихъ коммиссій, занимавшихся разработкой наиболѣе неотложныхъ и существенныхъ вопросовъ. Коммиссія, разсматривающая, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, законодательство объ общественномъ призрѣніи, собрала черезъ мѣстныя общественныя учрежденія значительный матерьялъ и намѣтила общія основанія реформы общественнаго призрѣнія, но занятій своихъ еще не кончила. Пересмотръ другого, не менѣе настоятельнаго вопроса: правилъ о взиманіи казенныхъ податей и повинностей, выразился проектомъ «нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, скромныхъ улучшеній въ способахъ взысканія окладныхъ сборовъ. До конца года, сколько извѣстно, этотъ проектъ не получилъ движенія въ законодательномъ порядкѣ. Въ томъ же положеніи находится и реформа промысловаго обложенія». Состоявшая при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдатетьствомъ С. А. Ольхина, коммиссія, разработывавшая проектъ «положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ», хотя и представила проектъ такого положенія министру финансовъ; но какова его дальнѣйшая судьба, пока еще неизвѣстно. 7 декабря начались занятія другой, также состоящей при министерствѣ финансовъ коммиссіи, по пересмотру законодательства объ артеляхъ. Второе засѣданіе коммиссіи было 21 декабря. Вопросовъ было возбуждено очень много: о значеніи и пользѣ артелей вообще, о томъ, что такое артель, о слабыхъ сторонахъ, въ этомъ отношеніи, нашего торговаго законодательства и о проволочкахъ, какія вслѣдствіе этого происходятъ, при «существующихъ порядкахъ утвержденія артельныхъ уставовъ» («Спб. Вѣд.». № 339, 1896 г.), о выработкѣ такого общаго нормальнаго устава, который былъ бы пригоденъ для всѣхъ разнообразныхъ формъ артельнаго труда и т. д. Въ первомъ засѣданіи не было представителя отъ министерсгва земледѣлія, а по второмъ оказался и довелъ до свѣдѣнія коммиссіи о желаніи министра земледѣлія—«изъять изъ обсужденія въ коммиссіи вопросъ о земледѣльческихъ артеляхъ, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ обсужденія въ коммиссіи съ участіемъ сельскихъ хозяевъ» («Нов.» 353. 1896 г.). Едва-ли сельское хозяйство представляетъ столь спеціальный предметъ, чтобы никто

кромѣ спеціалистовъ, ничего не зналъ объ его условіяхъ и нуждахъ. Въ данномъ случаѣ намъ кажется важнѣе всего соблюсти въ нормальномъ уставѣ внутреннюю идейную послѣдовательность, простоту и жизненную гибкость организаціи. Нѣтъ никакой надобности создавать непремѣнно одинъ уставъ для всевозможныхъ трудовыхъ соединеній и предпріятій, точно такъ же, какъ нѣтъ надобности и загромождать его излишними подробностями, когда совершенно достаточно главныхъ общихъ началъ.

Новые образцовые уставы мелкаго кредита представляютъ въ этомъ отношеніи довольно неудачную попытку соединенія совершенно различныхъ началъ: личнаго кредита съ залоговымъ, краткосрочнаго съ долгосрочнымъ, паевыхъ взносовъ съ жертвуемыми суммами и ссудами изъ госуд. банка и т. д. А все это ведетъ къ сложности операцій. Можетъ быть отчасти, вслѣдствіе этихъ причинъ, мелкій кредитъ и не развивается. На пожертвованія частныхъ лицъ и свободные земскіе капиталы едва-ли можно возлагать серьезные разсчеты; а кредитъ изъ госуд. банка, который, конечно, могъ бы оживить новыя учрежденія, зависитъ отъ усмотрѣнія финансовой администраціи. Еслибы развитіе дѣятельности учрежденій мелкаго кредита входило въ общіе планы нашей финансовой политики и не встрѣчало какихъ-нибудь препятствій, то незачѣмъ было бы лишать ссудо-сберегательныя товарищества кредита изъ госуд. банка, которымъ они пользовались; можно было бы развить операціи мелкаго кредита и непосредственно изъ банковскихъ конторъ и отдѣленій, такъ какъ онѣ предусмотрѣны новымъ уставомъ госуд. банка; наконецъ, въ теченіе года было бы слышно о какихъ-либо начинаніяхъ или хоть намѣреніяхъ въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, страна несомнѣнно нуждается въ такомъ кредитѣ, и, по крайней мѣрѣ, крестьянскій земельный кредитъ не причиняетъ крестьянскому банку ни ущерба, ни тревогъ за будущее. Въ прошломъ году доходы банка значительно превысили расходы и дали значительную прибыль. Дѣйствуя по новому уставу, банкъ положилъ начало новой операціи: покупкѣ за свой счетъ земли для распродажи крестьянамъ. Развить эту операцію въ прошломъ году не пришлось: изъ предназначеннаго съ этой цѣлью капитала въ 8,4 мил. руб., затрачено было только 361 т. руб.; но распространившіеся въ концѣ года слухи уже сообщали о цѣломъ рядѣ предположенныхъ крупныхъ закупокъ. Нельзя не замѣтить, что покупки эти, въ особенности, когда дѣло касается крупныхъ заложенныхъ имѣній, должны производиться съ возможною осторожностью и осмотрительностью, потому что имѣнія закладывались часто въ моментъ неестественнаго поднятія арендныхъ цѣнъ, а слѣдовательно, оказывалась повышенной и выводимая по нимъ путемъ капитализаціи оцѣнка земли, а съ другой стороны, вслѣдствіе вырубки лѣса, распашки цѣлины, истощенія почвы и т. п., не мало имѣній обезцѣнивалось, сравнительно съ прежнею ихъ стоимостью. Какъ бы тамъ, однако, ни

было, а крестьянскій банкъ ведетъ дѣла свои съ меньшими потерями, чѣмъ дворянскій, не смотря на бо́льшій % по ссудамъ (крестьянскій банкъ взимаетъ 6%, а дворянскій 4¾%). Въ общемъ, дѣятельность крестьянскаго банка, за время его существованія, выразилась слѣдующими интересными данными: пріобрѣтено, при его содѣйствіи, крестьянами 2.411.954 дес. за сумму около 108 мил. руб., изъ коихъ въ ссуду банкомъ было выдано 82,4 мил., а 25,6 мил. было доплачено самими покупщиками. Купленная земля поступила къ 345.863 домохозяевамъ, въ семьяхъ которыхъ считалось 1,1 мил. д. м. п. Больше всего земли куплено товариществами, а именно: 8.509 товариществъ пріобрѣли 1.431.552 дес., затѣмъ 3.291 сельск. общество купили 936.233 дес. и, наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ отдѣльные крестьяне, купившіе въ числѣ 3.178 чел. только 44.199 дес. («Р. Вѣд.» № 1, 1897). Совсѣмъ другую картину открываетъ передъ нами дворянскій банкъ: тамъ земельная задолженность съ каждымъ годомъ ростетъ, и долги увеличиваются въ гораздо большей степени, чѣмъ понижаются платежи. Увеличились они и въ теченіе прошлаго года на цѣлыхъ 54½ мил. руб. Дворянскій банкъ среди другихъ земельныхъ (акціонерныхъ) банковъ успѣлъ уже занять первое мѣсто по числу и величинѣ ссудъ: онъ выдалъ подъ залогъ земель больше, чѣмъ всѣ 10 акц. банковъ за все время ихъ существованія. Его кліенты однѣхъ пени за несвоевременный взносъ платежей уплатили въ теченіе года 901.609 р. (пени кліентовъ акц. банковъ составляли за первые 10 мѣсяцевъ прошлаго года 890.368 т. р.). Не смотря на помощь тиражей, на отнесеніе потерь по реализаціи выпускаемыхъ четырехпроцентныхъ закладныхъ листовъ на собственный счетъ, а не на счетъ заемщиковъ, какъ это дѣлается въ акціонерныхъ и крестьянскомъ банкахъ, и прочія льготы, все-таки ежегодно къ каждымъ торгамъ публикуется до 3.000 имѣній. Вы видите, что земля точно стремится уйти отъ своихъ хозяевъ, вслѣдъ за ушедшими крѣпостными людьми. Многочисленные проекты о разныхъ новыхъ льготахъ, о разсрочкахъ, отсрочкахъ и пересрочкахъ платежей, объ отмѣнѣ продажи банкомъ земли съ торговъ, о полной даже неотчуждаемости дворянскихъ имѣній и т. д. не имѣли практическаго успѣха, потому что льготы дошли до крайняго предѣла, за которымъ начинается уже область благотворительности и прямой, существенный ущербъ казнѣ. Саратовское дворянство до того разсердилось на министерство финансовъ за его недостаточное вниманіе къ его нуждамъ и нежеланіе отсрочить на три года платежъ процентовъ банку, что въ послѣднемъ губернскомъ дворянскомъ собраніи постановило даже ходатайствовать о томъ, чтобы дворянскій банкъ былъ изъятъ изъ его вѣдѣнія и переданъ въ министерство земледѣлія и чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія, касающіяся дворянскаго землевладѣнія, обсуждались не иначе, какъ совмѣстно съ министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія («Бирж. Вѣдомости», № 380, 1896 г.).

Посмотримъ теперь на земскую жизнь. Тотъ же корреспондентъ говоритъ, что все это было лишь повтореніемъ въ болѣе категорической формѣ того, что говорилось и въ послѣднемъ саратовскомъ экстренномъ земскомъ собраніи. Подобная спеціально-дворянская окраска земствъ встрѣчается теперь и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; но этому не только нечего удивляться, а, напротивъ, скорѣе можно удивляться тому, что подобная окраска территоріально недостаточно распространяется и не вездѣ переходитъ въ болѣе интенсивные цвѣта, а во многихъ случаяхъ и совсѣмъ даже какъ-то не пристаетъ къ земскому дѣлу. Это, по нашему мнѣнію, указываетъ только на жизненность земскаго дѣла и на то, что участвующее въ немъ дворянство не во всей своей массѣ смотритъ на жизнь подъ сословнымъ только угломъ зрѣнія, а имѣетъ и другихъ представителей, которые иначе относятся къ общественной дѣятельности и задачамъ. И въ самомъ дѣлѣ: дворянство и прежде составляло главный контингентъ земскихъ гласныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ, а положеніе 12 іюня 1890 года, замѣнившее старое земское положеніе, уменьшивъ общее число гласныхъ, предоставило ему еще болѣе преобладающую роль. Обозрѣватель внутренней жизни «Вѣстника Европы» недавно (въ декабрьской книжкѣ 1896 г.) занялся сравнительнымъ вычисленіемъ прежняго и новаго состава земскихъ собраній, и вотъ какія цифры получилъ: въ лукояновскомъ, напр., земскомъ собраніи прежде было 58 гласныхъ, изъ которыхъ землевладѣльцевъ было 29 чел., отъ городовъ (Лукоянова и Починокъ) 5 и отъ сельскихъ обществъ 24 чел., а теперь, т.-е. послѣ 1890 г., оно состоитъ изъ 36 гласныхъ, изъ коихъ 11 крестьянъ, 3 землевладѣльца-купца и 22 чел. дворянъ. Въ новоузенскомъ (Самарской губ.) земствѣ изъ общаго числа 22 гласныхъ было 11 гласныхъ отъ крестьянъ, а теперь только 4 изъ общаго числа 16, а остальные 12 распредѣляются такъ: 8 отъ дворянъ и 4 отъ купцовъ и мѣщанъ. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ прежде было 42 гласныхъ—18 отъ землевладѣльцевъ, 3 отъ города и 21 отъ сельскихъ обществъ, а теперь лишь 15 гласныхъ—8 отъ дворянъ, 3 отъ купцовъ и мѣщанъ и 4 отъ сельскихъ обществъ. Въ Ефремовскомъ у., Тульской губ., хотя общее число гласныхъ относительно менѣе сокращено (вмѣсто 50 прежнихъ, 37), но распредѣленіе по группамъ также измѣнено въ большей степени: прежде изъ 50 гласныхъ было 25 отъ землевладѣльцевъ, 5 отъ города и 20 отъ сельскихъ обществъ; а теперь 22 отъ дворянъ, 4 отъ купцовъ и мѣщанъ и 11 отъ сельскихъ обществъ. Въ Корсунскомъ у., Симб. губ., прежде было 58 гласныхъ—29 землевладѣльцевъ, 3 отъ города и 26 отъ сельскихъ обществъ; теперь 36 гласныхъ—22 отъ дворянъ, 3 отъ купечества и мѣщанства и 11 отъ крестьянъ. Въ Саранскомъ у. прежде было 48 гласныхъ—24 землевладѣльца, 4 отъ города и 20 отъ сельскихъ обществъ; нынѣ 33 гласныхъ—20 дворянъ, 3 купца или мѣщанина и 10 крестьянъ и

т. д. Нельзя сказать, чтобы подобная перемѣна въ земскомъ составѣ давала хорошіе результаты. Въ Лукояновскомъ уѣздѣ это вскорѣ же выразилось цѣлымъ рядомъ неприглядныхъ обстоятельствъ: всѣмъ извѣстны отрицаніе въ 1891—92 гг. голода предводителемъ дворянства и большинствомъ земскихъ начальниковъ, печальная дѣятельность продовольственной коммиссіи и разные другіе факты, не говоря уже о дикихъ взглядахъ, напр., на народное образованіе, которые стали высказываться съ какою-то особенною рѣзкостью, не въ одномъ только Лукояновскомъ, а и въ другихъ уѣздахъ. Вспомнимъ хотя бы отношеніе нѣкоторыхъ гласныхъ къ дѣятельности г-жи Штевенъ, которая не нашла достаточной поддержки. Въ послѣднемъ осеннемъ очередномъ собраніи ефремовскаго земства, когда одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ Миллеръ, предложилъ совсѣмъ исключить изъ земской смѣты расходъ на земскія школы, передавъ ихъ въ вѣдѣніе духовенства, то хотя предложеніе это и не встрѣтило въ большинствѣ сочувствія, но при этомъ стороны расположились очень характерно и самый вопросъ принялъ больше формальную постановку, чѣмъ по существу, какъ надлежало бы его поставить. Предсѣдатель поставилъ на обсужденіе только вопросъ объ уменьшеніи расходовъ на народное образованіе, такъ какъ-де земство не можетъ передавать школы, находящіяся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, въ другое вѣдомство. Послѣ преній, въ которыхъ гласный Миллеръ стоялъ за уменьшеніе смѣты до minimum'а, а проф. Стебутъ и другіе возражали ему, баллотировка дала слѣдующіе результаты: изъ 28 присутствовавшихъ въ собраніи гласныхъ 10 человѣкъ подали голосъ за уменьшеніе смѣты, при чемъ въ этомъ числѣ было 9 дворянъ и только 1 крестьянинъ, да и тотъ — старшина волости, гдѣ живетъ г. Миллеръ; а изъ 18 гласныхъ, защищавшихъ школу, было только 7 чел. дворянъ. Въ Саранскомъ уѣздѣ другіе расходы удовлетворяются и даже обсуждается вопросъ о командировкѣ предсѣдателя управы, г. Лиліенфельда (по его собственному предложенію), на земскій счетъ въ Англію, чтобы завязать непосредственныя сношенія по хлѣбной торговлѣ, а земскія учительницы «по два года не получаютъ жалованья» и «земскія больницы остаются безъ лѣкарствъ» (ib.). Въ Корсунскомъ уѣздѣ также много и разныхъ неотложныхъ нуждъ, и недоимокъ, а между тѣмъ собраніе дѣлаетъ постановленіе о выдачѣ нѣкоему г. Маркіановичу 3 тыс. руб. въ возмѣщеніе прежнихъ его расходовъ по хлопотамъ о мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя онъ самъ же предложилъ предпринять, прося только земскаго полномочія и обѣщая принять всѣ расходы по этимъ хлопотамъ и поѣздкамъ на свой счетъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, просто: предложилъ, обѣщалъ, а потомъ разсудилъ иначе или просто встрѣтилъ надобность въ деньгахъ и сказалъ по домашнему: «а вѣдь я, господа, тогда неправильно разсудилъ, съ какой стати я буду расходовать свои

деньги, вы мнѣ ихъ отдайте». И господа, тоже по домашнему, говорятъ: «ну, что-жъ съ тобою дѣлать, — бери!» Вообще, собранія во многихъ мѣстахъ принимаютъ домашній, бюрократически-дворянскій характеръ, гдѣ крестьянство чувствуетъ себя необыкновенно сиротливо, какъ по малочисленности своей, такъ и потому, что крестьяне входятъ въ составъ гласныхъ по указанію земскихъ начальниковъ. Ждать при такихъ условіяхъ самостоятельности ихъ мнѣній и стойкости взглядовъ, разумѣется, нельзя. Между тѣмъ, крестьяне всегда почти очень сочувственно относятся къ народному просвѣщенію. Въ такъ называемыхъ крестьянскихъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ главную массу населенія составляетъ крестьянство, преобладавшее, при прежнемъ земскомъ положеніи, и въ земскихъ собраніяхъ, школьное дѣло стоитъ лучше другихъ губерній. На такихъ мѣстностяхъ положеніе 12 іюня 1890 года отзывается особенно неблагопріятно, такъ какъ, при незначительности дворянства, въ составъ собраній входитъ почти вся его наличность безъ разбора и значительная часть элементовъ чисто бюрократическихъ. Нѣкоторыя изъ такихъ земствъ возбуждали въ прошломъ году ходатайства объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ, но ходатайства эти были отклонены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, отклонено было, напр., ходатайство новоузенскаго земства, которое указывало на чисто практическія затрудненія въ своей дѣятельности: на собранія пріѣзжаетъ мало гласныхъ и не могутъ произвести выборовъ на земскія должности, какъ это было, напр., въ позапрошломъ году, вслѣдствіе чего управа была назначена административнымъ порядкомъ. Ходатайствовало также объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ и мелитопольское земское собраніе, гдѣ непропорціональность крестьянскаго представительства еще больше бросается въ глаза: тамъ, какъ мы выше указали, только 4 гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ то время, какъ изъ общаго числа 1.189.000 д. уѣздной земли крестьянству вмѣстѣ съ принадлежащими къ той же группѣ колонистами принадлежитъ болѣе 840 т. дес. и около 240 т. дес. они еще, сверхъ того, арендуютъ (ib.). Судьба этого ходатайства пока еще неизвѣстна. Не менѣе затрудненій встрѣчаетъ примѣненіе новаго земскаго положенія и въ другихъ отношеніяхъ: приравненіе земской службы къ государственной и условіе, что должность предсѣдателей управъ могутъ занимать только лица, имѣющія права поступленія на государственную службу, съуживаетъ кругъ лицъ, могущихъ быть выбранными въ предсѣдатели, какъ въ тѣхъ земствахъ, гдѣ главную массу населенія составляетъ крестьянство, такъ и въ другихъ, гдѣ наличный составъ дворянства не великъ. Въ такомъ положеніи, напр., находится цѣлыхъ 7 уѣздовъ Вологодской губ., изъ которыхъ въ двухъ крестьянство образуетъ настолько однородную массу, что всѣ гласные—крестьяне. При такомъ составѣ собраній, конечно, не легко находить кандидатовъ въ предсѣдатели земскихъ управъ. Но и въ дру-

гихъ губерніяхъ, гдѣ больше дворянства, не мало оказалось лицъ, не удовлетворяющихъ служебному цензу. Нѣкоторымъ прежнимъ предсѣдателямъ управъ, не смотря на то, что они много лѣтъ прекрасно исполняли дѣло, пришлось сойти съ земской сцены. Другое требованіе еще пространнѣе и стѣснительнѣе: прежде административное утвержденіе требовалось только для предсѣдателей управъ, а теперь это условіе sine qua non распространено и на членовъ управъ, и на земскихъ членовъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, и на членовъ училищныхъ совѣтовъ, а практически распространяется во многихъ случаяхъ даже на членовъ разныхъ земскихъ коммиссій и комитетовъ, хотя послѣднее закономъ не предусмотрѣно и является лишь плодомъ усердія мѣстной администраціи. Неутвержденіе въ должностяхъ, получивъ распространеніе, дало въ разныхъ мѣстахъ цѣлый рядъ управъ неполнаго состава (то безъ предсѣдателя, то безъ члена), при чемъ вакантныя должности исполнялись сослуживцами, исполнявшими двойную работу, или, въ случаѣ и послѣдующаго неутвержденія, замѣщались лицами по назначенію. Переизбраніе и дополнительные выборы не всегда оказывалось удобнымъ и возможнымъ производить. Вопросъ о неутвержденіи выяснялся иногда лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, при чемъ были случаи неутвержденія лицъ, безсмѣнно въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ состоявшихъ уѣздными и губернскими гласными и занимавшими разныя должности до той, на которую не послѣдовало утвержденія, включительно (напр., случай съ г. Племянниковымъ въ Самарской губ.); были случаи вторичнаго избранія тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя были неутверждены, потому что некого было больше выбирать; были случаи неутвержденія губернскими училищными совѣтами по два года представляемыхъ земствами попечителей школъ (въ Тверской губ.), и т. п. Кто знакомъ съ порядкомъ утвержденія и неутвержденія въ должностяхъ, тотъ знаетъ, сколько тутъ можетъ быть разныхъ ошибокъ, случайностей и мѣстныхъ воздѣйствій, подъ вліяніемъ чисто личныхъ отношеній. Словомъ, новое земское положеніе не вошло еще въ надлежащую колею и обнаруживаетъ въ практическомъ примѣненіи разныя несоотвѣтствія съ мѣстными условіями и потребностями. Въ связи съ этимъ и земская жизнь обнаруживаетъ разныя шероховатости и колебанія: въ то время, какъ одни земства ставятъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, другія стремятся низвести школьное дѣло до minimum'а и даже совсѣмъ отдѣлаться отъ школъ; въ то время, какъ въ однихъ земствахъ вопросы о народномъ благосостояніи стоятъ попрежнему на видномъ, а иногда и на первомъ мѣстѣ, въ другихъ—они отодвигаются на задній планъ и заслоняются вопросами, которымъ гораздо соотвѣтственнѣе возникать и обсуждаться въ дворянскихъ собраніяхъ; въ то время, какъ одни земства необыкновенно дорожатъ земскою самостоятельностью, другія, напротивъ, наполнившись, вмѣсто ушедшихъ, людьми совсѣмъ другого фасона, относятся къ бюрократической опекѣ довольно безразлично,

ведутъ разговоры о пенсіяхъ, о распространеніи служебныхъ правъ на всѣхъ земскихъ служащихъ, о томъ, какъ бы увеличить приходный земскій бюджетъ и превращаютъ управы въ настоящія канцеляріи. Правда, такихъ земствъ меньше, и это, какъ я сказалъ выше, объясняется жизненностью земскаго дѣла, но бюрократическія тенденціи, подъ вліяніемъ времени и перемѣнъ въ личномъ составѣ собраній и управъ, проскальзываютъ нерѣдко и въ лучшихъ земствахъ, а главное—въ лучшихъ земскихъ людяхъ, въ виду происходящихъ перемѣнъ, колеблется вѣра въ прочность и устойчивость самаго земскаго дѣла и опускаются руки передъ работою по душѣ и совѣсти. Они или совсѣмъ уходятъ съ земской сцены, или тратятъ всю энергію на взаимные мелочные счеты, причемъ часто совершенно теряютъ перспективу общаго положенія вещей. Какъ не упасть духомъ, когда, какъ въ указанныхъ уѣздахъ Вологодской губ., нельзя избрать наиболѣе полезныхъ и заслуживающихъ довѣрія людей, потому что они не удовлетворяютъ служебному цензу? Какъ двинуть надлежащимъ ходомъ хотя бы то же народное образованіе или что-либо предпринять для поднятія благосостоянія крестьянъ, когда земская касса пуста и приходится взыскивать съ того же мужика земскую недоимку? Таврическое земство ходатайствуетъ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ землею и указываетъ на праздно лежащія вакуфныя земли, которыя можно и продать, чтобы на вырученныя деньги купить землю въ другомъ мѣстѣ, и заселить; вологодское губ. земское собраніе ходатайствуетъ объ измѣненіи служебнаго ценза для своихъ семи уѣздовъ, оказавшихся въ самомъ затруднительномъ положеніи, и т. д.; а больше, что же они могутъ сдѣлать? Каждый изъ такого рода случаевъ представляется случаемъ частнымъ, мѣстнымъ. Дѣлать частичныя измѣненія въ общемъ законѣ, разумѣется, не легко (хотя подобныя ограниченія и исключенія и дѣлаются для извѣстныхъ мѣстностей); но подобные случаи развѣ только съ перваго взгляда могутъ казаться частными: безземельные и обезземеливающіеся крестьяне и свободныя земли есть не въ одномъ только Крыму, а затрудненія при выборахъ, по земскому положенію 1890 года, встрѣчаются не въ одной только Вологодской губ. Мы имѣемъ и нѣсколько другихъ еще губерній и уѣздовъ съ преобладающимъ крестьянскимъ составомъ; вятское губ. земство также возбуждало ходатайство, касавшееся избирательной системы, а пермское жаловалось сенату на задержку, которую встрѣтило ходатайство кунгурскаго земства объ измѣненіи росписанія гласныхъ отъ крестьянъ; наконецъ, затрудненія встрѣчаются и въ такихъ дворянскихъ палестинахъ, какъ вышеупомянутый Лукояновскій уѣздъ, гдѣ не далѣе, какъ послѣднему прошлогоднему земскому собранію «не удалось замѣстить вакансію члена уѣздной земской управы, хотя баллотировали чуть не поголовно сначала гласныхъ, потомъ остальныхъ избирателей; не удалось выбрать и гу-

бернскихъ гласныхъ, такъ что уѣздъ остался безъ представителей въ губернскомъ собраніи» (ib., с. 776). Тѣхъ, кого желательно выбрать, нельзя выбирать или они сами не желаютъ баллотироваться, а кого можно выбирать, по тѣмъ или инымъ небезосновательнымъ причинамъ, не желаютъ выбирать; это стало теперь явленіемъ очень распространеннымъ въ земской жизни. Хотя и при меньшей распространенности, но еще болѣе общее значеніе имѣетъ и еще больше колеблетъ вѣру въ самое сохраненіе и существованіе основныхъ началъ мѣстнаго самоуправленія находящійся въ непосредственной связи съ только что отмѣченнымъ явленіемъ и все чаще примѣняющійся теперь порядокъ назначенія на выборныя должности. Хотя и по новому земскому положенію—основнымъ началомъ земскаго строя остается все-таки начало выборное, ограниченное только порядкомъ утвержденія должностныхъ лицъ, а назначеніе ихъ является, такъ сказать, лишь мѣрою экстренною, для случаевъ исключительныхъ и разрѣшенія временныхъ мѣстныхъ затрудненій; но не трудно представить себѣ, что неутвержденіе въ должностяхъ, какъ всецѣло покоящееся на мотивахъ неквалифицируемыхъ, т.-е. попросту на усмотрѣніи, легко можетъ получить еще болѣе распространительное примѣненіе, а это прямо можетъ повести къ болѣе широкому примѣненію и порядка назначеній. Гарантій противъ этого никакихъ нѣтъ, такъ какъ неутвержденіе въ большинствѣ случаевъ производится и можетъ производиться безъ объясненія причинъ, хотя это и сопряжено съ извѣстнымъ ограниченіемъ общихъ гражданскихъ правъ, предоставленныхъ закономъ всѣмъ гражданамъ, за исключеніемъ строго опредѣленныхъ изъятій. Ни земскія собранія, ни сами неутвержденные не могутъ требовать разъясненій и жаловаться на неутвержденіе. Читатель, вѣроятно, помнитъ случаи, когда въ земскихъ собраніяхъ, на подобный вопросъ гласныхъ, предсѣдатели собраній давали либо уклончивые отвѣты, либо никакихъ отвѣтовъ не давали, потому что и сами настоящихъ причинъ не знали. Были и такіе случаи, когда о неутвержденіи выборнаго лица ничего не говорилось, а просто предлагалось произвести другіе выборы. Если въ такихъ безспорныхъ, опредѣленныхъ закономъ и не разъ разъяснявшихся сенатомъ вопросахъ, какъ вопросъ о земскихъ ходатайствахъ, могли возникать недоразумѣнія (о порядкѣ, предѣлахъ и даже самомъ правѣ на нихъ), доходившія до сената, то въ вопросахъ менѣе ясныхъ недоразумѣній такихъ, конечно, должно быть больше. Въ прошломъ году въ сенатъ поступилъ цѣлый рядъ земскихъ жалобъ на такое неправильное толкованіе закона мѣстными административными органами, и сенатъ сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ для земской жизни разъясненій. Первое мѣсто занимаетъ, разумѣется, разъясненіе вопроса о земскихъ ходатайствахъ.

Хотя постановленія о земскихъ ходатайствахъ сохранили силу и послѣ изданія положенія 1890 года, но, такъ какъ положеніе это, усиливая

вліяніе администраціи, недостаточно опредѣлило границы административнаго вмѣшательства, то на практикѣ происходили очень прискорбные случаи нарушенія прямого смысла закона; напр., вмѣсто того, чтобы отсылать земскія ходатайства въ министерство, нѣкоторые губернаторы опротестовывали ихъ и, получивъ поддержку губернскаго присутствія, пріостанавливали ихъ своею властью, или, еще лучше, вопреки уже земскому положенію, останавливали ходатайства уѣздныхъ земствъ и не допускали ихъ до губернскихъ собраній; а за губернаторами тянулись въ разныхъ мѣстахъ и предсѣдатели земскихъ собраній, въ свою очередь, также не допускавшіе даже обсужденія возбуждаемыхъ ходатайствъ. Въ цѣломъ рядѣ подобнаго рода случаевъ, обжалованныхъ въ сенатѣ, сенатъ разрѣшилъ вопросъ въ пользу земствъ и разъяснилъ недоразумѣнія въ такомъ смыслѣ, что «всѣ земскія ходатайства, независимо отъ предмета ихъ, подлежатъ, по прямому и несомнѣнному смыслу закона, представленію въ надлежащее центральное вѣдомство и что притязанія мѣстной администраціи судить о законности или нецѣлесообразности земскаго ходатайства прямо противорѣчитъ закону» («Рус. Вѣд.» № 1, 97). Теперь мѣстная администрація, въ лицѣ губернаторовъ и губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, будетъ, конечно, сообразоваться съ указами сената по означеннымъ поводамъ; но едва-ли не только эти, появившіеся уже указы, но и тѣ, которые впредь будутъ изданы, въ состояніи будутъ предупредить всѣ случаи возможнаго вмѣшательства. Кто не знаетъ, напр., что земствамъ гораздо лучше представлять свои ходатайства съ болѣе обстоятельной мотивировкой и болѣе подробной разработкой данныхъ, а между тѣмъ, говорятъ «Р. Вѣд.», были попытки истолковать министерскій циркуляръ по этому поводу въ смыслѣ ограниченія и стѣсненія земскихъ ходатайствъ, хотя этого не вытекало изъ буквальнаго его смысла. Точно также и другой циркуляръ относительно того, чтобы разрѣшенія на чрезвычайныя земскія собранія, безъ которыхъ земства обходиться не могутъ, испрашивались лишь въ случаѣ дѣйствительной нужды въ нихъ, также былъ истолковываемъ въ ограничительномъ смыслѣ, хотя цѣлью его было, какъ говоритъ та же газета, только предостеречь «противъ слишкомъ частаго созыва экстренныхъ земскихъ собраній, какъ обременительныхъ для гласныхъ» («Рус. Вѣд.» № 1, 1897). Но гдѣ же мѣрило для того, чтобы губернская администрація и впредь не дѣлала такого рода попытокъ: гдѣ мѣрило достаточной разработки данныхъ и тѣмъ болѣе для опредѣленія дѣйствительной нужды въ созывѣ экстренныхъ собраній? То, что одному кажется достаточнымъ, другой находитъ недостаточнымъ. Но допустимъ, что этому условію еще можно удовлетворять, представляя пространныя соображенія и выкладки; а какъ опредѣлить уважительность поводовъ для созыва экстренныхъ собраній? Если управа, вслѣдствіе неутвержденія предсѣдателя или одного изъ членовъ, оказалась въ неполномъ

составѣ, то достаточный-ли это поводъ, чтобы созвать собраніе для дополнительныхъ выборовъ? Такъ какъ очередныя собранія занимаются, главнымъ образомъ, разсмотрѣніемъ смѣты и провѣркою отчетности и часто не имѣютъ возможности останавливаться на другихъ вопросахъ, не менѣе важныхъ для общаго хода земской жизни, то представляютъ-ли достаточный поводъ такого рода вопросы, какъ возбужденный, напр., уфимскимъ земствомъ о введеніи въ губерніи суда присяжныхъ, или вятскимъ — объ измѣненіи нашего покровительственнаго таможеннаго тарифа, или харьковскимъ — объ упорядоченіи желѣзнодорожнаго дѣла? Если такіе вопросы, какъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, когда наказуемые принадлежатъ къ мѣстнымъ жителямъ и у всѣхъ передъ глазами, признавались нѣкоторыми губернаторами, какъ, напр., бывшимъ тамбовскимъ, праздными и выходящими изъ предѣловъ земской компетенціи, то еще меньше, казалось бы, должно быть дѣла земцамъ до суда, тарифовъ и общей постановки желѣзнодорожнаго дѣла? Конечно, это только съ точки зрѣнія отмѣченныхъ соображеній, потому что на самомъ дѣлѣ земству далеко не все равно, какой у него судъ; не все равно, каковъ таможенный тарифъ, потому что это отзывается на хозяйствѣ и лишаетъ земледѣльца возможности имѣть необходимыя машины и орудія лучшаго качества по болѣе доступной цѣнѣ; не все равно, каковы порядки на желѣзныхъ дорогахъ, потому что, вслѣдствіе проволочекъ, задержекъ и переплатъ, образуются тамъ и сямъ залежи хлѣба и страдаютъ интересы мѣстныхъ отправителей. Мы идемъ дальше и скажемъ, что только путемъ такихъ заявленій, возникающихъ и идущихъ изъ самой жизни, и можетъ все двигаться впередъ и своевременно прекращаться застой и непорядокъ въ дѣлахъ. Но, съ вышеуказанной точки зрѣнія, разумѣется, ничего не стоитъ признать всѣ подобнаго рода вопросы не заслуживающими вниманія. Словомъ, стоитъ разрѣшить сенату одинъ вопросъ, какъ на его мѣсто станетъ другой, а за другимъ третій и т. д. И возникновеніе такого рода вопросовъ можетъ быть столь же многообразнымъ и многочисленнымъ, какъ разнообразна сама жизнь, такъ что сенатское разъясненіе можетъ потребоваться чуть не на каждый частный случай, и количество этихъ разъясненій, можетъ быть, превыситъ объемомъ самое земское положеніе. Кто, напр., могъ бы предположить, что можетъ возникнуть вопросъ относительно времени занятій земскихъ ревизіонныхъ коммиссій, т.-е. могутъ-ли онѣ дѣйствовать постоянно, непрерывно въ теченіе всего года, контролируя дѣйствія управы, или же дѣятельность ихъ должна быть пріурочена къ извѣстному сроку, предшествующему очередному собранію, а между тѣмъ именно такого рода вопросъ возникъ и доходилъ до сената (въ Тверской губ.).

Сенатъ разрѣшилъ его, разумѣется, въ томъ смыслѣ, какъ находило болѣе правильнымъ земство, желавшее, чтобы дѣятельность ревизіонной коммиссіи была постоянной, потому что такой контроль лучше

достигаетъ цѣли. Такое разъясненіе неопредѣленнаго въ законѣ обстоятельства вполнѣ согласуется и съ общимъ положеніемъ вещей: хозяиномъ земскихъ суммъ и всего дѣла является земство, а слѣдовательно, ему долженъ принадлежать и порядокъ ревизіи. Какъ, кажется, это просто. Законъ или предусматривалъ подобное рѣшеніе, или не предполагалъ даже возможности иного толкованія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ и сенатъ ничего не можетъ сдѣлать. Но если нельзя питать надежды на то, что сенатъ можетъ дать разъясненія на всѣ возможные случаи неправильнаго административнаго вмѣшательства въ земскую жизнь, то это не значитъ, чтобы земствамъ слѣдовало махнуть на все рукой; напротивъ, это ихъ обязываетъ, по каждому случаю неправильнаго толкованія и примѣненія закона, какъ бы малъ онъ ни былъ, обращаться въ сенатъ, какъ въ учрежденіе, являющееся блюстителемъ законности. Такимъ путемъ легче всего достигнуть и пересмотра, и улучшеній въ земскомъ положеніи 1890 года. Чѣмъ земскія люди будутъ больше любить земское дѣло, тѣмъ они менѣе будутъ равнодушны къ его судьбамъ и тѣмъ ближе къ сердцу будутъ принимать его интересы. Чѣмъ труднѣе положеніе земства, тѣмъ горячѣе должно быть къ нему сочувствіе. Земское дѣло не только не можетъ погибнуть и быть замѣнено дореформеннымъ порядкомъ, но должно развиться, и та устойчивость, какую оно обнаруживаетъ, та дѣятельность, какую большинство земствъ проявляетъ, не смотря на столь неблагопріятныя условія, еще разъ повторяю, говорятъ только объ его жизненности. Въ то время, какъ земская дѣятельность стѣсняется, мы можемъ видѣть слѣдующее любопытное явленіе: ставится на очередь вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ мѣстностяхъ, не имѣвшихъ ихъ, а также о возстановленіи земства въ Донской области, гдѣ оно было уничтожено въ 1881 году. Вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ неземскихъ губерніяхъ разработывается въ настоящее время и въ мѣстныхъ, и въ центральныхъ учрежденіяхъ.

Въ такомъ же переходномъ и не менѣе трудномъ положеніи находится и городское самоуправленіе, дѣйствующее на основаніи закона 11 іюня 1892 года: значительные недостатки избирательной системы, столь же значительное, если только не большее еще вмѣшательство администраціи, недостатокъ самостоятельности и самодѣятельности и т. д. Новое городовое положеніе разрѣшаетъ мѣстной администраціи входить по существу въ обсужденіе думскихъ постановленій (за исключеніемъ лишь ходатайствъ) и пріостанавливать исполненіе думскихъ рѣшеній, не смотря на всю ихъ законность, если только они представятся губернскому начальству не соотвѣтствующими мѣстнымъ или общегосударственнымъ интересамъ. Значительная часть думскихъ постановленій можетъ приводиться въ исполненіе только съ утвержденія администраціи, которой предоставляется также право утверждать и, въ случаѣ двукратнаго неутвержденія, назна-

чать должностныхъ лицъ городского управленія. При такой широкой опекѣ, недостатокъ самодѣятельности нисколько не удивителенъ, но на практикѣ постоянно замѣчаются попытки еще болѣе расширить предѣлы административнаго вмѣшательства. Были случаи, что со стороны администраціи оспаривалось, напр., право предсѣдателей въ думскихъ засѣданіяхъ ставить на очередь дѣла для обсужденія, пріостанавливались и отвергались городскія ходатайства предъ высшимъ правительствомъ, не только отмѣнялись, но и измѣнялись постановленія думъ и т. д. Такъ, напр., по жалобѣ петербургской думы, сенатъ нашелъ неправильнымъ дѣйствія бывшаго петербургскаго градоначальника, изъявшаго изъ обсужденія думы докладъ коммиссіи по народному образованію и заявленіе ея предсѣдателя. Что касается пріостановки ходатайствъ, то и здѣсь понадобилось апеллировать къ сенату: вслѣдствіе жалобы зарайской думы сенатъ разъяснилъ, что городскимъ думамъ предоставлено право возбуждать ходатайства предъ высшимъ правительствомъ по всякаго рода предметамъ, признаваемымъ ими, какъ представительницами городского общества, «полезными для самаго города или его населенія»; а потому очевидно, что «губернаторы, опротестовывая опредѣленія думъ, заключающія въ себѣ ходатайство, губернскія по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, обсуждая такія постановленія, дѣйствуютъ неправильно, выходятъ изъ предѣловъ своей компетенціи» («Рус. Вѣд.» № 1, 1897).

Конечно, переживать все это не легко, въ особенности стоя у дѣлъ и перенося тяготу на собственныхъ плечахъ. Отсюда духъ уныния и потеря энергіи, удаленіе отъ дѣлъ людей способныхъ и знающихъ и замѣна ихъ людьми неспособными и только услужливыми; отсюда мелочные взаимные счеты и дрязги, наполняющіе, какъ земскую, такъ и городскую жизнь. Смотря на это, даже люди съ очень крѣпкими нервами, какъ издатель «Гражданина», кн. Мещерскій, приходятъ въ грустное настроеніе. Вотъ съ какими чувствами вступилъ онъ въ новый годъ, смотря на заросль, которую самъ же столько лѣтъ сѣялъ:

«Истекающій годъ даетъ самые печальные итоги. Масса годовыхъ отчетовъ о правительственныхъ дѣйствіяхъ за истекающій годъ должна совпадать съ массою фактовъ, свидѣтельствующихъ о полномъ бездѣйствіи русской гражданской жизни. Духъ уныния, отсутствіе иниціативы, полное разобщеніе въ умственныхъ силахъ, застой во всѣхъ органахъ самодѣятельности и отсутствіе гражданина-рабочаго тамъ, гдѣ кончается дѣло чиновника, вотъ тѣ печальныя знаменія времени, которыя шли рядомъ въ истекающемъ году съ правительственною дѣятельностью... Наши неопредѣленные въ своихъ вѣрованіяхъ и туманные пессимисты хотятъ видѣть въ этомъ печальномъ умственномъ состояніи русскаго гражданина зловѣщіе признаки возврата къ 60 годамъ и торжество того либерализма, который мечтаетъ, что счастье и могущество Россіи зависятъ отъ ослабленія правительственной силы въ пользу усиленія общественной,..

«Нѣтъ, скажу я, внимательно приглядываясь къ явленіямъ нашей

умственнной жизни за истекающій годъ, какъ ни мало могу сочувствовать либераламъ въ этомъ ихъ мечтаніи, но я предпочелъ бы въ знаменіяхъ времени увидѣть признаки хотя бы этого возврата къ вѣяніямъ и стремленіямъ 60 годовъ, какъ къ чему-то опредѣленному и уловимому, какъ къ признакамъ жизненности, вызывающимъ противодѣйствія, чѣмъ видѣть то, на что указываютъ явленія нашей умственной жизни, картины апатіи къ государственной и народной жизни, картины гражданскаго атеизма и гражданскаго безсилія, устраняющія всякое дѣйствительное представленіе объ усиленіи какой-нибудь политической, хотя бы партійной, стихіи на счетъ другихъ стихій...

«Нельзя не быть убѣжденнымъ, что порядокъ, благосостояніе и ростъ Россіи зависятъ отъ силы правящей ею власти, но что силы этой власти зависятъ отъ нашей собственной силы, отъ вѣры нашей въ нашу силу—и что, слѣдовательно, счастье и будущность Россіи зависятъ отъ нашей способности къ жизни, несравненно болѣе, чѣмъ отъ чиновника... Когда является сознаніе, что духъ нашъ слабѣетъ, глупо—и преступно глупо—думать, что за то крѣпнетъ либерализмъ, какъ противникъ власти; нѣтъ, когда слабѣетъ духъ, тогда, значитъ, слабѣемъ мы, слабѣютъ либералы, слабѣетъ мощь государства, и мы идемъ къ безотрадной и безнадежной будущности».

Хотя мы и не смотримъ столь мрачно на будущее, но что необходимо выйти изъ окружающей насъ заросли и вылѣзти изъ засасывающей насъ тины на свѣжій воздухъ и вѣрную дорогу, въ этомъ нельзя сомнѣваться.

С. К.

ОБО ВСЕМЪ.

Нашъ молодой 1897 г. ознаменовалъ себя небольшой смутой. Мы привыкли вообще къ ровному теченію жизни, безъ бурь, безъ волненій, если не считать волненіями мелкія стычки, недоразумѣнія и сплетни личной жизни, и чѣмъ тише жизнь, тѣмъ больше такихъ сплетенъ и препирательствъ. Когда есть сильное общественное дѣло, тогда мелкіе пересуды и личные счеты забываются. Нѣчто подобное случилось и въ этомъ мѣсяцѣ. Двѣ вещи занимали печать—перепись и «союзъ русскихъ писателей». Переписью занималась большею частью учащаяся молодежь, и мундиры студентовъ различныхъ спеціальностей мелькалъ во всѣхъ домахъ, преимущественно окраинъ города. Они очень мужественно несли свои обязанности, потому что имъ много приходилось и объяснять, и толковать, вписывать, записывать и переписывать. Въ газетахъ о переписи, кромѣ общихъ статей, говорилось мало, проскользнуло нѣсколько замѣтокъ въ юмористическомъ духѣ по поводу нѣкоторыхъ недоразумѣній, нѣсколько описаній посѣщеній ночлежныхъ домовъ, всякихъ квартиръ и притоновъ, но эти описанія внушали обыкновенное чувство глубокой скорби. Въ столицѣ всегда сознаешь это присутствіе неимущихъ и обездоленныхъ, которые мерзнутъ, голодаютъ, живутъ въ сырыхъ подвалахъ, тщетно ищутъ заработка, попадаютъ въ больницы, высылаются изъ столицы. Ихъ встрѣчаешь въ оборванныхъ одеждахъ, съ посинѣвшими лицами, тщетно старающихся отогрѣть свои окоченѣвшіе члены; уныло стоятъ они на панеляхъ малолюдныхъ улицъ, робко протягивая руки за подаяніемъ; тяжело дѣлается на сердцѣ, когда чувствуешь невозможность серьезно помочь всѣмъ этимъ бѣднякамъ. Воспоминаніе о нихъ лишній разъ было вызвано описаніями ихъ жилищъ при переписи; хорошо если бы эти описанія и сама перепись, которая даетъ цифры этихъ несчастныхъ, поможетъ и устроить ихъ судьбу, т.-е. построить дома для дешевыхъ квартиръ, обратить вниманіе на пріисканіе имъ работъ, и т. д.

Второе сенсаціонное событіе январьской жизни столицы было утвержденіе устава Союза русскихъ писателей, собраніе этого общества, выборъ членовъ комитета и выборы въ судъ чести и ревизіонной коммиссіи.

«Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей» образовался при «Рус-

скомъ литературномъ обществѣ», но имѣетъ свой уставъ и независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ литературнаго общества; единственной точкой соприкосновенія является то обстоятельство, что шесть членовъ комитета должны быть въ одно и то же время членами союза и членами литературнаго общества.

Цѣль союза—«объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати». Въ составъ союза входятъ «безъ различія направленій лица, заявившія себя трудами въ области литературы, науки и періодической печати, а также и лица, редактирующія органы періодической печати и состоящія постоянными сотрудниками этихъ послѣднихъ». Вотъ самыя главныя основы зародившагося общества, основы единенія, но которыя съ самаго своего возникновенія послужили основаніями къ раздору. Только что были выбраны на первомъ оффиціальномъ засѣданіи союза двѣнадцать членовъ комитета, и дальнѣйшіе выборы въ судъ чести и ревизіонную коммиссію отложены за позднимъ временемъ, какъ уже раздались неодобрительные отзывы о произведенныхъ выборахъ и въ послѣдующіе за этимъ дни все происшедшее въ первомъ собраніи стало обсуждаться печатью. Письма членовъ, отвѣты, разсужденія, статьи, фельетоны были посвящены произведеннымъ выборамъ и за малыми исключеніями все было написано въ далеко не примирительномъ и «объединяющемъ духѣ». Если въ одномъ журналѣ было высказано пожеланіе, чтобы къ этому дѣлу отнеслись, по возможности, серьезнѣе, обращая вниманіе на важность возникновенія этого общества, то слова эти не показались убѣдительными для другихъ органовъ, которые сдѣлали изъ этого вопроса чуть не предметъ для развлеченія.

Нельзя не пожалѣть, что не смотря на желательность объединенія (иначе и не хлопотали бы объ утвержденіи устава и не собирались бы на его обсужденіе), такъ оно мало доступно людямъ, посвятившимъ себя литературѣ. Но пожеланіями и сожалѣніями дѣла не поправишь, время все уврачуетъ и уврачуетъ оно и появившіяся недоразумѣнія. Цѣли общества настолько разнообразны, что дадутъ возможность поработать и поработать серьезно людямъ, посвятившимъ себя теперь, и тѣмъ, которые посвятятъ себя въ будущемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, тѣмъ цѣлямъ, которыя поставило себѣ общество. Дѣло теперь новое и обратило на себя, среди нашей сѣрой и бѣдной по части общественныхъ интересовъ жизни, большое вниманіе, а какъ не покричать и не позлословить, когда къ этому явился вдругъ такой неожиданный предлогъ. Въ виду интереса, возбужденнаго этимъ обществомъ, думаю, не будетъ лишнимъ познакомиться съ нѣкоторыми подробностями устава.

Кромѣ объединенія русскихъ писателей, цѣли общества, между прочимъ:

посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами—съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ, въ случаѣ возникновенія таковыхъ; посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними лицами; ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей; ходатайство и посредничество передъ учрежденіями и обществами, вѣдающими помощь писателямъ и ихъ семействамъ, а также содѣйствіе этимъ учрежденіямъ въ видахъ объединенія и развитія ихъ дѣятельности; матерьяльную помощь своимъ членамъ въ тѣхъ формахъ, которыя будутъ признаны цѣлесообразными.

Для достиженія этихъ цѣлей, союзъ русскихъ писателей можетъ имѣть судъ чести, дѣйствующій по правиламъ, указаннымъ ниже; выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники, а также издавать періодическій органъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ; имѣть свою библіотеку и читальню, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для библіотекъ; пріобрѣтать для своихъ надобностей, а также по дареніямъ и завѣщаніямъ, или отчуждать недвижимую собственность для цѣлей Общества и созывать съ надлежащаго разрѣшенія съѣзды дѣятелей печати.

Средства союза составляются: а) изъ членскихъ взносовъ; б) сборовъ отъ устраиваемыхъ союзомъ литературныхъ вечеровъ и чтеній; в) доходовъ отъ продажи изданій общества; г) доходовъ отъ его имущества и д) пожертвованій.

Дѣла союза вѣдаются: а) общими собраніями членовъ; б) комитетомъ, состоящимъ изъ 12-ти членовъ, съ 4 кандидатами къ нимъ; в) судомъ чести, состоящимъ изъ 7 лицъ, съ 2 кандидатами къ нимъ и г) ревизіонной коммиссіей изъ 5 лицъ, съ 2 кандидатами къ нимъ.

Общія собранія бываютъ годовыя, обыкновенныя и чрезвычайныя. Въ годовыхъ собраніяхъ производятся выборы въ комитетъ, судъ чести и ревизіонную коммиссію; обыкновенныя собранія разсматриваютъ текущія дѣла, рефераты, доклады, жалобы на комитетъ и т. д. Чрезвычайныя собранія созываются для обсужденія вопросовъ, касающихся организаціи союза и пересмотра устава.

Всѣми дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ, руководствуясь инструкціями собранія, представляя ежегодно отчеты, доклады, смѣты и предложенія.

Самое интересное въ обществѣ, конечно, судъ чести, который «разбираетъ дѣла какъ между членами союза, такъ въ случаяхъ касающихся профессіональной дѣятельности членовъ союза, по заявленіямъ частныхъ лицъ—если обѣ стороны обратятся къ нему, или—одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда, а другая обратится къ суду чести.

Члены суда чести избираются общимъ собраніемъ безъ кандидатскаго списка, обязательнаго для избирателей, но комитетъ можетъ указывать кандидатовъ въ неопредѣленномъ числѣ, для свѣдѣнія общаго собранія.

Каждая сторона можетъ отвести не болѣе двухъ членовъ суда чести безъ объясненія причинъ; каждый членъ суда можетъ устранить себя отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла. Для дѣйствительности засѣданія достаточно трехъ членовъ. Для каждаго дѣла наличные судьи избираютъ изъ своей среды предсѣдателя присутствія.

Судъ чести приглашаетъ для объясненій обѣ стороны. Членъ союза, не явившійся по такому приглашенію безъ достаточныхъ причинъ, считается выбывшимъ изъ союза.

Если примиренія сторонъ не состоялось, судъ чести постановляетъ рѣшеніе, которое по желанію одной изъ сторонъ или обѣихъ—можетъ быть опубликовано чрезъ комитетъ, буде этотъ послѣдній не найдетъ къ тому препятствій.

Въ случаѣ неприбытія одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, судъ чести помимо послѣдствій, налагаемыхъ на члена, выслушиваетъ явившуюся сторону и, разсмотрѣвъ ея доводы и доказательства, высказываетъ свое мнѣніе, которое можетъ быть опубликовано съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ § 28.

Комитетъ можетъ передать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ Союза, плагіатъ, контрафакція, клевета или вообще что-либо противное чести писателя.

Если поступокъ члена союза будетъ единогласно признанъ судомъ чести несовмѣстимымъ съ дальнѣйшимъ пребываніемъ члена въ составѣ союза, судъ чести предлагаетъ ему отказаться отъ званія члена, а если такового согласія не послѣдуетъ, доводитъ о томъ до свѣдѣнія комитета, который отмѣчаетъ члена выбывшимъ.

На первомъ общемъ собраніи 24 января этого года въ члены комитета союза взаимопомощи русскихъ писателей выбраны слѣдующія лица: Н. Ф. Анненскій, П. Д. Боборыкинъ, М. А. Загуляевъ, П. Н. Исаковъ, Н. И. Карѣевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Н. К. Михайловскій, Л. Е. Оболенскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. И. Семевскій, А. М. Скабичевскій и кн. Э. Э. Ухтомскій. А 7-го февраля были произведены выборы въ судъ чести и въ ревизіонную коммиссію. Пожелаемъ отъ души, чтобы поднявшуюся бурю, когда уляжется пыль и замолкнутъ громы, смѣнило ясное и безоблачное состояніе литературной атмосферы и началась бы та благотворная работа, которой ждутъ отъ общества. Людямъ свойственно и заблуждаться, и ошибаться, но лишь взаимное доброжелательство можетъ помочь разобраться въ этихъ ошибкахъ, а не обидные намеки и взаимныя обвиненія—этотъ пріемъ не поможетъ, а, напротивъ, только повредитъ.

Образованіе союзовъ, обществъ есть какъ бы знаменіе нашего времени. Личность устала бороться въ одиночку, жизнь для этого стала слишкомъ тяжела, и вотъ невольно люди сплачиваются и стараются дѣйствовать сообща. Явленіе это въ общественномъ смыслѣ несомнѣнно отрадное. Какія бы недоразумѣнія и столкновенія ни происходили на первыхъ порахъ, сколько бы нареканій ни сыпалось на вновь возникающія общества, то, что они вызываются къ жизни, то, что люди чувствуютъ потребность работать сообща, должно служить ободряющимъ признакомъ. Довольно говорили о славянской розни, о неумѣніи нашемъ сплочиваться въ общества, въ союзы и указывали на Западъ, гдѣ уже давно во всѣхъ самыхъ маленькихъ городкахъ есть ферейны, союзы и проч., не говоря о тѣхъ партіяхъ, съ каждымъ годомъ крѣпнущихъ и борящихся на общественномъ поприщѣ. Теперь и насъ коснулось это вѣяніе Запада. Въ провинціи земскія учрежде-

нія учатъ людей работать на общественномъ поприщѣ, пріучаютъ говорить, обсуждать дѣла своего уѣзда, своей губерніи. Въ столицахъ являются союзы, корпораціи, которыя принимаются за обсужденіе того, что касается интересовъ членовъ общества, и этому, конечно, нельзя не порадоваться.

Въ прошломъ году въ Петербургѣ образовалось даже спеціально женское общество взаимопомощи, называемое иногда женскимъ клубомъ. Но клубнаго въ этомъ обществѣ весьма мало, если не считать нѣкоторыхъ вечеровъ, посвященныхъ музыкѣ, пѣнію, бесѣдѣ. Карты изгнаны изъ этого общества, даже вопроса о нихъ не было поднято. Не мало смѣялись и злословили и на счетъ этого вновь возникшаго общества. Предсказывали, что дамы всѣ перессорятся, что онѣ не съумѣютъ ничего устроить серьезнаго. Вссьма вѣроятно, что во внутренней жизни общества встрѣчались и недоразумѣнія, и столкновенія между членами, что не сразу привыкли къ публичному обсужденію вопросовъ, къ всегда сдержанной рѣчи, но такихъ недоразумѣній было, право, не многимъ больше, чѣмъ въ любомъ мужскомъ обществѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ участвуютъ дамы, и должно признаться, что онѣ отнюдь не вносятъ ни смуты, ни увеличиваютъ то количество мелочей, которое тормазитъ у насъ всякое дѣло, и изъ-за деревьевъ не бываетъ видно лѣса.

Теперь предо мною лежитъ годовой отчетъ русскаго женскаго общества взаимопомощи; изъ этого отчета видно, что членовъ общества 878, и приложенъ списокъ 216 женщинъ, желающихъ поступить въ общество. Изъ этого ясно, на сколько сильна потребность въ объединеніи, насколько назрѣло желаніе не только заниматься вопросами личной жизни, но и посвятить свое время общему дѣлу. Предполагаемая смѣта на 1896—1897 гг., конечно, не поражаетъ своею грандіозностью, всего она равняется семи тысячамъ пяти стамъ рублямъ, но и дѣло еще не старое, а въ виду того, что въ обществѣ подняты вопросы объ устройствѣ общежитія для одинокихъ членовъ, мастерскихъ, своего органа печати и т. д., то и средства возрастутъ по мѣрѣ того, какъ найдутся люди, которые съумѣютъ заинтересовать въ этихъ начинаніяхъ болѣе широкій кругъ лицъ, готовыхъ пожертвовать средствами на благое дѣло. Такихъ лицъ всегда и вездѣ довольно, надо только умѣть найти путь къ ихъ сердцу и заинтересовать ихъ прочною постановкою задуманнаго.

Сколько у насъ въ громадномъ Петербургѣ разбросано женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ, одиноко ютящихся въ меблированныхъ комнатахъ, полутемныхъ, рядомъ съ шумящими сосѣдями; окончивъ свой очень часто утомительный и неинтересный дневной трудъ въ кассахъ, магазинахъ, телеграфахъ и т. п., какъ имъ пріятно имѣть возможность придти въ читальню общества, пробѣжать газеты и журналы, послушать музыку, пѣніе, прослушать научный докладъ, словомъ,

отвлечься на время отъ того, что зовется ежедневнымъ, томительнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба.

Русское женское общество идетъ на встрѣчу этимъ потребностямъ. Изъ годового отчета мы узнаемъ, что «возникшій, по предложенію Ф. М. Кауфманъ, при коммиссіи по изысканію средствъ, рефератный отдѣлъ отвѣтилъ, повидимому, насущной потребности общества, такъ какъ вскорѣ по возникновеніи его заявлено было столько рефератовъ, что вечера для ихъ чтенія стали устраиваться еженедѣльно и продолжались до 7-го мая, и явилась возможность дѣлать выборъ, ограничиться одними ненапечатанными рефератами. «Всѣхъ рефератныхъ вечеровъ въ истекшемъ отчетномъ году было 14». 1) Рефератъ Е. И. Гарднеръ «О женскихъ клубахъ въ Англіи». 2) Сообщеніе г-жи Пфель «Впечатлѣніе заграничнаго путешествія». 3) Г-жа Лухманова выбрала темой для своего реферата «положеніе незамужней дочери въ семьѣ». 4) Сообщеніе баронессы Будбергъ «О сельскохозяйственномъ институтѣ въ Панемани, предложеніе объ учрежденіи новой сельскохозяйственной школы для интеллигентныхъ женщинъ». Предложеніе это нынѣ осуществилось. 5) Рефератъ г-жи Манассенной: «Новые женскіе типы въ скандинавской литературѣ». 6) Рефератъ г-жи Покровской: «Роскошь и гигіена». 7) Рефератъ г-жи Сѣровой: «О пересадкѣ ученой музыки въ народъ». 8) Рефератъ г-жи Дегтеровой: «Поэзія Гюй въ связи съ его философскимъ міросозерцаніемъ». 9) Лекція г-жи Безобразовой: «Изъ области метафизики». 10) Сообщеніе г-жи Лялиной: «О бельгійскихъ школахъ по личнымъ наблюденіямъ». 11) Сообщеніе г-жи Гуревичъ: «О домашней жизни Л. Н. Толстого». 12) Рефератъ г-жи Литвиновой подъ заглавіемъ «Еще о Ковалевской» былъ посвященъ воззрѣніямъ на научныя заслуги Ковалевской. 13) 2-й рефератъ г-жи Литвиновой о Ковалевской: «Роль научныхъ занятій въ личной жизни Ковалевской» и 14) Рефератъ г-жи Шѣшковой-Толивѣровой «О положеніи интеллигентной работницы». Перечисляя подробно всѣ приведенные рефераты, съ цѣлью указать на разнообразіе обсужденныхъ вопросовъ и серьезность содержанія, нельзя не порадоваться, что члены устроили въ обществѣ такой интересный отдѣлъ, какъ отдѣлъ рефератовъ, и въ будущемъ онъ, конечно, будетъ и расширяться, и затрогивать и научные вопросы, и злобы дня, и женское движеніе у насъ и на Западѣ.

Кромѣ отдѣла рефератовъ, существуетъ еще кружокъ домашнихъ чтеній, выбиравшій, съ своей стороны, весьма интересныя темы. Происходили пренія по поводу повѣсти «Клавдія Михайловна» о томъ, «что такое самолюбіе», «что такое интеллигентная женщина и что требуетъ общество отъ современной интеллигентной женщины», по вопросу «о самоубійствѣ» и по поводу другихъ интересныхъ темъ. Въ городахъ провинціи, гдѣ интересъ разговора такъ быстро исчерпывается, даже въ смыслѣ осужденія ближняго, потому что всему же бываетъ предѣлъ, даже

злословію, устройство подобныхъ кружковъ для чтенія или разсужденія на заданныя темы было бы хорошимъ средствомъ, чтобы соединять общество и располагать его къ расширенію умственнаго горизонта. Въ Москвѣ учреждается такое же женское общество, какъ и въ Петербургѣ, и тамъ въ основаніе его легли такія же серьезныя цѣли: оказывать помощь своимъ сочленамъ, устраивать научно-образовательныя засѣданія, выставки, издавать брошюры и отдѣльныя сочиненія. Петербургское женское общество собирается издавать женскій справочный листокъ, который современемъ можетъ объединить всѣ подобныя общества въ провинціи, и получится обширная сѣть обмѣна мыслей, общихъ задачъ и взаимной поддержки.

Весьма интересно прослѣдить за вновь открывающимися союзами за границей; по этому вопросу очень живое письмо помѣщено въ «Образованіи»: февраль, письмо изъ Франціи г-жи Лавровой о «популярныхъ чтеніяхъ и семейныхъ вечерахъ для народа». Среди парижскихъ студентовъ проявляется въ послѣднее время большое стремленіе сблизиться съ народомъ и отдавать ему часть своего времени. Въ Парижѣ образовался кружокъ «студенты и народъ», который устраиваетъ безплатные музыкально-литературные вечера, для рабочихъ; главнымъ организаторомъ явился г-нъ Бушаръ; народа набирается такъ много, что зала, разсчитанная на 1.500 чел., не можетъ вмѣщать всѣхъ желающихъ. Вотъ образчикъ программъ одного изъ такихъ вечеровъ: свадебный маршъ Мендельсона, чтеніе объ Эльзасѣ, очень трогательно, такъ какъ это больной вопросъ каждаго француза, причемъ лекторъ отнюдь не говорилъ въ воинственномъ духѣ, а, напротивъ, въ самомъ умиротворяющемъ, напоминая слушателямъ о духовной связи съ несчастными братьями, поддержать которую долгъ каждаго гражданина; затѣмъ послѣдовало драматическое чтеніе, «Сидъ» Корнеля, съ объясненіями историческихъ личностей; выбирались только самыя интересныя сцены; музыкальная пьеса и нѣсколько пѣсенъ, между прочимъ комическій квартетъ, закончили вечеръ.

Кромѣ вечеровъ, кружокъ предлагаетъ своимъ членамъ (членскій взносъ 50 сантимовъ; принимаются мужчины, женщины и дѣти) пользоваться библіотекой и даровыми медицинскими совѣтами, но главная задача—установленіе тѣсныхъ и сердечныхъ отношеній между различными классами общества, соединеніе и примиреніе сословій. Президентъ кружка, г-нъ Аллье, написалъ статью въ журналѣ «La semaine litéraire», гдѣ выясняетъ пути и средства къ осуществленію поставленныхъ задачъ и призываетъ французскую молодежь перейти отъ слова къ дѣятельности. «Студенты должны помнить,—говоритъ онъ,—что въ новомъ дѣлѣ имъ предстоитъ обращаться не съ милостыней и не къ нищему, а къ равному, съ просьбой совмѣстно помочь обсудить тяжелые соціальные вопросы дня, имъ нужно остерегаться всякой помощи, напоминающей подаяніе». Осуществленіе гражданскаго

мира путемъ взаимнаго вліянія умовъ другъ на друга,—вотъ то грядущее благо, котораго Аллье ожидаетъ отъ кружка и всѣми силами старается поддержать энергію его молодыхъ членовъ. На сердцѣ какъ-то становится тепло, когда чувствуешь, что вездѣ и всюду люди притягиваются какъ магнитъ къ одной одухотворяющей ихъ цѣли общаго блага; «живи для другихъ, если хочешь, чтобъ жили для тебя», старое философское изреченіе, но сколько потребовалось вѣковъ, чтобы оно вошло въ сознаніе и создало альтруизмъ, высшую общественную нравственность.

Сдѣлавъ переходъ отъ частнаго къ общему, нельзя обойти молчаніемъ, что въ Европѣ снова подымаются голоса за осуществленіе международнаго третейскаго суда и за борьбу противъ милитаризма. Девятнадцатое столѣтіе, видѣвшее столько безвинно пролитой крови, столько военныхъ бѣдствій, передаетъ этотъ вопросъ великой народной тягости своему приближающемуся замѣстителю—двадцатому столѣтію. Передовые мыслители всюду поднимаютъ голосъ за рѣшеніе международныхъ столкновеній третейскимъ судомъ. Соединенные Штаты и Англія тоже подписали трактатъ о томъ, что, въ случаѣ между ними возникнутъ несогласія, они будутъ разрѣшаться двумя третейскими судилищами; одно будетъ разбирать денежные споры, другое—территоріальные вопросы. Во Франціи Рише написалъ статью, гдѣ доказываетъ, что теперь уже наступила переходная эпоха, замѣна войны судомъ чести между державами, и что всѣ люди должны непремѣнно увѣровать въ близость мирнаго разрѣшенія недоразумѣній и споровъ, какъ вѣровали когда-то въ уничтоженіе рабства. Такимъ образомъ видимъ, что частные союзы помогутъ людямъ разбираться въ частныхъ спорахъ, а соединенные вмѣстѣ образуютъ сплоченность народовъ между собою и помогутъ устранить великія общественныя бѣдствія. Тѣ идеальныя стремленія, которыя одухотворяютъ отдѣльныхъ лицъ, будутъ одухотворять союзъ людей между собою и, повидимому, незамѣтное, небольшое явленіе по своимъ результатамъ можетъ имѣть громадное міровое значеніе. Такова логика жизни, что одно знаніе цѣпляется за другое и образуетъ потокъ, смывающій съ лица земли позорящія человѣчество вражду, месть, междоусобицы, войны и гибель отдѣльныхъ единицъ, менѣе всего виноватыхъ въ возникшихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде думали, что жизнь двигаютъ герои, но времена героевъ прошли безвозвратно, и сила познается не въ силѣ единичной личности, а въ силѣ сплоченнаго единства. Въ то же время и единичной личности приходится жить и бороться и работать; признательные современники устраиваютъ болѣе выдающимся членамъ, смотря по ихъ заслугамъ, черезъ извѣстные промежутки лѣтъ, торжества, подносятъ адресы, говорятъ рѣчи, газеты печатаютъ ихъ и разносятъ по всѣмъ селамъ и вѣсямъ отчеты о юбилейныхъ праздникахъ. Мнѣ бы хотѣлось упомя-

нуть объ одномъ скромномъ юбилеѣ—25-лѣтней дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова; отчетъ о его жизни, составленный Ѳ. С. Матвѣевымъ, даетъ интересную картину жизни этого человѣка. В. Я. Аврамовъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Костромской губерніи. Гимназію ему кончить не удалось, помѣшала латынь, кадетскій корпусъ, куда онъ выдержалъ экзаменъ, не удовлетворялъ его духовныхъ потребностей, и онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій университетъ. По выходѣ изъ университета В. Я. отправился въ Петербургъ и поступилъ на первый курсъ Института инженеровъ путей сообщенія, но, пробывъ три года въ институтѣ, почувствовалъ потребность живого дѣла, которое захватило бы всю его душу. Институтъ не давалъ этого дѣла, и В. Я. ушелъ съ третьяго курса, помышляя объ одномъ—быть полезнымъ народу. Но какъ ему служить, въ какой формѣ? Лѣтомъ 1871 года онъ прочелъ «Руководство къ преподаванію по Родному Слову» Ушинскаго, и судьба его рѣшилась—онъ сдѣлался народнымъ учителемъ. Осенью, 23 октября того же года, онъ поступилъ въ школу дер. Волково, на границѣ съ Петербургомъ, и съ тѣхъ поръ «въ теченіе двадцати пяти лѣтъ черезъ его школу прошла не одна сотня дѣтей», пишетъ Ѳ. С. Матвѣевъ, «прошло не одно поколѣніе. Теплое, сердечное слово раздавалось въ теченіе всего этого періода среди крестьянскихъ дѣтей, будило въ нихъ духовную жизнь, направляя ихъ ко всему хорошему, доброму, свѣтлому. Не смотря на всѣ трудности, онъ остался вѣренъ своему дѣлу; онъ не бѣжалъ съ поля битвы, разочарованный, съ проклятіями тому же народу, на помощь которому онъ шелъ, и къ нему непримѣнимъ упрекъ поэта: «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано».

В. Я. Аврамовъ не только училъ дѣтей, но и проводилъ съ ними все свободное время, устраивалъ игры, читалъ имъ, бесѣдовалъ о прочитанномъ, что еще болѣе сближало дѣтей со школою. Онъ былъ того мнѣнія, что школа должна быть источникомъ радости для дѣтей и навсегда остаться свѣтлымъ воспоминаніемъ дѣтства. Лѣтомъ устраивались прогулки, причемъ пѣлись пѣсни, раздавались шутки и прибаутки. Этою школою заинтересовались многіе, и посѣщенія посторонними лицами возростало съ года на годъ; радостно и поучительно было смотрѣть на трудъ этого преданнаго своему дѣлу человѣка. Между тѣмъ жалованье онъ получалъ самое скромное, сперва 10 р., потомъ 20 р. и, наконецъ, 25 р. 12 ноября 1896 г. земское собраніе выразило ему благодарность за 25 лѣтъ службы въ школѣ, а въ 1894 г. комитетъ грамотности выбралъ его въ пожизненные члены-сотрудники.

Въ жизни этого скромнаго дѣятеля мы видимъ высокое стремленіе къ идеалу, которое и помогало ему преодолѣвать всѣ неизбѣжныя на этомъ поприщѣ трудности и утомительную ежедневную работу. Въ лицѣ его, можно сказать, олицетворяется высокій типъ сельскаго учителя; много ихъ разсѣяно по захолустьямъ нашего суроваго отечества, и, думая о нихъ, поэтъ сказалъ: сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ.

О. Баранова.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ январѣ мѣсяцѣ.

Алексѣевъ, П. С., д-ръ. О пьянствѣ. Изд. 2-е, значит. исправл. и дополн Съ предисл. Л. Толстого: «Для чего люди одурманиваются». Изд. «Посредника». М. 1896 г. Ц. 60 к.

Барыкова, А. П. Стихотворенія и прозаическія произведенія. Изд. «Посредника». Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бертильонъ, Ж. Курсъ административной статистики. Ч. I. Пріемы собиранія и разработки статистич. свѣдѣній. Переписи населенія. Перев. съ франц. Н. Ѳ. Джунковскаго. Со вступительн. стат. «О научной обработкѣ статистич. матерьяловъ» проф. А. Ѳ. Фортунатова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брюсовъ, Валерій. Me eum esse. Новая книга стиховъ. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Буль, Генрихъ. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Перев. съ нѣмецк. С. Сергѣева. «Библ. общ. знан.». Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее обученіе. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Вундтъ, Вильгельмъ. Очеркъ психологіи. Перев. Д. В. Викторова, подъ ред. съ предисл. и примѣч. проф. Н. Я. Грота. Въ началѣ книги статья проф. Н. Я. Грота: «Основанія эксперимент. психологіи». М. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Герцбергъ, Г. Ф. Исторія Византіи. Перев., примѣч. и приложенія П. В. Безобразова. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897 г. Ц. 4 р.

Гротъ, Н. Я. Очеркъ философіи Платона. Изд. «Поср.». М. 1897 г. Ц. 60 к.

Гюи-де-Мопасанъ. Чудный другъ и другіе разсказы. Перев. съ франц. Л. П. Никифорова. Съ предисл. Л. Н. Толстого. Изд. «Посредн.». М. 1897 г. Ц. 1 р.

Де-Фо, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іоркскаго моряка, разсказан. имъ самимъ. Перев. съ англійск. П. Канчаловскаго, съ рис. Паже. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дрентельнъ, Е. Не слишкомъ-ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей? Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Журавлевъ, А. А. Отчетъ о дѣятельности Боровичск. о-ва трезвости за второй годъ существованія (съ 1 іюня 1895 г. по 1 іюня 1896 г.). Боровичи. 1896 г.

Закъ, Л. С. Народныя переписи. Общедоступн. очеркъ. («Библ. общ. зн». Серія I. В. II). Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Индостанскій, князь. Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся: «У графини В... былъ музыкальный вечеръ». Фантастич. разск. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Мисль-Рустемъ. Персія при Насръ-Эдинъ-Шахѣ съ 1882 по 1888 г. Очерки въ разсказахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мольеръ. Сганарель. (Scanarelle ou le cocu imaginaire). Ком. въ 1-мъ дѣйств. Вольный перев. въ стих. А. А. Федорова-Давыдова. М. 1896.

Муриновъ, Вл. Задачи и организація земскихъ книжныхъ складовъ. Изъ ж. «Р. Мысль», кн. X и XI. М. 1896 г.

Назаровъ, Г. Я. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчинъ. Съ 18 рис. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 10 к.

Его же. Опытъ обзора Ялуторовскаго округа въ естественно-историч. отношеніи. Оттискъ изъ «Тобольск. губ. вѣд.». 1896 г.

Новодумъ, Н., д-ръ. Новый международный языкъ «Прометей-Просвѣтитель». Вып. I. Опытъ грамматики новаго языка какъ звуковой системы для энциклопедич. знанія и философск. мышленія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Отоцкій, П. Гидрологическая экскурсія 1895 г. въ степные лѣса. Съ 2-мя карт. и мног. рис. Спб. 1896 г.

Платонъ. Федонъ. Разговоръ. Перев. съ объяснит. примѣч. Дм. Лебедева. Изд. 2-е, значит. исправл. Изд. «Посредн.». М. 1896 г. Ц. 40 к.

Поссе, В. «На холерѣ». Изд. «Посредн.». М. 1896 г. Ц. 40 к.

Рахмановъ, В. В. Общедоступный лѣчебникъ. Изд. «Посредн.». М. 1897 г. Ц. 60 к.

Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. (1865—1895 гг.). Приложенія. Изд. Д-та земледѣл. Спб. 1896 г.

Сухановъ, Павелъ. Тобольскій сапожникъ. (Опытъ частн. изслѣдов. сапожнаго промысла и положенія сапожниковъ въ Тобольскѣ. Тобольскъ. 1896 г.

Столѣтовъ, Ал-дръ Гр. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Съ фототипическ. портрет. и біографич. оч., составл. К. Тимирязевымъ. Изд. ред. ж. «Р. Мысль». М. 1897 г.

Телешевъ, Н. За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. Очерки. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Фламмаріонъ, К. Живописная астрономія. Общее описаніе вселенной. Перев. Е. Предтеченскій. Съ 382 полит. и раскраш. рис. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Фре, Генрихъ. Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Перев. съ нѣмецк. С. Г. Яковенко. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ ред. П. И. Вейнберга. В. XVII. М. 1896 г.

Шюкэ, Артуръ. Ж. Ж. Руссо. Перев. съ франц. П. Н. Шараповой. Изд. «Посредн.». М. 1897 г. Ц. 40 к.

Юрьинъ, Н. Искатель новыхъ впечатлѣній. Пов. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русск. народн. хозяйства. Статьи: Н. Ѳ. Аншенскаго, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова, проф. Н. А. Карышева, Л. Н. Моресса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровскаго, Д. И. Рихтера, проф. А. Ѳ. Фортунатова, проф. А. И. Чупрова, Ф. А. Щербины. Подъ ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. 2 тома. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Годовой отчетъ русскаго женскаго взаимно-благотворительн. о-ва за 1895—1896 г. Спб. 1896 г.

Изданія «Посредника». № 259. Семеновъ, С. Т. Вѣрное средство. Разск. М. 1896 г. Ц. 1½ к.—№ 263. Забѣлло, О. Гордые люди. Пов. (По Б. Ауэрбаху). М. 1896 г. Ц. 10 к.—№ 266. Сутуловъ, С. О воздѣлываніи льна. М. 1897 г. Ц. 3 к.—№ 267. Соколовъ, А. Сортировка для отбора веренъ въ крестьянск. хозяйствѣ. Кормов. средства для скота. Съ чертеж. сортировки. М. 1897 г. Ц. 3 к.—№ 268. Его же. Новый способъ быстраго разведенія яблонь. Разведеніе малины. М. 1897 г. Ц. 1½ к.—№ 288. Самойловичъ, В. Трубадуръ. Пов. изъ средневѣков. быта. М. 1897 г. Ц. 3 к.

Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи и т. п. по способу д-ра Эвальда. Новооткрытое свойство гальванич. тока. Съ 40 рис. Спб. 1897 г.

Отчетъ Изюмской обществен. банка за 1896 г. Изюмъ. 1897 г.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Вологдѣ съ 1-го окт. 1895 г. по 16-е мая 1896 г. Вологда. 1896 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ редакціи продаются слѣдующія книги:

НОВАЯ КНИГА.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Сочиненіе **КАРЛА МАРКСА,**

изданное подъ редакц. Фридр. Энгельса.

Перев. съ нѣмецк. Томъ III. Кн. III. Процессъ капиталистическаго производства, взятый въ цѣломъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ **А. К. Томашевскаго.**

Спб. 1896 г. Цѣна **2** р. **50** к.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Ярошкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома **5** р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

Е. ДЮРИНГЪ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна **1** р. **50** к.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе **ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ,** члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе **Г. А. Куковѣрова.** Спб. 1894 г. Ц. **1** р. **50** к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Переводы и изданія **Д. Л. МУРАТОВА:**

8-МИ-ЧАСОВОЙ

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Соч. ***С. Вебба*** и ***Х. Кокса.***

Цѣна 1 руб. 60 коп.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ И ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Т. Хиггинсона. XVI+304 стр. Цѣна 1 рубль.

Лица, выписывающія эти книги изъ конторы «Новаго Слова» или изъ конторы изданій **О. Н. Поповой** (Спб. Невскій, 54—Библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ.

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЛОДЗИНСКІЙ ЛИСТОКЪ
4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Единственная частная русская газета въ царствѣ Польскомъ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Въ 1897 году «Лодзинскій Листокъ» будетъ издаваться по той же расширенной программѣ, какъ и въ 1896 году, съ политическимъ отдѣломъ и оффиціальными приложеніями. Въ газетѣ печатаются объявленія казенныя и частныя. Въ передовыхъ руководящихъ статьяхъ будутъ подвергаться обсужденію всѣ выдающіяся событія въ области политики, торговли, промышленности и общественной жизни. Замѣчательныя беллетристическія произведенія, оригинальныя и переводы, наполнятъ литературный отдѣлъ. Способствованіе сближенію разнородныхъ элементовъ, безпартійность и безпристрастіе—цѣль и направленіе изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 8 руб.; съ пересылкою 10 руб. — к.
На 3 мѣсяца . . . . . 2 » » » 2 » 50 »

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что хотя «Лодзинскій Листокъ»—газета частная, тѣмъ не менѣе думаемъ, что оффиціальныя объявленія и распоряженія мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей, обязательныя для домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ и промышленниковъ и вообще для всѣхъ, живущихъ въ городѣ Лодзи лицъ, дѣлаютъ газету «Лодзинскій Листокъ» необходимою, какъ руководство, въ которомъ они найдутъ для себя не только свѣдѣнія изъ области торговли и промышленности, но и тѣ указанія, кои предупредятъ ихъ отъ отвѣтственности за неисполненіе ими по незнанію обязательныхъ требованій властей.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Лодзи—въ конторѣ редакціи, улица Дѣльная, № 13, и въ книжномъ нашемъ магазинѣ, ул. Петроковская, № 90; въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. Статьи и замѣтки для напечатанія въ «Лодзинскомъ Листкѣ», а равно книги и брошюры для рецензіи редакція проситъ адресовать: М. Е. Терехову, ст. Воломинъ, С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. 3—2

ГОДЪ — **1897 ГОДЪ** — XVI-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ГАЗЕТУ ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ.

Редакція «ТАГАНРОГСКАГО ВѢСТНИКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ,

ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго Агентства. *II. Мѣстный отдѣлъ.* Оффиціальныя извѣстія, касающіяся пріазовскаго края. Городскія извѣстія. Замѣтки и мелочи. Театральныя рецензіи. Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія. *III. Внутренній отдѣлъ.* Общія правительственныя распоряженія. Извѣстія изъ области войска Донскаго, пріазовскаго края и разныхъ мѣстностей Россіи. *IV. Иностранный отдѣлъ.* Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣе выдающіяся событія иностран. жизни. *V. Судебный отдѣлъ.* Сообщенія о важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. *VI. Фельетонъ.* Романы, повѣсти, стихотворенія, разсказы, анекдоты, сценки и т. п. статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. *VII. Объявленія и рекламы.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣс. 6 р., 11 мѣс. 5 р. 50 к., 10 мѣс. 5 р. 25 к., 9 мѣс. 4 р. 75 к., 8 мѣс. 4 р. 50 к., 7 мѣс. 4 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 5 мѣс. 3 р., 4 мѣс. 2 р. 75 к., 3 мѣс. 2 р 25 к., 2 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 75 к.

Съ дост. и перес.: на 12 мѣс 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 10 мѣс. 6 р., 9 мѣс. 5 р. 50 к., 8 мѣс. 5 р., 7 мѣс. 4 р. 50 к., 6 мѣс. 4 р., 5 мѣс. 3 р. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р. 70 к., 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская улица, домъ № 5-й.

Редакторъ *М. Красновъ.* 3—2 Издатель *М. Мироновъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Журналъ Международнаго и Государственнаго Права.

Журналъ выходитъ каждые два мѣсяца въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры подъ редакціей приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета Э. К. Симсонъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся ученые русскіе и иностранные, спеціалисты по международному и государственному праву.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Распоряженія Правительства, касающіяся вѣдомства Министерства Иностранныхъ дѣлъ. 2) Статьи по вопросамъ международнаго права. 3) Статьи по вопросамъ государственнаго права. 4) Статьи по другимъ частямъ юриспруденціи, соприкасающіяся съ вопросами международнаго и государственнаго права. 5) Научно-критическое разсмотрѣніе постановленій, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросамъ международнаго или государственнаго права. 6) Хроника текущихъ событій международныхъ отношеній государствъ. 7) Текстъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами. 8) Заграничныя корреспонденціи касательно событій и вопросовъ международнаго значенія. 9) Библіографія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о журналѣ высылаются редакціей по первому требованію безплатно.

Подписная цѣна на годъ: съ доставкою въ С.-Петербургѣ—8 руб., съ пересылкою въ предѣлахъ Россіи—8 руб. 50 коп.; за границу—9 руб. 50 коп., для студентовъ 6 р. и 6 р. 50 к. Допускается разсрочка въ четыре срока.

Отдѣльные нумера журнала продаются по 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и книжномъ магазинѣ Г. Шмицдорфъ (Невскій, 6); подписка въ разсрочку и отъ гг. студентовъ принимается только въ конторѣ редакціи (Стремянная, 8). Гг. иногородніе подписчики благоволятъ прислать подписныя деньги на имя издателя Эвальда Карловича Симсонъ, С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. № 8. Для удобства публики контора редакціи, по полученіи извѣщенія открытымъ письмомъ, присылаетъ артельщика на домъ для принятія подписки.

Редакція открыта отъ 1—4 ч. и помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Стремянной ул., д. 8.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

СТЕПНОЙ КРАЙ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. ОМСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Посвященная разработкѣ вопросовъ мѣстной жизни, газета будетъ обращать особое вниманіе на городское и общественное самоуправленіе, школьное и переселенческое дѣло, инородческій вопросъ и экономическое положеніе края.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: Гриневичъ, П. Ф.; Дѣдушка Мазай; Евгешинъ, А. А.; Ивановъ, Александръ (Потаповъ, А. И.); Плличъ, В. С.; Кауфманъ, А. А.; Клеменцъ, Д. А.; Курскій, М. О.; Марусинъ, С. (С. П. Швецовъ); Мельшинъ, Л.; Митричъ, В. Д.; Потанинъ, Г. Н.; Рафаиловъ, М.; Семевскій, В. И.; Хотымскій и др.

Въ главныхъ городахъ Сибири газета будетъ имѣть постоянныхъ корреспондентовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для **городскихъ** подписчиковъ годовое изданіе безъ ежедневныхъ телеграммъ—**5 рублей**, съ телеграммами—**7 рублей**.

Для **иногородныхъ**: безъ ежедневныхъ телеграммъ—**5 р. 50 к.**, съ телеграммами—**7 р. 50 к.**

Допускается помѣсячная подписка и разсрочка въ платежѣ.

Отдѣльные нумера въ розничной продажѣ 7 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ, а также розничная продажа №№ производится: въ **Омскѣ**: въ редакціи «Степного Края»; въ **Тюмени**: въ магазинѣ «Польза»; въ **Барнаулѣ**: въ Общественной библіотекѣ и въ магазинѣ Тернера и К°; въ **Томскѣ**—у И. Г. Короленко, Миліонная ул., д. Кипріяновой.

Редакціей возбуждено ходатайство о разрѣшеніи выпускать газету ТРИ раза въ недѣлю.

Издатель *И. П. Сунгуровъ.* 3—1 Редакторъ *И. Ѳ. Соколовъ.*

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

5 рублей безъ доставки. Издается съ 1885 г. 6 руб. съ дост. и пересыл.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. И. Поповицкаго И ПРИ УЧАСТІИ

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыя былъ представленъ редакціею, а именно: 1) Учебнымъ комитетомъ при Св. Сунодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а также въ библіотеки епархіальныя и благочинническія; 2) Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Рекомендованъ: 3) Учебнымъ Комитетомъ по вѣдомству Императрицы Маріи для женскихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства; 4) Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ сихъ заведеній; 5) Главнымъ Тюремнымъ управленіемъ для тюремныхъ библіотекъ, и сверхъ сего: 6) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ особому вниманію гг. попечителей учебныхъ округовъ; 7) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ особому вниманію тюремныхъ комитетовъ; 8) Нѣкоторыми епархіальными преосвященными особому вниманію духовенства, наконецъ, 9) Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Сунода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1887, 1888 и 1889 годы одобренъ, какъ доставляющій чтеніе, интересное по своему разнообразію и назидательное для любителей духовнаго просвѣщенія и христіанскаго благочестія.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большого формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художествени. рисунками.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемомъ каждая 6—7 листовъ (100—120 страницъ).

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: КОПІЮ СЪ ИКОНЫ НОВОЯВЛЕННАГО ЧУДОТВОРЦА,

СВЯТИТЕЛЯ ОЕОДОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО,

исполненную въ 20 красокъ, размѣромъ 18½ д. выш. и 14½ д. шир.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія; по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

Содержаніе журнала, благодаря легкому, изящному общедоступному изложенію и художественнымъ рисункамъ, дѣлаетъ „Русскій Паломникъ“ пригоднымъ для каждой христіанской семьи, для учащагося юношества, для всѣхъ вообще ревнителей благочестія, для казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и рабочихъ домовъ.

Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ помѣщено: 1) Задушевное слово. Сборникъ избранныхъ духовныхъ стихотвореній М. Н. Глинки, В. Майкова, Н. Языкова, Мея, Лопухина, Хомякова, О. Чюминой и др. 2) Каллистъ. Повѣсть изъ жизни карѳагенскихъ христіанъ. 3) Сѣверъ Россіи и его святыни. Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и др. обителямъ сѣверной Россіи. Очерки и разсказы съ рис. 4) и 5) Жизнь и творенія св. Іоанна Златоустаго. Подъ редакціей преосвященнаго Никанора, епископа Смоленскаго. 6) Дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. 7) и 8) На зарѣ христіанства. Большой разсказъ изъ эпохи нероновскихъ гоненій на христіанъ. Передѣлка обширнаго сочин. Ф. Фаррара. 9) «Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти». Извлеченіе изъ извѣстнаго и въ высокой степени интереснаго труда монаха Митрофана. 10) «Скорбь Россіи». Послѣдніе дни жизни и кончина Царя-Миротворца. Альбомъ изъ оригинальныхъ рисун. худ. В. Овсянникова, А. Чикина, А. Писемскаго, Э. Соколовскаго и др. въ память 3-й годовщины 20 октября 1894 г. 11) Свѣтъ Азіи. Евангеліе въ дебряхъ Сибири. Изъ записокъ православныхъ миссіонеровъ. Очерки и разсказы. 12) Избранныя пѣснопѣнія въ русской православной церкви. Сборникъ духовныхъ нотъ и образцовъ наиболѣе употребительныхъ напѣвовъ, между прочимъ, знаменитаго Симоновскаго напѣва.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Спб. **пять** руб. Съ дост. и перес. во всѣ города Росс. имперіи **шесть** руб. За границу 8 руб.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Контора журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремянная улица, собственный домъ, № 12. 3—3

1897 годъ. Четвертый годъ изданія. 1897 годъ.

«БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!»

ПОПУЛЯРНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№№ выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: 5 руб. въ годъ, 3 руб. полгода, 2 р. четверть года.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Невскій, 148.

Въ 1897 году журналъ **«Будьте Здоровы!»** будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ первые три года. Эта программа, равно какъ направленіе и цѣли нашего журнала ясно опредѣляются самымъ его названіемъ **«Будьте Здоровы!»**. Это настоящій популярный журналъ, дающій въ ясныхъ общепонятныхъ статьяхъ все, что нужно знать человѣку для сохраненія его здоровья, и необходимый въ каждой интеллигентной семьѣ. На его страницахъ читатель найдетъ статьи о томъ, какъ надо жить, питаться и одѣваться, работать, отдыхать и развлекаться, какъ предупредить болѣзни и остерегаться всего вреднаго, какъ лѣчить заболѣванія домашними средствами, безъ помощи врача, какъ утолить боль и облегчить припадки, какъ укрѣпить нервы, какъ приготовить себѣ здоровую старость, какъ воспитать здоровыхъ дѣтей и пр. и пр.

Независимо отъ существующихъ отдѣловъ журнала, перечислять которые было. бы слишкомъ долго, редакція **«Будьте Здоровы!»** по просьбѣ своихъ читателей обратитъ особенное вниманіе въ 1897 году на слѣдующіе отдѣлы: Гигіена женщинъ, дѣтская гигіена, гигіена нервныхъ людей; военная гигіена и, главнымъ образомъ, половая гигіена. Только лицемѣрные люди могутъ находить неприличнымъ отдѣлъ популярныхъ статей, толкующихъ о томъ, что необходимо каждому знать, и имѣющихъ цѣлью не возбуждать воображеніе читателя, а принести ему посильную пользу. Въ наше нездоровое время не только масса людей страдаетъ «нервами» и «нервностью», но и, живя исключительно нервами, въ постоянной погонѣ за нервными возбужденіями и самымъ интензивнымъ изъ нихъ, половымъ наслажденіемъ, теряетъ устойчивость и страдаетъ разными аномаліями, неправильностями отправленій и болѣзнями половыхъ органовъ. Въ продолженіе будущаго года мы дадимъ въ нашемъ журналѣ рядъ статей о гигіенѣ брака и новобрачныхъ, о гигіенѣ цѣломудрія, о половыхъ излишествахъ, о половомъ безсиліи и нейрастеніи, объ онанизмѣ, о ихъ послѣдствіяхъ и лѣченіи. Интересующіеся подробностями благоволятъ требовать подробную иллюстрированную программу, которая высылается безплатно. 3—2 Редакторъ-издатель д-ръ *И. И. Зарубинъ.*

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО.

КІЕВСКАЯ

ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

И СЪ ДВУХЪ-НЕДѢЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 Г. ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р.; безъ доставки: на 1 годъ—6 р., на 6 м.—3 р. 75 к., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная улица, № 8—А (Музыкальный пер.).

3—2 Редакторъ-Издатель *М. Е. Крапивскій.*

Съ 1 января 1897 года
въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты
„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“, будетъ выходить
ЕЖЕДНЕВНАЯ
(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
„УРАЛЪ“
По слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ—внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла.* 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла* и всѣ касающіяся его извѣстія какъ русскія, такъ и заграничныя. 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обозрѣніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обозрѣніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библіографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской, такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты «Уралъ» будутъ получать телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 75 к. Допускается разсрочка—при подпискѣ—3 руб., къ 1 мая—3 руб., и къ 1 сентября—2 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ: — въ конторѣ редакціи «Урала» (Вознесенскій пр., д. № 44), въ книжныхъ магазинахъ Блохиной (Покровскій проспектъ, д. Волкова) и Бабинова (Богоявленская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ «Посредникъ» (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель *В. Г. Чекинъ.* 2—2 За редактора *П. И. Пьянинъ.*

1897 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ 1897
„ОКРАИНА“
ВЪ ТАШКЕНТѢ.

Газета вступаетъ въ восьмой годъ изданія. Въ наступающемъ году она будетъ стараться представлять по возможности шире и полнѣе экономическую и духовную жизнь населенія Туркестанскаго края. Съ этою цѣлью редакціей возбуждено ходатайство о расширеніи программы газеты. Въ программу войдутъ слѣдующіе новые отдѣлы: 1) Фельетонъ. 2) Среди газетъ и журналовъ (отзывы Европейской и англо-индійской печати о Туркестанѣ съ краткимъ ихъ освѣщеніемъ) и 3) Со всѣхъ концовъ Азіи.

Съ будущаго года редакція нашла возможнымъ, не повышая подписной платы, увеличить размѣръ изданія и выпускать газету вмѣсто 2-хъ разъ
три раза въ недѣлю,
по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. 3—2 За редактора издатель *С. Пятуховъ.*

САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

Газета посвящена преимущественно мѣстнымъ интересамъ Саратовской области, къ которой нужно причислить, кромѣ Саратовской губерніи, смежные уѣзды Тамбовской и Пензенской и Самарское Заволжье (Новоузенскій и Николаевскій уѣзды).

Цѣна за годъ съ перес. 7 руб., за 6 мѣс.—4 руб., за 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., за 1 мѣсяцъ—1 руб.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Полное собраніе сочиненій.

ВЫШЕЛЪ ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(IV+362 стр., in—8°). Ц. одинъ рубль.

Все изданіе составитъ 8 томовъ, которые, кромѣ матеріала перваго изданія, будутъ включать въ себѣ романъ «Въ глуши» и нѣкоторыя повѣсти, печатающіяся въ первый разъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Томы въ отдѣльности будутъ продаваться отъ 1 р. до 1 р. 50 к., цѣна полнаго экземпляра—10 руб. (безъ пересылки).

Подписка на полный экземпляръ принимается **исключительно** въ Саратовѣ, въ книжномъ магазинѣ «Саратовскаго Дневника», за 6 руб. безъ пересылки и за 7 р. 50 к. съ пересылкою. Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 р.—послѣ выхода 2-го тома, 2 р. послѣ 4-го, 1 р. 50 к.—послѣ 6-го.

Къ свѣдѣнію библіотекъ: изданіе печатается на прочной тряпичной бумагѣ, безъ примѣси древесины.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 16 р., 6 мѣс. 9 р., 3 мѣс. 4 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. 80 к. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 17 р., 6 мѣс. 10 р., 3 мѣс. 5 р. 50 к., 1 мѣс. 2 р. За границу: на годъ 26 р., 6 мѣс. 14 р., 3 мѣс. 8 р., 1 мѣс. 3 р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 18 р., 6 мѣс. 10 р. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 19 р., 6 мѣс. 11 р. За границу: на годъ 28 р., 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

3—3 Редакторъ-издатель **князь Э. Э. Ухтомскій.**

НОВОЕ СЛОВО.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1) Дѣйствія правительства. 2) Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3) Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. 4) Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5) Политическое обозрѣніе. 6) Иностранныя извѣстія. 7) Заграничная жизнь. 8) О чемъ пишутъ. 9) Злобы дня. 10) Общая хроника. 11) Летучіе листки. 12) Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13) Арабески (Таганрогъ). 14) Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15) Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16) Письма изъ Маріуполя. 17) Театръ и музыка. 18) Маленькій фельетонъ. 19) Изъ залы суда. 20) Наука, искусство и литература. 21) Библіографія. 22) Корреспонденціи. 23) По Россіи. 24) Смѣсь. 25) Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26) Торговыя свѣдѣнія. Биржа. 27) Справочный отдѣлъ. 28) Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающ. событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городск. и иногородн. подписчик.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
9 р.	8 р. 50 к.	8 р.	7 р. 25 к.	6 р. 50 к	5 р. 75 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
5 р.	4 р. 25 к.	3 р. 50 к.	2 р. 75 к.	2 р.	1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
8 р.	7 р. 50 к.	7 р.	6 р. 50 к.	6 р.	5 р. 25 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
4 р. 50 к.	3 р. 75 к.	3 р.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.	80 к.

За пересылку газеты за-границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 к.

Подписка принимается исключит. съ каждаго 1-го числа въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край».

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянск. пер., № 19. *Въ Новочеркаскѣ*—у Н. В. Туркина, Комитетск. ул. *Въ Екатеринодарѣ*—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца. *Въ Маріуполѣ*—у П. Н. Фалькевича. *Въ Ейскѣ*—у Ѳ. С. Куцева. *Въ Новороссійскѣ*—у Э. А. Маринаки. *Въ Азовѣ*—у В. В. Золотарева. *Въ Луганскѣ*—у П. Е. Кочетова. *Въ Александровскѣ-Грушевскомъ*—у Б. М. Файвишевича, типографія. *Въ Пятигорскѣ*—у А. М. Мануилова, типографія. *Въ Грозномъ*—у Е. П. Садовникова. *Въ Бахмутѣ*—у И. Р. Грилихесъ. *Въ Армавирѣ*—у Р. Ф. Уманцевой. *Въ ст. Каменской*—у В. И. Волокитина, типографія. *Въ ст. Константиновской*, обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ.

НА ИЗДАЮЩІЙСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

17-й годъ изданія.

ВЪ 1897 году журналъ «ВОСХОДЪ» и газета «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ въ ПАЛЕСТИНѢ, АРГЕНТИНѢ, НЬЮ-ЙОРКѢ, ПАРИЖѢ, ЛОНДОНѢ, БЕРЛИНѢ, ВѢНѢ, РИМѢ и вообще во всѣхъ КРУПНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ Россіи и заграницей.

Вышла январская книга журнала „ВОСХОДЪ“.

Содержаніе: I. Гоголія. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ж. Расина. Пер. въ стихахъ. О. Н. Чюминой. — II. О нѣкоторыхъ нуждахъ евр. населенія въ Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—III. Уріель Акоста. Историческая характеристика. П. Зангвиля. (Съ англійскаго). Пер. С. Л. Федоровичъ. — IV. Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ. Къ исторіи развитія устнаго ученія. Д-ра Л. С. Каценельсона.—V. Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами.—VI. Послы. Изъ сатирическихъ параллелей. Стих. С. Г. Фруга.—VII. Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. — VIII. Хейбарскій ядъ. Изъ хроники VII вѣка. Стих. В. Лебедева. — IX. Изъ путевыхъ впечатлѣній въ «чертѣ осѣдлости». Встрѣчи, картинки, разговоры. Л. Е. Оболенскаго.—X. Изъ «переписки объупадкѣ еврейства». Письма Макса Нордау и Р. П. Сементковскаго.—XI. Неэмія предъ вратами Іерусалима. Стих. О. Н. Чюминой. — XII. Іудейскія древности. Соч. Флавія Іосифа. Пер. съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги). Современная лѣтопись.—XIII. Дѣятельность «центральнаго союза» германскихъ гражданъ іудейскаго исповѣданія. Альфонса Леви.—XIV. Литературная лѣтопись. Новый журналъ на еврейскомъ языкѣ. «Гашилоахъ», період. изданіе, посвященное наукѣ, литературѣ и интересамъ жизни. Берлинъ, кн. I—III. С. Г. Гинзбурга.—XII. Библіографія: 1) «Доръ хахамъ», т. е. эпоха мудрыхъ людей. Монографія д-ра С. Берифельда. С. Г.—2) Бояръ Уваяръ. Въ городѣ и въ лѣсу.—Оригинальныя басни для дѣтей и взрослыхъ. Соч. І. Штейнберга. — Диврей Хахомимъ, т. е. нравоучительные разсказы изъ Мидраши (а) и Талмуда, Соч. Ш. З. Левина.—Га-паамонъ, т. е. Колоколъ. Религіозно-нравственная бесѣда. Соч. Меера. Ахуна. Як. Кац—нъ.—XV. За прошлый годъ. Общая характеристика положенія. — Законъ и низшая администрація.—Кіевскіе ремесленники и ревнивое охраненіе матери русскихъ городовъ отъ окрестныхъ евреевъ.—«Облавы» на евреевъ.—Евреи въ Кубанской и Терской областяхъ.—Нижніе отставные чины и право ихъ на «жительство». — Юриспруденція статьи 12-й устава о паспортахъ.—Временныя правила 3-го мая 1882 г. и предстоящій пересмотръ ихъ.—Циркуляръ витебскаго губернатора. — Земство о евреяхъ.—Роль закона 3-го мая 1882 г. въ хозяйственной жизни «черты». Л. З.—XVI. Необходимое разъясненіе. В. Тавьева.—XVII. Подвижной каталогъ «ВОСХОДА».

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р. Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 году, со дня полученія ихъ подписки.

3—3 Редакторъ-издатель *А. Е. Ландау.*

НОВОЕ СЛОВО.

1897 г. Годъ V-й. 1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КУРЬЕРЪ

ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА 1897 ГОДЪ

5 РУБ. ВЪ ГОДЪ

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

НА ПОЛГОДА 3 Р.

3—2 *Издатель Я. А. ФЕЙГИНЪ.*

Открыта подписка на 1897 г.

на литературный, научный и политическій еженедѣльный журналъ

ЖИЗНЬ ЮГА

СЪ КНИЖКАМИ ПРИЛОЖЕНІЙ.

«Жизнь Юга» будетъ выходить въ Одессѣ по воскресеньямъ, начиная съ 12-го января Въ теченіе года будетъ дано 6 книжекъ приложеній, объемомъ отъ 10 до 12 листовъ каждая

Программа «Жизни Юга»: 1. Дѣйствія и распоряженія правительства. 2. Статьи по вопросамъ обще-русской, мѣстной и провинціальной жизни. 3. Телеграммы. 4. Обозрѣніе внутренней и иностранной жизни. 5. Литературное обозрѣніе. 6. Разсказы, повѣсти, стихотворенія—оригинальные и переводные. 7. Статьи популярно-научнаго содержанія. 8. Критика и библіографія. 9. Провинціальное обозрѣніе. 10. Корреспонденціи. 11. Судебная хроника. 12. Фельетонъ. 13. Театръ и искусство. 14. Торговый, промышленный и биржевой отдѣлъ. 15. Смѣсь. 16. Объявленія.

Въ «Жизни Юга» будутъ участвовать слѣдующія лица: С. М. Абрамовичъ, П. К. Брусиловскій, М. Горькій, В. А. Гольцевъ, В. І. Дмитріева, С. М. Дубновъ, Л. С. Закъ, А. М. Евреинова, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Іоллосъ, М. И. Кулишеръ, В. В. Лесевичъ, А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милюковъ, М. Г. Моргулисъ, Ф. Д. Нефедовъ, проф. Д. И. Овсянико-Куликовскій, проф. П. Г. Ортанскій, М. А. Плотниковъ, А. А. Русовъ, Я. Л. Сакеръ, В. И. Семевскій, К. М. Станюковичъ, А. Н. Ульяновъ, Р. М. Хинъ, Н. А. Хмѣльницкій, А. П. Чеховъ, С. Л. Чудновскій, А. И. Эртель и др.

«Жизнь Юга» будетъ посвящать особое вниманіе вопросамъ и нуждамъ Юга, не упуская изъ виду и интересовъ остального міра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Одессѣ: на 1 годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—1 руб. 50 коп., на 1 мѣс.—50 коп.
На города: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 м.—60 к.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНОМУ НОМЕРУ 10 КОП.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за строку петита на 1-ой страницѣ 30 коп., на послѣдней 10 коп.

Редакція помѣщается на Елисаветинской ул., д. № 1. Контора—на Гаванной ул., при типографіи Исаковича.

Издатель Я. В. Бѣловодскій. За редактора Я. В. Бѣловодскій.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на новую большую ежедневную газету Калужско-Тульскаго края

КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета «Калужскій Вѣстникъ», не измѣняя принятаго ею направленія, значительно расширитъ нѣкоторые отдѣлы своей программы—научный, общественной жизни, желѣзнодорожный, сельскохозяйственный и литературный.

Стоя внѣ всякихъ партій, личныхъ счетовъ и интересовъ, «Калужскій Вѣстникъ», насколько въ этомъ убѣдились наши читатели, бодро идетъ впередъ дорогою правды и культуры. Редакція сознаетъ, что только этимъ путемъ она можетъ достигнуть намѣченныхъ ею цѣлей; только говоря правду, не замалчивая непріятныхъ вещей, освѣщая отрицательныя явленія нашей жизни, и можно сослужить службу родному краю. Девизъ нашъ: «Царю правда—лучшій слуга» по прежнему будетъ нашею путеводною звѣздою.

Насколько показало короткое время существованія «Калужскаго Вѣстника», читатель оцѣнилъ наши скромные труды по изданію газеты: послѣдняя, начиная съ половины октября, уже начала печататься въ 1200 экземплярахъ.

Успѣхъ «Калужскаго Вѣстника» даетъ намъ возможность съ 1 ноября увеличить составъ редакціонныхъ сотрудниковъ и поднять техническую сторону газеты. Редакція ставитъ себѣ цѣлью, чтобы «Калужскій Вѣстникъ» былъ дѣйствительно опрятною провинціальною газетою, съ серьезнымъ направленіемъ и чистымъ литературнымъ матеріаломъ.

Программа «Калужскаго Вѣстника» состоитъ изъ слѣдующихъ 20 отдѣловъ:

1) Оффиціальный отдѣлъ, 2) Передовыя статьи по вопросамъ мѣстной жизни. 3) Телеграммы. 4) Мѣстная хроника. 5) Статьи и корреспонденціи. 6) Родиновѣдѣніе: свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, статистическіе, этнографическіе и пр. 7) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 8) Изъ прошлаго. 9. Наши сектанты. 10) Статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Тарифъ. 11) Фелье. тонъ: научный, общественной жизни и литературный. Повѣсти, разсказы, очерки-рецензіи, сцены, наброски, замѣтки и стихотворенія. 12) Внутреннія извѣстія, 13) Что дѣлается за границей? 14) Спортъ и охота. 15) Театръ и музыка. 16. Судебная хроника. 17) Биржевой отдѣлъ. 18) Смѣсь. 19) Справочный отдѣлъ 20) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ портфелѣ редакціи имѣется уже нѣсколько большихъ оригинальныхъ повѣстей, разсказовъ и статьи историческаго содержанія: Хлопова, княгини Вадбольской, Кулешова, Риваля, М. Сѣверной, Епифанова, Козырева, Груздева, Ачадовскаго, И. Д. Четыркина, В. Кашкарова, Фирсова, и др.; нѣсколько переводныхъ разсказовъ съ французскаго, нѣмецкаго, польскаго и англійскаго языковъ. Фельетоны изъ общественной жизни будутъ печататься ежедневно. Въ газетѣ обѣщали принять участіе профессоръ **И. И. Иванюковъ** и **Н. И. Теодоровичъ**.

Условія подписки на «КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Съ доставк. и перес.: На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 75 к., на 10 м. 5 р. 50 к., на 9 м. 5 р. 25 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ дост. и перес.: На 12 м. 5 р., на 11 м. 4 р. 75 к., на 10 м. 4 р. 50 к., на 9 м. 4 р. 25 к., на 8 м. 4 р., на 7 м. 3 р. 50 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 75 к.

Подписка принимается: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной, въ г. Москвѣ: въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11; въ г. Тулѣ: въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ «Тульскаго Листка Объявленій».

Тарифъ за помѣщеніе объявленій:

На послѣдней страницѣ, послѣ текста: за одинъ разъ 10 коп. со строки мелкаго шрифта (петита), за два и три раза 8 коп., болѣе трехъ разъ—5 коп., болѣе трехъ мѣсяцевъ—3 коп. Плата за объявленія, помѣщаемыя на первой страницѣ, передъ текстомъ, вдвое.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п., вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ, взимается по 10 руб. за каждую тысячу экземпляровъ

3—3 Издательница **М. Н. Лашманова.**

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

НА 1897 ГОДЪ.

Согласно предначертаніямъ Его Сіятельства, Господина Курскаго Губернатора, графа А. Д. Милютина, съ 15 декабря 1894 года неоффиціальная часть «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» издается новою редакціею и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать «Губернскія Вѣдомости» органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью «Неоффиціальная часть Губернскихъ Вѣдомостей» издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Учено-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленій къ №№ «Вѣдомостей» даются телеграммы, получаемыя отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Годовая цѣна на ежедневную неоффиціальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ оффиціальною частью и приложеніями **шесть** руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за оффиціальную часть 3 р.,—за неоффиціальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получать одну только неоффиціальную часть, уплачиваютъ съ доставкою и пересылкою: за годъ — **четыре рубля**; за полгода—**два рубля** пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—**одинъ рубль** пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

3—2 Редакторъ *Т. І. Вержбицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

общественно-литературную и коммерческую

ОДЕССКУЮ ГАЗЕТУ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

«Одесская Газета» — самая дешевая изъ всѣхъ издающихся въ Одессѣ газетъ; несмотря на это, она даетъ читателю массу разнообразныхъ извѣстій изъ жизни Россіи и Европы и въ особенности Юга и Одессы.

Программа «Одесской Газеты» такая-же, какъ и другихъ провинціальныхъ ежедневныхъ изданій.

Жизнь и интересы окраинъ и предмѣстій Одессы найдутъ въ «Одесской Газетѣ» своего постояннаго выразителя. Редакціей уже открыты и принимаются мѣры къ дальнѣйшему открытію отдѣленій во всѣхъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ Южной Россіи.

Подписная цѣна съ доставкою въ Одессѣ:

На годъ	5 руб.	На 3 мѣсяца	1 руб. 75 коп.
» полгода	3 »	» одинъ мѣсяцъ	— » 60 »

Съ доставкою въ другіе города:

На одинъ годъ	6 руб. — коп.
» полгода	3 » 50 »
» три мѣсяца	1 » 80 »

Главная контора «Одесской Газеты».

Уголъ Почтовой и Авчиниковскаго пер., д. Зандлова, № 39. Телефонъ № 440.

Отдѣленіе конторы: Прохоровская улица, домъ № 12.

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ и ея отдѣленіяхъ производится ежедневно, съ 9 утра до 8 час. вечера.

Редакція «Одесской Газеты» помѣщается въ домѣ Кречмара на углу Ришельевской и Полицейской ул., и открыта для личныхъ объясненій отъ 1 до 2 час. дня. Телефонъ редакціи № 405.

3—1 Редакторъ-издатель Г. И. Шеттле.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Въ 1897 году ежемѣсячный журналъ

ГОДЪ IV. **„БИБЛІОТЕКА ВРАЧА“** **ГОДЪ IV.**

будетъ выходить, въ объемѣ не менѣе *двадцати* листовъ въ мѣсяцъ, при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, А. Я. Кожевникова, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. К. Рота, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ сочиненій» редакція намѣрена помѣстить, кромѣ другихъ статей, слѣдующія работы: 1) Д-ръ *Орловскій*.—Сифилитическія заболѣванія спинного мозга (съ хромолитографич. таблицами и фототипіями); 2) Проф. *Л. Л. Левшинъ*.—Руководство по частной хирургіи (*продолженіе*).

II. Въ отдѣлѣ «Переводныхъ сочиненій» предполагается помѣстить слѣдующія руководства: 1) Проф. *Karl Stoerck*.—Болѣзни носа, зѣва и гортани (съ 89 рис.); 2) Проф. *E. Nicaise*.—Антисептика въ обыденной хирургической практикѣ (съ 88 рис.); 3) Проф. *H. Oppenheim*.—Сифилитич. заболѣв. головн. мозга. Перев. д-ра *Л. А. Говсѣева* подъ редакц. проф. *В. К. Рота*.

Кромѣ того, редакція имѣетъ въ виду начать въ 1897 году печатаніе обширнаго ***„Руководства по частной патологіи и терапіи“***, выходящее въ Парижѣ подъ редакціей проф. *P. Brouardel'я*, *A. Gilbert'*а и *J. Girode'*а при содѣйствіи лучшихъ медицинскихъ силъ Франціи. Въ 1897 году будутъ помѣщены *два* тома этого руководства, обнимающіе собою ***инфекціонныя болѣзни*** и представляющія полный сводъ современныхъ знаній по этому отдѣлу патологіи. Въ составленіи этихъ двухъ томовъ участвовали такія силы, какъ *Girode*, *Grancher*, *Netter*, *Galliard*, *Thoinot*, *Straus*, *Hallopeau*, *Widal*, *Landouzy*, *Gilbert*, *Balzer*, *Brouardel* и пр. Каждый томъ будетъ содержать около *50* печатныхъ листовъ. Редакція предполагаетъ въ послѣдующіе годы дать переводъ *всего* руководства, по мѣрѣ появленія его во Франціи (пока вышли только *три* тома). *Постоянные подписчики* нашего журнала получатъ, такимъ образомъ, современемъ цѣнный вкладъ въ свою медицинскую библіотеку въ видѣ *10-томнаго* руководства, обнимающаго собою всю частную патологію и терапію въ ея *современномъ* состояніи.

III. ***Монографіи и лекціи.***—IV. ***Рефераты.*** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.—V. ***Обзоры.*** Сюда войдутъ «Обозрѣнія» и «Вопросы современной медицины», съ характеромъ которыхъ уже знакомы подписчики прошлыхъ лѣтъ.—VI. ***Новыя книги.*** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.—VII. Труды ученыхъ обществъ.—VIII. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставк. и пересылкой **десять рублей** въ годъ (за границу 12 р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, остальныя къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель А. А. Карцевъ. Редакторъ Д. П. Дубелиръ.

3—3

*

ВНОВЬ ПОДПИСАВШІЕСЯ ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ СЪ № 1-го

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Подписной годъ начинается съ 1 ноября.

Пробный №. высыл. за 7 коп. марку.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

5 руб. безъ дост. въ С.-Петербургѣ, съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи **шесть рублей**. За границу 8 рублей. Допускается разсрочка при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая остальные.

Годовые подписчики въ теченіи 1897 года получаютъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (**16 страницъ плотной печати**), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 художествен. рисунковъ.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ **каждая отъ 160 до 200 страницъ** убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ «**ПРИРОДА и ЛЮДИ**»—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ «**ПРИРОДА и ЛЮДИ**», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

«ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА»

и въ текущемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. «На верблюдахъ». Очерки и картины изъ жизни въ Средней Азіи. П. Уралова. 2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головѣ (краніологія) и т. д. Очерки Гр. Ф—та. 3 и 4. «Натуралистъ на Ла-Платѣ». У. Г. Хедсона. Съ рисунками. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія. 5. «Наши родичи». (Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ). Очерки и разсказы В. П. Желиховской. 6. «Естественная исторія въ разсказахъ». Альфреда Мильса. 7. «Общедоступная пиротехника». Руководство къ приготовленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со многими рисунками. 8. «Современная Турція». Очерки и разсказы о царствѣ османовъ. Юрія Кази-Бека. 9. «Исторія электричества». Джона Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Пв. Святскаго. 10. «Во льдахъ и снѣгахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійскаго А. Филиппова. 11. «Исторія воздухоплаванія». По Л. Фигье и др. источникамъ составилъ Гр. Ф—тъ. 12. «Въ дебряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣвцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «ЛѢСНОЙ БРОДЯГА». Очеркъ † А. В. Елисѣева. «РУССКАЯ КОЛОНІЯ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ». Романъ въ 3-хъ частяхъ П. Н. Соколова. «ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ». Иллюстрированный очеркъ В. Семенова. «ПРОРОЧЕСКІЯ ВИДѢНІЯ». Очеркъ В. В. Битнера. «ПОГИБШІЕ И ПОГИБАЮЩІЕ». (Очерки изъ исторіи допотопныхъ животныхъ). А. Карицкаго. «ПО РОДНЫМЪ КРАЯМЪ». Иллюстрированные очерки проф. П. Ю. Зографа и проф. А. М. Никольскаго. «СИМОНЪ БОЛИВАРЪ». Очеркъ Ф. Волгина. «ВЫРАЩИВАНІЕ РАСТЕНІЙ ПО ВОЛѢ ЧЕЛОВѢКА». Естественное объясненіе того чудовищнаго роста растеній, который наблюдался путешественниками въ «чудесахъ» индѣйскихъ факировъ. Очеркъ В. Битнера съ рис. «ИСТОРІЯ БАНИ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ». (Извлеченіе изъ книги д-ра С. Груздева). «НА РУБЕЖѢ». Очерки Закаспійскаго края. Изъ записокъ туриста. Б. Потоцкаго. «ВЪ СТРАНѢ ПОЛУМѢСЯЦА». Очерки и картины изъ современной жизни Турціи. Юрія Кази-Бека. «АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ». К. Фламмаріона и проф. С. П. Глазенапа. «ОТКУДА ПРОИСХОДЯТЪ МЫСЛИ». (Описаніе мозга и его дѣятельности). Л. Фигье. «РАЗСКАЗЫ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ». Г. Сѣверцева. «ИДЕОПЛАСТІЯ». (Очерки, въ которыхъ читатели найдутъ естественное объясненіе тѣхъ «чудесъ» медіумизма, которыя спириты называютъ «духами». Въ pendant къ очерку «Идеопластія» будетъ идти статья «ФАЛЬСИФИКАЦІЯ ДУХОВЪ», гдѣ читатели ознакомятся съ разными поддѣлками и обманами профессіональныхъ медіумовъ и многихъ гг. спиритовъ. В. В. Битнера. «ПІОНЕРЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА». Дж. Менро. «СТОЛИЦЫ МІРА». Очерки † В. П. Желиховской, М. А. Бернова и др. «НАШИ СОСѢДИ». Очерки Китая, Персіи и Японіи. «ГЕРОИ ТЕЛЕГРАФА». Дж. Менро.

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ С. Груздевъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д. **ПРИРОДА и ЛЮДИ**

За 1889—1890 и 1896 гг. журналъ весь разошелся: 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ, **со всѣми прилож. 4 р.** за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ **5** р. Перес. за 10 фунт. по вѣсу и разстоянію.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СИСТЕМЫ ЛОГИКИ

Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями В. Н. Ивановскаго.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна ТРИ рубля безъ пересылки и ЧЕТЫРЕ рубля ПЯТЬДЕСЯТЪ копѣекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 года. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются безплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ магазинъ «КНИЖНОЕ ДѢЛО», Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпуск.) со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложеній. Болѣе 1.000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пересылк. 8 р.

2) Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) Данте-Аллигіери. Божественная комедія. Ч. І. Адъ. Переводъ Н. Н. Голованова. подъ ред. проф. Ѳ. Буслаева. Ц. 1 р. 50 к.

4) Дрейфусъ, К. Міровая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

5) «На добрую память изъ русскихъ писателей». Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к.

6) Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: «Теннисонъ и его поэзія», и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

7) Фуллье, А. Темпераментъ и характеръ. Цѣна 1 руб.

8) Милль, Д. С. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

9) Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.

10) Уордъ. Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

11) Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

12) Ланге. Эмоціи (психо-физіологическій очеркъ). Ц. 30 к.

13) Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Цѣна 75 коп.

14) Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ, БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ ГАЗЕТУ

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ,

1897 года,—

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую,

безъ предварительной цензуры.

(Всѣхъ нумеровъ выйдетъ 360 въ годъ).

Россія вступаетъ въ новый фазисъ своего историческаго существованія. Обезпечивъ свою самобытность и неприкосновенность, она пріобрѣла могущественное вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробудившаяся у насъ *общественность*, вызываетъ къ тѣсному сближенію Россіи съ политическою и культурною жизнью другихъ государствъ.

Средствомъ къ разширенію общественнаго кругозора и послужатъ «Міровые Отголоски», которые, выясняя всесторонніе пользы и нужды родной земли, будутъ стремиться также дать вѣрную картину жизни и дѣятельности народовъ другихъ странъ на поприщѣ политики, хозяйства, науки и литературы, въ связи съ стремленіями къ достиженію высшихъ культурныхъ идеаловъ.

Безусловная искренность и *стойкость убѣжденій* для всякаго уважающаго себя органа печати должны стоять на первомъ планѣ. Основныя стремленія «Міровыхъ Отголосковъ» можно выразить въ немногихъ словахъ: упроченіе внѣшней политики Россіи, покоящейся на *прямодушіи* и на взаимномъ уваженіи въ области международныхъ отношеній, развитіе *образованности* и гражданственности, укрѣпляющихъ народное благосостояніе; сочетаніе финансовыхъ и вообще матеріальныхъ силъ *съ нравственнымъ преуспѣяніемъ*; развитіе благоустройства сельской Россіи; возможное объединеніе *въ союзъ мира* общественныхъ силъ вообще и разноплеменныхъ обитателей русской территоріи въ частности; наконецъ, согласованіе порядка и права съ *улучшеніями*, которыхъ жаждетъ жизнь дѣйствительная.

Какъ ни многообразны, какъ ни сложны намѣченныя здѣсь задачи, онѣ вполнѣ согласны съ положеніемъ великой державы, преслѣдующей великія цѣли, и разрѣшеніе ихъ въ положительномъ смыслѣ возможно. Господство косности, апатіи и редакціи не заставитъ сомнѣваться и отрицать тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Такова руководящая идея новаго *истинно-русскаго* органа, соотвѣтствующая серьезности переживаемаго нами времени, и редакція приложитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать газету цѣльной, живой и отзывчивой, не забывая завѣта: *духа не угашать, духомъ пламенѣть*.

Программа „Міровыхъ Отголосковъ“:

1) Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ.—2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей, равно отъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ.—3) Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ.—4) Обозрѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія.—5) Церковный отдѣлъ—духовная литература.—6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей.—7) Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей.—8) Обозрѣніе событій государственной и общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. Некрологи.—9) Областныя обозрѣнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ.—10) Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ.—11) Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра, музыки, ремеслъ и пр.—12) Изящная словесность—повѣсти, романы, разсказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія.—13) Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе.—14) Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и

торговаго мореходства.—15) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ.—16) Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя. Ярмарки. Урожаи.—17) Рисунки историческіе и бытовые, соотвѣтствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей.—18) Справочный отдѣлъ и 19) Казенныя и частныя объявленія

Условія подписки на «Міровые Отголоски».

«Міровые Отголоски» съ 1 января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того же дня.

Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія, доставленныя въ редакцію ночью и утромъ, которыя должны были бы войти въ слѣдующій нумеръ. Благодаря этому иногородные подписчики, жительствующіе по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и др., будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше. Важныя правительственныя сообщенія и новости опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и въ издаваемыхъ Министерствомъ Финансовъ: «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Торгово-промышленной газетѣ», будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія.

Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не пожелаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Николаевской желѣзной дорогѣ и за нею, съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 часа дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляется по городской почтѣ послѣ 1 часа дня.

Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ.

„Міровые Отголоски“ будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты „Голосъ“ и будутъ печататься подобнымъ же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и на особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Подписная цѣна въ Россіи.	Безъ доставки.		Съ доставк. по городск. почтѣ.		Съ перес. иногородн.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
На годъ . . .	14	—	16	—	17	—
» 11 мѣс.	13	—	15	—	15	50
» 10 » .	12	—	13	50	14	50
» 9 » .	10	50	12	—	13	50
» 8 » .	9	80	11	—	12	50
» 7 » .	9	—	10	—	11	30
» 6 » .	8	—	9	—	10	—
» 5 » .	6	80	7	50	8	50
» 4 » .	5	50	5	80	7	—
» 3 » .	4	—	4	50	5	50
» 2 » .	2	80	3	30	4	—
» 1 » .	1	50	1	80	2	—

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

На годъ	26 р.	На 3 мѣс. . . .	8 р.
» 9 мѣс. . .	21 »	» 2 »	6 »
» 6 » . . .	14 »	» 1 »	3 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою черезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Гг. иногор., желающіе подписаться на условіяхъ разсроч. платежа подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи «Міровыхъ Отголосковъ», Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42 и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха; и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель К. В. Трубниковъ

Открыта подписка на 1897 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ".

годъ 2-й изданія.

Выходитъ съ 1 января 1896 года, ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня-іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдывающихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по **училищному дѣлу.**

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. И. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ѳ. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, проф. А. Н. Красновъ. проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А, Надсонъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписка продолжается. Цѣна на годъ безъ доставки **4** р., съ доставкою и пересылкою **4** р. **50** коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп.; за границу **7** р.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линія), въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій Мостъ), Н. П. Карбасникова (Моховая) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Москвы; для иногородныхъ подписчиковъ—въ конторѣ редакціи (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2).

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (IV годъ изданія)
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ журналъ

ХОЗЯИНЪ

Признавая, что въ настоящее время однѣми агрикультурными мѣрами уже нельзя помочь расшатавшемуся какъ крестьянскому, такъ и землевладѣльческому хозяйству, «Хозяинъ» поставилъ себѣ задачею не ограничиваться обычными рамками сельскохозяйственныхъ журналовъ, а также слѣдить въ борьбѣ съ кризисомъ за общественной дѣятельностью, какъ земской, такъ и правительственной, чтобы выяснять зависимость современнаго тяжелаго положенія хозяйства отъ причинъ экономическаго характера.

Кромѣ обычныхъ въ сельскохоз. журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хоз. и сел.-хоз. техники, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хоз. дѣятельности земствъ, научные обзоры, обзоры сельско-хоз. литературы, рынки. Отвѣты на вопросы.

(Въ каждомъ номерѣ 2.500—2.800 строкъ только одного текста).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ дост. 6 р., на полгода 3 р. Разсрочка по одному рублю въ мѣсяцъ.

Годовые подписчики получатъ въ теченіе года безплатно слѣдующія

КНИЖКИ ХОЗЯИНА:

1) РУКОВОДСТВО ПО ОГОРОДНИЧЕСТВУ. П. М. В. Рытова.
2) СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРѢ.
3) АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ ВАЖНѢЙШИХЪ СЕЛ.-ХОЗ. ПОСТРОЕКЪ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе своимъ сотрудничествомъ почти всѣ сельскохозяйственные писатели (журналъ насчитываетъ свыше 300 сотрудниковъ), въ томъ числѣ помѣщали свои статьи: И. И. Абозинъ, А. П. Адріановскій, В. А. Анзиміровъ, А. А. Арфмельдъ, В. А. Бекетовъ, графъ Ѳ. Г. Бергъ, В. А. Бертенсонъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. В. фонъ-Бранке, проф. А. И. Воейковъ, князь В. Д. Друцкой-Соколинскій, проф. В. В. Докучаевъ, И. М. Кабештовъ, Ав. А. Калантаръ, князь В. А. Кудашевъ, проф. П. Н. Кулешовъ, Нав. Ив. Левицкій, проф. К. Э. Линдеманъ, А. Я. Масленниковъ (съ Сѣверной фермы), А. П. Мещерскій (авторъ «Писемъ деревенскаго хозяина»), А. П. Мертваго, М. В. Неручевъ, князь Д. М. Оболенскій, инж. Г. Перимондъ, проф. М. А. Придорогинъ, Л. А. Потѣхинъ, проф. Д. Прянишниковъ, И. М. Рева, А. А. Радцигъ, М. В. Рытовъ, П. Р. Слезкинъ, А. П. Субботинъ, проф. А. В. Совѣтовъ, проф. И. А. Стебутъ, инж. П. В. Степановъ, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Танфильевъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. Р. Ферхминъ, проф. Н. П. Чирвинскій, И. І. Шатиловъ, Р. И. Шредеръ, В. С. Щербачевъ, М. А. Энгельгардтъ и мног. др.

Новые подписчики могутъ получать текущіе номера до 1-го января безплатно.

Контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 92.

Ред. А. П. Мертваго. Изд. И. А. Машковцевъ.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
(XVI годъ изданія)
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

«Родникъ» въ 1897 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 15 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Вмѣстѣ съ «Родникомъ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе», посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Въ листкѣ помѣщаются труды библіографическаго отдѣла Педагогическаго музея в.-учебн. заведеній и протоколы «Родительскаго кружка».

«РОДНИКЪ» рекомендованъ, одобренъ и допущенъ учеными и учебнымъ Комитетами Св. Синода, Собств. Е. И. В. канцел. по учрежд. Императрицы Маріи, Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній и Мин. Нар. Просв. Удостоенъ 1) почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, 2) похвальнаго отзыва на первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, 3) диплома второго раздряда на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новг. 1896 г. —Признанъ необходимымъ для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія, т.-е. съ 1882 г. (См. «Журналъ Мин. Нар. Просв.», августъ 1895 г.)

Условія подписки на 1897 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ».	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Книжномъ магазинѣ Н. Н. Морева.

За издателя *Н. Моревъ.* Редакторъ *Алексѣй Альмединgenъ.*

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «Читальня Народной Школы» (10-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и перес. 3 рубля въ годъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1897 ГОДЪ

ГАЗЕТУ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

выходящую ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ 9 руб., 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., 3 мѣс. 2 руб. 25 коп и 1 мѣс. 75 коп.

Подписка принимается только въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи.

«Сибирскій Вѣстникъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. Передовыя статьи (по вопросамъ внутренней политики и злобамъ дня, преимущественно касающимся Сибири). II. Статьи (по вопросамъ экономіи, права и педагогіи). III. Мѣстная хроника (отчеты о засѣданіяхъ мѣстной томской думы, сословныхъ и другихъ обществъ, извѣстія о городскихъ происшествіяхъ, указанія на различныя явленія мѣстной жизни, театръ и музыка). IV. Судебная хроника. V. Среди газетъ и журналовъ. VI. Корреспонденціи (преимущественно изъ городовъ и селеній Сибири). VII. Дѣйствія правительства (новыя узаконенія и дополненія прежнихъ, относящіяся до Сибири). VIII. Внутренняя и заграничная хроника. IX. Фельетонъ. X. Библіографія. XI. Между прочимъ. XII Справочныя свѣдѣнія и XIII. Объявленія.

3—3

Редакторъ-Издатель Г. В. Прейсманъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ на

общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. IX).

«Жизнь и Школа» имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи.—2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).—3) Мелкіе повѣсти и разсказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія.—4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣденію, школьной гигіенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ.—5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ.—6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа.—7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обозрѣніе педагогическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.—8) Корреспонденціи. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей.—9) Политическія извѣстія и Новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ.—10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы.—11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта.—12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію.—13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгъ и указатель статей, встрѣчающихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя.—14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи.—15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовые) печатаютъ **безплатно.**

При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ подъ заглавіемъ **«Школьное Обозрѣніе»**, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему не удобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и перес. 5 руб., за полгода 3 р., и за три мѣсяца 2 р., для начальныхъ школъ и учителей 4 р., за границу 6 р. за годъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 можно получать за два руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, пріобрѣтающіе за всѣ годы, пользуются сверхъ того уступкой въ 50%.

Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Шк.“ тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной конторѣ «ЖИЗНЬ и ШКОЛА»: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель **М. Е. Виноградовъ.**

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

НА

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Восточное Обозрѣніе» издается **ТРИ РАЗА** въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійск. Телеграф. Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей. 4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ 1 р.; заграницу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ— 1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., заграницу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 к. на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе».

Редакторъ-издатель И. И. ПОПОВЪ.

3—3

ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ ЛИСТОКЪ

(ТРИНАДЦАДЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ.

Подписная цѣна: на годъ . . . . . 6 руб. — к.
» полгода . . . . . 3 » 50 »
» мѣсяцъ . . . . . — » 75 »

ВЫХОДЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Газета въ своей программѣ имѣетъ правительственныя извѣстія, телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ, городскую хронику и торговый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются точныя цѣны на серосинь, рыбу, соль, лѣсъ, хлѣбъ и проч. Торговые люди, имѣющіе торговыя сношенія съ Царицыномъ и Астраханью, всегда могутъ въ «В.-Д. Листкѣ» найти вѣрныя свѣдѣнія о партіномъ рынкѣ.

Адресоваться слѣдуетъ: Царицынъ-на-Волгѣ, въ редакцію газеты «Волжско Донской Листокъ»

3—3

Открыта и продолжается посписка на 1897 г. на иллюстрированный дѣтскій журналъ школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(Одобренъ, рекомендованъ, допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр., Уч. Ком. Соб. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній).

Содержаніе январской книжки: 1) Двѣ тучи. Поэма Д. Л. Михаловскаго. 2) Хитрый нѣмецъ. Святочный разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. 3) Березки зимой. Стих. В. Л. Величко. 4) Сапожникъ Юла. Рождественскій разсказъ. К. С. Баранцевича. 5) Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Гл. I—III. Вас. Ив. Немировича-Данченко. 6) Михѣичъ на елкѣ. Святочный разсказъ. Виктора Липягина. 7) Полночь. Забудемъ печаль и невзгоду... Стих. Л. М. Медвѣдева. 8) Подарокъ на Рождество. Разсказъ. Л. Ѳ. Черскаго. 9) Снѣжная принцесса. Разсказъ. Р. К. Гофманъ. 10) Елка. Разсказъ Коцюбиньскаго; съ малороссійскаго Н. П. Перелыгина. 11) Подъ Рождество. Изъ институтскихъ воспоминаній. Е. Струковской. 12) Четыре времени года. Географическая картина. Зима. Д. А. Коропчевскаго. 13) Чудо на морѣ, или приключеніе на волнахъ и подъ волнами. Разсказъ стараго американскаго моряка. П. А. Рубакина. 14) Сказаніе о четвертомъ волхвѣ. Генриха Ванъ-Дика. Съ англійскаго К. Бутовскаго. 15) Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Гл. I. Ив. Ив. Иванова. Съ портретомъ Гарріетъ Бичеръ-Стоу. 16) Фаустъ и Фаустина. Историческая картинка, съ французскаго Е. Н. Красногорской. 17) Англійскія пѣсни о «зеленомъ охотникѣ» Робинъ Гудѣ. Съ англійскаго Л. Спицыной. 18) По бѣлу свѣту. Кинематографъ Д. 19) Новости изъ книгъ и журналовъ. Какъ празднуетъ канунъ Рождества Датское общество покровительства одинокимъ женщинамъ. Ученый сторожъ Везувія Е. Т. 20) Шарады, загадки и ребусы.

Содержаніе февральской книжки: 1) Картинка. Стих. Е. П. Рисунокъ Н. Сльшанскаго. 2) Муха. Поэма В. Л. Величко. 3) Поднебесный аулъ. Гл. IV—VII. Вас. Ив. Немировича-Данченко. 4) Мишуткино добро. С. Т. Семенова. 5) Простой герой. Стих. В. П. Лебедева. 6) Мца. Съ французскаго Е. Н. Краснопольской. 7) Два раза дома. Г. Мамина. Черный котъ. Искры. 8) Юный вождь. О. П. 9) Стих. С. Д. Дрожжина. 10) Царскія дѣти.—Петръ I и жители «Нѣмецкой слободы». Гл. I—V. Б. Б. Глинскаго. 11) Чудо на морѣ (окончаніе). Н. А. Рубакина. 12) Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Гл. II—III. (прод.). Ив. Ив. Иванова. 14) Пѣсни о «зеленомъ охотникѣ» Робинъ Гудѣ. 3) Джоржъ О. Гринъ и Робинъ Гудъ. Съ англійскаго А. Н. Рождественской. 14) «Слово» знаетъ. Л. А. Чеглока. 15) Соната Бетховена. Съ нѣмецкаго Н—вичъ. 16) Бетховенъ. Очеркъ. Е. Т. 17) Полуночный край. Историко-географическій очеркъ. Д. А. Коропчевскаго. 18) Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. 19) По бѣлу свѣту. Байкалъ. А. Т. 20) Изъ книгъ и журналовъ (энергія и трудъ). (Американскіе богачи и индійскія женщины). Е. Т. 21) Какъ сдѣлать домашній телефонъ. А. Т. 22) Шарады и ребусы. 23) Рѣшенія. 24) Объявленія.

Содержаніе № I «Педагогическаго Листка».

1) Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ. В. А. Вагнера. 2) Прошлое, настоящее и будущее воспитанія С. В. Португаловой. 3) О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Тамбовской губерніи. В. А. Гольцова. 4) Замѣтка. Д. И. Тихомирова. 5) Изъ «записокъ» о курсахъ въ Твери. Д. И. Тихомирова. 6) Мелочи. 7) Библіографія.

Цѣна 5 руб. безъ пересылки, 6 р. съ пересылкой въ Россіи, 8 р. за границу, на ½ года 3 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается: Москва, Тверская, д. Гиршманъ, кв. № 40.

Издательница Е. П. Тихомирова. Редакторъ Дм. Ив. Тихомировъ.

Новыя книги изданія «Библіотека Дѣтскаго Чтенія».

Альбовъ М. Н. «Исторія одного скитальца». (Снѣжокъ и Картошка); ц. 1 руб. Маминъ-Сибирякъ Д. Н. «Аленушкины сказки»; ц. 75 к. Его же. «Заграницы»; ц. 75 к. Его же. Разсказы и сказки. Первый сборникъ для младшаго возраста. Второе дополненное изданіе. 1897 г.; ц. 75 коп. Станюковичъ К. М. «Среди моряковъ»; ц. 60 к. Мордовцевъ Д. Л. «Погибель Іерусалима»; ц. 10 к. Поспѣловъ М. «Дѣдушка посолъ»; ц. 6 к. Тихомировъ Дм. Ив. «Записки о педагогическихъ курсахъ въ Твери»; ц. 1 руб. Его же. «Вешніе всходы», книга для класнаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и дома, годъ первый, третье изд., ц. 30 к.; годъ второй, третье изд., ц. 40 к. Обѣ книги допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. для употребленія въ низшихъ школахъ. Третья книга «Вешніе Всходы»; ц. 60 к. Руководство для учителя, ц. 30 к. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учительскія библіотеки. Печатаются и въ февралѣ выйдутъ: Какъ надо жить. Леббока. Съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго. Ц. 80 к. Съ Поволжья. Родныя картинки. Разсказы. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Ц. 60 к.

1—1

НОВОЕ СЛОВО.

ВЫШЛА ЯНВАРСКАЯ (ПЕРВАЯ) КНИГА

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

СОДЕРЖАНІЕ: I. Освобожденный Прометей. Лирическая драма П. Б. Шелли. Переводъ К. Д. Бальмонта. II. Александръ Николаевичъ Островскій. С. В. Максимова. III. Арматура. Романъ Поля Эрвье. Переводъ съ французскаго. IV. Стихотвореніе. Мих. Гербановскаго. V. Мірское дитя. Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. К. VI. Республика Каменоломовъ. Вас. И. Немировича-Данченка. VII. Маленькіе работники. В. Липягина. VIII. Уголокъ Колхиды. В. Свѣтлова. IX. На ясномъ берегу. Повѣсть Г. Сенкевича. Пер. съ польск. В. М. Л. X. Изъ литературной переписки. К. Д. Кавелина. XI. Звѣрь въ человѣкѣ. (Дюре Рейнъ). Романъ Іонаса-Ли. Пер. съ датск. А. и П. Ганзенъ. XII. Стихотвореніе. В. Полтавцева. XIII. Всеобщее обучен. въ малонасел. мѣстн. и школьн. сѣть. В. П. Вахтерова. XIV. Личныя и имуществ. отношенія между супругами. А. И. Загоровскаго. XV. Какъ заниматься статистикой. А. Ѳ. Фортунатовъ. XVI. Начало скептическаго движенія въ Италіи. Евг. Тарле. XVII. Генрикъ Вергеландъ, предшественникъ Бьернсона и Ибсена. Очеркъ П. Ганзенъ. XVIII. Главнѣйш. моменты изъ ист запорожск. казачества. Д. И. Эварницкаго. XIX. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова. XX. Внутреннее обозрѣніе. XXI. Опроверженіе. XXII. 1896 г. въ политич. отношеніи. В. А. Гольцева. XXIII. Современное искусство. XXIV. Изъ литературныхъ наблюденій. О. Т. В. XXV. Библіограф. отдѣлъ. XXVI. Объявленія. **Съ февральской книги «Русской Мысли» начнется печатаніе новаго большого историческ. роман. Генрика Сенкевича «Kvzyzàcy».**

Открыта подписка на 1897 г. (Восемнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ дост. и перес.:	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ города Россіи.....	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1-му іюля и 1-му октяб. по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Фену и К°, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. А. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

1—1 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россіи. На годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс. 7 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Безъ доставки: на годъ 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р. 25 к., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 25 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 25 к., на 4 мѣс. 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 70 к.

Подписка принимается: Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи. Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, «Новаго Времени», Фену, Риккера, и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 36-й годъ своего существованія, морская и городская газета «Кронштадтскій Вѣстникъ» будетъ, по прежнему, прежде всего служить морскому дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая, въ то же время, интересовъ и нуждъ Кронштадта какъ города, военнаго и коммерческаго порта крѣпости. 3—3

Съ 1-го Декабря 1896 г. въ С.-Петербургѣ выходитъ безъ предварительной цензуры
ежедневная политическая и литературная газета

„НАРОДЪ“.

Редакція газеты принимаетъ слово „НАРОДЪ“ не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втуне остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета „НАРОДЪ“ употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе.

Подписка на газету „НАРОДЪ“ и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты (Б. Морская, 56) и въ помѣщеніи торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Б. Морская, 11); въ Москвѣ тѣмъ же торговымъ домомъ (Мясницкая, д. Сытова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи). Годовая подписка съ разсрочкой платежа принимается исключительно въ главной конторѣ газеты.

Годовые и полугодовые подписчики на 1897 годъ получаютъ безплатно всѣ предшествующіе декабрьскіе нумера газеты, если подпишутся до 1-го декабря текущаго 1896 года.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 12 руб., на полгода 7 р., на три мѣсяца 4 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 к.; для иногородныхъ, съ пересылкою, на годъ 14 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р., на одинъ мѣсяцъ 2 р.; за границу: на годъ 22 р., на полгода 12 р., на три мѣсяца 7 р., на одинъ мѣсяцъ 3 р.

Разсрочка взносовъ для годовыхъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: первый взносъ (при подпискѣ) 5 р., второй взносъ (въ мартѣ) 4 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.; для иногородныхъ подписчиковъ: первый взносъ (при подпискѣ) 6 р., второй взносъ (въ мартѣ) 5 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.

Редакторъ Н. Я. Стечькинъ. *Издатель* А. П. Мальшинскій.

3—2

ПОДПИСКА, НА 1897 г., НА ЕЖЕДНЕВН. ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ГЛАСНОСТЬ“ и журналъ „НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ (г. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1-го января ежедневно, по программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, съ иллюстраціями.

Редакція „ГЛАСНОСТИ“—общая съ редакціей „НАБЛЮДАТЕЛЯ“. Это избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ.*

Въ первой книгѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ за 1897 г. начаты романы: *А. Михайлова* (А. К. Шеллера)—„Смѣна поколѣній“; *А. В. Амфитеатрова*—„Отравленная совѣсть“ и пр., и пр.

№ 1 газеты „ГЛАСНОСТЬ“ (съ портретомъ художника А. П. Боголюбова) вышелъ 1-го января.

Годовая цѣна газеты „ГЛАСНОСТЬ“: съ доставкой въ Петербургѣ 12 р., съ перес. иногороднымъ 14 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р., съ перес. 5 р.; за гран. 7 р. За 1 мѣс.: съ дост. 2 р., съ перес. 2½ р.; за гран. 3 р.

Годовая цѣна „НАБЛЮДАТЕЛЯ“: съ доставкою въ Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ 12 р.; за гран. 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи; за гран. 7 р. За три мѣсяца 3 р. съ перес. въ Россіи; за гран. 4 р. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экз. журнала и газеты.

При *совмѣстной* подпискѣ на „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ и „ГЛАСНОСТЬ“ годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. иногор. 22 р.; за гран.—32 р. За полгода: съ дост. 12 р., съ перес. 13 р.; за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 руб.; за полугодовую—50 коп.

Главная контора журнала и газеты: *Спб., Пушкинская ул., № 8.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города

НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к. 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к. 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, при желаніи выписывать газету въ разсрочку, ОБЯЗАТЕЛЬНО при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—ВЪ РАЗСРОЧКУ, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1.000 экз., или по 50 к. со 100 экз. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

30 ГОДЪ.

„ДОНЪ“

XXX Г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

НА 1897 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1897 года газета «Донъ» начинаетъ 30-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 29-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1897 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 1 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ . . .	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города .	7 »	4 » — »	2 » 50 »	1 » — »

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 годъ

ГОДЪ XVII.

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ.

ГОДЪ XVII.

«ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ» допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи—въ первые четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства.

Въ теченіе 1896 г. въ журналѣ принимали участіе: Проф. П. Г. Виноградовъ, А. В. Догановичъ, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Сергѣй Орловскій, И. Н. Потапенко, П. А. Сергѣенко, А. В. Стернъ, В. М. Сысоевъ и мн. др. Въ художественномъ отдѣлѣ помѣщены были картины и рисунки А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, К. С. Высотскаго, С. А. Коровина, В. Е. Маковскаго, И. М. Прянишникова, А. С. Степанова, В. И. Сурикова, В. А. Сѣрова, П. М. Шмелькова, а также снимки съ классическихъ произведеній древняго и новаго искусства.

Благодаря любезному согласію большинства прежнихъ сотрудниковъ и надѣясь привлечь новыхъ къ участію въ журналѣ, редакція «Дѣтскаго Отдыха» намѣрена предложить читателямъ рядъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній въ литературномъ отдѣлѣ. Желая познакомить читателей съ бытомъ сельскаго и рабочаго люда, редакція предполагаетъ помѣстить нѣсколько иллюстрацій и очерковъ по разнымъ отраслямъ русской промышленности.

Дополненіемъ къ нимъ должны послужить 12 рисунк. (въ краск.) А. М. Васнецова, А. С. Степанова и В. А. Сѣрова. Вмѣстѣ съ текстомъ рисунки эти представятъ какъ бы одну картину родной природы и быта.

Кромѣ снимковъ съ художественныхъ произведеній русскихъ, иностранныхъ и древнихъ классиковъ, редакція будетъ помѣщать въ каждомъ номерѣ портреты русскихъ писателей, ученыхъ и художниковъ. Въ отдѣлъ игръ и занятій будутъ введены описанія дѣтскихъ праздниковъ и школьныхъ прогулокъ на открытомъ воздухѣ.

Въ концѣ каждаго номера родители и воспитатели найдутъ краткія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ для дѣтскаго чтенія.

Подписчики 1897 года получатъ безплатное приложеніе

СКАЗКИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Иллюстрированный сборникъ В. Н. Харузиной.

Условія подписки на 1897 г.: съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ — 6 руб.; на 1/2 года—3 руб. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ—5 руб. 50 к., за границу—8 руб. Подписка принимается: въ конторѣ журнала—Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ «Дѣтское Воспитаніе», и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ.

Редакторъ Я. Барсковъ. Издатель А. Мамонтовъ.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

Подписка 1897 года.

Открыта подписка на 1897 г. на

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ,

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ виду того, что существующій размѣръ газеты, несмотря на величину свою, оказывается недостаточнымъ вслѣдствіе большого количества поступающихъ въ контору объявленій, къ началу 1897 года

Форматъ „Самарской Газеты“

ЕЩЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ.

«Самарская Газета» будетъ больше почти всѣхъ столичныхъ и всѣхъ поволжскихъ газетъ.

Газета ставитъ своею задачей — быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Составъ редакціи будетъ увеличенъ новыми постоянными сотрудниками.

Въ «Самарской Газетѣ» принимали и принимаютъ участіе слѣдующія лица: Я. В. Абрамовъ, Вл. Е. Андреевъ, Г. П. Андреевъ, Аргунинъ, Н. Н. Архангельскій, Артельщикъ (псевдонимъ), Н. П. Ашешовъ, А. Н. Барановъ, В. П. Барыбинъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Бостромъ, Е. А. Буланина, Ч. Вѣтринскій (псевдонимъ), Волжскій житель (псевдонимъ), И. Д. Гинзбургъ, А. Г. Григорьевъ, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), С. Гусевъ, П. И. Добротворскій, А. А. Дробышъ-Дробышевскій (А. Уманьскій), г-жа Дубровина, В. Е. Ермиловъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, профессоръ Н. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, д-ръ П. П. Крыловъ, Камскій (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Д. Е. Липпо, А. И. Ливановъ, Петръ Левицкій, А. И. Матовъ, Мензелинскій житель (псевдонимъ), Миролюбовъ, А. М. Михайловъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Наблюдатель (псевдонимъ), Нигра (псевдонимъ), М. Л. Песисъ, Перекати-поле (псевдонимъ), П. В. Пигѣевъ, В. Н. Полякъ, А. Н. Подосенова, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), Т. М. Семеновъ, А. Степной (псевдонимъ), Н. А. Скворцовъ, Сызранецъ (псевдонимъ), Фениксъ (псевдонимъ), У. В. Узембло, В. Е. Чешихинъ, Читатель (псевдонимъ), А. Г. Шлихтеръ, Е. С. Шлихтеръ, д-ръ С. О. Ярошевскій и мног. друг.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, въ газетѣ принимаютъ участіе Вл. Г. Короленко и Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ).

Подписная цѣна на газету, несмотря на увеличеніе формата,

остается прежняя.

Съ пересылкой для иногороднихъ: на 12 мѣс. — 7 руб., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к., на 1 мѣс.—70 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Самарѣ, въ конторѣ редакціи «Самарской Газеты», на Алексѣевской площади, домъ Юрина.

Иногородніе адресуютъ подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакціи «Самарской Газеты».

3—3 Редакторъ-издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 60 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: къ 1-му января 2 р., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября 2 р., для всѣхъ остальныхъ — полугодовая съ платой 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ «ВОЛЫНИ» будетъ значительно расширенъ, для чего приглашены спеціальные корреспонденты изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Юго-западнаго края.

Издатель А. М. Когенъ. Редакторъ Е. А. Фидлеръ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КУБАНСКІЯ ОБЛАСТНЫЯ ВѢДОМОСТИ".

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Поставивъ главной своей задачей служить всестороннему изученію обширной Кубанской области, выясненію ея разныхъ потребностей и указанію, по возможности, болѣе вѣрныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, редакція неоффиціальной части «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» даетъ мѣсто въ газетѣ разнороднымъ статьямъ и сообщеніямъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, задавшихся благою цѣлью послужить на пользу нашего края.

Съ этою же цѣлью въ этой части газеты разрабатываются мѣстные матеріалы: этнографическіе, статистическіе, историческіе, географическіе, топографическіе, археологическіе и др.; затѣмъ помѣщаются разнородныя, полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія, извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя извѣстія и свѣдѣнія о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, а также о явленіяхъ метеорологическихъ; на ряду съ этимъ печатаются статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ, о торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою на годъ . . . . . 5 р. 60 к.
» » » » 1/2 года . . . . . 3 р. — к.

За перемѣну адреса взимается 40 к.

Отдѣльно на неоффиціальную часть подписка не принимается.

Подписка на газету принимается исключительно въ г. Екатеринодарѣ, въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областного Правленія.

На основаніи разрѣшенія Кубанскаго Областного Правленія (№ 62 «Куб. Обл. Вѣд.» за 1895 г.), подписныя деньги можно высылать, въ интересахъ скорѣйшаго полученія газеты, не чрезъ казначейство, а на имя завѣдывающаго типографіей—Эдуарда Александровича Нейберга.

Редакторъ неоффиціальной части В. Скиданъ.

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ (350 №№ ВЪ ГОДЪ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

(*Въ Екатеринбургѣ*).

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на 12 мѣсяцевъ 5 р., на 11 м. 4 р. 50 к., на 10 м. 4 р., на 9 м. 3 р. 75 к., на 8 м. 3 р. 50 к., на 7 м. 3 р. 25 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м 1 р. 50 к., на 1 м. 1 р. Отдѣльные номера 5 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. Магницкаго, № 21, и у агентовъ. (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Баснинъ. Издатель В. Н. Алексѣевъ.

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія ***Н. И. Пирогова;*** 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). ***К. Барсова;*** 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). ***К. Чернецкаго;*** 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы. ***К-ой;*** 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. ***М. Слобожанина;*** 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. ***П. Ѳ. Каптерева;*** 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. ***Л. Н. Модзалевскаго;*** 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. ***Я. Г. Гуревича;*** 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ), ***М. А. Лялиной;*** 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). ***Е. Чебышевой-Дмитріевой;*** 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. ***А. А. Красева;*** 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. ***А. С. Виреніуса;*** 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. ***Л. Е. Оболенскаго;*** 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. ***Д. Д. Семенова;*** 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. ***И. И. Мещерскаго;*** 16) Мысли о современномъ воспитаніи. ***А. С. Симоновичъ;*** 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. ***Кл. Фармаковской;*** 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. ***В. Афанасьева;*** 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». ***Графа Павла Каниста;*** 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? ***В. П. Вахтерова;*** 21) Народныя чтенія. ***Его-же;*** 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. ***А. Ѳ. Гартвига;*** 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. ***Д. Д. Лобанова;*** 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. ***В. Ю. Скаллона;*** 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? ***В. И. Фармаковскаго;*** 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? ***А. Раменскаго;*** 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. ***Я. В. Абрамова;*** 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. ***О. Х. Павловичъ;*** 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. ***С. А. Бобровскаго;*** 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. ***И. А. Анастасіева;*** 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. ***С. Брайловскаго;*** 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. ***Л. Рутковскаго;*** 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. ***А. А. Гофмана;*** 34) Неожиданныя темы. ***Ц. П. Балталона;*** 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. ***Ив. Созонтьева;*** 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. ***И. П. Бѣлоконскаго.***

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногородныхъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

3—3 Редакторъ-Издатель ***Я. Гуревичъ.***

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 годъ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на ежедневную политическо-общественно-литературную газету

ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ»—органъ Черноморья и Закавказья—первая и единственная на всемъ восточномъ побережьѣ Чернаго моря русская газета—выходитъ въ Батумѣ, ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней, по полной программѣ столичныхъ политическо-литературныхъ ежедневныхъ изданій, утвержденной г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ», вступая въ 3-й годъ изданія, останется вѣрнымъ своей задачѣ и, выясняя нужды и положеніе побережья и Закавказья, будетъ, какъ и раньше, служить точнымъ и правдивымъ отраженіемъ мѣстной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Въ теченіе 1897 года будетъ напечатанъ рядъ статей изъ гражданскаго уложенія турецкаго законодательства, касающихся владѣнія недвижимою собственностью по турецкимъ законамъ, съ цѣлью ознакомленія читателей съ земельнымъ вопросомъ, столь существеннымъ для Батумскаго округа. Кромѣ того будутъ напечатаны слѣдующія статьи постоянныхъ сотрудниковъ «Черном. Вѣстн.»: «Сельское хозяйство на восточномъ побережьѣ Чернаго моря», «Русскій чай чайныя плантаціи на Чаквѣ близъ Батума», «Кавказскія ископаемыя богатства» «Борьба съ разбоями на Кавказѣ», «Флора Кутаисской губерніи», «Марганцевая промышленность», «Нефть и ея новыя залежи», «Золото въ долинѣ Чороха», «Батумъ, Сухумъ и Поти», «Школьное дѣло на Кавказѣ», «Кавказскіе лѣса», «Задачи правительства въ Черноморской губерніи», «Русскій человѣкъ на Кавказѣ», «Культурность и киндзалъ», «Климатическія станціи на побережьѣ», «Наши пути сообщенія», «Кавказскіе самоуправцы», «Русскій языкъ въ инородческихъ школахъ», и др.

Подписка принимается на срокъ съ 1 числа любого мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Подписная цѣна: на годъ—для городскихъ подписчиковъ, съ доставкой—6 р.; для иногородныхъ, съ пересылкой—7 р.; за границу—13 р.; на полгода—для городскихъ—4 р., для иногородныхъ—5 р.; за границу—9 р.; на одинъ мѣсяцъ—для городскихъ—1 р., для иногородныхъ—1 р. 20 к. Разсрочка платежа по соглашенію съ конторой изданія.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ: на 4-й страницѣ, за мѣсто, занимаемое строкою петита, съ мѣстныхъ объявленій—8 коп., съ иногородныхъ—10 коп.; на 1-й страницѣ—вдвое. При многократныхъ объявленіяхъ—скидка.

Объявленія изъ-за границы и Россійской Имперіи, за исключеніемъ Кавказа, Закавказья и Закаспійской области, принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°, въ Москвѣ (Мясницкая, домъ Сытова) и въ Петербургѣ (Большая Морская, 11).

Подписка принимается: въ Батумѣ—въ конторѣ «Черноморскаго Вѣстника» (Оглобжинская, д. Таирова), въ Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ Л. и Э. Метцль и К°, въ Тифлисѣ—въ книжномъ магазинѣ Хиддекеля.

Розничная продажа №№: въ Батумѣ—въ конторѣ газеты, на вокзалѣ Закавк. жел. дор., у газетчиковъ на пристаняхъ и на бульварѣ, и пр., въ Сухумѣ Поти, Новороссійскѣ—у газетчиковъ пароход. Рус. Общества, въ Кутаисѣ—у г. Куденка, въ Тифлисѣ—у г. Хиддекеля. Кромѣ того, на всѣхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ Русскаго Общества пароход. и торг., на пароходахъ Азовскаго Общества и у газетчика пар. Россійскаго Общ. «Марія» (по всѣмъ Крымско-Кавказскимъ портамъ). Цѣна отдѣльнаго нумера 5 коп.

При газетѣ—батумское отдѣленіе Россійскаго телеграфнаго агентства, съ пріемомъ отдѣльной городской подписки на биржевыя телеграммы (15 рублей въ годъ), выпускаемыя особыми бюллетенями два раза въ недѣлю.

Редакторъ-Издатель Г. А. Пальмъ.

3—3

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **годъ VIII.**

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На 1897 годъ „Вопросамъ Философіи и Психологіи"

вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, В. Вальденбергъ, А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, Д. Викторовъ, П. Г. Виноградовъ, Н. Д. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даркшевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсяниико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, С. А. Суховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Содержаніе 35-й книги (ноябрь—декабрь).

Н. Я. Гротъ. О жизни и личности Декарта. — **В. П. Сербскій.** Преступные и честные люди.—**А. А. Токарскій.** О глупости.—**Вл. С. Соловьевъ.** Нравственная организація человѣчества. — **Кн. С. Н. Трубецкой.** Основанія идеализма.—**В. П. Сербскій.** 4-ый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ.—**В. К. Ротъ.** Нейрастенія и лѣность.—**С. Н. Булгаковъ.** О закономѣрности соціальныхъ явленій.—**А. А. Токарскій.** 3-й международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ.—**Полемика.** 1) **О. В. Леонова и С. А. Суховъ:** По поводу теоріи нейроновъ; 2) **В. Ѳ. Саводникъ:** По поводу диссертаціи г. Челпанова. — **Критика и библіографія.** — **Психологическое Общество.** — **Извѣстія и замѣтки.**—**А. А. Токарскій.** Записки психологической лабораторіи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25) и шестой (№№ 26—30) годы изданія продаются по 5 руб. за каждый годъ съ перес.; подписчики на новый 1897 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экз. № 15 журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ, взимается съ каждаго руб. по 2 коп.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

Редакторы { Л. М. Лопатинъ. / В. П. Преображенскій.

3—3

Съ 1-го января 1897 г. будетъ издаваться въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры,

УТРО

ежедневная, политическая, общественная и литературная газета.

Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая газета «УТРО» будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій.

Излишними считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что читатель нашъ, давній и постоянный, и безъ того увѣренъ въ нашемъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ прессы.

Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ газетѣ «УТРО» громкаго отклика; не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія.

Политика, внутренняя жизнь, судъ, земство и дума, сословныя учрежденія, литература, театръ, биржа, спортъ—все найдетъ компетентныхъ цѣнителей, полныхъ безпристрастія и смѣлости для того, чтобы высказывать правду обо всемъ и обо всѣхъ по совѣсти.

Достойное похвалы будетъ хвалимо, достойное осужденія будетъ порицаемо, достойное насмѣшки будетъ осмѣиваемо, благо сатира есть старое, испытанное оружіе новой редакціи. Это оружіе никогда не притупляется.

Газета «УТРО» будетъ выходить ежедневно листами средняго формата съ рисунками на событія дня.

ПРОБНЫЙ № ВЫЙДЕТЪ ВЪ 100.000 ЭКЗ. 20-ГО ДЕКАБРЯ.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкой: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 90 к. Въ провинціи съ пересылкой: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. За границу: на годъ 12 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 2 р.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты «УТРО», Пушкинская ул., д. 7, и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

3—3

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1897 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5) Повѣсти и разсказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р., безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ, на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ-Издатель В. М. Богдановъ.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературную, общественно-экономическую и политическую газету

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

На 1897 годъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Основная задача газеты—разработка общихъ, областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, съ освѣщеніемъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ русской общественной жизни, и представительство нуждъ края.

Для этого редакція имѣетъ корреспондентовъ, кромѣ главныхъ пунктовъ Поволжья, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селеніяхъ Самарской губ., во всѣхъ значительныхъ пунктахъ по линіямъ Самаро-Златоустовской, Оренбургской и Западно-Сибирской жел. дор., а именно: Оренбургѣ, Уфѣ, Златоустѣ, Міассѣ, Челябинскѣ, Троицкѣ, Кочкарѣ, Курганѣ, Уральскихъ горныхъ заводахъ.

Газета издается при ближайшемъ участіи Н. ГАРИНА (Н. Г. МИХАЙЛОВСКАГО). Составъ редакціи увеличенъ новыми сотрудниками.

Въ «Самарскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ непосредственное участіе, кромѣ корреспондентовъ, слѣдующія лица: А. Алексѣевъ (псевдонимъ), М. Р. Бейлинъ, Е. А. Валле-де-Барръ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. Гермесъ (псевдонимъ), Р. Гвоздевъ (псевдонимъ), М. М. Гранъ, В. С. Голубевъ, *Dixi* (псевдонимъ), П. П. Инфантьевъ, В. А. Іоновъ, Д. Кузнецовъ, И. А. Керчикеръ, М. Н. Корнѣевъ, А. К. Клафтонъ, Крыловъ, П. В. Левашевъ, П. П. Масловъ, А. И. Матовъ, Мефистофель (псевдонимъ), А. М. Михайловъ, А. Невскій (псевдонимъ), Ю. М. Невинскій, С. С. Неуструевъ, С. П. Неуструевъ, Онъ (псевдонимъ), Д. Павловскій, Перо (псевдонимъ), Н. П. Подбѣльскій, К. Г. Прибытковъ (Раз—евъ), А. Н. Потресовъ, Д. Д. Протопоповъ, Рудинъ, А. А. Санинъ, Самарецъ (псевдонимъ), Сашинъ-Сфинксъ (псевдонимъ), П. Н. Скворцовъ, А. Степной (псевдонимъ), П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, В. П. Ушаковъ, А. Яблоновскій Н. Е. Ѳедосѣевъ и др.

Кромѣ того, редакціи обѣщали сотрудничать многія другія лица, близко знакомыя съ областной современной жизнью и печатью.

«САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ» БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ ВЪ РАЗМѢРѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Подписная цѣна на «Самарскій Вѣстникъ» остается прежняя: Для Самары и Самарскаго уѣзда (зем. почт.) на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 5 мѣс. 2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к. Для иногородныхъ: на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к.

Редакторъ-Издатель *Н. К. Регутовскій.*

3—3

ПОДПИСКА на 1897-й годъ

на общественно-литературную газету

«МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ»

съ безплатнымъ приложеніемъ для годовыхъ подписчиковъ «Необходимаго Календаря» на 1897 г., изданнаго редакціей газеты.

«Минскій Листокъ» выходитъ по вторникамъ и пятницамъ. Въ 1897-мъ году вступаетъ въ XII-й годъ изданія.

Подписная цѣна: Съ пересылкою: на годъ 4 р., на девять мѣс. 3 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ 3 р., на девять мѣс. 2 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ—въ г. Минскѣ губ.

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЯНВАРѢ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Авдаковъ, Н, І. Горнозаводская промышленность и земледѣліе. II. О пошлинахъ на пароходы дальняго плаванія. Харьковъ. 1896. Ц. 25 к.

Адріановъ, Н, Способъ домашняго приготовленія броможелатиновыхъ, хлорожелатиновыхъ и аристотипныхъ пластинокъ и бумаги. Изд. 2-е, вновь переработ. и дополн. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Александренко, В. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. Т. II. Матеріалы. Варшава. 1897. Ц. 2 р. 25 к.

Альбовъ, М, Приключеніе одного скитальца (Снѣтокъ и картошка). Повѣсть. Съ рис. М. 1897. Ц. 1 р.

Алмазовъ, А. Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники. Одесса. 1896. Ц. 35 к.

Андерсенъ. Избранныя сказки. Перев. М. А. Лялиной. Съ 40 рис. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Анненковъ, Г. Аргентотипная бумага Сухачева. Спб. 1896. Ц. 20 к.

— Нѣкоторые простѣйшіе способы фотомеханическаго печатанія. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Антоновъ, П. Правильно ли производятся и опредѣляются у насъ работы винокуровъ? М. 1896. Ц. 1 р.

Анурьевъ, С. Токарь самоучка. Опытъ ознакомленія грамотныхъ поселянъ съ токарнымъ ремесломъ. Съ 55 рисунками. Вологда. 1897. Ц. 15 к.

Аріосто. Двѣнадцать пѣсенъ поэмы Неистовый Роландъ. Переводъ въ стихахъ. А Вутовскаго Спб. 1896. Ц. 3 р.

Арбузовъ. Сказки. Рига. 1896. Ц. 60 к.

Ауэрбахъ, Б. Дача на-Рейнѣ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. 2 т. М. 1897. Ц. 4 р.

Афанасьевъ, М. (проф.). Лекціи по клинической микроскопіи и бактеріологіи. Со многр. рисунк. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25.

Багемотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Перев. съ франц. Харьковъ. 1896. Ц. 75 к.

Бабиковъ, А. Жукъ. Разсказъ. Изъ воспоминаній Сенички Х... Спб. 1896. Ц. 2 р. 75 к.

Baginsky, А. (проф.). Гигіеническія основы Моисеева законодательства. Перев. подъ ред. д-ра М. Кацына. М.1896. Ц. 35 к.

Барбіеръ, Р. Китайская поэзія. Очеркъ. Переводъ съ итальянскаго. Н. Плисскаго. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Барыкова, А. Стихотворенія и прозаическія произведенія. Замѣтки о жизни и личности А. П. Барыковой. Отрывки изъ писемъ А. П. Барыковой. Съ портретомъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Барсовъ, Н. (проф.). Къ ученію о существѣ или природѣ христіанской литургійной проповѣди. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Бёмъ, Елиз, Нижній Новгородъ. Не поминай лихомъ, а добромъ сколько хочешь. Альбомъ рисунковъ въ краскахъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Беръ, Б. Стихотворенія. Волѣзни.—Свѣтлый Богъ.—Природа и сердце.—Пророкъ.—Счастье.—Сѣверная легенда. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Бэрдъ, И, (Ch, Beard). Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. Звягинцева. Подъ ред. и съ предислов. проф. И. И. Карѣева Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бертгольдъ, Г. Законы о духовныхъ завѣщаніяхъ по кассаціоннымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Приложены; кассаціонныя рѣшенія по дѣламъ онаслѣдственной пошлинѣ и конвенціяхъ о наслѣдствѣ. М. 1866 г. Ц. 5 р.

— Наслѣдство по закону, по кассаціоннымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента за XXX лѣтъ. М. 1897 г. Ц. 6 р.

Бертильонъ, Ж. Курсъ административной статистики. Часть 1-я. Пріемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Перев. съ франц. Н. Джунковскаго со вступительной статьей «О научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ» проф. А. О. Фортунатова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бершадскій, Л. Свѣдѣнія изъ практики для практики. Мельничный календарь на 1897 г. годъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бидертъ, Ф. (д-ръ). Руководство къ дѣтскимъ болѣзнямъ, совершенно обраб. по 8-му изданію проф. A. Vogel'я. Съ 60 рисунк. Изд. 11-е. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Билли (де). Производство чугуна. Краткое руководство доменной плавки. Съ 3 таблицами чертежей. Перев. съ франц. А., Фадѣевъ. Екатеринбургъ. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Блэккъ, Д. Мозговая работа и переутомленіе. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Богдановъ, А. Побѣги. Стихотворенія. 1891—1894 г. Пенза. 1896 г. Ц. 50 к.

Бодиско, Д. Размышленія сельскаго хозяина. Куда мы шли, куда идемъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Брандтъ, Б. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ. 1897 г. Ц. 60 к.

***Брайтвинъ, Э.** Дружба съ природой. Разсказы въ изложеніи Дм. Кайгородова. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бунинъ, Ив. На край свѣта и другіе разсказы. 1897 г. Ц. 1 р.

Былѣевъ, Н. Опытъ художественной критики. Герой русской поэзіи XIX вѣка. Изд. второе, исправл. и дополнен. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Вагнеръ-Фрейеръ. Развлеченія изъ міра науки. Руководство къ опытамъ изъ физики и химіи, къ составленію коллекцій растеній, минераловъ и т. п., равно какъ къ уходу за домашними животными и растеніями. Съ 330 рис. и 4 табл. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Вахтеровъ, В. Всеобщее обученіе. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1703—1893 г.). Изданіе Г. В. Юдина. Вып. X. Аскоченскій-Бабаджановъ. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.

Ветеринарный Сборникъ. Съ рис. Подъ ред. С. С. Евсѣенко. Варшава. 1896 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. (д-ръ). Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа лѣченія болѣзней подкожными впрыскиваніями вытяжекъ изъ органовъ животныхъ. Вып. I, М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Волконскій, С. (князь). Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вольцендорфъ, Г. (д-ръ). Руководство къ малой хирургіи для практическихъ врачей. Т. I. Съ 356 рисунк. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вормсъ, Р. Общественный организмъ. Перев. съ фран., подъ ред. и съ предисловіемъ проф. А. Трачевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Вороной, Г. Объ одномъ общеніи логорієма непрерывныхъ дробей. Варшава. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воротынскій, А. На разсвѣтѣ. Историческая фантазія. Римъ. 63 годъ по Р. Х. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Врангель, К. (графъ). Книга о лошади. Вып. XI, XII, XIII. Ц. по подпискѣ на 20 вып. 10 р.

***Вся Москва.** Адресная и справочная книга на 1897 г. IV годъ изданія. М. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3.

Вундтъ, В. Очеркъ психологіи. Перев. Д. Викторова, подъ редакц., съ предислов. и примѣч. проф. П. Я. Грота. Въ началѣ книги статья проф. Н. Я Грота: «Основаніе экспериментальной психологіи». М. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Гагаръ, Ридеръ. Открытіе клада короля Соломна. Сцены изъ жизни южной Африки. Съ англ. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гейнце, Н. Людоѣдка. Историческій романъ XVIII вѣка. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Гейсманъ, П. Война, ея значеніе въ жизни народа и государства. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Гельмгольцъ, Г. Популярныя рѣчи. Ч. II. О зрѣніи человѣка. Новѣйшіе успѣхи теоріи зрѣнія. Вихревыя бури и грозы. Возникновеніе планетной системы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Герасименко, П. Миньятюры. Наброски и разсказы. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Вып. I. Ц. по подпискѣ на все изданіе 12 р., съ перес. 14 рублей.

Годри, А. Палеонтологія (la paléontologie philosophique). Перев. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Гольмсъ, Ф. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Съ приложеніемъ историч. очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и туннелей въ Россіи, составленнаго П. Красновымъ. 77 рисунк. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Вып. IX. Ц. 1 р.

Гофманъ, Э. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Обработалъ и дополнилъ примѣнительно къ русской фаунѣ Н. А. Холодковскій. Вып. I Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе 10 вып.—14 р.

Грибовскій, В. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Григорьевъ, А. Русскіе герои нашего вѣка (сатирическія стихотворенія). Харьковъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Гюго, Викторъ. Человѣкъ, который смѣется. Въ изложеніи А. Суворина. «(Дешевая Библіотека» А. С. Суворина № 122). Ц. 20 к.

Данилевскій, М. Невольникъ любви. Повѣсть любви. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Дарвинъ, Ч. Измѣненіе животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи. Перев. М. Филиппова и П. Шмидта. Съ рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Демосѳена рѣчи. Вып. I. Первая рѣчь противъ Филиппа и олинѳскія рѣчи. Перев. Юнатова. Рига. 1845 г. Ц. 50 к.

Денисовъ, Л. Бѣлая лилія. Разсказъ для дѣтей. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Дергачевъ. Азбука по звуко-слагательному способу. Съ картинк. М. 1895 г. Ц. 70 к.

Джеромъ, К. Джеромъ. Новый способъ писать романы. Съ англ. Н. Жарницовой. Съ 27 рисунк. и портретомъ автора. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Диккенсъ, Оливеръ Твистъ. Перев. съ сокращеніемъ для дѣтей средняго возраста А. Архангельской. Изд. 3-е. М. 1896 г. Ц. 65 к.

Дрезденская картинная галерея. Текстъ Германа Люке. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова. Вып. III. Ц. по подпискѣ 60 руб. Допускается разсрочка.

Дьяконовъ, М. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. II. Грамоты и записи. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Дюфрень, Ж, Руководство къ изученію шахматной игры. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жеденовъ, Н. Дѣти работники. Разсказъ. Съ рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Жераръ, Э, Курсъ электричества. Т. II. Спб. 1896 г. Ц. за 2 т. 8 р.

Жераръ, Э. Электрическія измѣренія. Перев. и дополн. П. Д. Войнаровскій. Съ 220 рис. Спб. 1897 г. Вып. I. Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе 3 р.

Животовъ, Н. (Розовое домино). Дочь трактирщика. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Ф. Лассаль, его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Біографич. очеркъ В. Классена. Съ портретомъ Лассаля. Спб. 1896 г. Ц. 25 к. **Платонъ.** Его жизнь и философская дѣятельность. Біограф. очеркъ Г. Орлова. Съ портретомъ Платона. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Журналъ юридическаго Общества при Императорскомъ Спб. университетѣ. Январь. 1897 г. Ц. 2 р.

Западные миссіонеры внутри Африки. Казань. 1897 г. Ц. 50 к.

Заринъ, А, Силуэты. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Зола, Э. Римъ. Романъ. М. 1896 г. Ц. 80 к.

Johanson, J. St. Petersburger kochbuch für feine und bürgerliche Küche. Спб. 1897 г. Ц. въ перепл. 4 р. 80 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Ч. I. Книжка 4-я. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ узнать характеръ человѣка? Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія). Съ 50 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1897 г. 3 части. Ц. 2 р., въ кожан. перепл. 2 р. 30 к.

Календарь и записная книжка русскаго сельскаго хозяина 1897 г., подъ ред. Ѳ. Ѳ. Баталина. Ц. 1 р.

Календарь для акушерокъ на 1897 г. Ц. 1 р.

Календарь для дѣятелей печати на 1897 г. М. 1897 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кантъ, И. Критика практическаго разума. Перев. Н. М. Соколова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Основные вопросы философіи, исторіи. Изд. 3-е (сокращенное). Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Келлеръ, К, (проф.). Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. IX. Ц. 60 к.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предислов. Н. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. Съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книжный вѣстникъ № 9. Ц. 30 к.

Ковалевскій, П, (Проф.). Боржомъ и его цѣлебные источники. Изд. 2-ое. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй. 1894 г. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Колюбакинъ, Б. Воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Константиновичъ, М. Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ Кіевъ. 1896 г. Ц. 35 к.

Конскій календарь на 1897 г. Ц. 75 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Janvier. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Космополисъ. Ежемѣсячный международный журналъ. Русскій отдѣлъ. Январь. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Красновъ, А. (проф.). Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ. Харьковъ. 1893 г. Ц. 75 к.

Кругловъ, А, За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библіот. среднихъ и низшихъ учебн. завед. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. Стихотворенія. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крушеванъ, [п. Призраки. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Куликовскій, Г. Копированіе посредствомъ свѣта картъ, плановъ, чертежей и др. воспроизведеній. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Кюнъ. Ядъ, отравленіе и противоядіе. Перев. съ нѣмецк. И. Плискаго. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Латышевъ, В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I. Греческіе писатели. Вып. 2-й. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Лермонтовъ, М.** Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Рисунки С. С. Соломко. Ц. 3 р.

Лермонтовъ, М, Демонъ. Восточная повѣсть. Иллюстрировалъ К. Изенбергъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Леченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи и т. п. Теорет. и практич. данныя по устройству электрич. установки по способу д-ра Эвальда. Съ 40 рис. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Липаевъ, Ив. Музыка на XVI всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Лопатинъ, В. Мысли по поводу труда Дрэпера: Исторія умственнаго развитія Европы. Изд. 2-е. Варшава 1896 г. Ц. 10 к.

— Обыденная армейская жизнь. Походъ мирнаго времени. Варшава. 1896 г. Ц. 25 к.

— Комментаріи средняго читателя къ новымъ вѣяніямъ Георга Брандеса. Варшава. 1897 г. Ц. 25 к.

Лыкошинъ, А. Порядокъ постановленія приговоровъ въ военныхъ судахъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Львовъ, И. У камелька. Очерки и разсказы изъ фантастической и реальной жизни. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Маврицкій, В. Правила и программы женскихъ учебныхъ заведеній М. 1897 г. Ц. 50 к.

Маминъ—Сибирякъ. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. 1897 г. Ц. 5 к.

Meyer, W. Марсъ по наблюденіямъ 1892—1894 гг. Перев. съ нѣмецк. С. А. Полякова. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Мейснеръ, А. Стихотворенія. Самара. 1897 г. Ц. 50 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II (пер. полов. XVII ст.). Перев. К. Мельникъ подъ ред. В. Антоновича. Кіевъ 1896 г. Ц. 3 р. 25 к.

Менделевичъ, Р. Святочныя поэмы. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Мензбиръ, М. (проф.). Изъ жизни звѣрей и птицъ. Популярные очерки. Съ 20 рис. І. Вольфа. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Меншуткинъ, Н. Лекціи органической химіи. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 60 к.

Минскій. Н. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Минье. Исторія французской революціи. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предислов. К. Арсеньева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Монеты царствованій императрицы Елисаветы I и императора Петра III. Спб. 1896 г. 2 т. Ц. 25 р.

Морье (дю). Жорисъ. Трильби. Романъ Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Мюллеръ, Евг. Дѣвочка-Робинзонъ. Съ 27 рис. Съ приложеніемъ разсказа М. Штейна. Маленькій дикарь. Перев. В. Д. Владимірова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Навроцкій, А. (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нагуевскій, Д. Обозрѣніе медалей и монетъ Екатерининской эпохи, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1896 г. Ц. 35 к.

Народный праздникъ по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Описаніе и рисунки увеселеній на праздникѣ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Наша мать природа. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Никольскій, Вл. Вѣра въ промыслъ Божій и ея основанія. Казань. 1896 г. Ц. 2 р.

Никоновъ, С. Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ. Спб. 1897 г. Ц. за 2 выпуска 1 р.

— Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Ярославль. 1896 г. Ц. 40 к.

Новиковъ. А. Бесѣды объ обработкѣ земли и объ ея удобреніи. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. Январь. 1897 Ц. 1 р.

Нормальный уставъ скаковыхъ обществъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Носи съ собой. Записная книжка и календарь на 1897 годъ, съ общедоступными медицинскими свѣдѣніями. Д-ра В. Окса. Годъ 3-й. Ц. 50 коп.

Обзоры и новости медицины за 1896 г. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Образованіе, Педагогическій и научно-популярный журналъ. № 1. Январь. 1897 г. Ц. 60 к.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Вып. I. Подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1896 г. Ц. 75 к.

Ольденбургъ, Ф, Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—1893 году. Статистическій очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Ольдерогге, В. «Забытые». Очеркъ вырожденія въ Княжеской и Вольной Сванетіи. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Павловскій, И. Русско-нѣмецкій словарь. Вып. 3-й. Изд. 3-е. Рига. 1897 г. Ц. 1 р.

Павловъ-Сильванскій, Н. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Пантюховъ, И. (д-ръ). О нѣкоторыхъ лѣчебныхъ мѣстностяхъ Закавказья. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Песковскій, М, Играйте и читайте!.. Книга для малыхъ дѣтокъ. Спб. 1896. Ц. въ папкѣ 40 к.

Песковскій, М. Прочитаешь—жизнь узнаешь Книга для дѣтей младшаго возраста (около 12 лѣтъ). Спб. 1896 г. Ц. въ папкѣ 80 к.

Петруланъ, М, Женщина и ея судьба. Вильна. 1896 г. Ц. 80 к.

Печеринъ, Я. Историческій обзоръ росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 годъ включительно. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Изданіе третье. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н. Повѣсти и разсказы. Подъ редакц. П. Быкова. Т. II (1859—1868). Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Плискій, Н. Васни. Вып. I. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Покровскій, В. Краткій очеркъ внѣшней торговли и таможенныхъ доходовъ Россіи за 1894 г. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Поповъ, П. Русско-китайскій словарь. Изд. 2-е, исправ. и дополненное. Пекинъ. 1896. Ц. 9 р.

Поповъ, Н. д-ръ. Матеріалы къ патологической анатоміи душевныхъ заболѣваній. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Попялковскій, М. Массажъ при женскихъ болѣзняхъ и въ акушерствѣ. М. 1897. Ц. 40 к.

Поспѣловъ, Н. Сборникъ предупредительныхъ и провѣрочныхъ диктантовъ. М. 1897. Ц. 50 к.

Потапенко, И. Смертный бой. Романъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Оксана и другіе разсказы. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Почтово-телеграфный календарь на 1897 г. Ц. 1 р.

Правила и программы для спеціальныхъ испытаній на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ. Казань. 1896 г. Ц. 10 к.

Практическое наставленіе для выдѣлки изъ цвѣтной рисовой бумаги разнаго рода вещей, какъ-то: абажуровъ для лампъ и свѣчей обложекъ для цвѣточныхъ горшковъ, различныхъ цвѣтовъ и проч. Вып. I. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Присъ, Арк. Сказки и разсказы. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Прозоровскій, А. Сильвестръ Медвѣдевъ (его жизнь и дѣятельность). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. М. 1896. Ц. 3 р.

Пуарэ, П. Успѣхи человѣческой изобрѣтательности. Описаніе производствъ, необходимыхъ для нашей домашней и общественной жизни. Для юношества и для самообразованія. Съ 364 рис. М. 1897 г. Ц. въ переплетѣ 3 р. 75 к.

Путешествіе по Абиссиніи Теодора Бента въ 1893 г. Обработано по подлиннику М. А. Лялиной. Съ 30 рис. и картой Абиссиніи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. 13-го августа—19-е октября 1896 г. Ц. 40 к.

Рашевскій, П. Перестройка и постройка мостиковъ на существующихъ жел. дорогахъ безъ устройства обходныхъ путей. Варшава. 1896 г. Ц. 75 к.

Рейнботъ, А. Опытъ теоретическаго изслѣдованія веденія наступательнаго боя пѣхотою. Съ чертежами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Remak, Е. (д-ръ), Основы электродіагностики и электротерапіи для практическихъ врачей. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ридеръ, Г. (д-ръ). Руководство врачебной техники. Съ 423 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. д-ра Н. Фрейберга. Вып. I. Спб. 1897 г. Ц. 1.

Роберъ, К. Руководство къ живописи масляными красками, акварелью и пастелью. Перев. съ франц. Съ рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ротертъ, В. Анатомія растительныхъ тканей. Съ 90 рис. Казань. 1897 г. Ц. 70 к.

Русская музыкальная газета. Январь. Ц. 50 коп.

Русскій астрономическій календарь на 1897 г. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Рустикъ (Т. Мартемьяновъ). Городъ Болховъ, Орловской губерніи. Историческо-бытовые очерки. Орелъ. 1897 г. Ц. 80 к.

Сабатье, Арт. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи. Перев. В. Обреимова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Священное Коронованіе Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 р.

«Сѣверный вѣстникъ». Январь. 1897 г. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный календарь «Деревня» на 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 50 к. въ каленкор. перепл. 60 к.

«Сельскій Хозяинъ» № 12. Ц. 20 к.

Сениговъ, І. Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Сибирскій Календарь на 1897 г. Томскъ. Ц. 1 р. 50 к.

Сибирское переселеніе. Спб. 1896 г. Ц. 1½ к.

Скабичевскій, А. Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1892 г. Изд. 3-е, испра. влен. и дополн. Съ 52 портрет. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Смирновъ, А. (проф.). Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства. Казань. 1894 г. Ц. 50 к.

Справочный военный ежегодникъ и записная книжка для офицеровъ всѣхъ родовъ оружія на 1897 г., подъ ред. Н. Аскарханова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Вокругъ свѣта на «Коршунѣ». Сцены изъ морской жизни. Съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

— Разсказы изъ морской жизни для дѣтей съ 8 рис. П. Ижакевича. М. 1897 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. V. Первые шаги.—Омутъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Собраніе сочиненій. Т. VI. Наши правы.—Въ далекіе края. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Старшая Эдда. (Семунда Мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-скандинавскій народный эпосъ. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Стасовъ, В. Листъ, Шуманъ и Берліозъ въ Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Степановъ. П. Деревенскій домъ-дача и главнѣйшія условія постройки домовъ (10 рис. въ текстѣ). Ц. 20 к.

Степановъ, Н. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Степовичъ, А, (редакторъ). 25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ (1-е октября 1871—1-е октября 1896 г.). Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. Книга для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Страусъ, О. Календарь для электротехниковъ на 1897 г. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Суворинъ, А, А.** Палестина. Иллюстрированное изданіе. Вып. 25-ый. Цѣна по подпискѣ на все изданіе (30 вып.) 35 р. Допускается разсрочка.

Суринъ, Г. Рождественскій снѣгъ. Разсказы для дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Сысоевъ, В. Разсказы и очерки. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тиндаль, Дж. Физика въ простыхъ уро-

кахъ. Перев. съ англ. Изд. 3-е. Съ 89 рис. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Торжество Открытія памятника Н. И. Лобачевскому въ гор. Казани 1-го сентября 1896 г. Казань. 1896 г. Ц. 15 к.

Трохимовичъ, В. Ученіе объ основахъ человѣческаго сознанія и значенія личности. Книга 1-я. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Трухачевскій. Крейцерова соната исполнителя. Записки. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Ураловъ, Н. На верблюдахъ. Воспоминанія изъ жизни въ Средней Азіи. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Федотьевъ, П. Современное состояніе химической промышленности въ Россіи. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Феноменовъ, Н. (проф.). Оперативное акушерство. Изд. 3-е, дополненн. Съ 10 таблицами рисунковъ. Казань. 1897 г. Ц. 2 р. 25 к.

Ферворнъ, М. Общая физіологія. Основы ученія о жизни. Вып. I. М. 1897 г. Ц. за 2 тома 4 рубля.

Финкельштейнъ, П. Къ вопросу о сервитутахъ и разверстаніи угодій. Кіевъ. 1896 г. Ц. 10 коп.

Фламаріонъ, К. Живописная астрономія. Переводъ Е. Предтеченскаго. Съ 382 рис. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Juchs, Е. (д-ръ). Руководство къ глазнымъ болѣзнямъ. Съ 215 рис. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Хаггардъ, Р. Джессъ (Подъ небомъ Африки). Романъ изъ жизни англичанъ въ Трансваалѣ. Перев. съ англ. К. Бутковскаго. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ходскій, Л. Элементарное руководство политической экономіи въ связи съ финансами. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Христіансенъ, К. Основы теоретической физики. Перев. С. Егорова подъ ред. Н. Гезехуса. Съ 143 рис. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Цѣхановичъ, А. Подъ ножемъ. (Изъ жизни прозектора). Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Чагинъ, Правила объ устройствѣ судебной части и производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя правила о волостномъ судѣ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 рубля

Чевассъ, П. д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Перев. съ англ. Е. Ильиной, подъ ред. женщ.-врача М. Волковой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черновъ, К. Молотилка для подсолнечника П. А. Сафонова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Чичеринъ, Б. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. М. 1897 г. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 11-я. Подъ ред. А. М. Лазаревскаго. Кіевъ 1896 г. Ц. 2 р.

Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XVII. Ц. по подпискѣ на все сочин. 6 р.

Шефферъ, П. Замѣтка о сборникѣ Кирши Данилова. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Шляпошниковъ, М. д-ръ, Медицинскій путеводитель гор. Харькова на 1896—1897 г. Ц. 20 к.

Шмаковъ, А. «Еврейскія» рѣчи. М. 1897 г. Ц. 3 руб.

Шмуклеръ, И. д-ръ. Онанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и леченіе. Кіевъ. 1896 г. Ц. 30 к.

***Шопенгауэръ, А.** Міръ, какъ воля и представленіе. Переводъ Черниговца. Критика Кантовской философіи. Добавленіе къ 1-му тому. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Эсхилъ. Орестія. Трилогія. Вып. II. Хоэфоры. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина № 195). Ц. 15 к.

Юмористическій иллюстрированный Альманахъ-Ежегодникъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Юрьинъ, Н. Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Якобсонъ, Н. Что такое Нижегородская выставка 1896 г. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Янжулъ, И. Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. М. 1897 г. Ц. 2 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 23 января. 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

первый въ обновленной англійской литературѣ—онъ пишетъ большую поэму.

Судьба Троила развивалась постепенно, вмѣстѣ съ теченіемъ вѣковъ. Гомеръ только упоминаетъ о немъ; Виргилій посвящаетъ ему три стиха; Даресъ, видѣвшій все, пишетъ его портретъ; Бенуа де-Сентъ-Моръ первый приписываетъ ему сначала счастливую, а потомъ трагическую любовь; Гюи де-Колонна примѣшиваетъ къ разсказу поучительныя разсужденія; Боккаччіо развиваетъ исторію, вводитъ новыхъ лицъ и превращаетъ ее въ романъ, въ изящную повѣсть, въ которой молодые итальянскіе вельможи, одинаково прекрасные, юные, влюбленные и ничуть не щепетильные, покоряютъ сердца своихъ дамъ, потомъ лишаются ихъ и пускаются въ тонкія разсужденія относительно своихъ желаній и неудачъ [1]).

Чосеръ беретъ главную мысль [2]), измѣняетъ характеръ разсказа, разнообразитъ его, видоизмѣняетъ дѣйствующихъ лицъ, измѣняетъ ихъ возрастъ и характеръ и располагаетъ по своему вкусу заимствованный матерьялъ, какъ человѣкъ, увѣренный въ себѣ и способный судить и критиковать, какъ человѣкъ, который находитъ возможнымъ исправлять романъ даже самого Боккаччіо. Литературный прогрессъ, сказавшійся въ этомъ произведеніи, изумителенъ, хотя и не изумительнѣе прогресса, достигнутаго въ это время націей; вмѣстѣ съ вестминстерскимъ парламентомъ, такъ же какъ и съ поэзіей Чосера, начинается настоящая и опредѣлившаяся Англія.

Дѣйствительно, у Чосера, какъ и у новой расы, смѣсь происхожденія слилась неразрывно. Въ его Троилѣ игривый умъ, находчивость, драматическое чувство кельтовъ, забота о формѣ и планѣ разсказа, которые такъ дороги латинскимъ расамъ и способность наблюдательности нормандцевъ сливаются съ саксонской нѣжностью и воспріимчивостью. Медленность, съ которой подготовлялось сліяніе, сдѣлала то, что въ извѣстную минуту оно обнаружилось почти внезапно — вполнѣ законченнымъ; вчера еще

---

[1]) Романъ Боккаччіо написанъ строфами въ восемь стиховъ и называется Il Filostrato (жертва любви); текстъ его въ Opere volgari di Giov. Boccaccio, Флоренція, 1831, 8°, т. XIII.

[2]) *Troylus and Cryseyde*, въ Complete Works, изд. Скитъ, Оксфордъ, 1894, т. II раздѣленъ на пять книгъ и написанъ въ строфахъ по семи стиховъ, съ риѳмами на *a b a b b c c* Ср. тексты этой поэмы въ *Chaucer Society*. Для того, чтобы сравнить поэмы Чосера и Боккаччіо, см. *Troylus and Cressida compared with Boccaccio's Filostrato* par M. Rossetti, Londres, Chaucer Society, 1873. Около трети произведенія Чосера заимствовано у Боккаччіо. *Troylus* посвященъ поэту Гоуеру и ученому Строду, которые оба были друзьями Чосера.

англійскіе писатели едва лепетали, а сегодня они уже не удовлетворяются разговоромъ и поютъ.

По своей полу-эпической формѣ Троилъ подходитъ и къ романтическому искусству, и къ драматическому, развитію которыхъ Англія такъ сильно способствовала. Это уже и романъ, и англійская драма, въ которой трагизмъ смѣшивается съ комизмомъ, гдѣ героизмъ и пошлость идутъ рука объ руку, такъ же какъ и въ жизни, гдѣ, напримѣръ, кормилица Жюльеты прерываетъ влюбленныхъ на балконѣ Капулети, гдѣ у принцессъ нѣтъ повѣренныхъ, воспроизводящихъ въ уменьшенномъ видѣ ихъ собственныя особы и созданныхъ только для того, чтобы давать имъ реплику; гдѣ чувства анализируются внимательнымъ умомъ послѣдователя опытной психологіи и гдѣ, тѣмъ не менѣе, не довольствуясь ловкими разсужденіями, весь ходъ дѣйствія ясно обрисованъ, а не только разсказанъ. На сценѣ нѣтъ кулисъ, за которыми происходитъ самая живая часть драмы; герои ея не отвлеченныя существа, но и не исключительно матерьяльные образы; мы такъ же далеки отъ раскрашенныхъ миніатюръ послѣднихъ трубадуровъ, какъ и отъ героическихъ романовъ Кольпренеда; у дѣйствующихъ лицъ есть мускулы, кости и нервы и въ то же время сердце и душа; они настоящіе люди; день появленія Троила былъ великимъ днемъ для англійской литературы.

Такъ же, какъ и сборникъ Фруассара, книга трактуетъ «о любви». Она разсказываетъ, какъ Крессида, дочь Калхаса, оставшаяся въ Троѣ въ то время, когда ея отецъ вернулся въ лагерь грековъ, влюбляется въ прекраснаго рыцаря Троила, сына Пріама. Отданная грекамъ, она забываетъ Троила, который погибаетъ.

Какимъ образомъ эта молодая женщина, и добродѣтельная и прекрасная, полюбила этого молодого человѣка, котораго она не знала въ началѣ романа? Какія внѣшнія обстоятельства сблизили ихъ и какія душевныя движенія привели ихъ отъ равнодушія къ страху и потомъ къ любви? Въ разсказѣ Чосера параллельно развиваются два порядка идей—не даромъ онъ былъ мечтатель, знавшій хорошо реальную жизнь, и практическій дѣятель, много мечтавшій.

Троилъ презиралъ любовь и смѣялся надъ влюбленными [1]); но разъ онъ видитъ въ храмѣ Крессиду и онъ погибъ, онъ не въ

---

[1]) If knight or squyer of his companye
Gan for to syke or lete his eyen bayten
On any woman that he coude aspye,
He wolde smyle, and holden it folye.
And seye him thus:—«God wote she slepeth softe
For love of thee, whan thou turnest ful ofte». I st. 28.

силахъ оторвать отъ нея взгляда; надъ нимъ пронеслось дуновеніе любви; вся его сила пропала; гордость его разсыпалась, какъ осыпаются лепестки розы; волненіе его такъ сильно, что у него захватываетъ духъ; онъ пьетъ медленными глотками неотразимый ядъ. Вдали отъ нея воображеніе его заканчиваетъ то, что было начато дѣйствительностью; сидя на своей кровати, углубившись въ свои мысли, онъ видитъ снова Крессиду и видитъ ее такой прекрасной, съ такими ясными чертами и въ такихъ живыхъ краскахъ, что съ этихъ поръ передъ его глазами постоянно носится божественный образъ, созданный его воображеніемъ; передъ нимъ стоитъ всегда это небесное созданіе нечеловѣческой красоты, а никакъ не земная Крессида, хрупкая дочь Калхаса. Троилъ пораженъ на всю жизнь любовнымъ недугомъ.

У него есть другъ, старше его, скептическій, опытный пошлякъ синьоръ Пандаръ, дядя Крессиды. Онъ повѣряетъ ему свою болѣзнь и проситъ его помощи. У Боккаччіо Пандаръ — молодой рыцарь, также скептикъ, но вѣтреный, спѣсивый и изящный, точно одинъ изъ типовъ Мюссе. Чосеръ передѣлываетъ всю драму и отводитъ мѣсто грубому реализму жизни, передѣлавъ характеръ Пандара. Онъ дѣлаетъ изъ него человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, лишеннаго всякой щепетильности, болтливаго, наглаго, хитраго; вся его мудрость состоитъ въ пословицахъ, выбранныхъ изъ числа тѣхъ, которымъ легче слѣдовать; онъ напоминаетъ комическихъ героевъ Мольера или Шекспира. Пандаръ любитъ сравненія, какъ Гро-Ренэ, и поговорки, какъ Полоній. Онъ непристоенъ и грубъ безсознательно, по натурѣ, какъ кормилица Жюльетты [1]). Наивность его доходитъ до крайнихъ предѣловъ; онъ считаетъ себя самымъ лучшимъ и скромнѣйшимъ изъ друзей во всемъ свѣтѣ и заключаетъ свои безконечныя разглагольствованія словами: «положитесь на меня; я вѣдь не болтунъ». Каждая его мысль, каждое слово и манеры составляютъ прямую противоположность мыслямъ, словамъ и манерамъ Крессиды и ея возлюбленнаго и выдвигаютъ ихъ еще рельефнѣе. Онъ ушелъ весь въ настоящую и осязаемую дѣйствительность и не думаетъ, что можетъ быть нужно иногда лишить себя вѣрнаго и немедленнаго удовольствія, въ виду тѣхъ или другихъ только еще возможныхъ послѣдствій.

Съ такимъ направленіемъ ума и съ такимъ характеромъ, онъ приступаетъ къ племянницѣ, чтобы поговорить съ ней о любви.

---

[1]) И страдая одышкой такъ же, какъ она, до того, что не можетъ говорить:

....O verray God, so have J ronne!
Lo, nece myn, se ye nought how J swete?

II стр. 210. Также у Шекспира:

Nurse.—Jesu, what haste! can you not stay a while?
Do you not see that J am out of breath?

Вся эта сцена, придуманная Чосеромъ,—настоящая сцена изъ комедіи; жесты и позы тщательно отмѣчены: Крессида опускаетъ глаза, Пандаръ откашливается. Разговоръ, обрываясь, ведется такъ живо, что его можно принять скорѣе за отрывокъ изъ пьесы, написанной для театра, чѣмъ за разсказъ въ стихахъ. Является дядя, племянница сидитъ, на колѣняхъ у нея лежитъ книга, она читаетъ романъ.

— А! вы читали? Что же именно вы читали? На чемъ остановились? — Она уже очень далеко, потому что читаетъ *романъ «Ѳивы»* [1]).

Она извиняется за такое суетное развлеченіе; съ ея стороны было бы, можетъ быть, лучше читать «житіе святыхъ». Чосеръ отдается всецѣло анализу страстей и ни мало не боится анахронизмовъ; ему нѣтъ дѣла, дѣйствительно-ли осажденные троянцы могли черпать свои добродѣтели изъ житія святыхъ; онъ интересуется очень мало исторіей: пусть тѣ, кого она занимаетъ, «обратятся къ Гомеру или Даресу»; его интересуютъ движенія сердца, а не арміи; англійскій романъ, едва народившись, носитъ уже психологическій характеръ.

Съ тысячами предосторожностей и не выходя изъ своей пошлой роли, Пандаръ нагоняетъ серьезное выраженіе на личико веселой Крессиды и ведетъ разговоръ такъ, чтобы она высказала случайно похвалу Троилу раньше, чѣмъ онъ называетъ его по имени; чтобы внушить къ себѣ довѣріе, онъ примѣшиваетъ къ своимъ шуткамъ серьезныя вещи и, въ качествѣ добраго дяди, даетъ разумные и практическіе совѣты и затѣмъ встаетъ, чтобы уйти, не высказавъ, зачѣмъ пришелъ. Любопытство Крессиды затронуто, тѣмъ болѣе, что Пандару непривычны недомолвки; любопытство ея, раздражаясь съ каждой строфой все сильнѣе и сильнѣе, переходитъ въ безпокойство и почти въ смертельное томленіе, потому что хотя Крессида и принадлежитъ къ четырнадцатому вѣку и хотя она стоитъ первая въ длинной вереницѣ героинь романовъ, но въ ней уже сказывается «нервная женщина»; она вздрагиваетъ отъ малѣйшаго пустяка, это самое впечатлительное существо въ мірѣ, «the ferfullest wight that might be»; на нее вліяетъ даже состояніе атмосферы. Въ чемъ же дѣло? О! только въ слѣдующемъ: «Сынъ короля, добрый, мудрый, мужествен-

---

[1]) Переложенный потомъ Лидгетомъ на англійскіе стихи для того, чтобы помѣстить въ Кантерберійскія сказки: «Here begynneth the sege of Thebes, ful lamentably told by Johnn Lidgate monke of Bury annexynge it to ye tallys of Canterbury». Ms. Royal. 18 D. II *въ British Museum*. Прелестныя миніатюры этой рукописи представляютъ Ѳивы, осаждаемые пушечными выстрѣлами л. 158. Креонъ, коронуемый на царство двумя епископами въ митрахъ, съ посохами и въ золотыхъ мантіяхъ, л. 160, и т. д. См. *infra*, стр. 516.

ный, блестящій и благодарный Троилъ, каждое дѣйствіе котораго можетъ назваться подвигомъ, любитъ васъ и можетъ умереть отъ этого, если вы не примете своихъ мѣръ. Вотъ и все» [1]). Разговоръ продолжается, и Пандаръ ведетъ его все искуснѣе и искуснѣе; его другъ желаетъ такъ немногаго: смотрите на него попривѣтливѣе, и этого будетъ достаточно.

Но здѣсь сказывается вся утонченность искусства Чосера: хитростей Пандара, которыя зашли такъ далеко, какъ только дозволялъ его характеръ, было бы достаточно, чтобы заставить Крессиду уступить; но это былъ слишкомъ простой пріемъ для писателя, увѣреннаго уже въ своихъ силахъ. Онъ заставляетъ Пандара проговориться, сказать лишнее слово; Крессида сейчасъ же разоблачаетъ его, заставляетъ сознаться, что, прося для своего друга очень малаго, онъ желалъ ему очень многого, и сама вся вспыхиваетъ и негодуетъ. Чосеръ не хочетъ, чтобы она уступила рѣчамъ и описаніямъ; всѣ хитрости Пандара выставлены только для того, чтобы дать лучше понять медленную работу, которая происходитъ въ сердцѣ Крессиды; дядя могъ только ее смутить, вотъ и все, но, сказать по правдѣ, и это что-нибудь да значитъ. У нея нѣтъ еще никакого опредѣленнаго чувства къ Троилу, но есть любопытство. И въ эту минуту, когда разговоръ еще продолжается, на улицѣ слышны громкіе крики, толпа бросается, балконы наполняются людьми, и раздается пѣніе: это возвращеніе изъ побѣдоносной вылазки одного изъ героевъ, защищавшихъ Трою. Герой этотъ Троилъ, и посреди этой-то тріумфальной обстановки прекрасная, слабая, веселая и нѣжная Крессида видитъ въ первый разъ своего царственнаго возлюбленнаго.

И она, въ свою очередь, мечтаетъ, соображаетъ и разсуждаетъ. Она еще не плѣнница любви, какъ Троилъ; воображеніе и чувство не успѣли еще сдѣлать своего дѣла и воздвигнуть передъ ней сверкающаго призрака, который заслоняетъ собой влюбленнымъ дѣйствительность. Она еще достаточно владѣетъ собой для того, чтобы обсуждать побужденія и возраженія; она разсуждаетъ сама съ собой и разбираетъ всѣ возвышенные и низменные доводы, и хотя нѣкоторые изъ этихъ практическихъ доводовъ и будутъ сейчасъ же ею отвергнуты, но они исчезнутъ не безъ того, чтобы оставить нѣкоторое впечатлѣніе. Не надо дѣлать себѣ врага изъ этого королевскаго сына. Впрочемъ, развѣ я могу помѣшать ему любить меня? Любовь его можетъ только льстить, развѣ онъ не первый рыцарь Трои, послѣ Гектора? И что удивительнаго въ его страсти ко мнѣ? Развѣ я не красива? «Я не хотѣла бы, чтобы кто-нибудь считалъ меня неспособной думать это... Но вся Троя

[1]) Кн. II, стр. 46.

увѣряетъ, что это правда. Въ концѣ концовъ, я свободна; у меня нѣтъ мужа, который могъ бы объявить мнѣ: «шахъ и матъ», и потомъ я не монахиня! Но, какъ мартовскія облака, гонимыя вѣтромъ, застилаютъ иногда сверкающій ликъ солнца... такъ и мысли, какъ облака, проносились въ ея головѣ, затемняя веселые образы». Вотъ уже она развиваетъ разсужденія въ противоположномъ направленіи, подкрѣпляя ихъ такими же основательными соображеніями [1]); она страдаетъ отъ этого разлада, «свойственнаго всѣмъ влюбленнымъ, пока они еще не очень сильно влюблены. Въ ней двѣ Крессиды; разговоръ, начатый съ Пандаромъ, продолжается у нея въ сердцѣ; тамъ снова повторяется сцена изъ комедіи, но уже на болѣе сосредоточенный ладъ.

Она еще ни на что не рѣшилась и когда рѣшится? Въ какую именно минуту начинается любовь? Этого никогда не знаютъ; когда она приходитъ, отмѣчаютъ обыкновенно въ прошломъ какое-нибудь предполагаемое начало. Говорятъ: это было въ такой-то день, но когда этотъ день былъ еще не прошлымъ, а настоящимъ, тогда ничего не знали и ничего не говорили; душу наполняло какое-то «быть можетъ»; это прелестное быть можетъ, но оно все-таки не больше, какъ быть можетъ. Крессида переживаетъ этотъ смутный періодъ, и работа, которая происходитъ въ ней, видна изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя производятъ на ея умъ случаи обыденной жизни. Кажется, что все говоритъ ей о любви и что случай дѣйствуетъ противъ нея, заодно съ Троиломъ и Пандаромъ: но все это есть плодъ ея воображенія и вызвано ея душевнымъ состояніемъ; въ дѣйствительности, происходитъ только то, что теперь каждая малѣйшая случайность поражаетъ ее сильнѣе, если имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ любви; все остальное проходитъ незамѣтно, потому что все занято любовью. Она могла бы встревожиться за себя, еслибы замѣтила эту разницу между настоящимъ и прошедшимъ; но ослѣпленіе уже началось, она не замѣчаетъ, что все, касающееся любви, имѣетъ свободный доступъ къ ея сердцу, и что обыкновенно туда легко проникнуть, куда дверь бываетъ открыта. Она идетъ развлечь свою грусть въ дворцовыхъ садахъ; въ то время, какъ она бродитъ по тѣнистымъ аллеямъ, какая-то молодая дѣвушка поетъ страстную пѣсню, слова которой трогаютъ Крессиду до глубины души. Начинаетъ смеркаться, и бѣлые предметы становятся сѣрыми и неясными, на небѣ начинаютъ сверкать звѣзды; Крессида возвращается домой задумавшись, городской гулъ стихаетъ. Облокотившись на окно, Крессида думаетъ, смотря въ глубь голубого горизонта; садовыя

---

[1]) Книга II, стр. 100 и слѣд.: «And, lord! so sche gan in hire thought arguwe» etc.

деревья у ея ногъ, облиты блѣднымъ ночнымъ мерцаніемъ, и въ то время, какъ она думаетъ, тишина нарушается какой-то мелодіей: это поетъ соловей, спрятавшійся въ листвѣ кедра; и птицы также прославляютъ любовь. А когда наступитъ сонъ, о чемъ будетъ она думать въ своихъ сновидѣніяхъ, если не о любви?

Она смущена, но не побѣждена; для этого нужно еще много различныхъ случайностей; онѣ будутъ мелочны, обыденны, незначительны, но ей онѣ будутъ казаться торжественными, сверхчеловѣческими и посланными по волѣ боговъ. Минутами, при Пандарѣ, она можетъ вернуть себѣ свое присутствіе духа, свой дѣтскій смѣхъ и разгадать его хитрости, потому что романъ разыгрывается обѣими сторонами. Крессида все еще въ состояніи объяснить себѣ самые замысловатые планы Пандара, но она все меньше и меньше способна разобраться въ путаницѣ ощущаемыхъ ею чувствъ. Сѣть съуживается; она обѣщаетъ уже теперь сестринскую дружбу: это было уже придумано въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Она не можетъ видѣть Троила безъ того, чтобы не вспыхнуть; вотъ онъ идетъ мимо и кланяется ей: какъ онъ прекрасенъ! «Я думаю, что теперь ей попала заноза, которую не вытащить во всю будущую недѣлю» [1]).

Страсть и достоинства Троила, ухищренія Пандара, тайное желаніе Крессиды и кстати разражающаяся гроза (мы знаемъ, какъ впечатлительна Крессида) ведутъ за собой тѣ послѣдствія, которыя они и должны были имѣть: встрѣчу влюбленныхъ. Троилъ, въ качествѣ чувствительнаго героя, лишается чувствъ. Онъ способенъ разчувствоваться иза-за пустяковъ: когда городъ привѣтствуетъ его, онъ опускаетъ глаза и краснѣетъ; при мысли же, что его возлюбленная равнодушна къ нему, онъ ложится въ постель и лежитъ весь день; въ присутствіи Крессиды онъ лишается сознанія. Пандаръ подкрѣпляетъ его и замѣчаетъ вскорѣ, что «ни онъ, ни свѣча больше не нужны». Что же говоритъ Крессида? «Что говоритъ пойманный жаворонокъ?» Крессида говоритъ, однако, что-то и выбираетъ изъ всѣхъ безчисленныхъ формъ признаній самое прелестное: «Развѣ я была бы здѣсь, еслибы давно не принадлежала вамъ душой?» [2]).

Были-ли они счастливы? «Судите объ этомъ вы, знакомые съ такимъ счастьемъ». На небѣ показывается сѣрое утро; любов-

---

1) ... She hath now caught a thorn;
She shal nought pulle it out this nexte wyke.
God sende mo swich thornes on to pyke.
Кн. II, стр. 182.

2) Книга III, строфа 166. У Гризельды Боккаччіо болѣе свободныя манеры, и ей незнакомы всѣ эти оттѣнки нѣжности. Она говоритъ со смѣхомъ о стыдливости новобрачныхъ и мгновенно освобождается отъ нея (*Filostrato* III, стр. 29 и сл.).

ники поютъ свой гимнъ утренней зарѣ. Счастье увеличиваетъ и изощряетъ всѣ достоинства и добродѣтели Троила; это вѣчный тезисъ всѣхъ поэтовъ воспѣвающихъ любовь.

Проходятъ дни, недѣли; всѣ наши дѣйствующія лица продолжаютъ играть свои роли. Пандаръ очень гордится своей; въ чемъ его можно упрекнуть? Онъ дѣлаетъ для другихъ то, что желалъ бы, чтобы другіе сдѣлали для него; онъ дѣйствуетъ безкорыстно; у него есть, впрочемъ, свои правила чести, которыя ограничиваются тѣмъ, что онъ проситъ всѣхъ сохранить тайну и не устаетъ повторять это. Чего же еще можетъ требовать благоразумная женщина?

Калхасъ и греки требуютъ возвращенія Крессиды, и троянцы рѣшаютъ отдать ее. Несчастная лишается сознанія, но она должна подчиниться. Чосеръ изображаетъ ее въ превосходной сценѣ комедіи, въ то время, когда она принимаетъ поздравленія добродушныхъ горожанокъ: и такъ, она увидитъ своего достойнаго отца, какъ она должна быть счастлива! Добрыя души надоѣдаютъ ей сколько могутъ и затягиваютъ свои безконечныя посѣщенія [1]).

Она уѣзжаетъ и клянется, что вернется, что бы ни случилось, черезъ десять дней. Ее сопровождаетъ красавецъ Діомедъ; событія показываютъ то, что могло быть извѣстно только опыту и чего, конечно, она и сама не подозрѣвала, а именно, что она любила Троила, безъ сомнѣнія, больше всѣхъ мужчинъ, но только не больше самой любви. Она привыкла къ яду и не можетъ безъ него обойтись. Она отдаетъ предпочтеніе Троилу, но возвращеніе къ нему не такъ просто и легко, какъ она думала, а теперь для нея любить или не любить то же, что жить или не жить. Троилъ, который имѣлъ съ самаго начала самыя ужасныя предчувствія, предвидя, что, что бы ни случилось, счастье его кончено, но не сомнѣваясь, однако, въ Крессидѣ, пишетъ ей самыя убѣдительныя письма и подписываетъ ихъ по-французски: «Вашъ Т.» Крессида отвѣчаетъ ему коротенькими записочками (которыя подписываетъ: ваша К.), въ которыхъ извиняется за ихъ краткость: длина письма не имѣетъ никакого значенія; къ тому же, она не была никогда охотницей писать, а оттуда, гдѣ она находится, ей это очень не удобно; пусть Троилъ будетъ покоенъ и положится на ея дружбу, она вернется навѣрно; правда, что это будетъ не черезъ десять дней, а тогда, когда «ей будетъ можно» [2]).

---

[1]) Кн. IV, стр. 94 и сл.

[2]) Троилъ исписалъ весь свой листъ бумаги: «The papyr al ypleynted» Кн. V, стр. 230. Крессида же извиняется:

Yet preye I yow, on evyl ye ne take
That it is short which that I to yow wryte;
I dar not ther I am wel letres make,
Ne never yet ne coude I wel endyte

Троилу сообщаютъ объ его несчастьѣ, но онъ никогда не повѣритъ ему: «ты лжешь, колдунья!» Брошка, вырванная у Діомеда, не позволяетъ ему больше сомнѣваться, и послѣ ожесточенной борьбы онъ допускаетъ Ахиллеса убить себя.

По мѣрѣ приближенія къ катастрофѣ, тонъ поэмы становится меланхоличнѣе и мягче. Разсказчикъ не можетъ удержаться отъ любви къ своимъ героямъ, даже къ вѣроломной Крессидѣ; по крайней мѣрѣ, у него остается къ ней жалость, и изъ жалости, вмѣсто того, чтобы показать ее, по-прежнему, вблизи, въ аллеяхъ или на балконѣ мечтающей о звѣздахъ, онъ показываетъ намъ ее издали, замѣшанной въ толпу, съ которой ей хотѣлось смѣшаться, въ толпу всякаго рода пошлыхъ людей и чувствъ. Будемъ помнить, думаетъ онъ, только прежнюю Крессиду.

Онъ заканчиваетъ покорнымъ, почти грустнымъ разсужденіемъ и смотритъ успокоеннымъ взглядомъ на нарисованныя имъ юношескія страсти. Троилъ, также покорный, видитъ опять съ неба поле подъ стѣнами Трои, на которомъ онъ былъ убитъ, и улыбается при воспоминаніи о своихъ невзгодахъ; Чосеръ, передѣлывая—какъ и все остальное—заключеніе Боккаччіо, обращается съ нѣжнымъ призывомъ и мудрыми, даже душеспасительными совѣтами отъ «Нея къ Нему» и ко всѣмъ тѣмъ, чья молодость «въ цвѣту» [1]).

Этотъ пріемъ столько же характеристиченъ, какъ примѣсь обыденной жизни, введенной поэтомъ въ основную идею его произведенія; этими двумя чертами, которыя встрѣчаются изъ вѣка въ вѣкъ у нашихъ сосѣдей, Чосеръ обнаруживаетъ свой характеръ настоящаго англичанина, и если кто захочетъ увидѣть ближе, въ чемъ заключается разница между этимъ темпераментомъ и темпераментомъ жителей юга, къ которымъ, однако, Чосеръ былъ такъ близокъ, то стоитъ только сравнить этотъ конецъ съ концомъ *Filostrato*, который одновременно былъ также переведенъ на французскій языкъ Пьеромъ-де-Бово [2]): «Не будьте слишкомъ легковѣрны въ от-

---

Eek greet effect, men wryte in place lyte.
Thentente is al, and nought the lettres space;
And fareth now wel, God have you in his grace.
La vostre C.

Кн. V, стр. 233.

[1]) O yonge fresshe folkes, he or she...

Кн. V, стр. 264.

[2]) Moland et d'Héricault. *Nouvelles en prose du XIV siècle*, 1858, на 303 стр. Боккаччіо говоритъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ:

Giovanne donna è mobile, e vogliosa
È negli amanti molti, e sua bellezza
Estima più ch'allo specchio, e pomposa
Ha vanagloria di sua giovinezza;

ношеніи тѣхъ, которыя выслушиваютъ васъ; молодыя женщины своевольны, любезны, любуются своей красотой и тщеславятся передъ своими любовниками, гордясь своей молодостью, и какъ бы онѣ ни были милы и прелестны, но если онѣ не имѣютъ ни разума, ни твердости, то бываютъ перемѣнчивы, какъ листокъ, гонимый вѣтромъ». Въ отличіе отъ Чосера, Боккаччіо довольствуется этимъ прелестнымъ нравоученіемъ, которое не оставитъ въ умѣ глубокаго слѣда, да и не можетъ оставить, пототу что оно само легко, «какъ листокъ, гонимый вѣтромъ».

IV.

Послѣ 1379 года, Чосеръ перестаетъ ѣздить на континентъ и живетъ до самой смерти въ Англіи, англійской жизнью. Онъ увидѣлъ тогда многія стороны этой жизни, еще незнакомыя ему по личному опыту. Бывши раньше пажемъ, солдатомъ, плѣнникомъ французовъ, королевскимъ конюшимъ, ведя переговоры во Фландріи, Франціи и Италіи, онъ вступаетъ, 1-го октября 1386 года, въ качествѣ депутата въ Вестминтеръ; кентское графство избрало своими представителями: «Вильгельмуса Битенгемъ» и «Гальфрида Чосереса» [1]). Это была одна изъ самыхъ великихъ и самыхъ бурныхъ сссій всего царствованія; во время этой сессіи судились министры Ричарда II и въ числѣ ихъ торговецъ шерстью изъ Гулля, Мишель Поль, канцлеръ королевства. За сохраненіе вѣрной преданности своимъ прежнимъ покровителямъ, королю и Жану Гендтскому, герцогу Ланкастерскому, Чосеръ попалъ въ немилость къ сильнымъ того времени, во главѣ которыхъ стоялъ Глостеръ и, лишившись всѣхъ своихъ должностей, впалъ въ нищету. Потомъ колесо фортуны повернулось, и новыя должности предоставили новое обширное поле его дѣятельности. Спустя три года, когда Ричардъ упразднилъ совѣтъ, навязанный ему парламентомъ, и взялъ власть въ свои руки, тогда поэтъ, солдатъ, депутатъ и дипломатъ былъ сдѣланъ, въ 1389, клеркомъ королевскихъ работъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ему поручаются постройки и поправки въ Вестминстерѣ, въ лондонской башнѣ, въ Беркхемстэдѣ, Эльтгемѣ, Шиннѣ, въ виндзорской церкви св. Георгія и во многихъ другихъ замкахъ и дворцахъ, которые онъ опи-

---

La qual quanto piaccevole e vezzosa
È piu, cotanto piu seco l'apprezza;
Virtù non sente nè conoscimento,
Volubil sempre come foglia al vento.

Opere volgari, Florence, t. XIII, p. 253, (8-e partie, st. 30).

[1]) *Return of the names of every member (of Parliament)*, 1878, fol. (Blue Book), p. 229.

сываетъ «съ окнами, такими же многочисленными, какъ снѣжные хлопья въ снѣжный день».

Главнымъ его литературнымъ занятіемъ было, въ теченіе этого періода, сочиненіе его знаменитыхъ *Кантерберійскихъ сказокъ* [1]). Опытъ помогъ ему созрѣть; онъ прочелъ все, что можно было прочесть, и видѣлъ все, что можно было видѣть; посѣтилъ всѣ главные центры европейской цивилизаціи, наблюдалъ на дѣлѣ своихъ соотечественниковъ въ ихъ владѣніяхъ и въ парламентѣ, въ ихъ дворцахъ и въ ихъ лавкахъ. Купцы, моряки, рыцари, пажи, оксфордскіе ученые и шарлатаны предмѣстьевъ, простолюдины и придворные, рабочіе, буржуа, монахи, священники, мудрецы и безумцы, герои и мошенники, всѣ прошли толпой передъ его пытливыми глазами; онъ знался съ ними, угадывалъ и понималъ ихъ; онъ былъ готовъ ихъ рисовать.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней, въ царствованіе Ричарда II, послѣдняго изъ Плантагенетовъ, въ шумномъ Соусваркскомъ предмѣстьѣ—мѣстѣ въѣзда и выѣзда, съ улицами, окаймленными трактирами и загроможденными лошадьми и телѣгами, въ которыхъ раздаются громкіе крики, восклицанія и собачій лай,—смѣшанная толпа, скоплявшаяся тогда часто въ такихъ трактирахъ, садится за общій столъ большой залы «Tabart, près de la Cloche» [2]) (Таборъ у колокола)—всѣ трактиры тутъ скучились въ одномъ мѣстѣ. Это было весной, въ пору новыхъ цвѣтовъ, въ пору любви, а также и въ пору паломничествъ. Рыцари, вернувшіеся съ войны, ѣдутъ благодарить святыхъ, допустившихъ ихъ увидать снова родину, больные—благодарить за исцѣленіе, а нѣкоторые идутъ просить небесной благодати. Развѣ каждый не нуждается въ ней? Тутъ собрались всѣ, цѣлая Англія. Здѣсь и рыцарь, который воевалъ по всей Европѣ съ язычниками и сарацинами; встрѣтить ихъ было не мудрено: ихъ много въ Пруссіи и въ Испаніи, и нашъ «безукоризненный, доблестный рыцарь» перебилъ ихъ великое множество «въ пятнадцати сраженіяхъ» за «нашу вѣру»; рядомъ съ нимъ оруженосецъ, который, также какъ Чосеръ, принималъ участіе въ войнѣ съ Франціей; у этого въ сердцѣ май мѣсяцъ,

---

[1]) *Poeticale Works*, ed. Moris, t. II и III, или Complete Works, ed. Skeat Oxford, 1894, 6 vol. 8°. См. также текстъ (очищенный) нѣсколькихъ сказокъ, изданныхъ съ примѣчаніями *Clarendon Press*, Oxford. (Прологъ и сказки рыцаря, настоятеля, оксфордскаго клерка, эсквайра, законника, исповѣдника и т. д.).

[2]) «Tabart» (плащъ изъ грубой матеріи, который надѣвали сверхъ воинскихъ доспѣховъ), также какъ и «Cloche» (колоколъ) были обычной вывѣской трактировъ. Этотъ трактиръ былъ совсѣмъ не вымышленный, онъ существовалъ во времена Чосера въ большой Соутваркской улицѣ (Highstreet), потомъ часто ремонтированный, перестроенный и перекрещенный въ «Talbot», существовалъ до нашего вѣка.

на губахъ пѣсни, онъ влюбленъ, изященъ, наряденъ и украшенъ «какъ лужокъ» бѣлыми и красными цвѣтами; вонъ толстый купецъ, съ виду такъ богатъ и такъ тепло одѣтъ, «что никто не подозрѣваетъ его долговъ»; а тамъ скромный клеркъ, пріѣхавшій изъ молодого Оксфордскаго университета, бѣдный, заплатанный, обтрепанный, съ провалившимися щеками, верхомъ на поджарой лошади, все имущество его заключается въ «двадцати томахъ, въ красныхъ съ чернымъ переплетахъ, стоящихъ на полочкѣ надъ его кроватью»; тутъ и честный деревенскій землевладѣлецъ съ краснымъ лицомъ и сѣдой бородой, что-то въ родѣ «squire Western» четырнадцатаго вѣка, привѣтливый, гостепріимный, веселый; у этого для всѣхъ всегда открытый столъ съ рыбами, жаркими, пикантными соусами и пивомъ; онъ пользуется въ странѣ такой популярностью, что его «безпрестанно избираютъ въ депутаты отъ графства»; вотъ и морякъ, которому извѣстны всѣ самыя незначительныя бухточки Шотландіи, Испаніи и «бороду котораго трепали многія бури»; наконецъ, докторъ, дѣла котораго шли блестяще во время чумы,—ученый человѣкъ, «знающій причину всѣхъ болѣзней», онъ знаетъ также наизустъ всего Гиппократа и Галіена, только находится не въ ладахъ съ церковью «и мало занимается библіей». Тутъ же группа лондонскихъ рабочихъ, разносчиковъ, плотниковъ, красильщиковъ, ткачей, поваровъ; деревенскіе жители, землепашецъ, мельникъ, «у котораго ротъ съ печное отверстіе», группа законниковъ, съѣдаемыхъ заботами, гладко обстриженныхъ, ѣдкихъ въ разговорѣ, «съ худыми, какъ палки, ногами, не имѣющими икръ», которые приплетаютъ ежеминутно, кстати и некстати, свою латынь и страшны въ роли противниковъ, но легко могутъ быть куплены за деньги и, «въ сущности, лучшіе сыны міра», говоритъ Чосеръ: «a bettre felaw schulde men nowher fynde». Вотъ группа духовныхъ лицъ, мужчинъ и женщинъ разнообразныхъ одеждъ и характеровъ, отъ бѣднаго кюрэ, который живетъ, какъ святой, тихой и безвѣстной жизнью, посѣщая въ холодъ и подъ дождемъ разбросанныя крестьянскія хижины, и забываетъ брать свою десятину, образца самоотверженія, до монаха-охотника, въ свѣтской одеждѣ, толстаго, жирнаго, съ блестящей какъ шаръ головой, изъ котораго выйдетъ современемъ образцовый аббатъ; до выродившагося брата, паразита на счетъ другихъ, духовнаго—врача, обратившагося въ отравителя, который убиваетъ души, вмѣсто того, чтобы ихъ лѣчить, отпустителя грѣховъ, плута самаго низкаго сорта, дарующаго спасеніе «своей собственной властью» тому, кто платитъ, и фабрикующаго драгоцѣнныя реликвіи изъ «своихъ старыхъ штановъ»; тутъ же и монахини, скромныя, сосредоточенныя, чистыя какъ горностай, которыя ходятъ по большимъ дорогамъ, слушая вещи, способныя

оскорбить ихъ до конца жизни. Между ними же и госпожа Егланти́на, настоятельница съ своимъ французскимъ языкомъ на страдфордскій ладъ, «потому что она не знаетъ парижскаго нарѣчія»; она подражаетъ придворнымъ манерамъ и, конечно, поэтому «не макаетъ пальцевъ въ соусъ». У нея такое «доброе сердце», что она плачетъ при видѣ пойманнаго мышенка или при издыханіи одной изъ ея собачекъ. Можно-ли имѣть лучшее сердце?

Здѣсь собрались всѣ эти лица и еще многія другія; тутъ же была и мѣщанка изъ Бата, замѣчательная болтунья, которая громко кричитъ, потому что «сама немножко глуховата». Тутъ же и забавный хозяинъ Гарри Бэли, привыкшій приказывать, командовать и заглушать своимъ трубнымъ голосомъ шумъ табльд'ота. Было и еще одно лицо, съ добрымъ, задумчивымъ видомъ, которое говоритъ мало, но все замѣчаетъ и сдѣлаетъ безсмертными самыя незначительныя слова, которыя произнесутъ, проревутъ, проворчатъ и прошепчутъ его однодневные собесѣдники— это самъ Чосеръ. Со всѣми этими искателями приключеній, богатыми купцами, оксфордскими клерками, парламентскими депутатами, рабочими, земледѣльцами, святошами и своимъ великимъ поэтомъ, здѣсь налицо вся новая Англія, веселая, шумная, въ полномъ расцвѣтѣ, молодая и оживленная, усаживающаяся въ этотъ апрѣльскій вечеръ за столъ «Табора у колокола». Но куда же исчезли англо-саксонцы? А гдѣ прошлогодній снѣгъ? Апрѣль на дворѣ.

Герои романовъ, статуи соборовъ и фигуры въ молитвенникахъ были до сихъ поръ, въ особенности будучи воспроизведены англичанами, какіе-то худощавые, сухопарые или натянутые и неуклюжіе. Воспроизведенія эти, вслѣдствіе одного изъ названныхъ недостатковъ, всегда уклонялись отъ природы. И вотъ теперь въ англійской книгѣ является толпа живыхъ существъ, взятыхъ съ натуры, съ гибкими движеніями, типы, такіе же разнообразные, какъ въ жизни, представленные въ естественномъ видѣ, со всѣми ихъ чувствами и костюмами, такъ что кажется ихъ видишь, а когда разстаешься съ ними, то не можешь забыть ихъ; знакомства, сдѣланныя въ «Таборѣ у колокола», не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя изглаживаются изъ памяти: они остаются на всю жизнь. Ни одна черта, которая могла бы сохранить и запечатлѣть этихъ лицъ въ нашей памяти, не упущена изъ вида. Полустихъ, открывающій намъ выдающуюся черту характера, становится незабвеннымъ; ихъ позы, движенія, костюмы, бородавки, звукъ ихъ голоса, недостатки произношенія «somwhat he lipsede for wantonnesse», ихъ судорожныя движенія, красное лицо трактирщика и желтое лицо судьи, ихъ франтовство, стрѣлы, украшенныя павлиньими перьями, ихъ волынки—

ничто не пропущено, все описано, также какъ ихъ лошади и манера ѣздить на нихъ; Чосеръ заглядываетъ даже въ мѣшки дѣйствующихъ лицъ и разсказываетъ намъ, что въ нихъ лежитъ.

И такъ, Новая Англія имѣетъ своего Фруассара, который изобразитъ въ яркихъ краскахъ военное искусство, любовныя исторіи, и поведетъ насъ туда и сюда по дорогамъ и по городамъ, прислушиваясь къ каждому разсказу, все наблюдая, записывая и разсказывая. У этой молодой страны есть свой Фруассаръ и даже лучше, чѣмъ Фруассаръ. Краски на картинахъ такъ же живы и такъ же ярки, но между ними существуютъ два большихъ различія. Это юморъ и симпатія. У Чосера есть уже юморъ; его насмѣшки колятъ глубже французскихъ; онъ не наноситъ ранъ, но прокалываетъ насквозь кожу и послѣ смѣется беззвучнымъ смѣхомъ: «Когда-то жилъ очень богатый человѣкъ, вслѣдствіе чего, всѣ превозносили его мудрость...» «Sergeant of Lawe» былъ «самымъ занятымъ человѣкомъ въ мірѣ, и между тѣмъ онъ казался занятымъ больше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ» [1]).

Кромѣ того, у Чосера есть симпатія; сердце у него чуткое, трогающееся слезами и страданіями какъ принцевъ, такъ и бѣдныхъ людей. Значеніе народа, такъ ярко выступающее, какъ въ англійской литературѣ, такъ и въ политикѣ, подтверждается здѣсь съ самаго начала. «Есть люди,—говоритъ въ свое оправданіе одинъ французскій разсказчикъ,—которые считаютъ унизительнымъ для себя бросить взглядъ на то, что признано общественнымъ мнѣніемъ низкимъ; но тѣ, которые имѣютъ болѣе философскія воззрѣнія и менѣе одурачены различіями, установленными на семъ свѣтѣ гордостью, тѣ будутъ не прочь узнать, что за человѣкъ живетъ въ кучерѣ и какая женщина въ торговкѣ». Вотъ какъ выражается, вооружившись смѣлостью, какъ ему кажется—Мариво въ 1731 г. [2]). Чосеру-же интересно знать еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, что за человѣкъ въ «лондонскомъ поварѣ», и какая женщина «въ батской мѣщанкѣ». Сколько бѣдняковъ гибнетъ у Фруассара! Сколько крови, сколько жертвъ и какъ мало слезъ! Едва, время отъ времени, какое-нибудь слово, упоминающее вскользь объ этихъ страданіяхъ: «И отъ голода умиралъ мелкій людъ, котораго было очень жаль» [3]). Зачѣмъ долго изум-

---

[1]) A marchant whylom dwelled at Seint Denys
That riche was, for which men helde him wys.
Début du Shipmannes tale, t. IV, p. 167 (éd. Skeat)
No wher so bisy a man as he ther nas,
And yet he semede bisier than he was
Прологъ, стихъ 321

[2]) *Vie de Marianne.* Парижъ, 1731—41.

[3]) Изъ. Люса, кн. I, глава LXXXI.

ляться и соболѣзновать? Мелкому люду суждено гибнуть; онъ сырой матерьялъ, поставляемый жизнью для военныхъ хитростей, и не играетъ никакой другой роли въ разсказѣ.

Но у Чосера этому люду отведено мѣсто, потому что Чосеръ *любитъ* простыхъ людей; онъ любитъ своего земледѣльца, «мужественнаго и добраго работника», у котораго силы въ рукахъ хоть отбавляй и который оказываетъ даромъ помощь сосѣдямъ; онъ страдаетъ при воспоминаніи о грязныхъ тропинкахъ, по которымъ его бѣдный кюрэ ходитъ зимой и подъ дождемъ, посѣщая далекія хижины; чувство симпатіи широко развито у поэта,— онъ и любитъ, и ненавидитъ всѣмъ сердцемъ.

Всѣ эти лица, совершенно различныхъ состояній, собрались вмѣстѣ одинъ за другимъ, въ числѣ двадцати девяти человѣкъ. У всѣхъ у нихъ одна и та же цѣль на этотъ день, и они проведутъ его вмѣстѣ. Въ пятидесяти шести миляхъ отъ Лондона находится извѣстная во всей Европѣ рака, въ которой покоится прахъ бывшаго врага Генриха II, канцлера Ѳомы Бекэта, убитаго на ступеняхъ алтаря и причтеннаго къ лику святыхъ [1]). Всѣ садятся, кто на хорошихъ, кто на дурныхъ лошадей—рыцарь на сильнаго, но невзрачнаго коня, монахъ-охотникъ на нарядную гнѣдую лошадь, мѣщанка изъ Бата верхомъ на своемъ конѣ, съ большими шпорами, въ красныхъ чулкахъ, и, захвативъ съ собой хозяина Tabart'a, они пускаются въ путь и плетутся тихонько по залитой солнцемъ дорожкѣ, обрамленной изгородью, по волнистой мѣстности. Они пройдутъ Медуей; пройдутъ вдоль стѣнъ мрачной башни Рочестера, бывшаго тогда одной изъ самыхъ грозныхъ крѣпостей королевства, но только-что разрушенной возмутившимися крестьянами; увидятъ соборъ, построенный нѣсколько ниже; въ составъ группы входятъ также женщины и нѣсколько плохихъ наѣздниковъ; мельникъ выпилъ слишкомъ много и съ трудомъ держится въ сѣдлѣ; дорога предстоитъ длинная [2]). Для того, чтобы сократить ее, каждый разскажетъ двѣ какія-нибудь исторіи, а по возвращеніи, компанія даетъ веселый ужинъ въ честь лучшаго разсказчика.

---

[1]) Въ настоящее время осталась только старая мраморная мозаика, сильно реставрированная, указывающая мѣсто на клиросѣ, на которомъ находилась прежде рака святого. Канонизація послѣдовала вскорѣ послѣ смерти: 1170—1173. Извѣстность, которой пользовался святой за предѣлами Англіи, доказывается тѣмъ, что сюда приходили на богомолье французскіе короли, и декретомъ Венеціи, разрѣшавшимъ Лоренцо Контарини, капитану галеръ, оставить свою флотилію, для исполненія обѣта въ Кентербери, 1402, и т. д. (*La vie Nomade et les Routes d'Angleterre*, p. 213).

[2]) Путевая карта семнадцатаго вѣка, дающая планъ старинной дороги; воспроизведена въ точномъ снимкѣ въ *Supplementary Canterbury tales*; I, *The Tale of Beryn*, éd Furnivall et Stone, *Chaucer Society*, 1876, 8.

Сказки выросли подъ тѣнью большихъ романовъ. Романтическій лѣсъ терялъ въ настоящее время свою листву, и сказки разцвѣтали на солнцѣ. Самымъ знаменитымъ сборникомъ въ Европѣ былъ сборникъ Бокаччіо, написанный на итальянскомъ языкѣ прелестной прозой,—произведеніе разностороннее, поучительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ непристойное и, во всякомъ случаѣ, крайне смѣлое даже съ литературной точки зрѣнія. Боккаччіо знаетъ это и оправдывается. Тѣмъ, кто упрекаетъ его въ томъ, что онъ занимался слишкомъ много «глупостями», пренебрегая «музами Парнаса», онъ отвѣчаетъ: «Почему знать, отступился-ли я отъ нихъ? Можетъ быть, въ то время, какъ я писалъ эти скромные съ виду разсказы, онѣ являлись иногда и садились рядомъ со мной [1])? Ту же милость онѣ оказали и Чосеру.

Мысль *Троила*, заимствованная у Боккаччіо, была передѣлана; главная же мысль и рамка *сказокъ* подверглись еще болѣе глубокому преобразованію. У Бокаччіо разсказываютъ постоянно молодые вельможи и молодыя дамы: семь молодыхъ дамъ, «всѣ очень хорошихъ фамилій, красивыхъ, изящныхъ и честныхъ», и трое молодыхъ людей «всѣ трое привѣтливые и изящные», которыхъ бѣдствія времени «огорчали не на столько, чтобы заставить ихъ забыть свою любовь». Во Флоренціи вспыхнула сильная чума, и они ищутъ убѣжища, въ которомъ могли бы «предаться веселью, удовольствіямъ»; они поселяются на виллѣ, находящейся на полпути къ Фьезолю—нынѣшняя вилла Пальміери.

«Большой и прекрасный дворъ, расположенный въ срединѣ, окруженъ галлереями, залами и спальнями, украшенными живописью самаго веселаго характера. Жилище возвышалось посреди луговъ и великолѣпныхъ садовъ; ихъ орошали свѣжія воды, погреба были наполнены превосходными винами». Запрещалось каждому «откуда бы онъ ни явился, что бы онъ ни слышалъ и ни видѣлъ, разсказывать какую бы то ни было принесенную непріятную новость». Они располагаются «въ такомъ мѣстѣ сада, куда листья деревьевъ не пропускаютъ солнечныхъ лучей», и въ то время, когда «жара была во всей своей силѣ, имъ не слышно было ничего, кромѣ стрекозъ, которыя трещали въ оливковыхъ деревьяхъ». Благодаря разсказамъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ, они легко забываютъ объ угрожающемъ имъ бичѣ и объ общественномъ бѣдствіи,—тамъ умираютъ, а они забавляются.

Чосеръ нашелъ болѣе вѣроятную, человѣчную и живую мысль. Онъ находитъ недостаточной ежедневную прогулку изъ дворца

---

[1]) Прологъ четвертаго дня.

по саду, онъ не довольствуется аллеей, ему нужна большая дорога. Онъ заставляетъ всю труппу своихъ разсказчиковъ двигаться, останавливаться по трактирамъ, заходить выпить по кабакамъ, заставляетъ ихъ ускорять шаги, когда подходитъ вечеръ, и завязывать знакомства съ прохожими. Его толпа двигается, волнуется, слушаетъ, говоритъ, кричитъ, поетъ, обмѣнивается комплиментами, а иногда и ударами, потому что, если его рыцари—рыцари настоящіе, то и мельники—настоящіе мельники, которые ругаются и дерутся, какъ на мельницѣ.

Интересъ каждой сказки удвоивается, благодаря манерѣ, съ которой она разсказывается, и даже манерѣ, съ которой выслушивается. Рыцарь приводитъ въ восторгъ слушателей, которыхъ монахъ усыпляетъ, а мельникъ смѣшитъ; одного слушаютъ въ молчаніи, другого прерываютъ на каждомъ словѣ. За каждымъ разсказомъ слѣдуетъ живая, короткая, неожиданная и забавная сцена изъ комедіи; всѣ спорятъ, одобряютъ, горячатся; нѣтъ никакихъ установленныхъ правилъ, царствуютъ полная путевая свобода и неожиданности реальной жизни; это непохоже на прогулку по аллеямъ! Самъ трактирщикъ съ своимъ громовымъ голосомъ и рѣшительными сужденіями не всегда успѣваетъ добиться повиновенія; послѣ исторіи рыцаря онъ требуетъ другой, въ такомъ же родѣ, подходящей, но долженъ слушать разсказъ мельника, исторія котораго представляетъ, наоборотъ, совершенную противоположность первой. Онъ начинаетъ настаивать, мельникъ кричитъ, кричитъ «какъ Пилатъ»; онъ «броситъ ихъ на дорогѣ», если ему не дадутъ говорить. «Говори же, чортъ тебя побери, пьяница!» Что сказали бы г-жа Памфинэ и г-жа Филомена, услышавъ такой разговоръ?

Иногда приходится вмѣшаться и рыцарю, и тогда тонъ мѣняется; ему нѣтъ надобности кричать; достаточно одного его слова, и бури утихаютъ. Впрочемъ, минутами, даже самъ хозяинъ смягчается; этотъ трактирщикъ хорошо знаетъ своихъ посѣтителей; при всей своей грубости, онъ имѣетъ все-таки, хотя и смутное, понятіе о различіяхъ и разстояніяхъ. Въ каждомъ словѣ, которое онъ говоритъ, видѣнъ трактирщикъ; Чосеръ не дѣлаетъ никогда ошибки, заставляя его утратить свой характеръ; но поэтъ слишкомъ тонкій наблюдатель для того, чтобы не различать всѣхъ оттѣнковъ даже у веселаго трактирщика. Нужно видѣть, съ какой вѣжливостью, съ какими поклонами и запутанными комплиментами онъ предупреждаетъ настоятельницу, что пришла ея очередь разсказывать: «Не угодно-ли вамъ, г-жа настоятельница; еслибы я думалъ, что вамъ не будетъ непріятно, то сказалъ бы, что теперь ваша очередь разсказать исторію, если вамъ угодно.

Угодно-ли вамъ сдѣлать это, дорогая госпожа?»—«Съ удовольствіемъ, отвѣчала она и начала такъ». Отвѣтъ стоилъ вопроса [1]).

Въ этихъ мелкихъ сценахъ видишь описаніе пролога въ дѣйствіи; портреты выступаютъ изъ рамокъ и выходятъ на улицу; тѣло и члены ихъ пріобрѣтаютъ сейчасъ же гибкость и подвижность, въ жилахъ переливается кровь, жизнь бьетъ ключемъ; едва успѣвъ стать на ноги, они уже начинаютъ дѣлать прыжки или отвѣшивать поклоны и своими рѣчами восхищаютъ, смѣшатъ, назидаютъ или смущаютъ. Личность ихъ выступаетъ такъ ярко, что отъ нихъ становится тѣсно; ими управляетъ темпераментъ, и они не вольны въ своихъ рѣчахъ; нищенствующій братъ хочетъ непремѣнно разсказать свою исторію, но гнѣвъ ослѣпляетъ его до такой степени, что онъ самъ не знаетъ, что говоритъ; заикается, задыхается, и разсказъ его оказывается лишеннымъ всякой формы. Исповѣдникъ свыкся до такой степени со своимъ ремесломъ, что его сказка выходитъ точно проповѣдь, и, въ заключеніе ея, онъ говоритъ, какъ въ церкви: «Добрые люди, да проститъ Господь вамъ ваши прегрѣшенія и избавитъ васъ отъ грѣха скупости! Вы получите отъ меня благодѣтельное отпущеніе грѣховъ, если принесете мнѣ стерлинги или серебряныя ложки, брошки и перстни; преклоните ваши главы передъ этой священной буллой. Подходите, добрыя женщины, подносите свои приношенія; я внесу ваши имена въ свой списокъ, и вы пойдете прямо на небо... Я забылъ еще сказать вамъ, что у меня есть въ мѣшкѣ самыя драгоцѣнныя во всей Англіи реликвіи и разрѣшенія грѣховъ... Всѣ вы ѣдете верхомъ, кто-нибудь изъ васъ легко можетъ упасть и сломать себѣ шею. Большое счастье для васъ, что я нахожусь съ вами, чтобы отпустить тому или другому изъ васъ грѣхи именно въ ту минуту, когда душа разстается съ тѣломъ. Починъ сдѣлаетъ нашъ хозяинъ, потому что онъ погрязъ больше всѣхъ во грѣхахъ. Подойди, господинъ хозяинъ, сдѣлай твое приношеніе, открывай свой кошелекъ [2]), и ты приложишься ко всѣмъ святынямъ!» Обращеніе оказалось неудачно. Хозяинъ даетъ отвѣтъ, который нельзя перевести.

Въ другихъ случаяхъ дѣйствующее лицо оказывается такимъ многорѣчивымъ и пылкимъ, что его нельзя ни остановить, ни по-

---

[1]) My lady Prioresse, by your leve,
So that I wist I sholde yow nat greve.
I wolde demen that ye telle sholde
A tale next, if so were that ye wolde,
Now wol ye vouche-sauf, my lady dere?
—Gladly quod she, and seyde as ye shal here.
The Prioress's prologue,

[2]) *Pardoner's tale*, стихи 904, 920, 931.

править или прервать; оно никакъ не можетъ рѣшиться начать разсказъ; оно должно само оставаться на сценѣ и разсказывать про себя и про своихъ и разыгрывать само цѣлую комедію. Всѣмъ приходится замолчать, когда начинаетъ говорить мѣщанка изъ Бата, неутомимая болтунья, толстощекая, откормленная, раздутая, неисчерпаемая въ рѣчахъ, неистощимая въ разсужденіяхъ и полная жизнерадости. Она говоритъ про то, что знаетъ, про свою спеціальность. Ея спеціальность—бракъ; у нея было пять мужей, послѣдній изъ нихъ еще живъ; но она подумываетъ уже о шестомъ, потому что не любитъ ждать и еще потому, что мужья—вещь очень непрочная; съ ней они не долго наживаютъ; она считаетъ мужской полъ—слабымъ поломъ. Она не станетъ убиваться изъ-за того, что мужъ отдаетъ Богу душу; ея совѣсть спокойна; супругъ готовъ для жизни въ лучшемъ мірѣ: «Она была его чистилищемъ на землѣ и думаетъ поэтому, что душа его находится въ раю». Нѣкоторые хвалятъ безбрачіе или толкуютъ о правахъ мужа; кумушка выскажетъ имъ всю правду; она разсматриваетъ дѣло основательно, до тонкости; излагаетъ все, что можно сказать за и противъ, даетъ высказаться своему мужу, потомъ прерываетъ его и высказывается сама; она имѣетъ превосходнѣйшіе въ свѣтѣ доводы, у мужа также прекрасные доводы, но права все-таки остается она. Одна она, сама по себѣ, цѣлая «Школа мужей».

Самыя сказки,—различныхъ родовъ и различнаго происхожденія[1]);

---

[1]) Порядокъ, сюжеты и оригиналы сказокъ:

1-й день.—Отъ Лондона до Дартфорда, 15 миль.—Сказка рыцаря (исторія Паламона и Арситы, подражаніе *Тезеидѣ* Боккаччіо).—Сказка мельника (исторія Авессалома, Николая и Алисы, жены плотника).—Сказка судьи (reeve), подражаніе басни Гомберта и его двухъ клерковъ; тотъ же разсказъ у Боккаччіо, IX, 6, у котораго его заимствовалъ Лафонтенъ: для *Berceau*.—Сказка повара, неоконченная; сказка Гамелена, приписываемая нѣкоторыми повару, это, вѣроятно, какой-нибудь старый разсказъ, который Чосеръ разсчитывалъ передѣлать; онъ подходитъ скорѣе къ Іомену, чѣмъ къ Куку. (Изд. Скита, Оксфордъ, 1884).

2-й день.—Ночлегъ въ Рочестерѣ, 30 миль.—Сказка законника (исторія благочестивой Констанціи, подражаніе французскому Trivet; та же исторія разсказана Гоуэромъ, около 1393).—Сказка моряка (исторія одного купца изъ Сенъ-Дени, его жены и кузена; *Décaméron* VIII, 1).—Сказка настоятельницы (младенецъ убитый евреями; взято изъ французскихъ разсказовъ).—Сказка Чосера (Серъ Топазъ, каррикатура рыцарскаго романа и исторія Мелибеи, см. *infra* стр. 334).—Сказка монаха (величіе и паденіе Люцифера, Адамъ, Самсонъ, Геркулесъ, Навуходоносоръ, Валтазаръ, Зиновія, Петръ-Жестокій, Петръ Лузиньянскій, Барнабо Висконти, умершій въ 1385 г., Уголино, Неронъ, Олоферъ, Антіохъ, Цезарь, Крезъ).—Сказка капелана настоятельницы (Chanteclair; та же исторія въ Roman de Renart и въ Marie de France).

3-й день.—Ночлегъ въ Оспринжѣ, 46 миль.—Сказка доктора (Аппій и Вир-

Чосеръ не давалъ себѣ труда придумать ни одной изъ нихъ; онъ получилъ всѣ изъ разныхъ рукъ, но передѣлалъ ихъ на свой ладъ и приспособилъ къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Онѣ заимствованы у Франціи, Италіи и у древняго Рима; разсказъ рыцаря взятъ изъ Боккаччіо, а разсказы капелана и настоятельницы—подражаніе Рейнеке-Лисъ, сказка монаха взята изъ латинскихъ авторовъ и Данта, «великаго итальянскаго поэта». Мельникъ, судья, привратникъ и морякъ разсказываютъ очень грубыя исторіи; непристойность ихъ нѣсколько стѣсняетъ добраго Чосера, и онъ извиняется за нее: это говоритъ не онъ, а его дорожные спутники, и вдохновляетъ ихъ также не онъ, а соутваркское пиво; поэтому и осуждайте это пиво [1]). Нравы людей низшаго класса, ихъ грубыя любовныя приключенія, ихъ вражда и ревность списаны въ этихъ разсказахъ съ натуры. Въ нихъ мы видимъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгаетъ веселый Авессаломъ для того, чтобы понравиться женѣ плотника, предпочитающей Николая; онъ играетъ у нея подъ окнами на музыкальномъ инструментѣ, дѣлаетъ ей незначительные подарки, заботится о своей одеждѣ и ерошитъ

гинія, по Титъ Ливію и Роману Розы; тотъ же разсказъ у Гоуэра).—Сказка исповѣдника (трое молодыхъ людей находятъ сокровище и убиваютъ одинъ другого, чтобы завладѣть имъ; старинная легенда, текста которой не было раньше *Cento Novelle antiche, nov. 82*).—Сказка Wife of Bath (молодой рыцарь, спасенный старой колдуньей, женится на ней и къ ней возвращается молодость; та же исторія есть у Гоуэра: histoire de Florent, и у Вольтера: «*Что нравится дамамъ*»).—Сказка «Брата» (привратникъ, котораго уноситъ дьяволъ, легенда, встрѣчающаяся нѣсколько разъ раньше Чосера).—Сказка епископскаго привратника, *sompnour* (нищенствующій братъ, дурно принятый умирающимъ; грубая легенда, находящаяся въ *Til Ulespiegle*).—Сказка оксфордскаго клерка (Гризелида, съ латинскаго разсказа Петрарки послѣдней сказки *Dacaméron*).—Сказка купца (исторія обманутаго старца: Janvier, May, Damien, легенда, которая имѣетъ нѣсколько версій и находится у Боккаччіо VII, *9*, и у Лафонтена, II, 7).

4-й день.—Ночлегъ въ Кентербери, 56 миль.—Сказка оруженосца (неоконченная исторія татарскаго короля Камбизкана, восточная легенда неизвѣстнаго происхожденія).—Сказка ленника, franklin (Орелій старается войти посредствомъ чародѣйства въ милость къ Доригенѣ, пользуясь отсутствіемъ Арвирагуса; происходитъ въ Пенмаркѣ, въ Бретани, тотъ же разсказъ въ *Filocopo* Боккаччіо и въ Décaméron, X, 5).—Сказка 2-й монахини (исторія святой Цециліи, переведенная изъ *Золотой легенды*).—Сказка слуги каноника (плутни алхимика).—Сказка эконома, *mancíple* (ворона доказываетъ Фебу, что онъ обманутъ, взята изъ Овидія и находится также у Гоуэра).—Сказка кюрэ, *parson* (проповѣдь, извлеченная изъ *Суммы Пороковъ и Добродѣтелей* брата Лорана, 1279).

Группировкой сказокъ и распредѣленіемъ ихъ по днямъ обязаны Брэдшоу и Фурнивалю. Смотри *Temporary preface* этого послѣдняго къ *Six text edition of Chaucer's Canterbury tales*, 1868, Chaucer Society.

[1]) Общій прологъ, стихъ 725 и слѣд. *Prologue of the Miller*, стихъ 3171 и слѣд.

себѣ волосы подъ колпакомъ [1]); если на церковной площади играютъ въ праздничный день мистерію, онъ беретъ на себя роль Ирода: нельзя устоять противъ такого выдающагося лица. Но Элизонъ, тѣмъ не менѣе, не уступаетъ, не изъ добродѣтели, а потому, что предпочитаетъ Николая. Ей нѣтъ нужды прибѣгать къ громкимъ фразамъ для того, чтобы отклонить любезности Авессалома; въ деревнѣ на этотъ счетъ не церемонятся: «Убирайся прочь, не то я пущу въ тебя камнемъ» [2]). Въ такого рода исторіяхъ, удары сыплются градомъ, и дѣйствующія лица уходятъ, причемъ «спины ихъ такъ же мягки, какъ животы», какъ говорится въ одномъ изъ разсказовъ, вдохновившихъ Чосера [3]).

На ряду съ этими крупными и шумными сценами превосходно наблюдены и великолѣпно разсказаны мелкія домашнія сцены, способныя соблазнить кисть голландскаго художника; напримѣръ, описаніе таинственной лабораторіи обманывающаго алхимика, который вмѣстѣ съ тѣмъ самъ обманывается и, окруженный ретортами, въ прожженной и изорванной одеждѣ, ищетъ философскій камень. Здѣсь грѣютъ, принимаютъ предосторожности и взбалтываютъ смѣсь; «вдругъ горшокъ разрывается и прощай, все погибло». Тогда начинаются споры: это вина горшка, огня, металла; я такъ и думалъ; я это всегда говорилъ. Теперь начнемъ съизнова [4]).

Или, вотъ еще изображеніе корыстныхъ посѣщеній, съ которыми нищенствующее монашество является къ умирающимъ. Входитъ низменный, пошлый и лицемѣрный братъ: «Благословеніе Господне на васъ; здорово, другъ мой Ѳома». Онъ снимаетъ свой мѣшокъ, шляпу и ставитъ палку; хочетъ сѣсть, но на скамьѣ сидитъ кошка, онъ сгоняетъ ее на полъ и усаживается; хозяйка суетится, онъ не останавливаетъ и даже поощряетъ ее. Что бы онъ скушалъ? О! почти ничего, развѣ куриную печонку да жареную свиную голову, что-нибудь самое

---

[1]) To kempte hise lokkes brode and made him gay
Milleres tale, стихъ 3374,

[2]) Go forth thy wey, or I wol caste a ston.
Ibid.. стихъ 3712.

[3]) *Gombert et les deux clercs*, въ Originals and *analogues*, Chaucer Society.

[4]) *Chanouns Yemannes tale. Complete Works*, t. IV, стр. 537 и слѣд. Алхимикъ, каноникъ и его помощникъ догоняютъ богомольцевъ дорогой. Они прибавлены уже позже къ группѣ разсказчиковъ. Противъ обыкновенія Чосера, въ его сатирѣ на алхимиковъ видно такъ много злобы, что можно предположить, что это прибавленіе вызвано какой-нибудь личной неудачей поэта, который, будучи дѣйствительно тогда безъ денегъ, могъ быть одураченъ какимъ-нибудь шарлатаномъ подъ предлогомъ обогащенія; тутъ видна уже не насмѣшка, а настоящее отвращеніе.

легкое; онъ «питается Библіей», и у него «никуданегодный желудокъ». Онъ обращается къ больному съ длиннымъ и корыстнымъ увѣщаніемъ, изобилующимъ латинскими словами, въ которомъ ежеминутно повторяется глаголъ «давать»: главнымъ образомъ, не давайте ничего другимъ, а дайте мнѣ; дайте моему монастырю и не давайте ничего сосѣднему; «признайтесь, что вамъ хотѣлось бы пользоваться нашими молитвами даромъ» [1]); платите, давайте, дайте мнѣ вотъ то или только это, дай, Ѳома, хоть что-нибудь.

Такія же правдивыя домашнія сцены, но болѣе пріятнаго стиля встрѣчаются и въ другихъ разсказахъ; напримѣръ, въ исторіи пѣтуха *Chanteclair* (свѣтлопѣвецъ), такъ ярко обрисованной въ немногихъ словахъ, въ сторонкѣ, въ зеленѣющемъ деревенскомъ уголкѣ: «Одна женщина, вдова, истощенная годами, жила когда-то въ бѣдной хижинѣ, подъ сѣнью высокихъ деревьевъ, въ небольшой долинѣ». Описанъ ея хлѣвъ и птичій дворъ; слышно мычанье коровъ и пѣніе пѣтуха; тонъ мало-по-малу повышается и доходитъ до герои-комическаго стиля. Пѣтухъ *Chanteclair* «пѣлъ болѣе веселымъ голосомъ, чѣмъ самый веселый органъ», время онъ указывалъ «вѣрнѣе, чѣмъ башенные часы аббатства»; гребешокъ его былъ «красенъ, какъ кораллъ, и зубчатъ, какъ стѣна замка». Клювъ у него былъ черный, когти бѣлые, а ноги синія; онъ царилъ безспорно надъ курицами птичьяго двора: одна изъ курицъ была его любимицей, а остальныя играли второстепенную роль. Въ одинъ прекрасный день, «исторія эта такъ же достовѣрна, какъ исторія Лансело дю-Лакъ, — онъ гонялся за бабочкой, *a boterflye*, и кого же онъ вдругъ видитъ, лисицу! «Кокъ, кокъ!»—кричитъ онъ, подпрыгивая, и хочетъ убѣжать. «Зачѣмъ же бѣжать, прелестный вельможа,—говоритъ добрая лиса,—неужели вы боитесь своего друга? Я пришла только за тѣмъ, чтобы послушать вашего пѣнія», у васъ наслѣдственный талантъ; «милордъ вашъ батюшка пѣлъ такъ прекрасно! Но вы поете еще лучше его». Чтобы спѣть еще лучше, пѣтухъ зажмуриваетъ глаза и ли-

---

[1]) A! yif that covent half a quarter otes!
A! yif that covent four and twenty grotes!
A! yif that frere a peny and let him go...
Thomas, of me thou shalt nat ben y-flatered,
Thou woldest han our labour al for nought.

Somnours tale, стихъ 1963 и сл. Сравнить этотъ характеръ съ характеромъ брата сборщика у Дидро. Братъ «приходилъ къ намъ въ деревню въ каждое время года просить яицъ, шерсти, плодовъ, пеньки». Братъ Жанъ не пройдетъ по улицамъ безъ того, чтобы отцы, матери и дѣти не кричали ему: здравствуйте, братъ Жанъ; какъ вы поживаете, братъ Жанъ? Онъ увѣренъ, что когда онъ входитъ въ домъ, вмѣстѣ съ нимъ входитъ и благословеніе неба.. «*Jacques le fataliste et son Maître*, изд. *Asseline*, стр. *46*.

сица уноситъ его. Прискорбное событіе! это случилось въ пятницу: такъ всегда случается по пятницамъ. «О Жоффрей (де-Виньсофъ), несравненный учитель! который оплакивалъ такъ жалобно смерть храбраго короля Ричарда, когда стрѣла пронзила его, почему я не обладаю твоимъ языкомъ и твоимъ краснорѣчіемъ, чтобы опозорить пятницу, какъ это сдѣлалъ ты» [1]). На птичьемъ дворѣ сильное волненіе и прелестная, оживленная картина: «Лиса! лиса!» люди кричатъ, ревутъ, бѣгутъ, собаки лаютъ, «корова и теленокъ пустились бѣжать, за ними бѣгутъ свиньи» [2]), утки кричатъ, «гуси летаютъ со страха выше деревьевъ»; и пчелы выбираются изъ ульевъ. Плѣнника освобождаютъ, онъ будетъ впередъ осторожнѣе; и во владѣніяхъ Chanteclair'a снова возстановляется порядокъ.

На ряду съ этой исторіей изъ царства животныхъ, помѣщаются изящныя исторійки «Круглаго Стола», заимствованныя изъ «сказокъ любезныхъ бретонцевъ», которыя переносятъ насъ въ «добрыя, старыя времена короля Артура», когда «царица волшебницъ танцуетъ съ своей веселой свитой на зеленыхъ лугахъ [3])»; восточныя легенды, которыя намъ разсказываетъ молодой оруженосецъ, съ чародѣйствомъ, волшебными зеркалами и мѣднымъ конемъ, который переноситъ своего всадника туда и сюда по воздуху, смотря по тому, куда повернутъ пружинку, помѣщающуюся у него въ ушахъ—предокъ Шевійляра-легкаго (быстраго) (Chevillard-le-Léeger), на которомъ ѣздилъ Донъ-Кихотъ; трагическія біографіи Аппія и Виргиніи, Цезаря, Нерона, Олоферна. Уголино въ голодной башнѣ и всѣ разсказы, заимствованные изъ римской исторіи, изъ библіи и у Данта; потомъ рыцарскія приключенія, въ которыхъ участвуетъ Тезей, герцогъ Аѳинскій и гдѣ кровь льется ручьями, со всѣми отступленіями и украшеніями, которыя все еще нравились вельможамъ и дамамъ; поэтому исторія разсказывается ры-

---

[1]) O Gaufred, dere mayster soverayn,
That, whan the worthy king Richard was slayn
With shot, compleynedest his deth so sore,
Why ne had I now thy sentence and thy lore.
The friday for to chide, as diden ye?
Complete Works, t. IV, p. 285.

Относительно Жоффрея-де-Виньсофъ и Ричарда, смотри *supra*, кн. II, стр. 187.

[2]) Стихъ такъ же силенъ, какъ у Лафонтена.
Ran cow and calf, and eek the verray hogges (стихъ 4575).

[3]) In tholde dayes of the kyng Arthour
Of which that Britons speken greet honour,
Al was this land fulfild of fayerye;
The elf queen, with hir joly companye,
Daunced ful oft in many a grene mede.
Начало *Wyf of Bathe's tale*, Skeat, t. IV, стр. 345.

царемъ,и Чосеръ оставляетъ въ ней нарочно всѣ недостатки, свойственные такого рода разсказамъ: въ противоположность другимъ своимъ исторіямъ, онъ довольствуется только тѣмъ, что нѣсколько оживляетъ миніатюры рукописи [1]).

Личности, серьезныя и сосредоточенныя, разсказываютъ благочестивыя исторіи, напоминающія духовные стихи или проповѣди, освѣщенныя свѣтомъ цвѣтныхъ церковныхъ оконъ, пропитанныя запахомъ ладана и сопровождаемыя звуками церковнаго органа: исторію благочестивой Констанціи, святой Цециліи, младенца, убитаго евреями, разсужденія госпожи Прюдансъ [2]) (крайне скучный разсказъ, который Чосеръ скромно приписываетъ самому себѣ), исторію терпѣливой Гризелиды и рѣчи бѣднаго кюре. Мы были сейчасъ въ трактирѣ, а теперь входимъ въ церковь; въ средніе вѣка любили рѣзкія краски и сильныя противоположности. Блеклыя краски, вошедшія потомъ въ моду, кремъ, лиловатый и блѣднорозовый цвѣта, не приводили никого въ умиленіе, и мы знаемъ, что Чосеръ, будучи пажомъ, носилъ великолѣпный костюмъ, у котораго одна нога была черная, а другая красная; смѣхъ былъ неудержимый и раскатывался рикошетомъ до безконечности; отчаяніе было безмѣрно; недоставало именно чувства *мѣры*, внесеннаго потомъ эпохою возрожденія. Панегирики и сатиры доводились обыкновенно до крайности. Привычка къ логическимъ построеніямъ, распространенная посредствомъ схоластическаго образованія между учеными, оказала здѣсь свое вліяніе: берутъ отдѣльно какое-нибудь обыкновенное качество и начинаютъ разсуждать о немъ, пренебрегая всѣмъ остальнымъ; такимъ образомъ Гризелида превращается въ терпѣніе, а Яникола въ бѣдность, и съ помощью легкаго и едва замѣтнаго перехода вырабатываются отвлеченныя личности для романовъ и театра, какъ напримѣръ: робость, мужество, порокъ. Всѣ эти типичныя существа, одно имя которыхъ приводитъ насъ въ трепетъ, казались вполнѣ естественными;

---

[1]) Напримѣръ: описаніе молодой дѣвушки, которая сбираетъ на зарѣ въ саду цвѣты около башни (стихъ 191 и сл.). Эта миніатюра въ стихахъ.

[2]) Подражаніе *Liber Consolationis et Consilii* d'Albertano de Brescia (изд. Thor Sundby, Londres, *Chaucer Society*, 1873), написанное около 1246 года,—произведеніе, пользовавшееся большой популярностью и переведенное на французскій (нѣсколько разъ), итальянскій, нѣмецкій и голландскій языки. Французскій текстъ въ *ms. Reg.* 19, C. VII, въ British Museum: «Одинъ юноша по имени Мелибей, богатый и могущественный имѣетъ жену по имени Прюдансъ (Prudence) и отъ этой жены имѣетъ дочь. Случилось разъ... «A young man»—говоритъ Чосеръ, сказка котораго написана также прозой: — «called Melibeus, mighty and riche, bigat upon his wyf, that called was Prudence, a doghter which that called was Sophie. Upon a day befel»... *Works*, Skeat, t. IV, p. 119. Французскій разсказъ былъ напечатанъ въ *Ménagier de Paris* (около 1393 года). Парижъ, 1846, 2 т. 8°, T. I, стр. 186.

онѣ дѣйствительно походили, какъ двѣ капли воды, на Гризелиду, Яниколу и на многихъ другихъ героевъ, извѣстныхъ всѣмъ разсказовъ.

Доказательствомъ этому можетъ служить успѣхъ Гризелиды. Эта бѣдная дѣвушка, вышедшая за маркиза Салюса, который, для того, чтобы испытать ея терпѣніе, сначала прогоняетъ ее, а потомъ возвращаетъ ей ея мѣсто супруги, пользовалась громадной популярностью. Боккаччіо разсказалъ ея несчастія въ *Декамеронѣ*; исторія эта показалась Петрарку такой прекрасной, что онъ нашелъ ее достойной высшей чести: быть переведенной на латинскій языкъ. Чосеръ перевелъ ее съ латинскаго на англійскій языкъ и сдѣлалъ изъ нея сказку оксфордскаго клерка [1]). Она была переведена нѣсколько разъ по французски [2]). Пинтуриччіо изобразилъ приключенія Гризелиды въ цѣломъ рядѣ картинъ [3]). Исторія ея служила сюжетомъ для пьесъ въ Италіи, во Франціи и въ Англіи [4]). Содержаніе ея было способно тронуть

[1]) Въ противоположность большинству другихъ сказокъ, эта написана въ любимыхъ строфахъ Чосера по семи стиховъ, рифмующихъ a b a b b c c.

[2]) Она существуетъ также въ *Ménagier de Paris* (около 1393), авторъ которой объявляетъ, что онъ хочетъ «привести примѣръ, который былъ уже раньше переведенъ Франческо Петраркой, увѣнчаннымъ въ Римѣ поэтомъ» (Ménagier, t. I, стр. 99). Она же включена въ исторію Мелибеи, ms. Reg. 19, C. VII, въ British Museum, листъ 140. Другой переводъ былъ напечатанъ около 1470: *La Patience Grisélidis, marquise de Saluces*, Paris, 4°, etc. Въ царствованіе Людовика XIV, Перро переложилъ *Гризелиду* на французскомъ языкѣ въ стихи: *La Marquise de Saluces ou la Patience de Grisélidis.* Paris, 1691, 12°. Во всѣхъ странахъ множество балладъ было посвящено Гризелидѣ; одна изъ англійскихъ балладъ пользовалась большой популярностью; множество дошедшихъ до насъ различныхъ балладъ, въ Англіи, пѣли «на мотивъ терпѣливой Гризелиды». Сравнить съ этимъ стариннымъ сюжетомъ: *The modern Griselda*, повѣсть миссъ Эджворсъ и *la Grisélidis* Армана Сильвестра, драму въ стихахъ, игранную въ театрѣ Французской Комедіи въ 1892, но которая походитъ только заглавіемъ и терпѣньемъ героини на Гризелиду Чосера.

[3]) Хранящіяся въ Лондонской національной галлереѣ.

[4]) «Исторія Гризелиды, маркизы de Saluces, передѣланная въ лицахъ» была издана въ Парижѣ въ 1395 г. Въ Италіи, Апостоло Зено написалъ въ 1620 г. на этотъ сюжетъ оперу; въ Германіи Гансъ Саксъ передѣлалъ въ 1550 г. эту исторію въ драму. Въ Англіи, знаменитый ростовщикъ Хенслой, выдаетъ 15 декабря 1599, три фунта Деккеру, Чэтлю и Хойтону, подъ ихъ *Pleasant comodie of Patient Grissil*, напечатанную въ 1603, и перепечатанную *Shakespeare Society, въ 1841 г.* Авторы были, должно быть, знакомы съ французской пьесой (которую напечаталъ Бонфонъ около 1550 г.: Le Mystère de Grisélidis), сюжетъ ея такъ же, какъ и въ нашей драмѣ—измѣненъ; число дѣйствующихъ лицъ увеличено пастухами, охотниками и т. д. что вноситъ много оживленія и разнообразія. Англійская пьеса несравненно лучше всѣхъ остальныхъ, написанныхъ на этотъ сюжетъ (роль остроумной Жюліи, сестры маркиза, Лорео, бѣднаго студента—брата Гризелиды, который гордъ на столько же, насколько она смиренна, и т. д.).

сердце; надъ ней плакали въ четырнадцатомъ вѣкѣ такъ же, какъ плакали надъ Клариссой въ восемнадцатомъ. Петрарка, писавшій Боккаччіо по поводу Гризелиды, употребляетъ почти тѣ же самыя выраженія, что и леди Бредсхей, въ своемъ письмѣ Ричардсону по поводу Клариссы.

«Еслибы вы видѣли меня,—говоритъ эта дама,—то, конечно, пожалѣли бы меня. Предоставленная самой себѣ въ моей смертельной тоскѣ, я оставляла книгу, снова брала ее, ходила по комнатѣ и проливала потоки слезъ; осушивъ глаза, я принималась снова за чтеніе;—но прочитавъ не больше трехъ строкъ, бросала книгу, восклицая: простите меня, мой добрый г. Ричардсонъ, я не могу больше читать, и въ этомъ виноваты вы, потому что зашли дальше, чѣмъ я могу вынести» [1]).

«Я далъ прочесть эту исторію», пишетъ Петрарка «одному изъ нашихъ общихъ друзей въ Падуѣ, человѣку съ возвышеннымъ умомъ и обширнымъ знаніемъ. Едва дочитавъ до половины, онъ вдругъ остановился, задыхаясь отъ слезъ; минуту спустя, оправившись, онъ взялъ ее снова въ руки, чтобы продолжать чтеніе, но и во второй разъ рыданія прервали его голосъ. Онъ объявилъ, что не можетъ продолжать и поручилъ одному очень образованному лицу, сопровождавшему его, докончить чтеніе» [2]). По всей вѣроятности, около того же времени, Петрарка, любившій возобновлять этотъ опытъ, какъ это видно изъ того же письма, далъ прочесть этотъ разсказъ англійскому поэту и посланнику, пріѣхавшему посѣтить его въ уединеніи и Чосеръ, чувствуя себя поэтому менѣе свободнымъ, чѣмъ въ своихъ остальныхъ разсказахъ, не перемѣнилъ почти ничего въ текстѣ Петрарка. У него, такъ же какъ и у его образца, Гризелида олицетворяетъ собой терпѣніе; все принесено въ жертву этой добродѣтели; Гризелида не жена и не мать; она только терпѣливая супруга—терпѣніе, олицетворенное въ супругѣ. У нея отнимаютъ дочь, для того, говорятъ ей, чтобы убить ее по приказанію маркиза. Пусть будетъ такъ, отвѣчаетъ Гризелида и позволяетъ себѣ, однако, попросить, чтобы похоронили «маленькій трупикъ такъ, чтобы онъ былъ защищенъ отъ птицъ и звѣрей», если однако «мой повелитель не рѣшилъ поступить иначе» [3]). Всѣ этимъ восторгаются

---

[1]) 11 января 1749 г., Correspondence of Samuel Richardson, éd. Barbauld, Londres, 1804, 6 vol. 12°, t. IV, p. 240.

[2]) Develay, *Lettres de Pétrarque à Boccace*, Paris, 1891, 8°, p. 283.

[3]) «Goth now, quod she, and dooth my lordes heste;
But o thing wil J preye yow of your grace,
That, but my lord forbad, yow, atte liste,
Burieth this litel body in som place,
That bestes ne no briddes it to-race».

и умиляются. Ей даже не приходитъ въ голову мысль умолять мужа, броситься къ его ногамъ и тронуть его; она вышла бы тогда изъ своей роли, которая заключается въ томъ, что бы быть не матерью, а терпѣніемъ.

Чосеръ оставилъ свой сборникъ сказокъ неоконченнымъ; у насъ нѣтъ и половины его; но то, что мы имѣемъ, достаточно для того, чтобы судить о немъ. Обозрѣвая этотъ рядъ разнообразныхъ разсказовъ, ясно видно, какимъ даромъ наблюдательности, пониманія и какой симпатіей онъ обладалъ,—видно его умѣнье вывести на сцену своихъ дѣйствующихъ лицъ, и какъ искусно подобраны эти дѣйствующія лица для того, чтобы представить собой всю современную Англію. Поэтъ является въ нихъ полнымъ сердечности и въ то же время здраваго смысла. Онъ понималъ, что его благочестивые разсказы, необходимые для полноты изображенія, грѣшатъ однообразіемъ и преувеличеніемъ добрыхъ чувствъ. Давая имъ мѣсто въ своемъ сборникѣ, онъ является сыномъ своей эпохи и помогаетъ намъ познакомиться съ ней; но нѣкоторыя насмѣшливыя замѣчанія, встрѣчающіяся мѣстами, доказываютъ, что онъ стоитъ выше своего времени и что, не смотря на свои длинныя разсужденія и отступленія, у него есть вещь очень рѣдкая для того времени—нѣкоторое понятіе, по крайней мѣрѣ въ теоріи, о необходимости знать мѣру. Онъ даетъ свободу говорить своимъ героямъ, но не позволяетъ имъ дурачить себя; онъ такъ мало одураченъ ими, что иногда не выдерживаетъ и прерываетъ ихъ, или смѣется надъ ними въ глаза. Такъ онъ смѣется надъ скучной Констанціей, вечеромъ въ день ея свадьбы, показываетъ, какъ его спутники начинаютъ дремать, убаюканные мѣрнымъ шагомъ своихъ лошадей и торжественными звуками исторій, разсказываемыхъ монахомъ, и не засыпаютъ крѣпкимъ сномъ, только благодаря звону бубенчиковъ. Онъ заставляетъ трактирщика прервать самого себя въ то время, когда онъ разсказываетъ въ стихахъ «rym dogerel», чтобы поднять на смѣхъ рыцарскіе романы, военныя хитрости и удивительныя приключенія несравненнаго сэра Топаза [1]). Раньше чѣмъ мы могли

But he no word wol to that purpos seye,
But toork the child and wente upon his weye (vers 568).

[1]) Listeeth, lordes, in good entent
And J wol telle verrayment
Of mirthe and of solas,
Al of a knyght was fair and gent,
In bataille and in torneyment;
His name was Sir Thopas.

Sir Thopas, t. IV, p. 190. Карикатура, изображенная Чосеромъ, чрезвычайно вѣрна; многіе народные романы были написаны въ такомъ стилѣ и

бы прошептать слово: «невѣроятно» онъ уже предупреждаетъ насъ, что времена Гризелиды миновали и что они не существуютъ въ наше время. Когда путешественники приближаются къ Кентербери, онъ понимаетъ, что заключеніе должно быть сдѣлано въ болѣе серьезной формѣ и даетъ слово кюре, а тотъ объявляетъ имъ заранѣе, что его рѣчь будетъ проповѣдью, настоящей проповѣдью съ текстами изъ священнаго писанія: «Incipit sermo» стоитъ въ одной изъ его рукописей. Онъ будетъ говорить, какъ въ церкви, прозой: «Зачѣмъ я буду сѣять плевелы, когда могу сѣять пшеницу?» Всѣ соглашаются, и только послѣ предварительнаго одобренія своихъ спутниковъ, сдѣлавшихся гораздо серьезнѣе при приближеніи къ святому городу, онъ начинаетъ свое обширное «разсужденіе» для ихъ душевнаго спасенія. Грубая исторія, разсказанная мельникомъ, извиняется личностью дѣйствующаго лица и обстановкой; дѣйствующее лицо было неучъ, и случай способствовалъ тому, что онъ находился въ пьяномъ видѣ; теперь дѣйствующимъ лицомъ является святой, и обстоятельства сложились такимъ образомъ, что именно въ это время приближаются къ цѣли богомолья.

Здравый смыслъ, заставляющій Чосера дать Кентерберійскимъ сказкамъ распредѣленіе, сообразное съ разсудкомъ и естественностью, составляетъ одно изъ выдающихся достоинствъ поэта. Оно проглядываетъ какъ въ мелочахъ, такъ и въ общемъ, и внушаетъ ему, посреди его самыхъ фантастическихъ разсказовъ, успокоительныя замѣчанія, которыя показываютъ намъ, что мы недалеко отъ земли и дѣйствительной жизни и не рискуемъ упасть съ облаковъ. Онъ упоминаетъ очень кстати, что существуетъ благородство, стоящее выше всѣхъ другихъ и которое нельзя завѣщать въ наслѣдство; что испорченные образцы какого-нибудь общественнаго класса не должны заставлять насъ осуждать весь классъ: «Of every ordre som shrewe is, parde»; и что въ воспитаніи дѣтей нужно остерегаться обращаться съ ними слишкомъ рано, какъ съ взрослыми; что если ихъ водятъ раньше времени на праздники, они становятся наглыми, «to sone yure and bold... wich is ful perilous» [2]). Онъ выражается очень свободно о великихъ военачальникахъ, которыхъ можно было бы назвать «разбойниками», если бы они сдѣлали меньше вреда. Эта послѣдняя мысль выражена въ нѣсколькихъ стихахъ съ такимъ чисто англійскимъ юморомъ, что они невольно напоминаютъ Свифта и Фильдинга; и дѣйствительно Фильдингъ приходитъ тѣмъ болѣе въ

стихотворенія, въ «yum dogerel», какъ называетъ трактирщикъ *(Prologue to Melibeus)*, сильно распложались. См. *infra*, стр. 354.

[3]) *The Phisiciens* tale, vers 68.

голову; что онъ посвятилъ развитію совершенно того же тезиса [1]) весь свой романъ *Jonathan Wild-le-Grand*.

Наконецъ, тому же здравому смыслу Чосера обязаны еще одной замѣчательной вещью: тѣмъ, что при своемъ знаніи латинскаго и французскаго языковъ, живя въ средѣ, въ которой оба эти языка пользовались большой благосклонностью, онъ писалъ единственно только на англійскомъ языкѣ; его проза, стихи, трактатъ объ астролябіи, также какъ и его сказки, написаны всѣ по-англійски. Онъ принадлежитъ къ англійской націи и, въ силу этого, пишетъ на англійскомъ языкѣ; этого для него достаточно. «Развѣ благородное племя писателей Греціи не довольствовалось греческимъ языкомъ? А развѣ арабы не довольствовались арабскимъ, евреи — еврейскимъ и римляне латинскимъ языкомъ?» И такъ, Чоссръ употребляетъ чисто англійскій языкъ, «naked wordes in english», языкъ національный, «англійскій королевскій языкъ»,—«the king that is lord of this langage» [2]). Онъ употребляетъ его, какъ онъ дѣйствительно и дѣлалъ, для того, чтобы вѣрно передавать свои мысли, а никакъ не для того, чтобы скрашивать ихъ; онъ ненавидитъ переодѣванья и боготворитъ истину; онъ требуетъ наивозможно близкаго отношенія между словами и предметами: «слова должны быть двоюродными братьями фактовъ». [3]).

Благодаря такому благоразумію, Чоссръ не исчерпываетъ свои силы въ безплодныхъ стремленіяхъ достигнуть невозможныхъ реформъ и идти противъ теченія. Въ наше время ему ставили это въ упрекъ, и нѣкоторые, изъ любви къ англо-саксонцамъ, негодовали на Чосера за множество употребляемыхъ имъ французскихъ словъ: зачѣмъ онъ не вернулся къ началу языка? Но Чоссръ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, какъ говоритъ Мильтонъ, запираютъ ворота своего парка, чтобы не дать вылетѣть воронамъ. Онъ употреблялъ народный языкъ въ

---

[1]) ...For the tirant is of gretter might
By force of meynee for to sleen doun-right,
And brennen hous and hoom, and make al playn,
Lo, therfor is he cleped a capitain;
And, for the outlawe hath but smal meynee
And may nat doon so greet an harn as he,
Ne bringe a contree to so greet mescheef,
Men clepen him an outlawe or a theef.

Maunciples tale, vers 227, t. IV, p. 562. Cf. le romen de Fieling, *The life of Mr. Jonathan Wild the Great*, 1743.

[2]) *A treatise on the Astrolabe, addressed to his son Lewys by Geoffrey Chaucer*, ed. Skeat, *Chaucer Society*, 1872, 8°, p. 2 (съ гравюрами).

[3]) The wordes mote be cosin to the dede.

Общій прологъ къ *сказкамъ*, стихъ 742.

томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ то время; количество употребляемыхъ имъ французскихъ словъ у него не больше, чѣмъ у множества его современниковъ; употребляемыя имъ слова были живы и плодородны, такъ какъ они и ихъ семейства живутъ и до сихъ поръ; пропорція исчезнувшихъ словъ замѣчательно мала, если принять во вниманіе истекшее время. Что же касается англо-саксонцевъ, то и въ немъ такъ же, какъ и во всей націи, сохранилась частица ихъ сосредоточеннаго и могучаго духа; но не его вина, если онъ, при всемъ желаніи, не зналъ своихъ предковъ; въ его время ихъ никто не зналъ, ни даже самые мыслители, въ которыхъ жилъ сильнѣе, чѣмъ въ комъ-либо, духъ древней германской расы. Традиція была разрушена; литературное прошлое доходило до завоеванія, а затѣмъ перескакивали разомъ къ «любезнымъ бретонцамъ добраго стараго времени». Въ своемъ перечисленіи знаменитыхъ бардовъ, Чосеръ отводитъ мѣсто Орфею, Оріону и «Брэту» Глоскеріона, но Сайнвельпа онъ не знаетъ. Точно такъ же вдохновляется для своихъ пьесъ національнымъ прошлымъ и Шекспиръ; онъ восходитъ до времени Двухъ Розъ, до Плантагенетовъ, до времени великой хартіи и, перескочивъ черезъ періодъ англо-саксонцевъ, обращается къ бретонцамъ за исторіями Лира и Цимбелина.

Блескъ, съ которымъ Чосеръ употреблялъ этотъ новый языкъ, слава, установившаяся непосредственно за его произведеніями, и его манера приспособить англійскій языкъ какъ къ самымъ возвышеннымъ, такъ и къ самымъ низменнымъ предметамъ, обезпечили за этимъ языкомъ его окончательное мѣсто въ средѣ главнѣйшихъ литературныхъ языковъ. Еще во время Чосера англійскій языкъ склонялся къ распаденію на нарѣчія, такъ же какъ во времена завоеванія государство клонилось къ раздѣленію на области. Это было извѣстно Чосеру и озабочивало его; его тревожили различія языка, правописанія и словаря; онъ сдѣлалъ все возможное для упорядоченія этихъ разногласій и имѣлъ на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленныя мысли; фантазіи переписчиковъ, вещь очень рѣдкая въ то время, приводили его въ трепетъ и лучшимъ доказательствомъ его вѣры въ будущность литературнаго англійскаго языка служатъ повторенія предостереженій, съ которыми онъ обращается къ читателямъ и писцамъ, которымъ придется читать вслухъ его поэмы или переписывать ихъ. Онъ ощущаетъ уже страхъ поэтовъ Возрожденія: «Дай Богъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ своей поэмѣ *Троилъ*,—чтобы никто не внесъ въ тебя фальшиваго стиха, по ошибкѣ пера или по ошибкѣ языка» [1]). Чосеръ пересматривалъ самъ списки, ко-

[1]) And for ther is so greet diversitee

торые дѣлалъ съ оригинальныхъ рукописей находившійся у него на жалованьѣ писецъ Адамъ; онъ исправляетъ аккуратно каждую ошибку, и обрекаетъ на всякія бѣдствія «scriveyn», если, переписывая снова *Боеція* или Троила, онъ оставляетъ въ нихъ столько ошибокъ [1]). Кажется, будто слышишь самаго Ронсара, умоляющаго своего читателя: «Я буду умолять тебя только объ одномъ, читатель: произноси какъ слѣдуетъ мои стихи и приноравливай голосъ къ ихъ страстямъ... и, кромѣ того, умоляю тебя еще возвышать голосъ тамъ, гдѣ ты увидишь этотъ значокъ, (!) чтобы придать больше прелести тому, что ты читаешь» [2]).

Усилія Чосера не были безплодны, они способствовали дѣлу сосредоточенія; послѣ него нарѣчія утратили свое значеніе, и національнымъ языкомъ сдѣлалось потомъ то, которое употреблялъ онъ,—нарѣчіе восточнаго центра, *East Midland*.

Стихъ его былъ также стихомъ новой литературы, явившейся вслѣдствіе согласованія старинной и новой просодіи. Повтореніе одинаковыхъ слоговъ, которое еще не умерло и которое еще продолжали употреблять въ его время, не нравится ему; шумъ этихъ погремушекъ кажется ему смѣшнымъ:

I can nat geste—rum, ram, ruf—by lettre [3]).

Смѣшна также въ его глазахъ и «rym dogerel» народныхъ романовъ, принадлежащихъ къ типу «sire Thopas». Стихъ его риѳмованный, съ опредѣленными ударѐніями и измѣняющимся количествомъ слоговъ. Почти всѣ его *сказки* написаны «героическими», пятистопными стихами, риѳмующими по два, одинъ за другимъ.

Тотъ же оптимистическій и спокойный здравый смыслъ, который внушилъ ему избрать языкъ своей страны и обычное стихосложеніе, который помѣшалъ ему противодѣйствовать слишкомъ сильно усвоеннымъ идеямъ, не допустилъ его, также изъ патріотизма, благочестія или гордости, дѣлать какіе-нибудь намеки

In English, and in writyng of our tonge,
So preye J God, that noon miswryte thee
Ne thee mysmetre for defaute of tonge,
And red wher-so thou be, or elles songe,
That thou be understonde, J God beseche!
Troilus, кн. V, стр. 257.

[1]) Чосеръ говоритъ своему переписчику Адаму:
But after my making thow wryte trewe.
So ofte a daye J mot thy werke renewe,
Hit to correcte and eek to rubbe and scrape;
And al is through ty negligence and rape.
Complete Works, Skeat, I, p. 379.

[2]) Предисловіе къ la *Franciade*,

[3]) *The Parson's Prologue*, vers 43.

на свою страну, религію или на его время. Онъ принадлежалъ къ нимъ, однако, больше, чѣмъ кто-либо, и любилъ и уважалъ ихъ, какъ никто. Удивительно безпристрастное сужденіе этого бывшаго плѣнника Франціи, превосходящее даже безпристрастіе Фруассара, который, будучи уроженцемъ средней части страны, былъ по рожденію безпристрастенъ, но съ возрастомъ, при пересмотрѣ своихъ хроникъ, обнаружилъ извѣстныя пристрастія: къ концу вѣка, какъ уроженецъ Лимузена или Сентонж'а, Фруассаръ явился представителемъ отторгнутыхъ и вновь возвращенныхъ областей.

Чосеръ же остается однимъ и тѣмъ же, съ начала до конца своей карьеры, и фактъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что складъ его ума, его вдохновеніе и его литературный идеалъ принимаютъ, по мѣрѣ того, какъ онъ старѣется, все болѣе и болѣе англійскій характеръ. Онъ остается безпристрастнымъ, или, лучше сказать, держится въ сторонѣ отъ распри, въ которой принималъ въ дѣйствительности участіе; въ его произведеніяхъ нѣтъ ни одного стиха, направленнаго противъ Франціи, и даже ни одной похвалы своей странѣ, въ которой она восхвалялась бы въ качествѣ нашего счастливаго соперника.

Поэтому Дешанъ, злѣйшій врагъ англичанъ, которые не только опустошили вообще страну, но еще въ частности сожгли его собственный загородный домъ, дѣлаетъ исключеніе въ своей ненависти и отдаетъ честь уму и геніальности «благороднаго Жоффрея Чосера», украшенію «царства Энея»—Англіи.

V.

Послѣдніе годы жизни Чосера были заняты редакціей Кэнторберійскихъ сказокъ. Онъ написалъ еще въ то же время въ прозѣ свой трактатъ объ астролябіи, для обученія сына своего Луи [1]), и нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній, произведеній грустнаго направленія, въ которыхъ онъ говоритъ о томъ, чтобы бѣжать отъ свѣта и толпы, проситъ короля помочь ему въ его нищетѣ и изъ которыхъ видно, что онъ замыкается въ себѣ, сосредоточивается и покоряется [2]).

---

[1]) *The Astrolabe* (1391) ed. Skeat, Chaucer Society, 1872, et Complete Works, III. Относительно Томаса Чосера, особы значительной, можетъ быть сына поэта, смотри Скита, *Complete Works*, I, p. XLVIII.

[2]) Именно: Truth или «Balade de bon conseyl», короткая поэма, полная энергіи и вѣры:

Fle fro the press, and dwelle with sothfastnesse;
Suffyce unto thy good, though hit be smalle...
Forth, pilgrim, forth! Forth, beste, out of thy stal!...

Лурбе, Жакъ. Женщина передъ судомъ современной науки. Перев. Е. А. Предтеченскаго.—Голубевъ, П. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края.—Производительныя силы Россіи. Сост. подъ общей редакц. В. И. Ковалевскаго.—Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографич. изслѣдованія. Т. I. . . . . 59—82

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНОМЪ БЛАГОСОСТОЯНІИ И ПОДАТНОЙ СИСТЕМѢ. **М. Слобожанина**. . . . . 83— 95

II. УСЛОВІЯ ПЕРЕЛЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ 1896 Г. **Мих. Григорова** . . . . . 95—107

III. СЪѢЗДЪ СИФИЛИДОЛОГОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. (Сифилисъ, какъ бытовая болѣзнь сельскаго населенія). **П. О.** . . . . . 107—118

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Ялты. (Земельный пролетаріатъ въ Крыму). **Г. З—ва.** — Изъ Пензы. (Грамотность въ гемеопатической дозѣ). **В. Быстренина.**—Изъ Якутска. (Къ вопросу о ссылкѣ въ Якутскую область). **Ф. К.**—Изъ Оренбургской губ. (Орское попечительство о народной трезвости). **Влад. П—аго.** . . . . . 118—136

15. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАУМОВЪ. **А. Скабичевскаго.** . . 137—156

16. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. **Куба и Критъ.**—II. **Интересы дня.** Полувѣковой прогрессъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.—Бразильскій мессія.—Фіаско неокатолицизма среди французской молодежи.—Допущеніе женщинъ въ англійскій парламентъ. — Слѣпая и глухая студентка въ Америкѣ.—Смерть Дю-Буа-Реймона. **В. Т.** . . . . . 157—176

17. О ПЕРЕПИСИ. (Замѣтка). **Н. О. Осипова.** . . . . . 177—185

18. ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. **С. К.** . . . . 186—203

19. ОБО ВСЕМЪ. **О. Барановой.** . . . . . 204—212

20. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ январѣ.

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

22. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана.** . . . . . 193—224

Новымъ подписчикамъ, приславшимъ подписку до 1 января 1897 г., при этой книжкѣ высылаются первые семь листовъ сочиненія Жюссерана «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ». (Прил. къ «Нов. Слову» 1895—1896 г.).

При этомъ № разсылается всѣмъ подписчикамъ объявленіе о новыхъ изданіяхъ О. Н. Поповой.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которою желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи»**.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе и на европейскую литературу, науку и жизнь.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западноевропейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » на полгода . . .	5 » — »
» » » на три мѣсяца . . .	2 » 50 »
» безъ пересылки на годъ	9 » — »
» съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородныхъ въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ**. Издательница **О. Н. Попова**.